Дюркгеймъ Э.

профессоръ социологіи

Самоубійство

СОЦІОЛОГИЧ. ЭТЮДЪ. ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО А. Н. ИЛЬИНСКАГО, ПОДЪ РЕДАКЦ. В. А. БАЗАРОВА; СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И БИБЛІОГРАФИЧЕСК. УКАЗАТЕЛЕМЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О САМОУБ
СТВѢ Д-
Г. И. ГОРДО

ИЗДАНІЕ ■
Н. П. КАРБ
НИКОВА ■
С.-ПЕТЕРБУ
■■ 1912

Многоуважаемому
Николаю Алексеевичу
Дубакину
Н. Карбасников

Э. ДЮРКГЕЙМЪ.

:: проф. соціологіи. ::

18/5 III 12 уск
Рб 37/34

САМОУБІЙСТВО.

Соціологическій этюдъ. ::

НЕ КОПИРОВАТЬ

Переводъ съ французскаго А. Н. Ильинскаго, подъ ред. В. А. Базарова; съ предисловіемъ и библіографич. указателемъ русской литературы о самоубійствѣ :: д-ра Г. И. Гордона. ::

:: Изданіе ::
Н. П. КАРБАСНИКОВА.
:: СПБ. 1912. ::

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

141260 — Типографія Акц. Общ. Тип. Дѣла въ СПб.,
7 рота 28.

2010516577

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Оглавленіе . . . . . III—XIV
Предисловіе къ русскому изданію д-ра Г. И. Гордона . . XV—XXIV
Библіографическій указатель русской литературы о самоубійствѣ . . . . . XXV—XXXII
Предисловіе автора къ французскому изданію 1

ВВЕДЕНІЕ.

I. Необходимо установить путемъ объективнаго опредѣленія предметъ изслѣдованія. Объективное опредѣленіе самоубійства. Оно предохраняетъ какъ отъ произвольныхъ изъятій, такъ и отъ ошибочныхъ сближеній: самоубійства животныхъ устраняются. Объективное опредѣленіе намѣчаетъ связь между самоубійствомъ и обычными формами поведенія. 9

II. Разница между самоубійствомъ, какъ индивидуальнымъ актомъ, и самоубійствомъ, какъ коллективнымъ явленіемъ. Соціальная норма числа самоубійствъ. Своимъ постоянствомъ и своей специфичностью она превосходитъ норму общей смертности 17

Соціальный процентъ самоубійствъ есть такимъ образомъ явленіе sui generis; оно-то и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

Общій библіографическій обзоръ 27

КНИГА I.

Факторы внѣ-соціальные.

ГЛАВА I.

Самоубійство и психопатическія состоянія.

Главные внѣ-соціальные факторы, способные имѣть вліяніе на соціальный процентъ самоубійствъ: индивидуальныя стремленія достаточной общности, состояніе физической среды 29

Стр.

I. Теорія, согласно которой самоубійство является лишь слѣдствіемъ сумасшествія. Два способа ея защиты: 1) самоубійство есть мономанія sui generis; 2) самоубійство есть явленіе, сопутствующее сумасшествію и встрѣчающееся исключительно въ связи съ этимъ послѣднимъ 30

II. Вѣрно ли, что самоубійство есть мономанія? Существованіе мономаній вообще уже болѣе не признается. Клиническія и психологическія основанія, противорѣчащія этой гипотезѣ. 32

III. Можно ли разсматривать самоубійство, какъ специфическое проявленіе сумасшествія? Сведеніе всѣхъ видовъ психопатическаго самоубійства къ четыремъ типамъ. Наличность вполнѣ разумныхъ самоубійствъ, не умѣщающихся въ эти рамки 37

IV. Но, быть можетъ, самоубійство, не будучи продуктомъ сумасшествія, находится въ тѣсной связи съ неврастеніей? Основанія, заставляющія думать, что неврастеникъ представляетъ наиболѣе распространенный среди самоубійцъ психологическій типъ. Необходимость точно установить, въ какой степени это условіе индивидуальнаго порядка вліяетъ на процентъ самоубійствъ. Методъ, ведущій къ этой цѣли: выясненіе вопроса, измѣняется ли процентъ самоубійствъ параллельно проценту сумасшествій. Отсутствіе всякой связи между колебаніями этихъ двухъ величинъ въ зависимости отъ пола, возраста, религіи, страны, уровня цивилизаціи. Чѣмъ объясняется это отсутствіе связи: неопредѣленность послѣдствій, къ которымъ приводитъ неврастенія. 46

V. Нѣтъ ли болѣе тѣснаго соотношенія между процентомъ самоубійцъ и процентомъ алкоголиковъ? Сопоставленіе процента самоубійствъ съ географическимъ распредѣленіемъ проступковъ, совершаемыхъ на почвѣ алкоголизма, помѣшательствъ алкоголическаго характера и потребленія алкоголя. Отрицательные результаты такого сопоставленія. . . 62

ГЛАВА II.

Самоубійство и нормальныя психическія состоянія. Раса. Наслѣдственность.

I. Необходимость опредѣлить понятіе расы. Единственнымъ ея признакомъ можетъ служить наличность унаслѣдованнаго типа; но въ такомъ случаѣ слово это принимаетъ совершенно неопредѣленный смыслъ. Необходимость величайшей осторожности въ обращеніи съ нимъ 70

Стр.

II. Три главныя расы, различаемыя Морселли. Весьма крупныя различія въ наклонности къ самоубійству среди славянъ, кельто-романскихъ народовъ и народовъ германскаго происхожденія. Одни только нѣмцы имѣютъ обыкновенно интенсивную склонность къ самоубійству, но они теряютъ ее внѣ предѣловъ Германіи.

Мнимая связь между числомъ самоубійствъ и высотою роста есть результатъ простого совпаденія. 74

III. Раса могла бы быть факторомъ самоубійства лишь въ томъ случаѣ, если бы это послѣднее представляло собой явленіе, кореннымъ образомъ наслѣдственное; недостаточность доказательствъ въ пользу этого наслѣдственнаго характера самоубійства: 1) частота случаевъ, приписываемыхъ наслѣдственности, не выяснена; 2) возможность другого объясненія; вліяніе маніи и подражанія. Соображенія, говорящія противъ существованія этого спеціальнаго вида наслѣдственности: 1) непонятно, почему женщины въ меньшей степени наслѣдуютъ наклонность къ самоубійству, чѣмъ мужчины; 2) измѣненіе процента самоубійствъ съ возрастомъ не согласуется съ этой гипотезой. 87

ГЛАВА III.

Самоубійство и космическіе факторы.

I. Климатъ не оказываетъ на самоубійство никакого вліянія. 104

II. Температура. Сезонныя колебанія числа самоубійствъ; ихъ общность. Попытки итальянской школы объяснить ихъ вліяніемъ температуры. 106

III. Спорныя представленія о характерѣ самоубійства, лежащія въ основѣ этой теоріи. Изслѣдованіе фактовъ; вліяніе чрезмѣрныхъ жаровъ или чрезмѣрныхъ холодовъ ничего не доказываетъ; отсутствіе связи между процентомъ самоубійствъ и сезонной или мѣсячной температурой; самоубійства рѣдки въ большинствѣ жаркихъ странъ.

Гипотеза, согласно которой лишь первыя жары оказываютъ въ данномъ случаѣ вредоносное дѣйствіе. Она не согласуется: 1) съ непрерывнымъ характеромъ кривой самоубійствъ какъ на восходящей, такъ и на нисходящей вѣтви, 2) съ тѣмъ фактомъ, что первые холода, которые должны бы были оказывать то же самое вліяніе, въ дѣйствительности никакого вліянія не оказываютъ 110

Стр.

IV. Каковы же дѣйствительныя причины сезонныхъ колебаній числа самоубійствъ? Полный параллелизмъ между мѣсячными колебаніями числа самоубійствъ и измѣненіями долготы дня; подтвержденіемъ ему служитъ тотъ фактъ, что самоубійства всегда совершаются днемъ. Источникъ этого параллелизма: дѣло въ томъ, что въ теченіе дня соціальная жизнь достигаетъ своего полнаго напряженія. Объясненіе это подтверждается тѣмъ фактомъ, что самоубійство достигаетъ максимума въ тѣ дни и часы, когда достигаетъ максимума и соціальная активность. Объясненіе съ этой точки зрѣнія сезонныхъ колебаній числа самоубійствъ; различныя данныя, подтверждающія установленную нами, связь.

Итакъ мѣсячныя колебанія процента самоубійствъ зависятъ отъ соціальныхъ причинъ 120

ГЛАВА IV.

Подражаніе.

Подражаніе есть явленіе индивидуальной психологіи. Важность выясненія вопроса о томъ, оказываетъ ли оно извѣстное вліяніе на соціальный процентъ самоубійствъ.

I. Различіе между подражаніемъ и нѣкоторыми другими явленіями, съ которыми его смѣшиваютъ. Опредѣленіе подражанія 133

II. Многочисленные случаи, въ которыхъ самоубійство передается отъ индивидуума къ индивидууму посредствомъ зараженія; различія между фактами зараженія и эпидеміями. Проблема о возможномъ вліяніи подражанія на процентъ самоубійствъ остается нерѣшенной 145

III. Вліяніе это должно изучаться на почвѣ географическаго распредѣленія самоубійствъ. Критеріи, посредствомъ которыхъ оно можетъ быть установлено. Приложеніе этого метода къ картѣ распредѣленія самоубійствъ во Франціи по округамъ, въ департаментѣ Seine-et-Marne по коммунамъ и въ Европѣ вообще. Въ результатѣ никакихъ видимыхъ слѣдовъ подражанія на географическомъ распредѣленіи самоубійствъ не оказывается.

Растетъ ли процентъ самоубійствъ съ увеличеніемъ числа читателей газетъ? Соображенія, заставляющія склониться къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ . . . 148

Стр.

IV. Причина того, что подражаніе не оказываетъ замѣтнаго дѣйствія на процентъ самоубійствъ: оно не представляетъ собою первичнаго фактора, но лишь усиливаетъ вліяніе другихъ факторовъ. Практическій выводъ изъ разсмотрѣнія этого вопроса: нѣтъ основанія ограничивать гласность судебныхъ процессовъ.

Теоретическій выводъ: подражаніе не играетъ въ соціальной жизни той важной роли, которая ему приписывается 161

КНИГА II.

Соціальныя причины и соціальные типы.

ГЛАВА I.

Методъ ихъ опредѣленія.

I. Чрезвычайную важность представляла бы морфологическая классификація типовъ самоубійства, дающая возможность спуститься затѣмъ къ его причинамъ; неосуществимость такой классификаціи. Единственный практически возможный методъ—это классифицировать самоубійства по ихъ причинамъ. Почему этотъ послѣдній болѣе, чѣмъ всякій другой, пригоденъ для соціологическаго изученія самоубійства 167

II. Какъ установить причины? Свѣдѣнія, даваемыя статистикой относительно предполагаемыхъ мотивовъ самоубійства, 1) подозрительны, 2) не даютъ возможности узнать истинныя причины. Единственный надежный методъ—это изслѣдовать, какъ измѣняется процентъ самоубійствъ въ связи съ различными сопровождающими явленіями соціальнаго порядка 172

ГЛАВА II.

Эгоистическое самоубійство.

I. Самоубійство и религія. Общее повышеніе процента самоубійствъ, вызываемое протестантизмомъ; иммунитетъ католиковъ и въ особенности евреевъ 178

II. Иммунитетъ католиковъ зависитъ не отъ того, что они составляютъ меньшинство въ протестантскихъ странахъ,

Стр.

но отъ того, что имъ въ меньшей степени свойствененъ религіозный индивидуализмъ, и что, вслѣдствіе этого, католическая церковь является болѣе сплоченной. Примѣненіе этого объясненія къ евреямъ. 184

III. Обоснованіе этого объясненія: 1) иммунитетъ Англіи по сравненію съ другими протестантскими странами, связанный съ большей сплоченностью англиканской церкви; 2) религіозный индивидуализмъ растетъ параллельно развитію вкуса къ знаніямъ; но а) вкусъ къ знаніямъ сильнѣе выраженъ у народовъ протестантскихъ, чѣмъ у народовъ католическихъ, в) вкусъ къ знаніямъ растетъ вмѣстѣ съ процентомъ самоубійствъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ соединяется съ прогрессомъ религіознаго индивидуализма. Евреи, представляя кажущееся исключеніе, въ дѣйствительности даютъ новое подтвержденіе этому закону. . 191

IV. Выводы изъ этой главы: 1) наука есть лекарство противъ той болѣзни, симптомомъ которой является развитіе самоубійствъ, а не причина ея; 2) если религіозное общество предохраняетъ отъ самоубійствъ, то просто потому, что оно есть общество крѣпко сплоченное. 204

ГЛАВА III.

Эгоистическое самоубійство (продолженіе).

I. Общій иммунитетъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ, по вычисленію Бертильона. Недостатки того метода, которымъ онъ, повидимому, пользовался. Необходимость болѣе тщательно выдѣлять вліяніе возраста и семейнаго положенія. Таблица, въ которой это раздѣленіе выполнено. Законы, отсюда вытекающіе 207

II. Объясненіе этихъ законовъ. Коэффиціентъ предохраненія супруговъ не зависитъ отъ брачнаго подбора. Доказательства этого: 1) соображенія апріорнаго характера; 2) фактическія доказательства, опирающіяся а) на колебанія коэффиціента въ различныхъ возрастахъ, b) различія въ степени того иммунитета, которымъ пользуются состоящіе въ бракѣ мужчины и женщины.

Чему этотъ иммунитетъ обязанъ своимъ существованіемъ: браку или семьѣ? Соображенія, противорѣчащія первой гипотезѣ: 1) контрастъ между стаціонарнымъ состояніемъ брачности и непрерывнымъ возрастаніемъ процента самоубійствъ; 2) слабый иммунитетъ бездѣтныхъ

Стр.

супруговъ; 3) возрастаніе числа самоубійствъ у бездѣтныхъ супруговъ 221

III. Вызывается ли брачнымъ подборомъ тотъ слабый иммунитетъ, которымъ пользуются бездѣтные женатые мужчины? Возрастаніе процента самоубійствъ среди бездѣтныхъ замужнихъ женщинъ говоритъ противъ этого. Какимъ образомъ можно объяснить, не прибѣгая къ брачному подбору, тотъ фактъ, что у бездѣтныхъ вдовцовъ коэффиціентъ предохраненія частично сохраняется. Общая теорія вдовства. 235

IV. Таблица, сводящая вмѣстѣ добытые выше результаты. Почти весь иммунитетъ мужа и безусловно весь иммунитетъ жены обязанъ своимъ существованіемъ вліянію семьи. Онъ растетъ съ увеличеніемъ состава семьи, т. е. съ повышеніемъ степени ея интеграціи. 247

V. Самоубійство и кризисы политическаго и національнаго характера. Пониженіе процента самоубійствъ подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ есть явленіе дѣйствительное и всеобщее. Оно вызывается тѣмъ, что на почвѣ этихъ кризисовъ соціальная группа пріобрѣтаетъ болѣе высокую степень интеграціи. 257

VI. Общіе выводы этой главы. Прямая зависимость между процентомъ самоубійствъ и степенью интеграціи соціальныхъ группъ, каковы бы онѣ ни были. Причина этой зависимости; почему и при какихъ условіяхъ общество необходимо индивидууму. Съ ослабленіемъ связей между индивидомъ и обществомъ возрастаетъ число самоубійствъ. *Доказательства этого положенія. Природа эгоистическаго* самоубійства. 265

ГЛАВА IV.

Альтруистическое самоубійство.

I. Самоубійство у низшихъ обществъ: по своимъ *отличительнымъ* признакамъ оно противоположно эгоистическому самоубійству. Природа обязательнаго эгоистическаго самоубійства. Другія формы этого типа. 279

II. Самоубійства въ европейскихъ арміяхъ; повсемѣстное увеличеніе процента самоубійствъ подъ вліяніемъ военной службы. Увеличеніе это не можетъ быть объяснено ни холостымъ состояніемъ, ни алкоголизмомъ. Оно не вызвано отвращеніемъ къ службѣ. Доказательства: оно становится

Стр.

больше по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ количество лѣтъ, проведенныхъ на военной службѣ; 2) оно сильнѣе a) у вольноопредѣляющихся и сверхсрочныхъ, b) у офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, чѣмъ у простыхъ солдатъ. Оно создается духомъ арміи и тѣмъ альтруизмомъ, который этому послѣднему свойствененъ. Доказательства: 1) оно тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе склоненъ народъ къ эгоистическому самоубійству; 2) оно достигаетъ максимума въ избранныхъ войскахъ; 3) оно ослабляется съ развитіемъ эгоистическаго самоубійства 295

III. Полученные результаты оправдываютъ избранный нами методъ 313

ГЛАВА V.

Аномичное самоубійство.

I. Число самоубійствъ возрастаетъ подъ вліяніемъ экономическихъ кризисовъ. Возрастаніе это наблюдается и во время внезапнаго экономическаго процвѣтанія: примѣры Пруссіи, Италіи. Всемірныя выставки. Самоубійство и богатство . . 315

II. Объясненіе этой зависимости. Человѣкъ можетъ жить лишь въ томъ случаѣ, если его нужды находятся въ соотвѣтствіи со средствами ихъ удовлетворенія,—а это подразумѣваетъ ограниченность послѣднихъ. Ограничиваетъ ихъ общество; способъ, какимъ оно въ нормальныхъ случаяхъ оказываетъ это умѣряющее вліяніе. Всякій кризисъ мѣшаетъ обществу выполнять эту функцію,—отсюда дезорганизація, а н о м і я, самоубійства. Подтвержденіе этого, основанное на связи, наблюдаемой между самоубійствомъ и богатствомъ 324

III. Аномія представляетъ въ настоящее время хроническое состояніе экономическаго міра. Обусловленныя этимъ самоубійства. Природа аномичнаго самоубійства 338

IV. Самоубійства, создаваемыя брачной аноміей. Вдовство. Разводъ. Параллелизмъ между разводами и самоубійствами. Онъ создается природою брака, которая оказываетъ противоположное дѣйствіе на мужей и женъ; аргументы, подтверждающіе это. Въ чемъ состоитъ эта природа брака. Ослабленіе брачной дисциплины, подразумѣваемое разводомъ, усиливаетъ наклонность къ самоубійству у мужчинъ, ослабляетъ ее у женщинъ. Причина этого антагонизма. Доказательства, подверждающія наше объясненіе. Воззрѣніе на бракъ, вытекающее изъ этой главы. 346

Стр.

ГЛАВА VI.

Индивидуальныя формы различныхъ типовъ самоубійства. Важность и возможность дополненія предыдущей этіологической классификаціи классификаціей морфологической.

I. Основныя формы, принимаемыя тремя порождающими самоубійства теченіями, когда они воплощаются въ индивидахъ. Смѣшанныя формы, являющіяся результатомъ сочетанія этихъ основныхъ формъ. 376

II. Слѣдуетъ ли при этой классификаціи принимать во вниманіе то орудіе, которое самоубійца избираетъ, чтобы покончить съ собой? Выборъ этотъ зависитъ отъ соціальныхъ причинъ. Но эти причины не зависятъ отъ тѣхъ, которыми опредѣляется самый фактъ самоубійства. Онѣ не входятъ такимъ образомъ въ рамки настоящаго изслѣдованія.

Синоптическая таблица различныхъ типовъ самоубійства. 393

КНИГА III.

Самоубійство, какъ соціальное явленіе вообще.

ГЛАВА I.

Соціальный элементъ самоубійства.

I. Итоги предыдущихъ изысканій. Отсутствіе связи между процентомъ самоубійствъ и явленіями космическаго или біологическаго порядка. Опредѣленная взаимозависимость между соціальными фактами. Такимъ образомъ, соціальный процентъ самоубійствъ соотвѣтствуетъ коллективной наклонности общества 400

II. Постоянство и опредѣленность этого процента не могутъ быть объяснены инымъ способомъ. Теорія, посредствомъ которой Кетле пытался объяснить эти особенности процента самоубійствъ: средній человѣкъ. Несостоятельность теоріи Кетле: правильность статистическихъ данныхъ наблюдается даже въ области такихъ фактовъ, которые выходятъ за предѣлы средней. Необходимость допустить такую силу или группу такихъ соціальныхъ силъ, интенсивность которыхъ выражается соціальнымъ процентомъ самоубійствъ. 405

III. Подъ такой коллективной силой можно подразумѣвать лишь одно: реальность внѣшнюю по отношенію къ индивиду и

Стр.

высшую, чѣмъ индивидъ. Изложеніе и разборъ возраженій, сдѣланныхъ противъ такого взгляда:

1. Возраженіе, состоящее въ томъ, что соціальный фактъ не можетъ передаваться иначе, какъ посредствомъ междуиндивидуальныхъ традицій. Отвѣтъ: процентъ самоубійствъ не можетъ передаваться такимъ образомъ.

2. Возраженіе, состоящее въ томъ, что индивидъ есть единственно-реальное въ обществѣ. Отвѣтъ: a) бываютъ случаи, когда матерьяльныя, внѣшнія для индивида, вещи возводятся на степень соціальныхъ фактовъ и въ этомъ качествѣ играютъ роль sui generis; b) тѣ соціальные факты, которые не объективируются этимъ способомъ, выходятъ изъ рамокъ какого бы то ни было индивидуальнаго сознанія. Субстратомъ ихъ является совокупность индивидуальныхъ сознаній, объединенныхъ въ общество. При этомъ только что изложенная концепція не заключаетъ въ себѣ ничего онтологическаго 415

IV. Приложеніе этихъ идей къ самоубійству 437

ГЛАВА II.

Соотношенія между самоубійствомъ и другими соціальными явленіями.

Методъ для опредѣленія того, слѣдуетъ ли самоубійство отнести къ категоріи нравственныхъ или же къ категоріи безнравственныхъ поступковъ 444

I. Историческій очеркъ различныхъ юридическихъ и моральныхъ квалификацій самоубійства у различныхъ обществъ. Историческое развитіе сопровождается все болѣе и болѣе энергичнымъ осужденіемъ самоубійства, за исключеніемъ эпохъ упадка. Смыслъ этого осужденія; въ современныхъ обществахъ, при нормальномъ ихъ устройствѣ, оно обосновано болѣе, чѣмъ когда бы то ни было 445

II. Соотношеніе между самоубійствомъ и другими формами безнравственности. Самоубійство и преступленія противъ собственности; отсутствіе всякой связи между ними. Самоубійство и убійство; теорія, согласно которой оба они являются выраженіемъ одного и того же психо-органическаго состоянія, но зависятъ отъ противоположныхъ соціальныхъ условій 462

III. Разборъ первой части этого положенія. Полъ, возрастъ, температура оказываютъ совершенно не одинаковое воздѣйствіе на эти два явленія. 468

Стр.

IV. Разборъ второй его части. Случаи, когда противоположность соціальныхъ условій не имѣетъ мѣста. Болѣе многочисленные случаи, когда она имѣетъ мѣсто. Объясненіе этого кажущагося противорѣчія: существованіе различныхъ типовъ самоубійства, изъ которыхъ одни исключаютъ убійство, тогда какъ другіе зависятъ отъ тѣхъ же соціальныхъ условій, что и оно. Природа этихъ типовъ; почему первые фактически болѣе многочисленны, чѣмъ вторые.

Вышеизложенное выясняетъ вопросъ объ историческомъ взаимоотношеніи эгоизма и альтруизма 475

ГЛАВА III.

Практическіе выводы.

I. Рѣшеніе практическаго вопроса мѣняется въ зависимости отъ того, признается ли современный уровень самоубійствъ нормальнымъ или ненормальнымъ явленіемъ. Какъ долженъ быть поставленъ вопросъ несмотря на имморальную природу самоубійства. Основанія, по которымъ въ умѣренномъ процентѣ самоубійствъ не слѣдуетъ видѣть ничего болѣзненнаго. Но во всякомъ случаѣ въ томъ процентѣ самоубійствъ, который въ настоящее время господствуетъ среди европейскихъ народовъ, приходится видѣть признакъ патологическаго состоянія 497

II. Средства, предложенныя для уврачеванія этого зла: 1) Мѣры репрессивныя; какія изъ этихъ мѣръ примѣнимы на практикѣ; почему онѣ могутъ имѣть лишь ограниченное значеніе. 2) Воспитаніе. Оно не можетъ реформировать моральнаго состоянія общества, ибо само является лишь отраженіемъ послѣдняго. Необходимо воздѣйствовать на самыя причины, порождающія самоубійства; можно, однако, игнорировать альтруистическое самоубійство, которое по природѣ своей не заключаетъ въ себѣ ничего ненормальнаго.

Средство борьбы съ эгоистическимъ самоубійствомъ: надо сдѣлать болѣе сплоченными группы, окружающія индивидуума. Какія изъ нихъ наиболѣе пригодны для этой роли? Для этого не годится ни политическое общество, которое слишкомъ далеко отстоитъ отъ индивида,—ни религіозное общество, которое въ состояніи соціализировать индивидуумовъ, лишь отнимая у нихъ свободу мысли,—ни семья, которая мало-по-малу сводится къ брачной парѣ. Самоубійства супруговъ численно возрастаютъ, совершенно

Стр.

такъ же, какъ и самоубійства лицъ, не состоящихъ въ бракѣ. 511

III. Профессіональная группа. Почему только она одна въ состояніи выполнить вышеуказанную функцію? Чѣмъ она должна стать въ этихъ видахъ? Какимъ путемъ она можетъ создать моральную среду? Какимъ образомъ она можетъ послужить сдержкой также и для аномичнаго самоубійства?— Случай брачной аноміи. Антиномія этой проблемы: антагонизмъ половъ. Средства къ его устраненію 522

IV. Заключеніе. Современный уровень числа самоубійствъ есть признакъ моральнаго бѣдствія. Что слѣдуетъ понимать подъ моральнымъ сознаніемъ общества? Предлагаемая реформа требуется всею совокупностью нашей исторической эволюціи. Исчезновеніе всѣхъ соціальныхъ группъ, промежуточныхъ между индивидомъ и государствомъ; необходимость ихъ возстановленія. Профессіональная децентрализація противоположна децентрализаціи территоріальной,— она есть необходимый базисъ соціальной организаціи.

Важность вопроса о самоубійствѣ; его связь съ самыми крупными практическими проблемами текущаго времени. . 533

ДІАГРАММЫ.

I. Самоубійство и алкоголизмъ во Франціи (4 карты) . . . 64 и 65
II. Самоубійства во Франціи по округамъ 153
III. Самоубійства въ центральной Европѣ 159
IV. Самоубійство и размѣры семьи (2 карты) 253
V. Самоубійство и уровень богатства во Франціи 323
VI. Самоубійства по возрасту женатыхъ и вдовыхъ, въ связи съ тѣмъ, имѣютъ они или не имѣютъ дѣтей . . . . . 495—496

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

На стр. 146, 1-я строка сверху
напечатано: *Жозефъ* слѣдуетъ: *Іосифъ Флавій*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самоубійство такъ же старо, какъ и само человѣчество. Изученіемъ его занимаются врачи, статистики, философы, юристы и педагоги, но до сихъ поръ все еще не рѣшенъ вопросъ, что̀ собственно представляетъ оно собой: проявленіе болѣзненнаго или здороваго человѣческаго духа, преступленіе или естественное право человѣка, выраженіе свободной человѣческой воли или же проявленіе общаго мірового закона причинности и т. д. и т. д. Зависитъ это отъ того, что самоубійство, какъ и сама жизнь, безконечно разнообразно и сложно въ своихъ формахъ причинахъ и мотивахъ. Оно не представляетъ собою отдѣльнаго строго ограниченнаго явленія, которое можетъ быть разсматриваемо и изучаемо изолированно въ какой-нибудь одной опредѣленной плоскости, въ зависимости отъ какихъ-нибудь однихъ опредѣленныхъ факторовъ вліянія. Нѣтъ, изученіе самоубійства должно происходить во всѣхъ плоскостяхъ жизни. Имъ должны одновременно заниматься всѣ отрасли человѣческаго знанія при всей совокупности средствъ и методовъ, даваемыхъ самыми разнообразными научными дисциплинами, изучающими жизнь человѣка въ самомъ широкомъ и обширномъ смыслѣ этого слова. Ибо самоубійство есть вопросъ не смерти, а жизни, которая добровольно обрывается, въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ условій и обстоятельствъ.

Спрашивается, чѣмъ же объясняется такое разнообразіе взглядовъ, такая крайняя противоположность сужденій объ

однихъ и тѣхъ же вопросахъ, касающихся самоубійства? Почему, напримѣръ, одни врачи и теперь еще придерживаются взгляда, что самоубійство есть результатъ разстройства умственныхъ способностей, въ то время какъ другіе считаютъ его явленіемъ нормальнымъ и допускаютъ его среди здоровыхъ въ психическомъ отношеніи людей? Причина этого, между прочимъ, кроется въ томъ, что на практикѣ въ извѣстныхъ случаяхъ трудно, а иной разъ и совершенно невозможно, отдѣлить здороваго отъ душевно-больного, провести рѣзкую грань между нормальными умственными способностями и психически ненормальными. Собственно говоря, мы даже не знаемъ, что такое психически нормальный человѣкъ, такъ какъ не имѣемъ точнаго и опредѣленнаго критерія для сужденія объ этомъ. Въ этомъ отношеніи наши представленія неизбѣжно должны отличаться всегда большой неопредѣленностью и значительнымъ субъективизмомъ. Въ дѣйствительности мы часто видимъ, что среди врачей, напримѣръ, опредѣляющихъ по требованію суда умственныя способности какого-нибудь лица, возникаютъ крупныя, совершенно непримиримыя разногласія, такъ какъ одни считаютъ нормальнымъ то, что другіе признаютъ совершенно ненормальнымъ и наоборотъ. Такая неопредѣленность и неустойчивость нашихъ сужденій въ данной области есть явленіе естественное и неизбѣжное уже потому, что психика человѣка, представляя собою вопросъ не только сознанія, но и нравственности, является величиной непостоянной; понятія же наши о нравственности, какъ извѣстно, съ теченіемъ времени мѣняются. То, что считалось нравственнымъ много лѣтъ тому назадъ, можетъ, конечно, считаться и дѣйствительно часто считается въ наше время уже противорѣчащимъ нравственности; равно и наоборотъ. Поэтому должны мѣняться и тѣ требованія, какія мы предъявляемъ къ понятію о нормальномъ человѣкѣ и нормальной психикѣ: это одно изъ слѣдствій того духовнаго совершенствованія, которое безпрерывно движетъ человѣчество по пути прогресса.

Съ другой стороны еще болѣе неяснымъ и неопредѣленнымъ представляется вопросъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на самоубійство съ точки зрѣнія свободы воли. Въ философіи до сихъ поръ ведутся безконечные споры о томъ, свободна или нѣтъ человѣческая воля, существуетъ ли она вообще, какъ нѣчто самостоятельное или только, какъ частное выраженіе общаго космическаго закона причинности. Само собою разумѣется, что въ зависимости отъ основного взгляда на зависимость воли, различные ученые различно освѣщаютъ вопросъ о самоубійствѣ, и если нѣкоторые, на основаніи вѣскихъ соображеній о безпричинности воли, считаютъ самоубійство проявленіемъ самостоятельной, самодовлѣющей воли человѣка, то другіе, основываясь на постоянствѣ и особенно на правильномъ ростѣ цифръ самоубійствъ въ разныхъ странахъ, полагаютъ, что личный факторъ, т. е. воля человѣка и его внутренній міръ здѣсь не при чемъ, а все сводится къ закону причинности, которому самоубійство такъ же подчинено, какъ и всякое другое явленіе на земномъ шарѣ.

Наконецъ и въ области права также существуютъ большія колебанія и разногласія въ вопросѣ, слѣдуетъ ли считать самоубійство безнравственнымъ дѣяніемъ и даже преступленіемъ или же оно есть законное, естественное право человѣка. Эта неопредѣленность въ правовой оцѣнкѣ природы самоубійства видна, между прочимъ, изъ различнаго отношенія къ нему законодательствъ въ разныхъ странахъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ однѣхъ странахъ покушеніе на самоубійство считается преступленіемъ и карается закономъ, — въ другихъ, напротивъ, оно никакимъ карамъ не подвергается. Но даже и тамъ, гдѣ законъ относится сурово къ самоубійству, онъ допускаетъ на практикѣ многочисленныя исключенія, не подвергая никакимъ карамъ лицъ, покушавшихся на свою жизнь. Можетъ ли, напримѣръ, законъ наказывать человѣка за самоубійство, причина котораго кроется въ лучшихъ чувствахъ человѣческой души, которое является результатомъ самыхъ высокихъ и чистыхъ побу-

жденій? Мы говоримъ объ альтруистическомъ самоубійствѣ, когда человѣкъ жертвуетъ своею жизнью для другихъ. Развѣ можно и этотъ видъ покушенія на самоубійство подвести подъ понятіе о преступленіи, за которое полагается осужденіе и возмездіе закона? Какъ часто въ жизни приходится убѣждаться, что обыкновенное, съ перваго взгляда, эгоистическое покушеніе на самоубійство при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ оказывается альтруистическимъ, что добровольный уходъ изъ жизни по личнымъ мотивамъ является въ сущности замаскированнымъ актомъ самопожертвованія. Нерѣдко самый мудрый и безпристрастный законъ не въ состояніи разграничить одну отъ другой эти двѣ категоріи самоубійствъ и установить, гдѣ кончается эгоизмъ и гдѣ начинается альтруизмъ. На основаніи уже однихъ этихъ соображеній закодъ долженъ въ принципѣ относиться индифферентно къ самоубійству: не покровительствовать ему, но въ то же время и не налагать изъ-за него наказаній. И дѣйствительно, такой именно взглядъ мы и находимъ въ большинствѣ современныхъ законодательствъ.

Такимъ образомъ, сущность самоубійства, какъ мы видимъ, не поддается ясному опредѣленію, и невозможность эта покоится на вполнѣ естественныхъ основаніяхъ. Но тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что разрѣшеніе этой проблемы еще впереди и что послѣднее слово должна сказать здѣсь психологія, которая въ разрѣшеніи подобныхъ задачъ идетъ теперь по правильному пути интроспективнаго анализа. Конечно, сложный аппаратъ человѣческой души представляется въ настоящее время еще слишкомъ малодоступнымъ нашему наблюденію и пониманію. Мы не умѣемъ еще расчленять душу на ея составныя части подобно тому, какъ разлагаемъ сложныя химическія соединенія на ихъ простѣйшіе элементы. Если бы мы обладали здѣсь, какъ въ химіи, тайной анализа, то наше изученіе души человѣка было бы сведено къ изученію отдѣльныхъ простѣйшихъ элементовъ, лежащихъ въ основѣ ея и составляющихъ, такъ сказать, ту первичную матерію, изъ которой развиваются всѣ сложныя

душевныя эмоціи и движенія. Такими простѣйшими элементами являются, повидимому, инстинкты, заключающіе въ себѣ зачатки не только волевыхъ актовъ, но и чувствъ и сознательныхъ процессовъ [1]).

Душа человѣческая безконечно многогранна, по разнообразію чувствъ, которыя могутъ въ ней одновременно уживаться. Стало быть, такъ же безконечно разнообразны должны быть и инстинкты, заложенные въ основу ея природой и являющіеся прототипами этихъ чувствъ. Иначе, какъ объяснить поразительное многообразіе человѣческаго характера, ту безконечную цѣпь всевозможныхъ противорѣчій, иногда самыхъ яркихъ и поразительныхъ, которыя составляютъ обычное явленіе? Какъ объяснить, напримѣръ, что величайшій трусъ можетъ стать вдругъ при извѣстныхъ условіяхъ храбрецомъ, если онъ доведенъ до отчаянія? [2]) Какъ понять, что жестокій человѣкъ проявляетъ иногда трогательную нѣжность, очень скупой — поразительную расточительность, безразсудный — величайшую осторожность и т. д., и т. д.

Очевидно, въ душѣ каждаго изъ нихъ рядомъ съ извѣстнымъ чувствомъ имѣется въ зачаточномъ состояніи также и антагонистъ его, именно инстинктъ храбрости, щедрости разсудительности и т. д. Эти инстинкты-антагонисты обыкновенно находятся въ недѣятельномъ пассивномъ состояніи, но при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ становиться активными, и тогда человѣкъ является, по выраженію одного философа, „діаметрально противоположнымъ самому себѣ“. Такъ точно мы должны допустить, что если въ душѣ каждаго человѣка живетъ инстинктъ жизни, какъ основа чувства самосохраненія, то рядомъ съ нимъ долженъ существовать и антагонистъ его, именно — инстинктъ смерти и самоистребленія. При нормальныхъ условіяхъ жизни инстинктъ этотъ

[1]) Спенсеръ называетъ инстинкты „организованнымъ разумомъ“.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ „Севастопольскихъ разсказовъ“ Л. Н. Толстой изображаетъ прапорщика-труса, который вдругъ, доведенный до отчаянія, оказалъ чудеса храбрости и превратился въ героя.

какъ бы дремлетъ, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ возбуждается и становится активнымъ. Тогда человѣкъ начинаетъ стремиться къ смерти такъ же, какъ раньше онъ стремился къ жизни. Если при обыкновенныхъ условіяхъ каждая клѣточка его организма и каждый фибръ его существа безсознательно стремятся поддержать жизнь, то теперь они такъ же безсознательно стремятся погасить ее—и когда это стремленіе достигаетъ извѣстной напряженности, дальнѣйшее существованіе человѣка становится невозможнымъ: онъ кончаетъ съ собой.

Жизнь человѣческая представляется, стало быть, зависящей отъ взаимнаго отношенія этихъ двухъ инстинктовъ — жизни и смерти, и, смотря по тому, который изъ нихъ получаетъ перевѣсъ, человѣкъ или живетъ или добровольно уходитъ изъ жизни.

Поэтому самоубійство или, вѣрнѣе, предрасположеніе къ нему, по нашему мнѣнію, пресуществуетъ въ душѣ человѣка, заключено въ ней, подобно тому, какъ въ организмѣ его можетъ быть заключенъ, предположимъ, туберкулезъ, съ которымъ человѣкъ рождается на свѣтъ Божій и который до поры до времени находится въ немъ въ скрытомъ, лятентномъ состояніи. И какъ самыхъ ничтожныхъ причинъ достаточно иной разъ, чтобы эта туберкулезная инфекція перешла изъ скрытаго состоянія въ явное, такъ точно достаточно иногда самыхъ пустыхъ поводовъ, чтобы врожденное предрасположеніе къ самоубійству перешло изъ пассивнаго состоянія въ активное и закончилось катастрофой.

Мы допускаемъ, стало быть, что при извѣстныхъ условіяхъ каждый изъ насъ можетъ стать самоубійцей, независимо отъ состоянія своего здоровья, умственныхъ способностей, окружающихъ условій жизни и т. д. и т. д., но что все это можетъ, конечно, вліять въ качествѣ поводовъ, возбуждающихъ въ насъ инстинктъ смерти. Это объясняетъ намъ, почему у человѣка, подъ вліяніемъ горя, неблагопріятныхъ условій жизни, разочарованія и т. п., появляются такъ часто

мысли о самоубійствѣ. Есть ли кто-нибудь изъ насъ, кто хоть разъ въ своей жизни не подумалъ бы о смерти при такихъ условіяхъ? Французскій врачъ Грассе, на основаніи данныхъ, собранныхъ о многихъ писателяхъ, художникахъ, полководцахъ, музыкантахъ, государственныхъ дѣятеляхъ и т. п. выдающихся людяхъ, приходитъ къ заключенію, что нѣтъ человѣка, который бы мысленно не покушался хоть разъ въ своей жизни на самоубійство.

Таковой представляется намъ сущность самоубійства, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время. Гораздо интереснѣе и жизненнѣе для насъ другой вопросъ, касающійся общихъ причинъ или, вѣрнѣе, поводовъ къ самоубійству. Гдѣ и какъ слѣдуетъ искать таковые и въ чемъ они заключаются? Оказывается, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ такою же неопредѣленностью и разнообразіемъ во взглядахъ. Одни ученые, напримѣръ, изучаютъ самоубійства въ зависимости отъ біологическихъ, другіе — отъ космическихъ законовъ, третьи — отъ соціальныхъ факторовъ и т. д. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и французскій соціологъ Дюркгеймъ, къ книгѣ котораго „Le suicide“ я получилъ отъ издателя лестное приглашеніе написать предисловіе. Дюркгеймъ смотритъ на индивидъ, какъ на частицу общаго коллектива, и потому всякое явленіе въ его жизни, а въ томъ числѣ и самоубійство, онъ изучаетъ главнымъ образомъ въ зависимости отъ факторовъ, управляющихъ этимъ коллективомъ. Самоубійство, по мнѣнію французскаго соціолога, является результатомъ разрыва связи, естественно существующей между индивидомъ и коллективомъ, благодаря чему нарушаются вѣчные законы подчиненности отдѣльной единицы общей массѣ, часть которой она составляетъ. Такой взглядъ имѣетъ много преимуществъ, ибо онъ обезпечиваетъ изученіе самоубійства, такъ сказать, in situ, т. е. въ его естественномъ соотношеніи съ прочими соціальными факторами, регулирующими и направляющими жизнь человѣка современнаго общества. Но подобный методъ имѣетъ и свои недостатки,

такъ какъ при немъ удѣляется слишкомъ мало вниманія изученію индивидуальныхъ качествъ и свойствъ человѣческой души и выясненію той роли, какую играетъ его психофизическая организація въ сложномъ актѣ самоубійства. Говоря другими словами, при подобной постановкѣ вопроса центръ тяжести изученія самоубійства переносится изъ области психологіи въ сферу соціологіи.

Дюркгеймъ различаетъ три вида самоубійствъ, сообразно тому, что́ лежитъ въ основѣ каждаго изъ нихъ: субъективное, альтруистическое и аномическое. Изъ нихъ первое создается причинами, которыя обусловливаютъ отдѣленіе индивида отъ общества, перестающаго вліять на него регулирующимъ образомъ. Второй видъ самоубійства имѣетъ мѣсто, когда личные инстинкты совершенно поглощены соціальными, когда индивидъ, совершенно растворяясь въ соціальной массѣ, перестаетъ существовать, какъ отдѣльная частица ея. Наконецъ, третій видъ самоубійства, аномическій, когда въ обществѣ происходятъ такія пертурбаціи (экономическіе, политическіе и т. п. кризисы), что индивидъ утрачиваетъ способность приспособленія къ соціальнымъ требованіямъ и опять теряетъ связь съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ. Для объясненія цѣлаго ряда другихъ самоубійствъ Дюркгеймъ допускаетъ сочетаніе аноміи съ эгоизмомъ, эгоизма съ альтруизмомъ и т. д.

Такимъ образомъ, самоубійство, по опредѣленію французскаго ученаго, является намѣреннымъ и сознательнымъ актомъ, совершаемымъ индивидомъ непремѣнно въ зависимости отъ соціальной дисциплины. Личные факторы объясняютъ это явленіе, но не вліяютъ и не создаютъ его. Поэтому Дюркгеймъ не допускаетъ зависимости самоубійства ни отъ психическихъ болѣзней, ни отъ алкоголизма, ни отъ другихъ индивидуальныхъ данныхъ, доказывая это при помощи цѣлаго ряда интересныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ. Имѣя въ виду всюду идею и значеніе только коллективнаго начала, онъ подробно разсматриваетъ вліяніе на самоубійство отдѣльныхъ факторовъ его, а именно, религіи,

семьи, образованія и т. д. и создаетъ такимъ образомъ цѣлую стройную теорію изученія самоубійства съ точки зрѣнія коллектива, который онъ разсматриваетъ, какъ живое цѣло имѣющее какъ бы свою душу, свои особенности и т. д. При этомъ по пути онъ подробно останавливается на нѣкоторыхъ вопросахъ, выясняя и ихъ значеніе и вліяніе на самоубійство: говоритъ о наслѣдственности, подражаніи, о неврастеніи и т. п., и эти страницы являются у него настолько же блестящими по изложенію, насколько и глубоко-научными по содержанію.

Однако, при всей своей научности, книга Дюркгейма не лишена и нѣкоторыхъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, говоря о религіи, Дюркгеймъ объясняетъ бо́льшую частоту самоубійствъ среди протестантовъ, сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями, бо́льшей критикой и свободой въ религіозныхъ сужденіяхъ, допускаемой протестантствомъ. Протестантство—говоритъ онъ—какъ бы вноситъ нѣкоторую переработку христіанства въ смыслѣ индивидуальнаго отношенія къ нему, а это влечетъ за собой извѣстную неудовлетворенность духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ, и ведетъ къ самоубійству. Съ такимъ толкованіемъ вліянія свободы религіи врядъ ли можно согласиться, ибо тогда пришлось бы допустить, что въ странахъ, подчиненныхъ восточной церкви, должно было бы быть меньше всего самоубійствъ, чего нѣтъ въ дѣйствительности.

Точно такъ же и въ другомъ вопросѣ, именно о вліяніи народнаго образованія на самоубійство, Дюркгеймъ опять впадаетъ въ извѣстное противорѣчіе съ дѣйствительностью, выставляя тезисъ, что самоубійство и народное образованіе прямо пропорціональны другъ другу. Такъ какъ этому противорѣчитъ общеизвѣстный фактъ, что среди евреевъ образованіе стоитъ очень высоко, между тѣмъ, какъ самоубійствъ у нихъ немного, то Дюркгеймъ, чтобы примирить это противорѣчіе, высказываетъ ни на чемъ не основанную мысль, будто „еврейская культурность и образованіе имѣютъ другое происхожденіе и значеніе, чѣмъ обыкновенно“, и что

„еврей усваиваетъ себѣ всю интеллигентность нашего вѣка, не зная ни усталости, ни разочарованія“ (стр. 203). Дюркгеймъ, повидимому, забываетъ о томъ громадномъ процентѣ нервныхъ и психическихъ заболѣваній среди евреевъ, который давно уже установленъ многочисленными и точными изслѣдованіями и которыя свидѣтельствуютъ какъ разъ объ обратномъ.

Но подобныя противорѣчія нисколько не уменьшаютъ конечно, цѣнности и научнаго значенія этого труда о самоубійствахъ, который можно назвать до извѣстной степени классическимъ.

Несмотря на то, что книга написана Дюркгеймомъ 15 лѣтъ тому назадъ, она устарѣла только по цифровымъ даннымъ, но не по обширному научному матеріалу, который въ ней заключенъ. Появленіе ея въ русскомъ переводѣ является крупнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ нашу сюисидологическую литературу, и нужно надѣяться, что она, несомнѣнно, окажетъ огромное вліяніе на интересъ къ изученію у насъ самоубійства, этого наиболѣе „живого вопроса о мертвыхъ“.

Д-ръ Г. Гордонъ.

С.-Петербургъ,
1912.

Библіографическій указатель русской литературы о самоубійствѣ.

Андросовъ, В. Статистическая записка о Москвѣ. М. 1832.

фонъ-Аттенгоферъ. Медико-топографическое описаніе Петербурга. Спб. 1820.

А. Д. Самоубійство дѣтей. „Наша школа", 1910, №№ 1—4.

Абрамовичъ, Н. Я. см. „Самоубійство".

Айхенвальдъ, Ю. см. „Самоубійство".

Альфа. „Маленькая хроника". „Нов. Врем.". 1910 г. 9 сент.

Ал. Кс. Эпидем. самоуб. „Нов. Врем." 1910 № 12209.

Булацель, Н. О. Изслѣдованіе о самовольной смерти. Ревель. 1894.

Бородинъ, Д. Н. Алкоголизмъ и самоубійство. Спб., 1910.

Богатина, С., д-ръ. Самоубійство среди женщинъ. „Женск. Вѣстн." 1910 № 11.

Бѣляковъ, С. А., д-ръ. О самоубійствахъ и несчастныхъ случаяхъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ. „Вѣстн. клин. и суд. псих. и невр.". 1893, т. I.

Бернацкій, В. А. Самоубійства среди воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1911.

Богацкій, В. Замѣтки. „Нов. Врем." 25 мая 1909.

Бехтеревъ, В. М. проф. Самоубійства и возможная борьба съ ними. Рѣчь, произнесенная на Корсаковомъ съѣздѣ психіатр. и невропатолог. въ Москвѣ 6 сент. 1911 г. „Вѣстн. Знанія". 1912, № 2.

Бунге, Н. Х. Объ употребленіи алкоголя. Спб. 1896.

Веселовскій, К. С. О самоубійствахъ въ Россіи. Опытъ нравствен. статист. „Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ". 1847 г. кн. V.

Владыкинъ, Б. В., д-ръ. Самоубійства въ С.-Петербургѣ по даннымъ Петропавловской больницы. Докладъ въ Об-вѣ Охран. Нар. Здрав.

Вигдорчикъ, Н., д-ръ. Политическіе психозы и политическія самоубійства. „Образованіе", 1907, декабрь.

В-въ, В. Самоубійство въ арміи. „Рѣчь", 24 іюля 1909 г.

Высотскій, И. Задачи школы въ борьбѣ съ самоубійствами учащихся „Русск. Школ." 1910, №№ 4, 5 и 6.

Виревскій, М. свящ. О расколѣ въ Тираспольск. уѣздѣ Херсонск. губ. и заживо-похороненныхъ тамъ раскольникахъ. „Брат. Слов." 1897, I и II.

Виревскій, М. свящ. Къ вопросу о заживо-похороненныхъ раскольникахъ Тираспольскаго уѣзда (тамъ же).

Виревскій, М. свящ. Къ вопросу о тираспольскихъ изувѣрствахъ (тамъ же).

Германъ, академ. О самоубійствахъ въ 10 губерн. бассейна р. Оки (Mémoires de l'Academie de Sciences de St.-Petersb. VI Sect. Sciences, Polit. I).

Гвоздевъ, И. проф. О самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія. Казань, 1889.

Галаганцъ, Д. А. Долой самоубійства—и жизнь хороша. Баку. 1909.

Городцевъ, С. прот. Мысли о самоубійствѣ (посвящ. учащ. молодежи). Тифлисъ, 1908.

Губскій, М. Самоубійство. Энцикл. слов. Брокгаузъ и Ефронъ, 56 пол.

Гюбнеръ, д-ръ. Статистическ. изслѣдован. о самоубійств. въ Петербургѣ за 1858 — 67 гг.

Григорьевъ, И. И., д-ръ. Самоубійств. и покушен. на самоуб. въ Петербургѣ за 5-лѣтіе съ 1906 — 1910 гг. Докладъ, читанный въ психич. секц. Психо-Невр. Института 10 марта 1911 г.

Гордонъ, Г. И., д-ръ. Самоубійство среди дѣтей. „Міръ Божій" 1902, апр.

„ Школа и самоубійство. „Наша Жизнь" 1905 г. № 246.

„ Самоубійства въ школѣ и экзамены. „Товарищъ" 1907, 10 апр.

„ Экзамены и самоубійства учащихся. „Рѣчь", 1908 г. 25 мая.

„ Самоубійства въ высш. учебн. заведен. въ 1908 г. „Совр. Слов." 1909, 19 мая.

„ Воспитаніе и самоубійство. „Совр. Слово" 1911, 7 апр.

„ Клубы самоубійцъ „Совр. Слово". 1911, 28 янв.

„ Проститутки и самоубійство. „Рѣчь" 1910, 23 апр.

„ Самоубійства учащихся въ 1908 и 1909 гг. „Рѣчь" 1910, 21 сент.

„ Самоубійства учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Труды 1 всеросс. съѣзда учител. городск. училищъ".

„ Самоубійства въ Россіи. „Бодрое Слово" № 15 1909 г.

„ Самоубійства учащейся молодежи. „Нов. Слов.", 1911 сент.

„ Самоубійства въ средней школѣ. „Образованіе" 1909 мартъ и апрѣль.

„ Самоубійцы и ихъ письма. „Нов. Журн. для всѣхъ", 1911, фев.

„ Наболѣвшій вопросъ. „Рѣчь" 1908, 4 іюня.

„ Кто виноватъ? „Кіев. мысль" 11 янв. 1912.

„ „Голодныя" самоубійства. „Жизнь для всѣхъ" 1912, мартъ.

Гордонъ, Г. И., д-ръ. Къ вопросу объ изученіи причинъ самоубійствъ. „Русская Мысль“ 1912.

Дзѣдушицкій, гр. Самоубійство, перев. съ польск. В. Б. Кіевъ, 1878.

Достоевскій, О. М. Дневникъ писателя за 1876 г.

Добротворскій, И. М. О самоубійствѣ раскольниковъ. „Правосл. собесѣдникъ“ 1861, № 4.

Есиповъ, В. Г. Самосожигатели. „Отеч. Зап.“ 1863, № 2.

Жбанковъ, Д. И., д-ръ. Травматическая эпидемія. „Практ. врачъ“ 1907, 22 сентября.

„ О самоубійств. въ послѣдніе годы. „Русское Богатство“ 1909. № 4.

„ Современныя самоубійства. „Современн. міръ“. 1910 г., № 3.

Д. Ж. Угроза самоубійства. „Недѣля“ 1893, № 51.

Жертва разлада. Причин. самоубійст. по В. С. Соловьеву и Тютчеву. 1908., № 10 изд. „Единенія“.

Загоровскій, Никол., свящ. Христіанскій взглядъ на жизнь и самоубійства. „Вѣра и Разумъ“. 1909., кн. I и II.

Звенья невидимой цѣпи. Изслѣдован. о самоубійствѣ по В. С. Соловьеву. 1908. № 9.

Заславскій, Д. Дни нашей жизни. „Нов. жизнь“. 1911, № 6.

Зубовъ, И. О., д-ръ. Самоубійств. въ *Лифляндск. губ.* „Вѣстн. гигіен.“, 1900, №№ 5 и 6.

Заблоцкій-Десятовскій. Статистич. свѣдѣн. о С.-Петербургѣ за 1836 г.

Изгоевъ, А. С. Замаскированное самоубійство „Рус. Мысль“ 1908, № 10.

Ивановъ-Разумникъ. см. Самоубійство.

И. К. Петербург. хроника „Нов. Врем.“ 1909, 25 нояб., 1910 13 февр. и 1910, 9 мая.

Карѣевъ, И. И., проф. см. Самоубійство.

Калтинъ, А. свящ. Наше время и самоубійства. К. 1890.

Краевскій, Б. По поводу самоубійствъ среди учащихся. Харьк. 1910.

Комковъ, В. Изслѣдованіе о самоубійствѣ. „Образованіе“ 1908 № 8.

Кавелинъ, проф. Задачи этики. 1885.

К-нъ, О. Къ уменьшенію самоубійствъ. „Нов. Время“ 1910, 14 март.

Кони, А. О. По поводу самоубійствъ. „Протокол. засѣдан. общ. психіатр.“ 1892, 14 марта.

Лебедевъ, П. П. О самоубійствѣ въ нормальн. и болѣзнен. состояніи. Спб. 1888.

„ О самоубійствѣ съ медиц. точки врѣнія. Спб., 1897.

Лурье, О. Разборъ книги Durkheim'a Le suicide. „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 44.

Лихачевъ, А. В. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи, Спб. 1882.

Лопатинъ, И. проф. Morituri. „Утро Россіи“ 1910, 11 дек.

Луначарскій, А. Я. см. Самоубійство.
Лавриченко, Г. Родителямъ и учителямъ. Кризисъ семьи и школы. Спб. 1894.
Левицкій, И. Борьба съ самоубійствами учащихся. Иркутскъ, 1911.
Липскій, А. А., д-ръ. Самоубійство дѣтей въ С.-Петербургѣ. „Вѣстн. судебн. медицин." 1887. Т. IV.
Либерсонъ, М. Страданія одиночества, Спб., 1909.
Леоновъ. О самоубійствѣ. „Воен. медиц. журн." 1850., № 1.
Мартовскій, Л. Три типа самоубійства. Ковна, 1910.
Михаилъ, епископъ, см. Самоубійство.
Максимовъ, Е. Сибирь и ссылка (Самоубійцы-сектанты).
Макаровъ, И. В. Самоубійства въ русской арміи. „Воен. медицин. журн." 1902, № 8.
Мухинъ, И. Очеркъ психолог. самоубійства. „Варшав. унив. извѣст." 1903 №№ 2, 3, 5 и 6.
Мещерскій, кн. Самоубійства и главный начальникъ школы. „Граждан." 1910, № 12.
Меньшиковъ, М. О. Письма къ ближнимъ. „Нов. Врем." 1910, 11 апр.
Максимовъ, С. В. О самоубійствахъ въ С.-Петербургѣ. „Вѣдом. С.-Пет. полиціи", 1870. № 7.
Майзель, И. Е., д-ръ. О самоубійствѣ среди учащихся. „Вѣст. воспит." 1908, № 8 (ноябрь).
Наумовъ. Стремленіе къ самоубійству у слабоумнаго параноика. „Обозр. Псих." 1907.
Невзоровъ, И. А. О самоубійствѣ. Казань, 1891.
Новосельскій, С. А. Статистика самоубійствъ. Спб., 1910.
И. З. Статистика самоубійствъ. „Юр. Вр." 1880, № 9.
Незнамовъ. Эхо дня. „Нов. Врем." 1910, 16 іюля.
Нижегородцевъ. О вліяніи метеорологическихъ условій на душевное разстройство съ нѣсколькими данными о распредѣленіи въ году самоубійствъ, преступленій и смертности. „Труды 5 съѣзд. общ. русск. врач. въ память Н. И. Пирогова". Т. I, 1894.
На помощь молодежи. Сборн. статей, писемъ и замѣтокъ о студенческой нуждѣ и самоубійствахъ учащихся. Сост. Т. Л. Кривоносовъ, К. 1910.
Ольхинъ, И., д-ръ. О самоубійствѣ въ медицинск. отношеніи. Спб. 1859.
Оболонскій, И. А., проф. Самоубійства въ Кіевѣ. „Вопросы нервн.-психич. медицины" кн. VII, 1902.
Оболонскій, И. А., проф. Современное положеніе вопроса о причинахъ самоубійствъ. „Русск. архив. патолог. изд. подъ ред. Подвысоцкаго". 1902, февр.
Острогорскій, А. И., Самоубійства и ихъ причины (по поводу книги E. Durkheim'a). С. В., 1898, 5.

Острогорскій, А. П. Самоубійства, ихъ психологическая проблема. „Педагог. Сборн.“ 1893, №№ 1, 2, 7, 8 и 10.

Островскій, П. П., д-ръ. Къ вопросу о самоубійствахъ въ Одессѣ за пятилѣтіе съ 1903 по 1908 г. Одесса, 1908.

„ Самоубійства въ Одессѣ за 1908 г. Одесса, 1909.

„ Вопросы сравнительн. психолог. самоуб. у взросл. и дѣтей. „Вѣстн. Психолог.“, 1911, вып. III.

„ Самоубійства и покушен. на самоубійства въ Одессѣ за 8 лѣтъ съ 1903 по 1910 гг. Диссертація (печатается).

„ Къ вопрос. о введен. однообразн. регистрац. самовольн. смерти въ Россіи. Одесса, 1911.

Обнинскій, П. П. Объ уголовномъ преслѣдованіи покушавшихся на самоубійство. М. 1871.

Опроверженія о самоубійствахъ въ гимназіяхъ. „Юридич. Вѣстн.“ 1880, V.

О наклонности къ самоубійству, какъ нравственн. болѣзн. нашего времени и о спасительн. средствахъ противъ этой болѣзни. М. 1884.

Петровъ, Г. С. О самоубійствѣ. М. 1910.

Пономаревъ, И. В. Самоубійства въ Западной Европѣ въ связи съ развитіемъ умопомѣшательствъ. „Сборн. сочин. по судеб. медиц.“ 1880, Т. III.

Прозоровъ, Л., д-ръ Самоубійства въ тюрьмахъ и около тюремъ по даннымъ 1906 — 07 г. „Медицинск. Обозрѣн.“ 1908, № 12.

„ Самоубійства приговоренныхъ. М. 1911.

„ Самоубійства душевно-больныхъ въ больницахъ. „Современная психіатр.“, 1911, № 7.

Подъ медицинской охраной. „Нов. Время“ 1910, 18 дек.

Положеніе школъ относит. самоуб. учениковъ. „Педагогич. Сборн.“ 1895 янв.

Перцовъ, Р. Уксусные гуманисты. „Нов. Время“ 1909, 23 окт.

Пружанскій, И. Жизнь или смерть? СПБ. 1908.

Пильскій, И. Нѣсколько словъ о самосожигат. у раскольник. „Христ. Чтен.“ 1864, Т. I.

Пругавинъ, А. Самоистребленіе. Проявлен. аскетизма и фанатизма въ расколѣ. „Русск. Мысль“ 1885, №№ 1, 2 и 7.

Поповъ, И. Самоубійство. Этико-псилог. очерк. Серг. Посад., 1898.

Покрышкинъ. Судебн.-медиц. дѣятельн. въ Вятск. и Иркут. губ. „Арх. Судебно Медиц.“ 1868—69.

Пастернацкій. Статистич. изслѣдован. самоубійствъ въ Петербургѣ 1870—72 г. „Медиц. Вѣстн.“ 1873 г., №№ 34 и 36.

Поповъ, П. М. проф. Современная эпидемія школьн. самоуб. въ Россіи. Казань, 1911.

Розановъ, В. О самоубійствѣ. М. 1891.

Радюкинъ, П. Статистика самоубійствъ. „Дѣло", 1866, 1.

Райхеръ. Къ вопросу о самоубійствѣ, „Научный архивъ Виленск. лечебн." 1904.

Р—овичъ, Б. О. Самоубійства въ среднѣ школ. „Спутн. сред. школ. и экстерн." 1909—10 № 23.

Рогдай. Дѣла житейскія. „Нов. Время", 1910, 31 марта.

Розановъ, В. Безъ цѣли и смысла. „Нов. Время", 1910, 5 марта.

„ Въ родномъ гнѣздѣ. „Нов. Время" 1910, 29 марта.

Розенбахъ, П. Я. проф. О причин. современ. нервозн. и самоуб. „Бирж. Вѣд." 1909, №№ 11429, 11433 и 11435.

Сикорскій, И. проф. Эпидемическ. вольн. смерти и смертоуб. въ Терковск. хуторахъ 1897.

„ Психическое состояніе передъ самоубійствомъ. „Сборн. научн. литер. смотр. по вопрос. общ. психол. 1900, кн. V.

„ Самоубійство среди русскихъ врачей. „Вопросы нервн.-психич. медиц." 1896 Т. I.

Сапожниковъ, Д. П. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ. М. 1891.

Сидамонъ-Эристова, Е. А. кн. О самоубійствѣ, М. 1910.

Самоотравленіе, современн. состоян. вопр. „Вѣстн. Общ. гигіен." 1900 №№ 4 и 9.

Самоубійства школьныя. „Волховск. Листокъ" 1905, №№ 414 (14 іюня), 415, 419 и 421.

„Самоубійство", Сборн. обществ.-философ. и критич. статей Ю. Айхенвальда, А. Луначарскаго, Н. Абрамовича, Иванова-Разумника, епископа Михаила, В. Розанова, пр. Н. Карѣева, М. 1911.

Соловцова, А. Самоубійство дѣтей (По поводу книг. д-ра В. К. Хорошко „Самоубійство дѣтей"). „Воспитан. и обучен." 1910 № № 7—8.

Славнинъ, К. Къ борьбѣ съ самоубійствами „Нов. Русь" 1909 № № 217, 219, 223, 224, 227 и 233.

Статистическія данныя о самоубійствахъ въ 1870 — 74 г.г. „Правит. Вѣстникъ", 1876 № 110.

Столыпинъ, А. А. Неуравновѣшенность дѣтей. „Нов. Время" 1909, 21 сент.

Сырцовъ, И. Я. Самосожигательство сибирск. старообрядцевъ въ 17 и 18 столѣт. 1888.

Смирновъ, П. С. Происхожд. самоистреблен. въ русск. раскол. „Христ. чтен." 1896 кн. V.

Соколовъ, П. С. Копенскія происшествія 1802 и 1827 г. „Христ. чтен." 1896 кн. V.

Соболевскій, А. В. Рѣдкій случай истерическихъ судорогъ съ самоубійст. больного. „Вопр. нерв.-псих. медиц." 1903.

Смидовичъ. О насильствен. и случайной смерти въ Тульск. губ. „Вѣстн. судебн. медицин." 1887.

Сѣрковъ. Самоубійств. въ Москвѣ за 1808—09 г.г. „Извѣст. Москов. гор. думы", 1910 № 5.

Тихомировъ. Безсмертіе души и самоубійство. 1879.

Тарновскій, Е. Н. Статистика самоубійствъ. „Жур. Мин. Юстиц." 1901 янв.

Темный, Васил. Причины самоубійствъ, М. 1910.

Тереховко, Ф. Я. д-ръ. Къ вопросу о самоубійств. въ СПБ. (1881—1908) Диссерт. 1908.

Трахтенбергъ, А. Г. д-ръ. О самоубійств. среди учащихся. „Русск. Школ." 1908 № 11.

Толузаковъ, С. Самоубійства офицер. въ наш. арміи. „Они и мы". „Педагог. сборн." 1908 № 6.

Таганцевъ, Н. С. проф. О преступленіяхъ противъ жизни. 1870.

Теодоровичъ, К. Трагедія дѣтск. души. Лодзь, 1911.

Толстой, Л. Н. О самоубійствѣ. М. 1910.

Ульянова, А. Самоубійства дѣтей. „Свободн. воспитан." 1909 — 10 №№ 8 и 9.

Фалькнеръ, Н. С. д-ръ. Самоубійств. въ Одессѣ. Одесса 1890.

Филатовъ, Н. Ф. см. Яковлевъ.

Фельцманъ, О. К. О самоубійствѣ „Психотерап." 1910 №№ 7 и 10.

Фрометтъ, Б. Самоубійства политическихъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ. „Врачебн. газет." 1910 № 51

Хорошко, В. К. д-ръ. Самоубійство дѣтей. М. 1909.

Хейвецъ, З. Самоубійство по еврейск. закону. В. 1908.

Хлопинъ, Г. В. проф. Самоубійства, покушен. на самоубійст. и несчастные случаи среди учащихся русск. учебн. заведен. Министер. Народн. Просвѣщ. СПБ. 1906.

„ То-же за 1905, 1906, 1907, 1908 и 1909 г.г.

„ Selbstmord im Kindesalter „Zeit. f. Schulgesundh.-pfleg." 1907.

Цедербаумъ, В. д-ръ. Самоубійства на почвѣ обществ. событій въ Россіи. Докладъ на XI Пирогов. съѣздѣ врачей въ СПБ. 1910.

Шель. Самоубійства и современная цивилизація. Одесса 1893.

Шейнисъ, Л. др-ъ. Эпидемическ. самоубійст. „Вѣстн. Воспитан." 1909, № 1.

„ Къ исторіи самоубійства. „Сборн. лекц. Русс. Высш. школ. въ Парижѣ СПБ. 1905.

Швецовъ, Б. Самоубійств. въ средней школѣ. „Русск. Школа" 1906 № 10 и 1907 № 4.

Шнейуръ. 3 письма самоубійцъ. Варшава 1909.

Щукинъ, Н. Множественн. (массов.) самоуб. въ русск. расколѣ.

Энгельгардтъ, Н. Мысли и картинки. „Нов. Время" 1910, 10 сент.

Яковенко. О самоубійст. „Вѣстн. клин. и судебн. психіатр." 1887.

Яковлевъ С. Н. и Филатовъ, Н. Ф. О самоубійств. въ Симбирск. губ. „Вѣстн. общ. гигіен. и судеб. медиц." 1892, № 10 и 11.

Янсонъ, Ю., проф. Несчастные случаи съ людьми въ 1880 г.
Статьи по вопросу о самоубійствѣ въ слѣдующ. періодическ. издан.:
„ „Голосъ" 1872, № 215.
„ „Дѣло", 1866.
„ „Врачебн. вѣдом." 1882, (ст. Андрусскаго).
„ „Педагогич. сборн." 1910, кн. IX.
„ „Нов. Время", Среди газетъ и журнал. 1910 11 март. и 5 апр., 1909 г. 19 сент., 1910, 3 апр.
„ „Отечеств. записки" 1881 г. VII.
„ „Вѣстн. Воспитан." 1908, № 1 въ „Хроникѣ".
„ „Врачебная газета" 1905 № 36.
„ „Педагогич. сборн." 1903, № 12.
„ „Петербургск. газета" 1909, 18 мая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ нѣкотораго времени соціологія вошла въ моду; самое слово „соціологія“ стало теперь употребляться очень часто; а еще десять лѣтъ тому назадъ оно было малоизвѣстно и почти осуждено наукой. Соціологія находитъ себѣ все новыхъ и новыхъ поклонниковъ, и въ публикѣ слагается какое-то предвзято благосклонное отношеніе къ этой новой наукѣ, на которую возлагаются самыя большія надежды. Нельзя, однако, не признать, что полученные до сихъ поръ результаты не вполнѣ оправдываютъ ни большого количества опубликованныхъ по этому вопросу трудовъ, ни затраченнаго на нихъ интереса читателей.

Прогрессивное развитіе какой-либо отрасли науки выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что трактуемые ею вопросы не остаются въ стаціонарномъ состояніи; лишь тогда говорятъ про данную науку, что она двигается впередъ, если ею устанавливается дотолѣ неизвѣстная законообразность явленій, или, по крайней мѣрѣ, открывается рядъ новыхъ фактовъ, которые, не позволяя дѣлать окончательныхъ выводовъ, способны измѣнить самую точку зрѣнія на затрогиваемую проблему. Къ несчастью, въ силу того, что соціологія въ большинствѣ случаевъ не ставитъ себѣ точно опредѣленныхъ проблемъ, она не можетъ тѣмъ самымъ служить такимъ примѣромъ. Она не прошла еще черезъ періоды построеній и синтезовъ. Вмѣсто того, чтобы поставить себѣ цѣлью освѣтить своими лучами опредѣленную часть необъятнаго соціальнаго поля, соціологія, въ большин-

ствѣ случаевъ, ищетъ блестящихъ выводовъ, при чемъ всѣ вопросы только подвергаются общему обзору, но отнюдь не изслѣдуются по-настоящему; такой методъ легко ведетъ къ злоупотребленіямъ, давая читающей публикѣ, такъ называемое, „представленіе“ о всякаго рода вещахъ, но не приходя при этомъ ни къ какому объективному результату. Законы безконечно сложной дѣйствительности не могутъ быть открыты путемъ такихъ краткихъ обсужденій и мимолетныхъ интуицій; особенною же бездоказательностью отличаются широкія и поспѣшныя обобщенія. Все, что можно сдѣлать при такомъ пониманіи задачъ соціологіи — это привести при случаѣ нѣсколько подтверждающихъ предлагаемую гипотезу примѣровъ; но однѣ иллюстраціи еще не могутъ служить доказательствомъ чего-бы то ни было; къ тому же, если затрогивается такая масса различныхъ вопросовъ, то ни въ одномъ изъ нихъ нельзя быть компетентнымъ. И приходится пользоваться чисто случайными свѣдѣніями, безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія. Такимъ образомъ, книги по чистой соціологіи не могутъ быть полезны тому, кто поставилъ себѣ правиломъ имѣть дѣло лишь съ вопросами, строго опредѣленными, такъ какъ большинство изъ нихъ не входитъ въ рамки какой-либо особой отрасли изслѣдованія и, кромѣ того, чрезвычайно бѣдно сколько-нибудь авторитетными документальными данными.

Каждый человѣкъ, вѣрующій въ будущее соціологіи, долженъ всѣми силами души стремиться къ тому, чтобы положить конецъ такому положенію вещей. Если соціологія будетъ и дальше пребывать въ такомъ состояніи, то она быстро впадетъ въ прежнюю немилость, къ немалой радости всѣхъ враговъ знанія. Для человѣческаго разума было бы въ высшей степени плачевно, если бы часть дѣйствительности, представляемая соціологіей,—единственная, отказывающаяся ему до сихъ поръ покориться, единственная, о которой ведутся еще горячія пререканія, — хотя бы только на время ускользнула изъ подъ его власти. Неопредѣленность полученныхъ до сихъ поръ результатовъ отнюдь не

должна насъ обезкураживать: это аргументъ въ пользу того, чтобы употребить новыя усилія, а не въ пользу того, чтобы отказаться отъ усилій. Наука, только еще вчера зародившаяся, имѣетъ право ошибаться и идти ощупью, если только она сама сознаетъ свои ошибки и колебанія и тѣмъ самымъ предохраняетъ себя отъ возможности ихъ повторенія. Соціологія не должна отказываться ни отъ одной изъ своихъ высокихъ задачъ, но если она хочетъ оправдать возлагающіяся на нее надежды, то она должна стремиться къ тому, чтобы стать чѣмъ-либо инымъ, а не только своеобразной разновидностью философской литературы.

Вмѣсто того, чтобы предаваться метафизическимъ размышленіямъ по поводу соціальныхъ явленій, соціологъ долженъ взять объектомъ своихъ изысканій ясно очерченныя группы фактовъ, на которыя можно было бы указать, что называется, пальцемъ, у которыхъ можно было бы точно отмѣтить начало и конецъ—и пусть онъ вступитъ на эту почву съ полной рѣшительностью. Пусть онъ старательно разсмотритъ всѣ вспомогательныя дисциплины: исторію, этнографію, статистику, безъ помощи которыхъ соціологія совершенно безсильна. Если при такомъ методѣ работы можно чего-либо опасаться, такъ это только того, что, при всей добросовѣстности соціолога, данныя, добытыя соціологомъ, не будутъ исчерпывать изученнаго имъ матеріала, такъ какъ самъ матеріалъ настолько богатъ и разнообразенъ, что хранитъ въ себѣ неистощимую возможность самаго неожиданнаго, самаго нечаяннаго стеченія обстоятельствъ. Но не надо, конечно, придавать этому преувеличеннаго значенія. Разъ соціологъ пойдетъ указаннымъ нами путемъ, то даже въ томъ случаѣ, если фактическій инвентарь его будетъ не полонъ, а формулы слишкомъ узки, работа его будетъ безспорно полезна—и будущее поколѣніе продолжитъ ее, потому что каждая концепція, имѣющая какое-нибудь объективное основаніе, не связана неразрывно съ личностью автора; въ ней есть нѣчто безличное, благодаря чему она переходитъ къ другимъ людямъ и воспри-

нимается ими; она способна къ передачѣ. Благодаря этому, въ научной работѣ создается возможность извѣстной преемственности, а въ этой непрерывности лежитъ залогъ прогресса.

Именно въ этой надеждѣ написана предлагаемая нами работа. И если среди различныхъ вопросовъ, которые разбирались нами на всемъ протяженіи нашего курса, мы выбрали темой настоящей книги самоубійство,—то поступили мы такъ главнымъ образомъ потому, что самоубійство принадлежитъ къ числу явленій, наиболѣе легко опредѣляемыхъ, и можетъ служить для насъ исключительно удачнымъ примѣромъ; но и тутъ для точнаго опредѣленія очертаній нашей темы намъ понадобилось не мало предварительной работы. Зато, сосредоточиваясь такимъ образомъ на одномъ какомъ-нибудь вопросѣ,. намъ удается открывать законы, которые лучше всякой діалектической аргументаціи доказываютъ возможность существованія соціологіи, какъ науки. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель познакомится съ тѣми изъ этихъ законовъ, которые, какъ мы надѣемся, намъ удалось доказать. Безъ всякаго сомнѣнія, намъ не разъ случалось ошибаться, чрезмѣрно увлекаться въ своей индукціи и отдаляться отъ наблюдаемыхъ фактовъ; во всякомъ случаѣ, каждое изъ своихъ положеній мы подкрѣпляли возможно большимъ количествомъ доказательствъ; особенное вниманіе мы обращали на то, чтобы какъ можно тщательнѣе отдѣлить разсужденіе по поводу даннаго положенія и нашу субъективную интерпретацію его отъ самихъ разсматриваемыхъ фактовъ. Такимъ образомъ, читатель можетъ самъ оцѣнить, насколько основательны предлагаемыя ему объясненія, имѣя подъ руками всѣ данныя для обоснованнаго сужденія.

Поставивъ точныя границы своимъ изысканіямъ, необходимо, кромѣ того, категорически воздержаться отъ изложенія общихъ взглядовъ на изучаемый предметъ и отъ такъ называемаго краткаго общаго обозрѣнія темы. Мы думаемъ, что достигнутые нами результаты, а именно, установленіе извѣст-

наго количества положеній относительно брака, вдовства, семьи, религіозной общины и т. д., даютъ намъ возможность, разумѣется, при правомѣрномъ пользованіи этимъ матеріаломъ, научиться гораздо большему, чѣмъ, изучая заурядныя теоріи моралистовъ о природѣ и качествѣ этихъ явленій и учрежденій.

Въ нашей книгѣ читатель найдетъ также нѣсколько указаній на причины общаго недуга, заразившаго въ настоящее время все европейское общество, и на тѣ средства, которыми этотъ недугъ можетъ быть ослабленъ. Никогда не надо думать, что общее положеніе вещей можно объяснить при помощи обобщеній. Можно говорить объ опредѣленныхъ причинахъ только послѣ тщательнаго наблюденія и изученія не менѣе опредѣленнаго внѣшняго ихъ проявленія. Самоубійства въ томъ видѣ, въ какомъ они сейчасъ наблюдаются, являются именно одной изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ передается наша коллективная болѣзнь, и они помогутъ намъ добраться до ея сути.

Наконецъ, на страницахъ этой книги читатель найдетъ въ конкретномъ приложеніи главныя проблемы методологіи, болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ которыхъ мы занимались въ другомъ мѣстѣ (Les règles de la Méthode sociologique. Paris. T. Alcan 1895). Но среди всѣхъ этихъ вопросовъ есть одинъ, которому въ послѣдующемъ изложеніи придается слишкомъ большое значеніе, для того чтобы сейчасъ же не обратить на него вниманіе читателя.

Предлагаемый нами методъ цѣликомъ зиждется на томъ основномъ принципѣ, что соціальныя явленія должны изучаться, какъ вещи, то есть, какъ внѣшнія по отношенію къ индивиду реальности. Для насъ это столь оспариваемое положеніе является основнымъ. Въ концѣ концовъ, для того, чтобы существованіе соціологіи было возможнымъ, раньше всего нужно, чтобы у нея былъ спеціальный, только ей принадлежащій объектъ изученія, чтобы она поставила своею задачей изученіе реальности, и не была зависима ни отъ какой другой отрасли знанія. Но если нѣтъ ничего

реальнаго за предѣлами единичнаго сознанія, то соціологія, какъ таковая, должна исчезнуть за неимѣніемъ матерьяла.

Единственный предметъ, къ которому тогда можетъ примѣняться наблюденіе, это состояніе ума индивидовъ, ибо ничто иное не существуетъ; но это—задача психологіи. Съ этой точки зрѣнія, все, что есть существеннаго въ бракѣ, или въ семьѣ, или въ религіи, заключается въ тѣхъ индивидуальныхъ потребностяхъ, которымъ предназначены служить эти институты, а именно: отцовская и сыновняя любовь, половое влеченіе, то, что называется религіознымъ инстинктомъ и т. д. Что же касается самихъ институтовъ съ ихъ исторически выработанными формами, столь сложными и разнообразными, то этою стороною дѣла можно пренебречь: она представляется мало интересной. Будучи только внѣшнимъ и случайнымъ выраженіемъ общихъ свойствъ природы индивидуума, вышеназванные институты являются лишь однимъ изъ ея проявленій и не требуютъ спеціальнаго изслѣдованія. Конечно, при случаѣ любопытно заняться изученіемъ того, какое внѣшнее выраженіе получали въ различныя историческія эпохи эти вѣчныя человѣческія чувства; но такъ какъ каждое такое внѣшнее выраженіе несовершенно, то имъ нельзя придавать слишкомъ большого значенія. Въ нѣкоторомъ отношеніи бываетъ даже полезно вовсе отбросить ихъ, чтобы лучше проникнуть вглубь оригинальнаго подлинника, въ которомъ чувства эти черпаютъ свой смыслъ и истинная природа котораго искажается внѣшней передачей.

Такимъ образомъ, подъ предлогомъ того, чтобы дать наукѣ болѣе глубокую подпочву, основывая ее на психологическомъ строеніи индивида, ее отдѣляютъ отъ единственнаго свойственнаго ей предмета. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ не замѣчаютъ того, что соціологіи не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ общества, а общества нѣтъ тамъ, гдѣ есть только индивиды. Къ тому же, эта концепція является одной изъ главныхъ причинъ, поддерживающихъ въ соціологіи вкусъ къ

неяснымъ обобщеніямъ. Вполнѣ естественно, что если за конкретными формами соціальной жизни не признается самостоятельнаго существованія,—то нѣтъ и желанія заниматься ихъ описаніемъ.

Мы твердо надѣемся, что, читая нашу книгу, каждый согласится съ нами въ томъ, что надъ индивидомъ стоитъ высшая духовная реальность, а именно коллективъ. Когда станетъ очевидно, что у каждаго народа существуетъ свой особый процентъ самоубійства, что процентъ этотъ болѣе постояненъ, чѣмъ общая смертность, что если онъ вообще эволюціонируетъ, то—слѣдуя коэффиціенту ускоренія, свойственному каждому обществу, что всѣ его колебанія въ различные моменты дня, мѣсяца, года только воспроизводятъ ритмъ общей соціальной жизни; когда убѣдятся, что бракъ, разводъ, семья, религіозная община, армія и т. д. вліяютъ на него по точно опредѣленнымъ законамъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть выражены даже цифрами; когда убѣдятся во всемъ этомъ, то откажутся видѣть въ этихъ состояніяхъ и институтахъ какія-то идеологическія установленія, не имѣющія ни силы, ни значенія. Тогда почувствуютъ, что это —реальныя, живыя дѣйствующія силы, которыя, опредѣляя собою индивида, тѣмъ самымъ ясно доказываютъ, что онѣ не зависятъ отъ него, по крайней мѣрѣ тогда, когда онъ входитъ въ качествѣ элемента въ тѣ комбинаціи, результатомъ которыхъ онѣ являются. По мѣрѣ того, какъ вышеназванныя силы формируются, онѣ налагаютъ свою власть на индивида. Принявъ это во вниманіе, легче понять, какимъ образомъ соціологія можетъ и должна быть объективной; вѣдь она имѣетъ передъ собою столь же опредѣленныя и столь же прочныя реальности, какъ предметъ изученія психолога или біолога [1]).

[1]) Далѣе мы укажемъ, что эта точка зрѣнія, далекая отъ того, чтобы исключать всякую свободу, является единственнымъ средствомъ примиренія ея съ детерминизмомъ, непосредственно вытекающимъ изъ данныхъ статистики.

Намъ остается выразить свою благодарность нашимъ бывшимъ ученикамъ Г-ну Ферранъ, преподавателю Высшей первоначальной школы въ Бордо, и Г-ну Марселю Моссъ, приватъ-доценту философіи, за ту готовность помочь намъ, которую они проявили, и за тѣ незамѣнимыя услуги, которыя они намъ оказали. Первый изъ нихъ снабдилъ эту книгу картами, а благодаря второму мы могли собрать всѣ необходимыя данныя для составленія таблицъ XXI и XXII, важность которыхъ будетъ впослѣдствіи ясна читателю. Для этого надо было разобраться въ 26.000 документахъ самоубійцъ съ цѣлью опредѣленія возраста, пола, соціальнаго положенія, количества имѣвшихся дѣтей и т. д. Эта въ высшей степени цѣнная работа принадлежитъ М. Моссу. Таблицы были составлены съ помощью документовъ, которые находятся въ распоряженіи министерства юстиціи, но не публикуются въ годовыхъ отчетахъ. Они поступили въ наше распоряженіе благодаря любезности Г-на Тарда, завѣдующаго отдѣломъ судебной статистики. Мы выражаемъ ему нашу глубокую благодарность.

ВВЕДЕНІЕ.

Такъ какъ самое слово самоубійство безконечное число разъ употребляется въ нашей рѣчи, то, казалось бы, можно расчитывать, что точный смыслъ его понятенъ каждому и опредѣленіе его съ нашей стороны будетъ совершенно излишнимъ. Но на самомъ дѣлѣ, слова нашей обыденной рѣчи, какъ и выражаемыя ими понятія, всегда и неизбѣжно двусмысленны, и тотъ ученый, который сталъ бы употреблять эти слова въ ихъ обыкновенномъ значеніи и не подвергая ихъ никакой предварительной обработкѣ, сталъ бы неминуемо жертвой серьезныхъ недоразумѣній. Не только пониманіе слова такъ широко, что измѣняется въ различныхъ случаяхъ по мѣрѣ надобности, но, кромѣ того, такъ какъ классификація ходячихъ понятій не имѣетъ своимъ основаніемъ методическаго анализа, а только передаетъ смутныя и неясныя впечатлѣнія толпы, то можно безпрестанно наблюдать, какъ цѣлыя категоріи совершенно разнородныхъ фактовъ, непонятно почему, собраны подъ одной рубрикой, или какъ явленія однородныя называются разными именами. Итакъ, если полагаться на традиціонное значеніе словъ, то можно впасть въ заблужденіе, а именно придать различный смыслъ тому, что должно быть соединено вмѣстѣ, и, наоборотъ, смѣшать то, что должно быть раздѣлено, и, такимъ образомъ, не замѣтить дѣйствительнаго родства вещей и не понять ихъ природы. Только путемъ сравненія можно подойти къ объясненію. Научное изслѣдованіе не можетъ достигнуть своей цѣли иначе, какъ

сравненіемъ фактовъ, и у него тѣмъ болѣе будетъ шансовъ на успѣхъ, чѣмъ увѣреннѣе оно будетъ, что собрало всѣ явленія, которыя можно съ пользой сравнить между собой. Но эти естественныя сродства индивидовъ не могутъ быть опознаны съ достовѣрностью путемъ простого внѣшняго наблюденія, подобнаго тому, результатомъ котораго является обыденная терминологія; слѣдовательно, ученый не можетъ взять объектомъ своихъ изысканій вполнѣ установленную группу фактовъ, которой точно отвѣчали бы слова разговорной рѣчи; онъ самъ долженъ установить группы, которыя онъ хочетъ изучать, съ тѣмъ чтобы придать имъ извѣстную однородность и ту специфичность, внѣ которыхъ немыслима никакая научная работа. Подобнымъ же образомъ ботаникъ, говоря о плодахъ или цвѣтахъ, и зоологъ, говорящій о рыбахъ и насѣкомыхъ, употребляютъ различные термины въ томъ значеніи, какое они должны были предварительно установить.

Нашей первою задачей должно быть опредѣленіе группы тѣхъ фактовъ, которые мы предлагаемъ изучать подъ именемъ самоубійства. Для этого мы должны разсмотрѣть, есть-ли среди различныхъ видовъ смерти такіе, которые имѣютъ общія характерныя черты, достаточно объективныя для того, чтобы быть признанными каждымъ добросовѣстнымъ наблюдателемъ, достаточно спеціализированныя для того, чтобы нигдѣ уже болѣе не встрѣчаться, и въ то же время достаточно близкія къ тому, что обыкновенно называется самоубійствомъ, для того, чтобы, не насилуя обычной терминологіи, мы могли сохранить это выраженіе.

Если таковые намъ встрѣтятся, то подъ этимъ наименованіемъ мы соберемъ всѣ безъ исключенія факты, имѣющіе ясно выраженный характеръ, и не будемъ безпокоиться о томъ, что образованная такимъ образомъ классификація не вмѣщаетъ, быть можетъ, всѣхъ называемыхъ обыкновенно этимъ именемъ случаевъ, или, наоборотъ, вмѣщаетъ въ себя и такіе случаи, которые обыкновенно носятъ другое названіе. Важно не то, чтобы умѣть выразить болѣе или менѣе опре-

дѣленно то понятіе, какое составилъ себѣ о самоубійствѣ средній интеллектъ; нужно установить цѣлую категорію явленій, которыя не только могутъ безъ всякаго затрудненія быть занесены въ эту рубрику, но, кромѣ того, имѣютъ объективное основаніе, т. е. соотвѣтствуютъ опредѣленной природѣ вещей. Среди различныхъ видовъ смерти есть имѣющіе въ себѣ особую черту, заключающуюся въ томъ, что смерть является дѣломъ самой жертвы, что страдающимъ лицомъ является самъ дѣйствующій субъектъ; съ другой стороны, можно съ опредѣленностью сказать, что общераспространенное мнѣніе о самоубійствѣ именно этотъ моментъ считаетъ для него характернымъ; внутренній мотивъ такого рода поступковъ, съ этой точки зрѣнія, не имѣетъ опредѣляющаго значенія. Хотя въ общемъ самоубійство представляютъ себѣ, какъ положительный и неизбѣжно насильственный поступокъ, который требуетъ извѣстной затраты мускульной силы, но вполнѣ можетъ случиться, что совершенно отрицательное состояніе или простое воздержаніе породятъ тотъ же результатъ. Можно лишить себя жизни, отказываясь отъ принятія пищи, точно такъ же, какъ и посредствомъ ножа или выстрѣла. Вовсе не нужно, чтобы покушеніе на самоубійство влекло за собою непосредственный смертельный исходъ, для того, чтобы можно было смерть признать результатомъ даннаго дѣйствія; причинная связь можетъ и не быть прямой, отъ этого нисколько не мѣняется самая природа явленія. Иконоборецъ, жаждущій мученическаго вѣнца, совершающій сознательное оскорбленіе величества, караемое смертной казнью, и умирающій отъ руки палача, является самоубійцею не въ меньшей степени, чѣмъ тотъ, кто самъ наноситъ себѣ смертельный ударъ; нѣтъ никакого основанія для различной классификаціи этихъ двухъ разновидностей добровольной смерти, если вся разница между ними заключается только въ матеріальныхъ деталяхъ исполненія. Такимъ образомъ, прежде всего мы получаемъ слѣдующую формулу: самоубійствомъ называется всякій смертный случай, являющійся непосредствен-

нымъ или посредственнымъ результатомъ положительнаго или отрицательнаго акта, совершеннаго самою жертвой.

Но это опредѣленіе недостаточно полно; оно не различаетъ двухъ совершенно различныхъ видовъ смерти. Нельзя относить къ одному разряду и разсматривать съ одинаковой точки зрѣнія смерть человѣка, страдающаго галлюцинаціями, который выскакиваетъ изъ окна верхняго этажа, думая, что оно находится въ уровень съ землей, и смерть психически здороваго человѣка, убивающаго себя вполнѣ сознательно. Вѣдь, строго говоря, почти нельзя указать такого смертельнаго исхода, который не былъ бы близкимъ или отдаленнымъ послѣдствіемъ того или иного поступка самого пострадавшаго лица. Правда, причины смерти чаще лежатъ внѣ насъ, чѣмъ внутри насъ, но онѣ вліяютъ на насъ только тогда, когда мы сами вступаемъ въ сферу ихъ дѣйствія. Можно-ли утверждать, что смерть только тогда можетъ называться самоубійствомъ, когда сама жертва, совершая поступокъ, знаетъ, что онъ будетъ имѣть смертельный исходъ? Что только тотъ дѣйствительно убиваетъ себя, кто хочетъ этого, и что самоубійство есть намѣренное убійство самого себя? Прежде всего, это значило бы опредѣлить самоубійство при помощи такого признака, который, каковы бы ни были его интересъ и важность, лишь съ трудомъ поддается наблюденію, а, слѣдовательно, не легко можетъ быть установленъ. Какъ узнать, что именно заставило дѣйствующее лицо рѣшиться на самоубійство; и когда онъ рѣшился, желалъ ли онъ именно смерти или преслѣдовалъ другую какую-нибудь цѣль? Само намѣреніе есть слишкомъ интимное проявленіе воли и можетъ быть разсматриваемо извнѣ только самымъ грубымъ и приблизительнымъ образомъ; оно ускользаетъ даже отъ внутренняго наблюденія. Какъ часто мы ошибаемся относительно настоящихъ мотивовъ нашихъ поступковъ! Какъ часто мы объясняемъ наши поступки благородными порывами, возвышенными соображеніями, тогда какъ они вызваны мелкими чувствами и слѣпою силой рутины.

Въ общемъ, поступокъ не можетъ опредѣляться цѣлью, преслѣдуемою дѣйствующимъ лицомъ, потому что однородныя движенія могутъ относиться къ самымъ различнымъ цѣлямъ. Если допустить, что самоубійство имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда у человѣка было опредѣленное намѣреніе убить себя,—подъ наше опредѣленіе самоубійства не подошли бы многіе факты, въ существѣ своемъ, не смотря на кажущуюся разнородность, вполнѣ идентичные съ тѣми, которымъ это названіе дается рѣшительно всѣми и которыхъ нельзя называть иначе, такъ какъ это значило бы отнять у этого термина всякое опредѣленное употребленіе. Солдатъ, идущій навстрѣчу вѣрной смерти, для того чтобы спасти свой полкъ, не хочетъ умереть, а развѣ въ то же самое время онъ не является виновникомъ своей смерти въ томъ же значеніи этого слова, въ какомъ оно примѣнимо къ промышленнику или коммерсанту, убивающему себя для того, чтобы избѣгнуть стыда и позора банкротства. То же самое можно сказать о мученикѣ, умирающемъ за вѣру, о матери, приносящей себя въ жертву своему ребенку и т. д. Принимается-ли смерть только какъ печальное, но неизбѣжное условіе той цѣли, къ которой субъектъ стремится, или же онъ ищетъ ее ради нея самой,—въ обоихъ случаяхъ онъ отказывается отъ существованія, и различные способы расчета съ жизнью могутъ быть разсматриваемы только какъ разновидности одного и того же класса явленій. Между всѣми этими разновидностями слишкомъ много основного сходства для того, чтобы ихъ нельзя было объединить подъ однимъ родовымъ терминомъ, строго различая при этомъ всѣ виды этого рода. Правда, согласно обыденному представленію, самоубійство есть, прежде всего, порывъ отчаянія у человѣка, который больше не дорожитъ жизнью; но, на самомъ дѣлѣ, человѣкъ вплоть до самаго послѣдняго момента привязанъ къ жизни, хотя эта привязанность и не мѣшаетъ ему разстаться съ нею. Во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ отказывается отъ того, что считаетъ своимъ высшимъ благомъ имѣются, очевидно, общіе

и существенные признаки; напротивъ, разнородность побудительныхъ причинъ, оказавшихъ вліяніе на самое рѣшеніе, можетъ вызвать лишь второстепенныя подраздѣленія. Когда преданность чему-либо простирается до лишенія себя жизни, то, съ научной точки зрѣнія, это будетъ самоубійствомъ; мы увидимъ далѣе, къ какому разряду надо будетъ отнести этотъ случай.

Общимъ для всѣхъ возможныхъ формъ этого высшаго отреченія является то, что поступокъ, освящающій это отреченіе, совершается сознательно, что сама жертва въ моментъ дѣйствія знаетъ о послѣдующемъ результатѣ своего поступка, каковы бы ни были мотивы, приведшіе ее къ совершенію этого поступка. Всѣ смертные случаи, имѣющіе эту характерную особенность, рѣзко отличаются отъ тѣхъ, въ которыхъ человѣкъ или не является орудіемъ своей смерти, или же является имъ только безсознательно. Въ подобныхъ случаяхъ не представляетъ чрезвычайной трудности установить, зналъ или нѣтъ человѣкъ заранѣе объ естественныхъ послѣдствіяхъ своего поступка. Они составляютъ, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленную, легко распознаваемую группу, которая, вслѣдствіе этого, должна имѣть спеціальное названіе. Терминъ самоубійство соотвѣтствуетъ этому понятію, и намъ нѣтъ надобности придумывать новое слово, такъ какъ въ составъ данной группы явленій входитъ огромное большинство случаевъ, называемыхъ этимъ именемъ въ обыденной жизни. Слѣдовательно, мы можемъ съ опредѣленностью сказать: самоубійствомъ называется каждый смертный случай, который непосредственно или посредственно является результатомъ положительнаго или отрицательнаго поступка, совершеннаго самимъ пострадавшимъ, если этотъ послѣдній зналъ объ ожидавшихъ его результатахъ. Покушеніе на самоубійство—это вполнѣ однородное дѣйствіе, но только не доведенное до конца. Этого опредѣленія достаточно для того, чтобы исключить изъ нашего изслѣдованія

все, что касается самоубійства животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, все, что мы знаемъ объ умственномъ развитіи животныхъ, не позволяетъ намъ предположить у нихъ наличность предварительнаго сознанія смерти, въ особенности же допустить у нихъ знаніе и пониманіе приводящихъ къ этому средствъ. Можно, правда, наблюдать случаи, когда животныя отказываются входить въ помѣщеніе, гдѣ были убиты другія животныя. Можно подумать, что они какъ бы предчувствуютъ ожидающую ихъ судьбу. Въ дѣйствительности, ощущеніе запаха крови является достаточнымъ объясненіемъ этого инстинктивнаго сопротивленія. Всѣ, хоть немного достовѣрные факты, въ которыхъ хотятъ видѣть самоубійство въ животныхъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова, могутъ быть объяснены совершенно иначе. Если разъяренный скорпіонъ жалитъ самого себя,—что, въ концѣ концовъ, недостовѣрно,— то онъ дѣлаетъ это, быть можетъ, въ силу автоматической и безсознательной реакціи. Двигательная энергія, порожденная у него состояніемъ раздраженія, разрѣшается случайно, какъ попало; бываетъ иногда, что жертвой этихъ движеній падаетъ само животное, и нельзя съ увѣренностью сказать, представляло-ли оно себѣ заранѣе послѣдствія своего поступка. Съ другой стороны, если существуютъ собаки, которыя отказываются отъ принятія пищи послѣ смерти своего хозяина, то это означаетъ, что тоска механическимъ образомъ лишаетъ ихъ аппетита; такое состояніе влечетъ за собою смерть, но она не является заранѣе предвидѣннымъ результатомъ. Ни воздержаніе отъ пищи въ этомъ случаѣ, ни укусъ въ предыдущемъ не употреблялись какъ средства для достиженія вполнѣ опредѣленной цѣли. Здѣсь не хватаетъ ясно выраженнаго характера самоубійства, какъ мы его уже опредѣлили раньше. Поэтому въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ говорить только о самоубійствѣ людей [1]).

[1]) Остается очень ограниченное число фактовъ, которые не объясняются такимъ образомъ, но которые болѣе чѣмъ подозрительны. Къ такимъ случаямъ относится наблюденіе Аристотеля

Но это опредѣленіе не только имѣетъ своимъ преимуществомъ устраненіе ошибочныхъ сближеній или произвольныхъ заключеній; уже теперь оно даетъ намъ понятіе о томъ мѣстѣ, которое самоубійство занимаетъ въ общей моральной жизни человѣка. Оно намъ показываетъ, что самоубійство не составляетъ, какъ это можно было бы думать, совершенно обособленной группы фактовъ, не есть какой-то исключительный классъ чудовищныхъ явленій, стоящихъ внѣ всякой связи съ другими видами поведенія. Наоборотъ, мы видимъ, что самоубійство соединяется съ ними прерывнымъ рядомъ промежуточныхъ ступеней и оказывается только преувеличенной формой повседневныхъ поступковъ. Въ самомъ дѣлѣ, только тотъ случай, какъ мы видѣли выше, можно назвать самоубійствомъ, когда жертва въ тотъ моментъ, какъ она совершаетъ поступокъ, прерывающій теченіе ея жизни, ясно сознаетъ то, что естественнымъ образомъ должно изъ этого поступка воспослѣдовать. Но это сознаніе можетъ быть той или иной силы; придайте ему каплю сомнѣнія—и вы получите поступокъ, который уже не будетъ самоубійствомъ, но который близокъ ему по существу и отличается отъ него только по степени.

Человѣкъ, сознательно подвергающій себя опасности ради другого лица, но безъ явной угрозы смерти, конечно, не является самоубійцей, даже если ему и пришлось бы умереть. Этимъ именемъ нельзя также назвать неосторожнаго, какъ бы играющаго со смертью человѣка, стремящагося въ то-же время избѣгнуть ея, или человѣка апатичнаго, который, не будучи ни къ чему привязанъ въ жизни, не даетъ себѣ труда позаботиться о своемъ здоровьѣ и поги-

---

надъ жеребцомъ, который, узнавъ, что его заставляли спариваться безъ его вѣдома съ его матерью, многократно отказывался это дѣлать и, наконецъ, сознательно бросился съ высокой скалы („Исторія животнаго міра“ IX. 47). Коннозаводчики свидѣтельствуютъ, что лошади нисколько не противятся кровосмѣшенію. По всѣмъ этимъ вопросамъ смотри Westcott, Suicide стр. 174—179.

баетъ отъ своей небрежности. И однако всѣ эти виды поведенія ничѣмъ кореннымъ отъ самоубійства въ собственномъ смыслѣ слова не отличаются; они порождаютъ аналогичное направленіе ума, поскольку они въ равной степени сопряжены со смертельнымъ рискомъ, который не остается тайною для дѣйствующаго лица, и перспектива котораго это послѣднее не устрашаетъ; вся разница заключается въ степени вѣроятности смертельнаго исхода. Не безъ нѣкотораго основанія говорятъ иногда, что ученый, истощивъ свои силы постояннымъ бодрствованіемъ, убилъ самого себя. Всѣ эти случаи рисуютъ намъ виды зачаточнаго самоубійства, и если, руководясь правильнымъ методомъ, ихъ не надо смѣшивать съ видами полнаго самоубійства, то все же не надо терять изъ виду и то отношеніе родства, которое между ними существуетъ. Самоубійство получаетъ совсѣмъ различную окраску въ томъ случаѣ, если оно неразрывно связано съ актами мужества или самоотверженія, и въ томъ случаѣ, если оно является результатомъ неосторожности или простой небрежности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ понятнѣе, въ какомъ смыслѣ поучительно это сближеніе.

II.

Но развѣ самоубійство при такомъ его пониманіи можетъ интересовать соціолога? Если оно представляетъ собою индивидуальный поступокъ, касающійся только даннаго индивида, то казалось бы, въ силу этого, оно всецѣло должно зависѣть отъ индивидуальныхъ факторовъ, то есть быть предметомъ изученія психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ поступокъ самоубійцы не объясняется обыкновенно его темпераментомъ, характеромъ, предшествовавшими обстоятельствами, событіями его частной жизни? Въ данный моментъ нашей задачей не является изысканіе того, въ какой степени и при какихъ условіяхъ будетъ законно такимъ образомъ изучать вопросъ о самоубійствѣ; но можно сказать только одно съ полною достовѣрностью,

а именно, что оно можетъ быть разсматриваемо съ совершенно иной точки зрѣнія. Если, вмѣсто того, чтобы видѣть въ этихъ случаяхъ совершенно особыя для каждаго изъ нихъ обстоятельства, независимыя другъ отъ друга и требующія каждое спеціальнаго разсмотрѣнія, взять общее число самоубійствъ, совершенныхъ даннымъ обществомъ въ данный промежутокъ времени,—то можно установить, что полученная такимъ образомъ сумма не явится простою суммою независимыхъ между собою единицъ, голымъ собраніемъ фактовъ, но что эта цифра образуетъ новый фактъ sui generis, имѣющій свое внутреннее единство и свою индивидуальность, а, значитъ, свою особую природу, тѣмъ болѣе для насъ важную, что она по существу своему глубоко соціальна. Если только наблюденіе не захватываетъ очень обширнаго періода времени, то для даннаго общества цифра самоубійствъ остается почти неизмѣнной, что видно изъ таблицы I. Изъ года въ годъ обстоятельства, при которыхъ протекаетъ жизнь народовъ, остаются все тѣ же. Правда, случаются иногда важныя измѣненія, но они являются только исключеніями. Можно, между прочимъ, видѣть, что они всегда совпадаютъ съ какимъ-нибудь кризисомъ, мимолетно затрогивающимъ соціальное положеніе страны [1]).

ТАБЛИЦА I.

Постоянство самоубійства въ важнѣйшихъ странахъ Европы.

(Абсолютныя числа).

Года.	Франція.	Пруссія.	Англія.	Саксонія.	Баварія.	Данія.
1841. . . .	2.814	1.630	—	290	—	337
1842. . . .	2.866	1.598	—	318	—	317
1843. . . .	3.020	1.720	—	420	—	301
1844. . . .	2.973	1.575	—	335	244	285

[1]) Въ прилагаемой таблицѣ мы поставили въ скобкахъ числа, относящіяся къ исключительнымъ годамъ.

Года.	Франція.	Пруссія.	Англія.	Саксонія.	Баварія.	Данія.
1845. . . .	3.082	1.700	—	338	250	290
1846. . . .	3.102	1.707	—	373	220	376
1847. . . .	(3.647)	(1.852)	—	377	217	345
1848. . . .	(3.301)	(1.649)	—	398	215	(305)
1849. . . .	3.583	(1.527)	—	(328)	(189)	337
1850. . . .	3.596	1.736	—	390	250	340
1851. . . .	3.598	1.809	—	402	260	401
1852. . . .	3.676	2.073	—	530	226	426
1853. . . .	3.415	1.942	—	431	263	419
1854. . . .	3.700	2.188	—	547	318	363
1855. . . .	3.810	2.351	—	568	307	399
1856. . . .	4.189	2.377	—	550	318	426
1857. . . .	3.967	2.038	1.349	485	286	427
1858. . . .	3.903	2.126	1 275	491	329	457
1859. . . .	3.899	2.146	1.248	507	387	451
1860. . . .	4.050	2.105	1.365	548	339	468
1861. . . .	4.454	2.185	1.347	(643)	—	—
1862. . . .	4.770	2.112	1.317	557	—	—
1863. . . .	4.613	2.374	1.315	643	—	—
1864. . . .	4.521	2.203	1.340	(545)	—	411
1865. . . .	4.946	2.361	1.392	619	—	451
1866. . . .	5.119	2.485	1.329	704	410	443
1867. . . .	5.011	3.625	1.316	752	471	469
1868. . . .	(5.547)	3.658	1.508	800	453	498
1869. . . .	5.114	3.544	1.588	710	425	462
1870. . . .	—	3.270	1.554	—	—	486
1871. . . .	—	3.135	1.495	—	—	—
1872. . . .	—	3.467	1.514	—	—	—

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ уменьшилось число самоубійствъ во всѣхъ государствахъ Европы въ 1848 г.

Если наблюдать болѣе обширный промежутокъ времени, то можно констатировать еще болѣе важныя измѣненія;

но тогда они дѣлаются хроническими; они указываютъ только на то, что характерныя основы общества въ то же самое время претерпѣли глубокія измѣненія. Интересно замѣтить, что измѣненія эти происходятъ вовсе не такъ медленно, какъ это имъ приписывается громаднымъ числомъ наблюдателей, а, напротивъ, обладаютъ рѣзкимъ и прогрессирующимъ характеромъ. Иногда послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, въ теченіе которыхъ цифры колебались въ очень близкихъ границахъ, замѣчается повышеніе, которое, послѣ нѣкотораго колебанія, устанавливается какъ постоянная величина. Это доказываетъ, что всякое внезапно наступившее нарушеніе соціальнаго равновѣсія всегда требуетъ достаточнаго времени для того, чтобы проявить всѣ свои послѣдствія. Итакъ, эволюція самоубійства выражается въ волнообразныхъ, послѣдовательныхъ и ясно различаемыхъ движеніяхъ, совершающихся толчками, то усиливающихся, то пріостанавливающихся, чтобы тотчасъ же начаться снова. На предыдущей таблицѣ можно видѣть такую волну, образовавшуюся почти во всей Европѣ на другой день послѣ событій 1848 гг., т. е. въ различныхъ государствахъ на протяженіи 1850—1853 гг.; другая такая волна началась въ Германіи послѣ войны 1866 г.; во Франціи ее можно было наблюдать раньше, въ эпоху апогея имперіи—около 1860 г. Въ Англіи она замѣчается около 1868 г., т. е. послѣ торговой революціи, вызванной вновь заключенными торговыми договорами. Можетъ быть, этой же причиной создано то новое увеличеніе случаевъ самоубійства, которое относится у насъ къ 1865 г. Наконецъ, послѣ войны 1870 г. началось новое, до сихъ поръ продолжающееся повышеніе, которое захватило почти всю Европу.

Каждое общество въ извѣстный историческій моментъ имѣетъ опредѣленную склонность къ самоубійству. Интенсивность этой склонности измѣряютъ обыкновенно отношеніемъ общей цифры добровольныхъ смертей къ населенію безъ различія пола и возраста. Мы назовемъ эту цифровую величину общимъ процентомъ смерт-

ности-самоубійства, присущимъ опредѣленному обществу. Вычисляютъ его обыкновенно по отношенію къ 1.000.000 или къ 100.000 жителей. Этотъ процентъ не только постояненъ для долгаго періода времени, но неизмѣняемость его оказывается еще большею, чѣмъ та, которою обладаютъ главныя демографическія явленія. Общій процентъ смертности измѣняется гораздо чаще, изъ года въ годъ, и тѣ колебанія, которымъ онъ подвергается, гораздо болѣе значительны. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить, въ какой мѣрѣ варьируютъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ процентъ общей смертности и процентъ самоубійствъ. Мы можемъ это видѣть по таблицѣ II. Для того, чтобы облегчить это сравненіе, мы какъ по отношенію обыкновенныхъ смертныхъ случаевъ, такъ и по отношенію самоубійствъ, изобразимъ процентъ каждаго года, отправляясь отъ средней цифры періода, принятой за 100. Колебаніе изъ года въ годъ, а также и отклоненіе отъ средняго процента, въ обоихъ столбцахъ, дѣлаются, такимъ образомъ, сравнимыми между собой. И это сравненіе показываетъ, что на протяженіи каждаго такого періода размѣры колебаній гораздо болѣе значительны на сторонѣ общей смертности, чѣмъ на сторонѣ самоубійства; въ среднемъ, первыя колебанія въ два раза больше.

Только уклоненіе minimum'а между двумя послѣдовательными годами выражается почти одинаковой цифрой въ обоихъ случаяхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ періодовъ. Но въ столбцѣ общей смертности этотъ *minimum* является исключеніемъ, тогда какъ, наоборотъ, годовыя колебанія самоубійствъ отклоняются отъ него лишь въ видѣ исключенія. Въ этомъ можно убѣдиться, сравнивая среднюю цифру уклоненій [1]). Правда, если сравнивать не слѣдующіе одинъ за другимъ годы одного и того же періода, но среднія цифры различныхъ періодовъ, то уклоненія, которыя наблюдаются

[1]) Вагнеръ такимъ образомъ сравнивалъ смертность и брачность: „Die Gesetzmässigkeit", стр. 87.

въ процентѣ смертности, становятся очень незначительными. Измѣненія въ противоположномъ смыслѣ, наблюдаемыя изъ года въ годъ и зависящія отъ преходящихъ и случайныхъ причинъ, взаимно нейтрализуются, когда основаніемъ расчета берется большая единица времени; они исчезаютъ въ средней цифрѣ, которая, благодаря такой взаимной нейтрализаціи отклоненій, оказывается въ достаточной мѣрѣ постоянной. Такъ, во Франціи въ 1841—1870 г.г. послѣдовательно для каждаго десятилѣтія средняя цифра колебалась слѣдующимъ образомъ: 23,18; 23,72; 22,87. Но, во-первыхъ, тотъ фактъ самъ по себѣ уже достаточно замѣчателенъ, что самоубійство изъ года въ годъ обнаруживаетъ такое же, если не большее, постоянство, какъ общая смертность при сравненіи среднихъ за цѣлые періоды. Болѣе того, средній процентъ смертности достигаетъ этой правильности только въ томъ случаѣ, если онъ становится чѣмъ-то общимъ и безличнымъ, почти совершенно неспособнымъ характеризовать данное общество.

ТАБЛИЦА II.

Сравнительныя колебанія процента самоубійствъ и общей смертности.

А. Абсолютныя цифры.

Періодъ	Самоуб.	Смертн.	Періодъ.	Самоуб.	Смертн.	Періодъ.	Самоуб.	Смертн.
1841—48	на 100.000 ж.	на 1000 ж.	1849—55.	на 100.000 ж.	на 1000 ж.	1857—60.	на 100.000 ж.	на 1000 ж.
1841	8,2	23,2	1849	10,0	27,3	1856	11,6	23,1
1842	8,3	24,0	1850	10,1	21,4	1857	10,9	23,7
1843	8,7	23,1	1851	10,1	22.3	1858	10,7	24,1
1844	8,5	22,1	1852	10,5	22,5	1859	11,1	26,8
1845	8,8	21,2	1853	9,4	22,0	1860	11,9	21,4
1846	8,7	23,2	1854	10,2	27,4			
			1855	10,5	25,9			
Среднее	8,5	22,8	Среднее	10,1	24,1	Среднее	11,2	23,8

Періодъ	Самоуб.	Смертн.	Періодъ.	Самоуб.	Смертн.	Періодъ.	Самоуб.	Смертн.
1841—46	на 100.000 ж.	на 1000 ж.	1849—55.	на 100.000 ж.	на 1000 ж.	1857—60.	на 100.000 ж.	на 1000 ж

B.

Процентъ каждаго года, отправляясь отъ средней цифры періода, принятой за 100.

1841	96	101,7	1849	98,9	113,2	1856	103,5	97
1842	97	105,2	1850	100	88,7	1857	97,3	99,3
1843	102	101,3	1851	198,9	92,5	1858	95,5	101,3
1844	100	96,9	1852	103,8	93,3	1859	99,1	112,6
1845	103,5	92,9	1853	93	91,2	1860	106,1	86,9
1846	102,3	101,7	1854	100,9	113,6			
			1855	103.	107,4			
Среднее	100	100						
			Среднее	100	100	Среднее	100	100

C. Величина уклоненія.

	Между двумя послѣдовательными годами			Свыше и ниже средняго числа	
	Maximum уклоненія.	Minimum уклоненія.	Среднее уклоненіе.	Maximum свыше.	Maximum ниже.
Періодъ 1841 — 46.					
Общая смертность	8,8	2,5	4,9	5,2	7,1
Процентъ самоубійствъ . . .	5,0	1	2,5	3,5	4
Періодъ 1849 — 1855.					
Общая смертность	24,5	0,8	10,6	13,6	11,3
Процентъ самоубійствъ. . .	10,8	1,1	4,48	3,8	7,0
Періодъ 1856 — 1860.					
Общая смертность	22,7	1,9	9,57	12,6	10,1
Процентъ самоубійствъ . .	6,9	1,8	4,82	6,0	4,5

Въ самомъ дѣлѣ, средняя смертность одинаково устойчива для всѣхъ народовъ, достигшихъ одного и того же уровня культуры; во всякомъ случаѣ, разница бываетъ очень незначительна. Такъ, во Франціи, какъ мы уже видѣли, она колеблется на протяженіи 1841—1870 г. около 23-хъ смертныхъ случаевъ на 1.000 жителей; въ то же время въ Бельгіи она достигаетъ 23,93, 22,5, 24,04; въ Англіи 22,32, 22,21, 22,68; въ Даніи 22,65 (1845—49 гг.), 20,44, (1855 — 59); 20,4 (1861 — 68). Если исключить изъ этого перечисленія Россію, которая можетъ считаться европейской страной только географически, то единственныя великія державы Европы, у которыхъ величина смертности отличается довольно значительно отъ вышеприведенныхъ цифръ, это Италія, гдѣ уровень достигалъ еще въ 1861—67 гг. 30,6, и Австрія, гдѣ онъ еще болѣе значителенъ, а именно, 32,52 [1]). Наоборотъ, процентъ самоубійствъ, почти не измѣняясь по годамъ, удваивается, утраивается, учетверяется и т. д. при переходѣ изъ одной страны въ другую. (Таблица III). Значитъ, онъ гораздо больше, чѣмъ процентъ общей смертности, специфиченъ для каждой соціальной группы и можетъ разсматриваться, какъ ея характеристическая черта. Онъ настолько тѣсно связанъ съ тѣмъ, что есть самаго глубокаго и основного въ каждомъ національномъ темпераментѣ, что тотъ порядокъ, въ которомъ располагаются въ этомъ отношеніи различныя общества, остается почти неизмѣннымъ въ самыя различныя эпохи. Въ этомъ можно убѣдиться изъ прилагаемой таблицы. На протяженіи трехъ указанныхъ въ ней періодовъ количество самоубійствъ возрастало повсюду, но въ этомъ движеніи впередъ различные народы сохраняли неизмѣнной относительную разницу; у каждаго изъ нихъ былъ свой коэффиціентъ ускоренія.

---

[1]) Данныя эти взяты изъ статьи „Mortalité“ Dictionnaire Encyclopédique des sciences médicales T. LXI, стр. 738.

ТАБЛИЦА III.

Процентъ самоубійствъ на 1.000.000 жителей въ различныхъ странахъ Европы.

	Періодъ.			Мѣсто страны для		
	1866—70	1871—75	1874—78	1-аго періода	2-ого періода	3-го періода
Италія.	30	35	38	1	1	1
Бельгія	66	69	78	2	3	4
Англія.	67	66	69	3	2	2
Норвегія	76	73	71	4	4	3
Австрія	78	94	130	5	7	7
Швеція	85	81	91	6	5	5
Баварія	90	91	100	7	6	6
Франція.	135	150	160	8	9	9
Пруссія.	142	134	152	9	8	8
Данія	277	258	255	10	10	10
Саксонія	293	267	334	11	11	11

Процентъ самоубійствъ указываетъ на вполнѣ опредѣленную закономѣрность явленій, подтверждаемую одновременно и его перманентностью и его измѣняемостью; эта перманентность была бы необъяснимой, если бы она не зависѣла отъ сочетанія связанныхъ между собою характерныхъ признаковъ, которые, несмотря на разнородность окружающихъ ихъ обстоятельствъ, одновременно утверждаютъ другъ друга; измѣняемость ихъ свидѣтельствуетъ объ индивидуальной и конкретной природѣ этихъ характерныхъ чертъ, ибо онѣ измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ самой соціальной индивидуальности. Словомъ, эти статистическія данныя выражаютъ наклонность къ самоубійству, которой коллективно подверженъ каждое общество. Мы не будемъ теперь разбирать, въ чемъ именно заключается эта наклонность и составляетъ ли она состояніе sui generis кол-

лективной души [1]), имѣющее свою собственную реальность, или же она представляетъ собою только сумму индивидуальныхъ состояній. Хотя предшествующія разсужденія съ трудомъ согласуются съ этою послѣдней гипотезою, мы оставляемъ сейчасъ этотъ вопросъ открытымъ и будемъ говорить о немъ впослѣдствіи на страницахъ настоящей книги. Что бы ни думали по этому поводу, но наклонность эта существуетъ подъ тѣмъ или инымъ названіемъ. Въ каждомъ обществѣ можно констатировать предрасположеніе къ извѣстному количеству добровольныхъ смертей. Такое предрасположеніе можетъ служить предметомъ соціальнаго изученія въ предѣлахъ соціологіи. Этимъ-то вопросомъ мы и намѣрены заняться.

Мы не собираемся дать возможно болѣе полный перечень всѣхъ условій, которыя могутъ служить причиною частныхъ случаевъ самоубійства, а ставимъ себѣ задачей отыскать тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ зависитъ строго опредѣленный фактъ, названный нами соціальнымъ процентомъ самоубійствъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эти два вопроса значительно разнятся между собою, несмотря на существующую между ними связь. Въ самомъ дѣлѣ, среди индивидуальныхъ условій есть, безъ сомнѣнія, много такихъ, которыя не являются достаточно общими для того, чтобы оказать вліяніе на соотношеніе между общей цифрой добровольныхъ смертей и численностью населенія. Условія эти могутъ повліять такимъ образомъ, что тотъ или иной отдѣльный индивидъ лишитъ себя жизни, но они не могутъ усилить или ослабить склонность къ самоубійству всего общества in globo. Точно также, если эти условія не зависятъ отъ извѣстнаго состоянія соціальной организаціи даннаго общества, то они не имѣютъ соціальнаго отраженія и потому

---

[1]) Конечно, употребляя это выраженіе, мы отнюдь не хотимъ гипостазировать коллективное сознаніе. Мы столь же мало допускаемъ субстанціальную душу въ обществѣ, какъ и въ отдѣльномъ индивидуумѣ. Позднѣе мы вернемся еще къ этому вопросу.

могутъ быть интересны для психолога, но не для соціолога; предметомъ изысканія послѣдняго служатъ причины, при посредствѣ которыхъ можно оказать воздѣйствіе не на отдѣльныхъ индивидовъ, а на цѣлую группу. Поэтому среди факторовъ самоубійства соціолога касаются только тѣ, которые дѣйствуютъ на цѣлое общество. Процентъ самоубійствъ есть продуктъ этихъ факторовъ, и вотъ почему они должны интересовать насъ.

Таковъ предметъ предлагаемой нами книги, обнимающей по нашему плану три части. Явленіе, которое придется намъ здѣсь объяснять, можетъ зависѣть или отъ причинъ, внѣсоціальныхъ въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова, или отъ чисто соціальныхъ причинъ. Мы сначала займемся разсмотрѣніемъ вліянія первыхъ и увидимъ, что его или не существуетъ, или оно очень ограничено. Мы опредѣлимъ затѣмъ природу соціальныхъ причинъ, тотъ способъ, какимъ онѣ осуществляютъ свое дѣйствіе, и тѣ отношія, въ какихъ онѣ находятся къ индивидуальнымъ состояніямъ, сопровождающимъ различные виды самоубійства.

Закончивъ это изысканіе, мы будемъ въ состояніи съ бо́льшею точностью опредѣлить, въ чемъ заключается соціальный элементъ самоубійства, т. е., въ чемъ заключается эта коллективная склонность, о которой мы только что говорили, а также, въ какомъ отношеніи стоитъ она къ другимъ соціальнымъ фактамъ и какимъ путемъ оказалось бы возможнымъ повліять на нее [1]).

---

[1]) Въ началѣ каждой главы читатель найдетъ библіографическія указанія на источники, касающіеся того спеціальнаго вопроса, который разсматривается въ данной главѣ,—поскольку, разумѣется, такіе источники вообще существуютъ. Здѣсь мы даемъ библіографическій указатель по вопросу о самоубійствѣ вообще:

I. *Оффиціальныя статистическія изданія, которыми мы преимущественно пользовались.*

Oesterreichische Statistik (Statistik des Sanitätswesens).—Annuaire statistique de la Belgique.—Zeitschrift des Koeniglich Bayerischen statistischen Bureau.—Preussische Statistik (Sterblichkeit nach Todesursachen

und Altersclassen der gestorbenen).—Würtembergische Jahrbücher für Statistik und Landeskunde.—Badische Statistik.—Tenth Census of the United States. Report on the Mortality and vital statistic of the United States 1880, II[a] часть.—Annuario statistico Italiano.—Statistica delle cause delle Morti in tutti i comuni del Regno.—Relazione medico-statistica sulle conditione sanitarie dell' Exercite Italiano.—Statistische Nachrichten des Grossherzogthums Oldenburg.—Compte-rendu général de l'administration de la justice criminelle en France.

Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin.—Statistik der Stadt Wien.—Statistisches Handbuch für den Hamburgischen Staat.—Jahrbuch für die amtliche Statistik der Bremischen Staaten.—Annuaire statistique de la ville de Paris.

Полезныя свѣдѣнія можно найти, между прочимъ, въ слѣдующихъ статьяхъ: Platter, *Ueber die Selbstmorde in Oesterreich in den Jahren* 1819-1872. Въ *Statist. Monatsch.*, 1876.—Brattasevic, *Die Selbstmorde in Oesterreich in den Jahren* 1873-77, въ *Stat. Monatsch.*, 1878 стр. 429.—Ogle, *Suicides in England and Wales in relation to Age, Sexe, Season and Occupation.* Въ *Journal of the statistical Society*, 1886.—Rossi, *Il Suicidio nella Spagua nel* 1884. *Arch. di psychiatria*, Torino, 1886.

II. *Научныя работы, посвященныя самоубійству вообще.*

De Guerry, *Statistique morale de la France*, Paris 1835, et *Statistique morale comparée de la France et de l'Angleterre*, Paris, 1864.—Tissot, *De la manie du suicide et de l'esprit de révolte, de leurs causes et de leurs remèdes*, Paris, 1841.—Etoc Demazy, *Recherches statistiques sur le suicide*, Paris, 1844.—Lisle, *Du suicide*, Paris 1856.—Wappäus, *Allgemeine Bevölkerungsstatistik*, Leipzig, 1861.—Wagner, *Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen*, Hamburg, 1864, 2[a] часть.—Brierre de Boismont, *Du suicide et de la folie-suicide*, Paris, Germer Baillière, 1865.—Douay, *Le suicide ou la mort volontaire*, Paris, 1870.—Leroy, *Étude sur le suicide et les maladies mentales dans le département de Seine-et-Marne*, Paris, 1870.—Oettingen, *Die Moralstatistik*, 3e изд. Erlangen, 1882 стр. 786-832 и таблицы 103-120.—Того же автора, *Ueber acuten und chronischen Selbstmord* Dorpat, 1881.—Morselli, *Il suicidio*, Milano, 1879.—Legoyt, *Le suicide ancien et moderne*, Paris, 1881.—Masaryk, *Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung*, Vienne, 1881. Westcott, *Suicide, its history, litterature*, etc., London, 1885.—Motta, *Bibliografia del Suicidio*, Bellinzona, 1890.—Corre, *Crime et suicide*, Paris, 1891.—Bonomelli, *Il Suicidio*, Milano, 1892.—Mayr, *Selbstmordstatistik*, Въ *Handwörterburch der Staatswissenschaften, herausgegeben von Conrad, Erster Supplementband.* Jena, 1895.

КНИГА I.

Факторы внѣсоціальнаго характера.

Глава I.

Самоубійство и психопатическія состоянія.[1]).

Есть два рода внѣсоціальныхъ причинъ, которымъ a priori можно приписать вліяніе на количество самоубійствъ: психо-органическое предрасположеніе и природа окружающей физической среды. Въ индивидуальномъ строеніи людей или, во всякомъ случаѣ, въ строеніи значительнаго класса человѣческихъ индивидовъ можетъ существовать склонность различной силы, въ зависимости отъ данной страны,—склонность, которая непосредственно влечетъ человѣка къ самоубійству; съ другой стороны, климатъ, температура и т. д. могли бы, въ силу того воздѣйствія, которое они производятъ на организмъ человѣка, приводить

[1]) *Библіографія.*—Falret, *De l'hypocondrie et du sucide,* Paris, 1822.—Esquirol, *Des maladies mentales,* Paris, 1838.—(т. I. стр. 526-676) и статья *Suicide* въ *Dictionnaire de médecine,* 60 т.—Cazauvieilh, *Du suicide et de l'aliénation mentale,* Paris, 1840.—Etoc Demazy, *De la folie dans la production du suicide,* въ *Annales médico-psych.,* 1844.—Bourdin, *Du suicide considéré comme maladie,* Paris 1845.—Dechambre, *De la monomanie homicide-suicide,* въ *Gazette médic.,* 1852.—Jousset, *Du suicide et de la monomanie suicide* 1858. — Brierre de Boismont, *op. cit.* — Leroy, *op. cit.* — статья *Suicide,* въ *Dictionnaire de médecine et de chirurgie pratique,* т. XXXIV стр. 117.—Strahau, *Suicide and Insanity,* London 1824.

Lunier, *De la production et de la consommation des boissons alcooliques en France,* Paris, 1877.—Того же автора статья въ *Annales médico-psych.,* 1872; *Journal de la Soc. de stat.,* 1878.—Prinzing, *Trunksucht und Selbstmord,* Leipzig, 1895.

косвенно къ тѣмъ же результатамъ. Гипотеза эта, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отвергнута безъ предварительнаго обсужденія. Мы послѣдовательно разсмотримъ эти два рода факторовъ и постараемся узнать, имѣютъ-ли они на самомъ дѣлѣ какое-нибудь значеніе для изучаемаго нами явленія и если—да, то—каково оно.

I.

Существуютъ болѣзни, общій годовой процентъ которыхъ, обыкновенно, относительно постояненъ для даннаго общества; и въ то же время онъ значительно колеблется у различныхъ народовъ. Таково—сумасшествіе. Если бы были какія-нибудь точныя данныя, на основаніи которыхъ въ каждой добровольной смерти можно было видѣть проявленіе сумасшествія, то поставленная нами проблема была бы разрѣшена и самоубійство было бы тогда ничѣмъ инымъ, какъ индивидуальною болѣзнью [1]).

Этотъ тезисъ поддерживается значительнымъ числомъ психіатровъ. Такъ, напримѣръ, Esquirol говоритъ: „Въ самоубійствѣ проявляются всѣ черты сумасшествія („Maladies mentales“ т. I, стр. 639). Только въ состояніи безумія человѣкъ способенъ покушаться на свою жизнь, и всѣ самоубійцы—душевно-больные люди“. (Ibid. т. I, стр. 665). Исходя изъ этого принципа, онъ пришелъ къ тому заключенію, что, будучи непроизвольнымъ фактомъ, самоубійство не должно быть преслѣдуемо закономъ.

Falret („Du suicide“ стр. 137) и Moreau de Tours высказываютъ почти одинаковое съ нимъ мнѣніе по этому вопросу. Правда, послѣдній въ томъ же мѣстѣ своей книги, гдѣ онъ излагаетъ раздѣляемую имъ доктрину, дѣлаетъ замѣчаніе, котораго одного достаточно для того, чтобы вызвать сомнѣніе въ справедливости этой доктрины. „Должно ли самоубійство“, говоритъ онъ, „разсматриваться во всѣхъ

---

[1]) Въ той мѣрѣ, конечно, поскольку само сумасшествіе можетъ считаться чисто индивидуальнымъ. Въ дѣйствительности, оно—отчасти явленіе соціальное. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

случаяхъ, какъ результатъ сумасшествія? Не желая рѣшать здѣсь этого труднаго вопроса, скажемъ, что въ общемъ, чѣмъ глубже удается изучить сумасшествіе, чѣмъ больше накопляется по этому вопросу опыта, чѣмъ больше, наконецъ, дѣлается наблюденій надъ сумасшедшими, тѣмъ сильнѣе подсказываетъ намъ инстинктъ, что это мнѣніе вполнѣ правильно". (Annales médico-psych. т. VII, стр. 287). Въ 1845 г. докторъ Бурденъ въ своей брошюрѣ, появленіе которой произвело большую сенсацію въ медицинскомъ мірѣ, еще съ большею убѣжденностью настаивалъ на этомъ предположеніи.

Эту теорію можно защищать двояко: можно утверждать съ одной стороны, что самоубійство само есть болѣзнь sui generis, что оно представляетъ собою особый видъ сумасшествія, или же, не выдѣляя его въ качествѣ особаго вида, усматривать въ немъ просто эпизодическое явленіе того или иного вида сумасшествія, явленіе, не встрѣчающееся у людей со здоровымъ разсудкомъ. Первый тезисъ защищаетъ Bourdin. Esquirol, наоборотъ, является наиболѣе авторитетнымъ представителемъ второго мнѣнія. „Судя по имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу", говоритъ онъ [1]), „можно заключить, что самоубійство представляетъ собою явленіе, зависящее отъ громаднаго количества различныхъ причинъ, что проявляется оно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и что это явленіе не знаменуетъ собой никакой опредѣленной болѣзни. Для того, чтобы сдѣлать изъ самоубійства болѣзнь sui generis, прибѣгаютъ къ общимъ выводамъ, опровергаемымъ опытомъ".

Изъ упомянутыхъ двухъ способовъ объясненія самоубійства путемъ сумасшествія второй менѣе убѣдителенъ и солиденъ въ силу того принципа, что не можетъ быть отрицательныхъ опытовъ. На самомъ дѣлѣ, невозможно составить полный списокъ всѣхъ случаевъ самоубійства и показать въ каждомъ изъ нихъ вліяніе сумасшествія. Можно

---

[1]) *Maladies mentales,* т. I, стр. 528.

говорить только объ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, которые, несмотря на свою многочисленность, не могутъ служить основаніемъ для научнаго обобщенія; если обратные примѣры не приводятся, то они все-же остаются возможными. Между тѣмъ, доказательство другого положенія, если бы его вообще можно было построить, дало бы самые убѣдительные результаты. Если бы удалось доказать, что самоубійство есть специфическое сумасшествіе, имѣющее свои отличительныя, характерныя черты и свое ясно выраженное развитіе, вопросъ былъ бы рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что всякій самоубійца есть сумасшедшій. Но существуетъ-ли самоубійство-помѣшательство?

II.

Склонность къ самоубійству, по природѣ своей специфическая и вполнѣ опредѣленная, если и является разновидностью сумасшествія, то во всякомъ случаѣ можетъ быть только сумасшествіемъ частичнымъ и ограничивающимся однимъ проявленіемъ. Для того чтобы она могла характеризировать собою особый видъ помѣшательства, надо, чтобы послѣднее было направлено именно на одинъ этотъ поступокъ, потому что, если ихъ будетъ много—то не будетъ никакого разумнаго основанія брать для опредѣленія помѣшательства данный, а не какой-либо другой фактъ. По традиціонной терминологіи, подобное частичное сумасшествіе называется мономаніей. Мономанъ—это душевно-больной, сознаніе котораго абсолютно ясно, кромѣ одного пункта; пораженіе его интеллекта строго локализировано. Такъ, напримѣръ, въ извѣстные моменты его охватываетъ безразсудная и нелѣпая страсть воровать, пить или оскорблять окружающихъ; но всѣ его остальные поступки и мысли вполнѣ нормальны и координированы. Если существуетъ помѣшательство-самоубійство, то оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ мономаніей, и такъ его чаще всего и квалифицируютъ [1]).

---

[1]) См. Briere de Boismont, *op. cit.* стр. 140.

Съ другой стороны, говорятъ, что, если допустить существованіе особой болѣзни, называемой мономаніей, то въ нее легко можно включить и самоубійство; все характерное для этого вида душевныхъ болѣзней, согласно данному нами опредѣленію, заключается въ томъ, что онѣ не вносятъ существеннаго разстройства въ интеллектъ человѣка. Основаніе умственной жизни одно и то же и у мономана, и у человѣка душевно здороваго; только у перваго опредѣленное психическое состояніе, какъ патологическое, очень рельефно отдѣляется отъ этого основного фона. Мономанія—это просто преувеличенная страсть среди ряда различныхъ склонностей, ложная идея въ рядѣ представленій, но идея такой силы, что она овладѣваетъ умомъ человѣка и всецѣло порабощаетъ его. Напримѣръ, чувство честолюбія изъ нормальнаго становится болѣзненнымъ и превращается въ манію величія, разъ оно принимаетъ такіе размѣры, что всѣ остальныя мозговыя функціи какъ бы парализуются имъ. Достаточно одного рѣзкаго движенія чувства для того, чтобы умственное равновѣсіе поколебалось и мономанія проявила себя. Итакъ, можно думать, что самоубійство совершается подъ вліяніемъ какой-нибудь ненормальной страсти, причемъ она либо разрѣшается однимъ ударомъ, либо, наоборотъ, идея самоубійства назрѣваетъ постепенно. Можно даже утверждать, и это будетъ повидимому убѣдительно, что всегда необходима какая-нибудь сила подобнаго рода, чтобы нейтрализировать основной инстинктъ самосохраненія. Съ другой стороны, множество самоубійцъ, внѣ того особаго акта, которымъ они прерываютъ теченіе своей жизни, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей; слѣдовательно, нѣтъ никакого повода для того, чтобы приписывать имъ общее безуміе. Намъ понятно теперь, почему подъ этикетомъ мономаніи самоубійство нашло себѣ мѣсто въ рядахъ сумасшествія.

Но существуетъ-ли мономанія? Долгое время существованіе ея не подвергалось сомнѣнію; психіатры единодушно принимали теорію „частичнаго сумасшествія“. Ее не

только считали доказанной различными клиническими наблюденіями, но даже находили для нея подтвержденіе въ данныхъ психологіи. Въ то время утверждалось, что человѣческій умъ состоитъ изъ различныхъ свойствъ и разрозненныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ по большей части вмѣстѣ, но способны дѣйствовать и порознь; поэтому вполнѣ естественно, что онѣ могутъ каждая въ отдѣльности быть захвачены болѣзнью. Если человѣкъ можетъ проявлять разумъ отдѣльно отъ воли и чувствительность отдѣльно отъ разума, то почему же не могутъ тогда существовать болѣзни разума или воли безъ того, чтобы была задѣта чувствительность и vice versa? Примѣняя тотъ же принципъ по отношенію къ болѣе спеціальнымъ формамъ этихъ душевныхъ способностей, можно придти къ заключенію, что можетъ быть поражена исключительно только одна какая-нибудь склонность точно такъ же, какъ и отдѣльная идея, или отдѣльный актъ.

Въ данный моментъ это мнѣніе всюду отвергнуто. Безъ сомнѣнія, нельзя доказать прямо путемъ наблюденія отсутствіе мономаній; но вполнѣ установлено, что нельзя привести ни одного безспорнаго случая ихъ. Никогда клиническому опыту не удавалось доказать болѣзненной склонности разума въ состояніи полной изоляціи; всякій разъ, какъ какая-нибудь одна способность души затронута болѣзнью, другія поражены одновременно съ нею, и если сторонники мономаніи не замѣтили существованія этой общей болѣзненности, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ только о неправильности ихъ наблюденія. „Возьмемъ, напримѣръ", говоритъ Falret [1]), сумасшедшаго, занятаго религіозными идеями, котораго отнесли бы, конечно, къ разряду религіозныхъ мономановъ. Онъ считаетъ себя вдохновленнымъ свыше, посланнымъ Богомъ на землю, несущимъ новое религіозное откровеніе. Это совершенно безумная мысль, скажете вы, но внѣ обла-

---

[1]) *Maladies mentales*, стр. 437.

сти религіозныхъ идей онъ разсуждаетъ подобно всѣмъ остальнымъ людямъ. Побесѣдуйте съ нимъ болѣе внимательно и вы тотчасъ же замѣтите въ немъ другія болѣзненныя идеи, параллельныя религіознымъ: вы найдете у него манію величія; онъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на творца новой религіи, реформатора всего общества, можетъ быть, онъ будетъ считать себя предназначеннымъ и для еще болѣе высокой судьбы... Допустимъ, что, поискавъ у такого больного признаковъ маніи величія, вы бы не нашли ихъ, но тогда бы вы констатировали у него идею самоуниженія или патологическій страхъ. Поглощенный религіозными идеями больной будетъ считать себя вполнѣ потеряннымъ, обреченнымъ на погибель человѣкомъ и т. д.". Конечно, всѣ эти болѣзненныя явленія не встрѣчаются одновременно у одного и того же человѣка, но ихъ часто можно встрѣтить вмѣстѣ, или же, если они не проявляются всѣ въ одинъ и тотъ же моментъ болѣзни, то слѣдуютъ другъ за другомъ, совпадая съ болѣе или менѣе близкими ея фазисами. Наконецъ, независимо отъ этихъ проявленій частнаго характера, у мнимыхъ мономановъ наблюдается особое общее состояніе всей психической жизни, составляющее основаніе болѣзни, а всѣ безумныя идеи являются только его наружнымъ и временнымъ выраженіемъ; состояніе это заключается въ чрезмѣрной возбужденности или въ крайнемъ упадкѣ духа, или же въ общемъ извращеніи. Въ такихъ случаяхъ, главнымъ образомъ, наблюдается нарушеніе равновѣсія и координаціи мыслей, такъ-же какъ и движеній. Больной разсуждаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣпи его мыслей бываютъ пробѣлы; онъ ведетъ себя, не дѣлая абсурдныхъ выходокъ, но въ поведеніи его нѣтъ послѣдовательности. Итакъ, будетъ не вполнѣ правильнымъ сказать, что это—человѣкъ частично сумасшедшій, потому что, какъ только безуміе проникаетъ въ сознаніе человѣка, то овладѣваетъ имъ цѣликомъ.

Помимо того, основаніе, на которомъ покоится вышеуказанная гипотеза мономаніи, находится въ полномъ про-

тиворѣчіи съ дѣйствительными данными науки. Старинная психологическая теорія не находитъ больше защитниковъ. Въ различныхъ видахъ сознательной дѣятельности теперь уже больше не видятъ разрозненныхъ силъ, которыя соединяются и находятъ свое единство только въ какой-нибудь метафизической субстанціи, а видятъ въ нихъ связныя функціи этой дѣятельности; поэтому невозможно, чтобы одна изъ нихъ была повреждена безъ того, чтобы это поврежденіе не отозвалось на всѣхъ остальныхъ. Поврежденіе это отзывается на мозговой жизни человѣка глубже, чѣмъ на всемъ его организмѣ, потому что психическія функціи имѣютъ слишкомъ общіе органы для того, чтобы они могли быть затронуты каждый въ отдѣльности. Распредѣленіе ихъ между различными областями головного мозга не имѣетъ въ себѣ ничего прочно установленнаго; это доказывается тою легкостью, съ которою различныя части мозга могутъ замѣщать другъ друга въ случаѣ, если которая-нибудь изъ нихъ окажется неспособной исполнять свою задачу. Сплетеніе ихъ слишкомъ сложно для того, чтобы сумасшествіе могло коснуться однихъ безнаказанно для другихъ. Еще болѣе очевидно, что безуміе не можетъ коснуться одной какой-нибудь мысли или чувства безъ того, чтобы вся психическая жизнь въ корнѣ своемъ не была имъ затронута. Представленія и наклонности человѣка не имѣютъ своего самостоятельнаго существованія; они не составляютъ также и маленькихъ субстанцій, духовныхъ атомовъ, которые, сцѣпляясь, образовали бы умъ человѣка. Они служатъ только для внѣшняго выраженія общаго состоянія сознательныхъ центровъ, они истекаютъ изъ нихъ и являются ихъ выразителями; поэтому они не могутъ принимать болѣзненнаго характера безъ того, чтобы общее состояніе не было само по себѣ повреждено.

Но если умственныя поврежденія не могутъ локализироваться, то и не можетъ быть мономаніи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Поврежденія, повидимому, мѣстнаго происхожденія, носящія въ зависимости отъ этого то или

иное названіе, всегда являются результатомъ болѣе обширной пертурбаціи; они, на самомъ дѣлѣ, не самостоятельныя болѣзни, а частичныя и второстепенныя проявленія болѣе общихъ болѣзней. Если не существуетъ мономаніи вообще, то не существуетъ мономаніи самоубійства, а, поэтому, самоубійство не можетъ быть опредѣленнымъ видомъ сумасшествія.

III.

Остается предположеніе, что самоубійство есть извѣстный моментъ сумасшествія; если оно само по себѣ не есть особый видъ сумасшествія, то нѣтъ такой формы душевныхъ болѣзней, въ которой оно не могло бы проявиться; оно становится въ такомъ случаѣ эпизодическимъ болѣзненнымъ припадкомъ, но довольно часто встрѣчающимся. Можно-ли изъ этихъ повторяющихся случаевъ вывести заключеніе, что самоубійство немыслимо въ здоровомъ состояніи и что оно есть извѣстный признакъ психическаго заболѣванія?

Такое заключеніе было бы очень поспѣшнымъ, такъ какъ среди поступковъ психически больныхъ людей есть такіе, которые имъ только свойственны и которые могутъ считаться для нихъ характерными; но есть и такіе, которые, наоборотъ, у нихъ одинаковы съ здоровыми людьми, хотя у сумасшедшихъ они и получаютъ особую окраску. Разсуждая a priori, нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы помѣщать самоубійство въ первую изъ этихъ категорій. Конечно, психіатры утверждаютъ, что большинство самоубійцъ, которыхъ они наблюдали, являли всѣ признаки умственнаго разстройства, но этого показанія недостаточно для разрѣшенія вопроса. Подобныя наблюденія слишкомъ поверхностны, тѣмъ болѣе, что изъ такого совершенно спеціальнаго опыта нельзя вывести никакого общаго закона. Самоубійцы, наблюдаемые психіатрами, были, конечно, душевно-больными людьми, но они не могутъ служить безспорнымъ доказательствомъ приводимой здѣсь гипотезы,

особенно при наличности большого числа самоубійцъ, которыхъ эти психіатры не наблюдали, и особенно принимая во вниманіе численный перевѣсъ послѣднихъ.

Единственный правильный методъ состоитъ въ томъ, чтобы классифицировать самоубійства, совершенныя умалишенными согласно ихъ существеннымъ особенностямъ, и, такимъ образомъ, установить главные типы самоубійствъ въ состояніи психическаго разстройства и произвести точное изысканіе, дѣйствительно ли всѣ случаи добровольной смерти подходятъ подъ эту рубрику. Иначе говоря, для того, чтобы узнать, есть ли самоубійство актъ, исключительно присущій сумасшедшимъ, надо опредѣлить тѣ формы, которыя оно принимаетъ при умственномъ разстройствѣ, и рѣшить потомъ вопросъ, ему ли одному оно свойственно. Спеціалистами по этому вопросу сдѣлано очень мало въ отношеніи классификаціи самоубійствъ сумасшедшихъ, но, тѣмъ не менѣе, можно считать, что слѣдующіе четыре типа содержатъ наиболѣе яркіе виды. Основныя черты этой классификаціи мы заимствуемъ у Jousset и Moreau de Tours (ст. „Suicide“ изъ „Dictionnaire de médecine et de chirurgie pratique“).

1. Маніакальное самоубійство. Этотъ видъ самоубійства присущъ людямъ, страдающимъ галлюцинаціями или бредовыми идеями. Больной убиваетъ себя для того, чтобы избѣгнуть воображаемой опасности или позора, или же дѣйствуетъ, какъ бы повинуясь таинственному приказанію, полученному имъ свыше [1]) и т. д. Но мотивы и формы развитія этого вида самоубійства отражаютъ на себѣ общій характеръ той болѣзни, отъ которой они проистекаютъ, т. е. той или иной маніи. Отличительною чертою этого душев-

---

[1]) Не надо смѣшивать эти галлюцинаціи съ тѣми случаями, когда больной не сознаетъ той опасности, которой онъ себя подвергаетъ, какъ, напримѣръ, если онъ выскакиваетъ въ окно, принявъ его за дверь. Въ этомъ случаѣ это будетъ не самоубійство, а, согласно вышеданному опредѣленію, случайная смерть.

наго заболѣванія является чрезвычайная общая подвижность. Самыя разнообразныя и противорѣчивыя чувства и мысли смѣняютъ одна другую въ мозгу маніака съ необыкновенной быстротой. Послѣдній находится поэтому какъ бы въ постоянномъ вихрѣ чередующихся настроеній. Едва успѣетъ фиксироваться одна полоса сознанія, какъ она уже заслоняется другою; то же можно сказать и о причинахъ, вызывающихъ самоубійства маніаковъ; онѣ рождаются и исчезаютъ, превращаясь изъ однѣхъ въ другія съ изумительною быстротой. Внезапно появляется галлюцинація или бредовое состояніе, которыя побуждаютъ маніака лишить себя жизни; они влекутъ за собою попытку самоубійства. Черезъ нѣсколько мгновеній положеніе вещей измѣняется, и, если попытка оканчивается неудачей, то, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ маніакъ ея не возобновляетъ, а если и возвращается къ ней позднѣе, то въ силу какого-нибудь другого мотива. Самое незначительное событіе можетъ привести къ самымъ внезапнымъ метаморфозамъ. Одинъ подобный больной, желая покончить съ собою, бросился въ рѣку, большую часть года не особенно глубокую. Онъ принужденъ былъ искать достаточно глубокаго мѣста для того, чтобы утопиться, пока его не замѣтилъ таможенный солдатъ. Угадавъ его намѣреніе, онъ прицѣлился и пригрозилъ ему, что будетъ стрѣлять, если тотъ не выйдетъ изъ воды. Тотчасъ же нашъ больной вылѣзаетъ изъ воды, идетъ домой и уже не думаетъ болѣе о самоубійствѣ (Bourdin. Op. cit. стр. 43).

II. *Самоубійство меланхоликовъ*. Этотъ видъ самоубійства встрѣчается у людей, находящихся въ состояніи высшаго упадка духа, глубочайшей скорби; въ такомъ состояніи человѣкъ не можетъ вполнѣ здраво опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ его лицамъ и предметамъ. Его не привлекаютъ никакія удовольствія, все рисуется ему въ черномъ свѣтѣ, жизнь представляется утомительной и безрадостной. Въ виду того, что такое состояніе не прекращается ни на минуту, у больного начинаетъ просыпаться не-

отступная мысль о самоубійствѣ; мысль эта крѣпко фиксируется въ его мозгу, и опредѣляющіе ее общіе мотивы остаются неизвѣстными. Одна молодая дѣвушка, дочь вполнѣ здоровыхъ родителей, проведшая дѣтство въ деревнѣ, должна была лѣтъ 14 уѣхать въ городъ для того, чтобы продолжать свое образованіе. Съ этого момента ее охватываетъ невыразимая тоска; она начинаетъ стремиться къ одиночеству, и скоро въ ней просыпается ничѣмъ непобѣдимое желаніе умереть. „Цѣлыми часами она сидитъ неподвижно съ опущенными глазами, сгорбившись, въ позѣ и настроеніи человѣка, предчувствующаго что-то зловѣщее; у нея созрѣваетъ твердое рѣшеніе утопиться, и она ищетъ для этого наиболѣе уединеннаго мѣста съ тѣмъ, чтобы никто не могъ спасти ее“ [1]). Тѣмъ не менѣе, прекрасно сознавая, что ея поступокъ будетъ преступленіемъ, она на нѣкоторое время откладываетъ его выполненіе. Черезъ годъ мысль о самоубійствѣ съ бо̀льшею силой охватываетъ ее, и она на протяженіи небольшого количества времени дѣлаетъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ покончить съ собой.

Часто на фонѣ общаго отчаянія появляются галлюцинаціи и бредовыя идеи, непосредственно влекущія больного къ самоубійству, но въ нихъ нѣтъ той подвижности, которая замѣчается у только что разсмотрѣннаго нами типа маніаковъ. Напротивъ, идеи эти вполнѣ опредѣленны и неподвижны, какъ и общее состояніе духа, изъ котораго онѣ проистекаютъ. Боязнь, мучающая больного, упреки, которые онъ себѣ дѣлаетъ, несчастія, которыя онъ себѣ рисуетъ, всегда одни и тѣ же. Если этотъ видъ самоубійства опредѣляется воображаемыми причинами, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, то мысль о немъ отличается своимъ хроническимъ характеромъ и потому неотвязчиво стоитъ въ мозгу человѣка. Больные, принадлежащіе къ этой категоріи, спокойно обдумываютъ всѣ детали своего плана; въ достиженіи своей

---

[1]) Falret, *Hypocondrie et suicide*, стр. 299—307.

цѣли они проявляютъ даже невѣроятное постоянство и иногда удивительную хитрость. Постоянная неустойчивость мысли маніака очень мало похожа на эту послѣдовательность меланхолика. У одного можно наблюдать только преходящія вспышки, не обусловленныя длительными причинами, у другого, напротивъ, постоянное настроеніе, тѣсно-связанное съ самымъ характеромъ больного.

III. Самоубійство одержимыхъ навязчивыми идеями. Въ этомъ состояніи самоубійство не обусловливается никакими мотивами, ни реальными, ни воображаемыми, а только навязчивой мыслью о смерти, которая безъ всякой видимой причины всесильно владѣетъ умомъ больного. Онъ одержимъ желаніемъ покончить съ собой, хотя онъ прекрасно знаетъ, что у него нѣтъ къ этому никакого разумнаго повода. Это инстинктивное желаніе не подчиняется никакимъ размышленіямъ и разсужденіямъ, подобно тѣмъ безудержнымъ потребностямъ воровать, убивать, поджигать, которыя раньше пытались истолковать, какъ особые виды мономаніи. Такъ какъ больной отдаетъ себѣ отчетъ въ нелѣпости своего желанія, то онъ пробуетъ въ началѣ бороться съ нимъ, но все время, пока воля противится этому стремленію, больной грустенъ, подавленъ, его грудь сжимаетъ тоска, которая съ каждымъ днемъ усиливается. Въ силу этой особенности, данному виду самоубійства даютъ иногда названіе „самоубійства отъ тоски“ (*suicide anxieux*). Это состояніе было превосходно описано однажды однимъ больнымъ психіатру Brierre de Boismont. „Я служу въ одной торговой фирмѣ и удовлетворительно исполняю возложенныя на меня обязанности, но дѣйствую все время, какъ автоматъ, и обращенныя ко мнѣ слова звучатъ въ моихъ ушахъ такъ, какъ если бы они раздавались въ пустомъ пространствѣ. Меня безконечно мучаетъ ни на минуту не покидающая меня мысль о самоубійствѣ. Цѣлый годъ я уже нахожусь въ такомъ состояніи; въ началѣ оно было выражено лишь неясно, а теперь, приблизительно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, оно не оставляетъ меня ни на минуту, хотя у меня

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

нѣтъ никакого повода желать смерти. Физически я здоровъ, никто въ моей семьѣ не былъ подверженъ подобному душевному недугу, я не потерпѣлъ никакихъ потерь, жалованья моего вполнѣ достаточно для того, чтобы доставлять себѣ свойственныя моему возрасту развлеченія"[1]). Но едва больной прекратилъ борьбу съ самимъ собою и рѣшилъ убить себя, тревога его кончилась и къ нему вернулось спокойствіе. Если попытка самоубійства оканчивается неудачей, то этого оказывается достаточно для того, чтобы больной на время успокоился; можно сказать, что у него проходитъ самое желаніе лишить себя жизни.

IV. Автоматическое или импульсивное самоубійство. Этотъ видъ самоубійства такъ же мало мотивированъ, какъ и предыдущій; ни въ дѣйствительности, ни въ воображеніи больного для него нѣтъ никакого основанія. Разница между нимъ и предыдущимъ видомъ заключается въ томъ, что вмѣсто того, чтобы быть результатомъ навязчивой идеи, которая болѣе или менѣе долгое время преслѣдуетъ больного и лишь постепенно овладѣваетъ его волей, этотъ видъ самоубійства проистекаетъ отъ внезапнаго и непобѣдимаго импульса. Мысль въ одно мгновеніе созрѣваетъ до конца и вызываетъ самоубійство, или, по крайней мѣрѣ, толкаетъ больного на рядъ предварительныхъ дѣйствій. Эта внезапность рѣшенія напоминаетъ намъ то, что мы раньше видѣли при той или иной маніи; но самоубійство маніакальное всегда имѣетъ, хотя и неразумное, но все-же основаніе. Здѣсь же, наоборотъ, мысль о самоубійствѣ зарождается внезапно и совершенно автоматически, безъ наличности какого-нибудь предварительнаго сознательнаго рѣшенія, ведетъ къ роковой развязкѣ. Видъ ножа, прогулка по краю пропасти и т. д. мгновенно порождаетъ мысль о самоубійствѣ, и выполненіе ея такъ стремительно, что больные часто совершенно не сознаютъ того, что произошло. „Человѣкъ", гово-

---

[1]) *Suicide et folie-suicide,* стр. 397.

ритъ Briere, „спокойно разговариваетъ съ друзьями; вдругъ онъ внезапно перескакиваетъ черезъ барьеръ и бросается въ воду. Его тотчасъ же вытаскиваютъ и спрашиваютъ о мотивахъ его поступка. Онъ отвѣчаетъ, что самъ не знаетъ о нихъ и что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ силы, управлявшей имъ помимо его воли“ [1]). „Самое удивительное“, говоритъ другой больной, „что я совершенно не могу вспомнить, какимъ образомъ я взобрался на окно и какая мысль была у меня тогда въ головѣ; я совершенно не хотѣлъ убивать себя, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ я не могу вспомнить, чтобы у меня было такое желаніе“ [2]).—При болѣе слабой степени болѣзни люди чувствуютъ приближеніе припадка, и имъ удается избѣгнуть непобѣдимаго очарованія орудія смерти, если они не оглядываясь бѣгутъ отъ него.

Въ общемъ, всѣ случаи самоубійства среди душевнобольныхъ или лишены всякаго мотива, или же опредѣляются совершенно вымышленными мотивами. Громадное количество добровольныхъ смертей не могутъ быть отнесены ни къ той, ни къ другой категоріи; большинство изъ нихъ имѣютъ мотивы, не лишенные реальнаго основанія; поэтому нельзя, не злоупотребляя словами, считать каждаго самоубійцу сумасшедшимъ. Изъ всѣхъ характеризованныхъ нами случаевъ самоубійства наиболѣе трудно, повидимому, отличить отъ самоубійствъ, наблюдаемыхъ среди здоровыхъ людей, самоубійство меланхоликовъ; очень часто вполнѣ нормальный человѣкъ, кончающій съ собою, находится въ крайне подавленномъ и угнетенномъ состояніи, какъ и человѣкъ, страдающій болѣзненною меланхоліей. Но все-же между ними всегда существуетъ основное различіе; состояніе духа перваго и вытекающій изъ этого состоянія поступокъ имѣютъ нѣкоторую объективную причину, тогда какъ

---

[1]) Briere, *op. cit.*, стр. 574.

[2]) *Ibid.*, стр. 314.

у второго самоубійство не стоитъ ни въ какой связи съ внѣшними обстоятельствами. Въ общемъ, самоубійства психически ненормальныхъ людей отличаются отъ остальныхъ точно такъ же, какъ иллюзіи и галлюцинаціи отличаются отъ нормальныхъ воспріятій и какъ автоматическіе импульсы—отъ вполнѣ сознательныхъ поступковъ. Возможенъ, конечно, непрерывный переходъ отъ однихъ къ другимъ, но если бы это было достаточною причиною для того, чтобы отождествлять ихъ, то пришлось бы вообще устранить различіе между здоровьемъ и болѣзнью, ибо вторая—только видоизмѣненіе перваго. Если бы даже и удалось установить, что средніе люди никогда не лишаютъ себя жизни и что рѣшающіеся на самоубійство представляютъ собою нѣкоторую аномалію, то все-же это не давало бы намъ права смотрѣть на сумасшествіе, какъ на непремѣнное условіе самоубійства; сумасшедшій не есть просто человѣкъ, нѣсколько иначе думающій и поступающій, чѣмъ обыкновенная средняя масса, поэтому тѣсно связать самоубійство съ сумасшествіемъ можно только въ томъ случаѣ, если произвольно ограничить значеніе словъ. „Тотъ, кто, внимая только голосу благородства и великодушія, подвергаетъ себя завѣдомой опасности или же неминуемой смерти и добровольно жертвуетъ жизнью во имя закона, вѣры или спасенія своей родины, не можетъ называться самоубійцей“, восклицаетъ Esquirol [1]) и приводитъ примѣры Деція, Асса и т. д. Falret [2]) точно такъ-же отказывается считать самоубійцами Курція, Кодра и Аристодема; подобнымъ же образомъ Bourdin исключаетъ изъ понятія самоубійства всѣ случаи добровольной смерти, не только вызванные твердостью въ вѣрѣ или въ политическихъ убѣжденіяхъ, но даже экзальтаціей чувства. Но мы знаемъ, что природа побудительныхъ причинъ, непосредственно опредѣляющихъ собой самоубійство, такова, что онѣ не могутъ ни служить для него опредѣле-

---

[1]) *Maladies mentales*, т. I, стр. 529.
[2]) *Hypocondrie et suicide*, стр. 3.

ніемъ, ни провести границу между самоубійствомъ и несамоубійствомъ. Всѣ случаи смерти, являющіеся результатомъ поступка самого пострадавшаго лица, дѣйствовавшаго съ полнымъ сознаніемъ этого результата, представляютъ, независимо отъ своей цѣли, слишкомъ существенное сходство для того, чтобы ихъ можно было распредѣлить по различнымъ родамъ; при самыхъ разнообразныхъ мотивахъ, они могутъ считаться только разновидностями одного и того же рода; кромѣ того, для того чтобы установить подобное различіе, нуженъ другой какой-нибудь критерій, а не преслѣдуемая жертвой цѣль, которая всегда болѣе или менѣе проблематична.

Такимъ образомъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, установить группу самоубійствъ, въ которыхъ отсутствуетъ элементъ сумасшествія. Но если уже исключеніямъ открыть свободный входъ, то трудно бываетъ потомъ закрыть его, потому что между смертями, внушенными исключительнымъ великодушіемъ, и смертями, вызванными чувствами менѣе возвышенными, не существуетъ рѣзкой границы; переходъ отъ однихъ къ другимъ совершается безъ всякаго видимаго скачка. И если первые изъ этихъ случаевъ называть самоубійствомъ, то почему же не квалифицировать такимъ же образомъ и вторые. Итакъ, мы установили, что есть громадное количество случаевъ самоубійства, безъ всякой примѣси сумасшествія; ихъ можно распознавать по двоякому признаку: во-первыхъ, они вполнѣ обдуманны, во-вторыхъ, представленія, изъ которыхъ слагается мышленіе подобныхъ субъектовъ, не являются галлюцинаціями въ чистомъ видѣ. Изъ всего сказаннаго ясно, что этотъ, такъ часто поднимающійся и волнующій вопросъ, можетъ быть разрѣшенъ безъ вмѣшательства проблемы свободы. Для того, чтобы узнать, всѣ ли самоубійцы сумасшедшіе, мы не спрашивали *себя, свободно-ли они* дѣйствуютъ; мы основывали свое мнѣніе исключительно на эмпирическихъ признакахъ, которые представляютъ для нашего наблюденія различные виды добровольной смерти.

IV.

Самоубійство умалишенныхъ не обнимаетъ собою всѣхъ случаевъ; это только извѣстная разновидность и поэтому психопатическія состоянія, характеризующія психическое разстройство, не могутъ служить показателемъ наклонности къ самоубійству вообще. Но между душевною болѣзнью и полнымъ равновѣсіемъ интеллекта есть цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней: это—различнаго вида аномаліи, объединяющіяся обыкновенно подъ общимъ названіемъ неврастеніи. Мы должны теперь изслѣдовать, не играютъ ли онѣ значительной роли, при отсутствіи сумасшествія, въ генезисѣ того явленія, которое насъ интересуетъ. Этотъ вопросъ вытекаетъ изъ самого существованія самоубійства душевно-больныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, если глубокаго извращенія нервной системы достаточно для того, чтобы въ полной мѣрѣ породить самоубійство, то меньшее потрясеніе должно оказать въ болѣе слабой степени вполнѣ однородное вліяніе. Неврастенія представляетъ собою родъ зачаточнаго сумасшествія и, поэтому, въ отдѣльныхъ случаяхъ она должна имѣть одинаковыя съ нимъ послѣдствія. Неврастенія имѣетъ гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ душевныя болѣзни, и число жертвъ ея неуклонно возрастаетъ; поэтому вполнѣ возможно, что общая сумма аномалій, извѣстныхъ подъ именемъ неврастеніи, является однимъ изъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ процентъ самоубійствъ.

Вполнѣ понятно, конечно, что неврастенія предрасполагаетъ къ самоубійству, такъ какъ неврастеники, по своему темпераменту, какъ бы предназначены къ страданію. Извѣстно, что страданіе, въ общемъ, вытекаетъ изъ чрезмѣрнаго потрясенія нервной системы; слишкомъ сильная нервная волна бываетъ чаще всего очень болѣзненной. Но это максимальное напряженіе нервной системы, за предѣломъ котораго начинается страданіе, измѣняется,

въ зависимости отъ индивида; предѣлъ этотъ выше у людей съ болѣе крѣпкими нервами и ниже—у людей слабыхъ; такимъ образомъ у послѣднихъ полоса страданія начинается скорѣе, чѣмъ у первыхъ. Каждое получаемое впечатлѣніе даетъ неврастенику поводъ къ дурному расположенію духа; каждое движеніе вызываетъ усталость, нервы его, какъ и поверхность кожи, раздражаются при малѣйшемъ прикосновеніи. Всѣ отправленія физическихъ функцій, совершающіяся обыкновенно у здоровыхъ людей совершенно спокойно, являются для него, по большей части, источникомъ болѣзненныхъ ощущеній. Правда, что въ противовѣсъ этому, полоса наслажденій начинается у такихъ индивидовъ также гораздо ниже, потому что чрезмѣрная чувствительность ослабѣвшей нервной системы дѣлаетъ ее воспріимчивой къ такому возбужденію, которое ничѣмъ не отозвалось бы на нормальномъ организмѣ. Незначительное событіе можетъ явиться для подобнаго субъекта источникомъ безграничнаго удовольствія. Итакъ, повидимому, то, что неврастеникъ теряетъ въ одномъ отношеніи, онъ возмѣщаетъ въ другомъ, и, благодаря этой компенсаціи, не менѣе приспособленъ для всякой борьбы, чѣмъ всѣ прочіе люди. На самомъ же дѣлѣ, это совершенно не такъ, и слабость неврастеника постоянно сказывается въ жизни, такъ какъ обычныя впечатлѣнія и ощущенія, многократно повторяющіяся въ жизни средняго человѣка, всегда обладаютъ достаточной силой. Поэтому у неврастеника жизнь никогда не бываетъ уравновѣшенной. Конечно, если ему удается уйти изъ этой жизни, создать себѣ обстановку, куда внѣшній шумъ долеталъ бы только издалека, то онъ тѣмъ самымъ достигаетъ менѣе мучительнаго для себя существованія. Именно поэтому, мы часто видимъ, какъ такіе люди покидаютъ свѣтъ, доставляющій имъ такъ много страданія, и ищутъ уединенія. Но если такой человѣкъ долженъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, жить среди общества и не можетъ сохранить отъ наносимыхъ имъ ударовъ свою болѣзненно-чувствительную натуру, — то онъ

испытываетъ гораздо больше горя, чѣмъ радости. Подобные организмы представляютъ собою прекрасную почву для мыслей о самоубійствѣ.

Это не единственная причина къ тому, что жизнь неврастеника складывается для него такъ тяжело. Въ силу чрезвычайной чувствительности нервной системы, мысли и чувства его постоянно находятся въ полной неуравновѣшенности; каждое самое легкое впечатлѣніе находитъ въ его душѣ ненормально сильный отзвукъ; его духовный міръ ежеминутно потрясается до самихъ своихъ глубинъ, и, подъ вліяніемъ этихъ не прекращающихся внѣшнихъ толчковъ, умъ его не можетъ найти себѣ точки опоры и находится въ непрерывномъ процессѣ преобразованія. Но психика можетъ укрѣпиться лишь въ томъ случаѣ, если пережитой опытъ производитъ на нее прочное впечатлѣніе, а не разсѣивается и не уничтожается постоянными рѣзкими переворотами. Жизнь въ устойчивой и постоянной средѣ возможна только въ томъ случаѣ, если отправленія живого существа въ такой же степени постоянны и устойчивы. Ибо жить — это значитъ реагировать на всѣ внѣшнія событія, приспособиться къ нимъ извѣстнымъ образомъ, а такая гармонія отношеній можетъ быть только дѣломъ времени и привычки; достигнуть ея можно только ощупью черезъ цѣлый рядъ поколѣній; она должна въ извѣстной своей части сдѣлаться наслѣдственной, и весь этотъ накопленный опытъ не можетъ быть повторенъ сызнова въ любой моментъ, когда надо начинать дѣйствовать. Если бы, наоборотъ, все приходилось повторять каждый разъ сначала, то эта гармонія не могла бы быть полностью такой, какой она должна быть. Подобная устойчивость не только необходима намъ для нашихъ отношеній съ физическимъ міромъ, но также и съ соціальной средой. Въ обществѣ съ вполнѣ установившейся организаціей существованіе индивида возможно только въ томъ случаѣ, если умственное и моральное строеніе его въ равной степени опредѣлилось. Именно этой-то устойчивости и не достаетъ неврастенику. Благодаря тому состоянію

неуравновѣшенности, въ которомъ онъ находится, обстоятельства застаютъ его зачастую врасплохъ; не будучи подготовленъ къ тому, чтобы реагировать на нихъ надлежащимъ образомъ, онъ долженъ каждый разъ заново измышлять для себя правила поведенія; изъ этой необходимости рождается хорошо извѣстное пристрастіе неврастеника ко всему новому. Но когда встаетъ вопросъ о приспособленіи къ какому-нибудь традиціонному условію, — его импровизированнымъ комбинаціямъ приходится отступать передъ тѣми, которыя уже освящены многолѣтнимъ опытомъ, потому что иначе онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ потерпѣлъ бы неудачу.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, чѣмъ большею опредѣленностью обладаетъ извѣстная соціальная система, тѣмъ тяжелѣе въ ней себя чувствуетъ такой малоуравновѣшенный человѣкъ, какъ неврастеникъ. Вполнѣ вѣроятно поэтому, что подобный психологическій типъ всего чаще встрѣчается среди самоубійцъ. Остается только установить, какое вліяніе это чисто индивидуальное условіе оказываетъ на общее количество добровольныхъ смертей. Достаточно-ли этого условія, при благопріятныхъ стеченіяхъ обстоятельствъ, для того, чтобы натолкнуть человѣка на мысль о самоубійствѣ, или же неврастенія оказываетъ еще какое-нибудь вліяніе, кромѣ того, что дѣлаетъ индивидовъ болѣе воспріимчивыми къ дѣйствію внѣшнихъ силъ, которыя только и могутъ быть опредѣляющими причинами даннаго явленія? Для того, чтобы непосредственно рѣшить этотъ вопросъ, надо было бы сравнить колебанія процента самоубійствъ и неврастеніи; къ несчастію, послѣдняя еще не вполнѣ доступна для статистики, но съ помощью одного искусственнаго пріема мы можемъ преодолѣть эту трудность. Сумасшествіе является только усиленною формою нервнаго вырожденія, и поэтому, не рискуя впасть въ грубую ошибку, можно сказать, что число дегенератовъ измѣняется такъ же, какъ и число сумасшедшихъ, и поэтому, вмѣсто первыхъ, можно разсматривать вторыхъ. Поступая такъ, мы будемъ еще имѣть то преимущество, что можно будетъ вообще устано-

вить то соотношеніе, которое наблюдается между процентомъ самоубійствъ и общей суммой умственныхъ аномалій всякаго рода.

Одинъ фактъ можетъ сообщить имъ больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ; а именно, самоубійство, равно какъ и сумасшествіе, сильнѣе распространено въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Поэтому начинаетъ казаться, что случаи самоубійства учащаются и уменьшаются въ зависимости отъ процента сумасшествій, и получается впечатлѣніе прямого соотношенія между этими двумя явленіями. Но этотъ параллелизмъ не является показателемъ дѣйствительно существующей причинной связи; онъ можетъ быть простымъ совпаденіемъ. Гипотеза эта тѣмъ болѣе допустима, что соціальныя причины, отъ которыхъ зависитъ самоубійство, какъ мы увидимъ далѣе, сами тѣсно связаны съ городскою цивилизаціей и наиболѣе сильно даютъ себя чувствовать въ большихъ центрахъ. Для того, чтобы измѣрить то вліяніе, которое психопатическое состояніе можетъ оказывать на самоубійство, надо исключить тѣ случаи, когда это состояніе измѣняется параллельно соціальнымъ условіямъ того же явленія; когда эти два факта дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, въ конечномъ результатѣ трудно опредѣлить долю вліянія, оказываемаго каждымъ изъ нихъ. Производить наблюденіе надъ ними надо исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятся въ полномъ противодѣйствіи другъ другу; только когда между ними образуется извѣстный конфликтъ, можно установить, кому изъ двухъ принадлежитъ рѣшающее значеніе. Если умственное разстройство играетъ ту существенную роль, которую ему иногда приписываютъ, то оно должно проявить свое присутствіе характернымъ образомъ, даже въ томъ случаѣ, когда соціальныя условія стремятся нейтрализовать его; и, наоборотъ, эти условія не могли бы проявить себя, если бы индивидуальныя силы дѣйствовали въ обратномъ смыслѣ. Слѣдующіе факты указываютъ на то, что правиломъ является совершенно обратная зависимость.

1) Путемъ статистическихъ данныхъ доказано, что въ домахъ умалишенныхъ число женщинъ незначительно превышаетъ число мужчинъ; взаимоотношеніе варіируетъ въ зависимости отъ данной страны, но, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, обыкновенно, на 54 или 55 умалишенныхъ женщинъ приходится 46—45 мужчинъ.

	Года.	На 100 сумасшедшихъ.			Года.	На 100 сумасшедшихъ.	
		Мужч.	Женщ.			Мужч.	Женщ.
Силезія	1858	49	51	Нью Іоркъ . .	1855	44	56
Саксонія. . . .	1861	48	52	Массачузетсъ.	1854	46	59
Вюртембергъ.	1853	45	55	Мериландъ . .	1850	46	54
Данія.	1847	45	55	Франція	1890	47	53
Норвегія. . . .	1855	45	56	— „ —	1891	48	52

Кохъ собралъ результаты переписи умалишенныхъ, сдѣланной въ одиннадцати различныхъ государствахъ. На 166,675 умалишенныхъ обоего пола приходится 78,584 мужчинъ и 88,091 женщинъ, т. е. 1,18 мужчинъ и 1,30 женщинъ на 1000 жителей обоего пола [1]). Мауг въ свою очередь пришелъ къ аналогичнымъ результатамъ. Правда, иногда спрашивали себя, не происходитъ ли этотъ излишекъ умалишенныхъ женщинъ оттого, что смертность сумасшедшихъ мужского пола больше смертности сумасшедшихъ женскаго пола. Извѣстно, что во Франціи на 100 умершихъ сумасшедшихъ приходится около 55 мужчинъ.

---

[1]) Koch. *Zur Statistik der Geisteskrankheiten.* 1878.

ТАБЛИЦА IV.

(По Морселли).

Участіе, принимаемое каждымъ поломъ въ общемъ числѣ самоубійствъ.

		Абсолютное число самоубійствъ.		На 100 случаевъ самоубійствъ.	
		Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Австрія.	(1873—1877)	11,429	2,478	82,1	17,9
Пруссія.	(1831—1840)	11,435	2,534	81,9	18,1
„	(1871— 76).	16,425	3,724	81,5	18,5
Италія.	(1872— 77).	4,770	1,195	80	20
Саксонія.	(1851— 60).	4,004	1,055	79,1	20,9
„	(1871— 76).	3,625	870	80,7	19,3
Франція.	(1836— 40).	9,561	3,307	74,3	25,7
„	(1851— 55).	13,596	4,601	74,8	25,2
„	(1871— 76).	25,341	6,839	78,7	21,3
Данія.	(1845— 56).	3,324	1,106	75,0	25,0
„	(1870— 76).	2,485	748	76,9	23,1
Англія	(1863— 67).	4,905	1,791	73,3	26,7

Итакъ, большее число случаевъ сумасшествій среди женщинъ, полученное при переписи въ тотъ или иной моментъ, не является еще доказательствомъ того, что женщина предрасположена къ сумасшествію больше, чѣмъ мужчина; оно, быть можетъ, указываетъ только на то, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, женщинъ

умираетъ меньше, чѣмъ мужчинъ. Тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что среди наличнаго контингента сумасшедшихъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ; и если—что вполнѣ законно—отъ числа умалишенныхъ умозаключать къ числу нервно разстроенныхъ,—то нельзя не признать, что всегда существуетъ большее число неврастениковъ женскаго пола, чѣмъ мужского. Поэтому, еслибы между процентомъ самоубійствъ и неврастеніей была дѣйствительно какая-нибудь причинная связь, — то женщины должны были бы чаще, чѣмъ мужчины, лишать себя жизни, или же, по крайней мѣрѣ, одинаково часто. Даже принимая во вниманіе меньшую смертность среди женщинъ и исправляя въ этомъ смыслѣ указанія переписи, все, что можно заключить отсюда — это то, что у нихъ почти одинаковое съ мужчинами предрасположеніе къ сумасшествію; въ самомъ дѣлѣ, меньшій процентъ ихъ смертности и численное преобладаніе ихъ во всѣхъ переписяхъ умалишенныхъ почти компенсируются. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, наклонность къ добровольной смерти у женщинъ не только не выше, но гораздо ниже, чѣмъ у мужчинъ, и потому самоубійство по существу своему — чисто мужское явленіе. На одну лишающую себя жизни женщину приходится, въ среднемъ, 4 мужчины (см. таблицу IV). У каждаго пола есть своя вполнѣ опредѣленная наклонность къ самоубійству, которая есть величина постоянная для всѣхъ соціальныхъ классовъ. Но интенсивность этого предрасположенія отнюдь не варьируетъ параллельно варіаціямъ психопатическаго фактора, независимо отъ того, исчисляютъ-ли его вліяніе по количеству ежегодно вновь зарегистрованныхъ случаевъ, или же по числу людей, записанныхъ въ данный моментъ.

2) По таблицѣ V мы можемъ сравнить интенсивность предрасположенія къ сумасшествію у людей различныхъ исповѣданій.

(Таблицу см. на оборотѣ).

ТАБЛИЦА V.

Предрасположеніе къ сумасшествію у людей различныхъ исповѣданій (По Koch, Op. cit., ст. 108—119).

	Число умалишенныхъ на 1000 жителей.		
	Протестант.	Католиковъ.	Евреевъ.
Силезія. . . . . (1858).	0,74	0,79	1,55
Мекленбургъ . . . . . (1862).	1,36	2,0	5,33
Герцогство Баденское . . . . (1863).	1,34	1,41	2,24
„ „ . . . . (1873).	0,95	1,19	1,44
Баварія . . . . . (1871).	0,92	0,96	2,86
Пруссія . . . . . 1871.	0,80	0,87	1,42
Вюртембергъ . . . . . 1832.	0,65	0,68	1,77
„ . . . . . 1853.	1,06	1,06	1,49
„ . . . . . 1875.	2,18	1,86	3,96
Великое герцогство Гессенское 1864.	0,63	0,59	1,42
Ольденбургское герцогство . . 1871.	2,12	1,76	3,37
Бернскій кантонъ . . . . . 1871.	2,64	1,82	—

Изъ этой таблицы видно, что сумасшествіе наблюдается чаще у евреевъ, чѣмъ у людей другихъ вѣроисповѣданій; можно было бы на этомъ основаніи предполагать, что въ тѣхъ же пропорціяхъ находятся у нихъ всѣ другія ненормальности нервной системы; но оказывается, что, наоборотъ, предрасположеніе къ самоубійству у евреевъ очень слабо. Мы увидимъ ниже, что еврейство — это какъ разъ та религія, въ рамкахъ которой склонность къ самоубійству имѣетъ наименьшую величину, (книга I, глава II). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ процентъ самоубійствъ колеблется въ обратномъ отношеніи къ психопатическому состоянію и отнюдь не является его продуктомъ. Конечно, основываясь только на этомъ фактѣ, нельзя вывести заклю-

ченія, что мозговая и нервная болѣзнь могутъ служить предохранительнымъ средствомъ противъ самоубійства, но очевидно, эти болѣзни могутъ служить для него очень неточнымъ опредѣленіемъ, если процентъ самоубійства можетъ упасть въ тотъ моментъ, когда онѣ достигаютъ наивысшей степени своего развитія.

Если сравнивать только католиковъ и протестантовъ, то эта обратная пропорціональность не будетъ носить общаго характера, но все же она очень часто наблюдается. Предрасположеніе къ сумасшествію у католиковъ оказывается ниже, чѣмъ у протестантовъ, только въ 4 случаяхъ изъ 12, и то разница между ними очень незначительна. Мы увидимъ ниже на таблицѣ XVIII, первые вездѣ безъ всякаго исключенія лишаютъ себя жизни рѣже, чѣмъ вторые.

3) Ниже, на таблицѣ IX, будетъ указано, что предрасположеніе къ самоубійству правильно увеличивается, начиная отъ дѣтскаго возраста вплоть до глубокой старости. Если иногда оно понижается послѣ 70 или 80 лѣтъ, то уменьшеніе это очень незначительно; въ этотъ періодъ жизни оно все-таки въ два или въ три раза сильнѣе, чѣмъ въ періодъ зрѣлости. Наоборотъ, въ зрѣломъ возрастѣ случаи сумасшествія встрѣчаются наиболѣе часто. Максимальная опасность заболѣванія наблюдается около 30 лѣтъ, позднѣе она уменьшается, а къ старости въ большинствѣ случаевъ наблюдается въ наиболѣе слабой степени (Koch, *op. cit*, ст. 139—146). Такой антагонизмъ былъ бы необъяснимъ, если бы причины, заставляющія колебаться процентъ самоубійствъ и вызывающія умственное разстройство, не были бы совершенно разнороднаго происхожденія.

Если сравнить процентъ самоубійствъ въ каждомъ возрастѣ не съ относительной частотой новыхъ случаевъ сумасшествія на протяженіи того же самаго періода, а съ той пропорціей, которую по отношенію ко всему населенію образуетъ наличный составъ сумасшедшихъ, то полное отсутствіе параллелизма между этими двумя явленіями будетъ не менѣе очевидно. По отношенію къ общей массѣ населе-

нія число умалишенныхъ особенно велико въ возрастѣ 35 лѣтъ; пропорція остается тою же вплоть до 60-ти лѣтъ и затѣмъ быстро уменьшается. Она достигаетъ minimum'а тогда, когда процентъ самоубійствъ достигаетъ maximum'а; нельзя установить никакого правильнаго соотношенія между колебаніями того и другого явленія.

4) Если сравнить различныя общества съ двоякой точки зрѣнія, сумасшествія и самоубійства, — то точно также нельзя найти связи между колебаніями этихъ двухъ явленій. Правда, статистика умственнаго разстройства сдѣлана недостаточно точно для того, чтобы всѣ эти сравненія между народами обладали безспорной достовѣрностью, но, тѣмъ не менѣе, замѣчательно, что двѣ нижеслѣдующія таблицы, заимствуемыя нами у двухъ различныхъ авторовъ, даютъ явно согласные результаты.

ТАБЛИЦА VI.

Соотношеніе между самоубійствомъ и сумасшествіемъ въ различныхъ странахъ Европы.

А.

	Число умалишенныхъ на 100.000 жителей.	Число самоуб. на 1.000.000 жителей.	Мѣсто различныхъ странъ по отношенію	
			сумасшест.	самоуб.
Норвегія	180 (1855)	107 (1851—55)	1	4
Шотландія	164 (1855)	34 (1856—60)	2	8
Данія	125 (1847)	258 (1846—50)	3	1
Ганноверъ	103 (1856)	13 (1856—60)	4	9
Франція	99 (1856)	100 (1851—55)	5	5
Бельгія	92 (1858)	50 (1855—60)	6	7
Вюртембергъ	92 (1853)	108 (1846—56)	7	3
Саксонія	67 (1861)	245 (1856—60)	8	2
Баварія	57 (1858)	73 (1846—56)	9	6

B.

	Число умалишен. на 100.000 жит.	Число самоубійствъ на 1.000.000 жит.	Среднее число самоубійствъ.
Вюртембергъ. . . .	215 (1875)	180 (1875)	107
Шотландія.	202 (1871)	35	
Норвегія	185 (1865)	85 (1866—70)	63
Ирландія	180 (1871)	14 (1866—70)	
Швеція	177 (1870)	85 (1866—70)	
Англія и Галлія. .	175 (1871)	70 (1870)	
Франція.	146 (1872)	150 (1871—75)	164
Данія	137 (1870)	277 (1866—70)	
Бельгія	134 (1868)	66 (1866—70)	
Баварія	98 (1871)	86 (1871)	
Австрія Цисл. . .	95 (1873)	122 (1873—77)	153
Пруссія	86 (1871)	133 (1871—75)	
Саксонія	84 (1875)	272 (1875)	

Первая часть таблицы взята изъ „*Aliénation mentale*“ изъ *Dictionnaire* de Dechambre. (Томъ III, стр. 34). Вторая у Oettingen *Moralstatistik*, таблица 97.

Итакъ, мы видимъ, что въ странахъ, гдѣ всего меньше умалишенныхъ, всего больше самоубійствъ; это особенно замѣтно въ Саксоніи. Къ этому заключенію уже раньше пришелъ докторъ Legoy въ своемъ прекрасномъ трудѣ по вопросу о самоубійствѣ въ департаментѣ Seine-et-Marne. „Чаще всего“, говоритъ онъ, „въ мѣстности, гдѣ наблюдается значительный процентъ душевныхъ болѣзней, встрѣчается такой же процентъ самоубійствъ, но оба эти процента могутъ разсматриваться совершенно отдѣльно. Я даже склоненъ думать, что наряду съ тѣми въ достаточной мѣрѣ счастливыми странами, гдѣ нѣтъ ни душевныхъ болѣзней, ни самоубійствъ, есть такія, гдѣ существуютъ только душевныя болѣзни. Въ другихъ мѣстностяхъ можно наблюдать обратное исключеніе“ [1]).

Правда, Морселли пришелъ къ нѣсколько другимъ ре-

[1]) *Op. cit.*, стр. 238.

зультатамъ [1]). Но это произошло потому, что онъ смѣшалъ подъ общимъ названіемъ душевнобольныхъ, сумасшедшихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и идіотовъ[2]), тогда какъ это два совершенно различные вида болѣзни, особенно—съ точки зрѣнія вліянія, которое они могутъ имѣть на самоубійство. Идіотизмъ не только не предрасполагаетъ къ самоубійству, но предохраняетъ отъ него; идіотовъ гораздо больше въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ, тогда какъ случаи самоубійства тамъ гораздо рѣже. Поэтому очень важно строго различать такія противоположныя по своимъ послѣдствіямъ состоянія, когда ставишь себѣ цѣлью опредѣлить, какое вліяніе оказываютъ различныя невропатическія потрясенія на процентъ добровольныхъ смертей. Но даже если смѣшать ихъ воедино, то невозможно создать никакого правильнаго параллелизма между распространенностью душевной болѣзни и самоубійствомъ. Если даже, считая безспорными цифры, данныя Морселли, классифицировать главнѣйшія страны Европы въ пять послѣдовательныхъ группъ, согласно числу находящихся въ нихъ душевнобольныхъ (занося подъ одну рубрику и сумасшедшихъ и идіотовъ) и если заняться потомъ вопросомъ, какъ велико въ каждой изъ этихъ группъ среднее число самоубійствъ, то получится слѣдующая таблица:

	Число сумасшедшихъ на 100,000 жителей.	Число самоубійцъ на 1.000,000 жителей.
1 группа (3 страны). . .	отъ 340—280	157
2 „	261—245	195
3 „	185—164	65
4 „	150—116	91
5 „	110—100	68

[1]) *Op. cit.*, стр. 404.

[2]) Морселли не высказываетъ этого опредѣленно, но это видно изъ тѣхъ цифровыхъ данныхъ, которыя онъ приводитъ.

Они слишкомъ высоки для того, чтобы изображать только одни случаи сумасшествія. Ср. таблицу въ *Dictionnaire* Dechambr'a, гдѣ сдѣлано подраздѣленіе. Очевидно, что Морселли считалъ умалишенныхъ вмѣстѣ съ идіотами.

Можно сказать вообще, что тамъ, гдѣ много сумасшедшихъ и идіотовъ, тамъ много и самоубійствъ, и—наоборотъ. Но между этими двумя скалами нѣтъ точнаго соотвѣтствія, доказывающаго наличность опредѣленной причинной связи между этими двумя явленіями. Во второй группѣ должно было бы быть меньше самоубійствъ, чѣмъ въ первой, а на самомъ дѣлѣ въ ней самоубійствъ больше; въ пятой группѣ съ этой же точки зрѣнія самоубійствъ должно было бы быть меньше всего, а въ ней ихъ больше, чѣмъ въ четвертой и даже въ третьей. Если статистику душевныхъ болѣзней Морселли замѣнить болѣе полной статистикой Коха, къ тому же и болѣе строгой,—то отсутствіе параллелизма будетъ еще болѣе очевиднымъ [1]).

	Сумасшедшіе и идіоты на 100,000 жителей.	Среднее число самоубійствъ на 1.000,000 жителей.
1 группа (3 страны) отъ	422—305	76
2 „	305—291	123
3 „	268—244	130
4 „	223—218	227
5 „	216—146	77

Другая сравнительная таблица Морселли, относящаяся къ различнымъ провинціямъ Италіи, по его собственному признанію, мало убѣдительна.

5) Наконецъ, такъ какъ считается, что за послѣднее столѣтіе процентъ сумасшествій и самоубійствъ регулярно увеличивается, то вполнѣ понятно искушеніе видѣть въ этомъ доказательство ихъ взаимной обусловленности [2]). Но это предположеніе лишается всякой силы и убѣдительности, если

---

[1]) Изъ тѣхъ странъ, на которыя указываетъ намъ Кохъ, мы оставимъ въ сторонѣ только Голландію; тѣ указанія, которыя относительно предрасположенія въ ней къ самоубійству мы имѣемъ, кажутся намъ недостаточными.

[2]) Это доказательство, правда, никогда не было представлено въ достаточно убѣдительномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, если и можно говорить о возрастаніи, то мы не знаемъ коэффиціента ускоренія.

мы примемъ во вниманіе, что въ обществахъ низшаго порядка, гдѣ очень рѣдко наблюдается сумасшествіе, самоубійство, наоборотъ, очень частое явленіе, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи (книга II, гл. IV). Соціальный процентъ самоубійствъ не имѣетъ никакой опредѣленной связи ни съ предрасположеніемъ къ сумасшествію, ни—поскольку объ этомъ свидѣтельствуютъ индуктивныя данныя—съ предрасположеніемъ къ различнымъ видамъ неврастеніи. Если неврастенія, какъ мы уже указали выше, можетъ предрасполагать къ самоубійству, то она можетъ и не имѣть такого послѣдствія.

Конечно, неврастеникъ почти неизбѣжно обреченъ на страданіе, если онъ слишкомъ близко соприкасается съ окружающей его жизнью, но онъ имѣетъ возможность удалиться отъ нея для того, чтобы вести исключительно созерцательное существованіе. Если всевозможные конфликты и человѣческія страсти слишкомъ шумны и грубы для его хрупкаго организма, то, въ противовѣсъ этому, неврастеникъ какъ бы спеціально созданъ для того, чтобы вкушать тихія радости умственной жизни. Его мускульная дряблость и чрезмѣрная чувствительность дѣлаютъ его неспособнымъ къ активному образу жизни и какъ бы пріуготавливаютъ его къ умственной работѣ, которая въ свою очередь требуетъ приспособленныхъ для этого органовъ. Если неподвижная соціальная среда только разбиваетъ его природные инстинкты, то, поскольку само общество подвижно и можетъ существовать только при условіи прогресса, постольку онъ можетъ играть полезную роль, такъ какъ неврастеникъ составляетъ par excellence орудіе прогресса.

Именно потому, что онъ не склоняетъ головы передъ традиціей и ярмомъ привычки, онъ представляетъ собою чрезвычайно плодотворный источникъ всего новаго. Но такъ какъ въ самыхъ культурныхъ обществахъ интеллектуальныя функціи болѣе всего развиты и болѣе всего необходимы и такъ какъ въ то-же время, въ силу чрезвычайной сложности этихъ обществъ, непремѣннымъ условіемъ ихъ существованія является непрерывное измѣненіе, то въ

тотъ самый моментъ, когда число неврастениковъ становится особенно значительнымъ, существованіе ихъ получаетъ свое практическое оправданіе. Они не относятся къ числу людей, по существу своему внѣ-соціальныхъ, которые устраняютъ самихъ себя, потому что не могутъ жить въ той средѣ, къ которой они прикрѣплены. Нужно, чтобы еще цѣлый рядъ другихъ причинъ присоединился къ свойственному имъ органическому состоянію, чтобы характеръ ихъ принялъ такое направленіе и развился именно въ этомъ смыслѣ. Сама по себѣ неврастенія есть предрасположеніе очень общаго характера, не влекущее за собой никакихъ опредѣленныхъ поступковъ, но по ходу обстоятельствъ она можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Неврастенія—это почва, на которой могутъ зародиться самыя различныя наклонности въ зависимости отъ того, какъ оплодотворятъ ее соціальныя условія. У стараго, уже сбитаго съ пути народа, на почвѣ неврастеніи легко пустятъ корни отвращеніе къ жизни, инертность и меланхолія со всѣми печальными свойственными имъ послѣдствіями. Наоборотъ, въ молодомъ еще обществѣ на этой почвѣ по преимуществу разовьются пылкій идеализмъ, великодушный прозелитизмъ, дѣятельная самоотверженность. Если во времена всеобщаго упадка мы видимъ увеличеніе числа неврастениковъ, то мы не должны забывать, что ихъ же руками создаются новыя государства; именно изъ среды неврастенниковъ появляются всѣ великіе преобразователи. При такой двойственной роли неврастенія не можетъ объяснить столь опредѣленнаго соціальнаго факта, какъ тотъ или иной процентъ самоубійствъ [1]).

---

[1]) Очень яркимъ примѣромъ этой двойственности является сходство и контрастъ, наблюдаемыя между французской и русской литературой. Та симпатія, которой во Франціи пользуется русская литература, уже доказываетъ, что въ ней очень много общихъ чертъ съ французской. На самомъ дѣлѣ, у писателей обѣихъ націй чувствуется болѣзненная утонченность нервной системы, извѣстное отсутствіе умственнаго и моральнаго равновѣсія. Но это общее психо-

V.

Существуетъ одно психопатическое состояніе, которое за послѣднее время вошло въ привычку обвинять почти во всѣхъ несчастіяхъ нашего цивилизованнаго общества. Это—алкоголизмъ. Справедливо или нѣтъ, но его вліянію приписываютъ прогрессивное развитіе сумасшествія, пауперизма и преступности. Имѣетъ или нѣтъ алкоголизмъ какое-нибудь вліяніе на развитіе самоубійствъ? A priori подобная гипотеза кажется мало правдоподобной, потому что именно въ наиболѣе культурныхъ и зажиточныхъ классахъ самоубійство вырываетъ больше жертвъ, тогда какъ далеко не въ ихъ средѣ алкоголизмъ имѣетъ наибольшее распространеніе.

Разсмотримъ факты—и пусть они говорятъ сами за себя. Если сравнить французскую карту самоубійствъ съ картой преслѣдованій за злоупотребленіе спиртными напитками [1]), то мы увидимъ, что между ними нѣтъ почти никакого соотвѣтствія. Для первой изъ нихъ характерной чертой является то обстоятельство, что самоубійства въ особенности сосредоточены въ двухъ центрахъ Франціи. Одинъ расположенъ въ Ile de France и простирается оттуда на востокъ, а другой занимаетъ побережье Средиземнаго моря отъ Марселя до Ниццы. Совершенно другое распредѣленіе темныхъ и свѣтлыхъ пятенъ мы видимъ на картахъ алкоголизма. Здѣсь существуютъ три главныхъ центра. Одинъ въ Нормандіи, а въ

біологическое состояніе производитъ совершенно различныя соціальныя послѣдствія. Тогда какъ русская литература чрезмѣрно идеалистична, тогда какъ свойственная ей меланхоличность основана на дѣятельномъ сочувствіи къ страданіямъ человѣчества и является здоровой тоской, возбуждающей вѣру и призывающей къ дѣятельности, тоска французской литературы выражаетъ только чувство глубочайшаго отчаянія и отражаетъ безпокойное состояніе упадка. Вотъ какимъ образомъ одно и то же органическое состояніе можетъ служить почти противоположнымъ соціальнымъ цѣлямъ.

[1]) Согласно Compte général de l'administration de la justice criminelle. 1887 г.

особенности въ департаментѣ Нижней Сены; другой въ Финистерѣ и вообще въ бретонскихъ департаментахъ; третій занимаетъ бассейнъ Роны и сосѣднюю съ нимъ область. Наоборотъ, процентъ самоубійствъ въ мѣстности, лежащей по теченію Роны, не поднимается выше средняго; въ большинствѣ нормандскихъ департаментовъ онъ ниже средняго, и въ Бретани самоубійство почти совершенно отсутствуетъ. Такимъ образомъ, географіи этихъ двухъ явленій настолько различны, что совершенно невозможно приписывать одному изъ нихъ вліяніе на развитіе другого. Мы придемъ къ тому же результату, если начнемъ сравнивать самоубійство не съ проступками на почвѣ пьянства, а съ нервными или душевными болѣзнями, порожденными алкоголизмомъ. Сгруппировавъ французскіе департаменты въ 8 классовъ по степени значительности въ нихъ контингента самоубійцъ, мы старались найти въ каждомъ изъ нихъ среднее число случаевъ сумасшествія алкоголическаго происхожденія, основываясь на цифровыхъ данныхъ доктора Lunier, [1]) и получили слѣдующіе результаты:

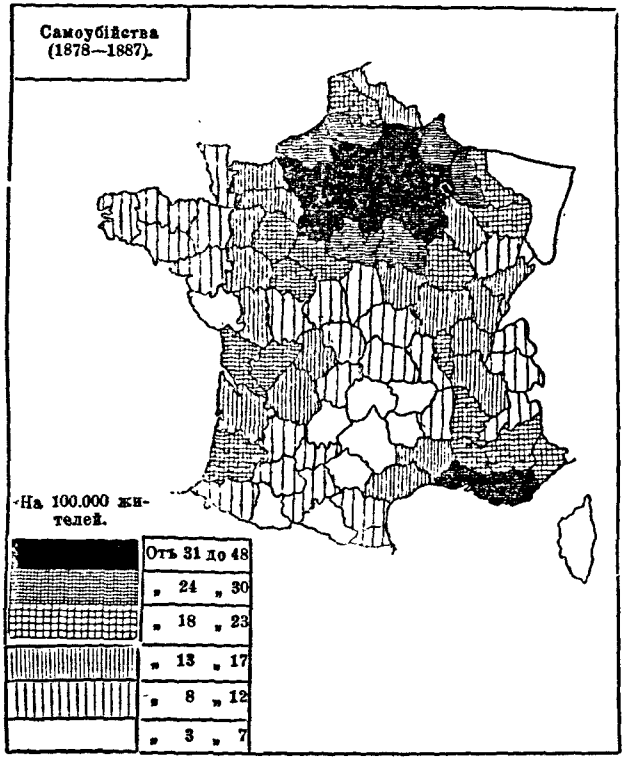
	Число самоубійствъ на 100,000 жителей 1872—76 гг.	Сумасшедшихъ на почвѣ алкоголизма на 100 душевно-больныхъ (1867—69 и 1874—76).
1 группа (5 департам.) . .	ниже 50	11,45
2 „ (18 „) . . .	отъ 51— 75	12,07
3 „ (15 „)	76—100	11,92
4 „ (20 „)	101—150	13,42
5 „ (10 „)	151—200	14,57
6 „ (9 „)	201—250	13,26
7 „ (4 „)	251—300	16,32
8 „ (5 „) . . .	Свыше этого.	13,47

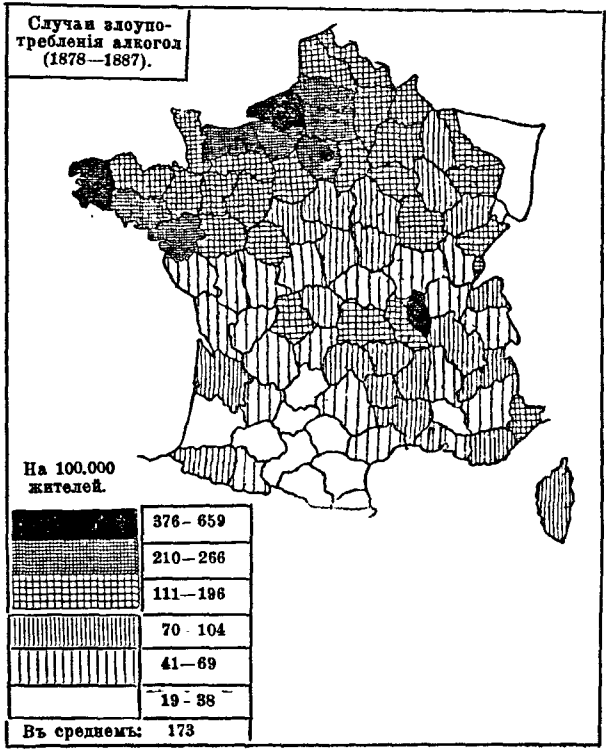
Два вышеприведенныхъ столбца совершенно не соотвѣтствуютъ другъ другу. Тогда какъ число самоубійствъ ушестеряется и поднимается даже выше, пропорція сумасшествія на почвѣ алкоголизма увеличивается едва на нѣ-

[1]) De la production et de la consommation des boissons alcooliques en France стр. 174—175.

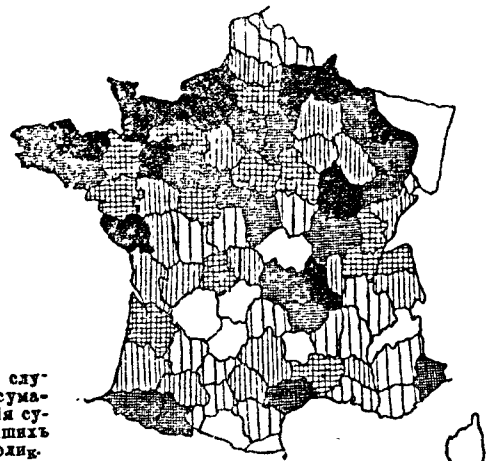
Діаграмма I.

Самоубійства и алкоголизмъ.

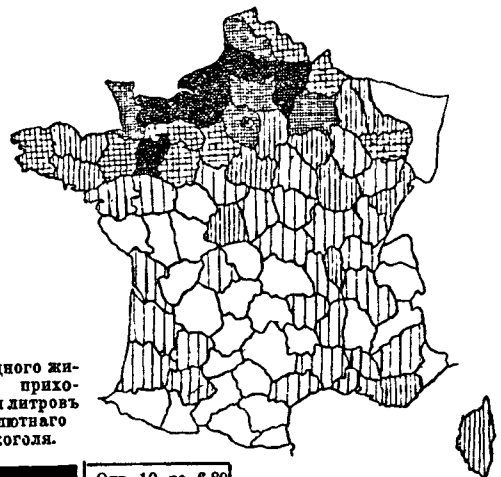
Помѣшательства на почвѣ алкоголизма (1867—1876). Средняя годовая.

На сто случаевъ сумасшествія сумасшедшихъ алкоголиковъ.

	Отъ 29.3 до 18.9
	„ 18.14 „ 13.69
	„ 13.44 „ 12.75
	„ 12.22 „ 10.06
	„ 9.75 „ 8.27
	„ 7.90 „ 3.90
Средняя:	14.36.

Потребленіе алкоголя (1873).

На одного жителя приходится литровъ абсолютнаго алкоголя.

	Отъ 10 до 6.80
	„ 7.34 „ 5,05
	„ 4.75 „ 3.30
	„ 2.61 „ 2.05
	„ 1.84 „ 1.01
	„ 0.99 „ 0.37
Средняя:	2 84

сколько единицъ, и то, увеличеніе происходитъ нерегулярно; вторая группа возвышается надъ третьей, пятая надъ шестой, седьмая надъ восьмой. Между тѣмъ, если бы алкоголизмъ вліялъ на процентъ самоубійствъ, какъ психопатическое состояніе, то это вліяніе могло бы выражаться только умственнымъ разстройствомъ. Сравненіе данныхъ двухъ картъ подтверждаетъ сравненіе среднихъ чиселъ. [1]).

На первый взглядъ кажется, что между количествомъ потребленнаго алкоголя и склонностью къ самоубійству—болѣе тѣсное соотношеніе, по крайней мѣрѣ насколько это касается Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, больше всего потребляютъ алкоголя въ сѣверныхъ департаментахъ, и въ этихъ же мѣстностяхъ всего чаще встрѣчаются самоубійства. Но, во-первыхъ, пятна, обозначающія эти явленія, имѣютъ на обѣихъ картахъ нѣсколько различную конфигурацію. Одно изъ нихъ наиболѣе густо въ Нормандіи и на сѣверѣ Франціи, блѣднѣя по мѣрѣ приближенія къ Парижу: это пятно обозначаетъ алкоголизмъ. Другое пятно, наоборотъ, всего темнѣе околы Сены и въ сосѣднихъ съ нею департаментахъ; оно свѣтлѣетъ уже близъ Нормандіи и не достигаетъ сѣвера. Первое темнѣетъ по направленію къ западу и простирается до побережья океана; второе, наоборотъ, быстро исчезаетъ, приближаясь къ западу, какъ бы остановленное границей, которую для него представляютъ департаменты l'Eure и l'Eure-et-Loir; затѣмъ оно значительно усиливается по направленію къ востоку. Мало того, темное пятно, имѣющееся на югѣ въ департаментѣ Var и Bouches de Rhône на картѣ самоубійствъ, совершенно исчезаетъ на картѣ алкоголизма. [2]).

Наконецъ, даже въ той мѣрѣ, поскольку существуетъ совпаденіе, оно недостаточно убѣдительно, такъ какъ оно въ большинствѣ случаевъ совершенно случайно. Выйдя изъ предѣловъ Франціи и подвигаясь на сѣверъ, мы

---

[1]) См. Діаграмму I.
[2]) Ibid.

видимъ почти правильное увеличеніе потребляемаго алкоголя безъ всякаго возрастанія самоубійствъ. Тогда какъ во Франціи въ 1873 г. на одного человѣка въ среднемъ приходилось 2,84 литра алкоголя, въ Бельгіи количество алкоголя достигало въ 1870 г. 8,56 литра, въ Англіи мы находимъ въ 1870—74 г. 9,07 литра, въ Голландіи (1870) 4 литра, въ Швеціи (1870) 10,34, въ Россіи (1856) 10,69 и даже въ Петербургѣ (1855) до 20 литровъ. И въ то же время, когда въ соотвѣтствующія эпохи во Франціи насчитывалось 150 случаевъ самоубійствъ на 1.000,000 жителей, въ Бельгіи ихъ было только 68, въ Великобританіи 70, въ Швеціи 85, а въ Россіи очень немного. Даже въ Петербургѣ отъ 1864—1868 гг. средній годовой процентъ не превышалъ 68,8. Данія — единственное сѣверное государство, гдѣ большое количество самоубійствъ и потребленіе алкоголя совпадаютъ (16,51 литра въ 1845 г.)[1]). Если сѣверные департаменты Франціи отличаются тѣмъ, что совмѣщаютъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ съ наклонностью къ самоубійству, то изъ этого не надо заключать, что второе явленіе вытекаетъ изъ перваго и находитъ въ немъ себѣ объясненіе; совпаденіе это носитъ чисто случайный характеръ. На сѣверѣ вообще потребляютъ алкоголя значительно больше, потому что вина тамъ мало и оно гораздо дороже [2]); кромѣ того, можетъ быть, здѣсь болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, нужно спеціальное питаніе для того, чтобы поддерживать необходимую для организма теплоту; съ другой стороны, мы видимъ, что причины самоубійства особенно сконцентрировались въ этой части Франціи.

Сравненіе различныхъ частей Германіи подтверждаетъ это заключеніе. Если сгруппировать ихъ съ двоякой точки

[1]) По Lunier, *op. cit.*, стр. 160 и сл. Аналогичныя цифры для другихъ лѣтъ имѣются у Prinzing, *op. cit* стр. 58.

[2]) Что касается *употребленія вина*, то оно варіируетъ въ совершенно противоположномъ направленіи, чѣмъ самоубійство. На югѣ пьютъ его всего больше, и тамъ всего меньше самоубійствъ. Нельзя, конечно, изъ этого вывести заключеніе, что потребленіе вина предохраняетъ отъ самоубійства.

зрѣнія—самоубійства и потребленія алкоголя (см. ниже), то можно видѣть, что въ группѣ 3-й, гдѣ всего чаще встрѣчаются самоубійства, всего меньше потребленіе алкоголя [1]).

Алкоголизмъ и самоубійство въ Германіи.

Потребленіе алкоголя 1884—86 гг.	Среднее число самоубійствъ въ каждой группѣ на 1.000,000 жит.	Провинціи.
1 группа: отъ 13 литр. до 10,8 на челов. .	206,1	Познань, Силезія. Бранденбургъ, Померанія.
2 „ „ 9,2 „ „ 7,2 „ „ . .	208,4	Восточная Пруссія и Западная, Ганноверъ, Саксонск. провинція, Тюрингенъ, Вестфалія.
3 „ „ 6,4 „ „ 4,5 „ „ . .	234,1	Мекленбургъ, королевство Саксонія, Шлезвигъ - Голштинія, Эльзасъ и великое герцогство Гессенское.
4 „ „ 4 „ и ниже	147,9	Рейнскія провинц., Баденъ, Баварія, Вюртембергъ.

Если перейти къ деталямъ, то обнаружатся поразительные контрасты; въ провинціи Познань меньше, чѣмъ гдѣ-либо въ имперіи, наблюдаются самоубійства (96,4 случаевъ на 1.000,000), а здѣсь всего болѣе употребленіе алкоголя—13 литровъ на человѣка; въ Саксоніи, гдѣ оно въ 4 раза больше (348 на 1.000,000), алкоголя употребляютъ въ 2 раза меньше; наконецъ, можно замѣтить, что четвертая группа, гдѣ потребленіе алкоголя очень незначительно, почти всецѣло состоитъ изъ южныхъ государствъ. Съ другой стороны, если здѣсь меньше случаевъ самоубійства, чѣмъ въ остальной Германіи, то это зависитъ отъ того, что населеніе въ

[1]) По Prinzing, *op. cit.*, стр. 75.

ней католическое или содержитъ въ себѣ очень сильное католическое меньшинство [1]).

Слѣдовательно, не существуетъ ни одного психопатическаго состоянія, которое бы имѣло съ самоубійствомъ постоянную и безспорную связь. Въ данномъ обществѣ число самоубійствъ не зависитъ отъ числа находящихся въ немъ неврастениковъ и алкоголиковъ. Хотя дегенерація въ различныхъ своихъ формахъ образуетъ вполнѣ подходящую психологическую почву для развитія тѣхъ причинъ, которыя могутъ заставить человѣка рѣшиться на самоубійство, но сама она не является одной изъ причинъ его. Можно допустить, что при идентичныхъ обстоятельствахъ дегенератъ лишаетъ себя жизни легче, чѣмъ здоровый человѣкъ, но онъ лишаетъ себя жизни не только въ силу своего органическаго состоянія. Потенціальная наклонность къ самоубійству можетъ преобразиться у него въ дѣйствіе только подъ вліяніемъ иныхъ факторовъ, разысканіемъ которыхъ намъ и предстоитъ теперь заняться.

---

[1]) Иногда, для того, чтобы указать на то вліяніе, которое оказываетъ алкоголизмъ, ссылались на Норвегію, гдѣ съ 1830 г. параллельно уменьшались случаи самоубійствъ и потребленіе алкоголя. Но въ Швеціи алкоголизмъ также уменьшился, и въ той же пропорціи, тогда какъ процентъ самоубійствъ не переставалъ возрастать (115 случаевъ на 100,000 въ 1868—88, вмѣсто 63 въ 1821—30 г.). То-же наблюдается и въ Россіи. Наконецъ, для того, чтобы читатель имѣлъ передъ глазами всѣ данныя *по этому вопросу, мы должны прибавить*, что пропорція самоубійствъ, которую французская статистика приписываетъ или острымъ приступамъ пьянства или пьянству періодическому, съ 6,39% въ 1843 г. поднялось до 13.41% въ 1876 г. Но, прежде всего, эти случаи должны быть отнесены на счетъ алкоголизма, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а не простого пьянства, или частаго посѣщенія кабаковъ. Затѣмъ, эти цифры, каково бы ни было ихъ реальное значеніе, не доказываютъ того, чтобы злоупотребленіе спиртными напитками играло очень большую роль въ процентѣ самоубійствъ. Наконецъ, ниже мы увидимъ, почему нельзя придавать большого значенія тѣмъ указаніямъ, которыя намъ даетъ статистика по поводу предполагаемыхъ причинъ самоубійства.

Глава II.

Самоубійство и нормальныя психическія состоянія. Раса. Наслѣдственность.

Можно предположить, что наклонность къ самоубійству заложена въ самомъ строеніи индивида, независимо отъ различныхъ анормальныхъ его состояній, о которыхъ мы говорили выше. Она можетъ заключаться въ чисто психическихъ явленіяхъ, не будучи связана непремѣнно съ разстройствомъ нервной системы. Почему у человѣка не можетъ явиться желанія лишить себя жизни безъ того, чтобы оно представляло собою мономанію, умственное разстройство или неврастенію? Это предположеніе можетъ даже считаться вполнѣ установленнымъ, если, какъ это было показано многими учеными, спеціально изучавшими вопросъ о самоубійствѣ [1]), каждой расѣ свойствененъ особый процентъ самоубійствъ. Расы отличаются другъ отъ друга и опредѣляются только органическо-психическими признаками. Если процентъ самоубійствъ измѣняется въ зависимости отъ расы,—то приходится признать, что существуетъ извѣстное органическое предрасположеніе, съ которымъ онъ тѣсно связанъ. Но дѣйствительно ли существуетъ эта связь?

I.

Въ чемъ заключается понятіе расы? Совершенно необходимо дать ей точное опредѣленіе, потому что не только обыденная терминологія, но и сами антропологи употребляютъ это слово въ самомъ разнообразномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, различныя предложенныя формулы можно, обыкновенно, свести къ двумъ основнымъ понятіямъ: раса характеризуется по сходству, или по общему происхожденію. Каждая школа кладетъ въ основаніе первое или второе опредѣленіе.

---

[1]) Назовемъ слѣдующихъ: Wagner, *Gesetzmässigkeit*, и т. д., стр. 165 и сл.; Morselli, *loc. cit*, стр. 158; Oettingen, *Moralstatistik*, стр. 760.

Иногда подъ расой подразумѣвается аггрегатъ индивидовъ, которые имѣютъ, безъ сомнѣнія, общія черты, но которые, сверхъ того, обязаны этимъ сходствомъ признаковъ тому, что происходятъ отъ одного источника. Когда, подъ вліяніемъ какой-либо причины, у одного или нѣсколькихъ индивидовъ одного и того же поколѣнія появляется измѣненіе, отличающее ихъ отъ всего остального вида, и когда это измѣненіе вмѣсто того, чтобы исчезнуть со слѣдующимъ поколѣніемъ, прогрессируетъ въ силу наслѣдственности, то это обстоятельство даетъ начало расѣ. Въ этомъ смыслѣ de Quatrefages и могъ опредѣлить понятіе расы, какъ собраніе подобныхъ другъ другу индивидовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду и передающихъ путемъ полового преемства всѣ особенности первоначальнаго измѣненія („L'espèce humaine" стр. 28). Согласно такому опредѣленію, раса отличалась бы отъ вида тѣмъ, что начальныя пары, отъ которыхъ произошли различныя расы одного и того же вида, въ свою очередь произошли отъ одной только пары. Подобное понятіе расы было бы строго ограничено, и она опредѣлялась бы путемъ спеціальнаго, положившаго ей начало признака общаго происхожденія.

Къ несчастію, если придерживаться этой формулы, то существованіе и сфера вліянія расы не могутъ быть установлены безъ помощи историческихъ и этнографическихъ изысканій, результаты которыхъ всегда сомнительны, и потому на всѣ вопросы относительно происхожденія ея приходится отвѣчать крайне гадательно. Къ тому же, не вполнѣ достовѣрно, что существующія въ настоящій моментъ человѣческія расы соотвѣтствуютъ вышеприведенному опредѣленію, такъ какъ, вслѣдствіе различныхъ скрещиваній по всевозможнымъ направленіямъ, каждое изъ существующихъ подраздѣленій нашего вида происходитъ отъ самыхъ различныхъ первоначальныхъ источниковъ. Если мы не имѣемъ другого критерія, то будетъ очень трудно опредѣлить, какое отношеніе различныя расы имѣютъ къ

самоубійству, такъ какъ нельзя сказать съ достовѣрностью, гдѣ онѣ начинаются и гдѣ кончаются. Къ тому же, концепція de Quatrefages грѣшитъ тѣмъ, что предрѣшаетъ проблему, на которую наука далеко еще не нашла своего отвѣта. Эта концепція предполагаетъ, что характеристическія свойства расы образовались путемъ эволюціи, что они укрѣпились въ организмѣ только подъ вліяніемъ наслѣдственности. Это мнѣніе оспаривается цѣлой антропологической школой, носящей названіе полигенистической. Согласно мнѣнію этой школы, человѣчество не происходитъ цѣликомъ изъ одной единственной семьи, какъ учитъ библейская традиція, но появилось или одновременно, или постепенно въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Такъ какъ первоначальные роды образовались независимо одинъ отъ другого и въ различной средѣ, то они были дифференцированы съ самаго начала, и поэтому каждый изъ нихъ являлся особой расой. Слѣдовательно, главнѣйшія расы образовались не путемъ прогрессирующаго укрѣпленія пріобрѣтенныхъ измѣненій, но создались съ самаго начала и сразу. Поскольку рѣшеніе этого важнаго вопроса остается открытымъ, будетъ неправильно съ методологической точки зрѣнія вводить въ опредѣленіе расы идею общаго происхожденія или родства.

Гораздо лучше опредѣлять ее по ея непосредственнымъ признакамъ, которые доступны всякому наблюдателю, и не затрогивать пока вопроса объ ея происхожденіи. Въ такомъ случаѣ остается только два характерныхъ признака, выдѣляющихъ расу. Прежде всего раса состоитъ изъ группы индивидовъ, характеризующихся своимъ сходствомъ; но то-же самое примѣнимо къ людямъ одной вѣры или одной профессіи. Поэтому, чтобы довершить характеристику расы, необходимо прибавить, что сходство это наслѣдственно. Такимъ путемъ образуется особый типъ, который, независимо отъ своего первоначальнаго происхожденія, обыкновенно передается по наслѣдству. Въ этомъ смыслѣ должно понимать слова Prichard'a, который говоритъ: „Подъ именемъ расы

подразумѣется каждая группа индивидовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общіе признаки, передаваемые по наслѣдству; вопросъ же о происхожденіи этихъ признаковъ въ данный моментъ лучше оставить въ сторонѣ". Broca высказывается по этому вопросу почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: „Что же касается до разновидностей, существующихъ въ человѣческомъ родѣ", говоритъ онъ, „то онѣ получили названіе расъ, что даетъ поводъ думать о болѣе или менѣе прямомъ родствѣ индивидовъ одной и той же разновидности, но не рѣшаетъ ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ вопроса о родствѣ между индивидами разныхъ разновидностей" [1]).

Поставленная въ этой формѣ проблема о возникновеніи расъ становится разрѣшимой, но самое слово берется здѣсь въ настолько широкомъ смыслѣ, что дѣлается совершенно неопредѣленнымъ; оно обозначаетъ уже не только наиболѣе общія развѣтвленія человѣческаго вида, естественныя и относительно неизмѣнныя подраздѣленія человѣчества, но типы всякаго рода. Съ этой точки зрѣнія, каждая группа народовъ, члены которой, въ силу тѣсныхъ отношеній, соединявшихъ ихъ на протяженіи вѣковъ, являютъ частью уже наслѣдственное сходство, могла бы составлять расу. Въ этомъ смыслѣ говорятъ иногда о латинской, англо-саксонской расѣ и т. д. Можно даже сказать, что только въ такой формѣ расы могутъ быть разсматриваемы какъ живые и конкретные факторы историческаго развитія. Въ общей смѣси народовъ, въ горнилѣ исторіи, великія, основныя и первоначальныя расы настолько смѣшались между собою, что почти совершенно потеряли свою индивидуальность: „Если онѣ не исчезли совершенно съ лица земли, то отъ нихъ остались только очень смутныя очертанія, отдѣльные штрихи, которые соединяются между собою въ настолько несовершенной формѣ, что уже не образуютъ больше никакой характерной физіономіи. Типъ человѣка, который

[1]) Статья „*Anthropologie*" въ „*Dictionnaire*" Dechambre, т. V.

устанавливается лишь путемъ нѣкоторыхъ, часто неопредѣленныхъ указаній на величину его роста и форму его черепа, не имѣетъ ни достаточной достовѣрности, ни опредѣленности, для того чтобы ему можно было приписывать большое вліяніе на ходъ соціальныхъ явленій. Болѣе спеціальные и менѣе обширные типы, называемые расой въ широкомъ смыслѣ этого слова, болѣе рельефны и неизбѣжно играютъ болѣе важную историческую роль, потому что они въ бо́льшей степени могутъ считаться продуктомъ исторіи, чѣмъ природы. Но имъ не хватаетъ объективнаго опредѣленія. Напримѣръ, мы очень плохо знаемъ, какими опредѣленными чертами латинская раса отличается отъ саксонской; каждый высказываетъ по этому поводу свое мнѣніе безъ всякаго научнаго основанія.

Эти предварительныя соображенія предупреждаютъ насъ, что соціологъ долженъ быть очень остороженъ, принимаясь за рѣшеніе вопроса о томъ, какое вліяніе имѣетъ раса на то или иное соціальное явленіе. Для того, чтобы рѣшить такую проблему, надо въ точности знать, какія существуютъ расы и чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой. Такая осторожность тѣмъ болѣе необходима, что этотъ пробѣлъ антропологіи находится въ прямой зависимости отъ того, что самое слово раса не заключаетъ въ себѣ ничего опредѣленнаго. Съ одной стороны, первоначальныя расы представляютъ теперь только палеонтологическій интересъ, а съ другой, болѣе тѣсныя группировки индивидовъ, носящія въ настоящее время это названіе, являются, собственно, народами или союзами народовъ, болѣе братьями и по цивилизаціи, чѣмъ по крови. Раса, понимаемая такимъ образомъ, почти совершенно смѣшивается съ націей.

II.

Допустимъ, однако, что въ Европѣ существуетъ нѣсколько основныхъ типовъ, наиболѣе общіе признаки которыхъ намъ въ главныхъ чертахъ извѣстны и между кото-

рыми распредѣляются разныя народности. Условимся называть ихъ расами.

Морселли различаетъ четыре расы: германскій типъ, разновидностями котораго онъ считаетъ нѣмцевъ, скандинавовъ, англосаксовъ, фламандцевъ; типъ кельто-романскій (бельгійцы, французы, итальянцы, испанцы), типъ славянскій и урало-алтайскій. Мы упоминаемъ послѣдній только для памяти, такъ какъ онъ насчитываетъ въ Европѣ слишкомъ мало представителей для того, чтобы можно было опредѣлить, какое отношеніе онъ имѣетъ къ самоубійству: къ нему можно отнести только венгерцевъ, финляндцевъ и жителей нѣкоторыхъ русскихъ областей. Остальныя три расы классифицируются слѣдующимъ образомъ, въ зависимости отъ пониженія ихъ наклонности къ самоубійству: въ началѣ стоятъ народы германской расы, потомъ кельто-романской и, наконецъ, славяне [1]).

Но можно ли дѣйствительно эти различія отнести на счетъ расы?

Гипотеза эта была бы правдоподобна, если бы каждая группа народовъ, объединенныхъ подъ однимъ общимъ названіемъ, имѣла приблизительно одинаковую наклонность къ самоубійству. Но, въ дѣйствительности, между народами одной и той же расы наблюдается въ этомъ смыслѣ большое различіе. Тогда какъ у славянъ вообще — слабая степень наклонности къ самоубійству, Моравія и Богемія среди нихъ составляютъ исключеніе. Въ первой насчитывается 158 случаевъ на милліонъ жителей, во второй 136, тогда какъ въ Крайнѣ всего 46, въ Кроаціи—30 и въ Далмаціи—14. То-же самое мы видимъ у народовъ кельто-романской расы. Франція отличается высокимъ процентомъ—150 на 1.000,000 жителей, въ то время какъ въ Италіи мы находимъ только

---

[1]) Мы не говоримъ о классификаціяхъ, предложенныхъ Вагнеромъ и Эттингеномъ; самъ Морселли критиковалъ ихъ очень опредѣленно. (стр. 160).

30 случаевъ, а въ Испаніи еще меньше. Очень трудно согласиться съ Морселли въ томъ отношеніи, что такое сильное колебаніе процента можетъ объясняться бо́льшимъ количествомъ германскихъ элементовъ во Франціи, чѣмъ въ другихъ латинскихъ странахъ. Если принять во вниманіе, что страны, выдѣляющіяся въ смыслѣ высокаго процента самоубійствъ среди родственныхъ имъ національностей, въ то же время и наиболѣе цивилизованныя,—то является вполнѣ законнымъ задать себѣ вопросъ: не различный ли уровень цивилизаціи является тѣмъ моментомъ, который въ дѣйствительности опредѣляетъ собой разницу между обществами и такъ называемыми этническими группами. Разница въ склонности къ самоубійству у германскихъ народовъ еще болѣе велика. Изъ четырехъ, принадлежащихъ къ этой расѣ группъ, въ трехъ наклонность еще слабѣе, чѣмъ у славянскихъ и латинскихъ народовъ. Это фламандцы, у которыхъ на 1.000,000 насчитывается только 50 случаевъ самоубійства, англосаксы, у которыхъ самоубійцъ только 70 на 1000000[1]); что же касается скандинавовъ, и въ частности Даніи, то въ ней насчитывается высокое число—268 самоубійствъ; но въ Норвегіи ихъ только 74, и въ Швеціи 84. Поэтому невозможно приписывать датскій процентъ самоубійствъ всей расѣ, если въ двухъ другихъ странахъ, гдѣ эта раса существуетъ въ наиболѣе чистомъ видѣ, мы имѣемъ противоположные результаты. Въ общемъ, изъ всѣхъ германскихъ народовъ, только нѣмцы очень сильно предрасположены къ самоубійству. Поэтому, если мы будемъ употреблять термины въ ихъ строгомъ смыслѣ, то въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь не о расѣ, а о національности. Тѣмъ не менѣе, поскольку не доказано отсутствіе нѣмецкаго типа, который былъ бы отчасти наслѣдственнымъ, можно распространить понятіе этого слова до самыхъ крайнихъ предѣ-

[1])Чтобы объяснить этотъ фактъ, Морселли, не приводя никакихъ точныхъ доказательствъ, увѣряетъ, что въ Англіи большой процентъ кельтовъ; а низкій процентъ самоубійствъ у фламандцевъ онъ приписываетъ вліянію климата.

ловъ и сказать, что у народовъ нѣмецкой расы предрасположеніе къ самоубійству развито больше, чѣмъ у большинства людей, принадлежащихъ къ кельто-романскому, славянскому, и даже англо-саксонскому и скандинавскому обществамъ. Но это все, что можно вывести изъ предыдущихъ цифровыхъ данныхъ. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ здѣсь единственный случай, когда можно, дѣйствительно, подозрѣвать вліяніе этническихъ условій. Далѣе мы увидимъ, что раса, на самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ не играетъ никакой роли.

Для того, чтобы имѣть право объяснять расовой причиной склонность нѣмцевъ къ самоубійству, недостаточно одного констатированія того факта, что самоубійство распространено въ Германіи, такъ какъ эта распространенность можетъ быть отнесена на счетъ природы нѣмецкой цивилизаціи. Но надо было бы доказать, что эта наклонность неразрывно связана съ наслѣдственнымъ состояніемъ нѣмецкаго организма, что это перманентная черта нѣмецкаго типа, остающаяся даже и въ измѣнившейся соціальной средѣ. Только при этомъ условіи мы можемъ видѣть въ склонности къ самоубійству результатъ вліянія расы. Посмотримъ теперь, что происходитъ внѣ Германіи, въ томъ случаѣ, если нѣмецъ входитъ въ жизнь другихъ народовъ или пріобщается къ различнымъ культурамъ: сохраняетъ ли онъ свое печальное первенство въ наклонности къ самоубійству. Въ Австріи мы имѣемъ готовый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣмцы, смотря по провинціямъ, смѣшались въ различныхъ пропорціяхъ съ населеніемъ, обладающимъ совсѣмъ иными этническими качествами. Посмотримъ, увеличило ли присутствіе нѣмцевъ процентъ самоубійствъ въ Австріи. Таблица VII указываетъ для каждой провинціи какъ средній процентъ самоубійствъ на протяженіи пятилѣтія 1872—77, такъ и численное значеніе нѣмецкаго элемента. По характеру употребляемаго въ каждой данной мѣстности нарѣчія мы опредѣляемъ долю участія той или иной расы; хотя этотъ критерій не обладаетъ абсолютною точностью, но онъ наиболѣе достовѣренъ изъ всѣхъ существующихъ.

ТАБЛИЦА VII.

Сравненіе австрійскихъ провинцій съ точки зрѣнія самоубійства и расы.

		Сколько приходится нѣмцевъ на 100 жителей.	Процентъ самоубійствъ на 1.000.000.		
Чисто нѣмецкія провинціи.	Нижняя Австрія . . .	95.90	254		
	Верхняя Австрія . . .	100	110	Средняя цифра: 106	
	Зальцбургъ	100	120		
	Трансальп. Тироль. .	100	88		
По преимуществу нѣмецкія.	Каринтія	71.40	92	Средняя цифра: 125	
	Штирія	62.45	94		
	Силезія	53.37	190		
Со значительнымъ нѣмецкимъ меньшинствомъ.	Богемія	37.64	158	Средняя цифра: 140	Средн. цифра двухъ группъ 86.
	Моравія	26.33	136		
	Буковина	9.06	128		
Со слабымъ нѣмецкимъ меньшинствомъ.	Галиція	2·72	82		
	Цизальпійск. Тироль.	1.90	88		
	Побережье	1.62	38		
	Крайна	6.20	46		
	Далмація	—	14		

Въ этой таблицѣ, заимствуемой нами у самого Морселли, невозможно замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ нѣмецкаго вліянія на процентъ самоубійствъ. Богемія, Моравія и Буковина, гдѣ нѣмцевъ насчитывается отъ 37 до 9%, имѣютъ въ среднемъ 140 случаевъ самоубійствъ, выше Штиріи, Каринтіи и Силезіи (125), гдѣ нѣмцы составляютъ значительное большинство. Точно также эти послѣднія страны, несмотря на значительное меньшинство славянъ, превышаютъ своею наклонностью къ самоубійству три единственныя провинціи, гдѣ населеніе всецѣло нѣмецкое: это Верхняя Австрія, Зальцбургъ и транзальпійскій Тироль. Правда, въ нижней Австріи насчитывается число самоубійствъ боль-

шее, чѣмъ въ другихъ областяхъ, но это превышеніе не можетъ быть отнесено на счетъ нѣмецкаго элемента, такъ какъ число нѣмцевъ значительно больше въ верхней Австріи, Зальцбургѣ и транзальпійскомъ Тиролѣ, гдѣ количество самоубійствъ въ два, даже въ три раза меньше. Настоящая причина этой высокой цифры самоубійствъ состоитъ въ томъ, что главнымъ городомъ нижней Австріи является Вѣна, которая, какъ и всѣ столицы, насчитываетъ ежегодно огромное число самоубійствъ; въ 1876 году тамъ на милліонъ жителей приходится 320 случаевъ; поэтому не надо относить на счетъ расы то, что присуще вообще большимъ городамъ. Наоборотъ, если на побережьѣ, въ Крайнѣ и Далмаціи, самоубійствъ значительно меньше — то это вовсе не зависитъ отъ присутствія въ нихъ меньшаго количества нѣмцевъ, такъ какъ въ цизальпійскомъ Тиролѣ и Галиціи, гдѣ нѣмцевъ не больше, въ два и въ пять разъ больше случаевъ добровольной смерти. Если сосчитать средній процентъ самоубійствъ для всѣхъ восьми австрійскихъ провинцій съ нѣмецкимъ меньшинствомъ, то получится цифра 86, т. е. то же количество, что въ транзальпійскомъ Тиролѣ, гдѣ населеніе чисто нѣмецкое, и больше, чѣмъ въ Каринтіи и Штиріи, гдѣ нѣмцевъ очень много. Итакъ, когда нѣмцы и славяне живутъ въ одной и той же соціальной средѣ, и ихъ наклонность къ самоубійству оказывается одинаково сильной. Слѣдовательно, разница, наблюдаемая между ними при другихъ обстоятельствахъ, не зависитъ отъ расы.

То-же самое можно сказать объ отмѣченной нами разницѣ между нѣмецкой и латинской расами. Въ Швейцаріи мы имѣемъ въ наличности обѣ эти расы; пятнадцать швейцарскихъ кантоновъ цѣликомъ или частью—нѣмецкіе; среднее число самоубійствъ въ нихъ достигло въ 1876 г.— цифры 186; 5 кантоновъ по преимуществу французскіе: Валлисъ, Фрибургъ, Невшатель, Женева, Во — въ нихъ среднее число самоубійствъ 255. Изъ нихъ всего меньше въ кантонѣ Валлисъ — 10 самоубійствъ на 1 милліонъ жителей,

но въ немъ въ то же время насчитывается всего больше нѣмцевъ: 319 на тысячу жителей. Наоборотъ, Невшатель, Женева и Во, гдѣ населеніе почти цѣликомъ латинское, имѣютъ 486, 321 и 371 случаевъ самоубійства. Для того, чтобы дать этническому элементу лучше проявить свое вліяніе, если только оно вообще существуетъ, мы старались отдѣлить религіозный факторъ, который могъ бы его замаскировать. Для этого мы сравнили нѣмецкіе и французскіе кантоны съ однимъ и тѣмъ же вѣроисповѣданіемъ. Полученные результаты явились только подтвержденіемъ предыдущихъ.

Швейцарскіе кантоны.

Католики нѣмцы	87	случ.	самоубійствъ
„ французы . . .	83	„	„
Протестанты нѣмцы. . .	293	„	„
„ французы .	456	„	„

Съ одной стороны, нѣтъ существеннаго различія между двумя расами, съ другой, французы имѣютъ перевѣсъ. Факты согласно указываютъ на то, что, если нѣмцы чаще другихъ народовъ лишаютъ себя жизни, то это зависитъ не отъ крови, которая течетъ въ ихъ жилахъ, а отъ цивилизаціи, въ кругу которой они воспитаны. Тѣмъ не менѣе, среди доказательствъ, приводимыхъ Морселли, для подкрѣпленія вліянія расы, есть одно, которое на первый взглядъ можетъ показаться болѣе убѣдительнымъ. Французскій народъ образовался отъ смѣшенія двухъ главныхъ расъ: кельтовъ и кимвровъ, которые съ самаго начала отличались другъ отъ друга своимъ ростомъ. Со временъ Юлія Цезаря, кимвры были извѣстны своимъ высокимъ станомъ. Брока именно по росту жителей могъ опредѣлить, какимъ образомъ эти двѣ расы распредѣлились на поверхности французской территоріи, и нашелъ, что населеніе кельтскаго происхожденія сосредоточилось преимущественно на югѣ по теченію Луары, а кимвры на сѣверѣ. Эта этнографическая карта имѣетъ, какъ мы видимъ, нѣкоторое сходство съ картой

самоубійствъ; вѣдь мы знаемъ, что самоубійства сконцентрировались на сѣверѣ Франціи—и наоборотъ, въ минимальной степени наблюдаются въ центрѣ и на югѣ. Но Морселли пошелъ еще дальше; онъ считалъ установленнымъ, что число самоубійствъ у французовъ правильно колеблется въ зависимости отъ распредѣленія этническихъ элементовъ; чтобы иллюстрировать это свое положеніе, онъ раздѣлилъ департаменты Франціи на 6 группъ, высчиталъ для каждой изъ нихъ среднее число самоубійствъ, а также среднее число избавленныхъ отъ военной службы въ силу недостаточно высокаго роста, что является косвеннымъ мѣриломъ средняго роста населенія, ибо эта средняя повышается по мѣрѣ того, какъ уменьшается число увольняемыхъ. Оказывается, что эти два ряда среднихъ чиселъ измѣняются обратно пропорціонально; чѣмъ больше число самоубійствъ, тѣмъ меньше уволенныхъ за недостаточно высокій ростъ, т. е. тѣмъ больше средняя высота роста [1]).

Такое точное соотвѣтствіе, если бы оно дѣйствительно было установлено, можно было бы объяснить, конечно, только вліяніемъ расы. Но тотъ способъ, которымъ пришелъ Морселли къ этому результату, не позволяетъ считать послѣдній прочно установленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ взялъ за основу шесть этническихъ группъ, классифицированныхъ Брока [2]) по степенямъ предполагаемой чистоты двухъ расъ: кельтской и кимврской. Какъ бы высоко мы ни ставили авторитетъ этого ученаго, мы должны все-же признать, что данный этнографическій вопросъ слишкомъ сложенъ, оставляетъ еще слишкомъ много мѣста различнымъ толкованіямъ и противоположнымъ гипотезамъ, для того чтобы классификацію, предложенную Брока, можно было разсматривать, какъ безупречную. Стоитъ только обратить вниманіе на то, какое значительное количество болѣе или менѣе недоказуемыхъ историческихъ догадокъ онъ долженъ

---

[1]) Morselli, *op. cit.* стр. 394.

[2]) *Mémoire d'anthropologie,* т. I, (стр. 320)

выдвинуть, чтобы обосновать свою теорію. И, если его изслѣдованія съ полной очевидностью показали, что во Франціи имѣются два отчетливо различающихся другъ отъ друга антропологическихъ типа, то существованіе тѣхъ промежуточныхъ, воплощающихъ въ себѣ различные оттѣнки типовъ, которые онъ также счелъ возможнымъ признать, представляется гораздо болѣе сомнительнымъ [1]).

Если, оставивъ въ сторонѣ эту систематическую, но, можетъ быть, слишкомъ искусственную классификацію, удовольствоваться тѣмъ, что сгруппировать департаменты согласно среднему росту, наблюдаемому въ каждомъ изъ нихъ, т. е. по среднему числу освобожденныхъ малорослыхъ новобранцевъ, и если противъ каждаго изъ этихъ среднихъ чиселъ поставить среднее число самоубійствъ, то получатся слѣдующіе результаты, сильно отличающіеся отъ цифровыхъ данныхъ Морселли.

---

[1]) Существованіе двухъ областныхъ дѣленій, изъ которыхъ одно состоитъ изъ 15 сѣверныхъ департаментовъ, гдѣ преобладаетъ населеніе съ высокимъ ростомъ (39 забракованныхъ на 1000 новобранцевъ), другое же изъ 24 департаментовъ центра и запада, гдѣ преобладаетъ маленькій ростъ (отъ 98 до 130 случаевъ освобожденія отъ службы на 1000) кажется безспорнымъ. Но развѣ эта разница есть продуктъ расы? Рѣшить такой вопросъ не такъ-то легко. Если припомнить, что въ теченіе 30 лѣтъ средняя высота роста населенія во Франціи значительно измѣнилась, что число забракованныхъ поэтому съ 92,80 въ 1831 году понизилось въ 1860 до—59,40 на 1000,—то съ полнымъ правомъ можно спросить себя, можетъ-ли такой перемѣнчивый признакъ быть вѣрнымъ критеріемъ для того, чтобы узнать, существуютъ-ли относительно неизмѣнные типы, называемые расой? Но во всякомъ случаѣ, тотъ способъ, при помощи котораго у Брока группы промежуточныя между этими двумя крайними типами установлены, поименованы и отнесены къ кимврскому или другому источнику, даетъ намъ еще больше права сомнѣваться. Доводы морфологическаго порядка здѣсь не примѣнимы. Антропологія можетъ установить, какова средняя высота роста въ данной области, но не можетъ опредѣлить, отъ какихъ скрещиваній она зависитъ. Поэтому промежуточныя высоты могутъ зависѣть какъ отъ того, что кельты смѣшались съ болѣе крупными расами, такъ и отъ того, что кимвры смѣшались съ людьми меньшаго роста, чѣмъ они сами. Географическое

ТАБЛИЦА VIII.

Департаменты съ высокимъ ростомъ.			Департаменты съ малымъ ростомъ.		
	Число забракованныхъ.	Средній процентъ самоуб.		Число забракованныхъ.	Средній процентъ самоубійствъ.
1-я группа (9 департамент.).	Ниже 40 забракованныхъ на 1000.	180	1-я группа (22 департамент.)	Отъ 60—80 на 1000 освидѣтельствов.	115 (не считая Сены 101).
2-я группа (8 департамент.).	Отъ 40—50.	249	2-я группа (12 департамент.)	Отъ 80—100	88
3-я группа (17 департамент.).	Отъ 50—60.	170	3-я группа (14 департамент.)	Свыше 100.	90
Въ среднемъ	Ниже 60 случаевъ на 1000 освид.	191	Въ среднемъ	Свыше 60 на 1000.	103 (съ Сеной) 93 (безъ Сены).

Процентъ самоубійствъ увеличивается неравномѣрно, внѣ всякой прямой зависимости отъ предполагаемыхъ кимврскихъ элементовъ, такъ какъ первая группа, гдѣ населеніе обладаетъ наиболѣе высокимъ ростомъ, насчитываетъ менѣе самоубійствъ, чѣмъ вторая, и незначительно больше, чѣмъ третья; точно также три послѣднихъ стоятъ почти на одномъ уровнѣ [1]), несмотря на различную высоту

распредѣленіе не можетъ тоже играть большой роли, потому что смѣшанныя группы понемногу встрѣчаются повсюду: на сѣверо-западѣ (Нормандія, Нижняя Луара), на юго-западѣ (Аквитанія), на югѣ (Романская провинція), на востокѣ (Лотарингія) и такъ далѣе. Остаются аргументы чисто историческаго характера, но они по природѣ своей очень гадательны. Исторія не знаетъ, когда, при какихъ условіяхъ и въ какихъ пропорціяхъ произошли различныя нашествія и помѣси народовъ. Какимъ же образомъ можетъ она помочь намъ опредѣлить степень вліянія, которое имѣютъ эти событія на органическое строеніе народовъ?

[1]) Особенно если, исключить изъ этой таблицы департаментъ Сены, который въ силу особыхъ условій, присущихъ ему, не можетъ быть сравниваемъ съ другими департаментами.

роста. Если что-нибудь вытекаетъ изъ этихъ цифровыхъ данныхъ, то только то, что съ точки зрѣнія самоубійствъ, какъ и съ точки зрѣнія высоты роста, Францію можно раздѣлить на двѣ части: сѣверную, гдѣ самоубійства случаются часто и ростъ высокій, и центральную, гдѣ ростъ ниже и гдѣ меньше лишаютъ себя жизни, но безъ всякаго точнаго параллелизма между этими явленіями. Выражаясь иначе, двѣ областныя массы населенія, замѣченныя нами на этнографической картѣ, встрѣчаются и на картѣ самоубійствъ; но совпаденіе это только приблизительно и совершенно не носитъ общаго характера. Въ деталяхъ измѣненій этихъ двухъ сравниваемыхъ явленій совпаденія не наблюдается.

Сведенное къ своимъ настоящимъ размѣрамъ, разсматриваемое совпаденіе уже не является рѣшительнымъ доказательствомъ въ пользу этническихъ элементовъ; оно представляетъ только любопытный фактъ, котораго еще не достаточно для того, чтобы установить общій законъ. Оно можетъ зависѣть отъ случайнаго сочетанія вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга факторовъ. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы это совпаденіе можно было приписывать дѣйствію расы, эта гипотеза должна быть подкрѣплена и доказана еще и другими фактами. Мы видимъ, между тѣмъ, нѣчто совершенно обратное; нижеслѣдующіе факты только опровергаютъ эту гипотезу.

1) Болѣе, чѣмъ странно, что такой коллективный и безспорный въ своей реальности типъ, какъ нѣмецкій, имѣющій такое сильное предрасположеніе къ самоубійству, перестаетъ проявлять его тотчасъ же по измѣненіи соціальныхъ условій; или, что на половину проблематическій кельтскій или древнебельгійскій типъ, отъ котораго остались лишь одни блѣдные слѣды, имѣетъ и по настоящее время сильное вліяніе на величину этой наклонности. Слишкомъ велика разница между крайней общностью расовыхъ признаковъ, оставившихъ послѣ себя память въ нѣдрахъ данной расы, и сложной специфичностью изучаемой нами наклонности.

2) Мы увидимъ ниже, что случаи самоубійствъ были очень многочисленны у древнихъ кельтовъ (см. ниже, книгу II, гл. IV). Поэтому, если въ данный моментъ они стали рѣже у народа, какъ предполагаютъ, кельтическаго происхожденія, то это происходитъ не въ силу природнаго свойства расы, а по причинѣ измѣнившихся внѣшнихъ обстоятельствъ.

3) Кельты и кимвры не являются первоначальными и чистыми расами; они, какъ говоритъ Брока, смѣшались съ другими народами „посредствомъ кровныхъ связей, языка и вѣрованій“ [1]). И тѣ и другіе являются только разновидностью той расы бѣлокурыхъ, высокихъ людей, которые или путемъ массоваго нашествія, или путемъ повторныхъ набѣговъ разсѣялись мало-по-малу по всей Европѣ. Вся разница между ними, съ точки зрѣнія этнографической, заключается въ томъ, что кельты, смѣшавшись съ темнорусымъ и малорослымъ южнымъ населеніемъ, болѣе отклонились отъ общаго типа. Слѣдовательно, если большая склонность кимвровъ къ самоубійству этническаго происхожденія, то она вытекаетъ изъ того обстоятельства, что у нихъ первоначальная раса претерпѣла меньше измѣненій. Но тогда слѣдовало бы ожидать, что внѣ Франціи процентъ самоубійствъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ будутъ рѣзче выступать отличительные признаки этой расы. Но ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Наиболѣе высокимъ ростомъ въ Европѣ обладаетъ населеніе Норвегіи (1,72 метра); родина этого типа, всего вѣроятнѣе, сѣверъ, въ частности же побережье Балтійскаго моря: именно въ этихъ мѣстахъ онъ считается лучше всего сохранившимся. И тѣмъ не менѣе, на скандинавскомъ полуостровѣ процентъ самоубійствъ не высокъ; говорятъ, что та же самая раса лучше сохранилась въ Голландіи, Бельгіи и Англіи, чѣмъ во Франціи [2]), и, тѣмъ не менѣе, въ этой послѣдней странѣ гораздо больше случаевъ самоубійствъ, чѣмъ въ трехъ первыхъ.

[1]) Broca, *op. cit.*, т. I, стр. 394.

[2]) Topinard, *Anthropologie*, стр. 464.

Въ концѣ концовъ, географическое распредѣленіе самоубійствъ во Франціи можетъ быть объяснено, не прибѣгая къ таинственной силѣ расы. Извѣстно, что Франція можетъ быть раздѣлена въ интеллектуальномъ и этнографическомъ отношеніи на двѣ части, еще не вполнѣ слившіяся между собою. Населеніе центра и юга сохранило свой природный характеръ, свойственный ему образъ жизни, и потому остается чуждымъ идеямъ и нравамъ сѣверянъ. Но на сѣверѣ возникъ очагъ французской цивилизаціи, которая и до сихъ поръ по существу своему остается сѣверной. Съ другой стороны, такъ какъ она содержитъ въ себѣ важнѣйшія причины, толкающія населеніе Франціи, какъ мы увидимъ ниже, къ самоубійству, то географическія границы сферы ея вліянія суть также и границы зоны, наиболѣе обильной самоубійствами. Поэтому, если населеніе сѣвера лишаетъ себя жизни чаще, чѣмъ населеніе юга, то это происходитъ вовсе не въ силу его предрасположенія на почвѣ этническаго темперамента; это происходитъ потому, что соціальныя причины самоубійства сконцентрировались сильнѣе на сѣверѣ по теченію Луары, чѣмъ на югѣ.

Что же касается вопроса о томъ, какъ произошелъ и какимъ образомъ сохранился этотъ духовный дуализмъ Франціи, то отвѣтить на него должна исторія, такъ какъ этнографическихъ наблюденій недостаточно для его рѣшенія. Разнообразіе расъ не могло быть единственной приченой этого, такъ какъ самыя различныя расы могутъ смѣшаться и совершенно потеряться одна въ другой. Между сѣвернымъ и южнымъ типомъ въ дѣйствительности нѣтъ такого антагонизма, чтобы вѣка совмѣстной жизни оказались безсильными побѣдить его. Житель Лотарингіи меньше отличается отъ нормандца, чѣмъ провансалецъ отъ обитателя Ile-de-France. Но, благодаря историческимъ причинамъ, провинціальный духъ и мѣстныя традиціи сохранили свою силу больше на югѣ, тогда какъ на сѣверѣ необходимость встрѣчаться лицомъ къ лицу съ общимъ непріятелемъ, болѣе тѣсная солидарность интересовъ,

болѣе частое соприкосновеніе заставили населеніе слиться и смѣшаться между собою. Именно благодаря этой духовной нивеллировкѣ, оживляющей общеніе людей и обмѣнъ идеями, историческія судьбы избрали эту область хранительницей наивысшей культуры [1]).

III.

Теорія, считающая расу важнымъ факторомъ предрасположенія къ самоубійству, кромѣ того implicite допускаетъ, что предрасположеніе это наслѣдственно, такъ какъ только при этомъ условіи ему можно приписать этническій характеръ. Но доказана-ли наслѣдственность самоубійства? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ разсмотрѣнія, что, помимо своей связи съ предыдущимъ, онъ самъ по себѣ представляетъ значительный интересъ. Если бы дѣйствительно было установлено, что предрасположеніе къ самоубійству передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, то пришлось бы признать, что оно тѣсно связано съ опредѣленнымъ органическимъ строеніемъ.

Необходимо, однако, уже съ самаго начала условиться относительно смысла терминовъ. Когда говорятъ про самоубійство, что оно наслѣдственно, подразумѣваютъ ли подъ этимъ просто, что дѣти самоубійцъ, унаслѣдовавъ характеръ своихъ родителей, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, склонны поступать такъ же, какъ и они? При такой постановкѣ вопроса ничего нельзя возразить противъ этого поло-

[1]) То же самое замѣчаніе относится къ Италіи; тамъ тоже на сѣверѣ больше самоубійствъ, чѣмъ на югѣ, и въ то же время средняя величина роста сѣверянъ нѣсколько больше, чѣмъ у южанъ. Но современная итальянская цивилизація пьемонтскаго *происхожденія и жители Пьемонта немного выше южныхъ* итальянцевъ. Въ общемъ, разница очень незначительная. Maximum роста въ Тосканѣ и Венеціанской области — 1,65 м., а minimum въ Калабріи — 1,60 м., поскольку дѣло касается итальянскаго континента. Въ Сардиніи высота роста опускается до 1,58 м.

женія, но тогда оно лишается для насъ всякой цѣнности, такъ какъ въ этомъ случаѣ не самоубійство наслѣдственно, а преемственно передается нѣкоторый общій темпераментъ, который можетъ, въ подходящемъ случаѣ предрасположить индивида, но не заставить его непремѣнно покончить съ собой, и который поэтому не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ поступковъ даннаго субъекта. Мы видѣли, что индивидуальное строеніе, которое способствуетъ въ высшей степени появленію неврастеніи въ различныхъ ея формахъ, не имѣетъ никакого отношенія къ измѣненіямъ процента самоубійствъ. Совершенно въ другомъ смыслѣ психологи часто говорили о наслѣдственности; они говорили о наклонности лишать себя жизни, которая непосредственно и цѣликомъ переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ и зарождаетъ въ умѣ индивида мысль о самоубійствѣ чисто автоматически. Въ этомъ случаѣ наклонность къ самоубійству должна была бы дѣйствовать въ нѣкоторомъ родѣ психо-механически, не безъ извѣстной самостоятельности, и очень немногимъ отличалась бы отъ мономаніи, причемъ ей, вполнѣ вѣроятно, долженъ былъ бы соотвѣтствовать не менѣе опредѣленный физіологическій механизмъ. Слѣдовательно, она кореннымъ образомъ зависѣла бы отъ индивидуальныхъ причинъ.

Подтверждаютъ-ли наблюденія существованіе подобной наслѣдственности? Разумѣется, часто можно наблюдать, что самоубійство регулярно и трагично повторяется въ одномъ и томъ же семействѣ. Яркій случай приводитъ Gall. „Господинъ Г., богатый человѣкъ, умирая, оставилъ семерымъ своимъ сыновьямъ наслѣдство въ 2.000.000 франковъ; шестеро изъ нихъ остались въ Парижѣ или въ его окрестностяхъ и сберегли оставленную каждому изъ нихъ часть наслѣдства, а нѣкоторые даже увеличили ее. Всѣ они были вполнѣ счастливы и обладали цвѣтущимъ здоровьемъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе 40 лѣтъ всѣ семь братьевъ лишили себя жизни“ [1]).

[1]) *„Sur les fonctions du cerveau“*. Paris. 1825.

Эскироль зналъ одного негоціанта, отца шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо лишили себя жизни, а пятый сдѣлалъ нѣсколько попытокъ къ самоубійству [1]). Въ другихъ случаяхъ мы видимъ, что отцы, дѣти и внуки одержимы однимъ и тѣмъ же стремленіемъ. Но примѣръ физіологіи долженъ научить насъ не дѣлать преждевременныхъ заключеній въ вопросѣ о наслѣдственности, который требуетъ большой осмотрительности. Очень часто встрѣчаются случаи, когда туберкулезъ уничтожаетъ послѣдовательно нѣсколько поколѣній, и, тѣмъ не менѣе, ученые все-таки колеблются признать его наслѣдственнымъ и даже склоняются, повидимому, къ противоположному мнѣнію. Это повтореніе одной и той же болѣзни въ кругу одного и того же семейства можетъ зависѣть не отъ наслѣдственности самого туберкулеза, а отъ общаго предрасположенія, дѣлающаго данный организмъ особенно благопріятной почвой для появленія и размноженія въ немъ бациллъ даннаго недуга. Въ этомъ случаѣ передается не сама болѣзнь, а благопріятная для ея развитія почва. Для того, чтобы имѣть право категорически отвергать это послѣднее объясненіе, надо хотя бы установить, что бацилла Коха часто встрѣчается въ самомъ человѣческомъ зародышѣ; но поскольку такое наблюденіе не было сдѣлано, сомнѣніе въ наслѣдственной передачѣ чахотки вполнѣ законно. Съ тою же осторожностью надо относиться и къ интересующей насъ проблемѣ; для разрѣшенія ея недостаточно перечисленія нѣсколькихъ благопріятныхъ въ смыслѣ наслѣдственности фактовъ,—нужно, чтобы эти факты были въ достаточномъ количествѣ, чтобы они не могли быть отнесены на счетъ случайнаго стеченія обстоятельствъ, чтобы они не допускали никакого другого объясненія и не были опровергнуты никакими другими фактами.

Отвѣчаютъ ли они этому тройному условію? Правда, подобные факты не считаются рѣдкими, но этого недостаточно для того, чтобы вывести заключеніе о наслѣдственной

---

1) *„Maladies mentales“*, т. I, стр. 582.

природѣ самоубійства. Надо въ особенности опредѣлить, по отношенію къ какой долѣ общаго числа самоубійствъ они оказываются вѣрными. Если бы для относительно высокой доли общей цифры самоубійствъ было доказано существованіе самоубійствъ у предковъ то съ полнымъ основаніемъ можно было бы утверждать, что между этими двумя фактами существуетъ причинная связь, что самоубійство имѣетъ свойство передаваться по наслѣдству. Поскольку такого доказательства въ нашемъ распоряженіи не имѣется, всегда будетъ основаніе спросить себя, не вызываются-ли приводимые факты случайными комбинаціями различныхъ причинъ. Наблюденія и сравненія, которыя одни могли бы рѣшить этотъ вопросъ, никогда не производились въ достаточно широкомъ размѣрѣ; обыкновенно довольствуются тѣмъ, что передаютъ нѣкоторое количество интересныхъ анекдотовъ. Тѣ немногія свѣдѣнія по этому вопросу, которыя мы имѣемъ, недостаточно убѣдительны и даже отчасти противорѣчивы. На 39 умалишенныхъ съ болѣе или менѣе ясно выраженной наклонностью къ самоубійству, которыхъ имѣлъ возможность наблюдать докторъ Luys въ своей лечебницѣ, и по отношенію къ которымъ ему удалось собрать достаточно полныя свѣдѣнія, онъ нашелъ только одинъ случай, гдѣ эта наклонность уже встрѣчалась раньше въ семьѣ больного[1]). На 265 умалишенныхъ Brierre de Boismont нашелъ только 11 случаевъ, т. е. 4% больныхъ, родители которыхъ покончили съ собой [2]). Пропорція, которую даетъ Cazauvieilh, гораздо значительнѣе; у 13 индивидовъ изъ 60 онъ нашелъ прецеденты въ прошломъ поколѣніи, что составляетъ 28% [3]). Согласно Баварской статистикѣ, единственной, которая отмѣтила вліяніе наслѣдственности, на протяженіи 1857—66 г. насчитывается до 13% самоубійствъ наслѣд-

---

[1]) *Suicide*, стр. 197.
[2]) Цитировано у Legoyt, стр. 242.
[3]) *Suicide*, стр. 17—19.

ственнаго характера [1]). Какъ ни мало доказательны эти факты, если истолковывать ихъ съ точки зрѣнія гипотезы, принимающей существованіе спеціальной наслѣдственности самоубійства, однако, гипотеза эта пріобрѣтаетъ нѣкоторый авторитетъ, разъ невозможно подыскать никакого другого объясненія. Но существуютъ по меньшей мѣрѣ двѣ другія причины, которыя могутъ вызвать тотъ же эффектъ, особенно при своемъ сочетаніи. Во-первыхъ, почти всѣ наблюденія сдѣланы психіатрами и, слѣдовательно, надъ умалишенными. Психическое разстройство, можетъ быть, чаще всѣхъ другихъ болѣзней передается по наслѣдству. Поэтому можно спросить себя, наслѣдственна-ли сама наклонность къ самоубійству, или, скорѣе, умственное разстройство, частымъ, но случайнымъ симптомамъ котораго является самоубійство. Сомнѣніе наше тѣмъ болѣе основательно, что, по признанію всѣхъ дѣлавшихъ наблюденіе, случаи, благопріятные для гипотезы наслѣдственности, встрѣчались по большей части—если не исключительно — именно среди самоубійцъ - умалишенныхъ [2]). Безъ сомнѣнія, при этихъ условіяхъ, наслѣдственность играетъ важную роль, но здѣсь идетъ рѣчь не о наслѣдственной наклонности къ самоубійству; передается по наслѣдству умственное разстройство въ его общемъ видѣ, нервный недугъ, случайнымъ и сомнительнымъ послѣдствіемъ котораго является самоубійство. Здѣсь наслѣдственность распространяется на склонность къ самоубійству не болѣе, чѣмъ на кровохарканіе въ случаяхъ наслѣдственнаго туберкулеза. Если какой-нибудь несчастный, въ семьѣ котораго есть и умалишенные и самоубійцы, убиваетъ себя, то дѣлаетъ онъ это не потому, что родственники его покончили съ собою, а потому, что они были сумасшедшими. Душевныя болѣзни, передаваясь по наслѣдству, трансформируются; такъ, напримѣръ, мелан-

---

1) См. Morselli, стр. 410.

2) Brierre de Boismont, *op. cit.*, стр. 59; Cazauvieilh, *op. cit.* стр. 19.

холія въ старшемъ поколѣніи превращается у младшаго въ хроническое безуміе и инстинктивное сумасшествіе; и поэтому можетъ случиться, что нѣсколько членовъ одной и той же семьи кончаютъ съ собой и что всѣ эти самоубійства проистекаютъ отъ различныхъ видовъ безумія и принадлежатъ, поэтому, къ различнымъ типамъ.

Но одной этой причины недостаточно для того, чтобы объяснить всѣ факты, такъ какъ съ одной стороны не доказано, что самоубійство повторяется только въ семействахъ, гдѣ есть умалишенные, съ другой остается необъясненной та замѣчательная особенность, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ семействъ самоубійство носитъ, повидимому, заразительный характеръ, хотя психическое разстройство не влечетъ за собою непремѣнно такого послѣдствія. Не каждый сумасшедшій стремится лишить себя жизни. Откуда же происходитъ цѣлая категорія сумасшедшихъ, стремящихся покончить съ собой? Подобное совпаденіе обстоятельствъ даетъ поводъ подозрѣвать существованіе другого фактора сверхъ предыдущаго; опредѣлить его можно, не прибѣгая къ гипотезѣ наслѣдственности; достаточно одной заразительной силы примѣра, чтобы создать этотъ новый факторъ.

Мы увидимъ въ одной изъ нижеслѣдующихъ главъ, что самоубійство очень заразительно. Эта способность заражаться особенно ярко чувствуется у индивидовъ, структура которыхъ дѣлаетъ ихъ болѣе чувствительными ко всякому внушенію вообще и къ идеѣ о самоубійствѣ въ частности; они не только склонны воспроизводить все то, что поражаетъ ихъ впечатлительность, но въ особенности заражаются поступкомъ, къ которому у нихъ уже есть нѣкоторое предрасположеніе и повторяютъ его. Это двойное условіе имѣется въ наличности у людей умалишенныхъ или у простыхъ неврастениковъ, родители которыхъ покончили съ собой. Слабость нервной системы дѣлаетъ ихъ воспріимчивыми къ гипнозу и въ то же самое время предрасполагаетъ ихъ спокойно относиться къ мысли о смерти; поэтому нѣтъ ни-

чего удивительнаго, что воспоминаніе о трагической смерти своихъ близкихъ или зрѣлище ея становится для такихъ субъектовъ источникомъ навязчивой идеи, или непреодолимаго стремленія къ самоубійству.

Это объясненіе отнюдь не является менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ гипотеза наслѣдственности; существуетъ цѣлый рядъ фактовъ, доступныхъ только ему одному. Часто случается, что въ семьяхъ, гдѣ наблюдаются повторные случаи самоубійства, они почти вызываются одинъ другимъ; они не только случаются въ одномъ и томъ же возрастѣ, но происходятъ совершенно одинаковымъ образомъ. Иногда предпочтеніе отдается повѣшенію, въ другихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ самоудушенію газами, или бросаются съ возвышеннаго мѣста. Въ одномъ часто приводимомъ случаѣ сходство простирается еще дальше. Одно и то же оружіе служило для всей семьи и на протяженіи многихъ лѣтъ [1]). Въ этихъ явленіяхъ хотѣли видѣть еще одно доказательство существованія наслѣдственности. Но если существуютъ серьезныя причины, въ силу которыхъ нельзя дѣлать изъ самоубійства особой психологической сущности, — то во сколько же разъ труднѣе признать существованіе особой наклонности лишать себя жизни посредствомъ повѣшенія, или пистолета. Развѣ эти факты не указываютъ скорѣе на то, какъ велика заразительная сила примѣра, дѣйствующая на умы оставшихся въ живыхъ людей, родные которыхъ уже внесли кровавую страницу въ исторію своей семьѣ. Съ какой силой должно ихъ преслѣдовать воспоминаніе объ этой добровольной смерти, чтобы заставить рѣшиться повторить съ поразительной точностью то, что было сдѣлано ихъ предшественниками!

Предлагаемое нами объясненіе подтверждается еще тѣмъ, что многочисленные случаи, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о наслѣдственности и гдѣ все зло происходитъ по винѣ заразительной силы примѣра — являютъ тѣ же

[1]) Ribot, *L'hérédité*, стр. 145, Paris, Felix Alcan.

самые признаки. Во время эпидемій, о которыхъ будетъ говориться ниже, обыкновенно наблюдается, что различные случаи самоубійствъ имѣютъ между собой самое поразительное сходство, можно сказать, являются копіею одинъ другого. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ о пятнадцати инвалидахъ, которые въ 1772 году одинъ за другимъ за короткое время повѣсились на одномъ и томъ же крюкѣ въ темномъ корридорѣ: какъ только крюкъ былъ снятъ, эпидемія прекратилась. То же самое было въ булонскомъ лагерѣ; одинъ солдатъ застрѣлился въ часовой будкѣ; черезъ нѣсколько дней у него оказались послѣдователи, которые покончили съ собой въ той же будкѣ; какъ только ее сожгли, эпидемія прекратилась. Во всѣхъ этихъ случаяхъ преобладающее вліяніе навязчивости идей очевидно, поскольку самоубійство прекращается, какъ только исчезаетъ матеріальный предметъ, вызывающій эту идею. Поэтому, если самоубійства, явно вытекающія одно изъ другого, повидимому, совершаются по одинаковому образцу, то вполнѣ законно будетъ приписать ихъ именно этой причинѣ, тѣмъ болѣе, что она должна имѣть свой maximum въ тѣхъ семьяхъ, о которыхъ мы выше говорили,—въ семьяхъ, гдѣ все способствуетъ усиленію дѣйствія этого фактора.

Къ тому же, многіе люди сами чувствуютъ, что, поступая такъ же, какъ ихъ родители, они поддаются заразительной силѣ примѣра. Такой случай наблюдалъ Esquirol: „Самый младшій братъ, лѣтъ 26—27, впалъ въ меланхолію и бросился внизъ съ крыши дома; второй братъ, который ухаживалъ за нимъ послѣ этого паденія, обвинялъ себя въ его смерти, нѣсколько разъ пытался покончить съ собой и черезъ годъ умеръ отъ послѣдствій длительнаго, многократнаго голоданія; четвертый братъ, врачъ по профессіи, два года тому назадъ съ отчаяньемъ увѣрявшій меня, что и ему не избѣжать этой участи, тоже лишаетъ себя жизни“ [1]). Moreau приводитъ слѣдующій случай: одинъ умалишен-

[1]) Lisle, *op. cit.* стр. 195.

ный, у котораго братъ и дядя съ отцовской стороны покончили жизни самоубійствомъ, мучился мыслью лишить себя жизни. Братъ, посѣщавшій его въ Шарантонѣ, пришелъ въ отчаянье отъ тѣхъ ужасныхъ мыслей, которыя внушалъ ему больной и не могъ отдѣлаться отъ убѣжденія, что и онъ самъ въ концѣ-концовъ подпадетъ подъ ихъ власть [1]). Одинъ больной, сдѣлалъ Brierre de Boismont'y слѣдующее признаніе: „до 53 лѣтъ я былъ совершенно здоровъ; у меня не было никакого горя, характеромъ я обладалъ довольно веселымъ, какъ вдругъ три года тому назадъ на меня стали находить мрачныя мысли... въ продолженіе вотъ уже трехъ мѣсяцевъ онѣ совершенно не даютъ мнѣ покоя и каждую минуту что-то толкаетъ меня покончить съ тобой. Я не скрою отъ васъ, что мой братъ лишилъ себя жизни 60-ти лѣтъ, но я никогда серьезно не думалъ надъ этимъ обстоятельствомъ, когда же я дожилъ до 56 лѣтъ, то воспоминаніе объ этомъ событіи живо воскресло въ моей памяти и теперь уже не покидаетъ меня". Но наиболѣе яркій фактъ передаетъ намъ Falret: одна молодая девятнадцатилѣтняя дѣвушка узнала, что „дядя ея съ отцовской стороны лишилъ себя жизни; это извѣстіе очень огорчило ее; она уже раньше слышала о наслѣдственности сумасшествія, и мысль о томъ, что и она можетъ впасть въ это ужасное состояніе, заполонила ея сознаніе... Она находилась въ этомъ ужасномъ настроеніи, когда отецъ ея также лишилъ себя жизни; съ этихъ поръ она твердо увѣровала въ то, что и ее самоё ждетъ наслѣдственная смерть. Ее стала занимать только мысль объ ея близкомъ концѣ и она безпрестанно повторяла: „Я погибну такъ же, какъ погибли мой отецъ и дядя. Кровь моя заражена безуміемъ!" Она пыталась даже покончить съ собой, но неудачно. Человѣкъ, котораго она считаетъ своимъ отцомъ, не былъ имъ въ дѣйствительности, и, чтобы освободить ее отъ мучившаго ее страха, мать ея рѣшилась признаться ей во

[1]) Brierre, *op. cit.* стр. 57.

всемъ и устроить ей свиданіе съ ея настоящимъ отцомъ. Физическое сходство между отцомъ и дочерью было такъ поразительно, что всѣ сомнѣнія больной тотчасъ же разсѣялись; съ этой минуты она отказалась отъ всякой мысли о самоубійствѣ, къ ней вернулась ея веселость и быстро возстановилось ея здоровье“ [1]).

Такимъ образомъ, съ одной стороны наиболѣе благопріятныхъ для теоріи наслѣдственности случаевъ самоубійства недостаточно, чтобы доказать правильность этой теоріи, а съ другой они безъ всякаго труда находятъ себѣ иное объясненіе. Болѣе того: нѣкоторые факты, обнаруженные статистикой, значеніе которыхъ, очевидно, ускользнуло отъ наблюденія психологовъ, совершенно не согласуются съ гипотезой наслѣдственной передачи въ точномъ смыслѣ этого слова. Факты эти слѣдующіе:

1) Если существуетъ психо-органическій детерминизмъ наслѣдственнаго происхожденія, предрасполагающій людей къ самоубійству, то онъ долженъ почти одинаково вліять на оба пола. Такъ какъ самоубійство само по себѣ не содержитъ въ себѣ ничего сексуальнаго, то нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы зарожденіе наклонности къ самоубійству больше замѣчалось у мальчиковъ, чѣмъ у дѣвочекъ. На самомъ дѣлѣ мы знаемъ, что среди женщинъ самоубійства встрѣчаются рѣдко и являются только небольшою частью числа самоубійствъ среди мужчинъ. Этого не было бы, если бы наслѣдственность обладала приписываемой ей силой. На это могутъ возразить, что женщины такъ же, какъ и мужчины, получаютъ въ наслѣдство наклонность къ самоубійству, но что эта послѣдняя постепенно нейтрализуется соціальными условіями, въ которыхъ живутъ женщины. Но что же можно думать о наслѣдственности, разъ въ большинствѣ случаевъ она не проявляется или ограничивается очень смутной возможностью, ничѣмъ даже недоказуемой?

---

[1]) Luys, *op. cit.* стр. 201.

2) Исходя изъ наслѣдственности туберкулеза, Grancher говоритъ слѣдующее. „Вполнѣ возможно признать существованіе наслѣдственности въ случаяхъ этого рода (рѣчь идетъ о чахоткѣ у трехмѣсячняго ребенка) — все подтверждаетъ это предположеніе... Уже менѣе достовѣрно, что туберкулезъ начался еще въ утробѣ матери, разъ онъ проявляется черезъ 15—20 мѣсяцевъ послѣ рожденія и разъ ничто не указывало раньше на тайное присутствіе туберкулеза... Что же можно сказать о туберкулезѣ, появляющемся черезъ 15, 20, 30 лѣтъ послѣ рожденія? Предполагая даже, что извѣстное заболѣваніе существовало съ самаго начала жизни, возникаетъ вопросъ, могъ-ли зародышъ болѣзни сохраниться въ силѣ въ теченіе такого длиннаго промежутка времени. Естественно-ли обвинять во всемъ эти ископаемые микробы, вмѣсто живыхъ бациллъ, которыя человѣкъ встрѣчаетъ на своемъ пути?“ [1]). Дѣйствительно, для того, чтобы имѣть право утверждать, что данная болѣзнь наслѣдственна, при отсутствіи рѣшительнаго доказательства въ пользу того, что сѣмя ея заложено еще въ зародышѣ или наблюдается у новорожденнаго, необходимо, по крайней мѣрѣ, установить, что болѣзнь эта часто появляется у очень маленькихъ дѣтей. Вотъ почему въ наслѣдственности видятъ основную причину особаго вида безумія, которое проявляется съ первыхъ дней рожденія и которое поэтому носитъ названіе наслѣдственнаго безумія. Кохъ указалъ даже, что въ тѣхъ случаяхъ, когда сумасшествіе не передается всецѣло по наслѣдству, оно испытываетъ на себѣ вліяніе наслѣдственности; и предрасположеніе въ этихъ случаяхъ гораздо быстрѣе дѣйствуетъ, чѣмъ тамъ, гдѣ не было извѣстныхъ прецедентовъ [2]).

Правда, приводятъ примѣры нѣкоторыхъ признаковъ, которые считаются наслѣдственными, но проявляются только въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ; таковы, напримѣръ,

1) *Dictionnaire encyclopédique, des sciences med.* статья *Phtisie*, т. LXXVI, стр. 542.

2) *Op. cit.* стр. 170—172.

борода у человѣка, рога у животныхъ и т. д. Но это опозданіе только въ опредѣленныхъ случаяхъ можетъ быть объяснено гипотезой наслѣдственности, а именно тогда, когда оно зависитъ отъ органическаго состоянія, которое не можетъ быть создано иначе, какъ путемъ индивидуальной эволюціи; напримѣръ, во всемъ, что касается половыхъ функцій, наслѣдственность не можетъ, очевидно, проявиться раньше половой зрѣлости. Но если переданное свойство дѣйствительно въ любомъ возрастѣ, то обнаружить себя оно должно было бы сразу. Слѣдовательно, чѣмъ больше ему нужно времени для того, чтобы появиться на свѣтъ, тѣмъ скорѣе надо признать, что оно получаетъ отъ наслѣдственности самое слабое поощреніе. Но не извѣстно, почему наклонность къ самоубійству должна быть болѣе связана съ одной фазой органическаго развитія, чѣмъ съ какой-либо другой. Если она представляетъ собой опредѣленный механизмъ, который можетъ передаваться въ совершенно законченномъ видѣ, то она должна была бы начать дѣйствовать съ первыхъ же лѣтъ жизни.

На самомъ дѣлѣ происходитъ обратное. Самоубійство среди дѣтей наблюдается чрезвычайно рѣдко. Во Франціи, по Legoyt, на 1 милліонъ дѣтей ниже 16 лѣтняго возраста въ теченіе 1861—75 гг. приходится 4,3 случая на мальчиковъ и 1,8 на дѣвочекъ. Въ Италіи, по Морселли, цифры еще меньше: онѣ не поднимаются выше 1,25 для одного пола и 0,33 для другого—(1866—1875 гг.), и такова пропорція во всѣхъ почти странахъ.

ТАБЛИЦА IX (по Морселли).

Самоубійство въ различныхъ возрастахъ. (На 1 мил. жителей каждаго возраста).

	Франція 1835—44.		Пруссія. 1873—75.		Саксонія. 1847—58.		Италія. 1872—76.		Данія. 1845—56
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч. и Женщ.
Ниже 16 лѣтъ.	2,2	1,2	10,5	3,2	9,6	2,4	3,2	1,0	113
Отъ 16—20 л.	56,5	31,7	122,0	50,3	210	85	32,3	12,2	272
„ 20—30 „	130,5	44,5	231,1	60,8	396	108	77,0	18,9	307
„ 30—40 „	155,6	44,0	235,1	55,6	} 551	} 126	72,3	19,6	426
„ 40—50 „	204,7	64,7	347,0	61,6			102,3	26,0	576
„ 50—60 „	217,9	74,8	} 529,0	} 113,9	} 906	} 207	140,0	32,0	702
„ 60—70 „	274,2	83,7					147,8	34,5	} 785
„ 70—80 „	317,3	91,8			} 917	} 297	124,3	29,1	
Выше.	345,1	81,4					103,8	33,8	642

Раньше 5-ти-лѣтняго возраста самоубійствъ не бываетъ, да и въ этомъ возрастѣ они совершенно исключительное явленіе; къ тому же еще не доказано, чтобы эти исключительные случаи объяснялись наслѣдственностью. Не надо забывать того, что ребенокъ тоже испытываетъ на себѣ вліяніе соціальныхъ причинъ и что этого обстоятельства вполнѣ достаточно, чтобы толкнуть ребенка на самоубійство. Фактъ этотъ доказывается тѣмъ, что самоубійство у дѣтей варьируетъ въ зависимости отъ соціальной обстановки, ихъ окружающей; нигдѣ оно не замѣчается такъ часто, какъ въ большихъ городахъ [1]). Это вполнѣ понятно, потому что нигдѣ соціальная жизнь такъ рано не начинается для ребенка, какъ въ городѣ, что доказывается быстротой умственнаго развитія у городского ребенка; раньше по времени и полнѣе пріобщенный къ ходу нашей цивили-

[1]) Morselli, стр. 329 и слѣд.

зации, городской ребенокъ скорѣе ощущаетъ на себѣ ея послѣдствія. Въ силу этихъ причинъ, въ наиболѣе культурныхъ странахъ самоубійства дѣтей увеличиваются съ ужасающей регулярностью [1]). Но мало того, что самоубійства встрѣчаются вообще чрезвычайно рѣдко у дѣтей; только къ старости они достигаютъ своего апогея, а въ промежуткѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, число ихъ регулярно увеличивается изъ года въ годъ.

Съ нѣкоторыми измѣненіями отношенія эти почти одинаковы во всѣхъ странахъ. Швеція—единственная страна, гдѣ максимумъ падаетъ на промежутокъ между 40—50 годами; вездѣ въ другихъ странахъ самоубійства достигаютъ максимума въ послѣдній или предпослѣдній періодъ жизни; и вездѣ, съ очень небольшими исключеніями, которыя, можетъ быть, зависятъ отъ ошибокъ переписи [2]), возрастаніе идетъ непрерывно вплоть до этого высшаго предѣла. Пониженіе наклонности къ самоубійству, наблюдаемое въ возрастѣ свыше 80 лѣтъ, не носитъ абсолютнаго характера и во всякомъ случаѣ оно чрезвычайно слабо. Контингентъ самоубійцъ въ этомъ возрастѣ ниже того, который наблюдается у стариковъ 70-ти лѣтъ, но онъ все еще выше по сравненію съ другими, во всякомъ случаѣ, по сравненію съ большинствомъ другихъ возрастовъ. Какимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго, можно

---

[1]) См. Legoyt, стр. 158 и слѣд.

[2]) По отношенію къ мужчинамъ мы знаемъ только одинъ случай, относящійся къ Италіи, гдѣ въ развитіи числа самоубійствъ замѣчено замедленіе въ возрастѣ отъ 30—40 лѣтъ. По отношенію къ женщинамъ въ этомъ возрастѣ зарегистрирована остановка, носящая общій характеръ и потому безспорно существующая; этотъ возрастъ какъ бы отмѣчаетъ этапъ въ жизни женщины. Такъ какъ дѣло идетъ спеціально о незамужнихъ женщинахъ, то, очевидно, что остановка совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда разочарованіе и лишенія одинокой жизни меньше даютъ себя чувствовать, а духовное одиночество, наступающее въ болѣе преклонномъ возрастѣ, когда незамужняя женщина остается совсѣмъ одна, еще не проявляется во всей своей силѣ.

приписывать наслѣдственности наклонность, появляющуюся только у взрослыхъ и усиливающуюся съ этого момента по мѣрѣ дальнѣйшаго хода человѣческой жизни? Какъ можно считать прирожденнымъ заболѣваніе, которое въ дѣтствѣ или отсутствуетъ, или совсѣмъ слабо и которое, все усиливаясь и развиваясь, достигаетъ своего maximum'a только у стариковъ.

Законъ наслѣдственности, проявляющейся въ опредѣленномъ возрастѣ, не можетъ быть примѣнимъ въ данномъ случаѣ. Онъ говоритъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, унаслѣдованная наклонность проявляется у потомковъ почти въ томъ же возрастѣ, что и у предковъ; но это, очевидно, не касается самоубійства, которое свыше 10-ти или 15-ти лѣтъ наблюдается во всѣхъ возрастахъ безъ различія.

Характерной чертой для самоубійства является не то обстоятельство, что наклонность къ нему проявляется въ опредѣленномъ возрастѣ, но что она безпрерывно прогрессируетъ изъ года въ годъ. Эта непрерывная прогрессія доказываетъ, что причина, отъ которой она зависитъ, развивается сама по мѣрѣ того, какъ старѣетъ человѣкъ. Наслѣдственность этому условію не удовлетворяетъ, такъ какъ по существу своему она должна быть тѣмъ, что она есть, съ того самого момента, какъ произошло оплодотвореніе. Можно-ли сказать, что наклонность къ самоубійству уже существуетъ въ скрытомъ состояніи съ самого дня рожденія, но проявляется только подъ вліяніемъ другихъ силъ, обнаруживающихся поздно и развивающихся прогрессивно? Вѣдь это значило бы признать, что наслѣдственное вліяніе сводится преимущественно къ предрасположенію очень общаго и неопредѣленнаго характера; въ самомъ дѣлѣ, если встрѣча его съ другимъ факторомъ до такой степени необходима, что оно только тогда начинаетъ дѣйствовать, когда присутствуетъ этотъ факторъ, и въ той мѣрѣ, въ которой онъ присутствуетъ, то этотъ факторъ и долженъ считаться настоящей причиной.

Наконецъ, характеръ измѣненій числа самоубійствъ по возрастамъ, доказываетъ, что, во всякомъ случаѣ, психо-органическое состояніе не можетъ считаться опредѣляющей причиной, такъ какъ все, зависящее отъ организма, подчиняясь ритму жизни, послѣдовательно проходитъ черезъ фазу возрастанія, затѣмъ остановки и, наконецъ, регрессіи. Нѣтъ ни одного біологическаго или психологическаго явленія, прогрессирующаго безконечно: всѣ, дойдя до апогея своего развитія, идутъ къ упадку. Наоборотъ, наклонность къ самоубійству приходитъ къ своей кульминаціонной точкѣ только въ самомъ преклонномъ возрастѣ. Даже паденіе, отмѣчаемое довольно часто около 80-ти лѣтъ, помимо того, что оно очень незначительно и совсѣмъ не носитъ общаго характера, имѣетъ только относительное значеніе, такъ какъ 90-лѣтніе старики лишаютъ себя жизни не менѣе часто, а иногда чаще, чѣмъ 70-лѣтніе. Не доказываетъ-ли это обстоятельство, что причина, заставляющая варьировать процентъ самоубійствъ, не можетъ состоять въ прирожденномъ и неизмѣнномъ импульсѣ, что ее надо искать въ прогрессивномъ вліяніи соціальной жизни. Оттого и наклонность къ самоубійству появляется позднѣе или раньше, въ зависимости отъ того, когда человѣкъ вступаетъ въ жизнь и увеличивается по мѣрѣ того, какъ индивидъ тѣснѣе связывается съ обществомъ. Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу предыдущей главы. Конечно, самоубійство возможно только въ томъ случаѣ, если организація индивида не противится этому, но индивидуальное состояніе, которое для совершенія самоубійства всего благопріятнѣе, состоитъ не въ опредѣленной и автоматической наклонности (за исключеніемъ случаевъ сумасшествія), но въ смутной и общей способности, могущей принимать различныя формы, смотря по обстоятельствамъ; эта неопредѣленная общая наклонность позволяетъ совершиться самоубійству, но не вызываетъ его съ необходимостью, а слѣдовательно не можетъ служить ему объясненіемъ.

Глава III.

Самоубійство и космическіе факторы [1]).

Но если индивидуальныя предрасположенія, сами по себѣ, не являются опредѣляющими причинами самоубійства, они, быть можетъ, способны оказать болѣе значительное вліяніе въ соединеніи съ извѣстными космическими факторами. Вѣдь благопріятная матеріальная среда вызываетъ иногда развитіе болѣзней, которыя безъ нея остались бы въ зародышѣ; а можно предположить, что она способна вызвать фактическое проявленіе той общей и чисто потенціальной склонности къ самоубійству, которая присуща извѣстнымъ индивидамъ. Въ такомъ случаѣ, процентъ самоубійствъ нельзя уже было бы разсматривать, какъ соціальное явленіе; будучи результатомъ сочетанія опредѣленныхъ физическихъ причинъ и нѣкотораго психо-органическаго состоянія, онъ всецѣло, или главнымъ образомъ, свелся бы къ явленіямъ психо-патологическаго порядка. Правда, такимъ путемъ было бы, конечно, очень трудно объяснить, почему каждая соціальная группа характеризуется вполнѣ опредѣленнымъ процентомъ самоубійствъ: вѣдь космическая среда не измѣняется сколько-нибудь замѣтно при переходѣ изъ одной страны въ другую. Тѣмъ не менѣе, одинъ важный результатъ все же, повидимому, можетъ быть здѣсь достигнутъ: могутъ быть обяснены, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя колебанія относительнаго числа самоубійствъ безъ вмѣшательства соціальныхъ причинъ.

Среди факторовъ этого рода только двумъ приписывалось до сихъ поръ вліяніе на число самоубійствъ, а именно климату и температурѣ различныхъ временъ года.

---

[1]) Библіографія: Lombroso. „Pensiero e Meteore". Ferri. Variations thermométriques et criminalité. Въ Archives d'Anth. criminelle, 1887. Corre. Le délit et le suicide à Brest. Въ Arch. crim., 1890 г., стр. 109 и сл., стр. 259 и сл.; его же, Crime et suicide, стр. 605—639. Morselli, op. cit., стр. 103—157.

I.

Вотъ какъ распредѣляются самоубійства на картѣ Европы въ зависимости отъ широты мѣста:

Отъ	36°—43°	широты	21,1	самоубійствъ на	1000000 ж.
„	43°—50°	„	93,3	„ „	„
„	50°—55°	„	172,5	„ „	„
Свыше	55°	„	88,1	„ „	„

Какъ видимъ, минимумъ самоубійствъ приходится на югъ и сѣверъ Европы; въ центрѣ процентъ ихъ наиболѣе высокъ; Морселли внесъ сюда еще больше точности, установивъ, что пространство, ограниченное 47° и 57° широты съ одной стороны, 20° и 40° долготы — съ другой, является мѣстомъ преимущественнаго развитія самоубійствъ. Эта зона почти вполнѣ совпадаетъ съ наиболѣе умѣренной областью Европы. Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ совпаденіи результатъ климатическихъ вліяній?

Морселли отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, хотя и не безъ нѣкотораго колебанія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно усмотрѣть, въ чемъ можетъ заключаться связь между умѣреннымъ климатомъ и склонностью къ самоубійству; нужно чрезвычайно строгое совпаденіе фактовъ, чтобы сдѣлать подобнаго рода гипотезу пріемлемой. Между тѣмъ въ дѣйствительности не наблюдается такого строго опредѣленнаго соотношенія между самоубійствомъ и тѣмъ или другимъ климатомъ; несомнѣнно, наоборотъ, что самоубійство процвѣтало въ самыхъ различныхъ климатахъ. Въ настоящее время Италія сравнительно мало подвержена этому бѣдствію; но оно было тамъ чрезвычайно распространено во времена имперіи, когда Римъ былъ столицей цивилизованной Европы. Равнымъ образомъ въ извѣстныя эпохи оно достигало значительнаго развитія подъ жгучимъ небомъ Индіи[1]).

[1]) См. ниже, книгу II, гл. IV.

Уже самыя очертанія этой зоны доказываютъ, что климатъ не является причиной тѣхъ многочисленныхъ убійствъ, которыя въ ней совершаются. Пятно, образуемое ею на картѣ, состоитъ не изъ одной полосы, болѣе или менѣе ровной и одинаковой на всемъ своемъ протяженіи, включающей въ себя всѣ страны съ однимъ и тѣмъ же климатомъ, но явно разбивается на два отдѣльныя пятна: одно, имѣющее своимъ центромъ Il-de-France и прилежащіе департаменты, другое — Саксонію и Пруссію. Такимъ образомъ, интересующая насъ зона совпадаетъ не съ какой-либо областью, строго опредѣленной въ климатическомъ отношеніи, а съ двумя главными очагами европейской цивилизаціи. Слѣдовательно, именно въ характерѣ этой цивилизаціи, въ способѣ ея распредѣленія между различными странами, а не въ таинственныхъ свойствахъ климата, слѣдуетъ искать причины неодинаковой наклонности народовъ къ самоубійству.

Подобнымъ же образомъ можетъ быть объясненъ и другой фактъ, который отмѣтилъ уже Герри, который Морселли подтвердилъ новыми наблюденіями и который, хотя и допускаетъ извѣстныя исключенія, тѣмъ не менѣе носитъ достаточно общій характеръ. Въ странахъ, которыя не входятъ въ составъ центральной зоны, области, наиболѣе приближающіяся къ ней, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе обильны самоубійствами. Такъ, напримѣръ, въ Италіи самоубійства особенно распространены на сѣверѣ, тогда какъ въ Англіи и Бельгіи они преобладаютъ на югѣ. Нѣтъ, однако, никакого основанія приписывать эти факты близости умѣреннаго климата. Не естественнѣе ли предположить, что идеи, чувства, однимъ словомъ, всѣ тѣ соціальные стимулы, которые съ такою силою толкаютъ на самоубійство жителей сѣверной Франціи и сѣверной Германіи, находятъ себѣ мѣсто и въ сосѣднихъ съ ними странахъ, живущихъ приблизительно тою же жизнью, хотя и съ меньшей интенсивностью. Вотъ таблица, показывающая, какое громадное вліяніе на это распредѣленіе самоубійствъ оказываютъ соціальныя причины.

ТАБЛИЦА X.

Порайонное распредѣленіе самоубійствъ въ Италіи.

	Число самоубійствъ на милліонъ жителей.			Относительное число самоубійствъ въ каждомъ районѣ по сравненію съ сѣвернымъ, принятымъ за 100.		
	Годы.			Годы.		
	1866—67	1864—76	1884—86	1866—67	1864—76	1864—86
Сѣверъ . . .	33,8	43,6	63	100	100	100
Центръ . . .	25,6	40,8	88	75	93	139
Югъ	8,3	16,5	21	24	37	33

Въ Италіи до 1870 года сѣверныя провинціи насчитывали больше всего самоубійствъ, центръ слѣдовалъ за ними, и югъ занималъ послѣднее мѣсто. Но мало-по-малу разстояніе между сѣверомъ и центромъ уменьшилось и въ концѣ-концовъ они помѣнялись мѣстами (см. только что приведенную таблицу X). Между тѣмъ климатическія условія различныхъ районовъ остались неизмѣнными. Измѣнились только одно: вслѣдствіе завоеванія Рима въ 1870 году столица Италіи была перенесена въ центръ страны. Научное, артистическое, экономическое движенія перемѣстились въ томъ же направленіи. Самоубійства послѣдовали за ними.

Нѣтъ, такимъ образомъ, никакихъ основаній настаивать на вышеприведенной гипотезѣ, которую рѣшительно ничто не подтверждаетъ и которой противорѣчитъ столько фактовъ.

II.

Вліяніе температуры различныхъ временъ года, повидимому, лучше установлено. Соотвѣтственные факты допускаютъ различныя толкованія, но наличность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Если, вмѣсто того, чтобы наблюдать факты, мы попытаемся путемъ апріорныхъ соображеній предсказать, какое время года должно наиболѣе благопріятствовать самоубій-

ствамъ, то мы естественнѣе всего остановимся на мысли, что этимъ временемъ года должны быть тѣ мѣсяцы, когда солнце показывается наиболѣе рѣдко, когда температура наиболѣе низка, когда погода наиболѣе сыра. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ унылый видъ, который принимаетъ въ это время природа, долженъ, повидимому, неизбѣжно располагать къ мечтательности, пробуждать тоскливыя настроенія, вызывать меланхолію. Къ тому же, какъ разъ въ этотъ періодъ жизнь оборачивается къ людямъ самой суровой своей стороной, ибо въ холодные мѣсяцы съ одной стороны требуется усиленное питаніе для пополненія недостатка естественной теплоты, съ другой стороны добываніе пищи затрудняется. Вотъ тѣ соображенія, исходя изъ которыхъ, еще Монтескье считалъ холодныя и сырыя страны особенно благопріятной почвой для развитія самоубійствъ; и въ теченіе долгаго времени это мнѣніе принималось всѣми безапелляціонно. Примѣняя его къ отдѣльнымъ временамъ года, пришли къ мысли, что осенью самоубійства должны достигать своего апогея. Хотя уже Esquirol высказалъ сомнѣніе въ точности этой теоріи, тѣмъ не менѣе Falret все еще принимаетъ ее въ принципѣ[1]). Въ настоящее время статистика ее окончательно опровергла. Не зимою, не осенью достигаетъ число самоубійствъ своего максимума, а лѣтомъ, когда природа имѣетъ самый радостный видъ, а температура самая мягкая. Человѣкъ предпочитаетъ разставаться съ жизнью въ тотъ моментъ, когда она для него наиболѣе легка. Въ самомъ дѣлѣ, если разбить годъ на два полугодія,—одно, содержащее въ себѣ шесть самыхъ теплыхъ мѣсяцевъ (съ марта до августа включительно), и другое, состоящее изъ шести самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ,—то, какъ оказывается, преобладающее число самоубійствъ всегда падаетъ на первое изъ нихъ. Нѣтъ ни одной страны, которая бы составляла исключеніе изъ этого правила. Соотвѣтственная

[1]) De l'hypocondrie, etc., стр. 28.

пропорція самоубійствъ вездѣ одинакова,—предѣлы отклоненія не превышаютъ нѣсколькихъ единицъ. Изъ 1000 ежегодныхъ самоубійствъ отъ 590 до 600 приходятся на лѣтніе мѣсяцы и только 400 на остальную часть года.

Соотношеніе между самоубійствомъ и колебаніями температуры можетъ быть даже опредѣлено съ большей точностью.

Если мы условимся называть зимою три мѣсяца съ декабря до февраля включительно, весною—мартъ, апрѣль и май, лѣтомъ—іюнь, іюль и августъ, и осенью—остальные три мѣсяца, и если мы распредѣлимъ эти четыре сезона соотвѣтственно тому мѣсту, которое занимаетъ въ теченіе каждаго изъ нихъ смертность отъ самоубійства, то мы почти всегда найдемъ, что лѣто стоитъ на первомъ мѣстѣ. Морсели имѣлъ возможность сравнить съ этой точки зрѣнія 34 различные періода въ 18 европейскихъ государствахъ, и констатировалъ, что въ 30 случаяхъ, т. е. въ 88 изъ ста, максимумъ самоубійствъ падаетъ на лѣтній періодъ, только въ трехъ случаяхъ на весну, и въ одномъ случаѣ на осень. Это послѣднее уклоненіе, наблюдавшееся въ одномъ только великомъ герцогствѣ Баденскомъ и въ одинъ только моментъ его исторіи, не имѣетъ значенія, ибо оно есть результатъ подсчета, охватывающаго слишкомъ короткій промежутокъ времени; къ тому же оно не повторялось въ позднѣйшіе періоды. Три прочія исключенія столь же мало доказательны. Они относятся къ Голландіи, Ирландіи и Швеціи. Что касается двухъ первыхъ странъ, то тѣ цифровыя данныя, которыя послужили основаніемъ для вычисленія сезонной средней, слишкомъ малочисленны для того, чтобы изъ нихъ можно было дѣлать какіе бы то ни было достовѣрные выводы,—въ Голландіи было зарегистрировано всего 387, въ Ирландіи 755 случаевъ. Къ тому же статистика у обоихъ этихъ народовъ не получила еще достаточно авторитетной постановки. Наконецъ, въ Швеціи данный фактъ былъ констатированъ только въ теченіе періода 1835—1851 гг. Такимъ образомъ, если ограничиться

тѣми государствами, относительно которыхъ мы имѣемъ совершенно несомнѣнныя свѣдѣнія, то установленный выше законъ окажется абсолютнымъ и всеобщимъ.

Періодъ, на который падаетъ минимумъ самоубійствъ, отличается не меньшей правильностью: въ 30 случаяхъ изъ 34, т. е. въ 88 изъ ста, онъ приходится на зиму; въ четырехъ случаяхъ на осень. Четыре отклоняющіяся страны: Ирландія, Голландія (какъ и въ предыдущемъ случаѣ), Бернскій кантонъ и Норвегія. Мы уже знаемъ, насколько мало убѣдительны двѣ первыя аномаліи; третья еще менѣе доказательна, такъ какъ она выведена изъ наблюденія всего 97 самоубійствъ. Итакъ въ 26 случаяхъ изъ 34, т. е. въ 76 изъ ста, сезоны располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: лѣто, весна, осень, зима. Этотъ законъ безъ малѣйшаго исключенія наблюдается въ Даніи, Бельгіи, Франціи, Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Вюртембергѣ, Австріи, Швейцаріи, Италіи и Испаніи.

Не только времена года распредѣляются въ разныхъ странахъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, но и относительное число самоубійствъ, падающее на каждое изъ нихъ, остается почти неизмѣннымъ. Чтобы указать болѣе наглядно эту неизмѣнность, мы изобразили на таблицѣ XI относительное число самоубійствъ каждаго времени года въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, принявъ общую годовую сумму за 1000. Мы видимъ, что тѣ же самые ряды чиселъ повторяются почти идентично въ каждомъ столбцѣ.

ТАБЛИЦА XI.

Относительное число самоубійствъ каждаго времени года по сравненію съ общей годовой суммой для различныхъ странъ

	Данія. (1858—65)	Бельгія. (184—49)	Франція. (1835—43)	Саксонія. (1847—58)	Баварія. (1858—65)	Австрія. (1858—59)	Пруссія. (1863—72)
Лѣто.	312	301	306	307	308	315	290
Весна	284	275	283	281	282	281	284
Осень	227	229	210	217	218	219	227
Зима.	177	195	201	195	192	185	199
	1.000	1.000	1.000	1.000	1.000	1.000	1.000

Пользуясь этимъ безспорнымъ фактомъ, Ферри и Морселли пришли къ выводу, что температура воздуха имѣетъ на наклонность къ самоубійству прямое вліяніе и что чисто механическое дѣйствіе, оказываемое жарою на мозговыя функціи человѣка, заставляетъ послѣдняго кончать съ собой. Ферри пытался даже объяснить, какимъ образомъ это происходитъ.

Съ одной стороны, говоритъ онъ, жара увеличиваетъ возбуждаемость нервной системы; а съ другой, поскольку въ жаркое время года организмъ не нуждается въ большой массѣ продуктовъ для поддержанія температуры своего тѣла на желаемой высотѣ, получается избыточное накопленіе силъ, которыя естественно ищутъ себѣ выхода. Вслѣдствіе этой двойной причины, лѣтомъ наблюдается чрезмѣрное развитіе активности, избытокъ жизни, рвущейся наружу и могущей проявиться только въ формѣ насильственныхъ дѣйствій; самоубійство является однимъ изъ такихъ проявленій, убійство — другимъ, и потому количество добровольныхъ смертей увеличивается въ теченіе лѣта, равно какъ и число уголовныхъ преступленій. Кромѣ того, психическое разстройство во всѣхъ его видахъ также особенно сильно, по общему мнѣнію, развивается лѣтомъ; поэтому естественно, что самоубійство, въ силу своей связи съ сумасшествіемъ, обнаруживаетъ ту же картину. Эта, соблазнительная по своей простотѣ, теорія кажется на первый взглядъ вполнѣ совпадающей съ фактами; представляется даже, что она есть ихъ непосредственное выраженіе. На самомъ дѣлѣ, это далеко не такъ.

III.

Раньше всего эта теорія даетъ очень спорную концепцію самоубійства, предполагая, что ему всегда предшествуетъ психологическое состояніе крайняго возбужденія и что оно само есть насильственное дѣйствіе, возможное только при наличности большого запаса силъ. Въ дѣйствительности, самоубійство, наоборотъ, часто является резуль-

татомъ крайней подавленности. Если встрѣчаются самоубійства въ состояніи экзальтаціи и раздраженія, то не менѣе часто совершаются они въ состояніи пассивной тоски; въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть случай указать примѣры этого рода. Совершенно невозможно допустить, чтобы жара одинаковымъ образомъ дѣйствовала на эти два вида самоубійствъ. Если она вызываетъ одинъ, то должна подавлять другой. Усиливающее вліяніе, которое она можетъ проявлять по отношенію къ однимъ индивидамъ, должно нейтрализоваться и какъ бы аннулироваться тѣмъ умиротворяющимъ дѣйствіемъ, которое она производитъ на другихъ; поэтому ея вліяніе не должно было бы проявляться такимъ яркимъ образомъ, въ особенности въ статистическихъ данныхъ. Колебанія статистическихъ цифръ въ зависимости отъ временъ года, должны имѣть какую-нибудь другую причину; что же касается утвержденія, что здѣсь мы имѣемъ простой отзвукъ аналогичныхъ и одновременныхъ колебаній въ области психическихъ разстройствъ, то для такого объясненія надо допустить существованіе болѣе тѣсной и непосредственной связи между самоубійствомъ и сумасшествіемъ, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности. Къ тому же еще не доказано, что времена года одинаковымъ образомъ вліяютъ на эти два явленія [1]). И если бы даже

---

[1]) О томъ, какимъ образомъ количество сумасшествій распредѣляется между временами года, можно судить по числу больныхъ, поступающихъ въ психіатрическія больницы. Но такой критерій крайне недостаточенъ, такъ какъ родные привозятъ больныхъ въ сумасшедшіе дома не въ тотъ моментъ, когда впервые разражается болѣзнь, а позднѣе. Однако, взявъ данныя по этому вопросу въ томъ видѣ, въ какомъ они фактически имѣются, мы отнюдь не находимъ, что они свидѣтельствуютъ о полномъ совпаденіи между сезонными колебаніями количества самоубійствъ и сумасшествій. По статистикѣ Cazauvierih'a каждая тысяча больныхъ, поступающихъ въ Шарантонъ, распредѣляется между временами года слѣдующимъ образомъ: зимой 222, весной 283, лѣтомъ 261, осенью 231. Подобное же исчисленіе, сдѣланное среди сумасшедшихъ, принятыхъ въ убѣжище департамента Сены, дало аналогичные результаты: зимой поступило 234, весной 296, лѣтомъ 249,

параллелизмъ этихъ двухъ явленій былъ несомнѣненъ, оставался бы подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ о томъ, зависитъ ли подъемъ и паденіе кривой сумасшествія отъ измѣненій температуры. Совершенно не извѣстно, не производятъ-ли этого результата, или не способствуютъ-ли ему причины совершенно другого рода.

Но прежде, чѣмъ принять то или другое объясненіе этого приписываемаго жарѣ вліянія, посмотримъ, существуетъ-ли оно въ дѣйствительности.

Изъ нѣкоторыхъ наблюденій повидимому, дѣйствительно слѣдуетъ, что слишкомъ сильная жара можетъ побудить человѣка лишить себя жизни. Во время египетской экспедиціи число самоубійствъ во французской арміи увеличилось, и это обстоятельство было приписано вліянію высокой температуры. Подъ тропиками часто наблюдается, что люди внезапно бросаются въ море въ тотъ моментъ, когда лучи солнца падаютъ совершенно вертикально. Докторъ Дитрихъ разсказываетъ, что во время кругосвѣтнаго плаванія, совершеннаго въ 1844—1847 году графомъ Карломъ Гортцъ, онъ обратилъ вниманіе на своеобразный непобѣдимый позывъ, овладѣвавшій матросами экипажа; онъ называетъ это явленіе „the horrors“ и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Болѣзненное состояніе проявляется обыкновенно зимой, когда, послѣ продолжительнаго плаванія, матросы сходятъ на сушу, безъ всякихъ предосторожностей садятся около жарко растопленной печи и предаются, согласно установившемуся обычаю, излишествамъ всякаго рода. Съ возвращеніемъ на корабль начинаютъ проявляться симптомы ужаснаго „horrors“. Какая-то непобѣдимая сила толкаетъ людей, находящихся въ этомъ состояніи, бросаться въ море; умопомѣшательство охва-

---

осенью 248. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ: 1) максимумъ больныхъ падаетъ на весну, а не на лѣто, хотя надо принять во вниманіе, что по вышеуказанной причинѣ максимумъ въ дѣйствительности долженъ относиться къ болѣе раннему времени. 2) Колебаніе между различными временами года крайне незначительны. Совершенно другую картину даетъ въ этомъ отношеніи кривая самоубійствъ.

тываетъ ихъ во время работы на вершинѣ мачтъ, иногда припадокъ случается во время сна, и несчастные выбѣгаютъ на палубу, испуская ужасные крики.“ Равнымъ образомъ наблюдали, что сирокко, который неизбѣжно сопровождается удушливой жарой, оказываетъ аналогичное вліяніе на самоубійство. [1]).

Но не только жара имѣетъ такое вліяніе на количество добровольныхъ смертей; то же самое наблюдается и по отношенію къ холоду. Говорятъ, напримѣръ, что, при отступленіи изъ Москвы во французской арміи наблюдались многочисленные случаи самоубійствъ. Очевидно, эти факты нисколько не объясняютъ, почему регулярно лѣтомъ число самоубійствъ больше, чѣмъ осенью, и осенью больше, чѣмъ зимою. Если что и можно заключить изъ вышеуказаннаго, такъ только то, что температура чрезмѣрно низкая и чрезмѣрно высокая вліяетъ одинаково на количество самоубійствъ. Вполнѣ понятно, что крайности всякаго рода, внезапныя и рѣзкія перемѣны въ физической средѣ потрясаютъ организмъ человѣка, разстраиваютъ нормальное отправленіе его функцій и вызываютъ своего рода помѣшательство, въ теченіе котораго мысль о самоубійствѣ можетъ зародиться и, если ничто не разсѣетъ ея, даже реализоваться. Но между этими исключительными и ненормальными пертурбаціями и тѣми количественными измѣненіями, которыя испытываетъ температура въ теченіе каждаго года, нѣтъ никакой аналогіи. Вопросъ остается совершенно открытымъ, и разрѣшенія его надо искать въ анализѣ статистическихъ данныхъ.

Если бы температура была основной причиной констатированныхъ нами колебаній, то число самоубійствъ измѣнялось бы такъ же регулярно, какъ и она. Между тѣмъ, мы видимъ совершенно обратное. Весною лишаютъ себя жизни чаще, чѣмъ осенью, хотя погода въ это время нѣсколько холоднѣе:

[1]) Мы заимствуемъ эти факты у Brierre de Boismont *op. cit.*, стр. 60—62.

	Франція.		Италія.	
	Изъ 1000 годовыхъ случаевъ самоубійствъ приходится на каждое время года.	Средняя температура времени года.	Изъ 1000 случаевъ самоубійствъ приходится на каждое время года.	Средняя температура времени года.
Весна	284	10°,2	297	12°,9
Осень	227	11°,1	196	13°,1

Такимъ образомъ, въ то время, какъ термометръ поднимается на 0,°9 во Франціи и на 0°,2 въ Италіи, число самоубійствъ уменьшается на 21% въ первой и на 35% во второй. Точно также зимняя температура въ Италіи гораздо ниже, чѣмъ осенняя (2°,3 вмѣсто 13°,1),—и тѣмъ не менѣе число самоубійствъ почти одинаково въ обоихъ временахъ года (196 случаевъ въ одномъ и 194 въ другомъ). Разница между лѣтомъ и весной по отношенію къ количеству совершаемыхъ въ нихъ самоубійствъ всюду очень невелика, тогда какъ соотвѣтственная разница въ температурѣ воздуха весьма значительна. Во Франціи для второго явленія разница 78%, для перваго только 8%, въ Пруссіи 121% и 4%.

Эта независимость количества самоубійствъ отъ температуры еще болѣе очевидна, если наблюдать число самоубійствъ не по временамъ года, а по мѣсяцамъ. Въ самомъ дѣлѣ: мѣсячныя измѣненія подчинены слѣдующему закону, примѣнимому ко всѣмъ странамъ Европы. Начиная съ января включительно число самоубійствъ регулярно увеличивается изъ мѣсяца въ мѣсяцъ вплоть до іюня, а, начиная съ этого момента до конца года, правильно падаетъ. Чаще всего—въ 62 случаяхъ изъ 100—максимальное число самоубійствъ падаетъ на іюнь, въ 25 случаяхъ на май и въ 12 на іюль. Въ 60 случаяхъ изъ 100 минимумъ падаетъ на декабрь, въ 22 на январь, въ 15 на ноябрь и въ 3 на октябрь.

Къ тому же, и наиболѣе замѣтныя отклоненія отъ этого общаго закона выведены изъ такого малаго числа случаевъ, что не могутъ имѣть большого значенія. Тамъ, гдѣ можно прослѣдить движеніе самоубійствъ на большомъ протяженіи времени, какъ, напримѣръ, во Франціи, мы видимъ, что число ихъ повышается вплоть до іюня, затѣмъ уменьшается вплоть до января; при чемъ разница между крайними точками не меньше 90—100% въ среднемъ. Такимъ образомъ, количество самоубійствъ достигаетъ своего максимума не въ самые жаркіе мѣсяцы года—іюль и августъ,—а, наоборотъ, въ августѣ интенсивность этого явленія значительно уменьшается. Точно также, въ большинствѣ случаевъ, минимальное количество самоубійствъ наблюдается не въ январѣ, который является самымъ холоднымъ мѣсяцемъ, а въ декабрѣ.

Таблица XII показываетъ для каждаго мѣсяца, что соотношеніе между колебаніями температуры и количествомъ самоубійствъ не представляетъ собою ничего регулярнаго и постояннаго. Въ одной и той же странѣ въ теченіе мѣсяцевъ, когда температура остается неизмѣнной, пропорція самоубійствъ самая разнообразная (напр., май и сентябрь, апрѣль и октябрь во Франціи, іюнь и сентябрь въ Италіи и т. д.). Но часто наблюдается обратное явленіе, напр., январь и октябрь, февраль и августъ во Франціи насчитываютъ одинаковое число самоубійствъ, несмотря на громадную разницу въ температурѣ; то же самое наблюдается въ апрѣлѣ и іюлѣ въ Италіи и Пруссіи. Больше того, относительныя цифры почти идентичны для каждаго мѣсяца въ этихъ различныхъ странахъ, хотя мѣсячныя температуры въ нихъ крайне разнятся между собою. Такъ, напримѣръ, май, температура котораго 10°,47 въ Пруссіи, 14°,2 во Франціи, 18° въ Италіи, даетъ въ первой странѣ 104 случая самоубійствъ, во второй 105, въ третьей 103 [1]).

[1]) Это постоянство относительныхъ чиселъ, къ значенію котораго мы еще вернемся, надо особенно отмѣтить.

ТАБЛИЦА XII [1]).

	Франція 1866 — 70.		Италія 1883—88.			Пруссія 1876,—78,80,—82,87—89	
			Средн. температ.				
	Средняя температура.	Ежемѣсячное число самоуб. на 1000 годовыхъ.	Римъ.	Неаполь.	Ежемѣсячное число самоуб. на 1000 годовыхъ.	Средняя температура. 1848—77.	Ежемѣсячное число самоуб. на 1000 годовыхъ.
Январь. . . .	2°,4	68	6°,8	8°,4	69	0°,28	61
Февраль . . .	4°	80	8°,2	9°,3	80	0°,73	67
Мартъ.	6°,4	86	10°,4	10°,7	81	2°,74	78
Апрѣль. . . .	10°,1	102	13°,5	14°	98	6°,79	99
Май	14°,2	105	18°	17°,9	103	10°,47	104
Іюнь.	17°,2	107	21°,9	21°,5	105	14°,05	105
Іюль.	18°,9	100	24°,9	24°,3	102	15°,22	99
Августъ. . . .	18°,5	82	24°,3	24°,2	93	14°,60	90
Сентябрь . .	15°,7	74	21°,2	21°,5	73	11°,60	83
Октябрь . . .	11°,3	70	16°,3	17°,1	65	7°,79	78
Ноябрь. . . .	6°,5	66	10°,9	12°,2	63	2°,93	70
Декабрь . . .	3°,7	61	7°,9	9°,5	61	0°,60	61

Можно сказать то же самое почти обо всѣхъ другихъ мѣсяцахъ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи декабрь. Его доля въ общемъ годовомъ числѣ самоубійствъ совершенно одинакова для трехъ наблюдаемыхъ странъ— 61 на тысячу,—а между тѣмъ температура въ это время года, достигая $7^0,9$ въ Римѣ, и $9^0,5$ въ Неаполѣ, въ Пруссіи не поднимается выше $0^0 67$. Не только мѣсячная температура въ различныхъ странахъ различна, но и измѣняется она по различнымъ законамъ. Такъ, во Франціи температура сильнѣе повышается отъ января до апрѣля, чѣмъ отъ апрѣля до

[1]) Число дней въ каждомъ мѣсяцѣ въ этой таблицѣ принято за 30. Относительныя цифры температуръ взяты для Франціи изъ *„Annuaire du bureau des longitudes“* и для Италіи изъ *„Annali dell' Ufficio centrale de Meteorologia“*.

іюля, тогда какъ въ Италіи наоборотъ. Между термометрическими измѣненіями и числомъ самоубійствъ нѣтъ никакого соотношенія. Если бы температура дѣйствительно оказывала то вліяніе, которое ей приписываютъ, то вліяніе это сказывалось бы и въ географическомъ распредѣленіи самоубійствъ: наиболѣе жаркія страны должны были бы насчитывать наибольшее количество ихъ. Подобный выводъ напрашивается съ такой очевидностью, что къ нему прибѣгаетъ даже итальянская школа: она пытается доказать, что наклонность къ убійству также увеличивается съ повышеніемъ температуры. Ломброзо и Ферри хотѣли установить, что число убійствъ, возрастая лѣтомъ по сравненію съ зимой, въ то же время оказывается на югѣ болѣе значительнымъ, чѣмъ на сѣверѣ. Къ несчастію, поскольку дѣло касается самоубійствъ, фактическія данныя говорятъ противъ итальянскихъ криминалистовъ, такъ какъ въ южной части Европы самоубійство развито всего слабѣе: въ Италіи въ 5 разъ меньше, чѣмъ во Франціи; въ Испаніи и Португаліи оно почти не встрѣчается. На французской картѣ самоубійствъ *единственное сколько нибудь свѣтлое пятно* падаетъ на департаменты, расположенные къ югу отъ Луары. Конечно, мы не хотимъ сказать, что такое распредѣленіе самоубійствъ дѣйствительно является результатомъ температуры, но какова бы ни была его причина, оно представляетъ собою фактъ, несогласный съ теоріей, разсматривающей жару, какъ стимулъ самоубійства [1]).

---

1) Правда, по мнѣнію этихъ ученыхъ, самоубійство является только разновидностью убійства. Отсутствіе самоубійствъ на югѣ было бы такимъ образомъ только кажущимся, потому что недостатокъ ихъ съ излишкомъ компенсируется большимъ количествомъ убійствъ. Мы увидимъ далѣе, какъ надо отнестись къ подобному отождествленію. Но развѣ не видно съ перваго взгляда, что этотъ аргументъ опровергаетъ самихъ же авторовъ. Если избытокъ убійствъ, наблюдаемый въ жаркихъ странахъ, компенсируетъ собою недостатокъ самоубійствъ, то почему же этой компенсаціи не происходитъ въ жаркое время года? Какъ объяснить то обстоятельство, что лѣто изобилуетъ одновременно и самоубійствами и убійствами?

Сознаніе этихъ затрудненій и противорѣчій заставило Ломброзо и Ферри слегка измѣнить доктрину своей школы, не отказываясь однако отъ ея основного принципа. Согласно приводимому у Морселли мнѣнію Ломброзо, наклонность къ самоубійству вызывается не столько высокой температурой, сколько наступленіемъ первыхъ жаркихъ дней, т. е. самымъ контрастомъ между проходящимъ холодомъ и наступающимъ тепломъ. Внезапныя жары застигаютъ врасплахъ человѣческій организмъ, еще не привыкшій къ новой температурѣ. Но достаточно самаго бѣглаго изученія XII таблицы, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что это объясненіе лишено всякаго основанія. Если бы оно было правильно, то кривая, обозначающая мѣсячное движеніе самоубійствъ, должна была бы быть горизонтальной въ теченіе осени и зимы, затѣмъ сразу повыситься въ моментъ наступленія первыхъ жаровъ, являющихся источникомъ всѣхъ бѣдъ, и столь же внезапно опуститься, когда организмъ успѣетъ приспособиться къ новымъ условіямъ. Мы видимъ, наоборотъ, что поступательное движеніе происходитъ крайне правильно, увеличеніе въ теченіе всего времени, пока оно существуетъ, почти одинаково изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; кривая поднимается отъ декабря до января, отъ января до февраля, отъ февраля до марта, т. е. въ теченіе мѣсяцевъ, когда еще очень далеко до первыхъ жаровъ, и прогрессивно опускается между сентябремъ и декабремъ, въ тотъ моментъ, когда жаркіе дни уже давно окончились, такъ что это явленіе нельзя приписать ихъ прекращенію. Но когда же начинаются жары? Обыкновенно говорятъ, что онѣ появляются въ апрѣлѣ, и дѣйствительно, отъ марта до апрѣля термометръ поднимается съ 6^0,4 до 10^0,1; повышеніе, слѣдовательно, доходитъ до 57%, тогда какъ отъ апрѣля до мая оно только 40%, отъ мая до іюня 21%. Поэтому максимальное число самоубійствъ должно было бы падать на апрѣль; на самомъ дѣлѣ увеличеніе числа самоубійствъ, наблюдаемое въ это время, не выше,

чѣмъ за періодъ отъ января до февраля (18%). Наконецъ, такъ какъ это приращеніе не только поддерживается, но и возрастаетъ—правда болѣе медленно—до іюня и даже до іюля, то очень трудно приписать его вліянію весны, если не продолжить эту часть года до конца лѣта, исключивъ только одинъ августъ.

Кромѣ того, если бы первые теплые дни влекли за собою столь трагическія послѣдствія, то первые холода должны были бы имѣть такое же вліяніе; они также застаютъ организмъ въ тотъ моментъ, когда онъ отвыкъ уже отъ низкой температуры; они разстраиваютъ отправленіе жизненныхъ функцій до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полное приспособленіе. Тѣмъ не менѣе осенью не замѣтно никакого возрастанія, которое хоть немного было бы похоже на наблюдаемое весной. Поэтому мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ Морселли, признавъ, что, согласно его теоріи, переходъ отъ тепла къ холоду долженъ имѣть тѣ же результаты, что и обратный переходъ, могъ добавить: „Это дѣйствіе, оказываемое первыми холодами, можетъ быть провѣрено или статистическими таблицами или—еще лучше—вторичнымъ повышеніемъ всѣхъ нашихъ кривыхъ осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ, т. е. въ то время, когда переходъ отъ теплаго времени года къ холодному сильнѣе всего ощущается человѣческимъ организмомъ и въ особенности нервной системой“.[1]) Совершенно достаточно обратиться къ XII таблицѣ, чтобы убѣдиться, что это утвержденіе совершенно противорѣчитъ фактамъ. Даже изъ цифръ, приведенныхъ Морселли, вытекаетъ, что отъ октября до ноября число самоубійствъ почти не увеличивается ни въ одной странѣ, а, наоборотъ, уменьшается. Исключеніе составляютъ лишь Данія, Ирландія и Австрія въ теченіе одного только періода (1851—54), и уве-

[1]) Op. cit. стр. 148.

личеніе въ этихъ случаяхъ минимальное[2]). Въ Даніи число самоубійствъ увеличивается съ 68 до 71 на 1000; въ Ирландіи съ 62 до 66, въ Австріи съ 65 до 68. Точно также въ октябрѣ увеличеніе наблюдается только въ 8 случаяхъ изъ 31, а именно въ теченіе одного періода въ Норвегіи, Швеціи, Саксоніи, Баваріи, Австріи, Пруссіи, герцогствѣ Баденскомъ и въ теченіе двухъ періодовъ въ Вюртембергѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ число самоубійствъ или уменьшается, или остается въ стаціонарномъ состояніи. Въ общемъ, въ 21 случаѣ изъ 31—т. е. въ 67 изъ 100—между сентябремъ и декабремъ наблюдается регулярное уменьшеніе.

Полная непрерывность кривой, какъ во время прогрессивной, такъ и во время обратной фазы, доказываетъ, что мѣсячныя колебанія количества самоубійствъ не могутъ вытекать изъ преходящаго кризиса организма, возникающаго одинъ или два раза въ году въ результатѣ внезапнаго и временнаго нарушенія общаго равновѣсія. Эти измѣненія могутъ зависѣть только отъ причинъ, измѣняющихся въ свою очередь съ той же непрерывностью.

IV.

Не возможно не замѣтить съ самаго начала, каковы эти причины. Если сравнить долю каждаго мѣсяца въ общемъ годовомъ числѣ самоубійствъ со средней долготою дня того же времени года, то мы замѣтимъ, что два полученные такимъ образомъ ряда цифръ измѣняются совершенно одинаково (см. таблицу XIII). Параллелизмъ получается полный. Максимумъ и минимумъ въ обоихъ случаяхъ наступаетъ одновременно; въ промежуткахъ явленія обоего рода идутъ pari passu. Когда дни быстро увеличиваются,

---

[2]) Мы оставляемъ въ сторонѣ Швейцарію. Цифры, касающіяся ея, относятся къ одному только 1876 г., и поэтому изъ нихъ нельзя вывести никакого заключенія. Къ тому же, повышеніе отъ октября до ноября очень незначительно. Число самоубійствъ повышается съ 83 до 90 на 1000.

то значительно увеличивается и число самоубійствъ (отъ января до апрѣля); когда замедляется увеличеніе дня, то же происходитъ и съ количествомъ самоубійствъ (отъ апрѣля до іюня). Такое же соотвѣтствіе наблюдается въ періодъ уменьшенія. Даже различные мѣсяцы, у которыхъ длина дня почти одинакова (іюль и май, августъ и апрѣль), имѣютъ почти одинаковое число самоубійствъ.

ТАБЛИЦА XIII.

Сравнительная таблица мѣсячныхъ измѣненій количества самоубійствъ въ связи съ средней долготой дня во Франціи [1]).

	Долгота дня.	Увеличеніе и уменьшеніе.	Ежемѣсячное число самоуб. на 1000 годовыхъ.	Увеличеніе и уменьшеніе.
		Увеличеніе.		**Увеличеніе.**
Январь	9 ч. 19 м.		68	
Февраль . . .	10 ч. 56 м.	От января до апрѣля 55%.	80	От января до апрѣля 50%.
Мартъ.	12 ч. 47 м.		86	
Апрѣль. . . .	14 ч. 29 м.		102	
Май	15 ч. 48 м.	Отъ апрѣля до іюня 10%.	105	Отъ апрѣля до іюня 5%
Іюнь.	16 ч. 3 м.		107	
		Уменьшеніе.		**Уменьшеніе.**
Іюль.	15 ч. 4 м.	Отъ іюня до августа 17%.	100	Отъ іюля до августа 24%.
Августъ. . . .	13 ч. 25 м.		82	
Сентябрь. . .	11 ч. 39 м.	Отъ августа до октября 27%.	74	Отъ августа до октября 27%.
Октябрь . . .	9 ч. 51 м.		70	
Ноябрь	8 ч. 31 м.	Отъ октября до декабря 17%.	66	Отъ октября до декабря 13%.
Декабрь. . . .	8 ч. 11 м.		61	

[1]) Указанная долгота дня относится къ послѣднему дню мѣсяца.

Такое регулярное и опредѣленное совпаденіе не можетъ быть случайнымъ. Между движеніемъ самоубійствъ и увеличеніемъ дня должно существовать соотношеніе. Помимо того, что эта гипотеза вытекаетъ непосредственно изъ XIII таблицы, она объясняетъ намъ отмѣченный нами выше фактъ. Мы уже видѣли, что въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ количество самоубійствъ распредѣляется одинаковымъ образомъ по различнымъ временамъ года (сезонамъ или мѣсяцамъ) [1]). Теорія Ферри и Ломброзо совершенно не могла объяснить этого любопытнаго единообразія, такъ какъ температура очень различна въ разныхъ странахъ Европы и неодинаково измѣняется, а долгота дней, наоборотъ, почти одна и та же для всѣхъ подвергнутыхъ нами сравненію государствъ.

Но что окончательно подтверждаетъ существованіе этого соотношенія, такъ это тотъ фактъ, что въ каждомъ времени года большинство самоубійствъ совершается днемъ. Brierre de Boismont имѣлъ возможность разсмотрѣть 4.595 случаевъ самоубійствъ, совершенныхъ въ Парижѣ между 1834 и 1843 г.г. Изъ 3.518 случаевъ, время совершенія которыхъ удалось установить, 2.094 произошло днемъ, 766 вечеромъ и 658 ночью. Число самоубійствъ, совершенныхъ днемъ и вечеромъ, составляетъ $^4/_5$ общей суммы, а одни только самоубійства, совершенныя днемъ, даютъ $^3/_5$ общаго числа.

Прусская статистика собрала по данному вопросу болѣе многочисленныя данныя. Они относятся къ 11.822 случаямъ, имѣвшимъ мѣсто на протяженіи 1869—72 годовъ. Они только подтверждаютъ заключеніе Brierre de Boismont. Такъ какъ соотношенія одинаковы для каждаго года, то для сокращенія времени мы даемъ только періодъ 1871—72 гг.

---

[1]) Это единообразіе позволяетъ намъ упростить таблицу XIII. Нѣтъ необходимости сравнивать мѣсячныя измѣненія дня и количества самоубійствъ въ другихъ странахъ, кромѣ Франціи, такъ какъ всѣ они всюду одинаковы, — если, конечно, дѣло не касается странъ со слишкомъ различной широтой.

ТАБЛИЦА XIV.

	Число самоубійствъ въ различное время дня на 1000 зарегистрованныхъ случаевъ.			
	1871		1872	
Раннее утро [1]	35,9		35,9	
Утро	158,3		159,7	
Полдень	73,1	375	71,5	391,9
Послѣ полудня	143,6		160,7	
Вечеръ	53,5		61,0	
Ночь	212,6		219,3	
Неуказанный часъ	322		291,9	
	1.000		1.000	

Очевидно, что перевѣсъ оказывается на сторонѣ дневныхъ самоубійствъ. Но если день даетъ больше самоубійствъ, чѣмъ ночь, то, естественно, число ихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ удлиняется день.

Чѣмъ же объясняется такое вліяніе дня?

Конечно, для объясненія этого обстоятельства нельзя ссылаться на дѣйствіе, оказываемое солнцемъ и температурой. Количество самоубійствъ, совершенныхъ среди дня, т. е. въ моментъ самой сильной жары, гораздо менѣе многочисленно, чѣмъ то, которое наблюдается вечеромъ или утромъ. Ниже мы даже увидимъ, что въ самый полдень число самоубійствъ значительно уменьшается. За устраненіемъ этого объясненія остается еще одно: днемъ совершается бо́льшее число самоубійствъ потому, что день—это время наибольшаго оживленія человѣческой дѣятельности, когда скрещиваются и перекрещиваются человѣческія от-

[1] Этотъ терминъ обозначаетъ ту часть дня, которая слѣдуетъ непосредственно послѣ восхода солнца.

ношенія, когда соціальная жизнь проявляется наиболѣе интенсивно.

Нѣкоторыя имѣющіяся у насъ свѣдѣнія относительно того, какимъ образомъ число самоубійствъ распредѣляется на протяженіи дня или на протяженіи недѣли, подтверждаютъ это предположеніе. Нижеслѣдующая таблица составлена на основаніи 1.993 случаевъ, отмѣченныхъ Brierre de Boismont въ Парижѣ, и 548 случаевъ, относящихся къ общему числу самоубійствъ во Франціи, собранныхъ Герри; она показываетъ, какія значительныя колебанія имѣютъ мѣсто въ теченіе 24 часовъ.

ПАРИЖЪ.	Число самоубійствъ въ часъ.	ФРАНЦІЯ.	Число самоубійствъ въ часъ.
Отъ полночи до 6 ч. утр.	55	Отъ полночи до 6 ч. утр.	30
Отъ 6 часовъ до 11.	108	Отъ 6 ч. утр. до 11 ч.	61
Отъ 11 час. до полдня.	81	Отъ 12 ч. до 2.	32
Отъ 12 час. до 4.	105	Отъ 2 ч. до 6.	47
Отъ 4 час. до 8 ч. веч.	81	Отъ 6 ч. до полночи.	38
Отъ 8 ч. до 12 ч. ночи.	61		

Изъ этой таблицы видно, что существуетъ два момента, когда самоубійство достигаетъ своего зенита: это тѣ часы, въ теченіе которыхъ совершается наибольшее количество дѣлъ—утро и время послѣ полудня. Между этими двумя періодами существуетъ время отдыха, когда общая дѣятельность пріостанавливается, а съ нею пріостанавливается и совершеніе самоубійствъ. Это ослабленіе падаетъ на 11 часовъ утра въ Парижѣ и на 12 часовъ въ провинціи. Въ департаментахъ этотъ періодъ болѣе продолжителенъ и болѣе замѣтенъ, чѣмъ въ столицѣ, такъ какъ провинціалы въ это время обѣдаютъ; пріостановка самоубійствъ тамъ также ярче выражена и болѣе продолжительна. Прусскія статистическія данныя, приведенныя нами немного

выше, позволяютъ сдѣлать аналогичные выводы [1]) Съ другой стороны, Герри, опредѣливъ въ 6.587 случаяхъ день недѣли, въ который совершались самоубійства, получилъ рядъ цифръ, воспроизведенныхъ на таблицѣ XV.

ТАБЛИЦА XV.

	Относительная часть каждаго дня въ 100 еженедѣльныхъ случаяхъ	Относительная часть каждаго пола.	
		Мужчины.	Женщины.
Понедѣльникъ	15,21	69%	31%
Вторникъ	15,71	68	32
Среда	14,90	68	32
Четвергъ	15,68	67	33
Пятница	13,74	67	33
Суббота	11,19	69	31
Воскресенье	13,57	64	36

Изъ этой таблицы вытекаетъ, что число самоубійствъ уменьшается къ концу недѣли, начиная съ пятницы, а извѣстно, что въ силу общераспространеннаго предразсудка, соціальная жизнь замедляетъ свой темпъ въ пятницу. Въ пятницу значительно менѣе оживлено движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, чѣмъ въ другіе дни; въ этотъ день дурныхъ примѣтъ обыкновенно не рѣшаются завязывать новыхъ отношеній и не предпринимаютъ важныхъ дѣлъ. Въ субботу, начиная съ послѣ-полудня, замѣчается общее замедленіе соціальной жизни; въ нѣкоторыхъ странахъ въ

[1]) Есть другое доказательство существованія ритма, которому подчиняются ежедневный отдыхъ и трудъ въ соціальной жизни; это—колебаніе числа несчастныхъ случаевъ въ различные часы дня. Пользуясь данными бюро прусской статистики, мы получили слѣдующую табличку:

Отъ	6—12	часовъ	1.011	случаевъ	въ	среднемъ	въ часъ.
„	12— 2	„	686	„	„	„	„ „
„	2— 6	„	1.191	„	„	„	„ „
„	6— 7	„	979	„	„	„	„ „

этотъ день очень рано прекращаютъ работу; можетъ быть предвкушеніе слѣдующаго дня оказываетъ на умы разслабляющее воздѣйствіе. Наконецъ, въ воскресенье экономическая жизнь прекращается окончательно; если бы на мѣсто нея не становилась жизнедѣятельность другого рода, если бы увеселительныя мѣста не наполнялись въ тотъ моментъ, какъ пустѣютъ мастерскія, конторы и магазины—то, по всей вѣроятности, число самоубійствъ въ воскресенье уменьшилось бы еще сильнѣе. Изъ таблицы видно кромѣ того, что въ воскресенье особенно высоко относительное участіе женщинъ въ общемъ числѣ самоубійствъ,—можетъ быть потому, что въ этотъ день женщина чаще выходитъ изъ дому, къ которому она какъ бы прикована въ остальные дни недѣли; въ этотъ день женщина принимаетъ хоть нѣкоторое участіе въ общественной жизни [1]).

Все доказываетъ такимъ образомъ, что день—наиболѣе благопріятный моментъ для совершенія самоубійства, такъ какъ онъ въ то же время является моментомъ, въ который соціальная жизнь проявляется во всей интенсивности. Но если это такъ, то мы нашли причину, которая объясняетъ намъ, почему число самоубійствъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ солнце дольше стоитъ надъ горизонтомъ; вѣдь

---

[1]) Очень интересно, что такой же контрастъ, какъ между первой и второй частью недѣли, замѣчается и въ различные моменты мѣсяца. Согласно Brierre de Boismont (op. cit., стр. 424), 4.595 случаевъ самоубійствъ въ Парижѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ теченіе первыхъ 10 дней мѣсяца . . .			1727
„	слѣдующихъ	„ „	1488
„	послѣднихъ	„ „	1380

Дѣйствительное паденіе числа самоубійствъ въ продолженіе послѣдней декады еще сильнѣе, чѣмъ показываютъ эти данныя, такъ какъ на ея долю въ тѣ мѣсяцы, которые содержатъ 31 день, приходится 11 дней вмѣсто 10. Можно сказать, что ритмъ соціальной жизни воспроизводитъ раздѣленіе календаря, что съ началомъ новаго мѣсяца какъ бы обновляется человѣческая энергія и, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ мѣсяцъ приближается къ концу, энергія падаетъ.

уже одно увеличеніе долготы дня открываетъ болѣе широкое поле для коллективной жизни; періодъ отдыха настаетъ позднѣе и кончается раньше, и она имѣетъ больше времени для своего развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должны развиваться болѣе интенсивно и ея результаты, а слѣдовательно должно возрастать и число самоубійствъ, являющееся однимъ изъ этихъ результатовъ.

Но это только первая, и не единственная причина. Если общественная дѣятельность интенсивнѣе лѣтомъ, чѣмъ весной,—весной, чѣмъ осенью, и—осенью, чѣмъ зимой, то это происходитъ не только потому, что внѣшняя рамка, въ которой она развивается, расширяется по мѣрѣ перехода отъ одного сезона къ другому, но и потому также, что здѣсь играютъ роль иные непосредственные возбудители. Зима является для деревни временемъ отдыха, граничащаго съ полнымъ застоемъ въ дѣлахъ. Жизнь какъ бы совершенно замираетъ, люди рѣдко между собою встрѣчаются и въ силу состоянія атмосферы, и потому, что съ упадкомъ дѣловыхъ оборотовъ прекращается въ этомъ всякая надобность. Жители деревни погружаются въ настоящій сонъ. Но съ наступленіемъ весны все начинаетъ просыпаться, возобновляются работы, завязываются сношенія другъ съ другомъ, увеличивается обмѣнъ и начинается постоянная циркуляція населенія для обслуживанія земледѣльческихъ нуждъ. Эти исключительныя условія деревенской жизни не могутъ не имѣть большого вліянія на мѣсячное распредѣленіе числа самоубійствъ, такъ какъ болѣе половины общаго числа добровольныхъ смертей падаетъ на долю деревни. Во Франціи въ періодъ отъ 1873—78 г. въ деревнѣ насчитывалось 18,470 случаевъ изъ 36,365. Въ виду этого вполнѣ естественно, что число самоубійствъ увеличивается съ приближеніемъ къ теплому времени года; максимумъ приходится на іюнь или іюль, т. е. на время наибольшаго оживленія деревенской жизни; въ августѣ все начинаетъ снова успокаиваться, и число самоубійствъ падаетъ: однако, быстрое пониженіе наступаетъ лишь въ октябрѣ и особенно въ ноябрѣ, можетъ быть, по-

тому, что нѣкоторые продукты сельскаго хозяйства созрѣваютъ и собираются только глубокой осенью.

Тѣ же причины оказываютъ вліяніе, хотя и въ болѣе слабой степени, на пространствѣ всей территоріи. Городская жизнь также всего оживленнѣе лѣтомъ: въ это время легче сообщаться между собою; люди охотнѣе переѣзжаютъ съ одного мѣста на другое, и внутри-общественныя отношенія охватываютъ болѣе широкіе круги. Мы приведемъ, въ качествѣ примѣра, какъ распредѣляется по временамъ года выручка большихъ желѣзнодорожныхъ линій Франціи; при чемъ наши данныя касаются только движенія большой скорости (за 1887 г.) [1]).

Зима	71.9	мил.	франковъ
весна	86,7	„	„
лѣто	105,1	„	„
осень	98,1	„	„

Внутреннее движеніе въ каждомъ городѣ проходитъ черезъ тѣ же фазы. Въ теченіе 1887 года число пассажировъ, переѣзжавшихъ изъ одного пункта Парижа въ другой, регулярно увеличивалось съ января (655,791) до іюня (848,831) и уменьшалось, начиная съ этого послѣдняго мѣсяца до декабря (659,960), съ тою же непрерывностью [2]).

---

[1]) См. Bulletin du minisètre des travaux publics.

[2]) *Ibid.* Ко всѣмъ этимъ фактамъ, указывающимъ на подъемъ соціальной жизни въ теченіе лѣта, можно прибавить еще слѣдующее: число несчастныхъ случаевъ больше лѣтомъ, чѣмъ въ прочія времена года. Въ Италіи эти случаи распредѣляются такимъ образомъ:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.
Весна	1,370	2,582	2,457
Лѣто	1,823	3,290	3,085
Осень	1,474	2,560	2,780
Зима	1,190	2,748	3,032

Приведемъ еще одно, послѣднее наблюденіе для подтвержденія нашего пониманія фактовъ. Если по вышеуказаннымъ причинамъ городская жизнь должна быть интенсивнѣе лѣтомъ и весной, чѣмъ въ другое время года, то все же колебанія въ зависимости отъ временъ года въ городѣ должны быть замѣтны слабѣе, чѣмъ въ деревнѣ, такъ какъ коммерческія и промышленныя дѣла, научныя и художественныя работы, свѣтскія отношенія не замираютъ зимой въ такой степени, какъ земледѣльческія работы; занятія горожанина могутъ продолжаться почти съ одинаковой интенсивностью въ теченіе всего года. Большая или меньшая продолжительность дня должна имѣть особенно мало значенія въ большихъ центрахъ, потому что здѣсь искусственное освѣщеніе болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, уменьшаетъ время ночной темноты. Если измѣненія количества самоубійствъ въ зависимости отъ мѣсяца или сезона опредѣляются различной степенью интенсивности общественной жизни, то они должны быть менѣе замѣтны въ большихъ городахъ, чѣмъ во всей странѣ вообще. Факты вполнѣ подтверждаютъ наше предположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, таблица XVI указываетъ на то, что если во Франціи, Пруссіи, Австріи и Даніи между минимумомъ и максимумомъ существуетъ разница въ 52,4%, и даже въ 68%, то въ Парижѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ и т. д. уклоненіе достигаетъ въ среднемъ только 20—25%, а во Франкфуртѣ спускается до 12%.

Мало того, мы видимъ, что въ большихъ городахъ происходитъ обратное тому, что наблюдается во всей странѣ: максимумъ самоубійствъ часто падаетъ на весну. Даже въ томъ случаѣ, когда лѣто стоитъ впереди весны (Парижъ,

Если зима по количеству несчастныхъ случаевъ иногда слѣдуетъ непосредственно за лѣтомъ, то это происходятъ потому только, что число паденій увеличивается вслѣдствіе образованія льда и что холодъ самъ по себѣ является причиной совершенно спеціальныхъ несчастныхъ случаевъ. Если исключить случаи подобнаго рода, то времена года расположатся въ томъ же порядкѣ, какъ и въ отношеніи самоубійствъ.

Франкфуртъ), перевѣсъ на его сторонѣ очень незначителенъ. Это зависитъ отъ того, что въ главныхъ центрахъ въ теченіе лѣтняго времени часто наблюдается настоящее выселеніе наиболѣе активныхъ общественныхъ элементовъ, а это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ легкое пониженіе общаго темпа жизни [1]).

ТАБЛИЦА XVI.

Измѣненія числа самоубійствъ по временамъ года въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ въ сравненіи съ цѣлой страной.

Относительныя цифры (на 1000 годовыхъ случаевъ).

	Парижъ. 1888—92.	Берлинъ. 1882-85-87-89-90	Гамбургъ. 1887—91.	Вѣна. 1871—72.	Франкфуртъ. 1867—75.	Женева. 1838-47;1852-54.	Франція. 1835—43.	Пруссія. 1869—72.	Австрія. 1858—59.
Зима	218	231	239	234	239	232	201	199	185
Весна. . . .	262	287	289	302	245	288	283	284	281
Лѣто	277	248	232	211	278	253	306	290	315
Осень. . . .	241	232	258	253	238	227	210	227	219

[1]) Кромѣ того, можно замѣтить, что относительныя цифры различныхъ временъ года одинаковы въ сравниваемыхъ нами большихъ городахъ и отличаются въ то же время отъ цифръ тѣхъ странъ, къ которымъ эти города принадлежатъ. Такимъ образомъ мы повсюду найдемъ это постоянство процента самоубійствъ въ тожественной соціальной средѣ. Теченіе самоубійствъ измѣняется единообразно въ различные моменты года въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Женевѣ и Парижѣ. Это уже даетъ намъ возможность предчувствовать, въ чемъ дѣйствительный смыслъ разсматриваемаго явленія.

Относительныя цифры для каждаго времени года, отправляясь отъ зимы, принятой за 100.

	Парижъ.	Берлинъ.	Гамбургъ.	Вѣна.	Франкфуртъ.	Женева.	Франція.	Пруссія.	Австрія.
Зима	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Весна. . . ,	120	124	120	129	102	124	140	142	151
Лѣто	127	107	107	90	112	109	152	145	168
Осень. . . .	100	100,3	103	108	99	97	104	114	118

Мы начали эту главу тѣмъ, что отказались признать за космическими факторами прямое вліяніе на мѣсячное или сезонное колебаніе числа самоубійствъ. Мы видимъ теперь, въ чемъ заключаются настоящія причины, въ какомъ направленіи ихъ надо искать; и этотъ положительный результатъ подтверждаетъ заключеніе нашего критическаго изслѣдованія. Если число добровольныхъ смертей увеличивается въ промежуткѣ отъ января до іюля, то это происходитъ не потому, что жара губительно дѣйствуетъ на человѣческій организмъ, а въ силу того, что пульсъ соціальной жизни бьется интенсивнѣе. Безъ сомнѣнія, соціальная жизнь достигаетъ лѣтомъ этой интенсивности благодаря тому, что положеніе солнца по отношенію къ землѣ, состояніе атмосферы и т. д., позволяютъ ей въ жаркое время развиваться сильнѣе и свободнѣе, чѣмъ зимой, но опредѣляетъ ее не только физическая среда; и менѣе всего она вліяетъ на ходъ самоубійствъ: послѣдній зависитъ отъ соціальныхъ условій.

Правда, мы еще не знаемъ, въ чемъ именно состоитъ воздѣйствіе коллективной жизни, но уже теперь можемъ понять, что, если оно содержитъ въ себѣ причины, измѣняющія процентъ самоубійствъ, то процентъ этотъ долженъ

увеличиваться и уменьшаться въ зависимости отъ интенсивности жизни коллектива. Въ слѣдующей книгѣ будетъ опредѣлено болѣе точно, въ чемъ заключаются эти причины.

Глава IV.

Подражаніе [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію соціальныхъ причинъ самоубійства, надо разсмотрѣть вліяніе еще одного психологическаго фактора, которому приписывается особо важное значеніе въ генезисѣ соціальныхъ фактовъ вообще, самоубійства въ частности. Мы говоримъ о подражаніи.

Подражаніе есть, безспорно, явленіе чисто психологическое; это вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что оно возникаетъ среди индивидовъ, не связанныхъ между собою никакими соціальными узами. Человѣкъ обладаетъ способностью подражать другому человѣку внѣ всякой съ нимъ солидарности, внѣ общей зависимости отъ одной соціальной группы, и распространеніе подражанія, само по себѣ, безсильно создать взаимную связь между людьми. Чиханіе, пляска св. Витта, страсть къ буйству могутъ передаваться отъ одного индивида къ другому при наличности только временнаго и преходящаго соприкосновенія между ними: нѣтъ необходимости, чтобы среди нихъ возникала какая-либо моральная или интеллектуальная связь или обмѣнъ услугъ, нѣтъ надобности даже, чтобы они говорили на одномъ языкѣ; взаимно заражаясь, перенимая что-либо другъ у друга, люди вовсе не становятся ближе, чѣмъ были раньше.

---

[1]) *Библіографія.* — Lucas, *De l'imitation contagieuse.* Paris, 1833. Despine, *De la contagion morale,* 1870. *De l'imitation* 1871. Moreau de Tours (Paul), *De la contagion du suicide,* Paris 1875.—Aubry, *Contagion du meurtre,* Paris 1888.—Tarde, *Les lois de l'imitation* (passim), *Philosophie penale,* стр. 319 и сл. Paris. F. Alcan.—Corre, *Crime et Suicide,* стр. 207 и дальше.

Въ общемъ, тотъ процессъ, посредствомъ котораго мы подражаемъ окружающимъ намъ людямъ, служитъ намъ и для воспроизведенія звуковъ природы, формъ вещей, движенія тѣлъ. Такъ какъ ничего соціальнаго нѣтъ во второмъ случаѣ, то его также нѣтъ и въ первомъ. Источникъ подражанія заложенъ въ извѣстныхъ свойствахъ представляющей дѣятельности нашего сознанія,—въ свойствахъ, которыя вовсе не являются результатомъ коллективнаго вліянія. Если бы было доказано, что подражаніе можетъ служить опредѣляющей причиной того или иного процента самоубійствъ, то тѣмъ самымъ пришлось бы признать, что число самоубійствъ—всецѣло или только отчасти, но во всякомъ случаѣ непосредственно—зависитъ отъ индивидуальныхъ причинъ.

I.

Однако, прежде чѣмъ разсматривать факты, надо условиться относительно самого смысла словъ. Соціологи настолько привыкли употреблять термины, не опредѣляя ихъ значенія, т. е. не очерчивая методически предѣловъ той группы объектовъ, которую они въ томъ или другомъ случаѣ имѣютъ въ виду, что, безъ ихъ вѣдома, выраженіе, передававшее первоначально одно понятіе, или, по крайней мѣрѣ, стремившееся къ этому, сливается зачастую съ другими смежными опредѣленіями. При такихъ условіяхъ любая идея получаетъ настолько неопредѣленный смыслъ, что теряется возможность даже спорить о ней. При отсутствіи точно опредѣленныхъ очертаній, каждое понятіе можетъ, смотря по надобности, преобразовываться почти произвольно, и никакая критика не въ состояніи заранѣе предвидѣть, съ какимъ именно изъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя оно способно принять, ей придется имѣть дѣло. Какъ разъ въ такомъ положеніи и находится вопросъ о, такъ называемомъ, инстинктѣ подражанія.

Слово это служитъ одновременно для обозначенія слѣдующихъ 3 группъ фактовъ:

1) Внутри одной и той же соціальной группы, всѣ элементы которой подчинены дѣйствію одной и той же причины или ряда сходныхъ причинъ, наблюдается нѣкотораго рода нивеллировка сознанія, въ силу чего всѣ думаютъ и чувствуютъ въ униссонъ. Очень часто называютъ подражаніемъ ту совокупность дѣйствій, изъ которой вытекаетъ эта согласованность. При такомъ пониманіи, слово это обозначаетъ способность состояній сознанія, одновременно переживаемыхъ нѣкоторымъ числомъ разныхъ индивидовъ, дѣйствовать другъ на друга и комбинироваться между собой такимъ образомъ, что въ результатѣ получается извѣстное новое состояніе. Употребляя слово въ этомъ смыслѣ, тѣмъ самымъ говорятъ, что комбинація эта объясняется взаимнымъ подражаніемъ каждаго всѣмъ и всѣхъ каждому [1]). „Лучше всего", говоритъ Тардъ [2]) „такого рода подражанія обнаруживаютъ свой характеръ въ шумныхъ собраніяхъ нашихъ городовъ, въ грандіозныхъ сценахъ нашихъ революцій". Именно при такихъ обстоятельствахъ лучше всего можно видѣть, какъ люди, собравшись вмѣстѣ, преображаются подъ взаимнымъ вліяніемъ другъ на друга.

2) То же самое названіе дается заложенной въ человѣкѣ потребности приводить себя въ состояніе гармоніи съ окружающимъ его обществомъ и съ этою цѣлью усваивать тотъ образъ мыслей и дѣйствій, который въ этомъ обществѣ является общепризнаннымъ. Подъ вліяніемъ этой потребности мы слѣдуемъ модамъ и обычаямъ, а такъ какъ обычныя юридическія и моральныя нормы представляютъ собою не что иное, какъ опредѣленные и укоренившіеся обычаи, то мы чаще всего подчиняемся вліянію именно этой силы въ своихъ моральныхъ поступкахъ. Каждый разъ, когда мы не видимъ смысла въ моральной максимѣ, которой повинуемся, мы подчиняемся ей только потому, что она об-

---

[1]) Bordier, *Vie des Sociètès,* Paris, стр. 77. — Tarde, *Philosophie pénale,* стр. 321.

[2]) Tarde, *ibid,* стр. 319—320.

ладаетъ соціальнымъ авторитетомъ. Въ этомъ смыслѣ подраженіе модамъ отличается отъ слѣдованія обычаямъ лишь тѣмъ, что въ одномъ случаѣ мы беремъ за образецъ поведеніе нашихъ предковъ, въ другомъ—современниковъ.

3) Наконецъ, можетъ случиться, что мы воспроизводимъ поступокъ, совершившійся у насъ на глазахъ, или дошедшій до нашего свѣдѣнія, только потому, что онъ случился въ нашемъ присутствіи, или доведенъ до нашего свѣдѣнія. Самъ по себѣ поступокъ этотъ не обладаетъ никакими внутренними достоинствами, ради которыхъ стоило бы повторять его. Мы копируемъ его не потому, что считаемъ его полезнымъ, не для того, чтобы послѣдовать избранному нами образцу, но просто увлекаемся самымъ процессомъ копированія. Представленіе, которое мы себѣ объ этомъ поступкѣ создаемъ, автоматически опредѣляетъ движенія, которыя его воспроизводятъ. Мы зѣваемъ, смѣемся, плачемъ именно потому, что мы видимъ, какъ другіе зѣваютъ, смѣются, плачутъ. Такимъ же образомъ мысль объ убійствѣ проникаетъ иногда изъ одного сознанія въ другое. Передъ нами подражаніе ради подражанія.

Эти три вида фактовъ очень разнятся другъ отъ друга. И прежде всего первый видъ нельзя смѣшивать съ послѣдующими, такъ какъ онъ не заключаетъ въ себѣ никакого воспроизведенія, въ полномъ смыслѣ этого слова, а представляетъ синтезъ *sui generis* различныхъ, или, во всякомъ случаѣ, разнородныхъ по происхожденію состояній. Слово подражаніе, въ качествѣ опредѣленія этого понятія, не имѣетъ никакого смысла.

Проанализируемъ болѣе тщательно это явленіе. Нѣкоторое число собравшихся вмѣстѣ людей воспринимаютъ одинаково одно и то же обстоятельство и замѣчаютъ свое единодушіе, благодаря идентичности внѣшнихъ знаковъ, которыми выражаются чувства каждаго изъ нихъ. Что же тогда происходитъ? Каждый присутствующій смутно представляетъ себѣ, въ какомъ состояніи находятся окружающіе

его люди. Въ умѣ накопляются образы, выражающіе собою всевозможныя проявленія внутренней жизни, исходящія отъ различныхъ элементовъ данной толпы со всѣми ихъ разнообразными оттѣнками. До сихъ поръ мы не видимъ еще ничего такого, чтобы могло было быть названо подражаніемъ; сначала мы имѣемъ просто воспринимаемыя впечатлѣнія, затѣмъ ощущенія, совершенно однородныя съ тѣми, которыя вызываютъ въ насъ внѣшнія тѣла [1]). Что происходитъ затѣмъ? Пробужденныя въ моемъ сознаніи, эти различныя представленія комбинируются между собою, а также съ тѣмъ представленіемъ, которымъ является мое собственное чувство. Такимъ путемъ образуется новое состояніе, которое уже нельзя назвать моимъ въ той степени, какъ предыдущее, которое уже менѣе окрашено индивидуальной особностью, и посредствомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ повторныхъ переработокъ, вполнѣ аналогичныхъ съ первоначальной, въ состояніи еще болѣе освободиться отъ того, что въ немъ еще носитъ слишкомъ частный характеръ. Квалифицировать эти комбинаціи, какъ факты подражанія, можно только въ томъ случаѣ, если вообще условиться называть этимъ именемъ всякую интеллектуальную операцію, гдѣ два или нѣсколько подобныхъ состоянія сознанія вызываютъ другъ друга въ силу своего сходства, затѣмъ сливаются вмѣстѣ и образуютъ равнодѣйствующую, которая всѣхъ ихъ поглощаетъ въ себѣ, и въ то же время отличается отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Конечно допустимо всякое

---

[1]) Приписывая эти образы процессу подражанія, очевидно, хотятъ сказать, что они являются прямыми копіями выражаемыхъ ими состояній. Но это было бы очень грубой метафорой, заимствованной у старой и нынѣ отвергнутой теоріи чувственныхъ образовъ. Больше того, если употреблять слово подражаніе въ этомъ смыслѣ, то его надо безразлично примѣнять ко всѣмъ нашимъ ощущеніямъ и представленіямъ, потому что среди нихъ нѣтъ ни одного, о которомъ, пользуясь той же самой метафорой, нельзя было бы сказать, что оно воспроизводитъ свой объектъ. Вступивъ на этотъ путь, мы должны будемъ всю нашу интеллектуальную жизнь разсматривать, какъ послѣдствіе подражанія.

словоупотребленіе. Но нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ оно было бы въ особенности произвольнымъ и могло бы стать только источникомъ путаницы, ибо здѣсь слово совершенно лишается своего обычнаго значенія. Вмѣсто „подражанія" тутъ было бы умѣстнѣе говорить о „созиданіи" въ виду того, что при данномъ сочетаніи силъ получается нѣчто новое. Для нашего интеллекта—это единственный способъ что-либо создать.

Могутъ на это возразить, что подобное творчество ограничивается только тѣмъ, что увеличиваетъ интенсивность начальнаго состоянія нашего сознанія. Но, во-первыхъ, всякое количественное измѣненіе есть все же внесеніе чего-то новаго; а во-вторыхъ, количество вещей не можетъ измѣняться безъ того, чтобы отъ этого не перемѣнилось и ихъ качество; какое-либо чувство, становясь вдвое или втрое сильнѣе, совершенно измѣняетъ свою природу. Вѣдь та сила, съ которой собравшіеся вмѣстѣ люди взаимно вліяютъ другъ на друга, можетъ зачастую превратить безобидныхъ гражданъ въ отвратительное чудовище. Поистинѣ, странное „подражаніе", разъ оно производитъ подобнаго рода превращеніе! Если въ наукѣ пользуются такою неточною терминологіею для обозначенія этого явленія, то это происходитъ, безъ сомнѣнія, потому, что исходятъ изъ смутнаго представленія, будто каждое индивидуальное чувство есть какъ бы копія чувствъ другого человѣка. Но на самомъ дѣлѣ не существуетъ ни образцовъ, ни копій. Мы имѣемъ здѣсь сліяніе, проникновеніе нѣкотораго числа состояній даннаго сознанія вглубь другого, отличающагося отъ нихъ: это будетъ новое коллективное состояніе сознанія.

Конечно, не было бы никакой неточности, если бы подражаніемъ стали называть причину, производящую это состояніе, если бы всегда дѣлалось допущеніе, что подобное настроеніе духа внушено толпѣ какимъ-нибудь вожакомъ, но—помимо того, что это утвержденіе рѣшительно ничѣмъ не обосновано и находится въ полномъ противо-

рѣчіи съ множестомъ фактовъ, гдѣ мы можемъ наблюдать, что руководитель явно выдвигается самою толпою, вмѣсто того, чтобы быть ея движущей силой,—даже помимо этого, случаи, гдѣ доминируещее вліяніе вожака носитъ реальный характеръ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что называется взаимнымъ подражаніемъ, ибо здѣсь подражаніе проявляется односторонне, и потому мы оставимъ его пока въ сторонѣ. Прежде всего, надо старательно избѣгать тѣхъ смѣшеній, которыя уже въ достаточной мѣрѣ затемнили занимающій насъ вопросъ.

Если бы кто-нибудь высказалъ мнѣніе, что въ каждомъ собраніи людей всегда имѣются индивидуумы, раздѣляющіе общее мнѣніе не по свободному убѣжденію, а подчиняясь авторитету, то это было бы неоспоримой истиной. Мы даже думаемъ, что въ такихъ случаяхъ всякое индивидуальное сознаніе въ большей или меньшей степени испытываетъ подобнаго рода принужденія. Но если оно имѣетъ своимъ источникомъ силу sui generis, которой облечены общія дѣйствія и вѣрованія, когда они прочно установились, то оно относится ко второй катеторіи отмѣченныхъ нами фактовъ. Разсмотримъ эту категорію, и прежде всего спросимъ себя, въ какомъ смыслѣ ее можно назвать подражаніемъ.

Категорія эта отличается отъ предыдущей тѣмъ, что она не предполагаетъ воспроизведенія какого-либо образца. Когда слѣдуютъ извѣстной модѣ или соблюдаютъ извѣстный обычай, то поступаютъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступали и поступаютъ ежедневно другіе люди. Но уже изъ самаго опредѣленія слѣдуетъ, что это повтореніе не можетъ быть вызвано тѣмъ, что называется инстинктомъ подражанія; съ одной стороны, оно является какъ бы симпатіей, которая заставляетъ насъ не оскорблять чувства окружающихъ насъ людей, дабы не испортить хорошихъ отношеній съ ними; съ другой стороны, оно порождается тѣмъ уваженіемъ, которое намъ внушаетъ образъ мыслей и дѣйствій коллектива, и прямымъ или косвеннымъ давленіемъ, которое оказываетъ на насъ коллективъ, дабы

предупредить съ нашей стороны всякое диссидентство и поддержать въ насъ это чувство уваженія. Въ данномъ случаѣ мы не потому воспроизводимъ тотъ или иной поступокъ, что онъ былъ совершенъ въ нашемъ присутствіи, что мы получили о немъ свѣдѣнія, и не потому, что насъ увлекаетъ воспроизведеніе само по себѣ, но потому, что онъ представляется намъ обязательнымъ и въ извѣстной степени полезнымъ. Мы совершаемъ этотъ поступокъ не потому просто, что онъ былъ разъ осуществленъ, а потому, что онъ носитъ на себѣ печать общественнаго одобренія, къ которому мы привыкли относиться съ уваженіемъ и противиться которому значило бы обречь себя на серьезныя непріятности.

Однимъ словомъ, поступать въ силу уваженія къ общественному мнѣнію или изъ страха передъ нимъ не значитъ подражать. Отъ такого рода поступковъ не отличаются по существу и тѣ образцы, которыми мы руководствуемся, когда намъ приходится дѣлать что либо новое. Въ самомъ дѣлѣ, лишь въ силу особаго присущаго имъ характера, признаемъ мы ихъ за то, что должно быть сдѣлано.

Но если мы даже начинаемъ бороться противъ обычаевъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать имъ, это вовсе не значитъ, что картина совершенно измѣнилась; разъ мы исповѣдуемъ какую-нибудь новую идею, увлекаемся чѣмъ-либо оригинальнымъ, значитъ, данное новшество имѣетъ свои внутреннія качества, заставляющія насъ признать его заслуживающимъ одобренія. Безъ сомнѣнія, руководящіе нами мотивы въ этихъ двухъ случаяхъ не однородны, но психологическій механизмъ тождественъ тамъ и здѣсь. Между представленіемъ о дѣйствіи съ одной стороны и осуществленіемъ его съ другой происходитъ интеллектуальный актъ, состоящій въ ясномъ или смутномъ, бѣгломъ или медленномъ постиженіи опредѣляющаго характера даннаго поступка, каковъ бы онъ ни былъ. Способъ нашего подчиненія нравамъ и модамъ своей страны не имѣетъ ничего общаго съ машинальнымъ подражаніемъ, заставляющимъ

насъ воспроизводить движенія, свидѣтелями которыхъ мы являемся [1]). Между этими двумя способами дѣйствій лежитъ вся та пропасть, которая отдѣляетъ разумное и обдуманное поведеніе отъ автоматическаго рефлекса. Первое имѣетъ свои основанія даже тогда, когда они не высказаны въ отчетливо формулированныхъ сужденіяхъ. Второй лишенъ разумныхъ основаній; онъ непосредственно обусловливается созерцаніемъ даннаго акта безъ всякаго участія разума.

Теперь понятно, какія могутъ произойти ошибки, если соединять подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ факты двухъ столь различныхъ порядковъ. Когда говорятъ о подражаніи, то подразумѣваютъ подъ этимъ явленіе зараженія и переходятъ, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, основанія, отъ перваго понятія ко второму съ величайшей легкостью. Но что же есть заразительнаго въ фактѣ выполненія этическихъ нормъ или подчиненія авторитету традиціи или общественнаго мнѣнія? На самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы привести одну реальность къ другой, только смѣшиваютъ два совершенно различныхъ понятія. Въ патологической біологіи говорятъ, что болѣзнь заразительна, когда она всецѣло или почти всецѣло зависитъ отъ развитія зачатка, извнѣ введеннаго въ организмъ. Наоборотъ, поскольку этотъ зачатокъ могъ развиться только благодаря активному содѣйствію почвы, на которую онъ попалъ, понятіе заразы уже непримѣнимо въ строгомъ смыслѣ этого слова. Точно также, для того, чтобы поступокъ можно было приписать нравственной заразѣ, недостаточно, чтобы мысль о немъ была внушена намъ однороднымъ поступкомъ. Кромѣ того, надо еще, чтобы, войдя въ наше сознаніе, эта мысль самостоятельно и автоматически превратилась въ актъ; только тогда, дѣйствительно, можно говорить о наличности зара-

[1]) Конечно, можетъ случиться въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, что какому-нибудь обычаю или традиціи слѣдуютъ въ силу простого подражанія, но тогда не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи обычая или объ исполненіи традиціи.

женія, потому что здѣсь внѣшній поступокъ, проникнувъ въ наше сознаніе въ формѣ представленія, самъ воспроизводитъ себя. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ также и подражаніе, такъ какъ новый поступокъ всецѣло является продуктомъ того образца, копіею котораго онъ является. Но если то впечатлѣніе, которое этотъ послѣдній производитъ на насъ, проявитъ свое дѣйствіе только при помощи нашего на то согласія и благодаря нашему соучастію, то о зараженіи можно говорить только фигурально, а въ силу этого и неточно. Въ этомъ случаѣ опредѣляющими причинами нашего дѣйствія являются извѣстныя основанія, а не имѣвшійся у насъ передъ глазами примѣръ. Здѣсь мы сами являемся виновниками нашего поступка, хотя онъ и не представляетъ собою нашего измышленія[1]). Слѣдовательно, всѣ такъ часто повторяемыя фразы о распространенности подраженія, о силѣ зараженія, не имѣютъ значенія и должны быть отброшены въ сторону; они извращаютъ факты, а не объясняютъ ихъ, затемняютъ вопросъ, вмѣсто того, чтобы освѣтить его.

Однимъ словомъ, если мы желаемъ устранить всякія недоразумѣнія, мы не должны обозначать одними и тѣми же словами и тотъ процессъ, путемъ котораго среди человѣческаго общества вырабатывается коллективное чувство, и тотъ, который побуждаетъ людей подчиняться общимъ традиціоннымъ правиламъ поведенія, и тотъ, наконецъ, который заставилъ Панургово стадо броситься въ воду только потому, что одинъ баранъ сдѣлалъ это. Совершенно разное дѣло чувствовать сообща, преклоняться передъ

---

[1]) Правда, иногда подражаніемъ называется все, что не является оригинальнымъ мышленіемъ. Съ этой точки зрѣнія подражаніемъ могутъ быть, очевидно, названы почти всѣ человѣческіе поступки, такъ какъ изобрѣтенія въ полномъ смыслѣ этого слова очень рѣдки. Но именно благодаря тому, что здѣсь почти все оказывается подражаніемъ, оно перестаетъ носить характеръ чего бы то ни было опредѣленнаго, а такая терминологія можетъ быть только источникомъ путаницы.

авторитетомъ общественнаго мнѣнія и автоматически повторять то, что дѣлаютъ другіе.

Въ фактахъ перваго порядка отсутствуетъ всякое воспроизведеніе; въ фактахъ второго порядка оно является *простымъ слѣдствіемъ* [1]) тѣхъ явно выраженныхъ или подразумѣваемыхъ сужденій и заключеній, которыя составляютъ существенный элементъ даннаго явленія; поэтому воспроизведеніе не можетъ служить опредѣляющимъ признакомъ этого послѣдняго. И только въ третьемъ случаѣ воспроизведеніе играетъ главную роль, занимаетъ собою все,—такъ что новое дѣйствіе представляетъ лишь эхо начальнаго поступка. Здѣсь второй поступокъ буквально повторяетъ первый, при чемъ повтореніе это внѣ себя самого не имѣетъ никакого смысла, и единственной его причиной оказывается совокупность тѣхъ нашихъ свойствъ, благодаря которымъ мы при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣлаемся подражательными существами. Поэтому, если мы хотимъ употреблять слово „подражаніе“ въ его точномъ значеніи, мы должны примѣнять его исключительно къ фактамъ этой категоріи; слѣдовательно, мы назовемъ подражаніемъ актъ, которому непосредственно предшествуетъ представленіе сходнаго акта, ранѣе совершеннаго другимъ человѣкомъ, при чемъ между представленіемъ и выполненіемъ не происходитъ никакой—сознательной или безсознательной—умствен-

---

[1]) Правда, нѣкоторые говорятъ о логическомъ подражаніи, (Tarde „Lois de l'imitation“ 1-е изд., стр. 158), при которомъ поступокъ воспроизводился въ силу того, что онъ служитъ опредѣленной цѣли. Но такое подражаніе, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ подражательной наклонностью; соотвѣтственные факты должны тщательно различаться между собою; они *объясняются совершенно различнымъ* образомъ. Съ другой стороны, какъ мы только что указали, подражаніе-мода или подражаніе-обычай не менѣе логично, чѣмъ другіе виды подражанія, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно имѣетъ свою спеціальную логику.

ной работы, относящейся къ внутреннимъ свойствамъ воспроизводимаго дѣйствія.

Итакъ, когда задается вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣетъ подражаніе на процентъ самоубійствъ, то это слово надо брать именно въ указанномъ смыслѣ [1]). Придерживаться иного пониманія—значитъ удовлетворяться чисто словеснымъ объясненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда о какомъ нибудь образѣ мыслей и дѣйствій говорятъ, что онъ является подражаніемъ, то полагаютъ, что этимъ волшебнымъ словомъ все сказано. Въ дѣйствительности же, этотъ терминъ примѣнимъ только къ случаямъ чисто автоматическаго воспроизведенія. Здѣсь для объясненія достаточно одного слова „подражаніе", такъ какъ все происходящее въ этомъ случаѣ есть продуктъ зараженія подражаніемъ [2]).

Но когда мы слѣдуемъ какому нибудь обычаю или придерживаемся правилъ морали, то внутреннія свойства этого самого обычая, тѣ чувства, которыя онъ внушаетъ намъ, и служатъ объясненіемъ нашего ему подчиненія. Когда по поводу такого рода поступковъ говорятъ о подражаніи, то въ сущности не объясняютъ рѣшительно ничего; намъ говорятъ только, что совершенный нами поступокъ не содержитъ ничего новаго, т. е. что онъ является только воспроизведеніемъ, но намъ не даютъ объясненій ни того,

[1]) Факты, которымъ мы подражаемъ въ силу ихъ моральнаго или интеллектуальнаго престижа, въ томъ случаѣ, когда индивидуумъ или коллективность служатъ намъ образцомъ, относятся скорѣе ко второй изъ установленныхъ выше категорій. Въ этомъ видѣ подражанія нѣтъ ничего автоматическаго; оно требуетъ размышленія: мы поступаемъ по примѣру лица, облеченнаго нашимъ довѣріемъ, потому что его признанное превосходство гарантируетъ намъ достоинство его поведенія; мы подражаемъ ему въ силу тѣхъ же причинъ, которыя заставляютъ насъ уважать его. Поэтому мы ничего не объясняемъ, если говоримъ о подобныхъ актахъ, что они сдѣланы изъ подражанія; намъ важно узнать, каковы причины довѣрія или уваженія, вызвавшаго наше умственное подчиненіе.

[2]) Какъ мы увидимъ ниже, подражаніе, само по себѣ, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ.

почему люди поступаютъ именно такъ, а не иначе, ни того, почему мы повторяемъ ихъ дѣйствія. Еще менѣе путемъ слова „подражаніе" можно исчерпать анализъ сложнаго процесса, результатомъ котораго являются коллективныя чувства и которому выше мы могли дать только приблизительное и предварительное опредѣленіе [1]). Неточное употребленіе этого термина можетъ создать иллюзію, будто съ помощью его найдено рѣшеніе самого вопроса, тогда какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, кромѣ игры словами и самообмана.

Только опредѣливъ подражаніе указаннымъ нами способомъ, мы будемъ имѣть право считать его психологическимъ факторомъ самоубійства. Въ дѣйствительности то, что называютъ взаимнымъ подражаніемъ, есть явленіе вполнѣ соціальное, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общимъ переживаніемъ общаго чувства. Точно также слѣдованіе обычаямъ, традиціямъ является результатомъ соціальныхъ причинъ, ибо оно основано на ихъ обязательности, на особомъ престижѣ, которымъ пользуются коллективныя вѣрованія и коллективная практика въ силу того только, что они составляютъ плодъ коллективнаго творчества. Слѣдо-

---

[1]) Необходимо признать, что мы только очень смутно представляемъ себѣ, въ чемъ состоитъ этотъ процессъ. Какъ въ дѣйствительности происходятъ комбинаціи, порождающія коллективное состояніе, какіе его составные элементы, какъ выдѣляется доминирующее состояніе—все это слишкомъ сложные и трудные вопросы для того, чтобы можно было рѣшать ихъ на основаніи одного только внутренняго самонаблюденія. Цѣлый рядъ всевозможныхъ опытовъ и наблюденій, къ сожалѣнію еще не имѣвшихъ мѣста, могъ бы уяснить намъ этотъ вопросъ. Мы еще очень мало знаемъ о томъ, какъ и по какимъ законамъ комбинируются между собою умственныя состоянія у каждаго отдѣльнаго индивида; тѣмъ болѣе сказывается наше безсиліе въ пониманіи механизма необозримо болѣе сложныхъ комбинацій групповой жизни. Наши объясненія этого явленія не идутъ зачастую дальше метафоръ. Мы не претендуемъ но то, что данное нами выше опредѣленіе есть точное выраженіе интересующаго насъ предмета. Мы хотѣли только показать, что здѣсь имѣется въ наличности нѣчто совершенно иное, нежели подражаніе.

вательно, поскольку можно допустить, что самоубійство распространяется по одному изъ этихъ путей, оно зависитъ не отъ индивидуальныхъ условій, а отъ соціальныхъ причинъ. Установивъ такимъ образомъ границы данной проблемы, займемся разсмотрѣніемъ фактовъ.

II.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мысль о самоубійствѣ обладаетъ заразительностью. Мы уже говорили о корридорѣ, гдѣ послѣдовательно повѣсились 15 инвалидовъ, или о той извѣстной часовой будкѣ въ булонскомъ лагерѣ, которая на протяженіи нѣсколькихъ дней послужила мѣстомъ нѣсколькихъ самоубійствъ. Факты этого рода часто наблюдались въ арміи: въ 4-омъ стрѣлковомъ полку въ Провансѣ въ 1862 г.; въ 15-омъ пѣхотномъ въ 1864 г.; въ 41-омъ сначала въ Монпелье, а потомъ въ Нимѣ въ 1868 и т. д. Въ 1813 году въ маленькой деревушкѣ St. Pierre Monjau повѣсилась на деревѣ одна женщина, и въ теченіе небольшого промежутка времени нѣсколько другихъ повѣсились тамъ же. Пинель разсказываетъ, что по сосѣдству съ Etampes повѣсился священникъ; черезъ нѣсколько дней на томъ же мѣстѣ повѣсилось еще два духовныхъ лица, а вскорѣ затѣмъ ихъ примѣру послѣдовало нѣсколько свѣтскихъ людей [1]). Когда лордъ Кэстльри бросился въ кратеръ Везувія, нѣсколько человѣкъ изъ его спутниковъ послѣдовали за нимъ. Дерево Тимона-Мизантропа сдѣлалось историческимъ. Въ домахъ заключенія многочисленными наблюденіями также подтверждаются случаи психическаго зараженія [2]).

Тѣмъ не менѣе установилось обыкновеніе относить къ области подражанія цѣлый рядъ фактовъ, которые на нашъ взглядъ имѣютъ совсѣмъ иное происхожденіе. Это тѣ случаи, которые носятъ названіе самоубійствъ „одер-

[1]) Подробности см. у Legoyt, *op. cit.*, стр. 227 и слѣд.

[2]) См. аналогичные факты у Ebrard, *op. cit.*, стр. 376.

жимыхъ". Въ „Исторіи войны евреевъ съ Римомъ", Жозефъ [1]) разсказываетъ, что во время осады Іерусалима нѣкоторое число осажденныхъ лишило себя жизни. Въ частности 40 евреевъ, спасшіеся въ подземельѣ, рѣшили умереть и убили другъ друга. „Осажденные Брутомъ ксантійцы", говоритъ Монтэнь, „были охвачены всѣ, мужчины, женщины и дѣти, непобѣдимымъ желаніемъ умереть и съ такою страстностью искали смерти, съ какою люди обыкновенно защищаютъ свою жизнь. Бруту едва удалось спасти немногихъ изъ нихъ" [2]). Нѣтъ никакого основанія предполагать, что эти случаи массового самоубійства происходятъ отъ одного или двухъ индивидуальныхъ случаевъ, являясь только повтореніемъ ихъ; здѣсь мы имѣемъ скорѣе результатъ коллективнаго рѣшенія, настоящаго соціальнаго „consensus", чѣмъ простого вліянія заразительной силы. Въ данномъ случаѣ идея не рождается въ отдѣльности у каждаго субъекта, чтобы затѣмъ охватить сознаніе другихъ людей, но вырабатывается всею группою въ совокупности, при чемъ группа эта, попавъ въ безвыходное положеніе, коллективно рѣшаетъ умереть. То же самое случается каждый разъ, когда какое бы то ни было соціальное цѣлое реагируетъ сообща подъ вліяніемъ одного и того же обстоятельства. Соглашеніе по природѣ своей остается тѣмъ же, что и было, независимо отъ того, что дѣйствіе происходитъ въ порывѣ страсти; оно осталось бы безъ всякихъ измѣненій, даже если бы происходило методически и болѣе обдуманно. Поэтому было бы совершенно неправильно говорить здѣсь о подражаніи.

То же самое мы можемъ сказать о другихъ фактахъ этого же рода. Эскироль передаетъ намъ слѣдующее: „Историки увѣряютъ", говоритъ онъ, „что перувіанцы и мексиканцы, придя въ отчаяніе отъ уничтоженія ихъ религіознаго культа, лишали себя жизни въ такомъ громадномъ

---

[1]) Josèph, *Histoire de la guerre des Juifs contre les Romains*, III, 26.
[2]) Montaigne, *Essais*, II, 3.

количествѣ, что ихъ гораздо больше погибло отъ само убійствъ, чѣмъ отъ огня и меча жестокихъ завоевателей". Вообще, для того, чтобы имѣть право говорить о подражаніи, недостаточно констатировать, что значительное количество самоубійствъ было произведено одновременно и въ одномъ и томъ же мѣстѣ; самоубійства въ этомъ случаѣ могутъ зависѣть отъ одного и того же состоянія данной соціальной среды, которое опредѣляетъ коллективное предрасположеніе группы, выражающееся въ видѣ умножившагося числа самоубійствъ. Въ концѣ концовъ, можетъ быть, будетъ не безполезно для большей точности терминологіи различать духовныя эпидеміи отъ духовнаго зараженія; эти два слова, употребляемыя безъ различія одно вмѣсто другого, въ дѣйствительности обозначаютъ совершенно разнородныя явленія. Эпидемія—явленіе соціальное, продуктъ соціальныхъ причинъ; зараженіе состоитъ всегда только изъ ряда болѣе или менѣе часто повторяемыхъ индивидуальныхъ фактовъ [1]).

Это различіе, будучи установлено разъ навсегда, имѣло бы, конечно, своимъ результатомъ уменьшеніе числа самоубійствъ, приписываемыхъ подражанію; несомнѣнно, однако, что даже и въ этомъ случаѣ, эти послѣднія оказались бы весьма многочисленными. Нѣтъ, можетъ быть, другого, настолько же заразительнаго явленія. Даже импульсъ къ убійству обладаетъ меньшей способностью передаваться; случаи, гдѣ наклонность къ убійству распростанялась автоматически, менѣе часты, и въ особенности роль, выпадающая здѣсь на долю подражанія, значительно меньше; можно сказать, что, вопреки

[1]) Дальше мы увидимъ, что въ каждомъ обществѣ во всякое время и при вполнѣ нормальныхъ условіяхъ имѣется опредѣленное коллективное предрасположеніе къ самоубійству. Это предрасположеніе отличается отъ того явленія, которое мы предложили называть эпидеміей, тѣмъ, что *оно носитъ хроническій характеръ и оно входитъ* въ качествѣ нормальнаго элемента въ моральный темпераментъ общества. Эпидемія также является коллективнымъ предрасположеніемъ, но она вспыхиваетъ въ исключительныхъ случаяхъ, являясь результатомъ ненормальныхъ и чаще всего преходящихъ причинъ.

общему мнѣнію, инстинктъ самосохраненія слабѣе укореняется въ человѣческомъ сознаніи, чѣмъ основы нравственности, ибо подъ дѣйствіемъ однѣхъ и тѣхъ же силъ первый оказывается менѣе способнымъ къ сопротивленію. Но, признавъ существованіе этихъ фактовъ, мы все же оставляемъ открытымъ тотъ вопросъ, который мы себѣ поставили въ началѣ главы. Изъ того обстоятельства, что стремленіе къ самоубійству можетъ переходить отъ одного индивида къ другому, еще не слѣдуетъ a priori, чтобы эта заразительность вызывала соціальныя послѣдствія, т. е. чтобы она вліяла на соціальный процентъ самоубійствъ, на единственное, интересующее насъ въ данный моментъ, явленіе. Какъ бы безспорна она ни была, но вполнѣ возможно, что послѣдствія ея могутъ носить, во-первыхъ, только индивидуальный характеръ, а, во-вторыхъ, проявляться только спорадически. Предшествующія замѣчанія не разрѣшаютъ вопроса, но они лучше оттѣняютъ его значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если подражаніе, какъ говорятъ, представляетъ собою первоначальный и особенно мощный источникъ соціальныхъ явленій, то свою силу оно должно было бы прежде всего проявлять по отношенію къ самоубійству, такъ какъ не существуетъ другого факта, надъ которымъ оно въ этомъ случаѣ могло бы имѣть больше власти. Такимъ образомъ, самоубійство поможетъ намъ провѣрить путемъ рѣшающаго опыта реальность этой приписываемой подражанію чудесной силы.

III.

Если это вліяніе дѣйствительно существуетъ, то оно должно было бы особенно сильно проявиться въ географическомъ распредѣленіи самоубійствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы должны были бы наблюдать, что характерное для данной страны число самоубійствъ, такъ сказать, передается и сосѣднимъ областямъ. Поэтому обратимся къ картѣ, но будемъ разсматривать ее методически.

Нѣкоторые авторы усматривали подражаніе каждый разъ, когда въ двухъ или нѣсколькихъ департаментахъ наклонность къ самоубійству проявлялась съ одинаковой интенсивностью. Между тѣмъ, эта равномѣрность внутри одной и той же области можетъ зависѣть исключительно отъ того, что извѣстныя причины, благопріятныя для развитія самоубійства, одинаково распространены въ ней, другими словами, отъ того, что въ данной области соціальная среда всюду одна и та же. Для того, чтобы увѣриться въ томъ, что наклонность или идея распространяются путемъ подражанія, надо прослѣдить, какъ онѣ выходятъ изъ той среды, гдѣ онѣ зародились, и захватываютъ другія сферы, которыя по природѣ своей не могли бы сами ихъ вызвать. Мы ужъ показали, что о распространеніи подражанія можно говорить лишь постольку, поскольку имитируемый фактъ самъ по себѣ, безъ помощи другихъ факторовъ, автоматически вызываетъ воспроизводящія его дѣйствія. Слѣдовательно, чтобы опредѣлить роль, выполняемую подражаніемъ въ интересующемъ насъ въ данный моментъ явленіи, надо установить критерій, болѣе сложный, чѣмъ тотъ, которымъ обыкновенно довольствуются.

Прежде всего нѣтъ подражанія тамъ, гдѣ нѣтъ образца; нѣтъ зараженія безъ очага, изъ котораго оно могло бы распространяться и гдѣ оно естественно проявляло бы максимумъ своей интенсивности. Такимъ образомъ, только тогда, можно предположить, что самоубійство сообщается отъ одного общества другому, если наблюденія подтвердятъ существованіе нѣкоторыхъ центровъ излученія. Но по какимъ признакамъ можно ихъ узнать?

Прежде всего, эти центры должны отличаться отъ всѣхъ сосѣднихъ пунктовъ большею наклонностью къ самоубійству; на картѣ они должны быть окрашены болѣе темной краской, чѣмъ окружающая ихъ среда. Въ виду того, что подражаніе оказываетъ тамъ свое вліяніе одновременно съ причинами, дѣйствительно производящими самоубійства, общее число случаевъ не можетъ не возрасти. Во-вторыхъ,

для того, чтобы эти центры могли играть приписываемую имъ роль, и для того, чтобы имѣть право отнести на счетъ этого ихъ вліянія происходящія вокругъ нихъ явленія, надо, чтобы каждый изъ нихъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ точкой прицѣла для сосѣднихъ странъ. Ясно, что подражать данному явленію возможно лишь въ томъ случаѣ, если оно всегда имѣется на виду; если же вниманіе обращено не на этотъ центръ, то несмотря на то, что случаи самоубійства въ немъ очень многочисленны, они не будутъ играть никакой роли, такъ какъ останутся неизвѣстными и, слѣдовательно, не будутъ воспроизводиться. Но населеніе можетъ фиксировать свое вниманіе только на такомъ центрѣ, который занимаетъ въ областной жизни важное мѣсто. Другими словами, явленія зараженія болѣе всего должны быть замѣтны кругомъ столицъ и большихъ городовъ. Мы тѣмъ скорѣе можемъ разсчитывать констатировать эти явленія, что въ данномъ случаѣ распространяющая сила подражанія подкрѣпляется и усиливается еще другими факторами, особенно моральнымъ авторитетомъ большихъ центровъ, благодаря которому все, освященное практикой крупныхъ городовъ, находитъ себѣ самое рабское поклоненіе. Именно здѣсь подражаніе должно вызывать соціальные результаты, если только оно вообще въ состояніи ихъ вызывать. Наконецъ, такъ какъ, согласно всеобщему признанію, вліяніе какого-бы то ни было примѣра ослабляется съ разстояніемъ, то окружающія области должны по мѣрѣ удаленія ихъ отъ очага заразы все слабѣе подвергаться зараженію и наоборотъ. Таковы тѣ три минимальныя условія, которымъ должна удовлетворять карта самоубійствъ, для того, чтобы хоть частично можно было приписать подражанію ея внѣшній видъ. И если бы даже эти предварительныя условія оказались выполненными, остается еще открытымъ вопросъ, не зависитъ-ли данная карта отъ соотвѣтствующаго распредѣленія тѣхъ жизненныхъ условій, которыми непосредственно вызываются самоубійства. Установивъ эти правила, примѣнимъ ихъ на дѣлѣ.

Что касается Франціи, то существующія карты, гдѣ процентъ самоубійствъ указанъ, обыкновенно, только по департаментамъ, не могутъ удовлетворить насъ въ этомъ смыслѣ. И, дѣйствительно, онѣ не позволяютъ намъ наблюдать возможные результаты подражанія тамъ, гдѣ они должны были бы быть всего чувствительнѣе, т. е. между различными частями одного и того же департамента. Болѣе того, присутствіе округа, очень сильно или очень мало затронутаго, можетъ искусственно повысить или понизить среднее число цѣлаго департамента и создать, такимъ образомъ, мнимую грань между другими округами или, наоборотъ, стушевать дѣйствительно существующую разницу. Наконецъ, вліяніе *большихъ* городовъ настолько сглаживается на такой картѣ, что его не легко замѣтить. Спеціально для изученія этого вопроса мы составили карту Франціи по округамъ (arrondissements); она относится къ пятилѣтнему періоду (1887 — 91 г.г.). Изученіе ея даетъ намъ самые неожиданные результаты [1]). Что раньше всего въ ней бросается въ глаза, такъ это то, что наиболѣе темное пятно находится на сѣверѣ, главною своею частью охватываетъ старинный Ile-de-France, пробирается довольно далеко въ Шампань и доходитъ вплоть до Лотарингіи. Если бы количество самоубійствъ зависѣло отъ подражанія, то фокусъ его долженъ былъ бы находиться въ Парижѣ, который является единственнымъ крупнымъ центромъ въ предѣлахъ всей этой области. И дѣйствительно, Парижу обыкновенно приписывается здѣсь опредѣляющая роль. Герри говоритъ даже, что если подвигаться къ столицѣ отъ *любой точки периферіи* страны (исключая Марсель), то, по мѣрѣ приближенія къ Парижу, мы будемъ наблюдать непрерывное возрастаніе числа самоубійствъ. Но, если карта, составленная по департаментамъ, даетъ *видимость* правдоподобія такому пониманію интересующаго насъ явленія, то карта округовъ совершенно опровергаетъ его. Оказывается,

---

[1]) См. Діаграмму II.

что въ дѣйствительности въ Seine процентъ самоубійствъ меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ округахъ; въ первомъ насчитывается всего 471 случай на 1 мил. жителей, тогда какъ въ Coulommiers — 500, въ Versaille — 514, Melun—518, Meaux—525, Corbeil—559, Pontoise—561, Provins—562; даже округа въ Шампань значительно превышаютъ по числу самоубійствъ ближайшія къ Сенѣ мѣстности; въ Реймсѣ насчитывается 501 случай, въ Epernay—537, въ Arcis-sur-Aube—548; въ Château-Thierry—623. Уже докторъ Leroy въ своемъ трудѣ „Les suicide en Seine-et-Marne“ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ округѣ Meaux число самоубійствъ относительно больше, чѣмъ въ Seine [1]). Вотъ цифры, которыя онъ намъ даетъ.

	Періодъ 1851—63.	1865—66.
Округъ Meaux	1 случай на 2.418 жит.	1 с. на 2.547 ж.
„ Сена	1 „ „ 2.750 „	1 „ „ 2.822 „

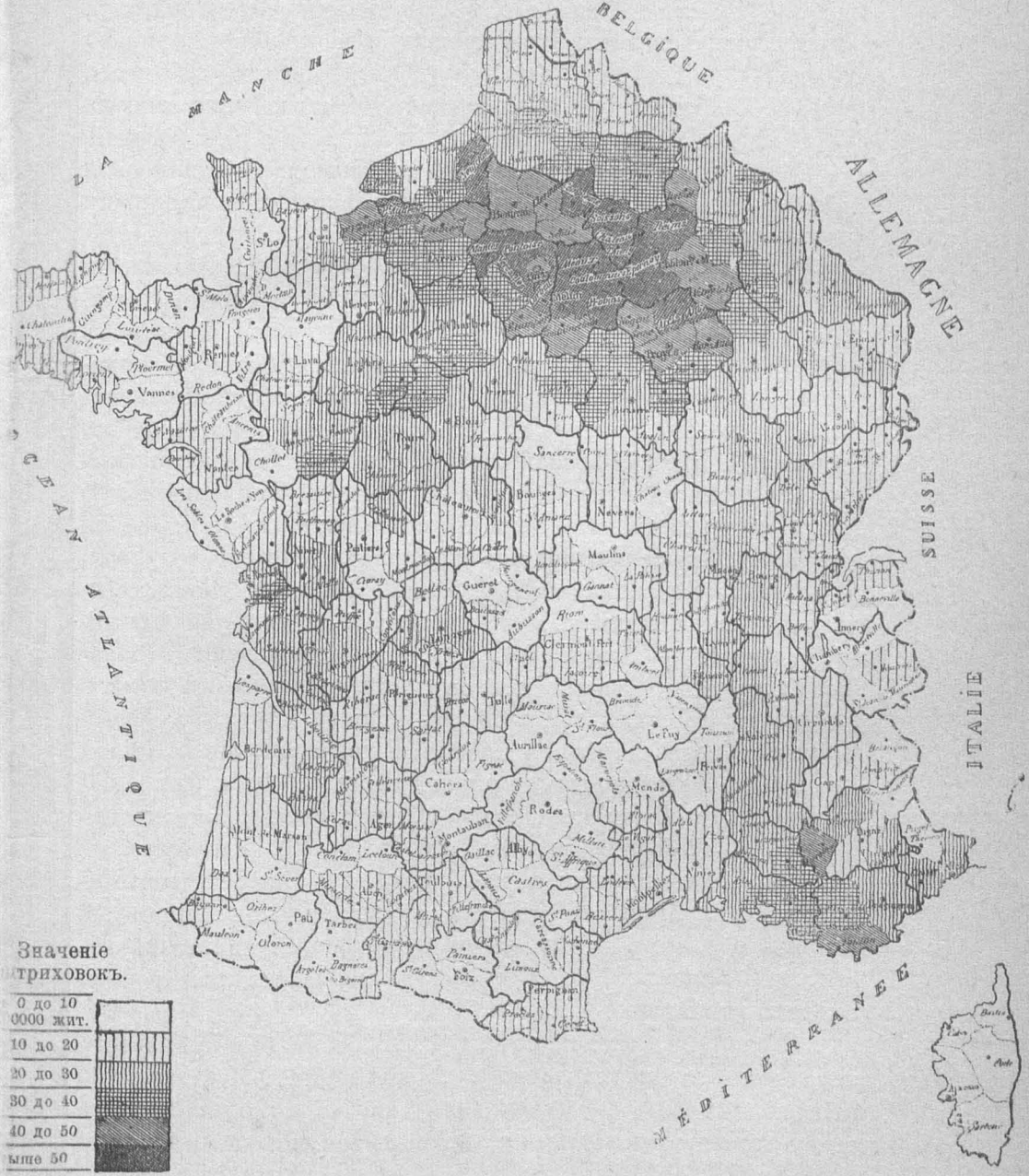
И округъ Meaux не является единственнымъ въ своемъ родѣ. Тотъ же авторъ называетъ намъ имена 166 коммунъ того же самаго департамента, гдѣ было больше случаевъ самоубійства, чѣмъ въ Парижѣ. Странную роль въ качествѣ главнаго очага играетъ въ такомъ случаѣ Парижъ, если уровень его значительно ниже второстепенныхъ очаговъ, которые онъ по назначенію своему долженъ питать. Тѣмъ не менѣе, если оставить въ сторонѣ Сену, то невозможно замѣтить и никакого другого центра, такъ какъ еще труднѣе заставить Парижъ тяготѣть къ Corbeil или къ Pontoise.

Немного далѣе на сѣверъ замѣчается другое пятно, не столь густое, но всетаки очень темнаго цвѣта,—оно падаетъ на Нормандію. Если бы количество самоубійствъ за-

[1]) Op. cit., стр. 213. Согласно указаніямъ того же автора, цѣлые департаменты Marne и Seine-et-Marne въ 1865—66 г. превышали Сену своимъ процентомъ самоубійствъ. Въ Marne былъ 1 случай на 2.791 жит., въ Seine-et-Marne — 1 на 2.768 ж., въ Seine — 1 на 2.822 ж.

грамма II.

Карта самоубійствъ во Франціи, по округамъ (1887—91).

висѣло отъ силы зараженія, то оно должно бы начинаться около Руана, столицы этой провинціи и вообще крупнаго города. А между тѣмъ два пункта этой области, гдѣ всего сильнѣе наблюдается явленіе самоубійства, — это округа Neufchâtel (509 случаевъ) и Pont Audemer (537 на 1 м.), при чемъ они даже и не смежны между собою. И однако несомнѣнно, что моральная физіономія провинціи отнюдь не опредѣляется ихъ вліяніемъ.

Совсѣмъ на юго-востокѣ, вдоль берега Средиземнаго моря, мы находимъ обширную территорію, внѣшнею границею которой являются съ одной стороны устье Роны, а съ другой Италія; въ ней также наблюдается большое количество самоубійствъ. На этой территоріи истиной метрополіей является Марсель, и кромѣ того мы имѣемъ здѣсь большой центръ свѣтской жизни—Ниццу; наиболѣе страдаютъ отъ самоубійства округа Тулонъ и Форкалькье, но никто не скажетъ, что Марсель оказываетъ на нихъ вліяніе. То же самое мы видимъ на западѣ; темнымъ пятномъ выдѣляется Rochefort на непрерывно свѣтломъ фонѣ обѣихъ Charentes, хотя въ этой области есть болѣе значительный городъ — Angoulême. Вообще существуетъ большое количество департаментовъ, гдѣ не главный округъ занимаетъ на скалѣ самоубійства главное мѣсто. Въ департаментѣ Vosges перевѣсъ имѣетъ Remiremont, а не Epinal, въ Haûte-Saône—Gray, умирающій и почти опустѣвшій городъ, а не Vesoul; въ Doube—Dôls и Poligny, а не Besançon; въ Gironde не Bordeau, а la Rêole и Bazas; въ Maine-et-Loire—Saumur а не Angers; въ Sarthe—Saint-Calais, а не Le Mans; на сѣверѣ Avesne—вмѣсто Lille и т. д. Такимъ образомъ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ округъ, имѣющій перевѣсъ, не содержитъ самаго важнаго города въ департаментѣ.

Подобное сравненіе желательно было бы произвести не только по округамъ, но и по коммунамъ. Къ несчастію нельзя составить коммунальной карты самоубійствъ на всемъ протяженіи Франціи; но, въ своей интересной моно-

графіи, докторъ Leroy сдѣлалъ эту работу по отношенію къ департаменту Seine-et-Marne. Классифицировавъ всѣ коммуны этого департамента согласно проценту совершаемыхъ въ нихъ самоубійствъ, начиная съ тѣхъ, гдѣ онъ наиболѣе высокъ, онъ получилъ слѣдующіе результаты: „La Ferté-sous-Jouarre (4482 жит.), первый значительный городъ этого района, стоитъ на 127 мѣстѣ; Meaux (10762 ж.) на 130 мѣстѣ, Provins (7347 ж.) — на 135 мѣстѣ, Coulommiers—(4628 ж.) на 138 мѣстѣ. Близость мѣстъ, занимаемыхъ этими городами на таблицѣ, очень знаменательна, такъ какъ можно предположить, что они находятся подъ какимъ нибудь общимъ вліяніемъ [1]). Lagny (3468 ж.), находящійся такъ близко отъ Парижа, занимаетъ едва 219 мѣсто, Montereau-Faut-Yonne (6217 жит.) — 245-ое; Fontainebleau (11.939 ж.) — 247-ое. Наконецъ Melun (11.170 ж.) — главный городъ департамента—занимаетъ только 279-ое мѣсто. Наоборотъ, если разсмотрѣть 25 коммунъ, занимающихъ первыя мѣста въ данномъ спискѣ, то, за исключеніемъ двухъ, онѣ имѣютъ незначительное населеніе“ [2]).

---

[1]) Конечно здѣсь не можетъ быть и рѣчи о вліяніи зараженія; три послѣдніе города являются главными пунктами округа, имѣющими почти одинаковое значеніе, и раздѣляются множествомъ коммунъ, гдѣ процентъ самоубійствъ далеко неодинаковъ. Если ихъ близость на таблицѣ что-либо доказываетъ, такъ только то, что соціальныя группы, одинаковаго размѣра и поставленныя въ условія жизни, почти аналогичныя, имѣютъ одинаковый процентъ самоубійствъ, хотя бы они взаимно другъ на друга вовсе не вліяли.

[2]) Очень маленькая коммуна, стоящая во главѣ (Lesche), имѣетъ 1 случай на 630 жителей, или 1.587 на 1 м., т. е. въ 4—5 разъ больше, чѣмъ въ Парижѣ. И это не есть какая-либо исключительная особенность Seine-et-Marne. Д-ръ Legoupils въ Трувилѣ даетъ намъ указанія относительно трехъ очень ничтожныхъ коммунъ округа Pont-l'Evêque: Villerville (978 жит.), Cricqueboeuf (150 жит.) и Pennedepie (333 ж.) Число самоубійствъ, высчитанное въ теченіе 14—25 лѣтъ, составляетъ здѣсь 429, 800 и 1081 случаевъ на 1 м. жителей.

Конечно, въ концѣ-концовъ, остается справедливымъ утвержденіе, что большіе города насчитываютъ большее количество самоубійствъ, чѣмъ маленькіе города и деревни. Но это предположеніе

Выйдя изъ предѣловъ Франціи, мы можемъ констатировать идентичныя явленія. Изъ всѣхъ странъ Европы число самоубійствъ всего выше въ Даніи и центральной Германіи. Въ этой обширной зонѣ, первое мѣсто, высоко надъ всѣми другими странами, занимаетъ Королевство Саксонія, (311 случай на 1 милліонъ жителей). Непосредственно за ней слѣдуетъ герцогство Саксенъ-Альтенбургъ (303 случая), тогда какъ Бранденбургъ насчитываетъ всего 204 случая. Между тѣмъ эти два небольшія государства отнюдь не сосредоточиваютъ на себѣ взоровъ всей Германіи. Ни Дрезденъ, ни Альтенбургъ не задаютъ тона Гамбургу или Берлину. Точно также изъ всѣхъ итальянскихъ провинцій число самоубійствъ всего выше въ Болоньѣ и Ливорно (88 и 84); далеко ниже ихъ по среднему числу самоубійствъ, установленному Морселли для 1864—76 гг., стоятъ Миланъ, Генуя, Туринъ и Римъ.

Въ концѣ концовъ всѣ эти карты показываютъ намъ, что самоубійства вовсе не располагаются болѣе или менѣе концентрически вокругъ извѣстныхъ пунктовъ, отправляясь отъ которыхъ, количество ихъ прогрессивно уменьшалось бы; наоборотъ, самоубійства располагаются большими, почти однородными (но только почти) пятнами, лишенными всякаго центральнаго ядра. Такая картина не представляетъ собою никакихъ признаковъ вліянія подражанія. Она только

вѣрно только въ общемъ и имѣетъ много исключеній. Существуетъ способъ примирить его съ предыдущими и какъ бы противорѣчащими ему фактами. Для этого достаточно допустить, что большіе города образуются и развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя вызываютъ ростъ числа самоубійствъ, но сами по себѣ не способствуютъ этому послѣднему. Разъ это такъ, вполнѣ естественно, что такихъ городовъ много въ областяхъ съ большимъ числомъ самоубійствъ, но имъ отнюдь не должна принадлежать какая-либо монополія по отношенію къ добровольнымъ смертямъ; большихъ городовъ меньше тамъ, гдѣ ниже количество самоубійствъ, но это обстоятельство не является слѣдствіемъ ихъ отсутствія. Такимъ образомъ ихъ средній процентъ оказывается выше, что не мѣшаетъ ему въ отдѣльныхъ быть ниже.

указываетъ, что самоубійство не зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣняющихся отъ города къ городу, но что опредѣляющія его причины всегда носятъ нѣкоторый общій характеръ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни подражателей, ни тѣхъ, кому подражаютъ, но относительное тождество результатовъ зависитъ отъ относительнаго тождества опредѣляющихъ причинъ. И легко понять, что такъ и должно быть, разъ — какъ мы уже можемъ это предвидѣть на основаніи предыдущаго — самоубійство по существу своему зависитъ отъ извѣстнаго состоянія соціальной среды. Эта послѣдняя обыкновенно сохраняетъ тотъ же самый характеръ на очень большомъ пространствѣ территоріи, и потому вполнѣ естественно, что всюду, гдѣ она однородна, мы наблюдаемъ идентичныя послѣдствія безъ того, чтобы зараженіе играло какую-нибудь роль. Въ силу этого, чаще всего случается, что въ предѣлахъ одной и той же области процентъ самоубійствъ держится на одинаковомъ уровнѣ. Но съ другой стороны, такъ какъ вызывающія его причины не могутъ распредѣлиться вполнѣ однородно, иногда между сосѣдними округами существуютъ болѣе или менѣе значительныя колебанія, подобныя тѣмъ, которыя мы уже раньше констатировали.

Основательность вышесказаннаго мнѣнія доказывается тѣмъ, что процентъ самоубійствъ рѣзко измѣняется каждый разъ, когда круто смѣняются условія соціальной среды; среда никогда не простираетъ своего вліянія за предѣлы своихъ собственныхъ границъ. Никогда страна, особенныя соціальныя условія которой спеціально предрасполагаютъ къ самоубійству, не распространяетъ въ силу одной только заразительности примѣра своей наклонности на сосѣднія страны, если тѣ же или подобныя условія не вліяютъ на эту послѣднюю съ тою же силой. Самоубійство носитъ мѣстный (эндемическій) характеръ въ Германіи, и мы уже видѣли, съ какой силой оно тамъ проявляется; дальше мы покажемъ, что протестантизмъ есть главная причина этой чрезвычайно высокой наклонности къ самоубійству.

Три области составляютъ исключеніе изъ этого правила: рейнскія провинціи съ Вестфаліей, Баварія, въ особенности швабская Баварія, и, наконецъ, Познань; это единственныя мѣста во всей Германіи, которыя насчитываютъ меньше 100 случаевъ на 1 м. жителей. На картѣ [1]) онѣ кажутся тремя затерянными островками, и обозначающія ихъ свѣтлыя пятна рѣзко выдѣляются на фонѣ окружающей темной краски; причиной этого является католическое населеніе, а потому повѣтріе самоубійствъ, распространяющееся вокругъ нихъ съ такою интенсивностью, не затрагиваетъ ихъ; оно останавливается на ихъ границѣ только въ силу того, что за этимъ предѣломъ оно не находитъ причинъ, благопріятствующихъ его развитію. Точно также на югѣ Швейцаріи населеніе исключительно католическое,—протестанты сконцентрировались на сѣверѣ. И на картѣ самоубійствъ легко можно замѣтить, насколько эти двѣ части отличаются другъ отъ друга [2]).

Можно даже подумать, что онѣ принадлежатъ разнымъ странамъ. Хотя онѣ и соприкасаются другъ съ другомъ со всѣхъ сторонъ и находятся между собою въ непрерывномъ общеніи, каждая изъ нихъ сохраняетъ по отношенію къ самоубійству свою индивидуальность, и среднее число настолько же высоко въ одной, насколько низко въ другой. Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ въ сѣверной Швейцаріи, заключающей въ себѣ католическіе кантоны Люцернъ, Ури, Унтервальденъ, Швицъ и Цугъ, которые насчитываютъ, самое большое, 100 случаевъ самоубійствъ на 1 м. жителей, хотя окружены кантонами съ протестантскимъ населеніемъ, среди котораго самоубійства совершаются несравненно чаще.

Можно произвести и еще одинъ опытъ, который, какъ мы думаемъ, послужитъ только къ подтвержденію предыдущаго. Явленіе моральнаго зараженія можетъ распростра-

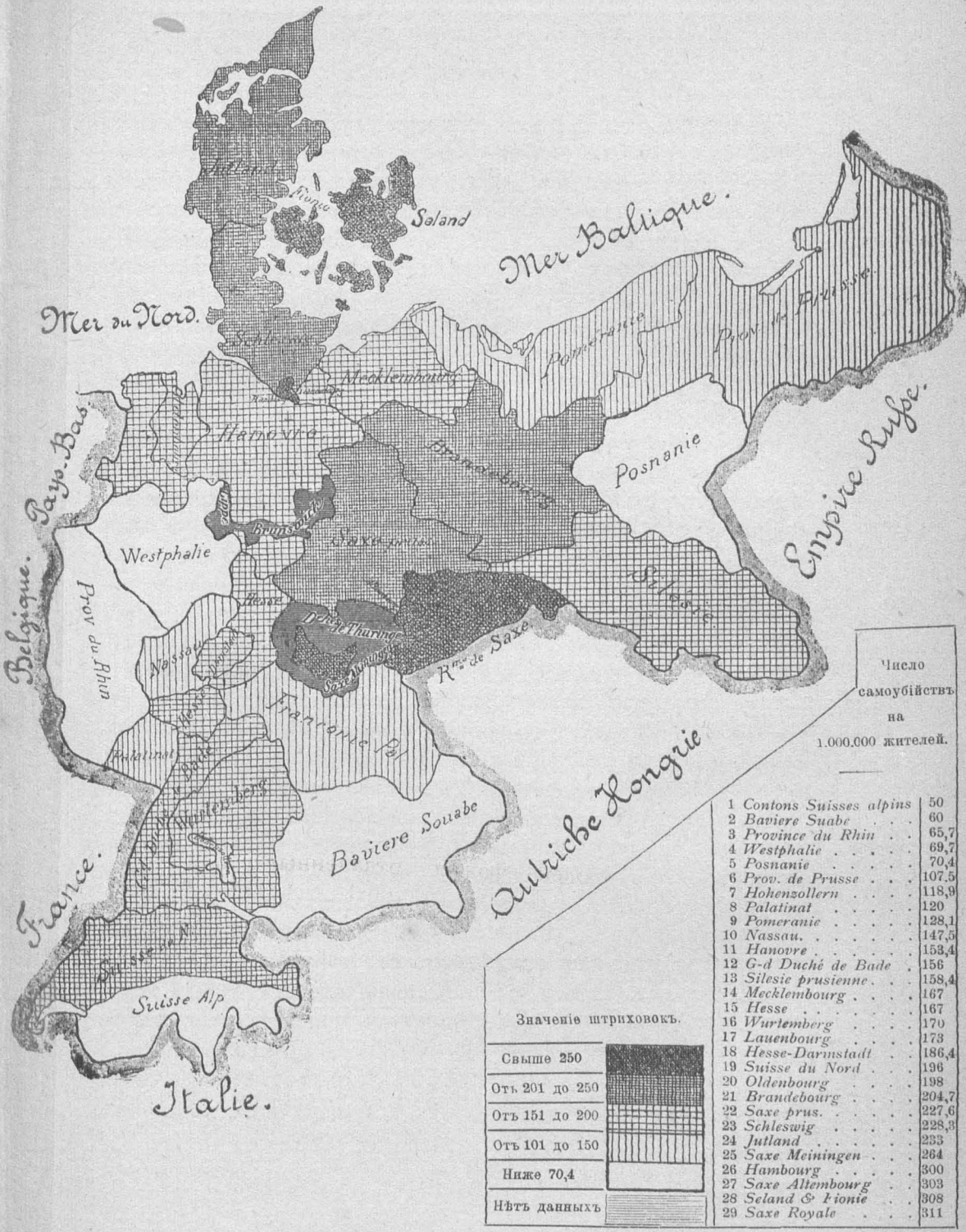
---

1) См. Діаграмму III.

2) См. ту же діаграмму III, а детали для каждаго кантона въ книгѣ II, гл. V, табл. XXVI.

Діаграмма III.

Самоубійства въ центральной Европѣ (по Марселли)

Число самоубійствъ на 1.000.000 жителей.

1	Contons Suisses alpins	50
2	Baviere Suabe	60
3	Province du Rhin	65,7
4	Westphalie	69,7
5	Posnanie	70,4
6	Prov. de Prusse	107,5
7	Hohenzollern	118,9
8	Palatinat	120
9	Pomeranie	128,1
10	Nassau.	147,5
11	Hanovre	153,4
12	G-d Duché de Bade	156
13	Silesie prusienne	158,4
14	Mecklembourg	167
15	Hesse	167
16	Wurtemberg	170
17	Lauenbourg	173
18	Hesse-Darmstadt	186,4
19	Suisse du Nord	196
20	Oldenbourg	198
21	Brandebourg	204,7
22	Saxe prus.	227,6
23	Schleswig	228,3
24	Jutland	233
25	Saxe Meiningen	264
26	Hambourg	300
27	Saxe Altembourg	303
28	Seland & Lionie	308
29	Saxe Royale	311

Значеніе штриховокъ.

Свыше 250	
Отъ 201 до 250	
Отъ 151 до 200	
Отъ 101 до 150	
Ниже 70,4	
Нѣтъ данныхъ	

няться двояко: или фактъ, служащій образцомъ, передается изъ устъ въ уста черезъ посредство такъ называемаго общественнаго мнѣнія, или его распространяютъ газеты. Обыкновенно оказываютъ вліяніе въ особенности послѣднія, и нельзя не признать, что онѣ дѣйствительно являются могучимъ орудіемъ распространенія идей. Если подражаніе и играетъ какую-нибудь роль въ развитіи самоубійствъ, то число послѣднихъ должно колебаться въ зависимости отъ того мѣста, которое газета занимаетъ въ общественномъ вниманіи.

Къ несчастію, трудно опредѣлить значеніе прессы. Не число періодическихъ изданій, а количество читателей одно можетъ измѣрить интенсивность ихъ вліянія. Въ странѣ, такъ мало централизованной, какъ Швейцарія, газетъ можетъ издаваться большое количество, такъ какъ каждое мѣстечко имѣетъ свой мѣстный органъ, но поскольку каждый изъ нихъ имѣетъ очень небольшое количество читателей, вліяніе его на мѣстную психику ничтожно: и наоборотъ, одна такая газета, какъ Times, New-York Herald, Petit Journal и т. д., оказываетъ вліяніе на необъятное количество людей. Вообще, повидимому, пресса неспособна оказывать того вліянія, которое ей приписываютъ, внѣ извѣстной централизаціи самой страны. Тамъ, гдѣ въ каждой области существуетъ своя особая жизнь, все лежащее далѣе горизонта мѣстнаго поля зрѣнія не интересуетъ людей; факты отдаленные протекаютъ незамѣченными, и по той же причинѣ свѣдѣнія о нихъ менѣе тщательно собираются, а, слѣдовательно, въ наличности имѣется меньше примѣровъ, вызывающихъ подражаніе. Совершенно другую картину представляютъ собою тѣ области, въ которыхъ нивеллировка мѣстной среды открываетъ любопытству и сочувствію болѣе обширное поле дѣйствія, и гдѣ, въ отвѣтъ на эти требованія, большіе ежедневные органы собираютъ свѣдѣнія обо всѣхъ важныхъ событіяхъ родины и сосѣднихъ странъ для того, чтобы затѣмъ разсылать о нихъ извѣстія по всѣмъ направленіямъ. Примѣры, со-

бранные вмѣстѣ, въ силу своего накопленія взаимно усиливаютъ другъ друга. Но легко понять, что почти невозможно сравнить число читателей различныхъ европейскихъ газетъ, а въ особенности опредѣлить, насколько мѣстный характеръ носятъ даваемыя ими свѣдѣнія. Хотя мы не можемъ подкрѣпить нашего утвержденія никакими документальными доказательствами, намъ трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы въ этихъ двухъ отношеніяхъ Франція и Англія уступали Даніи, Саксоніи и даже нѣкоторымъ странамъ, входящимъ въ составъ Германіи, а между тѣмъ число самоубійствъ тамъ значительно меньше. Точно также, не выходя изъ предѣловъ Франціи, нѣтъ никакого основанія предполагать, что къ югу отъ Луары меньше читаютъ газетъ, чѣмъ къ сѣверу отъ нея, хотя хорошо извѣстно, какой существуетъ контрастъ между сѣверомъ и югомъ Франціи въ процентномъ отношеніи самоубійствъ. Не желая приписывать незаслуженнаго значенія аргументу, который мы не можемъ обосновать точно установленными фактами, мы все же полагаемъ, что онъ достаточно правдоподобенъ для того, чтобы заслуживать нѣкотораго вниманія.

IV.

Въ заключеніе можно сказать, что если фактъ самоубійства можетъ передаваться отъ одного индивида къ другому, то, тѣмъ не менѣе, не было еще замѣчено, чтобы сила подражанія оказала вліяніе на соціальный процентъ самоубійствъ. Она легко можетъ рождать болѣе или менѣе многочисленные случаи индивидуальнаго характера, но не въ состояніи служить объясненіемъ неравной степени наклонности къ самоубійству у различныхъ странъ и внутри каждаго общества у частныхъ соціальныхъ группъ. Дѣйствіе этой силы всегда очень ограничено и, кромѣ того, носитъ перемежающійся характеръ. Если подражаніе и достигаетъ извѣстной степени интенсивности, то только на очень короткій промежутокъ времени.

Но существуетъ причина гораздо болѣе общаго характера, которая объясняетъ, почему результаты подражанія не отражаются на статистическихъ цифрахъ. Дѣло въ томъ, что предоставленное только самому себѣ, ограниченное только своими собственными силами, подражаніе не можетъ имѣть для самоубійства никакого значенія. У взрослаго человѣка, за очень небольшимъ количествомъ случаевъ болѣе или менѣе абсолютнаго моноидеизма, мысль о какомъ-либо дѣйствіи не служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы вызвать отвѣчающій ей поступокъ, если только тотъ индивидъ, въ голову котораго пришла данная мысль, самъ по себѣ не чувствуетъ особаго предрасположенія къ соотвѣтственному акту. „Я всегда замѣчалъ", говоритъ Морель, „что какъ бы ни было велико вліяніе, оказываемое подражаніемъ, но одного впечатлѣнія, произведеннаго разсказомъ или чтеніемъ о какомъ-нибудь выдающемся преступленіи, еще недостаточно для того, чтобы вполнѣ здоровыхъ умственно людей толкнуть на подобный же поступокъ" [1]). Точно также докторъ Paul Moreau de Tours полагаетъ, что заразительная сила самоубійства оказываетъ воздѣйствіе [2]) только на людей, сильно къ нему предрасположенныхъ. Правда, по его мнѣнію, это предрасположеніе по существу своему зависитъ отъ органическихъ причинъ; поэтому ему было бы довольно трудно объяснить нѣкоторые случаи, которымъ нельзя приписать такого происхожденія, если не допустить невѣроятной и почти чудесной комбинаціи условій. Какъ можно повѣрить тому, что 15 инвалидовъ, о которыхъ мы уже говорили, были всѣ подвержены нервному вырожденію? То-же самое можно сказать о фактахъ зараженія, такъ часто наблюдаемыхъ въ арміи или въ тюрмахъ. Но эти факты дѣлаются легко объяснимыми, какъ только мы признаемъ, что наклонность къ самоубійству можетъ зародиться подъ вліяніемъ соціальной среды, въ которую попалъ индивидъ.

---

[1]) Traité des Maladies mentales, стр. 243.
[2]) De la contagion du suicide, стр. 42.

Тогда мы имѣемъ право приписать факты самоубійства не какому-то необъяснимому случаю, который собралъ въ одну и ту же казарму или одинъ и тотъ же домъ заключенія значительное число индивидовъ, охваченныхъ одинаковымъ психическимъ разстройствомъ, но находимъ объясненіе въ воздѣйствіи общей среды, окружающей этихъ людей. И дѣйствительно мы увидимъ, что въ тюрьмахъ и полкахъ существуетъ коллективное состояніе, склоняющее къ самоубійству солдатъ и заключенныхъ съ такою же непосредственностью, какъ и сильнѣйшій изъ неврозовъ. Примѣръ здѣсь—только случайный поводъ, вызывающій проявленіе импульса, и безъ наличности этого импульса примѣръ не оказалъ бы никакого вліянія.

Можно поэтому сказать, что, за очень небольшими исключеніями, подражаніе не является самостоятельнымъ факторомъ самоубійства; посредствомъ него проявляется только то состояніе, которое есть дѣйствительная производящая причина самоубійства, и которое, вѣроятно, всегда нашло бы возможность произвести свое естественное дѣйствіе. Это послѣднее обнаружилось бы даже въ томъ случаѣ, если бы не было на лицо подражанія, такъ какъ очевидно, что предрасположеніе должно быть исключительно сильно для того, чтобы столь малый поводъ могъ вызвать его проявленіе въ дѣйствіи. Поэтому неудивительно, что факты не носятъ на себѣ печати подражанія; вѣдь само оно не оказываетъ рѣшающаго вліянія; а то дѣйствіе, которое имъ оказывается, ограничено очень узкими предѣлами.

Одно замѣчаніе практическаго характера можетъ быть выдвинуто здѣсь, какъ слѣдствіе этого теоретическаго вывода. Нѣкоторые авторы, приписывая подражанію вліяніе, котораго оно не имѣетъ въ дѣйствительности, требовали, чтобы описаніе самоубійствъ и преступленій было запрещено въ газетахъ[1]). Возможно, что это запрещеніе умень-

[1]) См. въ особенности Aubry, Contagion du meurtre, 1-ое изд., стр. 87.

шило бы на нѣсколько единицъ годовой итогъ этихъ явленій, но подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы оно могло измѣнить соціальный процентъ преступленій и самоубійствъ. Интенсивность коллективной наклонности осталась бы той же, такъ какъ моральный уровень соціальныхъ группъ отъ этого не измѣнился бы. Если принять во вниманіе тѣ проблематичные и, во всякомъ случаѣ, очень слабые результаты, которые могла бы имѣть эта мѣра, и тѣ значительныя неудобства, которыя повлекло бы за собой уничтоженіе всякой судебной гласности, то вполнѣ понятно будетъ, что въ данномъ случаѣ законодатель долженъ отнестись къ данному совѣту спеціалистовъ съ большимъ сомнѣніемъ. Въ дѣйствительности, если что и можетъ повліять на развитіе самоубійствъ или уголовной преступности, такъ не то, что о нихъ вообще говорятъ, а то, какъ о нихъ говорятъ. Тамъ, гдѣ эти акты находятъ себѣ полное осужденіе, вызываемое ими чувство отражается на самихъ отчетахъ о нихъ, и путемъ такого внушенія индивидуальное предрасположеніе скорѣе нейтрализуется и обезвреживается, нежели поощряется. Наоборотъ, когда общество въ моральномъ отношеніи лишено всякой опоры, состояніе неувѣренности, въ которомъ оно находится, внушаетъ ему нѣкоторую снисходительность къ безнравственнымъ поступкамъ; снисходительность эта невольно выражается каждый разъ, когда говорятъ о нихъ, и тѣмъ самымъ сглаживаетъ границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Тогда, дѣйствительно, приходится опасаться каждаго дурного примѣра не потому, что онъ опасенъ, какъ таковой, а потому, что терпимость или общественный индифферентизмъ пріуменьшаютъ то чувство отвращенія, которое онъ бы долженъ былъ вызывать.

Но эта глава съ особенной ясностью показываетъ, какъ мало обоснована теорія, дѣлающая подражаніе важнымъ источникомъ всей коллективной жизни. Нѣтъ явленія, болѣе легко передаваемаго путемъ зараженія, чѣмъ самоубійство, а между тѣмъ мы только что видѣли, что эта

заразительная сила не имѣетъ соціальныхъ послѣдствій. Если въ этомъ случаѣ подражаніе лишено соціальнаго вліянія, то оно не имѣетъ его и въ другихъ случаяхъ, и приписываемое ему значеніе только кажущееся. Конечно, въ очень тѣсной сферѣ оно можетъ явиться опредѣляющимъ мотивомъ нѣсколькихъ воспроизведеній одной и той же мысли или одного и того же поступка, но оно никогда не находитъ себѣ ни достаточно широкаго, ни достаточно глубокаго отзвука для того, чтобы проникнуть въ самую душу общества и произвести въ ней измѣненія. Коллективныя состоянія, благодаря почти единодушному и обыкновенно многолѣтнему признанію, слишкомъ упорны для того, чтобы какое-нибудь частное новшество могло достигнуть своей цѣли. Какимъ образомъ индивидъ, который—только индивидъ и ничего больше [1]), могъ бы получить достаточно силы для передѣлки общества на свой ладъ? Если бы мы не представляли себѣ соціальный міръ такъ же грубо, какъ первобытный человѣкъ представлялъ себѣ міръ физическій, если бы наперекоръ всѣмъ выводамъ науки мы, въ глубинѣ души и и не отдавая себѣ въ томъ отчета, не отрицали, что соціальныя явленія прямо пропорціональны вызвавшимъ ихъ причинамъ, то мы даже не остановились бы на концепціи, которая хотя и обладаетъ истинно библейской простотой, но находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ основными принципами мышленія. Въ настоящій моментъ больше уже не вѣрятъ, что зоологическіе виды суть не что иное, какъ индивидуальныя измѣненія, привитыя и распро-

---

[1]) Мы подразумѣваемъ въ данномъ случаѣ индивида внѣ той атмосферы довѣрія и восхищенія общества, которая увеличиваетъ его власть и силу. Дѣйствительно, совершенно ясно, что у какого-нибудь государственнаго человѣка или популярной личности къ индивидуальнымъ силамъ, даннымъ ему при рожденіи, присоединяются еще соціальныя силы, получаемыя имъ отъ тѣхъ коллективныхъ чувствъ, предметомъ которыхъ онъ является и которыя позволяютъ ему оказывать вліяніе на общественныя дѣла. Но это вліяніе люди пріобрѣтаютъ тогда, когда они не только отдѣльные индивиды, а нѣчто бо́льшее.

страненныя наслѣдственностью[1]). Нисколько не болѣе допустима теорія, утверждающая, что соціальный фактъ представляетъ собою только обобщенный фактъ индивидуальнаго хаѓактера; но менѣе всего пріемлемо предположеніе, что эта общность зависитъ отъ какой-то слѣпой силы заражения. Можно даже съ полнымъ и справедливымъ изумленіемъ отнестись къ тому, что еще необходимо оспаривать гипотезу, которая до сихъ поръ вызывала только возраженія, но не получила ни малѣйшаго подтвержденія. Никогда еще не было доказано по отношенію къ опредѣленному ряду соціальныхъ фактовъ, что подражаніе играло въ нихъ извѣстную роль, и еще меньше доказано, что оно одно могло бы объяснять какіе-либо факты. Обыкновенно довольствовались тѣмъ, что высказывали эту гипотезу въ формѣ аѓоризма, опираясь при этомъ на смутныя метафизическія предпосылки. Между тѣмъ соціологія можетъ претендовать на то, чтобы на нея смотрѣли какъ на науку, только въ томъ случаѣ, если тѣ, кто ее разрабатываютъ, не будутъ устанавливать догматовъ, освобождая себя отъ обязанности ихъ доказывать.

---

[1]) См. Delage, La structure du protoplasme et les théories de l'hérédité, Paris, 1895. Стр. 813 и слѣд.

КНИГА II.

Соціальныя причины и соціальные типы.

Глава I.

Методъ ихъ опредѣленія.

Результаты предыдущей книги носятъ не только отрицательный характеръ. Мы установили въ ней, что въ каждой соціальной группѣ существуетъ совершенно специфическая наклонность къ самоубійству, не объяснимая ни физико-органическимъ строеніемъ индивидовъ, ни физической природой окружающей ихъ среды. Отсюда, по методу исключенія, вытекаетъ, что наклонность эта неизбѣжно должна зависѣть отъ соціальныхъ причинъ и представлять собой коллективное явленіе; нѣкоторые разсмотрѣнные нами факты, въ особенности же географическія и сезонныя колебанія процента самоубійствъ, привели насъ именно къ такому заключенію. Эту наклонность мы должны теперь изучить ближе и болѣе тщательно.

I.

Для того, чтобы достигнуть намѣченной нами цѣли, всего лучше, какъ кажется, будетъ разсмотрѣть сначала, представляетъ-ли интересующая насъ наклонность явленіе простое, неразложимое или же состоитъ изъ цѣлой совокупности различныхъ наклонностей, которыя можно расчленить анализомъ и слѣдуетъ изучать въ отдѣльности. Мы предлагаемъ въ данномъ случаѣ избрать нижеслѣдующій путь. Является-ли наклонность къ самоубійству по существу сво-

ему единой или нѣтъ,—все равно наблюдать ее мы сможемъ только путемъ индивидуальныхъ случаевъ, и потому эти послѣдніе надо взять отправной точкой нашего анализа. Слѣдуетъ разсмотрѣть возможно большее число самоубійствъ, конечно, помимо тѣхъ случаевъ, когда оно вызвано психическимъ разстройствомъ, и дать имъ всѣмъ подробное описаніе. Если окажется, что всѣ они по существу обладаютъ одними и тѣми же признаками, — то мы помѣстимъ ихъ въ одинъ и тотъ же классъ; въ противномъ, и гораздо болѣе вѣроятномъ, случаѣ — вѣдь самоубійства слишкомъ различны по своему характеру, чтобы не распадаться на разновидности — надо будетъ установить извѣстное число видовъ, основываясь на сходствѣ и различіи конкретныхъ фактовъ самоубійства. Сколько будетъ установлено различныхъ типовъ самоубійствъ, столько же придется признать тѣхъ обособленныхъ тенденцій къ самоубійству, причины и относительную важность которыхъ мы хотимъ здѣсь выяснить. Мы слѣдовали приблизительно этому методу, когда самымъ бѣглымъ образомъ разсматривали самоубійство умалишенныхъ.

Къ несчастію, классификація сознательныхъ самоубійствъ по ихъ формамъ или морфологическимъ признакамъ практически неосуществима, такъ какъ необходимыя для этого данныя почти цѣликомъ отсутствуютъ. Для реализаціи подобной попытки потребовалось бы точное описаніе большого количества частныхъ случаевъ самоубійствъ; надо было бы узнать, въ какомъ психическомъ состояніи находился самоубійца въ моментъ своего рѣшенія покончить съ собой, какъ онъ приготовлялся къ его выполненію и какъ осуществилъ его въ послѣднюю минуту: надо знать, находился-ли онъ въ возбужденномъ или подавленномъ состояніи, былъ-ли онъ спокоенъ или взолнованъ, охваченъ тоскою или раздраженъ и т. д. У насъ почти нѣтъ указаній подобнаго рода, исключая нѣкоторые случаи самоубійствъ умалишенныхъ, которые намъ извѣстны благодаря наблюденіямъ и описаніямъ психіатровъ, уста-

новившихъ главные типы такихъ самоубійствъ, гдѣ опредѣляющей причиной служитъ безуміе. Что же касается другихъ случаевъ, то мы лишены о нихъ почти всякихъ свѣдѣній. Одинъ только Brierre de Boismont пытался выполнить эту задачу и составилъ описаніе 328 случаевъ самоубійствъ, въ которыхъ самоубійцы оставляли послѣ себя письма или записки, использованныя авторомъ въ его книгѣ. Но прежде всего подобная сводка матерьяла не исчерпываетъ вопроса; а затѣмъ признанія, касающіяся предсмертнаго состоянія, сдѣланныя самимъ самоубійцей, чаще всего крайне недостаточны, если только не возбуждаютъ сомнѣнія въ своей искренности. Человѣкъ такъ легко ошибается относительно самого себя и относительно природы своего настроенія; ему, напримѣръ, кажется, что онъ дѣйствуетъ вполнѣ хладнокровно, тогда какъ онъ находится на высшей ступени возбужденія. Наконецъ, помимо того, что эти данныя недостаточно объективны, онѣ относятся къ такому небольшому количеству фактовъ, что изъ нихъ нельзя вывести вполнѣ точныхъ заключеній. Мы можемъ въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить нѣкоторыя демаркаціонныя линіи и постараемся использовать всѣ вытекающіе изъ нихъ выводы, хотя они и слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы послужить основаніемъ для правильной классификаціи. Наконецъ, принимая во вниманіе самую обстановку, при которой совершается большинство самоубійствъ, нужно признать, что необходимыя для насъ наблюденія почти неосуществимы.

Но для достиженія нашей цѣли, мы можемъ идти другимъ путемъ; для этого достаточно будетъ измѣнить порядокъ нашего изысканія. Въ самомъ дѣлѣ, различные типы самоубійствъ могутъ вытекать только изъ различныхъ опредѣляющихъ причинъ. Каждый изъ этихъ типовъ можетъ имѣть свою особую природу лишь въ томъ случаѣ, если имѣются на лицо специфическія условія его осуществленія. Одно и то же обстоятельство или стеченіе обстоятельствъ не можетъ вызывать то одно, то другое послѣд-

ствіе, такъ какъ иначе разность результатовъ была бы необъяснима и являлась-бы отрицаніемъ принципа причинности. Поскольку мы можемъ констатировать специфическое различіе между причинами, постольку мы должны ожидать подобнаго же различія между послѣдствіями. Исходя изъ этого положенія, мы можемъ установить соціальные типы самоубійствъ не путемъ непосредственной классификаціи, опирающейся на предварительное описаніе ихъ характерныхъ особенностей, а классифицируя самыя причины, вызывающія ихъ. Не касаясь вопроса, почему онѣ различаются однѣ отъ другихъ, мы прежде всего изслѣдуемъ, каковы тѣ соціальныя условія, отъ которыхъ онѣ зависятъ. Затѣмъ мы сгруппируемъ условія по ихъ сходству и различію въ отдѣльные классы и можемъ быть тогда увѣренными въ томъ, что каждый такой классъ будетъ соотвѣтствовать опредѣленному типу самоубійствъ. Однимъ словомъ, наша классификація будетъ этіологической, вмѣсто того, чтобы быть только морфологической. Подобный результатъ въ качественномъ отношеніи нисколько не ниже, такъ какъ мы можемъ гораздо глубже проникнуть въ природу явленія въ томъ случаѣ, если намъ извѣстна его причина, чѣмъ въ томъ случаѣ, если извѣстны только его признаки, хотя бы и самые существенные.

Правда, у этого метода есть тотъ недостатокъ, что онъ постулируетъ различіе типовъ, не описывая ихъ непосредственно; онъ можетъ опредѣлить самый фактъ существованія типовъ, число ихъ, но не характерные ихъ признаки. Къ счастію, у насъ есть способъ, который можетъ помочь намъ хотя бы до нѣкоторой степени пополнить этотъ пробѣлъ. Если намъ извѣстна природа причинъ, производящихъ то или иное явленіе, то легко умозаключить о природѣ послѣдствій, которыя, такимъ образомъ, сразу будутъ характеризованы и классифицированы именно тѣмъ, что мы сведемъ ихъ къ ихъ источникамъ.

Правда, если бы эта дедукція не руководилась фактами, то она могла бы привести къ совершенно фантастическимъ

комбинаціямъ. Но мы можемъ освѣтить ее съ помощью нѣкоторыхъ имѣющихся у насъ указаній относительно морфологіи самоубійства. Сами по себѣ эти свѣдѣнія слишкомъ неполны и недостовѣрны для того, чтобы лечь въ основаніе классификаціи; но они могутъ быть утилизированы, разъ рамки такой классификаціи уже установлены. Они укажутъ намъ, какое направленіе должна принять эта дедукція, и, обращаясь къ тѣмъ примѣрамъ, которые они предоставляютъ въ наше распоряженіе, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что образованные такимъ дедуктивнымъ способомъ виды не будутъ плодами нашего воображенія. Итакъ, отъ причинъ мы поднимемся къ слѣдствіямъ, и наша этіологическая классификація пополнится морфологической, такъ что мы будемъ въ состояніи взаимно провѣрять одну посредствомъ другой.

Со всѣхъ точекъ зрѣнія этотъ обратный методъ оказывается единственнымъ, отвѣчающимъ требованіямъ поставленной нами соціальной проблемы. Не надо забывать, что изучаемый нами предметъ—это соціальный процентъ самоубійствъ; и потому насъ должны интересовать только тѣ типы, которые оказываютъ на него вліяніе, въ зависимости отъ которыхъ онъ измѣняется. Между тѣмъ, не всѣ индивидуальныя разновидности добровольныхъ смертей обладаютъ этимъ свойствомъ. Нѣкоторые виды самоубійства, будучи достаточно распространенными, или не связаны вовсе съ моральнымъ темпераментомъ общества, или недостаточно тѣсно связаны съ нимъ для того, чтобы представлять собою характерный элементъ того особеннаго облика, которымъ обладаетъ каждый народъ съ точки зрѣнія наклонности къ самоубійству. Мы видѣли выше, что алкоголизмъ не относится къ числу факторовъ, отъ которыхъ зависитъ специфическая для каждаго общества наклонность къ самоубійству; и однако не подлежитъ сомнѣнію, что довольно большое количество самоубійствъ совершается на алкоголической почвѣ. Даже самое подробное и точное описаніе частныхъ случаевъ не

поможетъ намъ опредѣлить, какіе именно изъ нихъ носятъ соціологическій характеръ. Если хотятъ узнать, изъ какихъ элементовъ состоитъ самоубійство, разсматриваемое какъ коллективное явленіе, то съ самаго начала нужно изслѣдовать его въ его коллективной формѣ, т. е. путемъ статистическихъ данныхъ.

Предметомъ анализа надо взять непосредственно соціальный процентъ самоубійствъ и идти отъ цѣлаго къ частямъ. Ясно, что анализировать этотъ процентъ можно только по отношенію его къ различнымъ, вызывающимъ его причинамъ, такъ какъ сами по себѣ единицы, изъ которыхъ онъ состоитъ, совершенно однородны по качеству и ничѣмъ одна отъ другой не отличаются. Поэтому, не теряя времени, слѣдуетъ приступить къ опредѣленію этихъ причинъ, а затѣмъ перейти къ тому, какъ онѣ отражаются на индивидахъ.

II.

Но какимъ образомъ можно изслѣдовать эти причины? Въ протоколахъ, составляемыхъ по поводу каждаго самоубійства, указываютъ между прочимъ ту побудительную причину (семейное горе, физическое или какое-либо другое страданіе, угрызеніе совѣсти, пьянство и т. д.), которая повидимому была его опредѣляющимъ мотивомъ; и въ каждой почти странѣ въ статистическихъ отчетахъ есть спеціальная таблица, гдѣ сведены результаты такого изслѣдованія подъ заголовкомъ: „Предполагаемые мотивы самоубійства“. Казалось бы, всего естественнѣе воспользоваться этою готовою ужъ работой и начать наше изысканіе сравненіемъ этихъ документовъ. Въ самомъ дѣлѣ, они указываютъ намъ, повидимому, на обстоятельства, непосредственно предшествовавшія совершенію различнаго рода самоубійствъ; не будетъ-ли поэтому вполнѣ правильнымъ методомъ обратиться, для объясненія изучаемаго нами

явленія, къ этимъ наиболѣе близкимъ причинамъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ въ случаѣ надобности перейти къ ряду другихъ.

Но, какъ уже очень давно замѣтилъ Вагнеръ, то, что называется статистикой мотивовъ самоубійствъ, есть, на самомъ дѣлѣ, не что иное, какъ статистика тѣхъ мнѣній, которыя составляютъ себѣ по поводу этихъ мотивовъ чины, зачастую низшіе чины полиціи, обязанные собирать соотвѣтственныя свѣдѣнія.

Къ несчастію, извѣстно, что оффиціальныя свѣдѣнія бываютъ очень часто извращенными и неполными даже тогда, когда касаются только матерьяльныхъ и очевидныхъ сторонъ факта, доступныхъ всякому добросовѣстному наблюдателю и не нуждающихся ни въ какой оцѣнкѣ. Тѣмъ большее сомнѣніе должны вызывать эти свѣдѣнія, когда своею задачей они имѣютъ не простую регистрацію происшествій, а пониманіе и объясненіе ихъ. Опредѣленіе причины какого-нибудь явленія всегда является очень трудной проблемой; даже ученому нуженъ цѣлый рядъ наблюденій и экспериментовъ для того, чтобы разрѣшить хотя бы одинъ изъ вопросовъ подобнаго рода. Къ тому же, проявленія человѣческой воли принадлежатъ къ числу самыхъ сложныхъ явленій. Легко понять, какъ мало цѣнности могутъ имѣть для насъ эти, зачастую импровизированныя мнѣнія полиціи, составляющіяся на основаніи поспѣшно собранныхъ справокъ и въ то же самое время претендующія на указаніе опредѣленной причины каждаго частнаго случая. Какъ только оказывается, что въ прошломъ самоубійцы можно найти факты, которые, по господствующему убѣжденію, способны привести человѣка къ полному отчаянію, всякія дальнѣйшія поиски причинъ прекращаются, и смотря по тому, какія обстоятельства установлены, — т. е. претерпѣлъ-ли человѣкъ денежныя потери, или семейное горе, или имѣлъ наклонность къ спиртнымъ напиткамъ, — самоубійство приписывается либо пьянству, либо домашнимъ неурядицамъ, либо разстройству въ дѣлахъ. Каждый пони-

маетъ, что нельзя въ основаніе объясненія самоубійства класть такія сомнительныя свѣдѣнія.

Мало того, даже если бы они заслуживали большей вѣры, то и тогда не оказали бы намъ значительной помощи, потому что опредѣляющіе мотивы, которымъ, правильно или неправильно, приписывается самоубійство, въ дѣйствительности не являются настоящими его причинами. Доказательствомъ этого утвержденія является то обстоятельство, что относительное число случаевъ, приписываемое статистикой каждой изъ этихъ предполагаемыхъ причинъ, остается почти неизмѣннымъ, тогда какъ абсолютныя числа, наоборотъ, подвергаются очень значительному измѣненію. Во Франціи, начиная съ 1856 до 1878 г., число самоубійствъ увеличивается приблизительно на 40 %, а въ Саксоніи больше, чѣмъ на 100 %, въ теченіе періода 1854—1880 (1171 случай, вмѣсто 547). А между тѣмъ мы видимъ, что въ этихъ двухъ странахъ каждая категорія мотивовъ въ продолженіе всѣхъ періодовъ сохраняетъ то же самое вліяніе (См. таб. XVII).

ТАБЛИЦА XVII (по Legoyt).

Мѣсто, занимаемое каждой категоріей мотивовъ на 100 годовыхъ случаевъ самоубійствъ для обоего пола.

	ФРАНЦІЯ.			
	Мужчины.		Женщины.	
	1856—60	1874—78	1856—60	1874—78
Бѣдность, потеря состоянія	13,30	11,79	5,38	5.77
Семейное горе	11,68	12,53	12,79	16,00
Любовь, ревность, распутство, безпутная жизнь	15,48	16,98	13,16	12,20
Различныя непріятности	23,70	23,43	17,16	20,22
Психическое разстройство	25,67	27,09	45,75	41,81
Угрызенія совѣсти, боязнь кары за преступленіе	0,84	—	0,19	—
Другія причины и неизвѣстныя прич.	9,33	8,18	5,57	4.
ИТОГО	100,00	100,00	100,00	100,00

	САКСОНІЯ. (По Oettingen изъ „Moralstatistik“).			
	Мужчины.		Женщины.	
	1854—78	1880	1854—78	1880
Физическія страданія	5,64	5,86	7,43	7,98
Семейныя непріятности	2,39	3,30	3,18	1,72
Бѣдность и потеря состоянія.	9,52	11,28	2,80	4,42
Развратъ, страсть къ игрѣ	11,15	10,74	1,59	0,44
Угрызенія совѣсти, боязнь преслѣдованія	10,41	8,51	10,44	6,21
Несчастная любовь	1,79	1,50	3,74	6,20
Психическое разстройство, религіозное помѣшательство.	27,94	30,27	50,64	54,43
Въ состояніи гнѣвнаго раздраженія. .	2,00	3,29	3,04	3,09
Отвращеніе къ жизни	9,58	6,67	5,37	5,76
Неизвѣстныя причины.	19,58	18,58	11,77	9,75
ИТОГО	100,00	100,00	100,00	100,00

Если считать приведенныя въ этой таблицѣ цифры лишь грубо приблизительными и если, поэтому, не приписывать большого значенія ихъ небольшимъ измѣненіямъ, то можно признать ихъ довольно постоянными. Но для того, чтобы каждая часть, приписываемая той или иной причинѣ, оставалась неизмѣнной въ то время, какъ удвоилось общее число самоубійствъ, необходимо допустить, что каждая изъ этихъ частей также возросла вдвое. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о случайномъ стеченіи обстоятельствъ, поскольку всѣ причины одновременно вызываютъ вдвое большую смертность. Волей или неволей приходится прійти къ тому заключенію, что всѣ они поставлены въ зависимость отъ какого-то болѣе общаго условія, вліяніе котораго они, въ лучшемъ случаѣ, только приблизительно отражаютъ на себѣ. Именно это общее условіе дѣлаетъ ихъ

болѣе или менѣе продуктивными въ смыслѣ числа самоубійствъ и поэтому служитъ истинною опредѣляющею причиною этого послѣдняго. Поэтому намъ необходимо прежде всего познакомиться съ этимъ условіемъ, не останавливаясь на тѣхъ отдаленныхъ его отголоскахъ, которые могутъ наблюдаться въ сознаніи отдѣльныхъ индивидовъ.

Другой заимствуемый нами у Legoyt [1]) фактъ указываетъ еще лучше на то, къ чему сводится причинное воздѣйствіе этихъ различныхъ мотивовъ. Не существуетъ болѣе разнородныхъ занятій, чѣмъ земледѣліе и свободныя профессіи. Жизнь артиста, ученаго, адвоката, чиновника ничѣмъ не напоминаетъ жизнь человѣка, занимающагося земледѣльческимъ трудомъ; поэтому можно съ достовѣрностью сказать, что соціальныя причины самоубійства не будутъ однородными для тѣхъ и другихъ. А между тѣмъ въ этихъ двухъ соціальныхъ категоріяхъ самоубійства не только приписываются одинаковымъ мотивамъ, но взаимоотношенія различныхъ причинъ почти не отличаются другъ отъ друга въ обоихъ случаяхъ. Мы приводимъ здѣсь за періодъ 1874—78 гг. процентное отношеніе главныхъ мотивовъ самоубійствъ въ этихъ двухъ профессіяхъ для Франціи:

	Земледѣліе.	Свободныя занятія.
Потеря мѣста или состоянія, нищета	8,15	8,87
Семейное горе	14,45	13,14
Отвергнутая любовь, ревность .	1,48	2,01
Пьянство и періодическій запой .	13,23	6,41
Самоубійство преступниковъ . .	4,09	4,73
Физическія страданія	15,91	19,89
Психическое разстройство . .	35,80	34,04
Отвращеніе къ жизни, различнаго рода непріятности	2,93	4,94
Неизвѣстныя причины	3,96	5,87
	100,00	100,100

За исключеніемъ пьянства и запоя, цифры, особенно высокія, очень мало отличаются между собою въ этихъ

[1]) *Op. cit.*, стр. 358.

двухъ столбцахъ. Основываясь на одномъ разсмотрѣніи мотивовъ, можно было бы подумать, что въ этихъ двухъ случаяхъ причины, вызывающія самоубійство, если и не обладаютъ одинаковою интенсивностью, то по крайней мѣрѣ одинаковы по своей природѣ. А между тѣмъ совершенно разнородныя силы толкаютъ на самоубійство примитивнаго землероба и утонченнаго горожанина. Таблица доказываетъ только то, что мотивы, приписываемые самоубійцей самому себѣ, не даютъ объясненія его поступку, и въ дѣйствительности являются, въ большинствѣ случаевъ, лишь кажущимися причинами. Онѣ представляютъ собою не что иное, какъ индивидуальное отраженіе общаго условія, къ тому же очень неправильное, такъ какъ оно остается неизмѣннымъ, когда это условіе кореннымъ образомъ мѣняется. Можно сказать, что онѣ указываютъ на тѣ слабыя стороны индивида, благодаря которымъ внѣшнее вліяніе, толкающее его на самоубійство, съ большею легкостью проникаетъ въ его психику, но не входятъ въ составъ этого внѣшняго вліянія и, поэтому, не смогутъ намъ помочь понять интересующее насъ явленіе.

Мы поэтому нисколько не сожалѣемъ, что нѣкоторыя страны, въ родѣ Англіи или Австріи, отказываются отъ собиранія этихъ свѣдѣній относительно предполагаемыхъ причинъ самоубійства. Усилія статистики должны обратиться совсѣмъ въ другую сторону: вмѣсто того, чтобы стараться разрѣшить недоступныя проблемы моральной казуистики, надо, чтобы статистика съ большею точностью регистрировала соприсутствующія самоубійству соціальныя условія. Во всякомъ случаѣ, мы поставили себѣ за правило не допускать въ наши изслѣдованія вмѣшательства такихъ сомнительныхъ и малопригодныхъ свѣдѣній; ученымъ, занимавшимся изученіемъ вопроса о самоубійствѣ, никогда не удавалось извлечь изъ этихъ свѣдѣній никакого интереснаго закона. Поэтому мы будемъ обращаться къ ихъ содѣйствію только тогда, когда къ этому побудитъ насъ какой-либо спеціальный интересъ и когда

ихъ достовѣрность въ данномъ частномъ случаѣ чѣмъ-либо гарантирована. Не касаясь вопроса о томъ, въ какой формѣ могутъ у отдѣльныхъ индивидовъ выражаться причины, производящія самоубійство, мы непосредственно обратимся къ опредѣленію этихъ послѣднихъ. Оставивъ въ сторонѣ индивида, какъ индивида, его мотивы и идеи, мы прямо спросимъ себя, каковы тѣ различныя состоянія соціальной среды (религіозныя вѣрованія, семья, политическая жизнь, профессіональныя группы и т. д.), подъ вліяніемъ которыхъ измѣняется процентъ самоубійствъ. И только затѣмъ, возвращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ, мы разсмотримъ, какимъ образомъ индивидуализируются эти общія причины, вызывая конкретные акты самоубійства.

ГЛАВА II.

Эгоистическое самоубійство.

Разсмотримъ, какимъ образомъ различныя вѣроисповѣданія вліяютъ на самоубійство.

I.

Если посмотрѣть на европейскую карту самоубійствъ, то съ перваго уже взгляда бросится въ глаза, что въ чисто католическихъ странахъ, какъ-то въ Испаніи, Португаліи и Испаніи, самоубійства развиты очень мало, тогда какъ максимумъ ихъ наблюдается въ протестантскихъ странахъ, въ Пруссіи, Саксоніи и Даніи. Нижеслѣдующія среднія цифры, выведенныя Морселли, подтверждаютъ это первое впечатлѣніе.

Среднее число самоубійствъ на 1 мил. жит.

Государства	протестантскія	190
„	смѣшанныя (прот. и кат.). . .	96
„	римско-католическія	58
„	греко-католическія . , . . .	40

Впрочемъ, низкій уровень самоубійствъ у греко-като-

ликовъ не можетъ быть съ увѣренностью приписанъ вліянію религіи, такъ какъ цивилизація этихъ странъ рѣзко отличается отъ цивилизаціи другихъ европейскихъ націй, а слѣдовательно эти культурныя различія и могутъ оказаться причиной неодинаково выраженной наклонности къ самоубійству. Но нельзя сказать того-же самаго относительно большинства католическихъ и протестантскихъ обществъ. Безспорно, не всѣ эти страны находятся на одинаковомъ моральномъ и интеллектуальномъ уровнѣ, но сходство между ними настолько велико, что мы имѣемъ нѣкоторое право приписать различію вѣроисповѣднаго культа тотъ очевидный контрастъ, который они собою представляютъ по отношенію къ самоубійству.

Это первое сравненіе носитъ, однако, слишкомъ суммарный характеръ; несмотря на свое несомнѣнное сходство, та соціальная среда, въ которой живетъ населеніе этихъ различныхъ странъ, не вполнѣ однородна. Цивилизація Испаніи и Португаліи во многомъ уступаетъ Германіи, и это обстоятельство можетъ быть причиной того, что развитіе самоубійства въ нихъ не одинаково. Для того, чтобы избѣгнуть этой ошибки и съ большею достовѣрностью опредѣлить вліяніе католичества и протестантизма на наклонность къ самоубійству, надо сравнить роль этихъ двухъ религій внутри одного и того же общества.

Среди большихъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской Имперіи, наименьшее число самоубійствъ приходится на долю Баваріи. Тамъ едва насчитывается до 90 годовыхъ случаевъ на 1 мил. жителей начиная съ 1874 г., тогда какъ въ Пруссіи въ 1871—75 г. ихъ было 133, въ герцогствѣ Баденскомъ—156, Вюртембергѣ—162, Саксоніи—300; въ то же время, именно здѣсь болѣе всего католиковъ: 713,2 на 1000 жит. Если мы съ другой стороны сравнимъ различныя провинціи этого королевства, то увидимъ, что число самоубійствъ прямо пропорціонально числу протестантовъ и обратно пропорціонально числу католиковъ (см. нижеслѣд. таблицу).

Баварскія провинціи (1867—75).*

Провинціи съ католическимъ меньшинствомъ (меньше 50%)	Число самоубійствъ на 1 м. жителей.	Провинціи съ католическимъ большинствомъ (отъ 50 до 90%)	Число самоубійствъ на 1 м. жителей	Провинціи, гдѣ больше чѣмъ 90% католиковъ.	Число самоубійствъ на 1 м. жителей
Рейнскій Пфальцъ	167	Нижняя Франконія	157	Верхній Пфальцъ	64
Центральная Франконія	207	Швабія	118	Верхняя Баварія	114
Верхняя Франконія	204			Нижняя Баварія	49
Средняя	192	Средняя	135	Средняя	75

Вышеизложенный законъ подтверждается не только соотношеніемъ среднихъ чиселъ, но всѣ числа перваго столбца превышаютъ числа второго, а числа второго превышаютъ числа третьяго, безъ всякаго исключенія. То же самое мы видимъ и въ Пруссіи. Въ 14 сопоставленныхъ въ нашей таблицѣ провинціяхъ мы имѣемъ только два незначительныя исключенія: Силезія, которая, въ силу относительно высокаго числа самоубійствъ, должна бы была стоять во второмъ столбцѣ, находится только въ третьемъ, тогда какъ, наоборотъ, Померанія стоитъ въ первомъ столбцѣ, въ то время какъ ея мѣсто должно бы быть во второмъ.

Провинціи Пруссіи (1883—90 г.)

Провинціи, гдѣ протестантовъ больше чѣмъ 90%.	Число самоубійствъ на 1 м. жителей	Провинціи, гдѣ протестантовъ отъ 89—68%.	Число самоубійствъ на 1 м. жителей	Провинціи, гдѣ протестантовъ отъ 40—50%	Число самоубійствъ на 1 м. жителей	Провинціи, гдѣ протестантовъ отъ 32—28%	Число самоубійствъ на 1 м. жителей
Саксонія . .	309,4	Ганноверъ .	212,3	Западная	123,9	Познань . . .	96,4
Шлезвигъ .	312,9	Гессенъ. . .	200,3	Пруссія . . .		Рейнская	
Померанія .	171,5	Бранденбургъ Берлинъ	296,3	Силезія . . .	260,2	Провинція . .	100,3
				Вестфалія. .	107,5	Гогенцоллернъ	90,1
		Восточная Пруссія . . .	171,3				
Средняя	264,6	—	220,0	—	163,6	—	95,6

*) Населеніе, ниже 15-лѣтн. возраста, изъ этой таблицы исключено.

Съ этой же точки зрѣнія поучительную картину представляетъ Швейцарія:

Французскіе кантоны	Нѣмецкіе кантоны	Во всей Конфедераціи
Католическіе (83 случая на 1 м. ж.) Протестантскіе (453 случая на 1 м. ж.)	Католическіе (87 случаевъ на 1 м. ж.) Протестантскіе (293 случая на 1 м. ж.)	Католическіе кантоны (86,7 случаевъ) Смѣшанные кантоны (212,0 случаевъ) Протестантскіе кантоны (326,6 случаевъ)

Въ этой странѣ встрѣчается и нѣмецкое, и французское населеніе, и потому въ ней можно наблюдать въ отдѣльности вліяніе культа на каждой изъ этихъ двухъ расъ. Мы видимъ изъ таблицы, что вліяніе одинаково въ обоихъ случаяхъ. Католическіе кантоны, независимо отъ національности ихъ населенія, даютъ въ 4 или въ 5 разъ меньше самоубійствъ, чѣмъ протестантскіе. Слѣдовательно, вліяніе религіи такъ велико, что превышаетъ всякое другое.

Кромѣ того, въ довольно большомъ количествѣ случаевъ удалось непосредственно опредѣлить число самоубійствъ на 1 мил. жит. каждаго вѣроисповѣданія. Мы приводимъ цифры, полученныя нѣсколькими наблюдателями.

ТАБЛИЦА XVIII.

Число самоубійствъ въ различныхъ странахъ на 1 м. лицъ каждой религіи.

	Протестанты	Католики	Евреи	Имя наблюдателя
Австрія . . . . (1852—59)	79,5	51,3	20,7	Вагнеръ
Пруссія . . . . (1849—55)	159,9	49,6	46,4	id.
— . . . . (1869—72)	187	69	96	Морселли
— . . . . (1890)	240	100	180	Принцингъ
Баденъ . . . . (1852—62)	139	117	87	Легуа

Продолженіе XVIII таблицы.

	Протестанты	Католики	Евреи	Имя наблюдателя.
Баденъ . . . . (1870—74)	171	136,7	124	Морселли
— . . . . (1878—88)	242	170	210	Принцингъ
Баварія . . . . (1844—56)	135,4	49,1	105,9	Морселли
— . . . . (1884—91)	224	94	193	Принцингъ
Вюртембергъ (1846—60)	113,5	77,9	65,6	Вагнеръ
— . . . . (1873—76)	190	120	60	авторъ
— . . . . (1881—90)	170	119	142	id.

Мы видимъ, что вездѣ, безъ всякаго исключенія, [1]) среди протестантовъ насчитывается большее число самоубійствъ, чѣмъ среди населенія другихъ вѣроисповѣданій. Отклоненія колеблются между минимумомъ въ 20—30% и максимумомъ въ 300%. Напрасно Мауг [2]) противъ такой согласованности фактовъ приводитъ исключеніе въ лицѣ Норвегіи и Швеціи, гдѣ, хотя населеніе и протестантское, но число самоубійствъ не велико. Прежде всего, какъ мы уже замѣтили въ началѣ этой главы, эти международныя сравненія не достаточно убѣдительны, если они не относятся къ большому числу сравниваемыхъ странъ; но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ они не могутъ играть большой роли. Между жителями Скандинавскаго полуострова и населеніемъ центральной Европы существуетъ слишкомъ явное различіе, вслѣдствіе чего протестантизмъ, естественно, не въ состояніи оказывать на тѣхъ и другихъ вполнѣ одинаковаго вліянія. Кромѣ того, хотя самъ по себѣ процентъ самоубійствъ въ этихъ двухъ странахъ недостаточно высокъ, онъ все же относительно представляется довольно значительнымъ,

[1]) Мы не имѣемъ указаній относительно того, какое вліяніе оказываетъ религія во Франціи. Но Leroy, въ своемъ изслѣдованіи о Seine-et-Marne, говоритъ, что въ коммунахъ Quincy, Nanteuil-les-Meaux, Mareuil протестанты даютъ 1 случай на 310 жителей, а католики 1 на 678 (*op. cit.*, стр. 203).

[2]) „Handwörterbuch der Staatswissenschaften".

если принять во вниманіе то скромное мѣсто, которое занимаютъ эти страны среди цивилизованныхъ народовъ Европы. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что эти народы находятся на болѣе высокомъ интеллектуальномъ уровнѣ, чѣмъ Италія, хотя въ нихъ населеніе лишаетъ себя жизни въ 2—3 раза больше (вмѣсто 40—67, 90—100 случаевъ на 1 м. жит.). Не является-ли протестантство опредѣляющей причиной этого относительнаго возрастанія? Такимъ образомъ, данный фактъ не только не подрываетъ установленнаго нами закона, но, напротивъ, служитъ къ его подтвержденію [1]).

Что касается евреевъ, то ихъ наклонность къ самоубійству всегда слабѣе, чѣмъ у протестантовъ; въ большинствѣ случаевъ, она слабѣе также, хотя и въ меньшей пропорціи, чѣмъ у католиковъ. Но тѣмъ не менѣе случается, что это послѣднее соотношеніе нарушается, особенно въ новѣйшее время [2]). Вплоть до половины 19-го вѣка евреи лишали себя жизни меньше, чѣмъ католики всѣхъ странъ, исключая Баварію[3]); только начиная съ 1870-го года они стали утрачивать свою привилегію въ этомъ отношеніи, но и то очень рѣдко случается, чтобы число самоубійствъ среди евреевъ было многимъ выше, чѣмъ среди католиковъ. Не надо забывать, что евреи болѣе, чѣмъ какія бы то ни было другія вѣроисповѣдныя группы, живутъ въ городахъ и занимаются интеллигентными профессіями. Въ связи съ этимъ у нихъ наклонность къ самоубійству должна развиться сильнѣе, чѣмъ въ людяхъ, исповѣдующихъ другія вѣры, подъ вліяніемъ причинъ, не зависящихъ отъ религіи.

---

[1]) Баварія и теперь составляетъ единственное исключеніе. Евреи лишаютъ себя жизни въ ней въ два раза больше, чѣмъ католики. Можетъ быть, это зависитъ отъ особаго положенія евреевъ въ этой странѣ. Мы ничего не можемъ сказать по этому поводу.

[2]) Примѣчаніе перев. Книга эта написана въ 1897 г.

[3]) Остается Англія, страна съ некатолическимъ населеніемъ, гдѣ процентъ самоубійствъ незначителенъ, но о ней рѣчь будетъ впереди.

Разъ, не смотря на это отягощающее вліяніе, процентъ самоубійцъ іудейскаго вѣроисповѣданія такъ слабъ, то если бы положеніе евреевъ было одинаково со всѣми другими народностями, эта религія давала бы, несомнѣнно, всего меньше самоубійствъ. Перейдемъ теперь къ объясненію установленныхъ фактовъ.

II.

Если вспомнить, что повсюду евреи являются ничтожнымъ меньшинствомъ и что почти во всѣхъ подвергшихся наблюденію странахъ въ меньшинствѣ оказались и католики, то естественно и соблазнительно именно въ этомъ обстоятельствѣ видѣть причину относительно малаго количества добровольныхъ смертей среди этихъ двухъ культовъ [1]).

Нельзя не признать того факта, что наименѣе многочисленные культы въ странѣ, принужденные бороться противъ враждебности окружающаго ихъ населенія, обязаны для поддержанія своего существованія установить въ своей средѣ суровый контроль и подчиниться исключительно строгой дисциплинѣ. Для того, чтобы оправдать оказываемую имъ терпимость, къ тому же крайне непрочную, имъ приходится развивать въ себѣ особенно высокую нравственную устойчивость.

Помимо этихъ общихъ соображеній, нѣкоторые факты дѣйствительно подтверждаютъ, что этотъ спеціальный факторъ имѣетъ извѣстное вліяніе на процентъ самоубійствъ. Въ Пруссіи мы имѣемъ рѣзко выраженное католическое меньшинство: католики составляютъ только $^1/_3$ общаго населенія и лишаютъ себя жизни въ 3 раза меньше, чѣмъ протестанты. Разница эта уменьшается въ Баваріи, гдѣ $^2/_3$ населенія католики; число добровольныхъ смертей среди этихъ послѣднихъ относится къ числу самоубійствъ среди протестантовъ — какъ 100 къ 275, а въ нѣкоторые періоды даже — какъ 100 къ 238. Наконецъ, въ Австріи, почти

---

[1]) Legoyt *op. cit.*, 205. Oettingen Moralstatistik, стр. 654.

всецѣло католической странѣ, на 155 случаевъ самоубійства среди протестантовъ приходится 100 случаевъ среди католиковъ. Поэтому кажется, что тамъ, гдѣ протестанты составляютъ меньшинство, наклонность къ самоубійству вообще уменьшается.

Но, во-первыхъ, самоубійство встрѣчаетъ, вообще говоря, очень снисходительное отношеніе къ себѣ; и боязнь легкаго порицанія едва ли можетъ оказать на него такое сильное воздѣйствіе, даже, если дѣло идетъ о меньшинствѣ, положеніе котораго заставляетъ обращать усиленное вниманіе на общественное мнѣніе. Самоубійство является актомъ, никого собою не задѣвающимъ, и потому обиліе самоубійствъ не приноситъ никакого ущерба той группѣ, которая болѣе другихъ предрасположена къ нему, и не можетъ возстановить общество противъ этой группы, какъ это было бы безъ сомнѣнія при наличности въ ней большого числа убійствъ и преступленій. Кромѣ того, религіозная нетерпимость, когда она особенно сильно выражена, приводитъ часто къ обратнымъ результатамъ. Вмѣсто того, чтобы заставить диссидентовъ болѣе уважать мнѣнія большинства, она побуждаетъ ихъ совершенно не считаться съ этимъ послѣднимъ. Когда люди чувствуютъ себя подъ гнетомъ непобѣдимой враждебности, то у нихъ пропадаетъ всякая охота бороться съ нею, и сплошь да рядомъ гонимые элементы лишь съ бо́льшимъ упорствомъ начинаютъ отстаивать въ своихъ нравахъ и обычаяхъ какъ разъ то, что вызываетъ особенное порицаніе. Именно это и происходило чаще всего среди евреевъ, и поэтому подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы ихъ исключительное преимущество въ смыслѣ самоубійства не имѣло другихъ причинъ, кромѣ относительной малочисленности.

Во всякомъ случаѣ, этого объясненія недостаточно для пониманія взаимоотношенія между католиками и протестантами. Если въ Австріи и Баваріи, гдѣ преобладаетъ католицизмъ, оказываемое имъ умѣряющее вліяніе на развитіе самоубійствъ дѣйствуетъ съ меньшей интенсивностью,

то все же оно еще очень значительно; значитъ, своимъ вліяніемъ католицизмъ обязанъ не тому, что къ нѣкоторыхъ странахъ онъ является меньшинствомъ. Какова бы ни была относительная часть каждаго изъ этихъ двухъ культовъ въ общей массѣ населенія, всюду, гдѣ удалось сравнить ихъ вліяніе на самоубійство, можно было констатировать тотъ фактъ, что протестанты лишаютъ себя жизни значительно чаще, чѣмъ католики.

Есть даже страны, какъ, напримѣръ, Верхній Пфальцъ, Верхняя Баварія, гдѣ населеніе почти исключительно католическое (отъ 92—96%) и гдѣ все-таки приходится 309 и 423 случая самоубійствъ среди протестантовъ на 100 самоубійцъ-католиковъ. Соотношеніе это поднимается даже до 528% въ Нижней Баваріи, гдѣ не насчитывается и одного протестанта на 100 жителей. Поэтому, если въ такомъ значительномъ колебаніи числа самоубійствъ, представляемомъ двумя данными религіями, и играетъ нѣкоторую роль неизбѣжная осторожность и осмотрительность, присущая меньшинству, то въ главной своей части это различіе вызвано какими-нибудь другими причинами.

Мы находимъ объясненіе въ самой природѣ двухъ интересующихъ насъ религіозныхъ системъ. Та и другая въ одинаковой степени запрещаютъ и осуждаютъ самоубійство; на него не только обрушиваются самыя суровыя моральныя кары, но обѣ религіи учатъ, что за гробомъ начинается новая жизнь, гдѣ люди будутъ нести наказанія за свои грѣхи, къ числу которыхъ и протестантизмъ, и католицизмъ относитъ самоубійство. Наконецъ, и въ томъ и въ другомъ культѣ запрещеніе убивать себя носитъ божественный характеръ; мы имѣемъ здѣсь не какое-нибудь логическое умозаключеніе, а авторитетъ самого Бога. Поэтому, если протестантизмъ благопріятствуетъ большему числу самоубійствъ, то вовсе не потому, что относится къ нему иначе, чѣмъ католицизмъ. Но разъ въ этомъ частномъ случаѣ обѣ религіи выставляютъ одно и то же нравственное требованіе, то неодинаковая степень вліянія ихъ

на число самоубійствъ должна имѣть своею причиной какое-нибудь изъ болѣе общихъ свойствъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга.

Единственнымъ существеннымъ различіемъ между католицизмомъ и протестантизмомъ является тотъ фактъ, что второй въ гораздо большей степени допускаетъ свободу изслѣдованія, чѣмъ первый. Уже однимъ тѣмъ, что протестантизмъ представляетъ собою идеалистическую религію, онъ даетъ гораздо больше мѣста для мысли и размышленія, чѣмъ греко-латинскій политеизмъ или монотеизмъ евреевъ. Онъ не довольствуется машинальными обрядами, но хочетъ управлять сознаніемъ людей. Онъ обращается къ человѣческому сознанію и даже въ тотъ моментъ, когда призываетъ разумъ къ слѣпому подчиненію, самъ говоритъ на языкѣ разума. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что католикъ принимаетъ свою вѣру въ готовомъ видѣ, безъ всякаго критическаго слѣдованія. Онъ не можетъ подвергать ее даже исторической провѣркѣ, такъ какъ ему запрещено пользоваться оригиналами тѣхъ текстовъ, на которые она опирается. Для того, чтобы религіозное преданіе осталось неприкосновеннымъ, съ поразительнымъ искусствомъ построена цѣлая организованная іерархія авторитетовъ. Все, что является новизною, внушаетъ ужасъ правовѣрной католической мысли.

Протестантъ въ большей стапени является творцомъ своей вѣры; библія находится въ его рукахъ, и ему не запрещено толковать ее въ любомъ направленіи. Даже самая структура протестантскаго культа обнаруживаетъ его религіозный индивидуализмъ. Нигдѣ, кромѣ Англіи, не существуетъ іерархической организаціи протестантскаго духовенства; священникъ такъ же, какъ и каждый вѣрующій, подчиненъ только самому себѣ и своей совѣсти; онъ представляетъ собою только болѣе освѣдомленнаго руководителя, чѣмъ всѣ обыкновенные вѣрующіе, но не облеченъ никакимъ спеціальнымъ авторитетомъ въ сферѣ толкованія

догмы. Но, что лучше всего доказываетъ, что эта свобода мысли, провозглашенная дѣятелями реформаціи, не осталась только платоническимъ утвержденіемъ, такъ это непрекращающійся ростъ различныхъ сектъ, являющихъ собою такой живой контрастъ по сравненію съ нераздѣльнымъ единствомъ католической церкви.

Такимъ образомъ, мы пришли къ первому выводу, что наклонность протестантовъ къ самоубійству должна находиться въ зависимости отъ того духа свободомыслія, которымъ проникнута эта религія. Постараемся подробно разобраться въ этой зависимости, такъ какъ сама свободная мысль есть слѣдствіе другихъ причинъ. Когда протестантство только что появилось на свѣтъ, когда люди, послѣ того, какъ они въ теченіе долгихъ лѣтъ воспринимали свою вѣру въ незыблемо традиціонномъ видѣ, потребовали себѣ права творить ее самимъ, то произошло это не въ силу внутреннихъ преимуществъ свободнаго исканія, ибо свобода несетъ съ собою столько же страданія, сколько и радости. Свобода стала для нихъ отнынѣ неустранимой потребностью. И эта потребность въ свободѣ имѣетъ только одну причину: упадокъ традиціонныхъ вѣрованій. Если бы традиція дѣйствовала съ неослабѣвающей силой, то не было бы повода зародиться критикѣ; если бы авторитетъ преданія оставался непоколебленнымъ, то не явилась бы дерзкая мысль провѣрить самый его источникъ. Критическое мышленіе развивается только подъ давленіемъ необходимости, то есть лишь тогда, когда извѣстная группа непровѣренныхъ разумомъ идей и чувствъ, которыя до этого времени оказывались достаточными для того, чтобы руководить человѣческими поступками, теряютъ свою силу и значеніе. Рефлексія заполняетъ образовавшуюся пустоту, а не создаетъ эту послѣднюю. Равнымъ образомъ, критическое мышленіе начинаетъ погасать по мѣрѣ того, какъ мысль и воля людей превращаются въ автоматическія привычки, и, наоборотъ, пробуждается только одновременно съ дезорганизаціей установившагося обихода. Критика только

тогда возстаетъ противъ общественнаго мнѣнія, когда оно уже не имѣетъ прежней силы, т. е. не является уже въ полной мѣрѣ общественнымъ. Если требованія критики не носятъ характера только временнаго и преходящаго кризиса, а принимаютъ хроническую форму, если индивидуальное сознаніе настойчиво и неуклонно настаиваетъ на своей автономіи, то это значитъ, что новыя мысли не успѣли еще кристаллизоваться, что мысль еще мечется по всѣмъ направленіямъ и не въ состояніи заступить мѣсто стараго убѣжденія. Если бы образовалась новая система вѣрованій, которая представилась бы всѣмъ настолько же неоспоримой, какъ и предыдущая, то никто бы и не подумалъ ее оспаривать. Самое обсужденіе такихъ вѣрованій кажется чѣмъ-то недозволеннымъ, потому что идеи, раздѣляемыя всѣмъ обществомъ, пріобрѣтаютъ авторитетъ, дѣлающій ихъ неприкосновенною святынею и ставящій ихъ выше всякой возможности спора и необходимости доказательства. Для того, чтобы убѣжденія сдѣлались болѣе терпимыми, надо, чтобы они стали менѣе полными и общими и чтобы назрѣвшія уже противорѣчія поколебали ихъ силу.

Поэтому, если можно утверждать, что провозглашенная свобода мысли умножаетъ ереси, то надо прибавить, что сама она порождается ересями, что она можетъ стать желанной и получить фактическое осуществленіе, лишь какъ принципъ, позволяющій скрытымъ или полуявнымъ ересямъ развиться вполнѣ свободно. Слѣдовательно, если протестантизмъ удѣляетъ больше мѣста индивидуальной мысли, нежели католичество, значитъ, онъ бѣднѣе вѣрованіями и меньше зависитъ отъ установившихся обычаевъ. Религіозное общество не можетъ существовать безъ коллективнаго credo и оно тѣмъ болѣе едино и тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ болѣе распространено это credo. Оно не соединяетъ людей путемъ обмѣна взаимныхъ услугъ,—этой временной связи, которая мирится съ различіями и даже предполагаетъ послѣднія, но не въ состояніи ихъ прими-

рить. Религія объединяетъ людей, только привязывая ихъ къ одной и той же системѣ ученій, и единство это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе широкое поле охватываетъ данная система и чѣмъ солиднѣе она построена. Чѣмъ больше лежитъ религіознаго отпечатка на образѣ мыслей и дѣйствій даннаго общества, чѣмъ полнѣе, слѣдовательно, исключена здѣсь возможность свободнаго изслѣдованія, тѣмъ сильнѣе мысль о Богѣ проникаетъ во всѣ детали человѣческаго существованія и направляетъ къ одной цѣли всѣ индивидуальныя воли. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе въ группѣ вѣрующихъ проявляются частныя сужденія, тѣмъ менѣе ея роль въ жизни людей, тѣмъ слабѣе ея сплоченность и жизненность. Мы пришли, такимъ образомъ, къ заключенію, что перевѣсъ на сторонѣ протестантизма въ сферѣ самоубійствъ происходитъ отъ того, что эта церковь по существу своему менѣе цѣлостна, нежели католическая.

Этимъ же объясняется положеніе, занимаемое въ данномъ случаѣ іудействомъ. Въ самомъ дѣлѣ, то осужденіе, съ которымъ къ нему издавна относится христіанство, создало среди евреевъ необыкновенно сильное чувство солидарности. Необходимость бороться со всеобщимъ враждебнымъ отношеніемъ, невозможность даже свободно общаться съ остальною частью населенія замкнули евреевъ въ тѣсный сплоченный кругъ; поэтому каждая еврейская община сдѣлалась маленькимъ соціальнымъ цѣлымъ, компактнымъ и единымъ, и притомъ весьма ярко сознающимъ это свое единство. Внутри него всѣ живутъ и мыслятъ одинаково, индивидуальныя расхожденія становятся почти невозможными въ силу общихъ условій существованія и тщательнаго неуклоннаго наблюденія всѣхъ надъ каждымъ. Такимъ образомъ религіозный союзъ евреевъ, замкнутый въ самомъ себѣ, въ силу той нетерпимости, предметомъ которой онъ былъ, оказался болѣе тѣснымъ, чѣмъ всѣ другіе. Поэтому, по аналогіи съ тѣмъ, что мы только что видѣли по отношенію къ протестантизму, слабая степень предрасположенія евреевъ къ самоубійству объясняется именно

этою причиной въ противовѣсъ обстоятельствамъ разнаго рода, которыя, наоборотъ, должны были бы усилить въ нихъ эту наклонность. Конечно, съ одной стороны этимъ преимуществомъ евреи обязаны окружающей ихъ враждебности; но если она и оказала такое вліяніе, то не потому, что она внушила имъ болѣе высокія правила нравственности, а потому, что заставила ихъ вести болѣе сплоченный образъ жизни; евреевъ предохраняетъ отъ самоубійства тотъ фактъ, что религіозное общество, къ которому они принадлежатъ, крѣпко сцементировано. Но все же гнетущій ихъ остракизмъ является только одной изъ причинъ этой особенности; самый характеръ еврейской религіи оказываетъ на наклонность къ самоубійству не малое вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, іудейство, какъ и всѣ религіи низшаго порядка, представляетъ собою по существу собраніе правилъ и обычаевъ, самымъ тщательнымъ образомъ регламентирующихъ всѣ детали человѣческаго существованія, не оставляя почти ничего на свободное усмотрѣніе индивидуальной воли.

III.

Нѣсколько фактовъ подтверждаютъ предыдущее объясненіе. Во-первыхъ, среди всѣхъ большихъ странъ съ протестантскимъ населеніемъ Англія является страной съ наименьшимъ числомъ самоубійствъ; въ ней насчитывается около 80 самоубійствъ на 1 м. жителей, тогда какъ въ реформатскихъ общинахъ Германской имперіи мы имѣемъ отъ 140—400 случаевъ. Въ то же время никто не скажетъ, чтобы идейная и дѣловая жизнь была развита въ Англіи менѣе сильно, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ [1]). Надо принять во вниманіе, что одновременно съ этимъ англикан-

[1]) Правда, нельзя относиться съ особымъ довѣріемъ къ статистикѣ самоубійствъ въ Англіи. Въ силу того, что самоубійство тамъ есть уголовно-наказуемый поступокъ, многіе случаи самоубійства отнесены къ категоріи случайной смерти. Тѣмъ не менѣе, этихъ неточностей недостаточно для объясненія такого громаднаго въ этомъ отношеніи различія между Англіей и Германіей.

ская церковь значительно болѣе сплочена, чѣмъ другія протестантскія церкви. Правда, обыкновенно Англію считаютъ классической страной индивидуальной свободы, но на самомъ дѣлѣ факты указываютъ на то, что число вѣрованій и правилъ поведенія общихъ и обязательныхъ, а слѣдовательно изъятыхъ изъ сферы индивидуальнаго усмотрѣнія, болѣе значительно въ Англіи, чѣмъ въ Германіи. Во-первыхъ, въ Англіи законъ до сихъ поръ санкціонируетъ много религіозныхъ предписаній, какъ напримѣръ: законъ о соблюденіи воскресенья; законъ, запрещающій выводить на сценѣ лицъ изъ Священнаго писанія; или законъ, который еще недавно требовалъ отъ каждаго депутата чего-то въ родѣ присяги и т. д. Затѣмъ, хорошо извѣстно, какъ сильно и общераспространено въ Англіи уваженіе традицій, и, само собой разумѣется, эта черта проявляется въ религіозной области не менѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Сильное развитіе традиціонализма всегда подавляетъ самодѣятельность индивида. Наконецъ, изъ всего протестантскаго духовенства одно только англиканское имѣетъ іерархическую организацію. Эта внѣшняя организація является, конечно, показателемъ внутренняго единства, которое несовмѣстимо съ ясно выраженнымъ религіознымъ индивидуализмомъ.

Кромѣ того, Англія является той протестантской страной, гдѣ число духовенства особенно велико. Въ 1876 г. на каждаго служителя культа приходилось тамъ 908 прихожанъ, тогда какъ въ Венгріи ихъ было 932, въ Голландіи 100, въ Даніи 1.300, въ Швейцаріи 1.440, въ Германіи 1.600 [1]). Но число священниковъ отнюдь нельзя считать незначительной подробностью и только поверхностной чертой, не стоящей ни въ какомъ отношеніи къ внутренней природѣ религіи. Доказательствомъ этого служитъ уже то обстоятельство, что вездѣ католическое духовенство гораздо многочисленнѣе, чѣмъ протестантское. Въ Италіи на

[1]) Oettingen, *Moralstatistik* стр. 626.

1 священника приходится 267 католиковъ, въ Испаніи 419, въ Португаліи 536, въ Швейцаріи 540, во Франціи 823, въ Бельгіи 1.050. Это объясняется тѣмъ, что священникъ представляетъ собою естественный органъ для выраженія вѣры и традиціи и что здѣсь, какъ и всюду, органъ развивается въ той же мѣрѣ, какъ и та функція, которой онъ служитъ: чѣмъ интенсивнѣе религіозная жизнь, тѣмъ большее число людей нужно для руководства ею; чѣмъ больше догмъ и правилъ, которыя не могутъ быть предоставлены личному толкованію, тѣмъ больше надо компетентныхъ авторитетовъ для объясненія ихъ смысла; съ другой стороны, чѣмъ многочисленнѣе авторитеты, тѣмъ лучше они проникаютъ въ души индивидовъ и лучше овладѣваютъ ими. Такимъ образомъ, Англія не только не опровергаетъ нашей теоріи, но служитъ для нея подтвержденіемъ и провѣркой. Если протестантизмъ не производитъ въ ней тѣхъ же результатовъ, что и на континентѣ, то это значитъ, что религіозное общество въ Англіи имѣетъ очень сплоченную организацію и тѣмъ самымъ приближается къ католической церкви.

Но у насъ есть и еще одинъ аргументъ, болѣе общаго характера.

Стремленіе къ свободному изслѣдованію можетъ пробудиться лишь вмѣстѣ со стремленіемъ къ образованію. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе является единственнымъ средствомъ, которымъ располагаетъ мышленіе для достиженія своихъ цѣлей. Когда лишенные смысла вѣрованія и обычаи теряютъ свой авторитетъ, то для того, чтобы замѣнить ихъ другими, необходимо обратиться къ просвѣщенному сознанію, высшей формой котораго является наука; въ основаніи своемъ эти два стремленія составляютъ одно и то же и являются результатомъ одной и той же причины. Въ общемъ, люди стремятся къ образованію только по мѣрѣ того, какъ они освобождаются отъ ярма традиціи, такъ какъ, пока она владѣетъ умами, она замѣняетъ собою все и не терпитъ соперничества никакой иной силы. Наоборотъ, люди начинаютъ стремиться къ свѣту съ того момента, когда новыя потреб-

ности перестаютъ находить себѣ удовлетвореніе въ окружающей темнотѣ устарѣвшихъ и изжившихъ себя обычаевъ. Именно поэтому философія, первичная и синтетическая форма науки, выступаетъ на сцену, когда религія теряетъ свою власть, но не раньше этого момента; непосредственно затѣмъ она даетъ начало прогрессивно размножающимся частичнымъ отраслямъ знанія, по мѣрѣ того, какъ, въ свою очередь, развивается вызвавшая ее потребность. Поэтому, если мы не ошиблись, если прогрессивное паденіе коллективныхъ и обычныхъ предразсудковъ предрасполагаетъ къ самоубійству и если именно этимъ обстоятельствомъ опредѣляется повышенная наклонность къ нему среди протестантовъ, то мы должны ожидать наличности слѣдующихъ двухъ фактовъ: 1) стремленіе къ образованію должно быть сильнѣе у протестантовъ, чѣмъ у католиковъ; 2) по скольку стремленіе это указываетъ на упадокъ общепринятыхъ вѣрованій, постольку оно должно, вообще говоря, измѣняться пропорціонально числу самоубійствъ.

Подтверждается-ли эта двойная гипотеза фактами?

Если сравнивать только вершины католической Франціи и протестантской Германіи, т. е. только самые высшіе классы этихъ двухъ націй, то, повидимому, Франція можетъ выдержать сравненіе съ Германіей. Въ большихъ центрахъ Франціи наука находится на той же степени развитія, какъ и у ея сосѣдей; даже можно съ достовѣрностью сказать, что многіе протестантскіе центры уступаютъ ей въ этомъ смыслѣ. Но если въ высшихъ слояхъ этихъ двухъ странъ стремленіе къ образованію ощущается съ одинаковой силой, то нельзя сказать того же самаго про низы народной массы; и если въ обѣихъ сравниваемыхъ странахъ просвѣщеніе достигаетъ почти той же максимальной интенсивности, то средняя интенсивность во Франціи слабѣе, чѣмъ въ Германіи. То же можно сказать обо всѣхъ вообще католическихъ націяхъ при сравненіи ихъ съ націями протестантскими. Можно предполагать, что въ области высшей культуры первыя не уступаютъ вторымъ, но совершенно другую

картину представляетъ сравненіе интенсивности народнаго образованія. Тогда какъ у протестантскихъ народовъ (Саксонія, Норвегія, Швеція, Баденъ, Данія и Пруссія) въ теченіе 1877—78 г., на 1.000 дѣтей школьнаго возраста, т. е. отъ 6—12 лѣтъ, 957 человѣкъ въ среднемъ посѣщали школу, католическія страны (Франція, Австро-Венгрія, Испанія, Италія) за тотъ же періодъ насчитывали только 667 человѣкъ на 1.000, т. е. на 31% меньше. То же самое мы видимъ въ 1874—75 и 1860—61 гг. [1]). Пруссія, въ которой это число ниже, чѣмъ во всѣхъ другихъ протестантскихъ странахъ, стоитъ въ этомъ отношеніи все-таки выше Франціи, идущей во главѣ католическихъ странъ: въ Пруссіи 897 обучающихся дѣтей приходится на 1.000, а во Франціи только 766 [2]). Изъ всей Германіи больше всего католиковъ въ Баваріи, и она насчитываетъ больше всего неграмотныхъ. Изъ всѣхъ провинцій Баваріи наиболѣе сильнымъ католическимъ духомъ проникнутъ Верхній Пфальцъ, и въ немъ больше всего число новобранцевъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать (15% въ 1871 г.). То же совпаденіе мы видимъ въ Пруссіи, въ Прусской провинціи и герцогствѣ Познань [3]). Наконецъ, во всемъ королевствѣ въ 1871 г. насчитывалось неграмотныхъ на 1.000 протестантовъ 29 человѣкъ и на 1.000 католиковъ 152. То же соотношеніе наблюдается среди женщинъ этихъ двухъ вѣроисповѣданій [4]).

Но намъ, пожалуй, возразятъ, что первоначальное образованіе не можетъ служить мѣриломъ для состоянія общаго образованія страны; часто говорили, что не числомъ неграмотныхъ измѣряется степень образованности вообще. Согласимся съ этимъ возраженіемъ, хотя, по правдѣ сказать, различныя степени образованія болѣе связаны между

---

[1]) Oettingen, Moralstatistik, стр. 586.

[2]) Правда, въ теченіе одного изъ этихъ періодовъ а именно, въ 1877—78 г. Баварія немного превышала въ этомъ отношеніи Пруссію, но это наблюдалось только одинъ разъ.

[3]) Oettingen Moralstatistik, стр. 582.

[4]) Morcelli *op. cit.* стр. 223.

собою, чѣмъ это кажется, и трудно развиться одной въ то время, какъ другая не развивается одновременно съ ней [1]). Во всякомъ случаѣ, если уровень первоначальной культуры только въ очень слабой степени отражаетъ уровень культуры научной, то все же съ достаточной точностью указываетъ, въ какой мѣрѣ народъ, взятый въ общей массѣ, испытываетъ жажду знанія; потребность въ просвѣщеніи должна ощущаться въ высшей степени, разъ возникло стремленіе распространить его элементы вплоть до самыхъ низшихъ слоевъ населенія. Для того, чтобы предоставить въ общее пользованіе средства къ образованію, для того, чтобы объявить невѣжество наказуемымъ по закону, народъ долженъ считать проясненіе и развитіе сознанія непремѣннымъ условіемъ своего бытія. Въ самомъ дѣлѣ, если протестантскія націи признали такую важность за образованіемъ, то они это сдѣлали потому, что считаютъ необходимымъ каждому человѣку доставить возможность читать и толковать Библію. Въ данный моментъ мы хотимъ опредѣлить среднюю интенсивность этой потребности и то значеніе, которое каждый народъ приписываетъ наукѣ, а не цѣнность его ученыхъ и ихъ открытій. Съ этой спеціальной точки зрѣнія, состояніе высшаго образованія и чисто научнаго творчества было бы плохимъ критеріемъ, такъ какъ оно показывало бы намъ только то, что происходитъ въ ограниченномъ кругу общества. Народное и общее образованіе въ данномъ случаѣ является болѣе вѣрнымъ признакомъ.

Такимъ образомъ, доказавъ наше первое предложеніе, перейдемъ ко второму. Правда-ли, что потребность въ образованіи въ той мѣрѣ, поскольку она соотвѣтствуетъ ослабленію господствующей вѣры, растетъ пропорціонально числу самоубійствъ? Уже одинъ тотъ фактъ, что протестанты болѣе образованы, чѣмъ католики, и лишаютъ себя жизни чаще, чѣмъ они, является, такъ сказать, первой презумпціей въ

[1]) Ниже мы покажемъ, что среднее и высшее образованіе также сильнѣе развиты у протестантовъ, чѣмъ у католиковъ.

пользу этого допущенія. Но этотъ законъ подтверждается не только сравненіемъ одного вѣроисповѣданія съ другими; онъ наблюдается въ равной степени и внутри каждой вѣроисповѣдной группы. Италія страна всецѣло католическая; народное образованіе и самоубійство распредѣляются въ ней совершенно одинаковымъ образомъ (см. таблицу XIX).

ТАБЛИЦА XIX [1]).

Итальянскія провинціи, сопоставленныя съ точки зрѣнія самоубійства и образованія.

1-ая группа провинцій	% брачн. контрактовъ, гдѣ грамотны оба супруга.	Число самоубійствъ на 1 м. ж.	2-ая группа провинцій	% грамотныхъ супруговъ.	относ. число самоубійствъ.	3-ья группа провинцій	% грамотныхъ супруговъ.	относ. число самоубійствъ.
Піемонтъ	53,09	35,6	Венеція .	19,56	32,0	Сицилія . .	9,98	18,5
Ломбардія	44,29	40,4	Эмилія .	19,31	62,9	Аббруція .	6,35	15,7
Лигурія .	41,15	47,3	Умбрія .	15,46	30,7	Апулія . .	6,81	16,3
Римъ . . .	32,61	41,7	Мархія .	14,46	34,6	Калабрія.	4,67	8,1
Тоскана .	24,33	40,6	Кампанія	12,45	21,6	Базиликата . . .	4,35	15,0
			Сардинія	10,14	13,3			
Средн. число	39,09	41,1	Средн. число	15,23	32,5	Средн. число	6,23	14,7

[1]) Цифры, относящіяся къ грамотнымъ супругамъ, заимствованы у Oettingen, Moralstatistik, табл. 85; онѣ относятся къ годамъ 1872—78, числа самоубійствъ—къ 1864—76.

Мы видимъ, что соотвѣтствуютъ другъ другу не только среднія числа, но соотвѣтствіе это простирается вплоть до мельчайшихъ деталей; существуетъ только одно исключеніе—Эмилія, гдѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ причинъ число самоубійствъ не имѣетъ никакаго соотношенія со степенью образованія. Тѣ же наблюденія можно произвести и во Франціи. Больше всего неграмотныхъ супруговъ въ слѣдующихъ департаментахъ (ниже 20%):—Corrèze, Corse, Côtes du Nord, La Dordogne, Finistère, Landes, Morbihan, Haute-Vienne; всѣ они относительно мало страдаютъ отъ самоубійствъ. Среди

департаментовъ, гдѣ свыше 10% супружескихъ паръ абсолютно неграмотны, нѣтъ ни одного, принадлежащаго къ сѣверо-востоку страны—классическому мѣсту самоубійствъ во Франціи [1]).

Если мы будемъ сравнивать протестантскія страны, то найдемъ такой же параллелизмъ. Въ Саксоніи процентъ самоубійствъ больше, чѣмъ въ Пруссіи,—въ Пруссіи больше неграмотныхъ, чѣмъ въ Саксоніи: (5,52% вмѣсто 1,3 въ 1865 г.). Саксонія отличается тѣмъ, что число школьниковъ превышаетъ въ ней обязательную законную норму. На 1000 дѣтей школьнаго возраста въ 1877—78 году было 1.031 посѣщавшихъ школы, т. е. многіе изъ нихъ продолжали свое обученіе дальше установленнаго закономъ времени. Это не наблюдается ни въ какой другой странѣ [2]). Наконецъ, Англія есть, какъ мы знаемъ, та изъ протестантскихъ странъ, гдѣ меньше всего совершается самоубійствъ,—и она больше всѣхъ по образованію приближается къ католическимъ странамъ. Въ 1865 г. въ англійскомъ флотѣ было 23% матросовъ, не умѣвшихъ читать, и 27%, не умѣвшихъ писать.

Можно присоединить сюда еще цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ предыдущія данныя. Стремленіе къ знанію особенно живо чувствуется среди представителей свободныхъ профессій и вообще среди людей, принадлежащихъ къ состоятельнымъ классамъ, у которыхъ умственная жизнь бьется усиленнымъ темпомъ. И хотя статистика самоубійствъ по профессіямъ и классамъ не можетъ быть установлена съ полной достовѣрностью, но несомнѣнно, что самоубійство всего больше развито въ высшихъ слояхъ общества. Во Франціи въ 1826—1860 годахъ во главѣ самоубійцъ стояли люди свободныхъ профессій: они даютъ 550 случаевъ на 1 м. людей той же профессіональной группы, тогда какъ непосредственно слѣдующій за ними по числу самоубійствъ классъ

1) См. Annuaire statistique de la France (1892—94 г., стр. 50 и 51).

2) Oettingen, Moralstatistik стр. 586.

прислуги—даетъ только 290 [1]). Въ Италіи Морселли удалось разсмотрѣть отдѣльно самоубійства среди людей, спеціально занимающихся наукой, и онъ нашелъ, что здѣсь самоубійства болѣе часты, чѣмъ въ предѣлахъ какой бы то ни было иной профессіи. Въ теченіе періода 1868—76 гг. насчитывалось 482,6 случаевъ на 1 м. жителей этой профессіи; слѣдующую ступень представляетъ собою армія—401,1, а среднее число во всей странѣ равняется только 32. Въ Пруссіи (1883—90 г.г.) классъ чиновниковъ, который комплектуется съ большимъ стараніемъ и представляетъ собою, поэтому, избранную интеллигентную часть населенія, превосходитъ всѣ другія профессіи по числу самоубійствъ; послѣднее равняется здѣсь 832; санитарная служба и педагогическая дѣятельность стоятъ по числу совершаемыхъ въ нихъ самоубійствъ значительно ниже, хотя все же держатся на достаточно высокомъ уровнѣ (439 и 301). То же наблюдается и въ Баваріи. Если оставить въ сторонѣ армію, которая по отношенію къ самоубійству занимаетъ исключительное положеніе въ силу причинъ, о которыхъ рѣчь будетъ идти ниже, то классъ чиновниковъ занимаетъ второе мѣсто (454 случая самоубійства) и почти приближается къ первому; очень незначительное превосходство оказывается на сторонѣ людей, занимающихся торговлей, процентъ которыхъ равняется 465 на 1 милліонъ; искусства, литература и пресса отстаютъ отъ него очень немного (416) [2]). Правда, въ Бельгіи и Вюртембергѣ образованные классы кажутся въ этомъ отношеніи менѣе плодовитыми; но самый перечень и названія интеллигентныхъ профессій тамъ слишкомъ мало опредѣленны, для того, чтобы можно было приписывать большое значеніе этимъ двумъ исключеніямъ.

Далѣе, мы видѣли, что во всѣхъ странахъ міра женщины убиваютъ себя значительно рѣже, чѣмъ мужчины. Къ

---

1) Compte général de la justice criminelle, 1882 г. стр. CXV.

2) Prinzing *op. cit.*, стр. 28—31. Замѣчательно, что въ Пруссіи искусство и пресса даютъ довольно умѣренную цифру — 279.

тому же, женщина, въ общемъ, гораздо менѣе образована; психика ея подчинена авторитету традиціи, въ своемъ поведеніи она руководствуется установившимся мнѣніемъ и не имѣетъ особо-интенсивныхъ интеллектуальныхъ потребностей. Въ Италіи за періодъ 1878—79 г. г. изъ 10.000 мужчинъ 4.808 не могли за неграмотностью подписать брачнаго контракта, а на 10.000 женщинъ оказалось 7.029 неграмотныхъ [1]). Во Франціи въ 1879 г. процентъ равнялся для мужчинъ 196 и для женщинъ 310 на 1.000 браковъ. Въ Пруссіи мы имѣемъ ту же разницу между полами какъ среди католиковъ, такъ и среди протестантовъ [2]). Въ Англіи эта разница меньше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ. Въ 1879 году въ ней насчитывалось 138 неграмотныхъ мужчинъ противъ 185 женщинъ на 1.000 браковъ, и начиная съ 1851 г., соотношеніе это оставалось постояннымъ. Но Англія является также страной, гдѣ женщина по числу самоубійствъ ближе всего подходитъ къ мужчинѣ. На 1.000 женскихъ самоубійствъ тамъ насчитывалось 2.546 мужскихъ въ теченіе періода 1858—60, 2.745 въ 1863—67 г. г., 2.861 въ 1872—76, тогда какъ вездѣ въ другихъ странахъ женщины убиваютъ себя въ 4—5 разъ рѣже, чѣмъ мужчины [3]). Наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ мы находимъ въ данномъ отношеніи почти противоположныя условія, и потому примѣръ этотъ будетъ для насъ особенно поучителенъ. Негритянки, оказывается, имѣютъ равное, если не высшее образованіе по сравненію со своими мужьями. Нѣсколько изслѣдователей [4]) подтверждаютъ, что уэтихъ женщинъ наблюдается сильное предрасположеніе къ самоубійству, иногда

---

1) Oettingen, Moralstatistik, Приложеніе, таблица 83.

2) Morselli, op. cit., стр. 223.

3) Oettingen, op. cit., стр. 577.

3) Исключеніе составляетъ Испанія. Но, не говоря уже о томъ, что достовѣрность испанской статистики не внушаетъ намъ довѣрія, Испанію вообще нельзя сравнивать съ большими государствами центральной и сѣверной Европы.

4) Baly и Boudin; мы цитируемъ по Морселли, op. cit. стр. 225.

даже превышающее норму бѣлыхъ женщинъ. Пропорція въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 350 на 1 мил.

Есть одно обстоятельство, которое, казалось бы, должно разрушить все наше построеніе. Изъ всѣхъ вѣроисповѣданій меньше всего самоубійствъ наблюдается среди іудейскаго, а между тѣмъ, нигдѣ такъ повсемѣстно не распространено образованіе, какъ среди евреевъ; даже въ смыслѣ первоначальнаго обученія евреи стоятъ по меньшей мѣрѣ на одномъ уровнѣ съ протестантами. Въ Пруссіи (1871 г.) на 1.000 евреевъ обоего пола приходилось 66 неграмотныхъ мужчинъ и 125 женщинъ; для протестантовъ мы имѣемъ почти тождественныя цифры: 66 мужчинъ и 114 женщинъ. Но въ особенности высокъ по сравненію съ другими культами процентъ евреевъ, получившихъ высшее и среднее образованіе. Это доказывается нижеслѣдующими цифрами, заимствуемыми нами изъ прусской статистики (1875—1876 г.г.) [1]):

	Католики.	Протестанты.	Евреи.
Относительное число лицъ каждаго вѣроисповѣданія на 100 жителей.	33,8	64,9	1,3
На 100 учениковъ средней школы.	17,3	73,1	9,6

Если принять во вниманіе относительную численность евреевъ и лицъ другихъ вѣроисповѣданій, то окажется, что евреи посѣщаютъ гимназіи, реальныя училища и др. средне-учебныя заведенія приблизительно въ 14 разъ больше, чѣмъ католики, и въ 7 разъ больше, чѣмъ протестанты. Та же пропорція остается и для высшаго образованія. На 1.000 католиковъ, посѣщающихъ учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ, приходится только 1,3 доходящихъ

---

[1]) По Aliwin Petersilie „Zur Statistik der höheren Lehranstalten in Preussen“. Въ Zeitschr. der preus. stat. Bureau. 1877. Стр. 109 и слѣд.

до Университета, на 1.000 протестантовъ—2,5, для евреевъ отношеніе это подымается до 16 [1]).

Но, если евреи очень воспріимчивы къ образованію и чрезвычайно мало наклонны къ самоубійству, то происхожденіе этого любопытнаго факта имѣетъ совершенно спеціальное объясненіе. Можно считать общимъ закономъ, что вѣроисповѣдное меньшинство, для того чтобы имѣть опору противъ окружающей его всеобщей ненависти, или движимое простымъ чувствомъ соревнованія, стремится превзойти по образованію окружающее его населеніе; въ силу этихъ же причинъ, протестанты проявляютъ больше стремленія къ знанію, когда представляютъ собою меньшую часть населенія [2]).

	Отношеніе протестантскаго населенія къ общему населенію.	Средняя пропорція протестантскихъ дѣтей, посѣщающихъ школу по отношенію къ общему числу учениковъ.	Разница между первой и второй пропорціей.
1-ая группа. .	отъ 98,7 до 87,2 %. Въ средн. 94,6	90,8	— 3,8
2-ая „ . .	„ 80 „ 50, %. „ 70,3	75,3	+ 5
3-ая „ . .	„ 50 „ 40, %. „ 46,4	56,0	+ 10,4
4-ая „ . .	Ниже 40, %. 29,2	61,0	+ 31,8

Мы такимъ образомъ видимъ, что тамъ, гдѣ протестантизмъ охватываетъ собою подавляющее большинство, процентъ протестантскихъ школьниковъ отстаетъ отъ процента протестантовъ въ общей массѣ населенія. Но какъ только усиливается католическое меньшинство, разница между процентными отношеніями обучающихся протестантовъ и католиковъ изъ отрицательной становится положительной и эта положительная разница увеличивается по мѣрѣ того, какъ уменьшается число протестантовъ. Католическое

---

1) Zeitschr. d. pr. stat. Bureau, 1889, стр. XX.

2) Мы даемъ здѣсь картину того, какъ различно распредѣляется число протестантовъ, посѣщающихъ среднія школы, въ различныхъ провинціяхъ Пруссіи.

населеніе также проявляетъ высшую степень стремленія къ образованію тамъ, гдѣ оно является меньшинствомъ [1]).

Слѣдовательно, евреи стремятся къ образованію не потому, чтобы они хотѣли замѣнить критическимъ мышленіемъ свои укоренившіеся коллективные предразсудки, а только съ цѣлью быть лучше вооруженными въ борьбѣ за существованіе. Образованность для еврея служитъ какъ бы средствомъ компенсировать то неблагопріятное соціальное положеніе, въ какое ставитъ его общественное мнѣніе, а иногда и положительное законодательство. Сама по себѣ наука безсильна повліять на традиціонное мышленіе, пока оно не утратило своей силы, и поэтому еврей къ своей обычной энергіи присоединяетъ интеллектуальную культуру, при чемъ первая ничуть не затрогивается второй. Это обстоятельство вполнѣ объясняетъ намъ сложность еврейской національной физіономіи; примитивный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еврей въ то же время умѣетъ быть человѣкомъ самой утонченной умственной культуры. Въ своемъ лицѣ эта нація соединяетъ всѣ преимущества сильной дисциплины, характеризующей маленькіе коллективы прежняго времени, съ благами интенсивной культуры, которыя являются привиллегіей современныхъ большихъ странъ. Еврей усваиваетъ себѣ всю интеллигентность нашего вѣка, не зная его усталости и разочарованія.

Если поэтому въ данномъ исключительномъ случаѣ интеллектуальное развитіе не находится въ прямомъ соотношеніи съ количествомъ самоубійствъ, то это происходитъ оттого, что еврейская культурность имѣетъ другое происхожденіе и другое значеніе, нежели обыкновенно. Исключеніе изъ общаго правила становится только кажущимся и по существу только подтверждаетъ выведенный нами законъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно показываетъ, что если въ образованной средѣ наклонность къ самоубійству возрастаетъ, то увеличеніе это обязано, какъ мы говорили выше, паденію тра-

---

[1]) См. Oettingen, Moralstatistik, стр. 650.

диціонныхъ вѣрованій и утверждающемуся взамѣнъ старой вѣры моральному индивидуализму; но повышенная наклонность къ самоубійству тотчасъ же исчезаетъ, если стремленіе къ образованію вызывается другими мотивами и направлено къ другимъ цѣлямъ.

IV.

Предыдущая глава даетъ намъ право сдѣлать два важныхъ вывода. Во-первыхъ, мы видимъ теперь, почему самоубійство вообще прогрессируетъ параллельно съ развитіемъ науки, хотя вовсе не она опредѣляетъ собой его возрастаніе. Наука здѣсь неповинна, и было бы крайне несправедливо обвинять ее; объ этомъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ примѣръ евреевъ. Но два эти факта являются одновременно послѣдствіями одного и того же общаго состоянія, которое они выражаютъ въ разныхъ формахъ. Человѣкъ стремится къ знанію и лишаетъ себя жизни потому, что религіозная община, къ которой онъ принадлежитъ, утратила для него свою сплоченность, но онъ не убиваетъ себя потому, что получаетъ образованіе; нельзя даже сказать, чтобы полученныя имъ знанія дезорганизовали его религіозное міросозерцаніе; наоборотъ, вмѣстѣ съ паденіемъ религіи просыпается жажда знанія. Знаніе пріобрѣтается не какъ орудіе разрушенія сложившихся убѣжденій, но человѣкъ ждетъ новыхъ идей именно потому, что старый духовный міръ уже изжилъ себя. Конечно, поскольку существуетъ наука, она въ состояніи, отъ своего имени и полагаясь на свои силы, бороться съ традиціонными понятіями и противопоставить имъ самое себя; но нападенія ея были бы безрезультатны, если бы традиціонныя чувства и понятія не потеряли своей силы. Больше того, можно даже сказать, что и самая борьба не могла бы при этомъ условіи зародиться. Вѣра не искореняется діалектическими разсужденіями; она только тогда рушится подъ ударами доказательствъ, когда основаніе ея потрясено уже другими причинами.

Наука не только не является источникомъ зла, она представляетъ собою единственное средство, которымъ мы располагаемъ для борьбы съ нимъ. Какъ только теченіе вещей поколебало установившіяся вѣрованія, воскресить ихъ искусственнымъ образомъ ничто не можетъ; но на нашемъ жизненномъ пути мы имѣемъ только одного проводника—наше критическое мышленіе. Если соціальный инстинктъ ослабѣлъ, то остается только одинъ руководитель—разумъ, и только при его посредствѣ можетъ выработаться новое сознаніе. Какъ бы ни былъ опасенъ этотъ путь, другого выбора нѣтъ и колебаться невозможно. Пусть всѣ тѣ, кто съ грустью и тревогой смотритъ на разрушеніе старыхъ вѣрованій, кто чувствуетъ и сознаетъ всѣ трудности этого критическаго періода, не обвиняютъ науку за то зло, въ которомъ она не только не повинна, но излечить которое она стремится. Пусть не смотрятъ на науку, какъ на враждебную силу; она вовсе не оказываетъ того губительнаго вліянія, какое ей приписываютъ, но даетъ намъ въ руки единственное оружіе для борьбы съ тѣмъ самымъ разложеніемъ, продуктомъ котораго она сама является. Осужденіе науки не есть исходъ; авторитетъ исчезнувшихъ традицій не оживетъ, если запечатать ея уста; осудивъ ее, мы окажемся только въ еще болѣе критическомъ положеніи, такъ какъ намъ нечѣмъ будетъ заполнить образовавшуюся духовную пустоту. Правда, не слѣдуетъ увлекаться и видѣть въ образованіи самодавлѣющую цѣль, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно служитъ только средствомъ. Насильственныя оковы не умертвятъ въ человѣческомъ разумѣ духа независимости, но точно также недостаточно дать ему свободу для того, чтобы установить равновѣсіе; надо, чтобы онъ правильно употребилъ данную ему свободу.

Далѣе, мы видимъ, почему религія вообще оказываетъ профилактическое вліяніе на самоубійство; объясненіе этому факту мы находимъ не въ томъ, что, какъ иногда говорятъ, религія болѣе рѣзко осуждаетъ самоубійство, нежели свѣт-

ская мораль, не въ томъ, что мысль о Богѣ сообщаетъ религіознымъ завѣтамъ исключительную власть надъ человѣческой волей, и не въ томъ, наконецъ, что перспектива будущей жизни и ужасныхъ каръ, ожидающихъ виновныхъ, даютъ запретамъ религіи бо̀льшее значеніе, нежели человѣческимъ законамъ. Протестантъ не менѣе сильно вѣритъ въ Бога и въ безсмертіе души, нежели католикъ; больше того, религія, наименѣе склонная къ самоубійству, а именно, іудейство, въ то же самое время оказывается единственной, не запрещающей его формально, и именно здѣсь мысль о безсмертіи играетъ наименьшую роль. Въ самомъ дѣлѣ, библія не содержитъ никакихъ запретовъ лишать себя жизни[1]), и, съ другой стороны, представленіе о загробной потусторонней жизни выражено въ ней крайне неясно. Конечно и въ томъ, и въ другомъ отношеніи толкованія раввиновъ мало-помалу заполнили пробѣлы священной книги, но абсолютнаго авторитета они, все-таки, не могуть имѣть. Поэтому благотворное вліяніе религіи нельзя приписывать спеціальной природѣ религіозныхъ идей; если она охраняетъ человѣка отъ самоуничтоженія, то это происходитъ не потому, что она внушаетъ путемъ аргументовъ *sui generis* уваженіе къ человѣческой личности, но въ силу того, что она является обществомъ; сущность этого общества состоитъ въ извѣстныхъ общихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, признаваемыхъ всѣми вѣрующими, освященныхъ традиціей и потому обязательныхъ. Чѣмъ больше существуетъ такихъ коллективныхъ состояній сознанія, чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ крѣпче связана религіозная община, тѣмъ больше въ ней содержится предохраняющихъ началъ. Детали догматовъ и обрядовъ въ данномъ случаѣ имѣютъ второстепенное значеніе. Суть въ

---

[1]) Единственный карающій запретъ, который намъ извѣстенъ, мы находимъ у Іосифа Флавія въ его „Исторіи войны евреевъ съ римлянами...“ (III 25) и тамъ просто сказано: .... „тѣла людей, добровольно умертвившихъ себя, остаются безъ погребенія до заката солнца, тогда какъ убитыхъ на войнѣ разрѣшается хоронить раньше.“ Можно-ли это считать наказаніемъ?

томъ, чтобы они по природѣ своей были способны съ достаточною интенсивностью питать коллективную жизнь; и именно потому, что протестантская церковь не такъ тѣсно спаяна, какъ всѣ остальныя, она и не оказываетъ на самоубійство такого же умѣряющаго вліянія.

III.

Эгоистическое самоубійство.

(Продолженіе).

Но если религія предохраняетъ отъ самоубійства лишь постольку, поскольку она создаетъ общество,—то вполнѣ вѣроятно, что и другіе общественные союзы вызываютъ тѣ же результаты. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія политическое общество и семью.

I.

Если принимать во вниманіе только абсолютныя цифры, то получается впечатлѣніе, что холостые люди кончаютъ съ собою рѣже, чѣмъ женатые. Такъ, напримѣръ, во Франціи въ періодъ 1873—75 г. насчитывалось 16.264 самоубійствъ среди женатыхъ, тогда какъ холостяки дали только 11.709 случаевъ. Первое число относится ко второму—какъ 100 къ 132. Такъ какъ та же пропорція наблюдается и въ другіе періоды и въ другихъ странахъ, то нѣкоторые изслѣдователи раньше утверждали, что бракъ и семейная жизнь увеличиваютъ наклонность къ самоубійству. Если, слѣдуя общепринятому мнѣнію, видѣть въ самоубійствѣ актъ отчаянія, вызванный тяжелыми условіями существованія, то вышеприведенное мнѣніе имѣетъ за себя всѣ основанія. Дѣйствительно, холостому человѣку жизнь дается легче, чѣмъ женатому. Развѣ бракъ не несетъ съ собою всякаго рода заботъ и обязанностей? Развѣ для того, чтобы обезпечить настоящее и

будущее семьи, не приходится налагать на себя больше бремени и лишеній, чѣмъ это выпадаетъ на долю одинокаго человѣка?[1]) Несмотря на кажущуюся очевидность, это апріорное разсужденіе совершенно неправильно, и факты только потому даютъ ему нѣкоторую опору, что плохо анализируются. Бертильонъ-отецъ первый установилъ это, и мы дальше приведемъ его остроумныя вычисленія [2]). Для того, чтобы вполнѣ правильно разобраться въ вышеприведенныхъ цифрахъ, надо принять во вниманіе, что очень большой процентъ холостыхъ людей имѣетъ менѣе 16 лѣтъ отъ роду, тогда какъ женатые въ среднемъ старше. До 16 лѣтъ наклонность къ самоубійству развита очень слабо, въ силу ранняго возраста. Во Франціи за этотъ періодъ жизни человѣка наблюдается только 1 или 2 случая на 1.000,000 жителей, въ слѣдующій за нимъ періодъ число самоубійствъ уже въ 20 разъ больше. Присутствіе среди холостяковъ большого числа дѣтей моложе 16 лѣтъ значительно понижаетъ среднюю степень наклонности къ самоубійству среди нихъ. Такимъ образомъ, меньшее число случаевъ самоубійства, даваемое холостыми, зависитъ не отъ безбрачія, а отъ того, что большинство изъ нихъ не вышло еще изъ дѣтскаго возраста. Поэтому, если при сравненіи этихъ двухъ группъ населенія мы хотимъ выдѣлить то вліяніе, какое оказываютъ семейныя условія и только они одни, то мы должны отбросить этотъ вносящій пертурбацію несовершеннолѣтній элементъ и противопоставить людямъ, состоящимъ въ бракѣ, только неженатыхъ и незамужнихъ свыше 16-лѣтняго возраста, исключая болѣе молодое поколѣніе. Откинувъ

---

1) См. Wagner, Die Gesetzmässigkeit и т. д. стр. 177.

2) См. статью „Mariage“ въ Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales, 2-ая серія стр. 50 и слѣд. По этому же вопросу Бертильонъ-сынъ: „Les célibataires, les veufs et les divorcés au point de vue du mariage“. Въ Revue scientifique, 1879 г., февраль. Далѣе см. Bulletin de la societé d'anthropologie, 1880, ст. 280 и слѣд. — Durkheim, Suicide et natalité въ Revue philosophique, ноябрь 1888.

это послѣднее, мы находимъ, что за періодъ 1863—1868 гг. на 1 милліонъ холостыхъ выше 16-лѣтняго возраста приходится въ среднемъ 173 случая самоубійства, а на мил. женатыхъ 154,6. Первое число относится ко второму, какъ 112 къ 100. Мы видимъ такимъ образомъ, что безбрачіе увеличиваетъ количество самоубійствъ.

На самомъ дѣлѣ превышеніе случаевъ самоубійства среди холостыхъ еще больше, чѣмъ указываютъ предыдущія цифры. При вычисленіи ихъ мы сдѣлали допущеніе, что всѣ холостые люди свыше 16 лѣтъ и всѣ люди, вступившіе въ бракъ, имѣютъ одинъ и тотъ же средній возрастъ. Между тѣмъ во Франціи большинство холостяковъ (58%) приходится на возрастъ между 25—30 годами, большинство незамужнихъ женщинъ (57%) моложе 25 лѣтъ. Средній возрастъ первыхъ 26,8, вторыхъ—28,4. Напротивъ, средній возрастъ находящихся въ бракѣ падаетъ между 40—45 годами. Съ другой стороны, число самоубійствъ для обоихъ половъ вмѣстѣ, въ зависимости отъ возраста, прогрессируетъ слѣдующимъ образомъ:

Отъ 16 — 21 лѣтъ	45,9	самоубійствъ	на	1	м.	жителей.
„ 21 — 30 „	97,9	„	„	„	„	„
„ 31 — 40 „	114,5	„	„	„	„	„
„ 41 — 50 „	164,4	„	„	„	„	„

Эти цифры относятся къ 1848—57 гг. Если бы процентъ самоубійствъ зависѣлъ только отъ возраста, то среди людей холостыхъ онъ не могъ бы быть выше 97,9, а среди людей женатыхъ находился бы между 114,5—164,4, т. е. приблизительно около 140. Число самоубійствъ женатыхъ должно было бы относиться къ числу холостыхъ, какъ 100 къ 69. Второе составляло бы только $^2/_3$ перваго, тогда какъ мы знаемъ, что превосходство именно на сторонѣ вторыхъ. Такимъ образомъ семейная жизнь дѣлаетъ интересующее насъ отношеніе обратнымъ. Если бы семейныя связи не оказывали никакого вліянія, то женатые и замужнія должны были бы въ силу своего возраста чаще кончать съ собой,

чѣмъ холостые, а въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ наоборотъ. Принимая это во вниманіе, можно сказать, что бракъ почти наполовину уменьшаетъ наклонность къ самоубійству; говоря болѣе точно, пребываніе въ безбрачіи влечетъ за собою увеличеніе, которое выражается отношеніемъ $\frac{112}{69} = 1{,}6$. Поэтому, если условиться наклонность къ самоубійству людей находящихся въ бракѣ обозначить единицей, то наклонность холостыхъ людей будетъ равняться 1,6 для того же средняго возраста.

То же соотношеніе мы наблюдаемъ въ Италіи. Въ силу своего возраста, женатые (1873—77) должны были бы давать 102 случая на 1 мил., а холостые старше 16 лѣтъ только 77; первое число относится ко второму, какъ 100 къ 75 [1]). Но на самомъ дѣлѣ женатые люди всего рѣже кончаютъ съ собой: на 86 случаевъ среди холостыхъ приходится только 71 среди женатыхъ, т. е. 100 на 121. Такимъ образомъ предрасположеніе холостыхъ относится къ наклонности женатыхъ, какъ 121 къ 75, т. е. равняется 1,6, какъ и во Франціи. Аналогичныя наблюденія можно сдѣлать и въ другихъ странахъ; повсемѣстно процентъ самоубійствъ среди женатыхъ меньше, чѣмъ среди холостыхъ [2]), тогда какъ въ силу возраста первыхъ онъ долженъ былъ бы быть больше. Въ Вюртембергѣ въ 1846—1860 гг., эти числа относились другъ къ другу, какъ 100 къ 143, въ Пруссіи въ 1873—75 гг.—какъ 100 къ 111.

Но, если при настоящемъ положеніи статистики этотъ методъ вычисленія почти во всѣхъ случаяхъ является единственно примѣнимымъ и если для того, чтобы установить фактъ въ его общемъ видѣ, необходимо прибѣгать исключительно къ нему,—то полученные результаты, конечно, могутъ считаться только грубо приблизительными. Метода

---

1) Мы предполагаемъ, что средній возрастъ группъ такой же, какъ и во Франціи. Неточность здѣсь очень не велика.

2) При условіи одновременнаго сравненія обоихъ половъ. Дальше мы увидимъ значеніе этого примѣчанія (Книга 2-ая, гл. 5, § 3).

этого, безъ сомнѣнія, достаточно для того, чтобы установить тотъ фактъ, что холостая жизнь увеличиваетъ наклонность къ самоубійству; но количественную величину этого повышенія онъ указываетъ очень неточно. Для того, чтобы раздѣлить вліяніе возраста и семейнаго положенія, мы взяли исходной точкой соотношеніе между процентомъ самоубійствъ въ 30-ти-лѣтнемъ и въ 45-ти-лѣтнемъ возрастѣ. Къ несчастію, вліяніе семейнаго положенія уже само отпечаталось на этомъ соотношеніи, такъ какъ присущій каждому изъ этихъ возрастовъ процентъ самоубійствъ былъ вычисленъ для холостяковъ и для женатыхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Конечно, если бы пропорція тѣхъ и другихъ была одинакова для обоихъ періодовъ, точно также какъ и пропорція замужнихъ и незамужнихъ женщинъ, то произошла бы компенсація, и проявилось бы только одно вліяніе возраста. Въ дѣйствительности же получается совсѣмъ другое. Въ то время какъ въ возрастѣ 30 лѣтъ холостыхъ было немного больше, чѣмъ женатыхъ (746,111 съ одной стороны и 714,278 съ другой), въ 45-лѣтнемъ возрастѣ, наоборотъ, ихъ оказалось подавляющее меньшинство (333,033 холостыхъ на 1.864,401 женатыхъ); то же самое мы видимъ и по отношенію къ женщинамъ. Вслѣдствіе этого неравнаго распредѣленія бо́льшая наклонность къ самоубійству у холостыхъ отражается на общемъ итогѣ въ этихъ двухъ случаяхъ неодинаково. Въ первомъ случаѣ она сильнѣе повышаетъ процентъ самоубійствъ, чѣмъ во второмъ; послѣдній относительно слишкомъ слабъ, и численное превосходство его надъ первымъ, которое должно было бы проявиться, если бы имѣлось налицо только вліяніе возраста, искусственно уменьшено. Говоря другими словами, разница въ склонности къ самоубійству между населеніемъ 25—30 и 40—45 лѣтъ, обусловленная однимъ только возрастомъ, несомнѣнно значительнѣе, чѣмъ указываетъ подобный методъ вычисленія. Мы имѣемъ здѣсь отклоненіе, умѣренность котораго почти цѣликомъ обязана своимъ существованіемъ преимуществу

женатыхъ людей; слѣдовательно, оно представляется меньшимъ, чѣмъ есть въ дѣйствительности.

Только что указанный нами методъ уже фактически привелъ къ важнымъ ошибкамъ. Такъ, напримѣръ, для опредѣленія степени вліянія вдовства на количество самоубійствъ иногда ограничивались тѣмъ, что сравнивали процентъ, присущій вдовцамъ, съ процентомъ, относящимся къ людямъ всѣхъ другихъ семейныхъ положеній одного и того же средняго возраста, т. е. приблизительно 65 лѣтъ. Въ результатѣ оказалось, что 1 м. вдовцовъ въ 1863—1868 гг. давалъ 628 случаевъ самоубійствъ; 1 м. людей 65-лѣтъ другихъ семейныхъ положеній давалъ около 461 случая. Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ можно заключить, что даже въ одномъ и томъ же возрастѣ вдовцы лишаютъ себя жизни чаще, чѣмъ люди всякаго иного семейнаго положенія. Такимъ образомъ, какъ будто бы подтвердился предразсудокъ, что состояніе вдовства наиболѣе предрасполагаетъ къ самоубійству [1]). Въ дѣйствительности, если 65-лѣтнее населеніе не даетъ въ среднемъ бо́льшаго числа самоубійствъ, чѣмъ вдовцы, то это происходитъ потому, что почти всѣ они въ этомъ возрастѣ женаты (997,191 женатыхъ на 134,238 холостыхъ). Если этого сравненія достаточно для доказательства того, что вдовцы лишаютъ себя жизни чаще, чѣмъ женатые люди того же возраста, то нельзя дѣлать отсюда никакого заключенія въ смыслѣ сравненія ихъ наклонности съ наклонностью холостяковъ.

Наконецъ, когда сравниваютъ только среднія числа, то самые факты и существующія между ними соотношенія естественно не могутъ выступить во всемъ своемъ значеніи. Легко можетъ случиться, что, вообще говоря, женатые лишаютъ себя жизни меньше, чѣмъ холостые, но въ извѣстномъ возрастѣ это соотношеніе становится обратнымъ; и мы увидимъ, что это дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Эти исключе-

---

1) См. Bertillon „Mariage" въ Dictionnaire Encycl., 2-ая серія, стр. 52; Morselli стр. 348; Corre „Crime et suicide", стр. 472.

нія, которыя могутъ оказаться чрезвычайно поучительными для объясненія изслѣдуемаго явленія, нѣтъ возможности установить путемъ предыдущаго метода. Вполнѣ возможно также, что между двумя возрастами будутъ наблюдаться измѣненія, которыя хотя и не настолько велики, чтобы превратить установленное соотношеніе въ обратное, но имѣютъ все же нѣкоторое значеніе и потому должны быть приняты во вниманіе.

Существуетъ только одинъ способъ для избѣжанія этихъ затрудненій, а именно: надо опредѣлить процентъ каждой группы, взятой въ отдѣльности для каждаго возраста. При этомъ условіи можно будетъ сравнить, напримѣръ, холостяковъ въ возрастѣ 25—30 лѣтъ съ женатыми и вдовцами того же возраста и то же самое сравненіе произвести для другихъ періодовъ жизни. Такимъ образомъ вліяніе семейнаго положенія будетъ отдѣлено отъ всѣхъ остальныхъ, и измѣненія, которыя оно влечетъ за собою, станутъ очевидными. Этотъ-то методъ впервые и примѣнилъ при вычисленіи смертности и брака Бертильонъ. Къ сожалѣнію, оффиціальныя свѣдѣнія не даютъ намъ необходимыхъ данныхъ для желаемаго сравненія [1]).

Мы получаемъ свѣдѣнія о возрастѣ самоубійцъ независимо отъ ихъ семейнаго положенія; единственная извѣстная намъ статистика, которая пошла по другому пути, относится къ великому герцогству Ольденбургскому (включая Любекъ и Биркенфельдъ) [2]).

---

1) Между тѣмъ, работа по собиранію этихъ свѣдѣній оказывается непосильной только въ томъ случаѣ, если ее предпринимаетъ частное лицо; для оффиціальныхъ же статистическихъ бюро выполненіе ея не представляло бы никакихъ трудностей. Намъ сообщаютъ массу различныхъ неинтересныхъ свѣдѣній и умалчиваютъ объ единственномъ, которое помогло бы намъ, какъ будетъ видно далѣе, опредѣлить состояніе, въ которомъ находится семья въ различныхъ странахъ Европы.

2) Существуетъ еще шведская статистика, воспроизведенная въ „Bulletin de démographie internationale“ за 1878 г., стр. 195, дающая тѣ же свѣдѣнія; однако, она не можетъ быть исполь-

Она даетъ намъ за 1871—75 г.г. распредѣленіе числа самоубійствъ согласно возрасту для каждой категоріи семейнаго положенія въ отдѣльности. Но въ этомъ маленькомъ государствѣ насчитывалось всего 1,369 случаевъ самоубійствъ въ теченіе 15 лѣтъ, а такъ какъ изъ такого

зована. Во-первыхъ, вдовцы помѣщены въ ней въ одну группу съ холостыми, что отнимаетъ у этой статистики почти всякое значеніе, такъ какъ совершенно необходимо различать такія разнородныя группы. Но больше того, она кажется намъ абсолютно неправильной. Мы находимъ въ ней слѣдующія цифры:

Число самоубійствъ на 100.000 жителей каждаго пола, одного и того же возраста и семейнаго положенія.

	Отъ 16—25 л.	Отъ 26—35 л.	Отъ 36—45 л.	Отъ 46—55 л.	Отъ 56—65 л.	Отъ 66—75 л.	Свыше.
				Мужчины			
Женатые . .	10,51	10,58	18,77	24,08	26,29	20,76	9,48
Неженатые (холостые и вдовцы) . . .	5,69	25,73	66,95	90,72	150,08	229,27	333,35
				Женщины			
Замужнія .	2,63	2,76	4,15	5,55	7,09	4,67	7,64
Незамужнія	2,99	6,14	13,23	17,05	25,98	51,93	34,69
	Во сколько разъ не состоящіе въ бракѣ убиваютъ себя больше состоящихъ въ бракѣ одного и того же пола и возраста.						
Мужчины . .	0,5	2,4	3,5	3,7	5,7	11	37
Женщины. .	1,13	2,22	3,18	3,04	3,66	11,12	4,5

Эти результаты съ перваго взгляда показались намъ подозрительными, особенно, поскольку они касаются преимущества, которымъ пользуются пожилые состоящіе въ бракѣ люди, такъ какъ приводимыя здѣсь данныя далеко расходятся со всѣми прочими имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями. Для того, чтобы провѣрить ихъ, что мы считаемъ совершенно необходимымъ, мы вычислили абсолютное число самоубійствъ, совершенное каждою группою одного и того же возраста въ теченіе одного и того же періода; для мужского пола мы получили слѣдующую таблицу.

небольшого количества случаевъ нельзя вывести никакихъ достовѣрныхъ заключеній, то мы сами предприняли соотвѣтственную работу для Франціи, съ помощью неизданныхъ документовъ министерства юстиціи. Наши изысканія касаются 1889—90 и 91 годовъ. Намъ удалось разсмотрѣть 25,000 самоубійствъ. Помимо того, что эта цифра сама по себѣ достаточно значительна для того, чтобы служить основаніемъ для опредѣленнаго вывода, мы убѣдились въ

	16—25	26—35	36—45	46—55	56—65	66—75	Свыше
Женатые	16	220	567	640	383	140	15
Неженатые	283	519	410	269	217	156	56

Сравнивая эти абсолютныя числа съ вышеуказанными относительными, можно убѣдиться въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ допущена была ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, въ возрастѣ отъ 66 до 75 лѣтъ женатые и неженатые даютъ, какъ мы видимъ, почти одинаковое абсолютное число самоубійствъ, тогда какъ, согласно цитируемой нами статистикѣ, на 100.000 женатыхъ самоубійствъ приходится въ 11 разъ меньше, чѣмъ на 100.000 холостыхъ. Для этого нужно, чтобы въ этомъ возрастѣ женатыхъ было приблизительно въ 10 разъ (точнѣе въ 9,2 раза) больше, чѣмъ неженатыхъ, т. е. вдовцовъ и холостыхъ, взятыхъ вмѣстѣ. По этой же самой причинѣ, женатое населеніе свыше 75-лѣтняго возраста должно бы быть въ 16 разъ больше, чѣмъ неженатое, что совершенно невозможно. Въ этомъ преклонномъ возрастѣ число вдовцовъ очень велико, и вмѣстѣ съ холостыми оно или равняется количеству женатыхъ или даже превосходитъ послѣднее. Исходя изъ этихъ соображеній, можно предвидѣть, какая была сдѣлана ошибка; очевидно, число самоубійствъ, совершенныхъ холостыми и вдовцами, было вычислено вмѣстѣ и общее число было раздѣлено на сумму одного холостого населенія, тогда какъ число самоубійствъ женатыхъ было раздѣлено на число вдовцовъ и женатыхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Это предположеніе доказывается тѣмъ фактомъ, что степень пониженія числа самоубійствъ, вызванная женатымъ состояніемъ, въ разсматриваемой нами статистикѣ, особенно сильна въ преклонномъ возрастѣ, т. е. тогда, когда число вдовцовъ дѣлается достаточнымъ для того, чтобы опредѣлить собою невѣрный результатъ вычисленія. Неправдоподобность этого вычисленія достигаетъ всего максимума для возраста свыше 75 лѣтъ, т. е. когда число вдовцовъ очень значительно.

томъ, что продолжать дальше наши наблюденія не было никакой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, изъ года въ годъ число самоубійствъ каждаго возраста остается неизмѣннымъ для каждой группы, и поэтому, для вывода средняго числа, нѣтъ надобности въ болѣе продолжительномъ наблюденіи.

ТАБЛИЦА XX (Великое Герцогство Ольденбургское).

Число самоубійствъ, совершенныхъ каждымъ поломъ на 10.000 представителей каждой возрастной и семейной группы. 1871—85. 1)

Возрастъ	Не вступавшіе въ бракъ.	Состоящіе въ бракѣ.	Вдовые	Коэффиціентъ предохраненія		
				состоящ. въ бракѣ по отношенію къ		вдовыхъ
				не вступавш. въ бракъ	вдовымъ	по отношенію къ не вступавшимъ въ бракъ
			М у ж ч и н ы.			
10—20	7,2	769,2	„	0,09	„	„
20—30	70,6	49,0	285,7	1,40	5,8	0,24
30—40	130,4	73,6	76,9	1,77	1,04	1,69
40—50	188,8	95,0	285,7	1,97	3,01	0,66
50—60	263,6	137,8	271,4	1,90	1,90	0,97
60—70	242,8	148,3	304,7	1,63	2,05	0,79
Свыше	266,6	114,2	259,0	2,30	2,26	1,02
			Ж е н щ и н ы.			
0—20	3,9	95,2	„	0,04	„	„
20—30	39,0	17,4	„	2,24	„	„
30—40	32,3	16,8	30,0	1,92	1,78	1,07
40—50	52,9	18,6	68,1	2,85	3,66	0,77
50—60	66,6	31,1	50,0	2,14	1,60	1,33
67—70	62,5	37,2	55,8	1,68	1,50	1,12
Свыше	„	120.	91,4	„ „	1,31	„

1) Цифры эти относятся не къ среднему году, а къ общему числу самоубійствъ, совершенныхъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

ТАБЛИЦА XXI.

Франція (1889—1891).

Число самоубійствъ, совершенныхъ на 1 м. представителей каждой возрастной и семейной группы; средній годъ.

Возрастъ	Не вступ. въ бракъ	Состоящ. въ бракѣ	Вдовые	Коэффиціентъ предохраненія		
				состоящ. въ бракѣ по отношенію къ		вдовыхъ по отношенію къ не вступавш. въ бракъ
				не вступ. въ бракъ	вдовымъ	
			М у ж ч и н ы.			
15—20	113	500	„	0,22	„	„
20—25	237	97	142	2,40	1,45	1,66
25—30	394	122	412	3,20	3,37	0,95
30—40	627	226	560	1,77	2,47	1,12
40—50	975	340	721	2,86	2,12	1,35
50—60	1434	520	979	2,75	1,88	1,46
60—70	1768	635	1166	2,78	1,83	1,51
70—80	1983	704	1288	2,81	1,82	1,54
Свыше	1571	770	1154	2,04	1,49	1,36
			Ж е н щ и н ы.			
15—20	79,4	33	333	2,39	10.	0,23
20—25	106	53	66	2,00	1,05	1,60
25—30	151	68	178	2,22	2,61	0,84
30—40	126	82	205	1,53	2,50	0,61
40—50	171	106	168	1,61	1,58	1,01
50—60	204	151	199	1,35	1,31	1,02
60—70	189	158	257	1,19	1,62	0,77
70—80	206	209	248	0,98	1,18	0,83
Свыше	176	110	240	1,60	2,18	0,79

Таблицы XX и XXI даютъ намъ различные результаты. Для того, чтобы ярче обнаружить ихъ значеніе, мы для каждаго возраста рядомъ съ цифрой, обозначающей процентъ вдовыхъ и находящихся въ бракѣ, поставили то, что мы на-

зываемъ коэффиціентомъ предохраненія вторыхъ по отношенію къ первымъ, и тѣхъ и другихъ по отношенію къ не вступавшимъ въ бракъ. Этимъ словомъ мы обозначаемъ число, указывающее, во сколько разъ въ одной группѣ лишаютъ себя жизни меньше, чѣмъ въ другой въ одномъ и томъ же возрастѣ. Поэтому, когда мы будемъ говорить, что коэффиціентъ предохраненія женатыхъ 25-ти лѣтъ по отношенію къ холостымъ равняется 3, то это будетъ значить, что если наклонность къ самоубійству женатыхъ въ этотъ моментъ ихъ жизни принята за единицу, то наклонность холостяковъ въ тотъ же періодъ надо обозначить цифрой 3. Конечно, когда коэффиціентъ предохраненія опускается ниже 1, то онъ превращается въ коэффиціентъ усиленія наклонности къ самоубійству.

Законы, вытекающіе ихъ этихъ таблицъ, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1. Слишкомъ ранній бракъ увеличиваетъ наклонность къ самоубійству, въ особенности у мужчинъ. Правда, этотъ результатъ, полученный отъ разсмотрѣнія очень ограниченнаго количества фактовъ, не можетъ считаться окончательнымъ; во Франціи среди супруговъ 15—20-лѣтняго возраста случается въ среднемъ годовомъ выводѣ только одинъ случай самоубійства, вѣрнѣе 1,33. Но въ виду того, что этотъ фактъ въ равной мѣрѣ наблюдается и въ Герцогствѣ Ольденбургскомъ, а также по отношенію къ женщинамъ, то мало вѣроятно, чтобы дѣло объяснялось одной случайностью. Даже шведская статистика, приведенная нами выше [1]), указываетъ на то же увеличеніе, по крайней мѣрѣ, относительно мужчинъ.

---

1) Можно было бы думать, что это неблагопріятное положеніе женатыхъ 15—20 лѣтъ вытекаетъ изъ того факта, что ихъ средній возрастъ выше, чѣмъ средній возрастъ холостыхъ того же періода. Но есть обстоятельство, доказывающее, что повышенная наклонность къ самоубійству въ этомъ періодѣ дѣйствительно существуетъ,—это то, что процентъ самоубійцъ среди женатыхъ слѣдующаго періода (20—25 лѣтъ) въ пять разъ меньше.

Если въ силу приведенныхъ нами причинъ мы эту статистику считаемъ неправильной по отношенію къ преклонному возрасту, то мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ ея достовѣрности, поскольку она касается первыхъ періодовъ жизни, когда вдовцовъ еще не можетъ быть. Между прочимъ, извѣстно, что смертность молодыхъ супруговъ значительно превосходитъ смертность холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ того же возраста: 1000 неженатыхъ мужчинъ между 15—20 годами даютъ ежегодно 8,9 смертей; 1000 женатыхъ того же возраста даютъ 51, т. е. на 473% больше. Значительно меньшее уклоненіе мы имѣемъ для другого пола: 9,9 среди замужнихъ и 8,3 среди дѣвушекъ; первое число относится ко второму, какъ 119 къ 100 [1]).

Такая сильная смертность среди молодыхъ супруговъ объясняется, конечно, соціальными причинами. Если бы это печальное явленіе обусловливалось главнымъ образомъ недостаточной зрѣлостью организма, то смертность должна была бы отозваться сильнѣе на женской половинѣ населенія, вслѣдствіе естественныхъ опасностей, связанныхъ съ дѣторожденіемъ. Все заставляетъ насъ придти къ тому заключенію, что преждевременный бракъ влечетъ за собою специфическое моральное состояніе, особенно вредно отзывающееся на мужчинахъ.

2. Начиная съ 20-ти лѣтъ, люди, состоящіе въ бракѣ, по отношенію къ холостымъ и незамужнимъ обладаютъ коэффиціентомъ предохраненія, превышающимъ единицу. Этотъ послѣдній выше того, который установилъ Бертильонъ. Цифра 6, данная намъ этимъ ученымъ, представляетъ собою скорѣе минимумъ, чѣмъ среднюю [2]). Коэффиціентъ измѣняется

1) См. Bertillon, статья Mariage, стр. 43 и слѣд.

2) Существуетъ только одно исключеніе: для женщинъ отъ 70—80 лѣтъ, у которыхъ коэффиціентъ слегка спускается ниже единицы. Отклоненіе это вызывается вліяніемъ департамента Сены. Въ другихъ департаментахъ (см. таблицу XXII) коэффиціентъ предохраненія женщинъ этого возраста больше единицы; надо замѣтить, однако, что даже въ провинціи онъ ниже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ.

въ зависимости отъ возраста. Онъ быстро достигаетъ максимума—между 25—30 годами во Франціи, между 30—40 годами въ Ольденбургѣ; начиная съ этого момента, онъ падаетъ вплоть до послѣднихъ лѣтъ человѣческой жизни, когда опять наблюдается легкое повышеніе.

3. Коэффиціентъ предохраненія супруговъ по отношенію къ холостымъ и незамужнимъ измѣняется въ зависимости отъ пола. Во Франціи преимущество на сторонѣ мужчинъ, и разница между полами довольно значительна; для мужчинъ мы имѣемъ въ среднемъ 2,73, тогда какъ для женщинъ (замужнихъ) 1,56, т. е. на 43% меньше. Но въ Ольденбургѣ наблюдается обратное: для женщинъ среднее число равняется 2,16, а для мужчинъ только 1,83. Надо замѣтить, что въ то же время здѣсь самое расхожденіе меньше; второе число разнится отъ перваго только на 16%. Мы можемъ сказать теперь, что полъ, которому наиболѣе благопріятствуетъ брачное состояніе, измѣняется въ зависимости отъ страны, и что величина отклоненія между процентомъ самоубійствъ у обоихъ половъ измѣняется въ зависимости отъ того, какой именно полъ оказывается наиболѣе благопріятствуемымъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы найдемъ факты, подтверждающіе этотъ законъ.

4. Вдовство уменьшаетъ коэффиціентъ предохраненія супруговъ обоего пола, но обыкновенно не уничножаетъ его совершенно. Вдовцы убиваютъ себя чаще, чѣмъ люди, состоящіе въ бракѣ, но въ общемъ менѣе, нежели совсѣмъ безбрачные. Коэффиціентъ ихъ поднимается въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1,60 и 1,66; такъ же, какъ и у супруговъ, онъ измѣняется вмѣстѣ съ возрастомъ, но процессъ этотъ совершается неправильно, и мы не можемъ въ данномъ случаѣ установить никакой закономѣрности. Совершенно такъ же, какъ и у супруговъ, коэффиціентъ предохраненія вдовцовъ по отношенію къ безбрачнымъ измѣняется въ зависимо-

сти отъ пола. Во Франціи перевѣсъ оказывается на сторонѣ мужчинъ; средній мужской коэффиціентъ равняется 1,32, тогда какъ для вдовъ онъ спускается ниже единицы (0,89), т. е. онъ на 37% менѣе. Наоборотъ, въ Ольденбургѣ среди вдоваго населенія, какъ и среди брачнаго, преимущество на сторонѣ женщинъ: ихъ средній коэффиціентъ равняется 1,07, тогда какъ коэффиціентъ вдовцовъ падаетъ ниже единицы и составляетъ 0,89, т. е. на 17% меньше. Какъ и въ брачномъ состояніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда наиболѣе предохраненной оказывается женщина, разница между полами меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ имѣетъ преимущество мужчина. Мы можемъ сказать прежними словами, что наиболѣе благопріятствуемый полъ у вдовыхъ измѣняется въ зависимости отъ страны, и что величина отклоненія между процентомъ самоубійствъ у обоихъ половъ измѣняется въ зависимости отъ того, какой полъ оказывается наиболѣе благопріятствуемымъ.

Установивъ эти факты, постараемся объяснить ихъ.

II.

Преимущества, которыми пользуются люди, находящіеся въ брачномъ состояніи, можно приписать только одной изъ двухъ нижеслѣдующихъ причинъ:

Либо мы имѣемъ здѣсь вліяніе домашней среды; въ такомъ случаѣ именно семья нейтрализуетъ наклонность къ самоубійству и мѣшаетъ ей развиваться.

Либо же этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что можно назвать „брачнымъ подборомъ“. Бракъ, дѣйствительно, механически производитъ въ общей массѣ населенія нѣкотораго рода сортировку. Не всякій желающій женится. Мало шансовъ создать себѣ семью у того человѣка, который не обладаетъ извѣстнымъ здоровьемъ, средствами къ жизни и опредѣленными нравственными достоинствами. Тотъ, кто лишенъ всего этого, за исключеніемъ какихъ-либо особо благопріятныхъ

обстоятельствъ, волей или неволей отбрасывается въ разрядъ безбрачныхъ, которые и составляютъ такимъ образомъ наихудшую часть населенія. Именно въ этой средѣ чаще всего попадаются слабые, неизлѣчимо больные люди, крайніе бѣдняки, субъекты, нравственно испорченные. Если эта часть населенія настолько ниже остальной, то вполнѣ естественно, что она проявляетъ въ своей средѣ болѣе высокую степень смертности, болѣе сильно развитую преступность и, наконецъ, большую наклонность къ самоубійству. При такой гипотезѣ уже не семья предохраняетъ человѣка отъ самоубійства, преступленій или болѣзней, а, наоборотъ, преимущество людей, находящихся въ брачномъ состояніи, зависитъ отъ того, что только тѣмъ доступна семейная жизнь, кто представляетъ собою серьезныя гарантіи физическаго и нравственнаго здоровья.

Бертильонъ, казалось, колебался между этими двумя объясненіями и поочередно принималъ то одно, то другое. Летурно въ своей книгѣ „Эволюція брака и семьи“ (Парижъ 1888 г. ст. 426) категорически высказывался въ пользу второго предположенія. Онъ отказывается признать въ безспорномъ превосходствѣ женатыхъ и замужнихъ въ смыслѣ предохраненности отъ самоубійства слѣдствіе и доказательство преимущества брачнаго состоянія; но онъ конечно былъ бы менѣе поспѣшенъ въ своихъ сужденіяхъ, если бы съ большимъ вниманіемъ отнесся къ фактамъ.

Безъ сомнѣнія, вполнѣ возможно, что въ общемъ супруги имѣютъ лучшую физическую и моральную организацію, чѣмъ безбрачные. Нельзя, однако, сказать, чтобы брачный подборъ допускалъ совершеніе брака только среди избранной части населенія. Особенно сомнительно, чтобы люди безъ средствъ и положенія вступали въ бракъ значительно рѣже, нежели всѣ остальные. Какъ уже было замѣчено[1]), у бѣдныхъ классовъ населенія гораздо больше

[1]) См. Бертильона-сына, цитированную выше статью въ „Revue scientifique“.

дѣтей, чѣмъ у состоятельныхъ. Если духъ предусмотрительности не мѣшаетъ имъ размножаться выше всякихъ предѣловъ благоразумія, то почему бы вообще эти люди могли удерживаться отъ вступленія въ бракъ? Кромѣ того, цѣлый рядъ фактовъ въ послѣдующемъ изложеніи можетъ подтвердить, что нужда вовсе не является однимъ изъ фактовъ, опредѣляющихъ соціальный процентъ самоубійствъ. Что же касается слабыхъ и больныхъ, то кромѣ того, что цѣлый рядъ причинъ заставляетъ ихъ пренебрегать своими болѣзнями, еще вовсе не доказано, чтобы изъ ихъ среды чаще всего вербовались самоубійцы. Психо-органическій темпераментъ, наиболѣе всего предрасполагающій человѣка къ самоубійству—это неврастенія во всѣхъ ея видахъ,—а въ наше время неврастенія скорѣе указываетъ на нѣкоторое превосходство, чѣмъ на дефектъ. Въ утонченномъ обществѣ, живущемъ высшею умственною жизнью, неврастеники составляютъ своего рода духовную аристократію. Только явно выраженное, характерное сумасшествіе преграждаетъ человѣку путь къ браку; но устраненіе этой крайне рѣдкой аномаліи совершенно недостаточно для объясненія значительнаго преимущества въ смыслѣ низкаго процента самоубійствъ у людей, находящихся въ брачномъ состояніи [1]).

Помимо этихъ нѣсколько апріорныхъ соображеній многочисленные факты указываютъ на то, что взаимоотношеніе женатыхъ и холостыхъ объясняется совершенно другими причинами.

Если бы это взаимоотношеніе опредѣлялось брачнымъ подборомъ, то проявляться оно должно было бы

---

[1]) Для того, чтобы опровергнуть гипотезу, согласно которой привилегированное положеніе супруговъ объясняется брачнымъ подборомъ, иногда приводятъ мнимое повышеніе процента самоубійствъ среди женатыхъ, являющееся результатомъ вліянія вдовцовъ. Мы только что видѣли, что этого увеличенія не существуетъ по отношенію къ холостякамъ. Вдовцы убиваютъ себя рѣже, чѣмъ холостяки. Очевидно, это доказательство не годится.

съ того момента, когда подборъ начинаетъ входить въ силу, т. е. когда молодые люди и дѣвушки вступаютъ въ бракъ. Въ это время впервые должно было бы обозначиться нѣкоторое уклоненіе, которое затѣмъ мало-по-малу увеличивалось бы по мѣрѣ дальнѣйшаго дѣйствія подбора, т. е. по мѣрѣ вступленія въ бракъ болѣе зрѣлыхъ людей, обособленія ихъ отъ той группы, которая по натурѣ своей предназначена образовать классъ неисправимыхъ холостяковъ. Наконецъ, максимальное уклоненіе должно было бы пасть на тотъ возрастъ, когда добрыя сѣмена уже окончательно отдѣляются отъ плевелъ, когда всѣ способные къ браку вступаютъ въ него, и въ безбрачіи остаются только обреченные на это судьбой въ силу ихъ физическихъ или нравственныхъ недостатковъ. Этотъ періодъ приходится между 30—40 годами человѣческой жизни,—возрастъ, послѣ котораго браки совершаются чрезвычайно рѣдко.

Въ дѣйствительности оказывается, что коэффиціентъ предохраненія измѣняется по совершенно другому закону. Въ исходной своей точкѣ онъ очень часто уступаетъ мѣсто обратному коэффиціенту, т. е. усиленію случаевъ самоубійства. Очень молодые супруги болѣе склонны къ самоубійству, нежели холостые люди. Этого бы не могло быть, если бы они отъ рожденія въ самихъ себѣ заключали условія, предохраняющія отъ самоубійства. Затѣмъ максимумъ различія наступаетъ почти сразу. Начиная съ того момента, когда привилегированное положеніе женатыхъ начинаетъ обнаруживаться (между 20—25 годами), коэффиціентъ уже достигаетъ цифры, выше которой онъ впослѣдствіи не поднимается. Въ этотъ періодъ [1]) мы имѣемъ 148,000 женатыхъ на 1.430,000 холостыхъ и 626,000 замужнихъ на 1.049,000 дѣвушекъ (круглыя числа). Такимъ образомъ здѣсь холостые и дѣвицы заключаютъ въ своихъ рядахъ наибольшую часть того избраннаго населенія, которое, якобы въ силу своихъ природныхъ качествъ, призвано впослѣдствіи образовать аристократію су-

[1]) Приводимыя цифры относятся къ Франціи и взяты изъ переписи 1891 г.

пружескихъ паръ. Поэтому разница между этими двумя классами по отношенію къ самоубійству должна бы быть очень небольшая. На самомъ же дѣлѣ, уклоненіе уже довольно значительно. Точно также въ слѣдующемъ возрастѣ между 25—30 годами имѣется болѣе 1.000,000 холостыхъ изъ числа тѣхъ 2.000,000, которые въ ближайшемъ періодѣ, между 30—40 годами, вступятъ въ бракъ. И группа холостыхъ, не смотря на то, что насчитываетъ ихъ въ своихъ рядахъ, не только ничего не выигрываетъ, но именно въ этомъ періодѣ даетъ особенно сильно чувствовать свои отрицательныя качества. Ни въ какомъ другомъ возрастѣ не достигаетъ такой значительной величины разница между женатыми и холостыми въ смыслѣ наклонности ихъ къ самоубійству. Напротивъ, между 30—40 годами, когда раздѣленіе на 2 группы окончательно завершилось и классъ супруговъ почти заполнилъ всѣ свои кадры, коэффиціентъ предохраненія вмѣсто того, чтобы достичь своего апогея и обозначить такимъ образомъ тотъ фактъ, что супружескій подборъ дошелъ до своего предѣла, внезапно и рѣзко падаетъ; для мужчинъ съ 3,20 онъ спускается до 2,77; для женщинъ мы имѣемъ еще болѣе рѣзкое пониженіе отъ 2,22 до 1,53, т. е. на 32%.

Съ другой стороны этотъ подборъ, какимъ бы способомъ онъ ни совершался, долженъ производиться одинаково какъ среди юношей, такъ и среди дѣвушекъ, потому что жены не подбираются инымъ путемъ, чѣмъ мужья. Если моральное превосходство людей, состоящихъ въ бракѣ, есть слѣдствіе подбора, то оно должно въ равной степени отзываться на обоихъ полахъ и то же самое должно наблюдаться и въ области предохраненія отъ самоубійства. Въ дѣйствительности же во Франціи преимущества мужей по сравненію съ холостяками выше, чѣмъ преимущества женъ по сравненію съ дѣвицами. Для первыхъ коэффиціентъ предохраненія подымается до 3,20, только въ одномъ случаѣ спускается ниже 2,04 и большею частью колеблется около 2,80; для женъ максимумъ не превышаетъ 2,22 (въ

лучшемъ случаѣ, 2,39) [1]), а минимумъ даже ниже единицы (0,98). Поэтому можно считать, что во Франціи замужняя женщина ближе всего находится къ мужчинѣ въ смыслѣ наклонности къ самоубійству. Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ долю каждаго пола каждаго семейнаго положенія въ суммѣ самоубійствъ, совершенныхъ въ теченіе періода 1887—1891 гг.

	ДОЛЯ КАЖДАГО ПОЛА.			
	въ 100 самоубійствахъ лицъ, не состоящихъ въ бракѣ		въ 100 самоубійствахъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ	
Отъ 20—25 лѣтъ	70 мужч.	30 женщ.	65 мужч.	35 женщ.
„ 25—30 „	73 „	27 „	65 „	35 „
„ 30—40 „	84 „	16 „	74 „	26 „
„ 40—50 „	86 „	14 „	77 „	23 „
„ 50—60 „	88 „	12 „	78 „	22 „
„ 60—70 „	91 „	9 „	81 „	19 „
„ 70—80 „	91 „	9 „	78 „	22 „
Свыше . . .	90 „	10 „	88 „	12 „

Итакъ въ каждомъ возрастѣ [2]) доля женщинъ въ самоубійствахъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ, значительно выше, чѣмъ доля дѣвушекъ въ числѣ самоубійствъ, совершенныхъ безбрачными.

---

[1]) Мы дѣлаемъ эту оговорку потому, что коэффиціентъ 2,39 относится къ періоду отъ 15—20 лѣтъ, а такъ какъ самоубійства женъ очень рѣдки въ этомъ возрастѣ, ничтожное число наблюденій, послужившихъ основаніемъ для указанной цифры, дѣлаютъ ея точность нѣсколько сомнительной.

[2]) Чаще всего, когда сравниваютъ такимъ образомъ взаимоотношеніе половъ двухъ различныхъ семейныхъ положеній, то не думаютъ о томъ, чтобы исключить вліяніе возраста; при такомъ упущеніи получаются неправильные результаты. Такъ, напримѣръ, слѣдуя установившемуся методу, можно найти, что въ 1887—1891 гг. было 21 самоубійство замужнихъ женщинъ на 79 случаевъ среди женатыхъ мужчинъ и 19 случаевъ среди дѣвушекъ на 100 случаевъ среди холостыхъ; вычисленіе дѣлалось независимо отъ возраста. Эти

Конечно, это вовсе не значитъ, чтобы замужняя женщина была сильнѣе наклонна къ самоубійству, нежели дѣвушка; таблицы XX и XXI доказываютъ обратное; это значитъ лишь, что если женщинѣ удалось выйти замужъ, то она въ смыслѣ предохраненія отъ самоубійства выигрываетъ меньше, чѣмъ ея супругъ. Но если предохраненіе до такой степени неодинаково, то, очевидно, семейная жизнь различнымъ образомъ вліяетъ на моральный характеръ обоихъ половъ. Рѣшительное доказательство того, что эта неравномѣрность не имѣетъ другого источника, мы видимъ въ томъ, что указанная разность рождается и растетъ подъ вліяніемъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ, таблица XXI показываетъ, что въ своей отправной точкѣ коэффиціентъ предохраненія почти одинаковъ для обоихъ половъ (2,93 или 2 съ одной стороны, и 2,40 съ другой). Затѣмъ, мало-по-малу разница выступаетъ яснѣе: сначала потому, что коэффиціентъ у замужнихъ женщинъ достигаетъ своего максимума медленнѣе, чѣмъ у женатыхъ мужчинъ, а затѣмъ потому, что онъ падаетъ быстрѣе и на

цифры даютъ совершенно ложное представленіе о дѣлѣ. Вышеприведенная таблица показываетъ, что разница между долей замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ въ любомъ возрастѣ значительно больше. Причина ошибки заключается въ томъ, что разница между полами по отношенію къ числу самоубійствъ измѣняется вмѣстѣ съ возрастомъ въ обоихъ этихъ положеніяхъ. Между 70—80 годами она почти вдвое больше, чѣмъ въ возрастѣ 20 лѣтъ. Холостое населеніе почти цѣликомъ состоитъ изъ лицъ ниже 30-ти-лѣтняго возраста; если не принимать во вниманіе возрастъ, то полученный результатъ въ дѣйствительности выражаетъ собой ту разницу, которая наблюдается между холостяками и дѣвушками около 30 лѣтъ. Но такъ какъ средній возрастъ женатыхъ равняется 50 годамъ, то сравнивая это уклоненіе съ тѣмъ, которое раздѣляетъ мужей и женъ безъ различія ихъ возраста, мы въ сущности сравниваемъ 30-ти-лѣтнее неженатое съ 50-лѣтнимъ женатымъ населеніемъ. Сравненіе это ошибочно, и неточность его еще больше увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что разность между полами измѣняется не одинаковымъ образомъ въ зависимости отъ возраста этихъ двухъ группъ. Разность возрастаетъ сильнѣе среди холостыхъ, нежели среди людей, состоящихъ въ бракѣ.

большую величину. [1]) Если коэффиціентъ мѣняется по мѣрѣ того, какъ вліяніе семьи пріобрѣтаетъ извѣстную длительность, то это значитъ, что онъ находится онъ нея въ прямой зависимости.

Еще болѣе убѣдительнымъ является то обстоятельство, что положеніе обоихъ половъ по отношенію къ предохраненію отъ самоубійства, которымъ пользуются люди, состоящіе въ бракѣ, въ различныхъ странахъ неодинаково. Въ великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ въ наиболѣе благопріятномъ и защищенномъ положеніи оказываются не мужчины, а женщины, и въ дальнѣйшемъ мы найдемъ и другіе случаи такого отклоненія. Между тѣмъ, въ общемъ и цѣломъ, брачный подборъ всюду совершается одинаковымъ образомъ. Невозможно, слѣдовательно, допустить, чтобы онъ былъ существеннымъ факторомъ того преимущества, которымъ пользуются женатые люди по отношенію къ самоубійству, ибо иначе было бы необъяснимо, почему этотъ подборъ производитъ въ различныхъ странахъ различные результаты. Напротивъ, вполнѣ возможно, что семья въ двухъ различныхъ странахъ сложилась такимъ образомъ, что она различно дѣйствуетъ на оба пола; поэтому въ самомъ строеніи семейной группы должно искать главную причину интересующаго насъ явленія.

Какъ бы ни былъ интересенъ этотъ результатъ, но раньше всего надо совершенно точно опредѣлить его, потому что домашняя среда слагается изъ самыхъ различныхъ элементовъ. Для каждаго супруга семья состоитъ изъ 1) другого супруга и 2) изъ дѣтей. Первому или второму изъ этихъ элементовъ принадлежитъ благотворное вліяніе на наклонность къ самоубійству? Говоря другими словами, семья состоитъ изъ 2-хъ различныхъ союзовъ: съ одной

[1]) Точно также въ предыдущей таблицѣ можно видѣть, что съ возрастомъ отношеніе числа самоубійствъ среди женъ къ числу самоубійствъ среди мужей все болѣе и болѣе превышаетъ отношеніе числа самоубійствъ среди дѣвушекъ къ числу самоубійствъ среди *холостяковъ*.

стороны мы имѣемъ супружескую пару, а съ другой—семейную группу въ собственномъ смыслѣ этого слова. Эти два образованія имѣютъ различную природу и различное происхожденіе и потому не могутъ, по всей вѣроятности, производить одинаковыхъ результатовъ. Одинъ союзъ учреждается путемъ соглашенія и выбора, другой есть явленіе природы, кровное родство: первый соединяетъ собою двухъ представителей одного и того же поколѣнія, другой соединяетъ предыдущее поколѣніе съ послѣдующимъ; второй союзъ такъ же древенъ, какъ и само человѣчество, первый же принялъ организованную форму въ относительно позднюю эпоху. Если эти два образованія до такой степени розняться между собою, то a priori уже нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что бы они оба способствовали существованію интересующаго насъ явленія. Во всякомъ случаѣ, если и то и другое оказываетъ свое вліяніе, то не одинаковымъ образомъ и, по всей вѣроятности, не въ одинаковой мѣрѣ. Поэтому чрезвычайно важно разобраться въ томъ, участвуютъ-ли въ данномъ случаѣ оба элемента семьи, и если да, то какова доля каждаго изъ нихъ.

Мы имѣемъ доказательство того, что бракъ оказываетъ незначительное вліяніе на коэффиціентъ предохраненія отъ самоубійствъ; въ самомъ дѣлѣ, величина наклонности къ браку мало измѣнялась съ начала 19 вѣка, тогда какъ предрасположеніе къ самоубійству стало втрое сильнѣе. Въ 1821—1830 г. на 1.000 жителей приходилось 7, 8 годовыхъ браковъ, въ 1831—1850 гг.—8; въ 1851—1860 гг.—7,9; въ 1861—70 гг.—7,8; въ 1871—80 гг.—8. За этотъ же періодъ времени процентъ самоубійствъ на 1 мил. жителей съ 54 поднялся до 180. Съ 1880 до 1888 г. наклонность къ браку нѣсколько понизилась (стала 7,4 вмѣсто 8), но это пониженіе не стоитъ ни въ какой связи съ громаднымъ повышеніемъ числа самоубійствъ, которое за періодъ 1880—1887 гг. поднялось на 16% [1]).

1) Legoyt, op. cit. (стр. 175) и Corre („Crime et suicide" стр. 475) полагаютъ, что имъ удалось установить соотношеніе между

Кромѣ того, за періодъ 1865—1868 гг. средняя наклонность къ браку во Франціи (7,7) почти равняется по своей величинѣ соотвѣтственнымъ цифрамъ въ Даніи (7,8) и Италіи (7,6), хотя эти страны колоссально разнятся между собою въ смыслѣ числа самоубійствъ. [1]).

Въ теченіе 1887—1898 годовъ 1 мил. бездѣтныхъ супруговъ давалъ 644 случая самоубійствъ. Для того, чтобы знать, въ какой мѣрѣ само брачное состояніе, независимо отъ вліянія семьи, предохраняетъ людей отъ самоубійства, достаточно сравнить эту цифру съ той, которую даютъ холостые люди того же средняго возраста. Таблица XXI позволяетъ намъ произвести это сравненіе, и это одна изъ важнѣйшихъ услугъ, которыя она намъ оказываетъ. Средній возрастъ людей, состоящихъ въ бракѣ, такъ же, какъ и теперь, былъ тогда 48 лѣтъ 8 1/3 мѣсяцевъ. 1 мил. холостыхъ этого возраста даетъ **975** случаевъ самоубійства;

развитіемъ самоубійствъ и бракомъ. Заблужденіе ихъ раньше всего проистекаетъ отъ того, что они наблюдали слишкомъ короткій періодъ времени; затѣмъ они сравнивали новѣйшее время съ анормальнымъ 1872 годомъ, когда число браковъ во Франціи подымается до исключительной высоты, не встрѣчавшейся, начиная съ 1813 года, и вызванной необходимостью наполнить образовавшуюся пустоту среди брачнаго населенія послѣ кампаніи 1870 г.; подобный исключительный моментъ не можетъ служить мѣриломъ для наклонности къ браку. То же замѣчаніе относится и къ Германіи, и ко всей Европѣ. Повсемѣстно брачность дѣлаетъ въ эту эпоху рѣзкій скачокъ вверхъ. Внезапное и сильное повышеніе числа браковъ, продолжающееся порой вплоть до 1873 года, отмѣчено въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Англіи, Голландіи. Можно подумать, что вся Европа приняла на себя *заботу пополнить потери*, причиненныя франко-прусской войной. Вполнѣ естественно, что, спустя нѣкоторое время, число браковъ рѣзко уменьшилось; и конечно этотъ фактъ не имѣетъ того значенія, которое ему приписываютъ: См. Oettingen „Moralstatistik“, приложеніе, таблицы 1, 2, 3.

1) См. Levasseur „Population française“ т. II, стр. 208. Но въ нашихъ рукахъ есть гораздо болѣе вѣрное средство для того, чтобы точно измѣрить спеціальное вліяніе супружескаго союза на развитіе самоубійства: надо наблюдать это явленіе тамъ, гдѣ оно предоставлено самому себѣ, т. е. въ бездѣтныхъ семьяхъ.

644 относится къ 975, какъ 100 къ 150, т. е. у бездѣтныхъ супруговъ коэффиціентъ предохраненія равняется 1,5; они только на 1/3 убиваютъ себя рѣже, чѣмъ холостые того же возраста. Мы имѣемъ совершенно другую картину тамъ, гдѣ бракъ сопровождается дѣторожденіемъ. 1 мил. браковъ при наличности дѣтей въ теченіе того же періода ежегодно давалъ только 336 случаевъ самоубійства. Число это относится къ 975, какъ 100 къ 290, т. е. если бракъ плодовитъ, то коэффиціентъ предохраненія почти удваивается (2,90 вмѣсто 1,5.).

Супружескій союзъ играетъ такимъ образомъ второстепенную роль въ образованіи у людей, состоящихъ въ бракѣ, коэффиціента предохраненія. Къ тому же надо замѣтить, что въ предыдущемъ вычисленіи мы приписали этой роли нѣсколько большее значеніе, чѣмъ она имѣетъ въ дѣйствительности. Мы предположили, что бездѣтные супруги имѣютъ тотъ же средній возрастъ, что и супруги вообще, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они находятся, конечно, въ болѣе молодомъ возрастѣ. Они насчитываютъ въ своихъ рядахъ тѣ молодыя супружескія пары, которыя бездѣтны не въ силу своей безплодности, а потому, что, женившись слишкомъ рано, не имѣли еще времени пріобрѣсти дѣтей. Въ среднемъ, только къ 34 годамъ мужчина впервые дѣлается отцомъ[1]) и женится онъ приблизительно къ 28—29 годамъ. Часть женатаго населенія отъ 28-до 34-лѣтняго возраста цѣликомъ входитъ въ категорію бездѣтныхъ супруговъ, что значительно понижаетъ средній возрастъ этихъ послѣднихъ, и поэтому, принимая его за 46, мы, конечно, впали въ ошибку. Но, въ такомъ случаѣ безбрачный элементъ, съ которымъ ихъ надо было бы сравнивать, долженъ быть также не 46 лѣтъ, а моложе, и, слѣдовательно, съ меньшимъ процентомъ самоубійствъ. Въ силу этого, коэффиціентъ предохраненія, опредѣляемый одними только супружескими отношеніями, въ дѣйствительности ниже

1) См. Annuaire statistique de la France, 15 т., стр. 43.

1,5. Если бы мы знали точно средній возрастъ бездѣтныхъ супруговъ, то оказалось бы, что величина ихъ наклонности къ самоубійству приближается къ величинѣ холостыхъ еще сильнѣе, чѣмъ это показываютъ предыдущія цифры.

Ограниченное и незначительное вліяніе самого брака видно еще яснѣе изъ того, что вдовцы, оставшіеся съ дѣтьми, находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели бездѣтные супруги. Первые даютъ **937** случаевъ на 1.000000 жителей; средній возрастъ для нихъ—61 г. 8 $^1/_3$ мѣсяцевъ. Число холостыхъ въ этомъ возрастѣ (см. таблицу XXI) колеблется между 1434 и 1768, т. е. приблизительно въ среднемъ **1504**. Это число относится къ 937, какъ 160 къ 100. Вдовцы въ томъ случаѣ, если они остаются съ дѣтьми, имѣютъ коэффиціентомъ предохраненія 1,6, превосходятъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи бездѣтныхъ супруговъ. Надо къ тому же замѣтить, что, вычисляя коэффиціентъ такимъ образомъ, мы скорѣе пріуменьшимъ, чѣмъ преувеличимъ его. Въ самомъ дѣлѣ, семейные вдовцы имѣютъ, несомнѣнно, болѣе зрѣлый средній возрастъ, чѣмъ вдовцы бездѣтные. Вѣдь въ число этихъ послѣднихъ входятъ всѣ тѣ, бракъ которыхъ остается безплоднымъ только потому, что смерть слишкомъ рано прекратила его, т. е. самые молодые люди. Поэтому вдовцовъ съ дѣтьми надо бы сравнивать съ холостыми старше 62 лѣтъ, которые уже въ силу самого возраста болѣе наклонны къ самоубійству. Ясно, что при этомъ преимущество ихъ въ смыслѣ высоты коэффиціента выступило бы еще рельефнѣе [1]).

Правда, этотъ коэффиціентъ 1,6 значительно ниже, чѣмъ коэффиціентъ семейныхъ супруговъ 2,9; разница равняется по меньшей мѣрѣ 45%. Можно было бы думать, что самъ по себѣ брачный союзъ имѣетъ на наклонность къ самоубійству большее вліяніе, чѣмъ мы ему приписы-

[1]) По тѣмъ же самымъ причинамъ, средній возрастъ супруговъ съ дѣтьми долженъ быть выше, чѣмъ средній возрастъ супруговъ вообще, и слѣдовательно коэффиціентъ предохраненія 2,9 приходится признать нѣсколько пріуменьшеннымъ.

ваемъ, если съ его прекращеніемъ степень предохраненія остающагося въ живыхъ супруга до такой степени падаетъ. Но такой фактъ можно только въ очень слабой степени приписать разстройству брачнаго союза. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ дѣтей, вліяніе вдовства гораздо менѣе ощутительно. 1 мил. бездѣтныхъ вдовцовъ даетъ 1258 случаевъ самоубійства; эта цифра относится къ 1504—числу самоубійствъ среди холостыхъ въ 62-лѣтнемъ возрастѣ — какъ 100 къ 119; коэффиціентъ предохраненія выражается, слѣдовательно, приблизительно числомъ 1,2, которое лишь немного ниже коэффиціента 1,5, относящагося къ бездѣтнымъ супругамъ. Первое число меньше второго только на 20%. Итакъ, можно сказать, что, если смерть одного изъ супруговъ не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій кромѣ того, что разрушаетъ брачное сожитіе, обстоятельство это не особенно сильно отражается на склонности вдовца къ самоубійству. Слѣдовательно, бракъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, только въ слабой мѣрѣ сдерживаетъ эту наклонность, ибо съ прекращеніемъ брака эта послѣдняя не возрастаетъ сколько-нибудь значительно.

Что же касается до причины, усиливающей наклонность вдовцовъ къ самоубійству даже въ томъ случаѣ, если бракъ ихъ былъ плодовитъ, то искать ее надо въ присутствіи дѣтей. Конечно, съ одной стороны дѣти привязываютъ вдовца къ жизни, но съ другой ихъ существованіе значительно обостряетъ переживаемый вдовцомъ кризисъ. Въ этомъ случаѣ ударъ обрушивается не на одинъ только брачный союзъ; все теченіе семейной жизни оказывается нарушеннымъ. Въ механизмѣ семьи выпало существенное колесо, и онъ не можетъ правильно работать. Для того, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе, надо, чтобы человѣкъ взялъ на себя двойную работу и выполнялъ такія функціи, для которыхъ онъ не приспособленъ. Естественно, что въ такомъ положеніи человѣкъ утрачиваетъ ту степень предохраненія отъ самоубійства, которою онъ

обладалъ въ то время, когда брачный союзъ его не былъ разрушенъ. Коэффиціентъ предохраненія уменьшается не потому, что прекратилось брачное сожительство, а потому, что семья, въ которой этотъ человѣкъ является главой, въ корнѣ своемъ дезорганизовалась. Неурядицу влечетъ за собой потеря не жены, а матери семейства.

Незначительное вліяніе самого брачнаго союза, какъ такового, на величину коэффиціента предохраненія обнаруживается особенно ярко въ томъ случаѣ, если дѣло касается женщины и если въ лицѣ дѣтей этотъ союзъ не имѣетъ своего естественнаго дополненія. 1 мил. бездѣтныхъ женъ даетъ 221 случай самоубійства, 1 мил. дѣвушекъ (того же возраста, между 42—43 годами) даетъ только 150. Первое число относится ко второму, какъ 100 къ 67, а коэффиціентъ предохраненія падаетъ ниже единицы (0,67), т. е. въ дѣйствительности мы имѣемъ уже не предохраненіе отъ самоубійства, а обостреніе наклонности къ нему. Итакъ, во Франціи замужнія бездѣтныя женщины лишаютъ себя жизни въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ дѣвушки того же возраста. Мы уже констатировали раньше, что на жену семейная жизнь оказываетъ не столь сильное благопріятное вліяніе, какъ на мужа. Мы нашли теперь объясненіе этому факту: брачный союзъ, самъ по себѣ, отзывается на женщинѣ очень тяжело и способствуетъ увеличенію ея наклонности къ самоубійству.

Если тѣмъ не менѣе намъ показалось, что въ общемъ замужняя женщина обладаетъ нѣкоторымъ коэффиціентомъ предохраненія, то это произошло потому, что бездѣтныя супружества составляютъ исключеніе и въ громадномъ большинствѣ случаевъ присутствіе дѣтей смягчаетъ тяжелую сторону брака, но только смягчаетъ, а не болѣе того. Милліонъ женщинъ, имѣющихъ дѣтей, даетъ 79 случаевъ самоубійства; если сравнить это число съ процентомъ незамужнихъ женщинъ 42-лѣтняго возраста (150)—то получается слѣдующій выводъ: замужняя женщина, если она въ

то же самое время является и матерью, пользуется коэффиціентомъ предохраненія равнымъ 1,89, т. е. на 35% ниже того, которымъ обладаетъ мужчина при тѣхъ же условіяхъ [1]).

Поэтому, нельзя по отношенію къ вопросу о самоубійствѣ согласиться съ положеніемъ Бертильона: „когда женщина вступаетъ въ бракъ, то она выигрываетъ отъ этого союза больше, чѣмъ мужчина, но, естественно, страдаетъ сильнѣе, чѣмъ онъ, отъ его разрушенія“ [2]).

III.

Итакъ, то преимущество въ смыслѣ смертности отъ самоубійства, которымъ, вообще говоря, пользуются люди, состоящіе въ бракѣ, обязано, для одного пола цѣликомъ, а для другого въ значительной части, не вліянію самого супружескаго союза, а вліянію союза семейнаго. Однако, какъ мы уже видѣли, даже при отсутствіи дѣтей, женатые мужчины во всякомъ случаѣ находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, измѣряемомъ отношеніемъ 1 къ 1,5. Уменьшеніе въ размѣрѣ 50 случаевъ самоубійствъ на 150, т. е., иначе говоря, на 33%, хотя и значительно меньше того, которое наблюдается при наличности полной семьи, представляетъ все же достаточную величину для того, чтобы стоило заняться анализомъ причинъ этого явленія. Объясняется-ли оно спеціальнымъ, благотворнымъ вліяніемъ

---

1) Аналогичная разница замѣчается между коэффиціентомъ бездѣтныхъ супруговъ и бездѣтныхъ женъ, но здѣсь она еще значительнѣе. Второй коэффиціентъ (0,67) ниже перваго (1,5) на 66%. Присутствіе дѣтей возвращаетъ женщинѣ половину того, что она теряетъ, выходя замужъ. Это значитъ, что если женщина выигрываетъ въ смыслѣ пониженія наклонности къ самоубійству отъ брака меньше, чѣмъ мужчина, то семья, т. е. присутствіе дѣтей, дѣйствуетъ на нее болѣе благопріятно, чѣмъ на мужчину. Женщина сильнѣе мужчины подчиняется благотворному вліянію дѣтей.

2) Статья Mariage, Diction. encycl. 2-ая серія, т. V, стр. 36.

брака на мужчинъ или же представляетъ собою результатъ брачнаго подбора? Хотя выше мы уже доказали, что этотъ послѣдній не играетъ той главной роли, которую ему приписываютъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не имѣлъ никакого вліянія на наклонность къ самоубійству.

Существуетъ одно обстоятельство, на первый взглядъ подтверждающее эту гипотезу. Мы знаемъ, что коэффиціентъ предохраненія у бездѣтныхъ мужей не уничтожается, когда они теряютъ женъ, а только спускается съ 1,5 до 1,2. Вполнѣ очевидно, что степень предохраненія бездѣтныхъ вдовцовъ не можетъ быть отнесена на счетъ вдовства, которое само по себѣ не только не можетъ умѣрить наклонности къ самоубійству, но способно скорѣе усилить ее. Поэтому то преимущество, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, зависитъ отъ какой-нибудь болѣе ранней причины; бракъ не можетъ быть ею, такъ какъ искомая причина продолжаетъ оказывать свое дѣйствіе, даже тогда, когда умираетъ одинъ изъ супруговъ — жена. Естественно возникаетъ предположеніе, что преимущество это заложено въ какомъ-нибудь врожденномъ качествѣ супруговъ, которое обнаруживается, благодаря брачному подбору, но имъ не создается. Если это качество существовало у нихъ до брака, независимо отъ него, то ничуть не удивительно, что оно имѣетъ бо̀льшую длительность, нежели самый бракъ. Если брачное населеніе представляетъ собою избранную часть страны,—то то же самое неизбѣжно приходится сказать и объ его вдовствующей части. Правда, это врожденное превосходство проявляется у послѣднихъ слабѣе, наскольку они оказываются менѣе защищенными отъ наклонности къ самоубійству. Но вполнѣ понятно, что душевное потрясеніе, испытанное вдовцомъ, можетъ отчасти нейтрализовать это предохранительное вліяніе и помѣшать проявить ему свою силу въ полной мѣрѣ.

Однако, это объясненіе можетъ быть принято лишь въ томъ случаѣ, если оно въ равной мѣрѣ приложимо къ

обоимъ поламъ. Среди замужнихъ женщинъ необходимо найти хоть какіе-нибудь слѣды этого естественнаго предрасположенія, которое при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ предохраняло бы ихъ отъ самоубійства больше, чѣмъ дѣвушекъ. Уже одно то обстоятельство, что при отсутствіи дѣтей женщины убиваютъ себя чаще, чѣмъ дѣвушки того же возраста, плохо мирится съ гипотезой, согласно которой онѣ награждены отъ рожденія лично имъ присущимъ коэффиціентомъ предохраненія. Правда, можно, пожалуй, еще допустить, что этотъ коэффиціентъ для женщины существуетъ такъ же, какъ и для мужчины, но что онъ совершенно аннулируется въ теченіе брачнаго сожитія тѣмъ печальнымъ вліяніемъ, которое замужество оказываетъ на моральную личность женщины. Но если бы это врожденное качество только сдерживалось и маскировалось тѣмъ своеобразнымъ моральнымъ упадкомъ, который вызывается въ женщинѣ супружескими отношеніями, то оно должно было бы обнаружиться послѣ смерти супруга. Мы должны были бы наблюдать, что женщина, освободившись изъ-подъ гнета супружескаго ярма, возвращаетъ себѣ всѣ свои преимущества и утверждаетъ свое превосходство надъ тѣми изъ представительницъ своего поколѣнія, которымъ не удалось выйти замужъ. Другими словами, бездѣтныя вдовы, по сравненію съ дѣвицами должны были бы имѣть коэффиціентъ, по величинѣ приближающійся по меньшей мѣрѣ къ тому, которымъ пользуются бездѣтные вдовцы. Ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ: 1 мил. бездѣтныхъ вдовъ даетъ ежегодно **322** случая самоубійства; 1 мил. незамужнихъ женщинъ 60 лѣтъ (средній возрастъ для вдовы) даетъ число, колеблющееся между 189—204, приблизительно 196. Первое относится ко второму, какъ 100 къ 60. Бездѣтныя вдовы имѣютъ коэффиціентъ ниже единицы, иначе говоря, коэффиціентъ отрицательный; цифра **0,60** даже нѣсколько меньше, чѣмъ число, выражающее собой коэффиціентъ бездѣтныхъ замужнихъ женщинъ (0,67). Слѣдовательно, можно вполнѣ опредѣленно сказать, что вовсе не бракъ мѣшаетъ

этимъ послѣднимъ проявить ту естественную предохраненность отъ самоубійства, которую имъ приписываютъ.

Въ отвѣтъ на это могутъ возразить, что полному возрожденію благопріятныхъ свойствъ, заглохшихъ во время брака, мѣшаетъ то обстоятельство, что для женщины быть вдовой еще хуже, чѣмъ быть замужемъ. Надо сознаться, что это очень распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто вдова находится въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ вдовецъ. Обыкновенно указываютъ на матеріальныя и моральныя затрудненія, съ которыми вдовѣ приходится бороться, отстаивая свое существованіе, особенно если судьба заставляетъ прокармливать цѣлую семью.

Существуетъ даже мнѣніе, будто факты вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе. По мнѣнію Морселли[1]) статистикой установлено, что женщина-вдова менѣе отстаетъ отъ мужчинъ по степени наклонности къ самоубійству, чѣмъ тогда, когда она живетъ въ бракѣ; а такъ какъ, выходя замужъ, женщина въ этомъ смыслѣ уже приблизилась къ мужчинѣ, то, очевидно, для нея нѣтъ худшаго положенія, чѣмъ вдовство. Для подтвержденія этого тезиса Морселли приводитъ слѣдующія цифры, которыя, хотя и не относятся къ Франціи, но съ легкими измѣненіями наблюдаются у всѣхъ европейскихъ народовъ.

ГОДА.	Относительная часть каждаго пола въ 100 самоубійствахъ людей, находящихся въ бракѣ		Относительная часть каждаго пола въ 100 самоубійствахъ вдовыхъ.	
	Мужчинъ	Женщинъ	Мужчинъ	Женщинъ
1871	79%	21%	71%	29%
1872	78 „	22 „	68 „	32 „
1873	79 „	21 „	69 „	31 „
1874	74 „	26 „	57 „	43 „
1875	81 „	19 „	77 „	23 „
1876	82 „	18 „	78 „	22 „

1) Op. cit., стр. 342.

Доля женщины въ общей массѣ самоубійствъ, совершенныхъ обоими полами въ состояніи вдовства, дѣйствительно, кажется, значительно большей, чѣмъ въ суммѣ самоубійствъ, совершенныхъ людьми, состоящими въ бракѣ. Не служитъ-ли этотъ фактъ доказательствомъ того, что вдовство тяжелѣе переносится женщиной, чѣмъ замужество? Если это такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, овдовѣвъ, женщинѣ еще труднѣе, чѣмъ въ періодъ брачной жизни, проявить свои природныя положительныя свойства.

Къ несчастію, этотъ мнимый законъ покоится на фактической ошибкѣ. Морселли забылъ, что всюду вдовъ въ 2 раза больше, чѣмъ вдовцовъ. Во Франціи, въ круглыхъ цифрахъ, насчитывается 2.000000 первыхъ и 1.000000 вторыхъ. Въ Пруссіи, по переписи 1890 г., насчитывалось 450.000 однихъ и 1.319000 другихъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что относительное число самоубійствъ у вдовъ значительнѣе, чѣмъ у замужнихъ женщинъ, которыхъ, само собою разумѣется, имѣется ровно столько же, какъ и женатыхъ мужчинъ. Для того, чтобы сравненіе имѣло какую-нибудь цѣнность, надо обѣ группы населенія привести къ одинаковому уровню; но если выполнить эту предосторожность, получится результатъ обратный тому, какой даетъ Морселли. Въ среднемъ возрастѣ вдовъ, т. е. въ 60-лѣтнемъ возрастѣ, 1 мил. женщинъ даетъ 154 случая самоубійства и 1 м. мужчинъ 577. Доля женщинъ (21%) значительно уменьшается для вдовъ. На 1 м. вдовъ приходится 210 случаевъ, а на 1 м. вдовцовъ 1017. Мы видимъ, что изъ 100 самоубійствъ вдовыхъ обоего пола на долю женщинъ приходится только 17. Напротивъ, пропорція мужчинъ поднимается отъ 79 до 83%. Итакъ, становясь вдовцомъ, мужчина теряетъ больше, чѣмъ женшина, *попадающая въ аналогичное положеніе*, такъ какъ онъ теряетъ при этомъ нѣкоторыя изъ тѣхъ преимуществъ, которыя связаны для него съ брачнымъ состояніемъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что эта перемѣна положенія приноситъ женщинѣ больше заботъ и огорченія, чѣмъ муж-

чинѣ; дѣйствительность говоритъ намъ обратное. Извѣстно, что смертность среди вдовцовъ значительно выше, чѣмъ среди вдовъ; то же можно сказать и относительно вторичнаго вступленія въ бракъ. Вдовцы въ любомъ возрастѣ въ 3 или въ 4 раза чаще вторично женятся, чѣмъ холостяки вступаютъ въ бракъ, тогда какъ вдовы выходятъ замужъ только немногимъ больше, чѣмъ дѣвушки. Женщина съ такою же степенью холодности относится ко вторичному замужеству, съ какою горячностью мужчина стремится вторично жениться [1]). Дѣло обстояло бы совершенно иначе, если бы положеніе вдовца легко переносилось мужчиной, и если бы, наоборотъ, женщина, согласно общераспространенному мнѣнію, такъ много терпѣла отъ потери мужа [2]).

Но, если въ положеніи вдовы нѣтъ ничего такого, чтобы спеціально парализовать тѣ природныя качества, которыя предполагаются у женщины въ силу одного того, что она была избрана въ супруги, и если качества эти не проявляютъ себя во время брака хоть сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, — то нѣтъ никакого основанія предполагать, что они дѣйствительно существуютъ. Гипотеза брачнаго подбора совершенно не примѣнима къ женщинѣ; ничто не даетъ намъ права предполагать, что женщина, призванная къ замужеству, обладаетъ привилегированною натурой, предохраняющей ее въ извѣстной мѣрѣ отъ самоубійства. Слѣдовательно, настолько же неосновательно аналогичное предположеніе на счетъ мужчины. Коэффиціентъ

---

1) См. Бертильонъ „Les célibataires, les veufs etc.“ („Revue scientifique“ 1879 г.).

2) Въ подтвержденіе своего тезиса, Морселли приводитъ также то доказательство, что тотчасъ же послѣ войны случаи самоубійства среди вдовъ гораздо больше увеличились, чѣмъ среди замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Но онъ забываетъ, что этотъ фактъ имѣетъ самое простое объясненіе: послѣ войны число вдовъ исключительно увеличивается; поэтому вполнѣ естественно, что въ ихъ средѣ учащаются и случаи самоубійства и что это увеличеніе держится до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе и различныя категоріи семейнаго положенія не вернутся къ своему нормальному процентному отношенію.

1, 5, которымъ пользуются бездѣтные супруги, получается вовсе не потому, что эти люди происходятъ отъ самой здоровой части населенія; онъ можетъ являться только результатомъ брака. Надо признать, что супружескій союзъ, столь пагубный для женщины, дѣйствуетъ на мужчину, даже и при отсутствіи дѣтей, благотворнымъ образомъ. Мужчины, вступающіе въ бракъ, вовсе не составляютъ природной аристократіи: вступая въ бракъ, они не обладаютъ совершенно опредѣлившимся душевнымъ складомъ, который могъ бы предохранить ихъ отъ самоубійства. Но этотъ складъ развивается подъ вліяніемъ самаго брачнаго сожительства. Во всякомъ случаѣ, если женатые мужчины обладаютъ нѣкоторыми природными преимуществами, то послѣднія носятъ очень смутный и неопредѣленный характеръ, потому что остаются въ бездѣйствіи, пока не являются на сцену какія-нибудь дополнительныя условія. Совершенно справедливо, что самоубійство зависитъ главнымъ образомъ не отъ внутреннихъ свойствъ индивида, а отъ внѣшнихъ причинъ, управляющихъ людьми.

Намъ остается разрѣшить еще одинъ очень важный вопросъ. Если этотъ коэффиціентъ—1, 5, не зависящій отъ присутствія или отсутствія дѣтей, обязанъ своимъ существованіемъ браку, то почему же онъ переживаетъ самый бракъ и, правда, въ нѣсколько смягченной формѣ (1,2), но все-таки встрѣчается у бездѣтныхъ вдовцовъ? Если отбросить теорію брачнаго подбора, объясняющую это явленіе, то чѣмъ другимъ объяснить его?

Для этого достаточно предположить, что привычки, вкусы, скрытыя наклонности, образовавшіеся въ брачномъ сожительствѣ, не исчезаютъ вслѣдъ за его прекращеніемъ; нѣтъ ничего естественнѣе этой гипотезы. Если женатый человѣкъ, даже при отсутствіи дѣтей, питаетъ къ самоубійству относительно большее отвращеніе, то неизбѣжно, что частица этого отрицательнаго чувства остается въ его душѣ и тогда, когда онъ становится вдовцомъ. Но такъ какъ вдовство неизбѣжно связано съ нѣкоторымъ моральнымъ

потрясеніемъ, и такъ какъ всякое нарушеніе равновѣсія, какъ мы покажемъ дальше, толкаетъ человѣка на самоубійство, это отрицательное отношеніе къ самоубійству сохраняется лишь въ ослабленномъ видѣ. У женщины, по этимъ же причинамъ, мы можемъ наблюдать обратное явленіе; такъ какъ бездѣтная женщина убиваетъ себя чаще, чѣмъ дѣвушка,—то, овдовѣвъ, она сохраняетъ эту повышенную наклонность, которая даже нѣсколько усиливается въ связи съ тѣмъ моральнымъ разстройствомъ и тою жизненной неприспособленностью, которыя несетъ съ собою вдовство для женщины. Но только вслѣдствіе того, что тяжелое вліяніе, которое оказывалъ на нее бракъ, дѣлаетъ для нея переходъ къ вдовству болѣе легко переносимымъ, и самое ухудшеніе носитъ незначительный характеръ; коэффиціентъ понижается только на нѣсколько сотыхъ (0,60 вмѣсто 0,67) [1]).

Наше объясненіе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что оно есть только частный случай болѣе общаго положенія, которое можно формулировать слѣдующимъ образомъ: въ данномъ обществѣ наклонность къ самоубійству для каждаго пола въ состояніи

1) Когда налицо имѣются дѣти, то пониженіе коэффиціента предохраненія, испытываемое обоими полами съ состоянія вдовства почти одинаково. Коэффиціентъ семейныхъ мужей равняется—2,9 и опускается при вдовствѣ до 1,6. У женщины при тѣхъ же обстоятельствахъ мы имѣемъ пониженіе отъ 1,89 до 1,06. Въ первомъ случаѣ уменьшеніе равно 45%, во второмъ 44%. Какъ мы уже говорили, вдовство имѣетъ двоякое послѣдствіе: оно нарушаетъ, во 1-хъ, супружескій союзъ и, во 2-хъ,—семейный союзъ. Первое гораздо менѣе ощущается женщиной, чѣмъ мужчиной, именно потому, что она меньше выигрываетъ отъ самаго брака. Но зато второе сильнѣе отзывается на женщинѣ, чѣмъ на мужчинѣ. Въ очень многихъ случаяхъ вдовѣ труднѣе замѣнить въ семьѣ мужа, какъ главу ея, чѣмъ вдовцу замѣнить умершую жену въ хозяйствѣ. Если имѣются дѣти, то происходитъ своего рода компенсація, благодаря которой наклонность къ самоубійству измѣняется подъ вліяніемъ вдовства для обоихъ супруговъ въ одинаковой степени. Такимъ образомъ именно при отсутствіи дѣтей вдова отчасти возмѣщаетъ то, что она потеряла, вступивъ въ бракъ.

вдовства вляется функціей наклонности къ самоубійству, присущей тому же полу въ брачномъ сожительствѣ. Если мужъ въ сильной степени предохраненъ отъ самоубійства, то вдовецъ сохраняетъ ту же позицію по отношенію къ самоубійству, хотя, само собой разумѣется, въ болѣе слабой степени. Если первый слабо защищенъ отъ самоубійства, но второй или вовсе лишенъ предохраненія или обладаетъ имъ только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Для того, чтобы подтвердить правильность этого тезиса, достаточно указать на таблицы XX и XXI и тѣ выводы, которые оттуда непосредственно вытекаютъ. Мы видѣли, что одинъ полъ находится въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ другой, какъ во время брака, такъ и въ состояніи вдовства; тотъ изъ нихъ, за которымъ остается привилегія въ первомъ случаѣ, сохраняетъ свое преимущество и во второмъ. Во Франціи мужья обладаютъ болѣе высокимъ коэффиціентомъ предохраненія, чѣмъ жены; такое же соотношеніе сохраняется и въ случаѣ вдовства. Въ герцогствѣ Ольденбургскомъ среди женатаго населенія можно наблюдать обратное явленіе: женщины пользуются большею степенью предохраненія, чѣмъ мужчины, независимо отъ того, вдовѣютъ-ли онѣ или состоятъ въ бракѣ.

Но въ виду того, что эти два единственные случая могутъ, и вполнѣ справедливо, показаться не вполнѣ убѣдительными, такъ какъ съ другой стороны статистическія данныя не даютъ намъ нужныхъ свѣдѣній для провѣрки нашего предположенія относительно другихъ странъ, то мы прибѣгнули къ слѣдующему пріему. Для того, чтобы расширить поле для нашего сравненія, мы вычислили отдѣльно процентъ самоубійствъ для каждой возрастной группы и для каждаго семейнаго положенія, съ одной стороны для департамента Сены, а съ другой для всѣхъ другихъ французскихъ департаментовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Двѣ соціальныя группы, изолированныя, такимъ образомъ, одна отъ другой, достаточно разнятся между собою для того, чтобы можно

было надѣяться вынести изъ этого сравненія что-нибудь поучительное. И въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ таблицы XXII, семейная жизнь дѣйствуетъ въ этихъ двухъ случаяхъ различнымъ образомъ на наклонность къ самоубійству.

ТАБЛИЦА XXII.

Сравненіе процента самоубійствъ на 1.000000 жителей каждой возрастной группы и каждаго семейнаго положенія въ департаментѣ Сены и въ провинціи (1889—1891).

Возрастъ	Мужчины (провинція). Холостые	Женат.	Вдовцы	Коэффиціентъ предохраненія по отношенію къ холостымъ. Женат.	Вдовцы	Женщины (провинція) Незамужнія	Замужнія	Вдовы	Коэффиціентъ предохран. по отношенію къ незамужнимъ. Замуж.	Вдовы
15—20	100	400	—	0,25	—	67	36	375	1,86	0,17
20—25	214	95	153	2,25	1,39	95	52	76	1,82	1,25
25—30	365	103	373	3,54	0,97	122	64	156	1,90	0,78
30—40	590	202	511	2,92	1,15	101	74	174	1,36	0,58
40—50	976	295	633	3,30	1,54	147	95	149	1,54	0,98
50—60	1445	470	852	3,07	1,69	178	136	174	1,30	1,02
60—70	1790	582	1047	3,07	1,70	163	142	221	1,14	0,73
70—80	2000	664	1252	3,01	1,59	200	191	223	1,04	0,85
Свыше	1458	762	1129	1,91	1,29	160	108	221	1,48	0,72
Средній коэффиціентъ предохраненія . .				2,88	1,45	Средній коэффиц. предохраненія . .			1,49	0,78
	Мужчины (департаментъ Сены)					Женщины (департ. Сены)				
15—20	280	2000	—	0,14	—	224	—	—	—	—
20—25	487	128	—	3,80	—	196	64	—	3,06	—
25—30	599	298	714	2,01	0,83	328	103	296	3,18	1,10
30—40	869	436	912	1,99	0,95	281	156	373	1,80	0,75
40—50	985	808	1459	1,21	0,67	357	217	289	1,64	1,23
50—60	1367	1152	2321	1,18	0,58	456	353	410	1,29	1,11
60—70	1500	1559	2902	0,96	0,51	515	471	637	1,09	0,80
70—80	1783	1741	2082	1,02	0,85	326	677	464	0,48	0,70
Свыше	1923	1111	2089	1,73	0,92	508	277	591	1,83	0,85
Средній коэффиціентъ предохраненія . .				1,56	0,75	Средній коэффиц. предохраненія . .			1,79	0,93

Итакъ, мы видимъ, что въ провинціальныхъ департаментахъ мужья предохранены отъ самоубійства гораздо сильнѣе, чѣмъ жены. Коэффиціентъ первыхъ только въ четырехъ случаяхъ спускается ниже 3-хъ [1]), тогда какъ для женщинъ онъ не достигаетъ 2-хъ, средній коэффиціентъ въ первомъ случаѣ равенъ 2,88, во второмъ 1,49. Въ департаментѣ же Сены мы видимъ какъ разъ обратное явленіе: средній коэффиціентъ для мужчинъ только 1,56, для женщинъ 1,79 [2]). Такое же обратное соотношеніе можно наблюдать и между вдовцами и вдовами. Въ провинціи средній коэффиціентъ вдовцовъ равенъ 1,45, а у вдовъ онъ значительно ниже—(0,78). Въ департаментѣ же Сены, наоборотъ, второй превышаетъ первый и подымается до 0,93, то есть почти до 1, тогда какъ первый опускается до 0,75. Итакъ, *на чьей бы сторонѣ ни было преимущество въ смыслѣ предохраненія отъ самоубійства, вдовство всегда слѣдуетъ за брачнымъ сожительствомъ.*

Больше того, если посмотрѣть, какимъ образомъ коэффиціентъ супруговъ измѣняется въ зависимости отъ соціальной группы, и если затѣмъ повторить то же изысканіе относительно вдовыхъ, то получатся слѣдующіе результаты:

Коэффиціентъ супруговъ въ провинціи . . . $\frac{2,88}{1,56} = 1,84$
„ „ „ департ. Сены . .
Коэффиціентъ вдовцовъ въ провинціи . . . $\frac{1,45}{0,75} = 1,93.$
„ „ „ департ. Сены . .

---

1) На таблицѣ XXII можно видѣть, что въ Парижѣ, какъ и въ провинціи, коэффиціентъ женатыхъ мужчинъ, моложе 20-ти лѣтъ, ниже 1, т. е. на самомъ дѣлѣ онъ превращается въ предрасположеніе. Это явленіе только подтверждаетъ вышеизложенный законъ.

2) Отсюда видно, что когда женскій полъ выигрываетъ отъ брака больше, то разность соотношенія между коэффиціентами обоихъ половъ становится меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если преимущество оказывается на сторонѣ мужа. Въ этомъ явленіи мы видимъ новое подтвержденіе сдѣланнаго выше замѣчанія.

А для женщинъ мы имѣемъ слѣдующія данныя:

Коэффиціентъ замужныхъ въ департ. Сены . $\frac{1,79}{1,49} = 1,20$
„ „ „ провинціи . . . .

Коэффиціентъ вдовъ въ департ. Сены . . . $\frac{0,93}{0,78} = 1,19.$
„ „ „ провинціи . . . . .

Числовыя соотношенія для каждаго пола почти одинаковы (разница въ нѣсколькихъ сотыхъ), при чемъ для женщинъ мы имѣемъ почти абсолютное равенство. Итакъ, если коэффиціентъ супруговъ повышается или понижается, то не только измѣняется въ соотвѣтственную сторону коэффиціентъ вдовыхъ, но второй увеличивается и уменьшается въ той же самой пропорціи. Эти отношенія могутъ быть выражены даже въ еще болѣе убѣдительной формѣ при помощи приведеннаго нами выше закона. Въ самомъ дѣлѣ, изъ только что установленныхъ нами отношеній слѣдуетъ, что вдовство уменьшаетъ степень предохраненія всегда въ одной и той же степени:

Мужья въ провинціи . . . . . $\frac{2,88}{1,45} = 1,98$
Вдовцы „ „ . . . . . .

Мужья въ департ. Сены . . . . . $\frac{1,56}{0,75} = 2,0$
Вдовцы „ „ „ . . . . . .

Замужнія женщ. въ провинціи. . . $\frac{1,49}{0,78} = 1,91$
Вдовы „ „ „ . . . .

Замужнія женщ. въ деп. Сены. . . $\frac{1,79}{0,93} = 1,92.$
Вдовы „ „ „ „ . . . .

Коэффиціентъ вдовыхъ равняется приблизительно половинѣ коэффиціента находящихся въ бракѣ. Поэтому не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наклонность вдовцовъ къ самоубійству является функціей соотвѣтствующей наклонности у женатыхъ людей; другими словами, первая есть въ извѣстной степени слѣдствіе второй. Но разъ бракъ, даже въ случаѣ его бездѣтности, предохраняетъ мужа отъ самоубійства, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и вдовецъ сохраняетъ въ себѣ это счастливое свойство.

Полученный нами выводъ помимо того, что разрѣшаетъ поставленный нами вопросъ, бросаетъ еще нѣкоторый свѣтъ на самую природу вдовца. Онъ говоритъ намъ, что вдовство само по себѣ не есть вовсе безусловно тяжелое положеніе; очень часто вдовство оказывается лучше безбрачія. Суть дѣла заключается въ томъ, что моральное состояніе вдовцовъ и вдовъ не представляетъ изъ себя ничего специфическаго, но зависитъ отъ духовной природы супруговъ того же пола и той же страны. Вдовство является въ этомъ отношеніи какъ бы продолженіемъ брачнаго состоянія. Скажите мнѣ, какимъ образомъ въ данной странѣ бракъ и семейная жизнь отражается на мужчинахъ и женщинахъ, и я скажу вамъ, какъ вліяетъ на тѣхъ и другихъ вдовство. Жизнь распорядилась такъ, что создала въ данномъ случаѣ очень счастливую компенсацію: тамъ, гдѣ бракъ и семейная жизнь удачны, кризисъ, наступающій со вдовствомъ, переносится людьми тяжелѣе, но человѣкъ лучше вооруженъ для того, чтобы встрѣтить его лицомъ къ лицу; наоборотъ, критическій періодъ переживается легче, когда брачная и семейная атмосфера оставляютъ желать лучшаго, но зато люди обладаютъ меньшей способностью сопротивленія, когда умираетъ одинъ изъ супруговъ и брачная жизнь прекращается. Итакъ, въ той средѣ, гдѣ мужчина выигрываетъ отъ семейной жизни больше, чѣмъ женщина, онъ страдаетъ сильнѣе, если остается одинъ, но въ то же время онъ въ состояніи лучше переносить жизненныя испытанія, потому что благотворное вліяніе брака сдѣлало его болѣе способнымъ противостоять порывамъ отчаянія.

IV.

Нижеслѣдующая таблица резюмируетъ только что установленные нами факты [1]).

---

1) Г. Бертильонъ (см. цитированную нами выше статью въ Revue scientifique) уже далъ процентъ самоубійствъ для лицъ различ-

Вліяніе, оказываемое семьей на каждый полъ.

Мужчины	Относ. число самоубійствъ.	Коэффиціентъ предохраненія по отношенію къ холостымъ.	Женщины	Относ. число самоубійствъ.	Коэффиціентъ предохраненія по отношенію къ незамужн.
Холостые 45 лѣтъ	975		Незамужн. 42 лѣтъ	150	
Женат. съ дѣтьми	336	2,9	Замужн. съ дѣтьми	79	1,89
Женат. бездѣтн.	644	1,5	Замужн, бездѣт.	221	0,67
Холостые 60 лѣтъ	1,504		Незамужн. 60 лѣтъ	196	
Вдовцы съ дѣтьми	937	1,6	Вдовы съ дѣтьми	186	1,06
Вдовцы бездѣтн.	1,258	1,2	Вдовы бездѣтныя	322	0,6

Изъ этой таблицы и изъ предыдущихъ замѣчаній можно видѣть, что бракъ имѣетъ свое спеціальное, предохраняющее вліяніе на самоубійство. Но это вліяніе очень

ныхъ семейныхъ положеній, смотря по тому, имѣются-ли налицо дѣти или нѣтъ. Вотъ результаты, къ которымъ онъ пришелъ:

Женатые мужчины съ дѣтьми . . .	205	случаевъ	на	1	тыс.	жителей
„ „ безъ дѣтей . .	478	„	„	„	„	„
Женщины съ дѣтьми	45	„	„	„	„	„
„ бездѣтныя	158	„	„	„	„	„
Вдовцы съ дѣтьми	526	„	„	„	„	„
„ бездѣтные	1004	„	„	„	„	„
Вдовы съ дѣтьми	104	„	„	„	„	„
„ бездѣтныя	238	„	„	„	„	„

Эти цифры относятся къ 1861—68 годамъ; онѣ подтверждаютъ цифры, найденныя нами, если принять во вниманіе общее увеличеніе самоубійствъ. Но въ виду того, что отсутствіе таблицы, аналогичной съ нашей XXI, не позволяетъ сравнить мужей-вдовцовъ съ холостяками того же возраста, здѣсь нельзя установить ничего опредѣленнаго относительно коэффиціента предохраненія. Насъ, съ другой стороны, интересуетъ вопросъ, относятся-ли эти цифры ко всей странѣ. Въ Bureau de la statistique de France насъ увѣрили, что въ переписяхъ до 1886 года никогда не дѣлалось различія между семейными и бездѣтными супругами, за исключеніемъ 1855 г., когда это различіе было сдѣлано повсюду, кромѣ департамента Сены.

ограничено и, кромѣ того, дѣйствуетъ только по отношенію къ одному полу. Какъ бы ни было для насъ полезно установить наличность этого обстоятельства (полную его оцѣнку мы даемъ ниже), нельзя отрицать, что существеннымъ факторомъ предохраненія отъ самоубійства людей, состоящихъ въ бракѣ, является все-таки семья, т. е. сплоченная группа, образуемая родителями и дѣтьми. Конечно, поскольку супруги входятъ въ составъ этой группы въ качествѣ ея членовъ, они тоже оказываютъ другъ на друга свою долю вліянія, но только не какъ мужъ и жена, а какъ отецъ и мать, какъ органы семейнаго союза. Если исчезновеніе одного изъ нихъ увеличиваетъ шансы другого покончить жизнь самоубійствомъ, то это происходитъ не потому, что смерть разорвала связывающія ихъ лично узы, а въ силу того, что въ результатѣ наносится ударъ семьѣ, который и отзывается отрицательно на супругѣ, оставшемся въ наличности. Предполагая въ дальнѣйшемъ заняться спеціально разсмотрѣніемъ вліянія, оказываемаго бракомъ, мы скажемъ теперь, что семейный союзъ точно такъ же, какъ и религіозный, является могучимъ предохраняющимъ средствомъ отъ самоубійства.

Это предохраненіе тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше семья, т. е. чѣмъ больше число ея членовъ.

Мы уже развивали и обосновывали это положеніе въ статьѣ, помѣщенной въ „Revue philosophique“ въ ноябрѣ 1888 г. Но недостатокъ статистическихъ данныхъ, бывшихъ въ то время въ нашемъ распоряженіи, не позволилъ намъ доказать нашу мысль съ тою убѣдительностью, какой мы желали. Въ самомъ дѣлѣ, мы не знали тогда, каковъ былъ средній уровень семьи во всей Франціи вообще и въ каждомъ департаментѣ въ частности. Мы должны были исходить изъ предположенія, что плотность семьи зависитъ исключительно отъ количества дѣтей, и такъ какъ это число въ переписи не было указано, то для опредѣленія его намъ пришлось руководиться косвеннымъ методомъ, а именно тѣмъ, который въ демографіи называется физіологическимъ

приращеніемъ—т. е. годовымъ избыткомъ рожденій надъ тысячью смертей. Конечно, такая постановка изслѣдованія не лишена основанія, потому что тамъ, гдѣ наблюдается большое приращеніе, семьи въ общемъ не могутъ быть малодѣтными, хотя полной причинной связи здѣсь нѣтъ, и часто ожидаемаго результата можетъ и не получиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣти имѣютъ привычку рано покидать своихъ родителей,—либо въ цѣляхъ эмиграціи, либо желая устроиться своимъ хозяйствомъ, либо въ силу какой-либо другой причины. Въ такихъ случаяхъ размѣры семьи не пропорціональны числу ея членовъ. Семья можетъ опустѣть, несмотря на то, что бракъ былъ плодовитъ. Именно такъ обыкновенно и случается въ культурныхъ слояхъ общества, гдѣ дѣти съ самаго ранняго возраста покидаютъ родительскій домъ, для того чтобы получить или закончить свое образованіе, или среди жалкой бѣдноты, гдѣ жестокая борьба за существованіе вынуждаетъ семью преждевременно мобилизировать всѣ свои рабочія силы. Напротивъ, при средней степени дѣторождаемости, семья можетъ сохранить достаточное или даже высокое число составныхъ элементовъ, если взрослыя холостыя или даже женатыя дѣти продолжаютъ жить съ родителями подъ общей кровлей и образуютъ всѣ вмѣстѣ одно общее хозяйство. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, съ достовѣрностью опредѣлить относительную величину семейныхъ группъ можно только тогда, когда ихъ наличный составъ хорошо извѣстенъ.

Перепись 1886 г., результаты которой были опубликованы только въ 1888 г., предоставила въ наше распоряженіе эти нужныя намъ данныя. Если, пользуясь ими, опредѣлить соотношенія между самоубійствомъ и среднимъ наличнымъ составомъ семьи въ различныхъ французскихъ департаментахъ, то полученные результаты выразятся слѣдующимъ образомъ:

По мѣрѣ того, какъ уменьшается число самоубійствъ, размѣры семьи правильно увеличиваются.

Если вмѣсто того, чтобы сравнивать среднія числа, мы проанализируемъ содержимое каждой группы, то не

	Число самоубійствъ на 1 м. жителей (1878—1887 г.)	Среднее количество членовъ въ 100 семьяхъ (1886)
1-ая группа (11 департаментовъ). . .	Отъ 430—380	347
2-ая группа (6 деп.) . . .	„ 300—240	360
3-ья группа (15)	„ 230—180	376
4-ая группа (18)	„ 170—130	393
5-ая группа (26)	„ 120— 80	418
6-ая группа (10)	„ 70— 30	434

найдемъ ничего, что бы не подтверждало этого заключенія.

Во всей Франціи средній составъ 10 семей равняется 39 человѣкамъ. Если высчитать, сколько въ каждой изъ этихъ 6 группъ имѣется департаментовъ со средней величиной семьи, стоящей выше, и сколько со средней величиной семьи, стоящей ниже, чѣмъ средняя для всей Франціи, то получится слѣдующая картина.

	Сколько въ каждой группѣ департам. (въ %).	
	съ семьей ниже средней величины	съ семьей выше средней величины
1-ая группа	100%	0%
2-ая „ „	84%	16%
3-ья „ „	60 „	30 „
4-ая „ „	33 „	63 „
5-ая „ „	19 „	81 „
6-ая „ „	0 „	100 „

Группа, гдѣ процентъ самоубійствъ наибольшій, заключаетъ въ себѣ исключительно тѣ департаменты, гдѣ семейный составъ ниже средняго уровня. Мало-по-малу, но совершенно равномѣрно это соотношеніе принимаетъ обратный характеръ, до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ полная

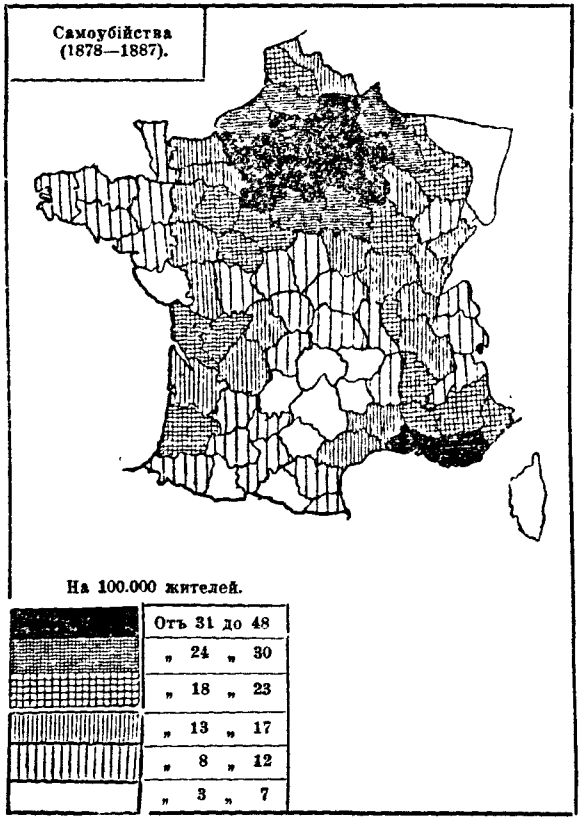
противоположность. Въ послѣдней группѣ, гдѣ самоубійства чрезвычайно рѣдки, всѣ департаменты имѣютъ плотность семьи выше средняго уровня.

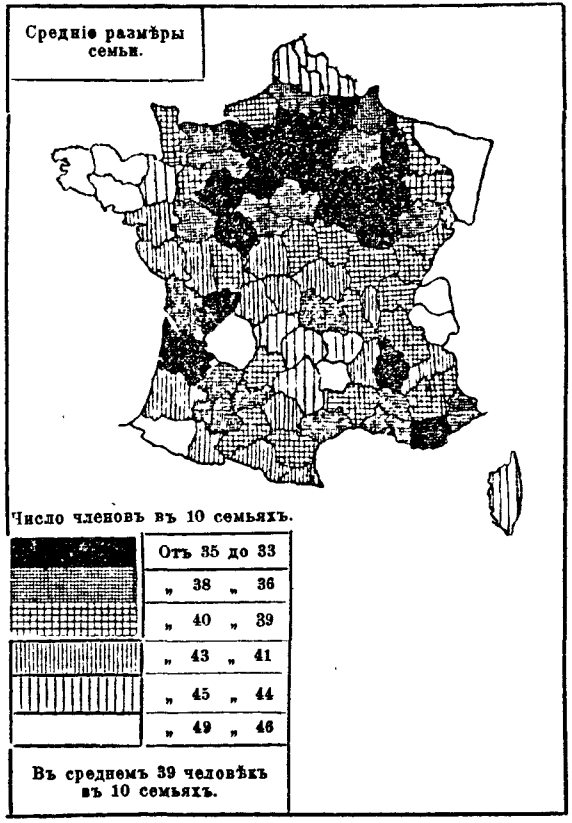
Двѣ прилагаемыя ниже карты даютъ намъ такую же общую картину. Области съ наименьшими размѣрами семьи имѣютъ тѣ же границы, что и наиболѣе интенсивная зона самоубійствъ. Эта послѣдняя занимаетъ сѣверъ и востокъ Франціи и простирается съ одной стороны вплоть до Бретани, съ другой до Луары. Напротивъ, на западѣ и на югѣ, гдѣ случаи самоубійствъ рѣдки, семьи имѣютъ, въ общемъ, значительный составъ. Это взаимоотношеніе можно прослѣдить нѣсколько детальнѣе. Въ сѣверной области слѣдуетъ отмѣтить два департамента, выдѣляющіеся своею слабою наклонностью къ самоубійству: это департаменты Nord и Pas-de-Calais. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что въ департаментѣ Nord очень сильно развита промышленность, а она очень благопріятствуетъ развитію самоубійствъ. Та же особенность бросалась въ глаза и на другой картѣ. Въ указанныхъ двухъ департаментахъ размѣръ семьи значителенъ, тогда какъ во всѣхъ сосѣднихъ департаментахъ онъ очень низокъ. На югѣ на обѣихъ картахъ мы имѣемъ темное пятно, образуемое департаментами Bouches-du-Rhône, Var и Alpes Maritimes; равнымъ образомъ на обѣихъ картахъ Бретань образуетъ свѣтлое пятно. Всякія отступленія отъ вышеизложеннаго являются исключеніемъ и къ тому же крайне незначительны. Принимая во вниманіе множество фактовъ, которыми обусловливается это сложное явленіе, нельзя не считать значительнымъ такое поразительное совпаденіе.

Такое же, но только обратное соотношеніе, можно найти въ томъ процессѣ, какимъ эти два явленія развивались съ теченіемъ времени. Начиная съ 1826 года, число самоубійствъ непрестанно возрастаетъ, а рождаемость сокращается. Съ 1821—1830 г. на 10.000 жителей приходилось 308 рожденій, въ теченіе періода 1881—88 гг. цифра эта понизилась до 240, и за весь этотъ промежутокъ со-

Діаграмма IV.

Самоубійства и размѣры семьи.

кращеніе числа дѣторожденій не прекращалось. Въ то же самое время нельзя не замѣтить, что семья стремится все сильнѣе и сильнѣе распылиться и разбиться на отдѣльныя части. Съ 1856 по 1886 годъ число хозяйствъ въ круглыхъ цифрахъ возрасло на 2.000000; правильно и непрерывно увеличиваясь, это число съ 8.796276 поднялось до 10.662.423, хотя за тотъ же промежутокъ времени населеніе увеличилось только на 2 милліона. Отсюда ясный выводъ, что каждая семья должна насчитывать меньшее число членовъ.[1])

Итакъ, факты далеко не подтверждаютъ обыденнаго мнѣнія, что самоубійства вызываются главнымъ образомъ тяготами жизни; наоборотъ, число ихъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ существованіе становится тяжелѣе. Вотъ неожиданное послѣдствіе мальтузіанизма, котораго авторъ его, конечно, не предполагалъ. Когда Мальтусъ рекомендовалъ воздержаніе отъ дѣторожденія, то онъ думалъ, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ это ограниченіе необходимо ради общаго блага. Въ дѣйствительности оказывается, что воздержаніе это является настолько сильнымъ зломъ, что убиваетъ въ человѣкѣ самое желаніе жить. Большія семьи вовсе не роскошь, безъ которой можно обойтись и которую можетъ себѣ позволить только богатый; это насущный хлѣбъ, безъ котораго нельзя жить. Какъ бы ни былъ бѣденъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ самое худшее помѣщеніе капитала—и притомъ съ точки зрѣнія чисто личнаго интереса,—это капитализація части своего потомства.

Этотъ выводъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, къ которому мы пришли выше. Чѣмъ объясняется вліяніе размѣровъ семьи на число самоубійствъ?

Въ данномъ случаѣ нельзя прибѣгнуть, для объясненія этого явленія, къ помощи органическаго фактора, потому что, если совершенное безплодіе является главнымъ образомъ послѣдствіемъ физіологическихъ причинъ, то нельзя

---

[1]) См. перепись 1886 г., стр. 106.

сказать того же про недостаточную плодовитость, которая чаще всего носитъ добровольный характеръ и диктуется извѣстнымъ настроеніемъ умовъ. Больше того, размѣръ семьи, какъ мы его опредѣлили, зависитъ не исключительно отъ рождаемости; мы видѣли, что тамъ, гдѣ мало дѣтей, могутъ играть роль иные факторы, и наоборотъ, большое число дѣтей можетъ оказаться безрезультатнымъ, если дѣти фактически и послѣдовательно не принимаютъ участія въ жизни семейной групы. Поэтому данное предохраняющее свойство можно скорѣе приписать чувствамъ sui generis родителей къ своимъ непосредственнымъ потомкамъ. Наконецъ, эти чувства сами по себѣ нуждаются въ нѣкоторомъ опредѣленномъ состояніи семейной обстановки для того, чтобы проявить себя вполнѣ; они не могутъ быть сильными, если семья лишена внутренняго единства. Слѣдовательно, именно въ силу того, что характеръ семьи мѣняется въ зависимости отъ ея размѣровъ, число составляющихъ ее элементовъ оказываетъ вліяніе на наклонность къ самоубійству.

Сплоченность какой-либо группы не можетъ уменьшиться безъ того, чтобы не измѣнилась ея жизненная сила. Если коллективныя чувства обладаютъ исключительной энергіей, то это происходитъ потому, что та сила, съ которой каждое индивидуальное сознаніе переживаетъ ихъ, отражается на всѣхъ остальныхъ членахъ. Интенсивность этихъ чувствъ находится въ прямой зависимости отъ числа переживающихъ ихъ совмѣстно индивидуальныхъ сознаній. Здѣсь мы находимъ объясненіе тому обстоятельству, что, чѣмъ больше толпа, тѣмъ болѣе наклонны разыгрывающіяся въ ней страсти принять насильственный характеръ. Такимъ образомъ, въ небольшой семьѣ общія чувства и воспоминанія не могутъ быть особенно интенсивны, ибо здѣсь нѣтъ достаточнаго числа сознаній для того, чтобы представить ихъ себѣ и усилить ихъ путемъ совмѣстнаго переживанія. Внутри такой семьи не могутъ создаться твердыя традиціи, служащія связующей цѣлью для членовъ одной и той же

семейной группы: подобныя традиціи переживаютъ первоначальную семью и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію. Кромѣ того, небольшая семья неизбѣжно отличается недолговѣчностью, а никакой, лишенный длительности, союзъ не можетъ быть проченъ. Въ немъ не только слабо развиты коллективныя состоянія сознанія, но самое число этихъ состояній очень ограничено, потому что существованіе ихъ обусловливается той живостью и энергіей, съ которою передаются различные взгляды и впечатлѣнія отъ одного субъекта къ другому; съ другой стороны, самый обмѣнъ мыслей тѣмъ быстрѣе совершается, чѣмъ большее число людей въ немъ участвуетъ. Въ достаточно обширномъ обществѣ этотъ круговоротъ мыслей происходитъ безостановочно, ибо всегда имѣются соперничающія между собой соціальныя единицы; въ противномъ случаѣ, ихъ сношенія могутъ носить только перемежающійся характеръ, и даже бываютъ такіе моменты, когда всякая общая жизнь прекращается. Точно также, когда семья ограничена по своему объему, то въ каждый данный моментъ вмѣстѣ оказываются только очень немногіе члены, семейная жизнь едва влачитъ свое существованіе и бываютъ моменты, когда домашній очагъ совсѣмъ пустъ.

Но если мы говоримъ о той или иной группѣ, что въ ней меньше общей жизни, чѣмъ въ какой-нибудь другой, то мы тѣмъ самымъ указываемъ, что она менѣе проникнута, менѣе захвачена общимъ духомъ; вѣдь жизнеспособность и энергія того или иного соціальнаго тѣла является только отраженіемъ интенсивности окружающей его коллективной жизни. Данное соціальное тѣло тѣмъ болѣе едино и способно сопротивляться, чѣмъ активнѣе и длительнѣе общеніе между его членами. Поэтому мы можемъ слѣдующимъ образомъ дополнить предлагаемый нами выводъ: по скольку семья является мощнымъ предохранителемъ отъ самоубійства, она тѣмъ лучше оказываетъ свое воздѣйствіе, чѣмъ сильнѣе ея сплоченность.

V.

Если бы статистическія изслѣдованія не ограничивались только недавнимъ прошлымъ, было бы легко показать съ помощью того же метода, что законъ этотъ приложимъ и къ политическому обществу. Исторія говоритъ намъ, что самоубійства вообще рѣдко случаются въ молодыхъ обществахъ [1]), стоящихъ на пути къ развитію и концентраціи, и что, напротивъ, число ихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ растетъ общественный распадъ. Въ Греціи и Римѣ самоубійство выступаетъ на сцену вмѣстѣ съ разрушеніемъ организаціи древней общины, и его прогрессивное развитіе отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательныя стадіи упадка. То же вліяніе можно наблюдать и въ Оттоманской имперіи. Во Франціи наканунѣ революціи общественныя неурядицы, вызванныя разложеніемъ старой соціальной системы, привели, по свидѣтельству писателей того времени, къ быстрому повышенію числа самоубійствъ [2]).

Однако и независимо отъ свидѣтельствъ исторіи статистика самоубійствъ, хотя она и не заходитъ въ прошлое дальше послѣднихъ семидесяти лѣтъ, доставляетъ намъ нѣкоторыя доказательства этого положенія,—доказательства, преимуществомъ которыхъ, по сравненію съ показаніями историковъ, является большая точность.

Въ литературѣ встрѣчается мнѣніе, что великіе политическіе перевороты умножаютъ число самоубійствъ. Но

---

[1]) Не надо смѣшивать молодыя, только еще развивающіяся общества съ обществами низшаго порядка; въ этихъ послѣднихъ самоубійство есть, наоборотъ, очень частое явленіе, какъ это будетъ видно изъ слѣдующей главы.

[2]) Вотъ что писалъ Гельвецій въ 1781 году: „Разстройство финансовъ и измѣненіе конституціи государства распространили всеобщее уныніе. Многочисленныя самоубійства въ столицѣ являются тому печальнымъ доказательствомъ". (Цитируемъ по Logoyt, *op. cit.*, стр. 30). Мерсье, въ своей Tableau de Paris (1782 г.) говоритъ, что за послѣдніе 25 лѣтъ число самоубійствъ утроилось въ Парижѣ.

Морселли показалъ, что факты противорѣчатъ этому мнѣнію. Всѣ революціи, имѣвшія мѣсто во Франціи въ теченіе XIX вѣка, уменьшали количество самоубійствъ въ тотъ періодъ времени, когда они совершались. Общее число самоубійствъ съ 1904 въ 1829 году падаетъ въ революціонный 1830 годъ до 1756, что даетъ внезапное уменьшеніе приблизительно на 10%. Въ 1848 году паденіе это не менѣе значительно: общая годовая сумма понижается съ 3647 до 3301. Далѣе, въ 1848—49 годахъ, кризисъ, только что разразившійся во Франціи, проносится по всей Европѣ; количество самоубійствъ вездѣ уменьшается, и уменьшеніе тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе былъ кризисъ. Это явствуетъ изъ слѣдующей таблицы:

Число самоубійствъ.

	Данія.	Пруссія.	Баварія.	Саксонія.	Австрія.
1847. .	345	1.852	217		611 въ (1848 г.)
1848. .	305	1.649	215	398	
1849. .	337	1.527	189	328	452

Въ Германіи возбужденіе было болѣе сильно, чѣмъ въ Даніи, и борьба была болѣе продолжительна, чѣмъ во Франціи, гдѣ новое правительство образовалось немедленно; въ соотвѣтствіи съ этимъ въ германскихъ государствахъ число самоубійствъ продолжаетъ понижаться вплоть до 1849 года. Въ этомъ послѣднемъ году пониженіе достигаетъ 13% въ Баваріи, 18% въ Пруссіи; въ Саксоніи за одинъ только 1848—49 годъ оно также равняется 18%.

Если взять всю Францію въ цѣломъ, то ни въ 1851, ни въ 1852 году мы не замѣчаемъ аналогичнаго явленія. Число самоубійствъ остается постояннымъ. Но въ Парижѣ coup d'état производитъ свой обычный эффектъ; несмотря на то, что онъ совершилося въ декабрѣ 1851 г., цифра самоубійствъ падаетъ съ 483 въ 1851 году до 446 въ 1852

году (—8%) и въ 1853 г. остается еще на уровнѣ 463 [1]). Въ этомъ фактѣ можно было бы видѣть доказательство того, что переворотъ сверху, совершенный въ 1851 году, гораздо сильнѣе потрясъ Парижъ, чѣмъ провинцію, которая, повидимому, осталась почти индифферентной. Однако, вліяніе подобнаго рода кризисовъ, вообще, гораздо замѣтнѣе отражается на столицѣ, нежели на департаментахъ. Въ 1830 г. въ Парижѣ паденіе равнялось 13% (269 случаевъ вмѣсто 307-ми въ предшествующемъ году и 359-ти въ слѣдующемъ); въ 1848 году оно составляло 32% (481 случай вмѣсто 698 [2]).

Даже чисто парламентскіе кризисы, несмотря на свою сравнительно малую интенсивность, имѣютъ иногда тотъ же самый результатъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи хроника самоубійствъ носитъ на себѣ явный слѣдъ парламентскаго переворота 16 мая 1877 года, того возбужденія, которое за нимъ послѣдовало, а также тѣхъ выборовъ, которые въ 1889 году положили конецъ буланжистской агитаціи. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить распредѣленіе самоубійствъ по мѣсяцамъ въ указанные годы и въ годы, сосѣдніе съ ними.

	1876	1877	1878	1888	1889	1890
Май.	604	649	717	924	919	819
Іюнь	662	692	682	851	829	822
Іюль	625	510	693	825	818	888
Августъ. . . .	482	496	547	786	694	734
Сентябрь . . .	394	378	512	673	597	720
Октябрь. . . .	464	423	468	603	648	675
Ноябрь	400	413	415	589	618	571
Декабрь. . . .	389	386	335	574	482	475

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1877 года число самоубійствъ выше соотвѣтственнаго числа 1876 года (1.945 вмѣсто

[1]) По Logoyt, стр. 252.

[2]) По Масарику: Der Selbstmord, стр. 137.

1.784 съ января по апрѣль включительно), и повышеніе это сохраняется въ маѣ и іюнѣ. Лишь въ концѣ послѣдняго были распущены палаты и фактически начался избирательный періодъ; по всей вѣроятности именно въ этотъ моментъ политическія страсти были возбуждены всего сильнѣе, ибо въ дальнѣйшемъ онѣ должны были нѣсколько успокоиться подъ вліяніемъ времени и усталости. И мы видимъ, что въ іюлѣ число самоубійствъ уже не превышаетъ соотвѣтственной цифры предыдущаго года, а спускается ниже нея на 14%. Если не считать легкой пріостановки въ августѣ, пониженіе это сохраняется, хотя и въ меньшей степени, вплоть до ноября. Въ этотъ моментъ кризисъ заканчивается. Тотчасъ же по его окончаніи повышательное движеніе самоубійствъ, временно пріостановленное, начинается снова.—Въ 1889 году интересующее насъ явленіе обнаруживается еще ярче. Палата расходится въ началѣ августа; избирательная агитація начинается немедленно и продолжается вплоть до конца сентября, когда и произошли выборы. И въ августѣ наблюдается по сравненію съ соотвѣтственнымъ мѣсяцемъ 1888 г. внезапное уменьшеніе числа самоубійствъ на 12%, которое сохраняется въ сентябрѣ, но болѣе или менѣе быстро прекращается въ октябрѣ, т. е. въ тотъ моментъ, когда борьба закончена.

Великія національныя войны оказываютъ то же самое вліяніе, какъ и политическія волненія. Въ 1866 году, когда разражается война между Австріей и Италіей, число самоубійствъ какъ въ той, такъ и въ другой странѣ понижается на 14%.

	1865 г.	1866 г.	1867 г.
Въ Италіи	678	588	657
Въ Австріи	1.464	1.265	1.407

Въ 1864 г. наступаетъ очередь Даніи и Саксоніи. Въ этой послѣдней странѣ число самоубійствъ, составлявшее 643 на 1 м. ж. въ 1863 году, упало въ 1864 г. до 545, т. е. на 16%, чтобы въ слѣдующемъ 1865 г. снова подняться

до 619. Что касается Даніи, то, не имѣя свѣдѣній о числѣ ея самоубійствъ въ 1863 году, мы не въ состояніи сравнить его съ числомъ 1864 года; но мы знаемъ, что общій итогъ самоубійствъ въ этомъ послѣднемъ году выражается цифрой (411), ниже которой число добровольныхъ смертей ни разу не спускалось, начиная съ 1852 года. И такъ какъ въ 1865 году оно поднимается до 451, то, по всей вѣроятности, цифра 411 знаменуетъ собой значительное пониженіе.

Война 1870—71 годовъ имѣла такія же послѣдствія для Франціи и Германіи.

Число самоубійствъ на 1 м. жителей въ	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.
Пруссіи	3.186	2.963	2.723	2.950
Саксоніи	710	657	653	687
Франціи	5.114	4.157	4.490	5.275

Можно было бы подумать, что это уменьшеніе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что во время войны часть населенія призывается на военную службу, а въ дѣйствующей арміи чрезвычайно трудно, конечно, вести счетъ самоубійствамъ. Но женщины не менѣе мужчинъ участвуютъ въ указанномъ пониженіи. Въ Италіи число женскихъ самоубійствъ съ 130 въ 1864 году спускается до 117 въ 1866; въ Саксоніи съ 133 въ 1863 году до 120 въ 1864 и до 114 въ 1865 (уменьшеніе на 15%). Въ этой послѣдней странѣ не менѣе значительное паденіе наблюдается и въ 1870 году: со 130 въ 1869 г. число женскихъ самоубійствъ спускается до 114 въ 1870 г. и остается на этомъ уровнѣ въ 1871 году; пониженіе равно 13%, т. е. выше, чѣмъ пониженіе, испытанное *мужскими* самоубійствами за то же время. Въ Пруссіи въ 1869 г. оканчивали жизнь самоубійствомъ 616 женщинъ на 1 м. жителей, тогда какъ въ 1871 году таковыхъ насчитывалось не болѣе 540 (—13%). Мы знаемъ къ тому же, что молодые люди въ томъ возрастѣ, въ какомъ они подлежатъ призыву, доставляютъ лишь небольшую долю самоубійцъ. Только въ теченіе шести мѣсяцевъ 1870 года происходили

военныя дѣйствія; за это время милліонъ французовъ 25—30 лѣтъ далъ самое большее сотню случаевъ самоубійства [1]), тогда какъ разница между 1870 и 1869 годами достигаетъ 1.057 случаевъ.

Нѣкоторые задавались вопросомъ, не проистекаетъ ли внезапное пониженіе числа самоубійствъ въ періодъ кризиса оттого, что въ это время органы администраціи парализуются и установленіе числа случаевъ самоубійствъ совершается съ меньшею точностью. Но многочисленные факты доказываютъ, что этой случайной причины не достаточно для объясненія разсматриваемаго нами явленія. Прежде всего, оно отличается очень большой общностью. Оно имѣетъ мѣсто одинаково у побѣдителей, и у побѣжденныхъ, у тѣхъ, кто внѣдряется въ чужую страну, и у тѣхъ, кто испытываетъ непріятельское нашествіе. Мало того, въ тѣхъ случаяхъ, когда потрясеніе очень сильно, результаты его даютъ себя чувствовать долгое время спустя. Число самоубійствъ повышается лишь очень медленно; проходитъ нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ оно достигаетъ своего первоначальнаго уровня; это наблюдается даже въ странахъ, гдѣ въ нормальное время количество самоубійствъ растетъ регулярно изъ года въ годъ. Къ тому же, хотя частичная неполнота регистраціи возможна и даже вѣроятна въ эти эпохи переворотовъ, пониженіе процента самоубійствъ, установленное статистикой, носитъ слишкомъ постоянный характеръ для того, чтобы его можно было приписать кратковременному разстройству административныхъ функцій, какъ главной причинѣ.

Далѣе, не всѣ политическіе или національные кризисы оказываютъ такое вліяніе, а лишь тѣ изъ нихъ, которые возбуждаютъ страсти,—и въ этомъ лучшее доказательство того, что передъ нами не ошибка подсчета, а явленіе со-

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, въ 1889—91 годахъ годовая норма этого возраста была только 396, слѣдовательно, полугодовая норма—около 200. Но съ 1870 г. по 1890 г. число самоубійствъ въ каждомъ возрастѣ удвоилось.

ціально-психологическаго порядка. Мы уже отмѣтили, что французскія революціи всегда сильнѣе отзывались на числѣ самоубійствъ въ Парижѣ, чѣмъ въ департаментахъ, хотя въ рядахъ провинціальной администраціи онѣ вызывали такое же замѣшательство, какъ и въ рядахъ столичной. Очевидно, дѣло только въ томъ, что событія этого рода всегда интересовали провинціаловъ меньше, чѣмъ парижанъ, которые были ихъ главными дѣятелями и стояли къ нимъ всего ближе. Равнымъ образомъ, въ то время какъ великія національныя войны, подобныя войнѣ 1870—71 гг., оказывали и во Франціи, и въ Германіи могучее дѣйствіе на ходъ самоубійствъ, войны, не затрогивавшія особенно глубоко народную массу, въ родѣ крымской или итальянской, не обнаруживали замѣтнаго вліянія на самоубійства. Въ 1854 году произошло даже значительное повышеніе числа самоубійствъ (3.700 случаевъ вмѣсто 3.415 въ 1853 г.). Тотъ же самый фактъ наблюдается въ Пруссіи въ теченіе войнъ 1864 и 1866 годовъ. Цифры остаются неподвижными въ 1864 и немного повышаются въ 1866-мъ. Причина въ томъ, что войны эти были всецѣло обязаны иниціативѣ профессіональныхъ политиковъ и не разбудили народныхъ страстей, подобно войнѣ 1870 года.

Съ этой же точки зрѣнія интересно отмѣтить, что въ Баваріи 1870 годъ не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, какъ въ другихъ нѣмецкихъ странахъ, особенно въ сѣверной Германіи. Въ Баваріи въ 1870 году насчитывалось больше самоубійствъ, чѣмъ въ 1869 (452 вмѣсто 425). Только въ 1871 году наступаетъ небольшое уменьшеніе; оно слегка усиливается въ 1872 году, когда имѣли мѣсто не болѣе 412 случаевъ, что впрочемъ составляетъ пониженіе всего на 9% по сравненію съ 1869 годомъ и на 4% по сравненію съ 1870-мъ. И, однако, Баварія принимала въ военныхъ событіяхъ такое же матерьяльное участіе, какъ и Пруссія; подобно Пруссіи она мобилизовала всю свою армію, и потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что разстройство административнаго механизма было тамъ менѣе значительно. Вся раз-

ница въ томъ, что ея моральное участіе въ событіяхъ было не столь интенсивно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, католическая Баварія болѣе, чѣмъ какая-либо другая нѣмецкая страна, жила всегда своей особой жизнью и ревностно отстаивала свою независимость. Она принимала участіе въ войнѣ по волѣ своего короля, но безъ внутренняго увлеченія. Поэтому она была гораздо слабѣе прочихъ союзныхъ народовъ затронута тѣмъ великимъ общественнымъ движеніемъ, которое охватило въ то время Германію; его отраженное вліяніе дало себя почувствовать въ ней лишь гораздо слабѣе. Энтузіазмъ явился лишь по окончаніи войны и былъ очень умѣреннымъ. Только восторженное упоеніе славой, разгорѣвшееся въ Германіи на другой день послѣ побѣды 1870 года, смогло нѣсколько подогрѣть Баварію, до того момента совершенно холодную и спокойную[1]).

Съ этимъ фактомъ можно сопоставить слѣдующій, вполнѣ аналогичный ему. Во Франціи въ теченіе 1870—71 годовъ число самоубійствъ упало только въ городахъ:

	Число самоубійствъ на милліонъ жителей въ	
	городахъ	деревняхъ
1866—69 гг.	202	104
1870—72 гг.	161	110

[1]) Къ тому же, не вполнѣ достовѣрно, что уменьшеніе числа самоубійствъ въ 1872 году имѣло причиной событія 1870 года. Въ самомъ дѣлѣ, за предѣлами Пруссіи паденіе процента самоубійствъ замѣчалось только въ теченіе самой войны. Въ Саксоніи пониженіе 1870 года, достигшее всего 8%, не усиливается въ 1871 году и почти совершенно прекращается въ 1872-мъ. Въ герцогствѣ Баденскомъ пониженіе ограничивается 1870 годомъ; 1871 годъ съ 244 случаями на 1 м. ж. уже превышаетъ 1869 г. на 10%. Повидимому, одна только Пруссія была охвачена на другой день послѣ побѣды коллективнымъ энтузіазмомъ. Другія государства не обнаружили такой чувствительности къ завоеванію славы и могущества, явившемуся результатомъ войны; и какъ только періодъ великой національной тревоги прошелъ, общественныя страсти тотчасъ же успокоились.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ деревняхъ регистрація затруднена еще болѣе, чѣмъ въ городахъ. Слѣдовательно, не здѣсь надо искать дѣйствительной причины этой разницы. Причина состоитъ въ томъ, что война оказываетъ все свое моральное воздѣйствіе только на городское населеніе, болѣе отзывчивое, болѣе впечатлительное, чѣмъ сельское, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, чѣмъ это послѣднее, стоящее въ курсѣ событій.

Такимъ образомъ, вышеприведенные факты допускаютъ лишь одно объясненіе. И объясненіе это заключается въ томъ, что великіе соціальные перевороты, какъ и великія національныя войны, оживляютъ коллективныя чувства, пробуждаютъ духъ партійности и патріотизма, политическую вѣру и вѣру національную и, сосредоточивая индивидуальныя энергіи на осуществленіи одной цѣли, создаютъ въ обществѣ—по крайней мѣрѣ, на время—болѣе тѣсную сплоченность. Не самый кризисъ оказываетъ то благотворное вліяніе, которое мы только что установили, но та соціальная борьба которая этотъ кризисъ создаетъ. Такъ какъ борьба эта заставляетъ людей сближаться между собой передъ лицомъ общей опасности, отдѣльныя лица начинаютъ меньше думать о себѣ, больше объ общемъ дѣлѣ. И, само собою понятно, что такая интеграція можетъ не ограничиваться самымъ моментомъ опасности, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—особенно, если она очень интенсивна—способна пережить тѣ причины, которыя ее непосредственно вызвали.

VI.

Мы послѣдовательно установили слѣдующія три положенія:

Число самоубійствъ измѣняется обратно пропорціонально степени интеграціи религіознаго общества.

Число самоубійствъ измѣняется обратно пропорціонально степени интеграціи семейнаго общества.

Число самоубійствъ измѣняется обратно пропорціонально степени интеграціи политическаго общества.

Изъ этого сопоставленія видно, что если эти различныя общества оказываютъ на самоубійства умѣряющее вліяніе, то не въ силу какихъ-либо особенностей, присущихъ каждому изъ нихъ, а въ силу общей имъ всѣмъ причины. Не специфическая природа религіозныхъ чувствъ даетъ религіи силу воздѣйствовать на число самоубійствъ, —ибо семья и политическое общество, когда они крѣпко сплочены, обнаруживаютъ одинаковое вліяніе; впрочемъ, мы это уже доказали выше, изучая непосредственно дѣйствіе различныхъ религій на самоубійство [1]).

Въ свою очередь, специфическія черты семейнаго и политическаго союза не могутъ намъ объяснить оказываемаго ими умѣряющаго вліянія на развитіе самоубійства, потому что то же вліяніе наблюдается и со стороны религіознаго общества. Причина можетъ лежать только въ какомъ-нибудь общемъ для всѣхъ нихъ свойствѣ, которымъ обладаютъ всѣ эти соціальныя группы, хотя и въ разной степени. Единственно, что удовлетворяетъ такому условію,— это тотъ фактъ, что всѣ они представляютъ собою тѣсно сплоченныя соціальныя группы. Мы приходимъ, слѣдовательно, къ нашему общему выводу: число самоубійствъ обратно пропорціонально степени интеграціи тѣхъ соціальныхъ группъ, въ которыя входитъ индивидъ.

Но сплоченность общества не можетъ ослабиться безъ того, чтобы индивидъ въ той же мѣрѣ не отставалъ отъ соціальной жизни, чтобы его личныя цѣли не перевѣшивали стремленія къ общему благу,—словомъ, безъ того чтобы единичная личность не стремилась стать выше коллективной. Чѣмъ сильнѣе ослабѣваютъ внутреннія связи той группы, къ которой принадлежитъ индивидъ, тѣмъ меньше онъ отъ нея зависитъ, и тѣмъ больше въ своемъ поведеніи онъ будетъ руководиться соображеніями своего личнаго интереса. Если

[1]) См. § IV второй главы этой книги.

условиться называть эгоизмомъ такое состояніе индивида, когда индивидуальное „я“ рѣзко противополагаетъ себя соціальному „я“ и въ ущербъ этому послѣднему,—то мы можемъ назвать эгоистичнымъ тотъ частный видъ самоубійства, который вызывается чрезмѣрной индивидуализаціей.

Но какимъ образомъ самоубійство можетъ имѣть такое происхожденіе?

Ясно прежде всего, что коллективная связь, будучи однимъ изъ препятствій, задерживающихъ всего сильнѣе самоубійства—не можетъ ослабѣть, не увеличивая тѣмъ самымъ число самоубійствъ. Когда общество тѣсно сплочено, то индивидуальная воля находится какъ бы въ его власти, занимаетъ по отношенію къ нему чисто-служебное положеніе, и, конечно, индивидъ при такихъ условіяхъ не можетъ по своему усмотрѣнію располагать собою. Добровольная смерть является здѣсь измѣной общему долгу. Но когда люди отказываются признать законность такого подчиненія, то какой силой обладаетъ общество для того, чтобы утвердить по отношенію къ нимъ свое верховенство? Въ его распоряженіи нѣтъ достаточнаго авторитета для того, чтобы удержать людей на ихъ посту, въ тотъ моментъ, когда они хотятъ дезертировать, и, сознавая свою слабость, общество доходитъ до признанія за индивидомъ права дѣлать то, чему оно безсильно воспрепятствовать. Разъ человѣкъ признается хозяиномъ своей жизни, онъ въ правѣ положить ей конецъ. Съ другой стороны, у индивидовъ отпадаетъ одинъ изъ мотивовъ къ тому, чтобы безропотно терпѣть жестокія жизненныя лишенія. Когда люди объединены и связаны любовью съ той группой, къ которой они принадлежатъ, то они легко жертвуютъ своими интересами ради общей цѣли и съ большимъ упорствомъ борются за свое существованіе. Одно и то же чувство побуждаетъ ихъ преклоняться передъ стремленіемъ къ общему благу и дорожитъ своею жизнью, а сознаніе великой цѣли, стоящей передъ ними, заставляетъ ихъ забыть о личныхъ страданіяхъ. Наконецъ, въ сплоченномъ и жизненномъ обществѣ

можно наблюдать постоянный обмѣнъ идей и чувствъ между всѣми и каждымъ, и поэтому индивидъ не предоставленъ своимъ единичнымъ силамъ, но имѣетъ долю участія въ коллективной энергіи, находитъ въ ней поддержку въ минуты слабости и упадка.

Однако, все это имѣетъ только второстепенное значеніе. Крайній индивидуализмъ не только благопріятствуетъ дѣятельности причинъ, вызывающихъ самоубійства, но можетъ самъ считаться одной изъ причинъ такого рода. Онъ не только устраняетъ препятствія, сдерживающія стремленіе людей убивать себя, но самъ возбуждаетъ это стремленіе и даетъ мѣсто спеціальному виду самоубійствъ, которыя носятъ на себѣ его отпечатокъ. Надо обратить особенное вниманіе на это обстоятельство потому, что въ этомъ состоитъ спеціальная природа разсматриваемаго нами типа самоубійствъ и этимъ оправдывается названіе „эгоистическое самоубійство“, которое мы ему дали. Что же именно въ индивидуализмѣ приводитъ къ такимъ результатамъ?

Часто высказывалось мнѣніе, что въ силу своего психологическаго устройства человѣкъ не можетъ жить, если онъ не прилѣпляется духовно къ чему-либо его превышающему и способному его пережить; эту психологическую особенность человѣка объясняли тѣмъ, что наше сознаніе не можетъ примириться съ перспективой полнаго исчезновенія. Говорятъ, что жизнь терпима только тогда, если вложить въ нее какое-нибудь разумное основаніе, какую-нибудь цѣль, оправдывающую всѣ ея страданія, что индивидъ, предоставленный самому себѣ, не имѣетъ настоящей точки приложенія для своей энергіи. Человѣкъ чувствуетъ себя ничтожествомъ въ общей массѣ людей; онъ ограниченъ узкими предѣлами не только въ пространствѣ, но и во времени. Если наше сознаніе обращено только на насъ самихъ, то мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что, въ конечномъ счетѣ, всѣ усилія пропадаютъ въ томъ „ничто“, которое ожидаетъ насъ послѣ смерти. Грядущее уничтоженіе ужасаетъ

насъ. При такихъ условіяхъ невозможно сохранить мужество жить дальше, т. е. дѣйствовать и бороться, если все равно изъ всего затрачиваемаго труда ничего не останется. Однимъ словомъ, позиція эгоизма противорѣчитъ человѣческой природѣ, и поэтому она слишкомъ ненадежна для того, чтобы имѣть шансы на долгое существованіе.

Но въ такой абсолютной формѣ это положеніе представляется очень спорнымъ. Если бы, дѣйствительно, мысль о концѣ нашего бытія была намъ въ такой степени нестерпима, то мы могли бы согласиться жить только при условіи самоослѣпленія и умышленнаго убѣжденія себя въ цѣнности жизни. Вѣдь, если можно до извѣстной степени замаскировать отъ насъ перспективу ожидающаго насъ „ничто“, мы не можемъ воспрепятствовать ему наступить: чтобы ни дѣлали мы—оно неизбѣжно. Мы можемъ добиться только того, что память о насъ будетъ жить въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, что наше имя переживетъ наше тѣло; но всегда неизбѣжно наступитъ моментъ, и для большинства людей онъ наступаетъ очень быстро,—когда отъ памяти о нихъ ничего не остается. Тѣ группы, къ которымъ мы примыкаемъ для того, чтобы при ихъ посредствѣ продолжалось наше существованіе, сами смертны въ свою очередь; онѣ также обречены разрушиться въ свое время, унеся съ собой все, что мы вложили въ нихъ своего. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ память о какой-нибудь группѣ настолько тѣсно связана съ человѣческой исторіей, что ей обезпечено столь же продолжительное существованіе, какъ и самому человѣчеству. Еслибы у насъ, дѣйствительно, была такая жажда безсмертія, то подобная жалкая перспектива никогда не могла бы насъ удовлетворить. Въ концѣ концовъ, что же остается послѣ насъ? Какое-нибудь слово, одинъ звукъ, едва замѣтный и чаще всего безымянный слѣдъ [1]).

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь объ идеальномъ продолженіи нашего бытія, которое несетъ съ собою вѣра въ безсмертіе нашей души, потому что, во-первыхъ, этимъ путемъ нельзя объяснить, почему семья

Слѣдовательно, не останется ничего такого, что искупало бы наши напряженныя усилія и оправдывало ихъ въ нашихъ глазахъ. Дѣйствительно, хотя ребенокъ по природѣ своей эгоистиченъ и мысли его совершенно не заняты заботами о будущей жизни, и хотя дряхлый старикъ въ этомъ, а также и во многихъ другихъ отношеніяхъ, очень часто ничѣмъ не отличается отъ ребенка, тѣмъ не менѣе, оба они больше, чѣмъ взрослый человѣкъ, дорожатъ своимъ существованіемъ. Выше мы уже видѣли, что случаи самоубійства чрезвычайно рѣдки въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ жизни и что уменьшеніе числа самоубійствъ наблюдается также въ глубокой старости. То же можно сказать и относительно животныхъ, психологическое строеніе которыхъ лишь по степени отличается отъ человѣческаго. Невѣрно поэтому утвержденіе, что жизнь возможна лишь при томъ условіи, если смыслъ жизни находится внѣ ея самой.

Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ цѣлый рядъ функцій, въ которыхъ заинтересованъ только единичный индивидуумъ: мы говоримъ о тѣхъ функціяхъ, которыя необходимы для поддержанія его физическаго существованія. Такъ какъ онѣ спеціально для этой цѣли предназначены, то онѣ осуществляются въ полной мѣрѣ всякій разъ, какъ эта цѣль достигается. Слѣдовательно, во всемъ, что касается этихъ функцій, человѣкъ можетъ дѣйствовать разумно, не ставя себѣ никакихъ превосходящихъ его цѣлей; функціи эти уже тѣмъ самымъ, что онѣ служатъ человѣку, получаютъ вполнѣ законченное оправданіе. Поэтому, человѣкъ, поскольку у него нѣтъ другихъ потребностей, самъ себѣ довлѣетъ и можетъ жить вполнѣ счастливо, не имѣя другой цѣли, кромѣ той, чтобы жить. Конечно, взрослый и цивилизованный человѣкъ не можетъ жить въ такомъ состояніи; въ его сознаніи накопляется множество идей, самыхъ различныхъ чувствъ, правилъ, не стоящихъ ни въ

или привязанность къ политическому обществу предохраняетъ насъ отъ самоубійства, а, во-вторыхъ, вовсе не на этой вѣрѣ покоится профилактическое вліяніе религіи. Мы уже говорили объ этомъ выше.

какомъ отношеніи къ его органическимъ потребностямъ. Искусство, мораль, религія, политика, сама наука—вовсе не имѣютъ своею цѣлью ни правильнаго функціонированія, ни возстановленія физическихъ органовъ человѣка. Вся сверхфизическая жизнь образовалась вовсе не подъ вліяніемъ космической среды, но проснулась и развилась подъ дѣйствіемъ соціальной среды. Происхожденіемъ чувствъ симпатіи къ ближнимъ и солидарностью съ ними мы обязаны вліянію общественности. Именно общество, создавая насъ по своему образцу, внушило намъ тѣ религіозныя и политическія убѣжденія, которыя управляютъ нашими поступками. Мы развиваемъ нашъ интеллектъ ради того, чтобы исполнить наше соціальное предназначеніе, и само общество, какъ сокровищница знанія, снабжаетъ насъ орудіями для нашего умственнаго развитія.

Уже въ силу того, что высшія формы человѣческой дѣятельности имѣютъ коллективное происхожденіе, онѣ преслѣдуютъ коллективную же цѣль, поскольку онѣ зарождаются подъ вліяніемъ общественности, постольку къ ней же относятся и всѣ ихъ стремленія; можно сказать, что эти формы являются самимъ обществомъ, воплощеннымъ и индивидуализированнымъ въ каждомъ изъ насъ. Но для того, чтобы подобная дѣятельность имѣла въ нашихъ глазахъ разумное основаніе, самый объектъ, которому она служитъ, не долженъ быть для насъ безразличнымъ. Мы можемъ быть привязаны къ первой лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы привязаны и ко второму, т. е. къ обществу. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе мы оторвались отъ общества, тѣмъ болѣе мы удалились отъ той жизни, для которой оно одновременно является и источникомъ, и цѣлью. Къ чему эти правила морали, нормы права, принуждающія насъ ко всякаго рода жертвамъ, эти стѣсняющія насъ догмы, если внѣ насъ нѣтъ существа, которому все это служитъ и съ которымъ мы были бы солидарны? Зачѣмъ тогда существуетъ наука? Если она не приноситъ никакой другой пользы, кромѣ той, что увеличиваетъ наши шансы въ борьбѣ за

жизнь, то она не стоитъ затрачиваемаго на нее труда. Инстинктъ лучше исполняетъ эту роль; доказательствомъ служатъ животныя. Какая была надобность замѣнять инстинктъ размышленіемъ, менѣе увѣреннымъ въ себѣ и болѣе подверженнымъ ошибкамъ? И въ особенности, чѣмъ оправдать переносимыя нами страданія? Испытываемое индивидуумомъ зло ничѣмъ не можетъ быть оправдано и становится совершенно безсмысленнымъ, разъ цѣнность всего существующаго опредѣляется съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка. Для человѣка твердо религіознаго, для того, кто тѣсными узлами связанъ съ семьей или опредѣленнымъ политическимъ обществомъ, подобная проблема даже не существуетъ. Добровольно и свободно, безъ всякаго размышленія, такіе люди отдаютъ все свое существо, всѣ свои силы: одинъ—своей церкви, или своему Богу, живому символу той же церкви, другой—своей семьѣ, третій—своей родинѣ или партіи. Въ самыхъ своихъ страданіяхъ эти люди видятъ только средство послужить прославленію группы, къ которой они принадлежатъ и которой этимъ они выражаютъ свое благоговѣніе. Такимъ образомъ христіанинъ достигаетъ того, что преклоняется передъ страданіемъ и ищетъ его, чтобы лучше доказать свое презрѣніе къ плоти и приблизиться къ своему божественному образцу. Но поскольку вѣрующій начинаетъ сомнѣваться, т. е. поскольку онъ эмансипируется и чувствуетъ себя менѣе солидарнымъ съ той вѣроисповѣдной средой, къ которой онъ принадлежитъ, поскольку семья и общество становятся для индивида чужими, постольку онъ самъ для себя дѣлается тайной и никуда не можетъ уйти отъ назойливаго вопроса: „зачѣмъ все это нужно“?

Другими словами, если, какъ часто говорятъ, человѣкъ по натурѣ своей двойствененъ, то это значитъ, что къ человѣку физическому присоединяется человѣкъ соціальный, а послѣдній неизбѣжно предполагаетъ существованіе общества, выраженіемъ котораго онъ является и которому онъ предназначенъ служить. И какъ только оно разби-

вается на части, какъ только мы перестаемъ чувствовать надъ собой его животворную силу, тотчасъ же соціальное начало, заложенное внутри насъ, какъ бы теряетъ свое объективное существованіе. Остается только искусственная комбинація призрачныхъ образовъ, фантасмагорія, разсѣивающаяся отъ перваго легкаго прикосновенія мысли; нѣтъ ничего такого, что бы могло дать смыслъ нашимъ дѣйствіямъ, а между тѣмъ въ соціальномъ человѣкѣ заключается весь культурный человѣкъ; только онъ даетъ цѣну нашему существованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы утрачиваемъ всякое основаніе дорожить своею жизнью; та жизнь, которая могла бы насъ удовлетворить, не соотвѣтствуетъ болѣе ничему въ дѣйствительности, а та, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не удовлетворяетъ больше нашимъ потребностямъ. Такъ какъ мы были пріобщены къ высшимъ формамъ существованія, то жизнь, которая удовлетворяетъ требованіямъ ребенка и животнаго, уже не въ силахъ больше удовлетворить насъ. Но разъ эти высшія формы ускользаютъ отъ насъ, мы остаемся въ совершенно безпомощномъ состояніи; насъ охватываетъ ощущеніе трагической пустоты и намъ не къ чему больше примѣнить свои силы. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо говорятъ, что для полнаго развитія нашей дѣятельности необходимо, чтобы объектъ ея превосходилъ насъ. Не для того нуженъ намъ этотъ объектъ, чтобы онъ поддерживалъ въ насъ иллюзію невозможнаго безсмертія; но онъ, какъ таковой, подразумѣвается самой нашей моральной природой; и если онъ исчезаетъ, хотя бы только отчасти, то въ той же мѣрѣ и наша моральная жизнь теряетъ всякій смыслъ. Совершенно лишне доказывать, что при такомъ состояніи психической дисгармоніи незначительныя неудачи легко приводятъ къ отчаяннымъ рѣшеніямъ. Если жизнь теряетъ всякій смыслъ, то въ любой моментъ можно найти предлогъ покончить съ нею счеты.

Но это еще не все. Подобное чувство оторванности отъ жизни наблюдается не только у отдѣльныхъ индиви-

довъ. Въ число составныхъ элементовъ всякаго національнаго темперамента надо включить и способъ оцѣнки значенія жизни. Подобно индивидуальному настроенію существуетъ коллективное настроеніе духа, которое склоняетъ народъ либо въ сторону веселья, либо печали, которое заставляетъ видѣть предметы или въ радужныхъ, или въ мрачныхъ краскахъ. Мало того, только одно общество въ состояніи дать оцѣнку жизни въ цѣломъ; отдѣльный индивидъ здѣсь не компетентенъ. Отдѣльный человѣкъ знаетъ только самого себя и свой узкій горизонтъ; его опытъ слишкомъ ограниченъ для того, чтобы служить основаніемъ для общей оцѣнки. Человѣкъ можетъ думать, что его собственная жизнь безцѣльна, но онъ не можетъ ничего сказать относительно другихъ людей. Напротивъ, общество можетъ, не прибѣгая къ софизмамъ, обобщить свое самочувствіе, свое состояніе здоровья или хилости. Отдѣльные индивиды настолько тѣсно связаны съ жизнью цѣлаго общества, что послѣднее не можетъ стать больнымъ, не заразивъ ихъ; страданія общества неизбѣжно передаются и его членамъ; ощущенія цѣлаго неизбѣжно передаются его составнымъ частямъ. Поэтому общество не можетъ ослабить свои внутреннія связи, не сознавая, что правильные устои общей жизни въ той же мѣрѣ поколеблены. Общество есть цѣль, которой мы отдаемъ лучшія силы нашего существа, и, поэтому, оно не можетъ не сознавать, что, отрываясь отъ него, мы въ то же время утрачиваемъ смыслъ нашей дѣятельности. Такъ какъ мы являемся созданіемъ общества, оно не можетъ сознавать своего упадка, не ощущая при этомъ, что созданіе его отнынѣ не служитъ болѣе ни къ чему. Такимъ путемъ обыкновенно образовываются общественныя настроенія унынія и разочарованія, которыя не проистекаютъ въ частности отъ одного только индивида, но выражаютъ собою состояніе разложенія, въ которомъ находится общество. Онѣ свидѣтельствуютъ объ ослабленіи спеціальныхъ узъ, о своеобразномъ коллективномъ безчувствіи, о соціальной тоскѣ, которая, подобно индивидуальной грусти, когда она

становится хронической, свидѣтельствуетъ на свой манеръ о болѣзненномъ органическомъ состояніи индивидовъ. Тогда появляются на сцену тѣ метафизическія и религіозныя системы, которыя, формулируя эти смутныя чувства, стараются доказать человѣку, что жизнь не имѣетъ смысла и что вѣрить въ существованіе этого смысла значитъ обманывать самого себя. Новая мораль заступаетъ мѣсто старой и, возвышая фактъ въ право, если не совѣтуетъ и не предписываетъ самоубійства, то, по крайней мѣрѣ, направляетъ въ его сторону человѣческую волю, внушая человѣку, что жить надо возможно меньше. Въ моментъ своего появленія, мораль эта кажется изобрѣтенной всевозможными авторами, и ихъ иногда даже обвиняютъ въ распространеніи духа упадка и отчаянія. Въ дѣйствительности же эта мораль является слѣдствіемъ, а не причиной; новыя ученія о нравственности только символизируютъ на абстрактномъ языкѣ и въ систематической формѣ физіологическую слабость соціальнаго тѣла [1]). И, поскольку эти теченія носятъ коллективный характеръ, постольку, въ силу самого своего происхожденія, они носятъ на себѣ оттѣнокъ особеннаго авторитета въ глазахъ индивида и толкаютъ его съ еще большей силой по тому направленію, по которому влечетъ его состояніе моральнаго распада, вызваннаго въ немъ общественной дезорганизаціей. Итакъ, въ тотъ моментъ, когда индивидъ рѣзко отдаляется отъ общества, онъ все еще ощущаетъ на себѣ слѣды его вліянія. Какъ бы ни былъ индивидуаленъ каждый человѣкъ, внутри его всегда остается нѣчто коллективное: это уныніе и меланхолія, являющіяся послѣдствіемъ крайняго индивидуализма. Обобщается тоска, когда нѣтъ ничего другого для обобщенія.

Разсмотрѣнный выше типъ самоубійствъ вполнѣ оправ-

---

[1]) Вотъ почему несправедливо обвиненіе, предъявляемое теоретикамъ пессимизма, въ томъ, что они обобщаютъ свои личныя переживанія. На самомъ дѣлѣ, они служатъ только отголоскомъ общаго состоянія.

дываетъ данное ему нами названіе; эгоизмъ является здѣсь не вспомогательнымъ факторомъ, а производящей причиной. Если разрываются узы, соединяющія человѣка съ жизнью, то это происходитъ потому, что ослабѣла связь его съ обществомъ. Что же касается фактовъ частной жизни, кажущихся непосредственной и рѣшающей причиной самоубійства,—то, въ дѣйствительности, они могутъ быть признаны только случайными. Если индивидъ такъ легко склоняется подъ ударами жизненныхъ обстоятельствъ, то это происходитъ потому, что состояніе того общества, къ которому онъ принадлежитъ, сдѣлало изъ него добычу, уже совершенно готовую для самоубійства.

Нѣсколько примѣровъ подтверждаютъ наше положеніе. Мы знаемъ, что самоубійство среди дѣтей—фактъ совершенно исключительный и что съ приближеніемъ глубокой старости наклонность къ самоубійству ослабѣваетъ; въ обоихъ случаяхъ физическій человѣкъ захватываетъ все существо индивида. Для дѣтей общества еще нѣтъ, такъ какъ оно еще не успѣло сформировать ихъ по образу своему и подобію; отъ старика общество уже отошло,или—что сводится къ тому же—онъ отошелъ отъ общества. Въ результатѣ и ребенокъ, и старикъ болѣе, чѣмъ другіе люди, могутъ удовлетворяться самими собою; они меньше другихъ людей нуждаются въ томъ, чтобы пополнять себя извнѣ, и, слѣдовательно, скорѣе другихъ могутъ найти все то, безъ чего нельзя жить. Отсутствіе самоубійства у животныхъ имѣетъ такое же объясненіе. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что, если общества низшаго порядка практикуютъ особую, только имъ свойственную форму самоубійства, то тотъ типъ, о которомъ мы только что говорили, имъ совершенно неизвѣстенъ. При несложности общественной жизни соціальныя наклонности всѣхъ людей имѣютъ одинаковый характеръ, и, въ силу этого, нуждаются для своего удовлетворенія въ очень немногомъ; а кромѣ того, такіе люди легко находятъ внѣ себя объектъ, къ которому они могутъ прилѣпиться. Если первобытный человѣкъ, отпра-

вляясь въ путешествіе, могъ увезти съ собою своихъ боговъ и свою семью, то онъ уже тѣмъ самымъ имѣлъ все, чего требовала его соціальная природа.

Здѣсь мы находимъ также объясненіе тому обстоятельству, почему женщина легче, чѣмъ мужчина, переноситъ одиночество. Когда мы видимъ, что вдова скорѣе, чѣмъ вдовецъ, мирится со своею участью и съ меньшею охотой ищетъ возможности второго брака, то можно подумать что эта способность обходиться безъ семьи можетъ быть отнесена на счетъ превосходства ея надъ мужчиной; говорятъ, что аффективныя данныя женщины, будучи по природѣ своей очень интенсивными, легко находятъ себѣ примѣненіе внѣ круга домашней жизни, тогда какъ мужчинѣ необходима женская преданность для того, чтобы помочь ему переносить жизненныя затрудненія. Въ дѣйствительности, если женщина и обладаетъ подобной привилегіей, то скорѣе въ силу того, что чувствительность у нея недоразвита, чѣмъ въ силу того, что она развита чрезмѣрно. Поскольку она больше, чѣмъ мужчина, живетъ въ сторонѣ отъ общественной жизни, постольку она меньше проникнута интересами этой жизни. Общество ей менѣе необходимо, такъ какъ она менѣе проникнута общественностью; потребности ея почти не обращены въ эту сторону, и она съ меньшей, чѣмъ мужчина, затратой силъ удовлетворяетъ имъ. Не вышедшая замужъ женщина считаетъ свою жизнь заполненной выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и ухаживаніемъ за домашними животными. Если такая женщина остается вѣрной религіознымъ традиціямъ и вслѣдствіе этого имѣетъ надежное убѣжище отъ самоубійства,—это значитъ, что очень несложныхъ соціальныхъ формъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ ея требованій. Наоборотъ, мужчина нашего времени чувствуетъ себя стѣсненнымъ религіозной традиціей; по мѣрѣ своего развитія мысль его, воля и энергія выступаютъ изъ этихъ архаическихъ рамокъ; но на мѣсто ихъ, ему нужны другія; какъ соціальное существо болѣе сложнаго типа, онъ только тогда сохраняетъ

равновѣсіе, когда внѣ себя находитъ много точекъ опоры; и такъ какъ моральная устойчивость его зависитъ отъ множества внѣшнихъ условій, то вслѣдствіе этого она легче и нарушается.

Глава IV.

Альтруистическое самоубійство [1]).

Ничто чрезмѣрное не можетъ считаться хорошимъ въ общемъ порядкѣ жизни. Та или иная біологическая способность можетъ выполнять предназначенныя ей функціи только при условіи соблюденія извѣстныхъ предѣловъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о соціальныхъ явленіяхъ. Если, какъ мы только что видѣли, крайній индувидуализмъ приводитъ человѣка къ самоубійству, то недостаточно развитая индивидуальность должна приводить къ тѣмъ же результатамъ. Когда человѣкъ отдѣлился отъ общества, то въ немъ легко зарождается мысль покончить съ собой; то же самое происходитъ съ нимъ и въ томъ случаѣ, когда общественность вполнѣ и безъ остатка поглощаетъ его индивидуальность.

---

[1]) Библіографія: Steinmetz, Suicide among primitive Peoples изъ „American Anthropologist“ январь 1894 года. Waitz, „Anthropologie der Naturvoelker“, passim. Suicides dans les armées въ „Journal de la société de statistique 1874 года, стр. 250. Millar Statistic of military suicide въ „Journal of the statistical society, Лондонъ, іюнь 1874 года. Mesnier Du suicide dans l'Armée, Парижъ 1881 года. Bournet Criminalité en France et en Italie, стр. 83 и слѣд.—Roth, Die Selbstmorde in der K. u. K. Armee in den Jahren 1873—80, изъ „Statistische Monatsschrift“ 1892 г. Rosenfeld, Die Selbstmorde in der Preussischen Armee изъ Militärwochenblatt 1894, 3-е приложеніе. Его же, Der Selbstmord in der K. u. K. oesterreichischen Heere изъ „Deutsche Worte“ 1893 г. — Antony, Suicide dans l'armée allemande изъ „Arch. de méd. et de phar. militaire“. Парижъ 1895 г.

I.

Часто можно встрѣтиться съ мнѣніемъ [1]), что самоубійство незнакомо обществамъ низшаго порядка; правда, только что разсмотрѣнный нами эгоистическій типъ самоубійства можетъ быть частнымъ явленіемъ въ этой средѣ, но за то мы встрѣчаемся здѣсь съ другимъ, эндемическимъ видомъ самоубійства.

Bartholin, въ своей книгѣ: „De causis contemptae mortis a Danis", говоритъ, что датскіе воины считали позоромъ для себя умереть на своей постели, или покончить свои дни отъ болѣзни и въ глубокой старости, и, для того, чтобы избѣгнуть такого позора, сами кончали съ собой. Точно также готы думали, что люди, умирающіе естественною смертью, обречены вѣчно гнить въ пещерахъ, наполненныхъ ядовитыми животными [2]). На границѣ вестготскихъ владѣній возвышалась высокая скала, носившая названіе „скалы предковъ", съ которой старики бросались внизъ и умирали, когда жизнь становилась имъ въ тягость. У фракійцевъ и геруловъ можно найти тотъ же обычай. Silvius Italicus говоритъ слѣдующее объ испанскихъ кельтахъ: „Это народъ, обильно проливающій свою кровь и какъ бы ищущій смерти. Какъ только кельтъ вступаетъ въ возрастъ, слѣдующій за полнымъ физическимъ расцвѣтомъ, онъ съ большой нетерпѣливостью переноситъ свое существованіе и, презирая старость, не хочетъ дожидаться естественной смерти; своими руками кладетъ онъ конецъ своему существованію" [3]). По ихъ мнѣнію, людей, добровольно обрѣтшихъ смерть, ожидаетъ блаженная жизнь, и, наоборотъ, для того, кто умеръ отъ болѣзни, или старческой дряхлости, уготована ужасная преисподняя. Въ Индіи долгое время существовалъ такой же обычай. Благосклоннаго

[1]) Oettingen „Moralstatistik", стр. 762.
[2]) Цитируемъ по Brierre de Boismont, стр. 23.
[3]) Punica I стр. 225 и слѣд.

отношенія къ самоубійству, можетъ быть, еще нельзя найти въ книгѣ Ведъ, но, во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ очень древнее происхожденіе. Плутархъ говоритъ слѣдующее по поводу самоубійства брамина Калана: „онъ принесъ самъ себя въ жертву, согласно существовавшему среди мудрецовъ той страны, обычаю“ [1]). Квинтъ Курцій пишетъ: „среди нихъ существуетъ особый родъ грубыхъ и дикихъ людей, которымъ дается имя мудрецовъ; въ ихъ глазахъ считается заслугой предупредить день своей смерти, и они сжигаютъ себя заживо, какъ только наступаетъ старость, или приходитъ болѣзнь. Ожидать спокойно своей смерти считается безчестьемъ жизни; тѣла людей, умершихъ отъ старости, не удостаиваются никакихъ почестей; огонь считается оскверненнымъ, если жертва его бездыханна“ [2]). Аналогичные факты наблюдались на островахъ Фиджи [3]), Новыхъ Гебридахъ, у манговъ [4]) и т. д. Въ Кеосѣ люди, переступившіе извѣстный возрастъ, собирались на торжественномъ празднествѣ съ головами, украшенными цвѣтами, и весело пили цикуту [5]). Тѣ же самые обычаи существовали у троглидитовъ [6]) и у Сиропэоновъ, прославившихъ себя своею высокою нравственностью [7]).

Извѣстно, что, помимо стариковъ, у этихъ же народовъ подобная участь ожидала вдовъ. Этотъ варварскій обычай настолько внѣдрился въ практику индусовъ, что никакія усилія англичанъ не могутъ уничтожить его. Въ 1817 году въ одной только бенгальской провинціи покончили съ собой 716 вдовъ, въ 1821 году на всю Индію приходилось 2366 такихъ случаевъ. Кромѣ того, если умираетъ

---

[1]) Vie d'Alexandre т. CXIII.

[2]) VIII. 9.

[3]) См. Wyatt Gill „Myths and songs of the South Pacific“ стр. 163.

[4]) Frazer. „Golden Bough“ т. I стр. 216 и слѣд.

[5]) Strabon § 486.—Elien V. H. 337.

[6]) Діодоръ Сицилійскій, III, 33 §§ 5 и 6.

[7]) Pomponius Mela III. 7.

принцъ крови или вождь, то за нимъ обязаны послѣдовать всѣ его слуги. Такъ бывало и въ Галліи. Анри Мартенъ говоритъ, что похороны вождей представляли собой кровавыя гекатомбы; вся одежда ихъ, оружіе, лошади, любимые рабы слѣдовали за умершимъ господиномъ, къ нимъ присоединялись преданные воины, не нашедшіе себѣ смерти въ послѣднемъ бою [1])—и всѣ они предавались торжественному сожженію. Ни одинъ преданный воинъ не долженъ былъ переживать своего вождя. У ашантіевъ, послѣ смерти короля, его приближенные должны были покончить съ собою [2]). Наблюдатели встрѣчались съ подобными же обычаями на островахъ Гаваи [3]).

Итакъ, мы видимъ, что у первобытныхъ народовъ самоубійство—явленіе очень частое, но имѣетъ свои характерныя особенности.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ вышеизложенные нами факты могутъ быть отнесены къ одной изъ трехъ нижеслѣдующихъ категорій:

1) Самоубійство людей престарѣлыхъ или больныхъ.

2) Самоубійство женъ послѣ смерти мужей.

3) Самоубійство рабовъ, слугъ и т. д. послѣ смерти хозяина или начальника.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ лишаетъ себя жизни не потому, чтобы онъ самъ хотѣлъ этого, а въ силу того, что онъ долженъ былъ такъ сдѣлать. Если онъ уклоняется отъ исполненія этого долга, то его ожидаетъ безчестіе и чаще всего религіозная кара. Вполнѣ естественно, что, когда намъ говорятъ о старикахъ, которыя кончаютъ съ собою, то по первому впечатлѣнію можно думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ человѣкомъ, уставшимъ отъ жизни, отъ невыносимыхъ страданій, свойственныхъ этому возрасту. Но если бы, дѣйствительно, самоубійство въ данномъ случаѣ

---

[1]) Histoire de France, I,81. Ср. Цезаря, De Bello Gallico VI. 19.

[2]) См. Spencer, Sociologie, т. II. стр. 146.

[3]) См. Jarves, History of the Sandwich Islands, 1843, стр. 108.

не имѣло другого объясненія, если бы индивидъ убивалъ себя исключительно для того, чтобы избавиться отъ тяжкой жизни, то нельзя было бы сказать, что онъ обязанъ дѣлать это. Нельзя человѣка заставлять пользоваться привилегіей. Однако, мы видимъ, что, если онъ продолжаетъ жить, то тѣмъ самымъ онъ лишается общаго уваженія; ему отказываютъ въ установленныхъ погребальныхъ почестяхъ, и, по общему вѣрованію, его ожидаютъ за гробомъ ужасныя мученія. Общество оказываетъ на индивида въ данномъ случаѣ опредѣленное психическое давленіе для того, чтобы онъ непремѣнно покончилъ съ собой. Конечно, общество играетъ нѣкоторую роль и въ эгоистическомъ самоубійствѣ, но вліяніе его далеко не одинаково въ этихъ двухъ случаяхъ. Въ первомъ случаѣ роль его исчерпывается тѣмъ, что оно теряетъ связь съ индивидомъ и дѣлаетъ его существованіе безпочвеннымъ; во второмъ, оно формально предписываетъ человѣку покончить съ жизнью. Въ первомъ случаѣ оно внушаетъ и, самое большее, совѣтуетъ, во второмъ оно обязываетъ и самоопредѣляетъ условія и обстоятельства, при которыхъ обязательство это должно быть выполнено.

И общество требуетъ подобнаго самопожертвованія въ соціальныхъ интересахъ. Если кліентъ не долженъ переживать своего патрона, а слуга своего господина, значитъ, общественное устройство устанавливаетъ между покровительствуемымъ и покровителемъ, между королемъ и его приближенными настолько тѣсную связь, что не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи однихъ отъ другихъ и участь, ожидающая ихъ всѣхъ, должна быть одинакова. Подданные должны всюду слѣдовать за своимъ господиномъ, даже въ загробной жизни, точно такъ же, какъ его одежды и его оружіе; если бы былъ допустимъ иной порядокъ, соціальная іерархія не была бы вполнѣ тѣмъ, чѣмъ она должна быть [1]). Тотъ же характеръ носитъ отношеніе жены къ

[1]) Вполнѣ возможно, что въ основѣ этой установившейся практики лежитъ забота о томъ, чтобы помѣшать духу умершаго вер-

мужу. Что касается стариковъ, которые обязаны не дожидаться естественной смерти, то, по всей вѣроятности, этотъ обычай, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, покоится на мотивахъ религіознаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, духъ, покровительствующій семьѣ, поселяется въ ея главѣ; съ другой стороны, принято думать, что богъ, обитающій въ чужомъ тѣлѣ, участвуетъ въ жизни этого тѣла, болѣетъ и старѣетъ вмѣстѣ съ нимъ. Время не можетъ расшатать силы одного безъ того, чтобы этимъ не былъ ослабленъ и другой, безъ того, чтобы цѣлая группа не оказалась въ положеніи, угрожающемъ ея существованію, разъ охраняющее ее божество лишилось всякой силы. Поэтому въ общихъ интересахъ отецъ не долженъ ожидать крайняго срока своей земной жизни, чтобы во-время передать своимъ наслѣдникамъ тотъ драгоцѣнный даръ, который онъ хранитъ въ себѣ [1]).

Такого объясненія вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, чѣмъ вызывается этотъ видъ самоубійствъ. Если общество можетъ принуждать нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ къ самоубійству, то это обстоятельство обозначаетъ, что индивидуальная личность въ данной средѣ цѣнится очень низко. Первый признакъ самоопредѣленія личности— это признаніе за собою права на жизнь, права, которое нарушается только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время войны. Но эта слабая степень индивидуализаціи можетъ, въ свою очередь, имѣть только одно объясненіе. Для того, чтобы индивидъ занималъ такое незначительное мѣсто на фонѣ коллективной жизни, необходимо почти полное поглощеніе его личности той группой,

---

нуться снова на землю за близкими людьми и вещами. Но подобная забота неизбѣжно предполагаетъ, что кліентъ и слуга строго подчинены своему господину, что они съ нимъ нераздѣльны и, даже болѣе того, что во избѣжаніе несчастія, связаннаго съ пребываніемъ духа усопшаго на землѣ, они должны пожертвовать собою ради общаго интереса.

[1]) См. Frazer, Golden Bough, loc. cit. и passim.

къ которой онъ принадлежитъ, и, слѣдовательно, эта послѣдняя должна являться очень крѣпко сплоченною. Но составныя части могутъ въ такой ничтожной степени пользоваться самостоятельнымъ существованіемъ лишь въ томъ случаѣ, если цѣлое представляетъ собою компактную и сплошную массу. И, дѣйствительно, въ другомъ мѣстѣ мы показали, что въ обществѣ, гдѣ наблюдаются подобные обычаи, имѣется налицо такая крѣпкая спаянность его отдѣльныхъ частицъ [1]). Въ силу немногочисленности составныхъ элементовъ общества, они всѣ живутъ однородною жизнью и имѣютъ общія идеи, чувства, занятія. Въ то же время, опять-таки въ силу той же незначительности самой группы, она близка къ каждому своему члену и легко можетъ не терять его изъ виду; въ результатѣ коллективное наблюденіе не прекращается ни на минуту, касается всѣхъ сторонъ жизни индивида и сравнительно легко предупреждаетъ всякаго рода расхожденіе его съ группой. Въ распоряженіи индивида не имѣется, такимъ образомъ, средствъ создать себѣ особую среду, подъ защитой которой онъ могъ бы развить всѣ свои индивидуальныя качества, выработать свою собственную физіономію. Ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ членовъ группы, индивидъ является только, такъ сказать, нѣкоторою частью цѣлаго, не представляя самъ по себѣ никакой цѣнности. При такихъ условіяхъ личность цѣнится такъ дешево, что покушенія противъ нея со стороны частныхъ лицъ вызываютъ только очень слабую репрессію. Вполнѣ естественно, что личность еще менѣе защищена отъ коллективныхъ требованій; и общество, нисколько не колеблясь, — требуетъ отъ нея по самому ничтожному поводу прекращенія жизни, которая такъ мало имъ цѣнится.

Можно считать вполнѣ установленнымъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типомъ самоубійства, рѣзко отличающимся отъ разсмотрѣннаго выше. Въ то время какъ послѣдній объясняется крайнимъ развитіемъ индивидуализма, первый имѣетъ

---

[1]) См. Division du Travail Social, passim.

своей причиной недостаточное развитіе индивидуализма. Одинъ типъ самоубійства вытекаетъ изъ того обстоятельства, что общество, разложившееся въ извѣстныхъ своихъ частяхъ, или даже въ цѣломъ, даетъ индивиду возможность ускользнуть изъ-подъ своего вліянія; другой же типъ есть продуктъ абсолютной зависимости личности отъ общества. Если мы назвали „эгоизмомъ“ то состояніе, когда человѣческое „я“ живетъ только личною жизнью и слѣдуетъ только своей личной волѣ, то слово — „альтруизмъ“ также точно выражаетъ обратное состояніе, когда „я“ не принадлежитъ самому человѣку, когда оно смѣшивается съ чѣмъ-то другимъ, чѣмъ оно само, и когда центръ его дѣятельности находится внѣ его существа, но внутри той группы, къ которой данный индивидъ относится. Поэтому, то самоубійство, которое вызывается чрезмѣрнымъ альтруизмомъ, мы и называемъ альтруистическимъ. Но такъ какъ характернымъ для даннаго типа самоубійства является то обстоятельство, что оно совершается во имя долга, то и въ самой терминологіи должна быть оттѣнена эта его особенность; въ виду этого, охарактеризованный нами сейчасъ типъ самоубійства мы будемъ называть обязательнымъ альтруистическимъ типомъ самоубійства.

Наличность этихъ двухъ прилагательныхъ необходима для полнаго опредѣленія даннаго типа, потому что не каждое альтруистическое самоубійство является обязательнымъ. Существуетъ цѣлый рядъ самоубійствъ, гдѣ властная рука общества чувствуется не въ такой исключительной степени, и поэтому самоубійство носитъ болѣе факультативный характеръ. Иначе говоря, альтруистическое самоубійство представляетъ собою нѣкоторый видъ, обнимающій различныя разновидности. Одну изъ такихъ разновидностей мы уже разсмотрѣли, обратимся теперь къ другимъ.

Въ тѣхъ обществахъ, о которыхъ мы только что говорили, или въ другихъ, однородныхъ съ ними, часто наблюдается самоубійство, имѣющее своимъ непосредственнымъ

и наглядным мотивомъ какое-нибудь совершенно ничтожное обстоятельство. Титъ Ливій, Цезарь, Валерій Максимъ говорятъ намъ съ удивленіемъ, граничащимъ съ восторгомъ, о томъ величавомъ спокойствіи, съ которымъ галльскіе и германскіе варвары кончали съ собой [1]). Нѣкоторые Кельты готовы были умереть ради денегъ или вина [2]). Были среди нихъ люди, не считавшіе достойнымъ отступать передъ пламенемъ пожара, или морскимъ прибоемъ [3]). Современные путешественники могли наблюдать подобные случаи въ массѣ у дикихъ народовъ. Въ Полинезіи было достаточно самой легкой обиды для того, чтобы толкнуть человѣка на самоубійство [4]); то же самое наблюдалось среди индѣйцевъ Сѣверной Америки; достаточно супружеской ссоры, или вспышки ревности, для того, чтобы мужчина или женщина кончали съ собой. [5]). У племенъ Дакота и Криксы малѣйшее огорченіе вызываетъ самое отчаянное рѣшеніе.[6]). Извѣстна та легкость, съ которою японцы вспарываютъ себѣ животъ по самому незначительному поводу; передаютъ, что существуетъ даже особый видъ дуэли, при которой состязаются не въ искусствѣ нанесенія ударовъ противнику, а въ проворствѣ вспарыванія себѣ живота своими собственными руками [7]). Аналогичные факты наблюдаются въ Китаѣ, Кохинхинѣ, Тибетѣ и Сіамскомъ королевствѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ лишаетъ себя жизни безъ явно выраженнаго къ тому принужденія. Однако, этотъ видъ самоубійства, по природѣ своей, ничѣмъ не отличается отъ обязательнаго. Если общественное мнѣ-

---

[1]) Цезарь „Галльская война“ VI. 14. Валерій Максимъ VI. 11 и 12. Плиній. Ест. ист. IV. 12.

[2]) Посидоній XXIII. ap. Athen. Deipno IV. 154.

[3]) Elien XII. 23.

[4]) Waitz „Anthropologie der Naturvoelker“ m. VI ст. 115.

[5]) Ibid. т. III. 1-ое Hoelfte ст. 102.

[6]) Mary Eastman. „Dacotah“ стр. 89, 169. Ломброзо „L'Uomo delinquente“.

[7]) Lisle, op. cit., стр. 333.

ніе формально не предписываетъ здѣсь покончить съ собой, то относится къ этому благосклонно. Если считается добродѣтелью, и даже добродѣтелью par excellence, не дорожить своею жизнью, то наибольшія похвалы вызываетъ тотъ, кто уходитъ изъ жизни подъ вліяніемъ самаго легкаго побужденія, или даже просто ради бравады. Самоубійство какъ бы удостаивается общественной преміи, которая дѣйствуетъ на человѣка воодушевляющимъ образомъ, и лишеніе этой награды имѣетъ тѣ же послѣдствія, хотя и въ меньшей степени, какъ само наказаніе. То, что дѣлается въ одномъ случаѣ для избѣжанія позора—повторяется въ другомъ съ цѣлью завоеванія большаго уваженія. Если съ самаго дѣтства человѣкъ привыкаетъ дешево цѣнить свою жизнь и презирать людей, слишкомъ къ ней привязанныхъ, то вполнѣ понятно и неизбѣжно, что онъ кончаетъ съ собой подъ вліяніемъ самаго незначительнаго предлога. Вполнѣ естественно, что человѣкъ безъ всякаго труда рѣшается на жертву, которая для него такъ мало стоитъ. Такъ же, какъ и обязательное самоубійство, явленіе это составляетъ самую основную черту морали обществъ, принадлежащихъ къ низшему порядку. Такъ какъ такія общества могутъ существовать лишь при отсутствіи у индивида всякихъ личныхъ интересовъ, то необходимо, чтобы этотъ послѣдній былъ воспитанъ въ духѣ полнаго самоотреченія и самоотверженія; отсюда вытекаютъ этого рода самоубійства, въ значительной своей части добровольныя.

Точно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда общество болѣе опредѣленно предписываетъ индивиду покончить съ собой, разсматриваемыя самоубійства вызываются тѣмъ состояніемъ безличности или, какъ мы назвали его выше, „альтруизма“, которымъ характеризуется вообще мораль первобытнаго человѣка. Поэтому эту разновидность самоубійствъ мы также называемъ альтруистической, и если, съ цѣлью сильнѣе оттѣнить ея спеціальный признакъ, мы прибавляемъ опредѣленіе „факультативный“, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что данный видъ само-

убійства менѣе настоятельно диктуется обществомъ, чѣмъ тѣ самоубійства, которыя являются результатомъ безусловнаго обязательства. Эти двѣ разновидности настолько тѣсно сливаются между собой, что невозможно даже опредѣлить, гдѣ начинается одна и гдѣ кончается другая.

Существуетъ, наконецъ, цѣлый рядъ другихъ случаевъ, когда альтруизмъ болѣе непосредственно и съ большей силой побуждаетъ человѣка къ самоубійству. Въ предыдущихъ примѣрахъ онъ влечетъ индивида къ самоубійству только при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ: или человѣку требованіе умереть внушалось какъ долгъ, или, какимъ бы то ни было образомъ, затрагивалась его честь, или въ силу какого-нибудь постигшаго его несчастія, жизнь совершенно теряла въ его глазахъ всякую цѣнность. Но бываетъ и такъ, что человѣкъ убиваетъ себя, упоенный исключительно самою радостью принесенія себя въ жертву, т. е. отреченіе отъ жизни само по себѣ и безъ всякой особой причины считается похвальнымъ.

Индія — классическая страна для подобныхъ самоубійствъ; уже подъ вліяніемъ одного браманизма индусу легко покончить съ собою. Правда, законы Ману говорятъ о самоубійствѣ съ извѣстнымъ ограниченіемъ; человѣкъ долженъ достигнуть извѣстнаго возраста или оставить послѣ себя, по крайней мѣрѣ, одного сына. Но, удовлетворивъ этимъ условіямъ, индусъ уже ничѣмъ не связанъ съ жизнью. „Браманъ освободившійся отъ своего тѣла, при помощи одного изъ способовъ, завѣщанныхъ намъ великими святыми, безъ страха и горя, считается достойнымъ быть допущеннымъ въ мѣстопребываніе Брамы“ („Законы Ману“ VI.22). Хотя буддизму часто предъявляютъ обвиненіе въ томъ, что онъ довелъ этотъ принципъ до его крайнихъ предѣловъ и возвелъ самоубійство до степени религіознаго обряда, но въ дѣйствительности онъ, скорѣе, его осуждаетъ. Конечно, согласно ученію буддійской религіи, нѣтъ высшаго блаженства, какъ уничтожиться въ Нирванѣ; но такое отрѣшеніе отъ бытія можетъ и должно быть осуществимо уже въ земной

жизни, и для его реализаціи нѣтъ надобности въ насильственныхъ средствахъ. Во всякомъ случаѣ, идея о томъ, что человѣкъ долженъ бѣжать отъ жизни, настолько совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ индусовъ, что её можно найти въ различныхъ видахъ во всѣхъ главныхъ сектахъ, произошедшихъ отъ буддизма или образовавшихся одновременно съ нимъ; таковъ, напримѣръ, джаинизмъ. Хотя одна изъ каноническихъ книгъ этой секты осуждаетъ самоубійство, обвиняя его въ томъ, что оно преувеличиваетъ цѣну жизни, надписи, собранныя въ очень большомъ количествѣ храмовъ, свидѣтельствуютъ, что, въ особенности среди южныхъ послѣдователей этой секты, самоубійство на религіозной почвѣ—явленіе очень распространенное [1]); такъ, напримѣръ, здѣсь люди часто обрекаютъ себя на голодную смерть [2]).

Среди индусовъ очень распространенъ обычай искать смерти въ водахъ Ганга и другихъ священныхъ рѣкахъ. Найденныя надписи говорятъ намъ о короляхъ и министрахъ, которые готовились кончить свои дни такимъ образомъ [3]), и насъ увѣряютъ, что еще въ началѣ 19 вѣка этотъ суевѣрный обычай былъ въ полной своей силѣ [4]).

У племени биль есть скала, съ вершины которой люди бросались въ знакъ религіозной преданности божеству Шива [5]); въ 1822 году одинъ офицеръ присутствовалъ при жертвоприношеніи такого рода. Существуетъ поистинѣ классическій разсказъ о фанатикахъ, которые массами раздавливались колесами идола Джаггернаута [6]). Шарлевуа на-

---

[1]) Barth „The religions of India“ Лондонъ 1891 г. стр. 146.

[2]) Bühler „über die indische Secte der Jaïna“, Вѣна 1887 г. стр. 10, 19 и 37.

[3]) Barth op. cit ст. 279.

[4]) Heber „Narrative of a Iourney throught The Upper Provinces of India“ 1824—25. т. VII.

[5]) Forsyth, „The Highlands of Central India“ Лондонъ. 1871 г. ст. 172—175.

[6]) См. Burnell „Glossary“ 1886, слово Iagarnnath. Обычай этотъ уже почти исчезъ, но можно еще наблюдать отдѣльные случаи. См. Stirling, Asiat Resch. т. XV. ст. 324.

блюдалъ такого же рода ритуалъ въ Японіи. „Очень часто можно видѣть“, говоритъ онъ, „вдоль береговъ моря цѣлый рядъ лодокъ, наполненныхъ фанатиками, которые или бросаются въ воду, предварительно привязавъ къ себѣ камни, или просверливаютъ свои лодки и постепенно погружаются въ море, распѣвая гимны въ честь своихъ идоловъ. Громадная толпа зрителей слѣдитъ глазами за ними возноситъ до небесъ ихъ добродѣтели и проситъ ихъ благословить себя прежде, чѣмъ они исчезнутъ подъ водой. Послѣдователи секты амида заставляютъ замуровывать себя въ пещерахъ, гдѣ едва можно помѣститься въ сидячемъ положеніи и куда воздухъ проходитъ только черезъ отдушину, и затѣмъ спокойно умираютъ голодною смертью. Другіе взбираются на вершины высочайшихъ скалъ, подъ которыми покоятся залежи сѣры и по временамъ вылетаетъ пламя. Стоя на вершинѣ, фанатики громко взываютъ къ богамъ, прося принять въ жертву ихъ жизнь и послать на нихъ пламя. Какъ только появляется огненный языкъ, они привѣтствуютъ его, какъ знакъ согласія боговъ, и головой внизъ бросаются въ пропасть. Память этихъ, такъ называемыхъ, мучениковъ пользуется большимъ почетомъ [1]).

Нѣтъ другого вида самоубійствъ, гдѣ бы сильнѣе былъ выраженъ альтруистическій характеръ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, какъ субъектъ стремится освободиться отъ своей личности для того, чтобы погрузиться во что-то другое, что онъ считаетъ своею настоящей сущностью. Какъ бы ни называлась эта послѣдняя, индивидъ вѣритъ, что онъ существуетъ въ ней и только въ ней и, стремясь къ утвержденію своего бытія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится слиться воедино съ этою сущностью. Въ этомъ случаѣ человѣкъ не считаетъ своего теперешняго существованія дѣйствительнымъ. Безличность достигаетъ здѣсь своего максимума, и альтруизмъ выраженъ съ полною ясностью. Но, возразятъ намъ, не объясняется-ли этотъ видъ само-

[1]) Histoire du Japon, т. II.

убійства только пессимистическимъ взглядомъ человѣка на жизнь? Вѣдь если человѣкъ съ такой охотой убиваетъ себя, онъ, очевидно, не дорожитъ жизнью и, слѣдовательно, представляетъ ее себѣ въ болѣе или менѣе безотрадныхъ тонахъ. При такой точкѣ зрѣнія всѣ самоубійства оказались-бы похожими другъ на друга. Между тѣмъ было бы большой ошибкой не дѣлать между ними никакого различія; разсматриваемое отношеніе къ жизни не всегда зависитъ отъ одной и той же причины, и потому, несмотря на кажущееся совпаденіе, оно является неодинаковымъ въ различныхъ случаяхъ. Если эгоистъ, не признающій ничего реальнаго въ мірѣ, кромѣ своей личности, не знаетъ въ жизни радости, то его нельзя ставить на одну доску съ крайнимъ альтруистомъ, неудержимая скорбь котораго происходитъ оттого, что существованіе индивидовъ ему кажется лишеннымъ всякой реальности. Одинъ отрывается отъ жизни, потому что не видитъ въ ней для себя никакой цѣли и считаетъ свое существованіе безсмысленнымъ и безполезнымъ, другой—убиваетъ себя потому, что его желанная цѣль лежитъ внѣ этой жизни и послѣдняя служитъ для него какъ бы препятствіемъ. Различіе мотивовъ сказывается, конечно, на послѣдствіяхъ, и меланхолія одного по природѣ своей глубоко разнится отъ меланхоліи другого. Меланхолія перваго создана чувствомъ неизлѣчимой усталости и психической подавленности; она знаменуетъ полный упадокъ дѣятельности, которая, не имѣя для себя никакого полезнаго примѣненія, терпитъ окончательное крушеніе. Меланхолія альтруиста полна надежды; онъ вѣритъ, что по ту сторону этой жизни открываются самые радужные перспективы; подобное чувство вызываетъ даже энтузіазмъ, нетерпѣливая вѣра стремится сдѣлать свое дѣло и проявляетъ себя актомъ величайшей энергіи.

Въ концѣ концовъ, одного болѣе или менѣе мрачнаго взгляда на жизнь недостаточно для объясненія интенсивной наклонности къ самоубійству у опредѣленнаго народа. Такъ, напримѣръ, пребываніе на землѣ вовсе не рисуется

христіанину въ болѣе привѣтливомъ свѣтѣ, чѣмъ послѣдователю секты джайновъ. Жизнь представляется христіанину въ видѣ цѣпи тяжкихъ испытаній; христіанская душа надѣется обрѣсти свою настоящую обитель тоже не на этой землѣ, но, тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, какое отвращеніе къ акту самоубійства проповѣдуетъ и внушаетъ христіанство. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что христіанскія общества удѣляютъ индивиду гораздо больше мѣста, чѣмъ общества, о которыхъ мы только что говорили. На каждомъ христіанинѣ лежатъ опредѣленныя личныя обязанности, отъ исполненія которыхъ онъ не можетъ уклониться; только въ зависимости отъ того, насколько хорошо вѣрующій исполнитъ свой долгъ здѣсь на землѣ, ему пріуготовлены высшія радости и награды на небѣ, и эти радости—только личныя, какъ и дѣла, которыя дали на нихъ право. Такимъ образомъ, умѣренный индивидуализмъ, присущій духу христіанства, помѣшалъ ему отнестись благосклонно къ самоубійству, наперекоръ его теоріямъ о человѣкѣ и его судьбѣ.

Системы метафизическія и религіозныя, служащія какъ бы логической рамкой для этихъ моральныхъ обычаевъ, доказываютъ намъ, что именно таково и есть ихъ происхожденіе и значеніе. Уже давно замѣчено, что подобныя системы существуютъ обыкновенно на ряду съ пантеистическими вѣрованіями. Безъ сомнѣнія, джаинизмъ такъ же, какъ и буддизмъ, атеистиченъ; но пантеизмъ но безусловно еще теистиченъ. Главной характерной чертой пантеизма является идея о томъ, что все реальное въ индивидѣ не относится къ его природѣ, что душа, одухотворяющая его, не есть его душа, и что, въ силу этого, нѣтъ и не можетъ быть индивидуальнаго бытія. Именно эта догма и легла въ основаніе ученія индусовъ, она встрѣчается уже въ браманизмѣ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ начало существъ не сливается съ ними, но само мыслится въ индивидуальной формѣ, т. е. у монотеистическихъ народовъ, къ которымъ принадлежатъ евреи, христіане, могометане, или у политеистовъ—грековъ, латинянъ—данная форма самоубійства является исключительной,

и нигдѣ нельзя встрѣтиться съ нею въ качествѣ религіознаго обычая. Слѣдовательно, можно думать, что между этой формой самоубійствъ и пантеизмомъ дѣйствительно существуетъ причинная связь. Такъ ли это?

Допущеніе, что именно пантеизмъ вызвалъ этотъ родъ самоубійства, не можетъ быть принято; людьми управляютъ не абстрактныя идеи, и историческій ходъ событій нельзя объяснить игрой чистыхъ метафизическихъ понятій. У народовъ такъ же, какъ и у индивидовъ, представленія имѣютъ раньше всего своей задачей выразить ту реальность, которая не ими создана, но отъ которой, наоборотъ, сами они истекаютъ и, если затѣмъ могутъ видоизмѣнить ее, то только въ очень ограниченной степени. Религіозныя концепціи создаются соціальной средой, а отнюдь не создаютъ ея, и если, вполнѣ сформировавшись, онѣ реагируютъ въ свою очередь на породившія ихъ причины, то эта реакція не можетъ быть особенно глубокой. Поэтому, если основой пантеизма является болѣе или менѣе коренное отрицаніе индивидуальности, то понятно, что подобная религія можетъ образоваться только среди такого общества, гдѣ человѣческая индивидуальность совсѣмъ не цѣнится, т. е. гдѣ она поглощена безъ остатка самимъ обществомъ. Человѣкъ не можетъ представить себѣ міръ иначе, какъ по образцу того небольшого соціальнаго мірка, въ которомъ онъ живетъ. Религіозный пантеизмъ, поэтому, есть только слѣдствіе и отраженіе пантеистической организаціи общества. Слѣдовательно, этой послѣдней и опредѣляется тотъ особый видъ самоубійствъ, который вездѣ находится въ связи съ пантеистическимъ міропониманіемъ.

Такимъ образомъ, мы установили и второй типъ самоубійствъ, состоящій въ свою очередь изъ трехъ разновидностей: обязательное альтруистическое самоубійство, факультативное альтруистическое самоубійство и чисто альтруистическое самоубійство, совершеннѣйшимъ образцомъ котораго служитъ самоубійство мистическое. Во всѣхъ этихъ формахъ альтруистическое самоубійство пред-

ставляетъ поразительный контрастъ съ эгоистическимъ. Первое связано съ тою жестокою моралью, которая не признаетъ ничего, что интересуетъ только одного индивида, второе — съ тою утонченной этикой, которая настолько высоко ставитъ человѣческую личность, что эта личность не можетъ уже болѣе ничему подчиняться.

Между этими двумя типами лежитъ всё то разстояніе, которое раздѣляетъ первобытные народы отъ народовъ, достигшихъ вершинъ цивилизаціи.

Однако, если общества низшаго порядка являются par excellence средой для альтруистическаго самоубійства, то это послѣднее встрѣчается также и во времена болѣе развитой цивилизаціи. Подъ эту рубрику, напримѣръ, можно подвести извѣстное число христіанскихъ мучениковъ. Многіе изъ нихъ были, въ сущности, самоубійцами, и если не кончали съ собой собственноручно, то охотно позволяли убивать себя. Если они не сами умерщвляли себя, то всѣми силами искали смерти и вели себя такъ, что неизбѣжно навлекали ее на себя. Для того, чтобы признать въ извѣстномъ фактѣ самоубійство, совершенно достаточно того, что дѣйствіе, неминуемо влекущее за собой смерть, было совершенно въ сознаніи этого послѣдствія. Съ другой стороны, тотъ страстный энтузіазмъ, съ которымъ первые христіане шли на смерть, показываетъ намъ, что въ этотъ моментъ они совершенно отрекались отъ своей личности ради той великой идеи, которой хотѣли быть носителями. Весьма вѣроятно, что эпидемическія самоубійства, которыя нѣсколько разъ опустошали средневѣковые монастыри и которыя, повидимому, создавались религіознымъ рвеніемъ,— по характеру своему принадлежали къ той же группѣ [1]).

Въ нашихъ современныхъ обществахъ, гдѣ индивидуальная личность все болѣе и болѣе эмансипируется отъ

[1]) Моральное состояніе, вызывавшее такое самоубійство, называлось acedia. Си. Bourquelot „Recherches sur les opinions et la législation en matière de mort volontaire pendant le moyen âge".

коллективной, подобный видъ самоубійства не можетъ быть частымъ явленіемъ. Конечно, будетъ вполнѣ правильно сказать, что и солдаты, предпочитающіе смерть позору пораженія подобно коменданту Борепэру или адмиралу Вильневу, и несчастные, убивающіе себя, чтобы избавить свою семью отъ безчестія, поступаютъ такъ въ силу альтруистическихъ мотивовъ. И тѣ, и другіе отказываются отъ жизни въ силу того, что у нихъ есть нѣчто такое, что они любятъ сильнѣе самихъ себя. Но вышеприведенные случаи носятъ исключительный характеръ [1]). Однако, и въ настоящее время существуетъ соціальная среда, гдѣ альтруистическій типъ самоубійствъ можетъ считаться явленіемъ обыденнымъ,— это армія.

II.

Для всѣхъ европейскихъ странъ установлено, что склонность у военныхъ къ самоубійству значительно интенсивнѣе, чѣмъ у лицъ гражданскаго населенія того же возраста. Разница колеблется отъ 25% до 900%. (См. таблицу XXIII).

Данія является единственной страной, гдѣ процентъ самоубійствъ въ обѣихъ группахъ населенія почти совпадаетъ: 388 случаевъ самоубійствъ на 1 м. среди гражданскаго элемента и 382 случая на 1 м. среди солдатъ за періодъ 1846—56 г. Въ эту цифру не входитъ число самоубійствъ среди офицеровъ [2]).

---

[1]) Столь частыя самоубійства среди дѣятелей великой революціи объясняются—по крайней мѣрѣ, отчасти—альтруистическимъ настроеніемъ умовъ. Въ эти времена междуусобной борьбы, коллективнаго энтузіазма, — индивидуальная личность потеряла свою цѣнность. Интересы родины или партіи стояли выше всего; этимъ же обстоятельствомъ объясняется многочисленность казней: убивать было такъ же легко, какъ и кончать съ собой.

[2]) Цифровыя данныя о самоубійствѣ среди военныхъ заимствованы нами либо изъ оффиціальныхъ документовъ, либо у Вагнера (op. cit. стр. 229 и слѣд.); относительно гражданскаго населенія

ТАБЛИЦА XXIII.

Сравненіе числа самоубійствъ среди военнаго и гражданскаго населенія въ главнѣйшихъ странахъ Европы.

	Число самоубійствъ на		Коэффиціентъ возрастанія числа самоубійствъ среди солдатъ по сравненію съ невоенными
	1 мил. солдатъ	1 мил. невоенныхъ того же возраста	
Австрія . . . . . (1876—90)	1.253	122	10
Соединенные Штаты (1870—84)	680	80	8,5
Италія . . . . . (1876—90)	407	77	5,2
Англія . . . . . (1876—90)	209	79	2,6
Вюртембергъ . . . (1846—58)	320	170	1,92
Саксонія . . . . . (1847—58)	640	369	1,77
Пруссія . . . . . (1876—90)	607	394	1,50
Франція . . . . . (1876—90)	333	265	1,25

Этотъ фактъ тѣмъ сильнѣе поражаетъ съ перваго взгляда, что, какъ казалось бы, очень многія причины предохраняютъ армію отъ самоубійствъ. Прежде всего надо взять во вниманіе, что въ физическомъ отношеніи армія представляетъ собою цвѣтъ страны. Выбранные съ большимъ стараніемъ, солдаты не могутъ имѣть значительныхъ физическихъ недостатковъ [1]). Кромѣ того, корпоративный духъ, совмѣстная жизнь должны были бы оказывать здѣсь то профилактическое вліяніе, которое обыкновенно наблюдается въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Чѣмъ же объясняется такое повышеніе процента самоубійствъ?

Такъ какъ простые рядовые всегда не женаты, то въ этомъ явленіи хотѣли видѣть результатъ холостой жизни; но

мы пользовались также оффиціальной статистикой, указаніями Вагнера и Морселли. Для Соединенныхъ Штатовъ мы предположили средній возрастъ въ арміи такой же, какъ въ Европѣ, между 20—30 годами.

[1]) Здѣсь можно видѣть новое доказательство недѣйствительности органическаго фактора вообще и брачнаго подбора въ частности.

прежде всего безбрачіе не должно было бы въ арміи имѣть такихъ печальныхъ послѣдствій, какъ среди гражданскаго населенія, потому что, какъ мы уже говорили раньше, солдатъ не изолированъ: онъ является членомъ твердо организованнаго общества, которое по характеру своему отчасти можетъ замѣнить ему семью. Но какъ бы ни относились къ соображеніямъ, на которыхъ покоится эта гипотеза, у насъ всегда есть средство фактически провѣрить его, изолировавъ данный факторъ; для этого достаточно сравнить число самоубійствъ солдатъ съ числомъ самоубійствъ холостяковъ того же возраста. Таблица XI еще разъ показываетъ намъ свою важность и даетъ цѣнныя указанія для интересующаго насъ вопроса. За періодъ 1885—90 годовъ во Франціи насчитывалось **380** случаевъ самоубійствъ на 1 мил. во всей арміи; въ то же время неженатые въ возрастѣ отъ 20—25 лѣтъ гражданскаго населенія давали **237** случаевъ. На 100 самоубійствъ гражданскихъ холостяковъ приходится 160 самоубійствъ среди военныхъ; слѣдовательно, мы имѣемъ коэффиціентъ увеличенія, равный 1,6, внѣ всякой зависимости отъ безбрачія.

Если брать отдѣльно число самоубійствъ среди унтеръ-офицеровъ, то коэффиціентъ этотъ станетъ еще выше. За періодъ 1867—74 г. 1 мил. унтеръ-офицеровъ давалъ среднее число въ 993 случая. По даннымъ переписи 1866 г. средній возрастъ ихъ былъ немного выше 31 года. Правда, мы не знаемъ, какой высоты достигалъ въ это же время процентъ самоубійствъ среди холостыхъ 30-лѣтняго возраста въ гражданскомъ населеніи. Приводимыя нами таблицы относятся къ значительно позднѣйшему времени (1889—91.), и къ тому же онѣ являются единственными, которыя мы имѣемъ въ интересующей насъ сейчасъ области; но если взять за исходный пунктъ даваемыя ими цифры, ошибка, которую мы совершимъ, не будетъ имѣть другого результата, какъ пониженіе коэффиціента увеличенія у унтеръ-офицеровъ ниже того уровня, на которомъ онъ стоитъ на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, такъ какъ число самоубійствъ

второго періода по сравненію съ первымъ удвоилось, то процентъ среди холостыхъ разсматриваемаго нами возраста соотвѣтственно этому, конечно, тоже увеличился. Поэтому, сравнивая число самоубійствъ унтеръ-офицеровъ за періодъ 1867—74 г. съ числомъ самоубійствъ среди холостыхъ за періодъ 1889—91 г., мы можемъ только затушевать, а отнюдь не преувеличить то дурное вліяніе, которое военная профессія оказываетъ на наклонность къ самоубійству. Если, несмотря на эту погрѣшность, мы все же находимъ коэффиціентъ увеличенія, то мы можемъ быть увѣрены не только въ томъ, что это увеличеніе дѣйствительно существуетъ, но и въ томъ, что оно значительно выше, чѣмъ это показываютъ наши статистическія данныя. Въ 1889—91 г. 1 милл холостыхъ 31 года давалъ отъ 394 до 627 самоубійствъ, въ среднемъ **510**. Это число относится къ 993, какъ 100 къ 194. Значитъ, мы имѣемъ коэффиціентъ увеличенія, равный 1,94, и его можно повысить почти до 4, не боясь переступить дѣйствительно существующаго уровня [1]).

Наконецъ, корпусъ офицеровъ за періодъ 1862—78 годъ давалъ въ среднемъ 430 самоубійствъ на 1 мил. Средній ихъ возрастъ, который не долженъ особенно сильно мѣняться, равнялся въ 1866 году 37 годамъ и 9 мѣсяцамъ. Въ виду того, что многіе изъ офицеровъ женаты, сравнивать ихъ надо не съ холостяками этого же возраста, но съ общей массой мужского населенія, женатаго и холостого вмѣстѣ. Въ 1863—68 году 1 мил. мужчинъ всевозможныхъ семейныхъ положеній 37-лѣтняго возраста давалъ немного

---

[1]) Въ теченіе 1867—74 гг. среднее число самоубійствъ было приблизительно 140; за періодъ 1889—91 оно повысилось до 210—220, т. е. мы имѣемъ увеличеніе почти на 60%. Если процентъ среди холостяковъ увеличился въ такой же степени—а нѣтъ основанія думать, чтобы это было иначе—то за первый періодъ онъ равнялся бы 319, что подняло бы коэффиціентъ увеличенія у унтеръ-офицеровъ до 3,11. Если мы не говоримъ объ унтеръ-офицерахъ послѣ 1874 г., то поступаемъ такъ потому, что, начиная съ этого момента, становится все меньше и меньше солдатъ, выслужившихся въ унтеръ-офицеры.

болѣе 200 случаевъ. Это число относится къ 430, какъ 100 къ 215, т. е. мы имѣемъ коэффиціентомъ увеличенія цифру 2,15, совершенно не зависящую ни отъ брака, ни отъ условій семейной жизни.

Этотъ коэффиціентъ въ зависимости отъ разныхъ ступеней военной іерархіи колеблется между 1,6 и 4 и можетъ быть объясненъ только причинами, присущими исключительно военной службѣ. Правда, это повышеніе числа самоубійствъ среди военныхъ установлено нами только относительно Франціи; для другихъ странъ мы не имѣемъ данныхъ, необходимыхъ для того, чтобы было возможно изолировать вліяніе безбрачія. Но такъ какъ французская армія меньше всѣхъ другихъ, за исключеніемъ датской, страдаетъ отъ самоубійствъ, то можно быть увѣреннымъ, что нашъ выводъ имѣетъ общій характеръ и долженъ быть даже еще усиленъ въ примѣненіи къ остальнымъ европейскимъ странамъ. Чѣмъ можно объяснить подобное явленіе?

Въ качествѣ причины называли алкоголизмъ, какъ говорятъ, сильнѣе развитый среди арміи, чѣмъ среди гражданскаго населенія. Но, раньше всего, какъ уже было нами установлено выше, алкоголизмъ не имѣетъ вообще опредѣленнаго вліянія на процентъ самоубійствъ; слѣдовательно, въ частности онъ не долженъ оказывать вліянія и на процентъ самоубійствъ среди военныхъ. Затѣмъ, тѣхъ нѣсколькихъ лѣтъ военной службы (3 года во Франціи и $2^1/_2$ въ Пруссіи), которые выпадаютъ на долю мужского населенія, недостаточно для того, чтобы выработать изъ новобранцевъ закоренѣлыхъ алкоголиковъ, и потому громадный контингентъ самоубійствъ въ арміи не можетъ объясняться этой причиной. Наконецъ, по заключенію даже наблюдателей, приписывающихъ самое большое значеніе алкоголизму, оказывается, что только $^1/_{10}$ всѣхъ случаевъ самоубійствъ въ арміи могла-бы быть отнесена на счетъ его вліянія. Слѣдовательно, даже въ томъ случаѣ, если бы число самоубійствъ на почвѣ алкоголизма среди солдатъ было въ 2

или 3 раза больше, чѣмъ среди гражданскаго населенія, того же возраста — что еще не доказано, — то все-таки оставался бы значительный перевѣсъ на сторонѣ самоубійствъ въ арміи, для котораго пришлось бы искать другого объясненія.

Мотивъ, который наиболѣе часто приводится въ такихъ случаяхъ, это отвращеніе къ военной службѣ. Такое объясненіе вполнѣ согласуется съ тѣмъ мнѣніемъ, что самоубійство вообще вызывается тяжелыми условіями существованія; строгость дисциплины, отсутствіе свободы, полное лишеніе всякихъ удобствъ — все это заставляетъ человѣка смотрѣть на жизнь въ казармѣ, какъ на нѣчто исключительно невыносимое. Аргументирующіе такимъ образомъ забываютъ, что есть много другихъ, еще болѣе тяжелыхъ профессій, которыя тѣмъ не менѣе не увеличиваютъ наклонности къ самоубійству. Солдатъ, по крайней мѣрѣ, всегда обезпеченъ въ смыслѣ жилища и питанія. Но каково бы ни было значеніе вышеприведенныхъ соображеній, слѣдующіе факты говорятъ намъ о томъ, что этого упрощеннаго объясненія недостаточно.

1) Логика заставляетъ допустить, что отвращеніе къ военной службѣ должно сильнѣе чувствоваться въ теченіе первыхъ годовъ службы, а затѣмъ ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ солдатъ начинаетъ привыкать къ жизни въ казармѣ. По истеченіи извѣстнаго времени, происходитъ нѣкоторая акклиматизація, либо въ силу привычки, либо потому, что наиболѣе непокорный элементъ или дезертируетъ, или кончаетъ съ собой. И эта акклиматизація тѣмъ глубже пускаетъ свои корни, чѣмъ дальше продолжается служба подъ знаменами. Если бы перемѣна привычекъ и невозможность приспособиться къ новому образу жизни опредѣляли спеціальную наклонность солдата къ самоубійству, то коэффиціентъ увеличенія долженъ былъ бы уменьшаться по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ военная служба. Въ дѣйствительности же этого нѣтъ, какъ показываетъ нижеслѣдующая таблица.

Французская армія		Англійская армія		
	Унтеръ-офицеры и солдаты годовое число самоубійствъ на 100000 чел. (1862—69).	Возрастъ	Число самоубійствъ на 100000	
			въ Метрополіи	въ Индіи
До истеченія одного г. сл.	28	20—25 лѣтъ	20	13
Между 1-мъ и 3-мъ годомъ	27	25—30 „	39	39
—3—5—	40	30—35 „	51	84
—5—7—	48	35—40 „	71	103
—7—10—	76	—	—	—

Во Франціи меньше, чѣмъ за 10 лѣтъ службы, процентъ самоубійствъ почти утраивается, тогда какъ для холостыхъ гражданскаго населенія онъ за это же время повышается всего съ 237 до 394. Въ англійской арміи въ Индіи за 20 лѣтъ службы процентъ самоубійствъ поднимается въ 8 разъ; нигдѣ и никогда мы не увидимъ, чтобы процентъ этотъ прогрессировалъ настолько быстро среди гражданскаго населенія. Въ этомъ мы имѣемъ новое доказательство того, что повышенная наклонность къ самоубійству, свойственная военнымъ, не становится меньше по истеченіи первыхъ лѣтъ службы.

То же самое, повидимому, происходитъ въ Италіи. Правда, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ относительныхъ цифръ для наличнаго состава по отдѣльнымъ годамъ. Но валовыя цифры почти одинаковы для всѣхъ трехъ лѣтъ военной службы: 15,1 для перваго, 14,8 для второго, 14,3 для третьяго года. Не подлежитъ сомнѣнію, что наличный составъ арміи уменьшается съ каждымъ годомъ службы, вслѣдствіе смертности, преобразованій полковъ, ухода въ отставку и т. д. Абсолютныя цифры могли удержаться на одномъ уровнѣ только при томъ условіи, что относительныя цифры значительно повысились. Однако, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ извѣстное число самоубійствъ

въ началѣ службы нужно приписать именно перемѣнѣ образа жизни. Дѣйствительно, въ Пруссіи самоубійства исключительно часто встрѣчаются въ теченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ службы. Точно также въ Австріи на 1000 случаевъ приходится 156, совершенныхъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ службы [1]), что составляетъ безъ, сомнѣнія, очень значительную сумму. Но эти факты нисколько не противорѣчатъ предыдущему. Весьма возможно, что помимо временнаго увеличенія, происходящаго въ періодъ пертурбаціи вызванной внезапнымъ измѣненіемъ жизненной обстановки, существуетъ еще и другое, опредѣляемое совсѣмъ иными причинами и прогрессирующее согласно тому закону, который мы наблюдали во Франціи и Англіи. Въ концѣ концовъ въ самой Франціи уровень второго и третьяго года нѣсколько ниже перваго, что не препятствуетъ однако дальнѣйшему повышенію числа самоубійствъ [2]).

2) Военная жизнь является значительно менѣе трудной, менѣе суровой для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, чѣмъ для солдатъ. Поэтому, коэффиціентъ увеличенія въ двухъ первыхъ категоріяхъ долженъ быть ниже, чѣмъ въ третьей. Въ дѣйствительности же происходитъ совершенно обратное; мы уже установили это для Франціи; то же самое повторяется и въ другихъ странахъ. Въ Италіи офицерство за періодъ 1871—78 г. давало среднюю годовую въ 565 случаевъ самоубійствъ на 1 мил., тогда какъ нижніе чины давали только 230 случаевъ (по Морселли). Для унтеръ-офицеровъ

[1]) См. статью de Roth въ „Stat. Monatsschrift", 1892, стр. 200.

[2]) Для Пруссіи и Австріи мы не знаемъ наличнаго состава каждаго года службы, а это обстоятельство не позволяетъ намъ установить относительныхъ чиселъ. Во Франціи предполагаютъ, что если послѣ войны число самоубійствъ въ арміи уменьшилось, то это произошло потому, что уменьшился самый срокъ военной службы (5 лѣтъ вмѣсто 7). Но это уменьшеніе продолжалось недолго и, начиная съ 1882 года, цифры замѣтно поднялись. Съ 1882 до 1889 онѣ возвратились къ той высотѣ, на которой стояли до войны, колеблясь въ предѣлахъ 322—424 на 1 мил., и это происходило, несмотря на новое сокращеніе срока службы (3 года вмѣсто 5 лѣтъ).

процентъ самоубійствъ еще больше: свыше тысячи случаевъ на 1 м. Въ Пруссіи нижніе чины даютъ 560 самоубійствъ на 1 милл., въ то время какъ унтеръ-офицеры—1.140. Въ Австріи одно самоубійство офицера приходится на 9 самоубійствъ среди солдатъ, тогда какъ безъ всякаго сомнѣнія, въ арміи на каждаго офицера имѣется болѣе, чѣмъ 9 нижнихъ чиновъ. Точно также, хотя унтеръ-офицеровъ меньше, чѣмъ по одному на 2 солдата, одно самоубійство среди первыхъ приходится на 2,5 среди вторыхъ.

3) Отвращеніе къ военной службѣ должно ощущаться въ меньшей степени у тѣхъ, кто выбираетъ ее по призванію. Вольноопредѣляющіеся и сверхсрочные должны были бы проявлять меньшую наклонность къ самоубійству; между тѣмъ въ дѣйствительности именно въ этой-то средѣ и наблюдается исключительно сильная къ нему наклонность.

		Процентъ самоубійствъ на 1 мил.	Средній вѣроятный возрастъ	Относительное число самоуб. среди холостяковъ гражданскаго населенія того же возраста (1880—91)	Коэффиціентъ увеличенія.
Годы 1875—78	Вольноопредѣляющіеся .	670	25	Между 237 и 394, т. е. приблизительно 315	2,12
	Сверхсрочные.	1.300	30	Между 394 и 627, т. е. приблизительно 510	2,54

Въ силу указанныхъ нами выше причинъ, эти коэффиціенты, вычисленные по отношенію къ холостякамъ за 1889—91 года, несомнѣнно ниже, чѣмъ въ дѣйствительности. Интенсивность *наклонности* къ самоубійству, проявляемая сверхсрочными, особенно заслуживаетъ вниманія потому, что эти люди остаются на службѣ послѣ того, какъ испробовали военную жизнь.

Итакъ, всего болѣе испытываютъ влеченіе къ самоубійству тѣ чины арміи, у которыхъ наибольшее призваніе

къ военной карьерѣ, которые наиболѣе свободны отъ связанныхъ съ нею неудобствъ и лишеній. Отсюда вытекаетъ, что специфическій для этой профессіи коэффиціентъ увеличенія самоубійствъ имѣетъ своей причиной не отвращеніе къ службѣ, а, наоборотъ, совокупность навыковъ, пріобрѣтенныхъ привычекъ или природныхъ предрасположеній составляющихъ, такъ называемый, военный духъ. Первымъ качествомъ солдата является особаго рода безличіе, какого въ гражданской жизни въ такой степени нигдѣ не встрѣчается. Нужно, чтобы солдатъ низко цѣнилъ свою личность, если онъ обязанъ быть готовымъ принести ее въ жертву по первому требованію начальства. Даже внѣ этихъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ мирное время и въ обыденной практикѣ военнаго ремесла, дисциплина требуетъ, чтобы солдатъ повиновался не разсуждая и иногда даже не понимая. Но для этого необходимо духовное самоотрицаніе, что, конечно, несовмѣстимо съ индивидуализмомъ. Надо очень слабое сознаніе своей индивидуальности для того, чтобы такъ спокойно и покорно слѣдовать внѣшнимъ импульсамъ. Однимъ словомъ, правила поведенія солдата лежатъ внѣ его личности; а это и есть характеристическая черта альтруизма. Изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ наше современное общество, армія больше всего напоминаетъ собою структуру обществъ низшаго порядка. Подобно имъ, армія состоитъ изъ компактной массивной группы, поглощающей индивида и лишающей его всякой свободы движенія. Такъ какъ подобное моральное состояніе является естественной почвой для альтруистическаго самоубійства, то есть полное основаніе предполагать, что самоубійство среди военныхъ носитъ такой же характеръ и имѣетъ такое же происхожденіе.

Такимъ путемъ можно объяснить себѣ, почему коэффиціентъ увеличенія самоубійствъ возрастаетъ вмѣстѣ съ продолжительностью военной службы; это — оттого, что способность къ самоотреченію, обезличеніе развивается какъ результатъ продолжительной дрессировки. Точно

такъ же, поскольку военный духъ развитъ сильнѣе среди сверхсрочныхъ и среди офицеровъ, чѣмъ среди простыхъ рядовыхъ, постольку вполнѣ естественно, что первые два класса обладаютъ болѣе сильно выраженной наклонностью къ самоубійству, чѣмъ третій. Эта гипотеза даетъ намъ даже возможность понять странное на первый взглядъ превосходство въ этомъ отношеніи унтеръ-офицеровъ надъ офицерами. Если они чаще лишаютъ себя жизни, то это происходитъ потому, что не существуетъ другой должности, которая требовала бы отъ субъекта въ такой степени привычки къ пассивному повиновенію. Какъ бы ни былъ дисциплинированъ офицеръ, но въ извѣстной мѣрѣ онъ долженъ быть способнымъ къ проявленію иниціативы; поле его дѣятельности болѣе широко и, въ силу этого, индивидуальность его больше развита. Условія, благопріятныя для альтруистическаго самоубійства, менѣе реализованы въ офицерской корпораціи, чѣмъ среди унтеръ-офицеровъ; первые живѣе чувствуютъ цѣнность жизни и имъ, поэтому, труднѣе отказаться отъ нея. Это объясненіе даетъ намъ не только возможность понять многіе уже разсмотрѣнные факты, но кромѣ того подтверждается еще слѣдующими данными.

1) Изъ таблицы XXIII вытекаетъ, что коэффиціентъ увеличенія самоубійствъ среди военныхъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше общая масса гражданскаго населенія проявляетъ склонности къ самоубійству, и наоборотъ. Данія по части самоубійствъ классическая страна, и солдаты въ ней убиваютъ себя не чаще, чѣмъ остальная масса населенія. По числу самоубійствъ за нею слѣдомъ идутъ Саксонія, Пруссія, Франція; въ нихъ армія не особенно сильно страдаетъ отъ самоубійствъ; коэффиціентъ увеличенія колеблется между 1,25 и 1,77. Напротивъ, этотъ коэффиціентъ очень значителенъ для Австріи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ и Англіи; все это тѣ страны, гдѣ случаи самоубійствъ среди гражданскаго населенія очень немногочисленны. Розенфельдъ въ уже цитированной нами раньше статьѣ

классифицировалъ главныя европейскія страны съ точки зрѣнія числа самоубійствъ среди военныхъ и, не задаваясь цѣлью вывести изъ этой классификаціи какое-нибудь опредѣленное заключеніе, пришелъ къ тѣмъ же результатамъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ онъ располагаетъ различныя страны, въ зависимости отъ вычисленнаго имъ коэффиціента.

	Коэффиціентъ увеличенія самоубійствъ солдатъ по отношенію къ невоеннымъ отъ 20—30 лѣтняго возраста	Число самоубійствъ среди гражданскаго населенія на милліонъ жителей
Франція	1,3	150 (1871—75)
Пруссія	1,8	133 (1871—75)
Англія	2,2	73 (1876)
Италія	между 3 и 4	37 (1874—77)
Австрія	8	72 (1864—72)

За исключеніемъ того, что Австрія должна была бы стоять выше Италіи, обратная пропорціональность здѣсь вполнѣ выдержана [1]).

Австро-Венгрія даетъ намъ еще болѣе поразительную картину. Наиболѣе высокій коэффиціентъ наблюдается тамъ въ тѣхъ частяхъ войскъ, которыя расположены въ областяхъ съ наименьшимъ числомъ самоубійствъ среди гражданскаго населенія, и обратно.

---

[1]) Можно спросить себя: не объясняется-ли громадное увеличеніе коэффиціента среди военныхъ въ Австріи тѣмъ, что случаи самоубійства региструются тамъ въ арміи болѣе тщательно, чѣмъ среди гражданскаго населенія.

Военные округа.	Коэффиціентъ увеличенія самоубійствъ солдатъ по отношенію къ невоеннымъ въ возрастѣ свыше 20-ти л.		Число самоубійствъ среди гражданскаго населенія свыше 20 л. на 1 мил.	
Вѣна (Нижняя и Верхняя Австрія, Зальцбургъ)	1,42		660	
Брунъ (Моравія и Силезія) . . .	2,41	Среднее число 2,46	580	480
Прага (Богемія)	2,58		620	
Инсбрукъ (Тироль, Форальбергъ) .	2,41		240	
Зара (Далмація)	3,48	Среднее число 3,82	250	283
Грацъ (Штейермаркъ, Каринтія, Крайна)	3,58		290	
Краковъ (Галиція и Буковина) . .	4,41		310	

Существуетъ только одно исключеніе въ лицѣ территоріи Инсбрука, гдѣ уровень самоубійствъ среди гражданскаго населенія стоитъ низко, а коэффиціентъ увеличенія не поднимается выше средняго. Въ Италіи изъ всѣхъ военныхъ округовъ меньше всего самоубійствъ насчитывается въ Болоньѣ — (180 случаевъ на 1 м.), но прочее населеніе чаще всего прибѣгаетъ къ самоубійству именно здѣсь (89,5). Апулія и Абруцца, наоборотъ, насчитываютъ больше всего самоубійствъ среди военныхъ (370 и 400 на 1 м.) и только 15 или 16 среди гражданскихъ элементовъ. Для Франціи можно сдѣлать вполнѣ аналогичное замѣчаніе. Парижскій военный округъ имѣетъ 260 самоубійствъ на 1 м. жителей и значительно уступаетъ Бретани, гдѣ мы имѣемъ 440. Даже въ Парижѣ коэффиціентъ увеличенія долженъ быть незначительнымъ, ибо въ департаментѣ Сены на 1 м. холостыхъ, въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, приходится 214 самоубійствъ.

Всѣ эти факты доказываютъ намъ, что причины частыхъ самоубійствъ въ арміи не только различны, но и діаметрально противоположны тѣмъ, которыя вызываютъ самоубійство среди гражданскаго населенія. Въ современныхъ сложныхъ европейскихъ обществахъ самоубійства гражданъ обязаны своимъ существованіемъ крайне разви-

тому индивидуализму, неизбѣжно сопровождающему нашу цивилизацію. Самоубійство въ арміи должно зависѣть отъ противоположнаго психическаго предрасположенія, отъ слабаго развитія индивидуальности, т. е. отъ того, что мы назвали альтруизмомъ. И дѣйствительно, тѣ народы, у которыхъ особенно часто случаются самоубійства въ арміи, являются въ то же время наименѣе цивилизованными, и нравы ихъ ближе всего подходятъ къ обществамъ низшаго порядка. Традиціонализмъ, этотъ главный противникъ всякаго проявленія индивидуализма, гораздо больше развитъ въ Италіи, Австріи и даже въ Англіи, чѣмъ въ Саксоніи, Пруссіи и Франціи. Онъ болѣе живучъ въ Зарѣ, Краковѣ, чѣмъ въ Грацѣ и Вѣнѣ,—въ Апуліи, чѣмъ въ Римѣ и Болоньѣ,—въ Бретани, чѣмъ въ департаментѣ Сены. Такъ какъ традиціонализмъ предохраняетъ отъ эгоистическаго самоубійства, то легко понять, что тамъ, гдѣ онъ еще въ силѣ, гражданское населеніе мало склонно къ самоубійству. Но онъ сохраняетъ свое профилактическое вліяніе только до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ съ умѣренной силой. Если традиціонализмъ переходитъ извѣстный предѣлъ, то онъ самъ становится источникомъ самоубійствъ. Но, какъ мы уже знаемъ, армія неизбѣжно стремится его преувеличить и способна преступить мѣру тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ больше ея собственное дѣйствіе поддерживается и усиливается вліяніемъ окружающей среды. Воспитаніе, которое она даетъ, приводитъ къ результатамъ, тѣмъ болѣе яркимъ, чѣмъ лучше оно согласовано съ идеями и чувствами самого гражданскаго населенія; потому что тогда оно не встрѣчаетъ никакого сопротивленія. Напротивъ, тамъ, гдѣ военный духъ безпрестанно и энергично осуждается общественной моралью, онъ не можетъ быть такъ же силенъ, какъ тамъ, гдѣ вся окружающая среда вліяетъ на молодого солдата въ томъ же самомъ направленіи. Теперь понятно, что въ такихъ странахъ, гдѣ начало альтруизма развито достаточно для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ защитить общую массу населенія, армія развиваетъ его до такой степени,

что оно становится причиной значительнаго возрастанія самоубійствъ [1]).

2) Во всѣхъ арміяхъ спеціальныя, избранныя войска обладаютъ въ то же время и наибольшимъ коэффиціентомъ возрастанія самоубійствъ.

	Средній возрастъ преполагаемый и дѣйствительный	Число самоубійствъ на 1 милліонъ	Коэффиціентъ увеличенія
Спеціальныя части войскъ въ Парижѣ	30—35	570 (въ 1862—78) 570 (1873).	2,45 по отношенію къ мужской половинѣ гражданскаго населенія 35 л., холостыхъ, женатыхъ и вдовыхъ вмѣстѣ;
Жандармерія			2,45
Ветераны . . . . . (упразднены въ 1872).	45—55	2.860	2,37 по отношенію къ холостымъ того же возраста въ теч. 1889—91 гг. [2])

Послѣдняя цифра, взятая по отношенію къ холостякамъ 1889—91 гг., значительно пріуменьшена, и все же она много выше, чѣмъ въ ординарныхъ войскахъ. Точно такъ же въ алжирской арміи, которая считается среди войсковыхъ частей образцовой, за періодъ 1872—78 годовъ число самоубійствъ было вдвое больше по сравненію съ войсками, расквартированными въ самой Франціи (570 самоубійствъ на 1 мил. вмѣсто 280). Наименѣе подверженными самоубійству оказываются понтоньеры, сапёры, санитарные служители, рабочіе въ администраціи, т. е. всѣ тѣ, на комъ менѣе всего отражается военный духъ. Точно также въ Италіи, въ то время, какъ армія вообще за періодъ 1878—81 гг. давала только 430 случаевъ на 1 м., у стрѣлковъ было 580

[1]) Надо отмѣтить, что духъ альтруизма связанъ съ самой территоріей. Армейскій корпусъ, расположенный въ Бретани, не состоитъ исключительно изъ бретонцевъ, но на немъ отражается моральное воздѣйствіе окружающей среды.

[2]) Многіе жандармы и муниципальные гвардейцы женаты.

случаевъ, у карабинеровъ—800, и въ военныхъ школахъ и учебныхъ баталіонахъ—1010.

Спеціальныя части войскъ отличаются особенно интенсивнымъ развитіемъ духа военнаго самоотверженія и самоотреченія. Значитъ, самоубійство въ арміи варьируетъ въ прямой зависимости отъ этого моральнаго состоянія.

3) Послѣднимъ доказательствомъ этого закона является то, что самоубійство среди военныхъ всюду уменьшается. Въ 1862 году во Франціи приходилось 630 случаевъ на 1 м., въ 1890 году ихъ было уже только 280. Нѣкоторые полагаютъ, что подобное уменьшеніе объясняется новымъ закономъ, сократившимъ срокъ службы. Но это уменьшеніе началось значительно раньше введенія новаго закона, а именно въ 1862 году, и продолжалось непрерывно, если не считать довольно значительнаго повышенія въ 1882—1888 гг.[1]). Съ этимъ явленіемъ мы встрѣчаемся всюду. Число самоубійствъ въ прусской арміи вмѣсто 716 случаевъ на 1 м. въ 1877 г. спустилось до 550 въ 1890; въ Бельгіи, вмѣсто 391 въ 1885 г. ихъ насчитывалось 185 въ 1891; въ Италіи, вмѣсто 431 въ 1876 году—389 въ 1892. Въ Австріи и Англіи уменьшеніе числа самоубійствъ мало замѣтно, но во всякомъ случаѣ нѣтъ и увеличенія (1.209 въ 1892 году въ первой изъ этихъ странъ, и 210 во второй въ 1890 г., вмѣсто 1.277 и 217 въ 1876 г.).

Если предполагаемое нами объясненіе правильно, то дѣло именно такъ и должно происходить. Можно считать установленнымъ, что во всѣхъ странахъ одновременно наблюдается паденіе стараго военнаго духа. Хорошо это или худо, но только прежнія привычки пассивнаго послушанія, абсолютнаго подчиненія, однимъ словомъ, полнаго безличія,

---

[1]) Этотъ фактъ слишкомъ значителенъ для того, чтобы его можно было объяснить простою случайностью. Если отмѣтить, что онъ совершенно точно совпадаетъ съ началомъ французскихъ колоніальныхъ предпріятій, то можно съ полнымъ основаніемъ задать себѣ вопросъ, не послужилъ ли рядъ разразившихся тогда войнъ поводомъ къ возрожденію военнаго духа.

мало-по-малу пришли въ противорѣчіе съ требованіями общественной совѣсти и потеряли подъ собой почву. Въ соотвѣтствіи съ новыми вѣяніями, дисциплина стала менѣе требовательной и стѣснительной для индивида [1]). Замѣчательно, что за этотъ же періодъ времени, въ этихъ же самыхъ странахъ, число самоубійствъ среди гражданскаго населенія безостановочно увеличивалось. Новое доказательство того, что причины, отъ которыхъ оно зависитъ, по природѣ своей противоположны причинѣ, обусловливающей специфическую наклонность къ самоубійству среди солдатъ.

Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что самоубійство въ арміи представляетъ собою только извѣстную форму альтруистическаго самоубійства. Конечно, мы не желаемъ сказать этимъ, что всѣ частные случаи самоубійствъ въ полкахъ носятъ этотъ опредѣленный характеръ, или имѣютъ только такое происхожденіе.

Солдатъ, одѣвающій военную форму, не дѣлается совершенно новымъ человѣкомъ; слѣды его предыдущей жизни, вліяніе полученнаго имъ воспитанія,—все это не можетъ исчезнуть какъ бы по мановенію волшебнаго жезла; и кромѣ того, онъ не настолько отдѣленъ отъ остального общества, чтобы совершенно не участвовать въ общественной жизни. Самоубійство солдата по своимъ мотивамъ и по своей природѣ можетъ иногда не имѣть ничего военнаго. Но, если устранить эти отдѣльные случаи, не имѣющіе между собою никакой связи, то остается сплоченная однородная группа, обнимающая собой большинство самоубійствъ въ арміи; и здѣсь опредѣляющую роль играетъ то состояніе альтруизма, внѣ котораго не можетъ быть военнаго духа. Въ лицѣ этой группы мы имѣемъ какъ бы пережитокъ самоубійствъ, свойственныхъ обществамъ низшаго порядка; вѣдь и сама военная мораль нѣкоторыми своими сторонами соста-

[1]) Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ данномъ случаѣ личность страдаетъ отъ этого гнета, и именно потому человѣкъ кончаетъ съ собой. Здѣсь люди убиваютъ себя больше потому, что они мало индивидуализированы.

вляетъ какъ бы пережитокъ морали первобытнаго человѣчества [1]). Подъ вліяніемъ этого предрасположенія, солдатъ лишаетъ себя жизни при первомъ столкновеніи съ жизнью, по самому ничтожному поводу: вслѣдствіе отказа въ разрѣшеніи отпуска, вслѣдствіе выговора, незаслуженнаго наказанія или неудачи по службѣ; убиваетъ себя по причинѣ ничтожнаго оскорбленія, мимолетной вспышки ревности или даже просто потому, что на его глазахъ кто-нибудь покончилъ съ собой. Здѣсь мы находимъ объясненіе тѣхъ явленій зараженія, которыя такъ часто наблюдаются въ арміи. Выше мы приводили цѣлый рядъ относящихся сюда примѣровъ.

Подобные факты были бы необъяснимыми, если бы самоубійство въ корнѣ своемъ зависѣло отъ индивидуальныхъ причинъ. Нельзя же допустить, чтобы простой случай собралъ именно въ одномъ полку, на одной территоріи такое большое число лицъ, по своему органическому сложенію предрасположенныхъ къ самоубійству. Съ другой стороны еще менѣе допустимо предположеніе, чтобы была возможна такая эпидемія подражанія со стороны индивидовъ, нисколько не предрасположенныхъ къ самоубійству; но все легко объясняется, если согласиться съ тѣмъ, что военная карьера развиваетъ въ человѣкѣ такой строй души, который непреоборимо тянетъ его разстаться съ жизнью. Вполнѣ естественно, что этотъ душевный строй встрѣчается, въ той или другой степени, у большинства людей, отбывающихъ военную службу, а такъ какъ именно онъ представляетъ почву, наиболѣе благопріятную для самоубійствъ, то нуженъ очень небольшой толчокъ для того, чтобы претворить въ дѣйствіе готовность убить себя, скрытую въ человѣкѣ разсматриваемаго моральнаго склада. Для этого

---

[1]) Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что эта мораль должна отнынѣ исчезнуть. Всѣ эти пережитки имѣютъ свой raison d'être и вполнѣ естественно, что нѣкоторые элементы прошлаго уживаются съ современностью. Вся наша жизнь соткана изъ противорѣчій.

достаточно простого примѣра и поэтому-то поступокъ одного лица съ силою взрыва распространяется среди людей, заранѣе подготовленныхъ слѣдовать ему.

III.

Теперь читателю будетъ болѣе понятно наше желаніе дать объективное опредѣленіе факту самоубійства и неизмѣнно придерживаться его въ ходѣ изложенія. Хотя альтруистическое самоубійство и содержитъ въ себѣ всѣ характерныя черты самоубійства вообще, но въ своихъ наиболѣе яркихъ и поразительныхъ проявленіяхъ приближается къ той категоріи человѣческихъ поступковъ, къ которымъ мы привыкли относиться съ полнымъ уваженіемъ и даже восторгомъ; поэтому мы очень часто отказываемся даже признать въ немъ фактъ самоубійства.

Въ глазахъ Эскироля и Фальрэ смерть Катона и жирондистовъ не была самоубійствомъ. Но если тѣ самоубійства, которыя своею видимой и непосредственной причиной имѣютъ духъ отреченія и самоотверженія, не заслуживаютъ такой квалификаціи, то послѣдняя не можетъ быть примѣнена и къ тѣмъ самоубійствамъ, которыя происходятъ отъ того же моральнаго расположенія, хотя и менѣе очевиднаго; ибо вторыя отличаются отъ первыхъ только нѣкоторыми оттѣнками. Если житель Канарскихъ острововъ, бросающійся въ пропасть въ честь своего бога—не самоубійца, то нельзя дать этого названія и послѣдователю секты Джина, если онъ убиваетъ себя для того, чтобы войти въ Ничто; точно такъ же дикарь, отказывающійся подъ вліяніемъ аналогичнаго умственнаго состоянія отъ жизни послѣ какого-нибудь незначительнаго оскорбленія или даже просто для того, чтобы доказать свое презрѣніе къ жизни, въ свою очередь не можетъ быть названъ самоубійцей, равно какъ и разорившійся человѣкъ, не желающій пережить своего позора, и, наконецъ, тѣ многочисленные солдаты, которые ежегодно увеличиваютъ сумму добровольныхъ смертей. Всѣ эти явленія имѣютъ своимъ общимъ корнемъ начало альтруизма,

которое въ равной степени является и причиной того, что можно было бы назвать героическимъ самоубійствомъ. Быть можетъ, всѣ эти факты надо отнести къ категоріи самоубійствъ и исключить изъ нея только тѣ случаи, въ которыхъ имѣется налицо совершенно чистый мотивъ самоубійства? Но, раньше всего, что можетъ намъ послужить критеріемъ для такого раздѣленія? Съ какого момента мотивъ перестаетъ быть достаточно похвальнымъ, чтобы руководимый имъ поступокъ могъ быть квалифицированъ, какъ самоубійство? Раздѣляя кореннымъ образомъ эти двѣ категоріи фактовъ, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности разобраться въ ихъ природѣ, потому что характерныя для этого типа черты всего рѣзче выступаютъ въ обязательномъ альтруистическомъ самоубійствѣ; всѣ остальныя разновидности составляютъ только производныя формы. Итакъ, намъ приходится или признать недѣйствительной обширную группу весьма поучительныхъ фактовъ, или же, если не отбрасывать ихъ цѣликомъ, то—помимо того, что мы можемъ сдѣлать между ними только самый правильный выборъ—мы поставимъ себя въ полную невозможность распознать общій стволъ, къ которому относятся тѣ факты, которые мы сохранимъ. Таковы тѣ опасности, которымъ подвергается человѣкъ, если онъ опредѣляетъ самоубійство въ зависимости отъ внушаемыхъ ему субъективныхъ чувствъ.

Кромѣ того, тѣ доводы, и тѣ чувства, которыми оправдывается подобное исключеніе, и сами-то по себѣ не имѣютъ никакого основанія. Обыкновенно опираются на тотъ фактъ, что мотивы, вызывающіе нѣкоторыя самоубійства альтруистическаго характера, повторяются въ слегка только измѣненномъ видѣ, въ основѣ тѣхъ актовъ, на которые весь міръ смотритъ, какъ на глубоко нравственные. Но развѣ дѣло обстоитъ иначе относительно эгоистическаго самоубійства? Развѣ чувство индивидуальной автономіи не имѣетъ нравственнаго достоинства такъ же, какъ и чувство обратнаго порядка? Если альтруистическое чувство есть

предпосылка извѣстнаго мужества, если оно закаляетъ сердца и даже, при дальнѣйшимъ развитіи, очерствляетъ ихъ,— то чувство индивидуалистическое размягчаетъ сердца и открываетъ къ нимъ доступъ милосердія. Въ той средѣ, гдѣ властвуетъ альтруистическое самоубійство, человѣкъ всегда готовъ пожертвовать своею жизнью, но зато онъ такъ же мало дорожитъ и жизнью другихъ людей. Наоборотъ, тамъ, гдѣ человѣкъ настолько высоко ставитъ свою индивидуальность, что внѣ ея не видитъ никакой цѣли въ жизни, онъ съ такимъ же уваженіемъ относится и къ чужой жизни. Культъ личности заставляетъ его страдать отъ всего того, что можетъ ее умалить даже у себя подобныхъ. Болѣе широкая способность симпатически переживать человѣческое страданіе заступаетъ мѣсто фанатическаго самоотверженія первобытныхъ временъ. Итакъ, и тотъ и другой типъ самоубійства является только преувеличенной или уклонившейся отъ правильнаго развитія формой какой-либо добродѣтели. Но, въ такомъ случаѣ, пути ихъ воздѣйствія на моральное сознаніе не настолько разнятся между собою, чтобы дать намъ право создавать такъ много зависящихъ отъ этого отдѣльныхъ видовъ.

Глава V.

Аномичное самоубійство.

Общество является не только тѣмъ объектомъ, на который съ различной интенсивностью направляются чувства и дѣятельность индивидовъ; оно представляетъ собою также управляющую ими силу. Между способомъ проявленія этой регулирующей силы и соціальнымъ процентомъ самоубійствъ существуетъ несомнѣнное соотношеніе.

I.

Извѣстно, что экономическіе кризисы обладаютъ способностью усиливать наклонность къ самоубійству.

Въ 1873 г. въ Вѣнѣ разразился такой кризисъ, достиг-

шій своего апогея въ 1874 г., и въ то же самое время можно было констатировать увеличеніе числа самоубійствъ. Въ 1872 г. насчитывался 141 случай; въ 1873 году ихъ было уже 153, въ 1874—216, т. е. число ихъ увеличилось на 51% по отношенію къ 1872 году и на 41% по отношенію къ 1873 г. Что это увеличеніе единственной своей причиной имѣло экономическую катастрофу, доказывается тѣмъ, что особенно высоко оно было въ самый острый моментъ кризиса, а именно въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ 1874 г. Съ перваго января до 30 апрѣля 1871 г. зарегистрировано 48 самоубійствъ, въ 1872 г.—44 и въ 1873 г.—43; въ 1874 г. ихъ насчитывалось за тотъ же періодъ 73. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, увеличеніе на 70%. Тотъ же самый кризисъ охватилъ одновременно Франкфуртъ на Майнѣ. Въ теченіе годовъ, предшествовавшихъ 1874 году, среднее годовое число самоубійствъ равнялось тамъ 22, въ 1874 г. ихъ было уже 32, т. е. на 45% больше.

Еще очень ярко у всѣхъ сохранилось въ памяти воспоминаніе о знаменитомъ крахѣ, постигшемъ парижскую биржу въ 1882 году. Послѣдствія его дали себя чувствовать не только въ одномъ Парижѣ, но во всей Франціи. Отъ 1874 до 1886 года увеличеніе средняго годоваго числа самоубійствъ не превышало 2%; въ 1882 году оно достигаетъ 7%. Кромѣ того, увеличеніе это равномѣрно распредѣлялось на протяженіи всего года, но особенно ярко выразилось въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ, т. е. какъ разъ въ моментъ этого краха. На эти три мѣсяца приходится 0,59 общаго увеличенія. Ясно, что это возрастаніе зависитъ отъ исключительныхъ обстоятельствъ, такъ какъ его не только не наблюдалось въ 1881 году, но оно исчезло въ 1883 году, хотя этотъ послѣдній имѣетъ въ общемъ немного большее число самоубійствъ, чѣмъ предыдущій:

Было самоубійствъ:	1881 г.	1882 г.	1883 г.
за цѣлый годъ . . .	6.741	7.213 (+ 7%)	7.267
за первые три мѣсяца	1.589	1.770 (+11%)	1.604

Соотношеніе между экономическимъ состояніемъ страны и процентомъ самоубійствъ наблюдается не только въ нѣсколькихъ исключительныхъ случаяхъ; оно является общимъ закономъ. Цифра банкротствъ можетъ служить барометромъ, отражающимъ съ достаточной чувствительностью измѣненія, происходящія въ экономической жизни. Если наблюдается, что при переходѣ отъ одного года къ слѣдующему цифра эта внезапно увеличивается, можно быть увѣреннымъ, что произошла какая-нибудь значительная пертурбація въ финансовомъ мірѣ. Въ періодъ 1845—1869 годовъ три раза наблюдалось внезапное повышеніе банкротствъ,— этотъ характерный симптомъ кризиса; въ продолженіе этого періода годовое увеличеніе числа банкротствъ равнялось 3,2%; въ 1847 г. оно достигаетъ 26%, въ 1854—37%, въ 1861—20%. Именно въ эти моменты можно было констатировать также исключительно быстрый ростъ числа самоубійствъ; въ то время, какъ на протяженіи этихъ 24 лѣтъ годовая сумма самоубійствъ увеличивается только на 2%, въ 1847 году увеличеніе достигало 17%, въ 1854—8%, въ 1864—9%.

Но чему именно должны мы приписать такое вліяніе кризисовъ? Не потому-ли происходитъ это явленіе, что съ потрясеніемъ общественнаго благосостоянія растетъ нищета? Не потому-ли, что условія жизни становятся тяжелѣе, разставаться съ нею болѣе легко? Подобное объясненіе соблазнительно по своей несложности, тѣмъ болѣе, что совпадаетъ съ общепринятымъ мнѣніемъ о самоубійствѣ; тѣмъ не менѣе, факты противорѣчатъ ему.

Въ самомъ дѣлѣ, если число добровольныхъ смертей увеличивается въ силу того, что условія жизни становятся тяжелѣе, оно должно было бы замѣтно уменьшаться въ тотъ періодъ, когда благосостояніе страны улучшается. Но, въ то время, какъ чрезмѣрное возрастаніе стоимости предметовъ первой необходимости дѣйствительно вызываетъ повышеніе числа самоубійствъ, это послѣднее, какъ показываетъ опытъ, не опускается ниже средняго уровня въ тотъ

періодъ, когда наблюдается обратное движеніе цѣнъ. Въ Пруссіи въ 1850 году цѣна на хлѣбъ была такъ низка, какъ еще ни разу на протяженіи всего періода съ 1848 по 81 г. 50 килограммовъ стоили 6 марокъ 91 пфеннигъ, а тѣмъ не менѣе число самоубійствъ, вмѣсто 1527 въ 1849 году, повысилось до 1736, т. е. увеличилось на 13% и продолжало увеличиваться въ теченіе 1851, 1852, 1853 годовъ, хотя низкія цѣны держались устойчиво. Въ 1858—59 году имѣло мѣсто новое паденіе цѣнъ, но число самоубійствъ продолжало увеличиваться. Въ 1857 году оно было 2038, въ 1858—2126, въ 1859—2146. Въ продолженіе 1863—1866 годовъ цѣны, достигшія 11 м. 04 пф. въ 1861 г., постепенно понижаются до 7,95 м. въ 1864 году и остаются весьма умѣренными до конца этого періода. За то же самое время число самоубійствъ увеличилось на 17% (2112—въ 1862 г.—2485 въ 1886 г.)[1]).

Въ Баваріи наблюдаются аналогичные факты: согласно кривой, установленной Mayer'омъ въ его книгѣ „Die Gesetzmässigkeit in Gesellschaftsleben", стр. 345, для періода 1835—61, цѣна ржи была всего ниже въ теченіе 1857—58 и 1858—59 годовъ; въ противовѣсъ этому, въ 1857 году насчитывалось только 286 случаевъ самоубійствъ, въ 1858 число это поднялось до 329, а въ 1859 году до 387. То же явленіе наблюдалось въ теченіе 1848—1850 годовъ; цѣны на хлѣбъ были въ это время очень низкія по всей Европѣ.

И однако, несмотря на легкое и временное пониженіе, обязанное событіямъ политическаго характера, о которыхъ мы уже говорили выше, число самоубійствъ осталось на томъ же уровнѣ. Въ 1847 году насчитывалось 217 случаевъ, въ 1848 ихъ было 215, а послѣ того, какъ въ 1849 году число ихъ на одинъ моментъ сократилось до 189, начиная съ 1850 г., кривая опять пошла вверхъ и достигла 250.

---

[1]) См. V. Starck, Verbrechen und Vergehen in Preussen. Берлинъ, 1884 г., стр. 55.

Насколько трудно приписать возрастаніе числа самоубійствъ вліянію растущей нищеты, видно изъ того, что даже счастливые кризисы, во время которыхъ благосостояніе страны быстро повышается, оказываютъ на самоубійство такое же дѣйствіе, какъ экономическія бѣдствія.

Завоеваніе Рима Викторомъ Эммануиломъ въ 1870 году окончательно завершило объединеніе Италіи и было для всей страны тѣмъ моментомъ, когда началось ея обновленіе, ведущее ее къ положенію одной изъ великихъ державъ Европы. Торговля и промышленность получили энергичный толчокъ, и все преобразилось съ необыкновенной быстротой. Въ то время, какъ въ 1876 году потребности итальянской промышленности удовлетворялись 4455 паровыхъ котловъ, дававшихъ въ общемъ 54.000 лошадиныхъ силъ, въ 1887 году число машинъ поднялось до 9983 съ общей мощностью въ 167.000 лошадиныхъ силъ, т. е. за это время утроилось.

Само собою разумѣется, что количество вырабатываемыхъ продуктовъ увеличилось въ такой же пропорціи. Обмѣнъ прогрессировалъ въ томъ же размѣрѣ [1]): не только развился торговый флотъ, улучшились пути сообщенія и транспортъ, но удвоилось также количество перевезенныхъ товаровъ и людей [2]). Чрезвычайное оживленіе хозяйственной дѣятельности повлекло за собой увеличеніе заработной платы (за періодъ 1873—89 увеличеніе ея равняется 35%), матеріальное положеніе рабочихъ улучшилось,—тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время упала цѣна на хлѣбъ [3]). Наконецъ, по расчетамъ Бодіо, состояніе частныхъ лицъ поднялось съ $45^1/_2$ милліардовъ въ среднемъ за періодъ 1875—1880 до 51 милліарда въ 1880—1885 и до $54^1/_2$ въ 1885—90 [4]).

---

[1]) См. Fornasari di Verce, La criminalita et le vicende economiche d'Italia. Туринъ, 1894, стр. 77—83.

[2]) Ibid. стр. 108—117. [3]) Ibid. стр. 86—104.

[4]) Увеличеніе пріостановилось за періодъ 1885—90, вслѣдствіе финансоваго кризиса.

И вотъ параллельно этому коллективному возрожденію констатируется исключительное возрастаніе числа самоубійствъ. За періодъ 1866—70 гг. число это держалось почти на одномъ и томъ же уровнѣ; въ 1871—77 оно увеличилось на 36%.

Въ	1864—70 гг. было	29	самоуб.	на	1 м.
„	1871 г. „	31	„	„	1 „
„	1872 „ „	33	„	„	1 „
„	1873 „ „	36	„	„	1 „
„	1874 „ „	37	„	„	1 „
„	1875 „ „	34	„	„	1 „
„	1876 „ „	36,5	„	„	1 „
„	1877 „ „	40,6	„	„	1 „

И съ этого момента повышеніе все продолжалось. Общая сумма самоубійствъ въ 1877 году равнялась 1139, въ 1889 году она поднялась до 1463, иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь новое увеличеніе на 28%.

Въ Пруссіи то же явленіе повторялось 2 раза. Въ 1866 году это королевство получило первыя пріобрѣтенія; оно присоединило къ себѣ нѣсколько важныхъ провинцій и въ то же время сдѣлалось центромъ сѣверной конфедераціи. Эта полоса славы и мощи знаменуется внезапной вспышкой самоубійствъ. Въ періодъ 1856—60 гг. на 1 годъ приходилось въ среднемъ 123 случая на 1 м. населенія, и только 122 за 1861—65 года. За пятилѣтіе, отъ 1866—70 года, несмотря на уменьшеніе числа самоубійствъ въ 1870 году, среднее ихъ число повысилось до 133. Въ 1867 году, непосредственно послѣ побѣды, число самоубійствъ достигаетъ самой высшей точки за все время, начиная съ 1816 года (1 самоубійство на 5432 жителя, тогда какъ въ 1864 году приходился 1 случай на 8739).

Послѣ кампаніи 1870 года происходитъ новая счастливая перемѣна. Къ этому времени Германія объединилась и восторжествовала гегемонія Пруссіи. Громадная контрибуція послѣ удачной войны широкой рѣкой влилась въ народ-

ное благосостояніе; промышленность и торговля получили благодаря этому могучій толчокъ. Между тѣмъ, никогда еще развитіе самоубійствъ не шло такимъ быстрымъ темпомъ, какъ въ теченіе этого времени. За періодъ 1875—1886 число самоубійствъ увеличилось на 90%, съ 3278 возросло до 6212.

Всемірныя выставки, если онѣ бываютъ удачны, считаются счастливымъ событіемъ для той страны, гдѣ онѣ организуются. Выставки оживляютъ торговый оборотъ, привлекаютъ въ страну денежные капиталы и какъ бы увеличиваютъ національное богатство, особенно въ томъ городѣ, гдѣ онѣ открываются. Но, несмотря на все это, въ конечномъ счетѣ онѣ, вѣроятно, также оказываютъ положительное вліяніе на увеличеніе числа самоубійствъ. Особенно ясно это вліяніе сказалось во время выставки 1878 года. Въ этомъ году увеличеніе числа самоубійствъ превзошло во величинѣ всякій другой періодъ, считая отъ 1874 года и кончая 1886. Уровень самоубійствъ былъ на 8% выше, чѣмъ во время кризиса 1882 года. У насъ нѣтъ основанія искать другого повода для объясненія этого явленія, кромѣ выставки, потому что 0,86 этого увеличенія приходятся на тѣ 6 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она продолжалась.

Въ 1889 году аналогичное явленіе не наблюдалось на всемъ протяженіи Франціи. Но вполнѣ возможно, что буланжитская авантюра своимъ отрицательнымъ вліяніемъ на развитіе самоубійствъ нейтрализовала аффектъ, произведенный выставкой. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ самомъ Парижѣ, гдѣ расходившіяся политическія страсти, казалось, должны были бы оказать такое же воздѣйствіе на ходъ самоубійства, какъ и во всей остальной странѣ, положеніе сложилось такое же, какъ и въ 1878 году. Въ продолженіе 7-ми мѣсяцевъ, пока функціонировала выставка, число самоубійствъ увеличилось почти на 10% (вѣрнѣе, на 9,66%), тогда какъ въ остальное время года уровень его былъ ниже, чѣмъ въ 1888 году и чѣмъ въ слѣдующемъ 1890 году.

	1888	1889	1890
7 мѣсяцевъ, приходящихся на выставку .	517	567	540
5 остальныхъ мѣсяцевъ	319	311	356

Можно предполагать, что, если бы не вліяніе буланжистовъ, то повышеніе числа самоубійствъ выразилось бы еще рѣзче.

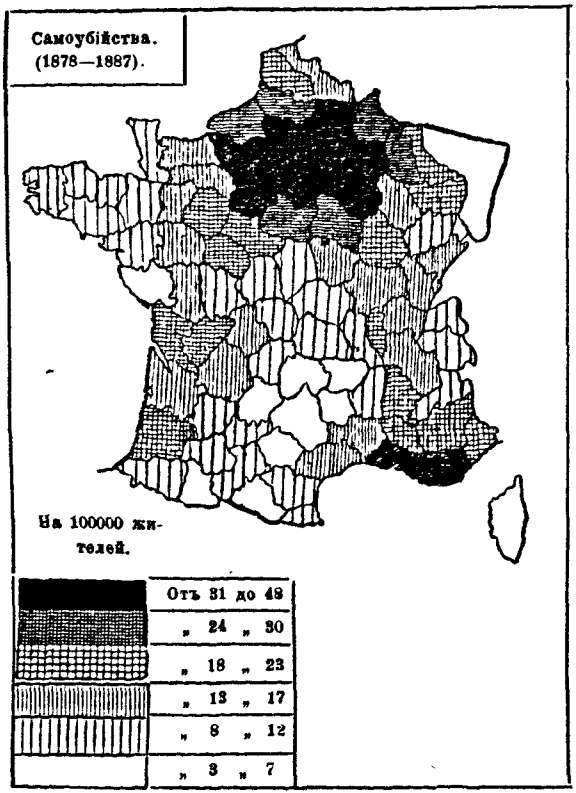
Но еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, что экономическое разстройство не имѣетъ приписываемаго ему усиливающаго вліянія на возрастаніе числа самоубійствъ, служитъ тотъ фактъ, что въ дѣйствительности наблюдается какъ разъ обратное вліяніе. Въ Ирландіи жизнь крестьянина полна всевозможныхъ лишеній, а самоубійство тамъ явленіе чрезвычайно рѣдкое. Среди жалкаго и дикаго населенія Калабріи, собственно говоря, совершенно не бываетъ самоубійствъ; въ Испаніи число самоубійствъ въ 10 разъ меньше, чѣмъ во Франціи. Въ извѣстномъ смыслѣ, бѣдность предохраняетъ отъ самоубійства. Въ различныхъ департаментахъ Франціи тѣмъ выше число самоубійствъ, чѣмъ больше число людей, живущихъ на проценты со своихъ капиталовъ.

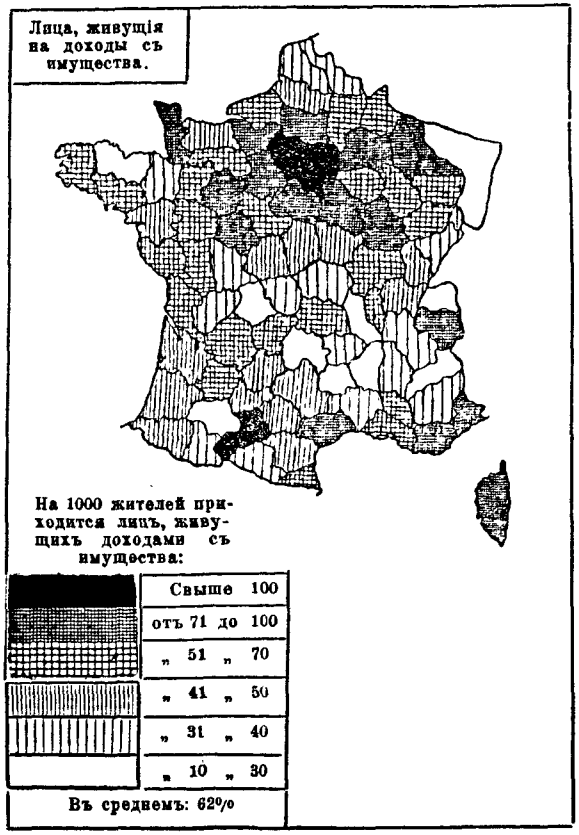
Департаменты, гдѣ совершается на 100.000 жителей (1878—1887 гг.):	Среднее число людей, живущихъ на доходъ съ капитала (на 1.000 жителей въ каждой группѣ департаментовъ—1886 г.):
отъ 48 до 43 самоубійствъ (5 департ.)	127
„ 38 „ 31 „ (6 департ.)	73
„ 30 „ 24 „ (6 департ.)	69
„ 23 „ 18 „ (15 департ.)	59
„ 17 „ 13 „ (18 департ.)	49
„ 12 „ 8 „ (26 департ.)	49
„ 7 „ 3 „ (10 департ.)	42

Сравненіе картъ подтверждаетъ сравненіе вышеприведенныхъ среднихъ чиселъ (см. діаграмму V).

Діаграмма V.

Самоубійство и богатство.

Если промышленный и финансовый кризисы имѣютъ усиливающее вліяніе на число самоубійствъ, то это происходитъ не потому, что они несутъ съ собою бѣдность и разореніе, — вѣдь кризисы расцвѣта даютъ тѣ же результаты,—но просто потому, что они—кризисы, т. е. потрясенія коллективнаго строя[1]).

Всякое нарушеніе равновѣсія даже при условіи, что слѣдствіемъ его будетъ увеличеніе благосостоянія и общій подъемъ жизненныхъ силъ, толкаетъ къ добровольной смерти. Каждый разъ, когда соціальное тѣло терпитъ крупныя измѣненія, вызванныя внезапнымъ скачкомъ роста или неожиданной катастрофой, люди начинаютъ убивать себя съ большей легкостью. Чѣмъ это объясняется? Какимъ образомъ то, что обычно считается улучшеніемъ жизни, можетъ отнять ее?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

II.

Всякое живое существо можетъ жить, а тѣмъ болѣе чувствовать себя счастливымъ только при томъ условіи, что его потребности находятъ себѣ достаточное удовлетвореніе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если живое существо требуетъ большаго или просто иного, чѣмъ то, что находится въ его распоряженіи, жизнь для него неизбѣжно становится непрерывною цѣпью страданій. Стремленіе, не на-

---

[1]) Желая доказать, что увеличеніе благосостоянія ослабляетъ наклонность къ самоубійству, нѣкоторые писатели указывали на то обстоятельство, что въ странахъ съ широко развитой эмиграціей, всегда являющейся клапаномъ народной нищеты, уровень самоубійствъ понижается (см. Legoyt, ст. 257—259). Но мы знаемъ цѣлый рядъ случаевъ, когда эти явленія развиваются параллельно, вмѣсто того, чтобы идти въ противоположныхъ направленіяхъ. Въ Италіи за періодъ 1876—1890 гг. число эмигрантовъ съ 76 на 100.000 жителей поднялось до 335, при чемъ для промежутка 1887—1889 годовъ цифра еще выше; число же самоубійствъ тамъ росло безостановочно.

ходящее себѣ удовлетворенія, неизбѣжно атрофируется, а такъ какъ желаніе жить есть по существу своему производное всѣхъ другихъ желаній, то оно не можетъ не ослабѣть, если всѣ прочія чувства притупляются.

У животныхъ, когда они находятся въ нормальномъ состояніи, это равновѣсіе устанавливается съ автоматической самопроизвольностью, потому что оно зависитъ отъ чисто матеріальныхъ условій. Организмъ требуетъ лишь, чтобы количества вещества и энергіи, непрерывно затрагиваемыя для существованія, были періодически возмѣщаемы эквивалентными количествами, т. е. чтобы возмѣщеніе равнялось затратѣ. Когда ущербъ, причиненный жизнью ея собственнымъ источникамъ, пополненъ, животное довольно и больше ничего не требуетъ: въ немъ недостаточно сильно развита способность размышленія, чтобы оно могло ставить себѣ другія цѣли жизни, чѣмъ тѣ, которыя ставитъ ему его физическая природа. Съ другой стороны, такъ какъ работа, выпадающая на долю каждаго органа, зависитъ отъ общаго состоянія жизненныхъ силъ и отъ необходимаго равновѣсія организма, то трата, въ свою очередь, регулируется возмѣщеніемъ и такимъ образомъ балансъ сводится самъ собою. Границы одного въ то же самое время являются и границами другого: обѣ онѣ начертаны въ самой организаціи живого существа, которое не можетъ ихъ переступить.

Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ человѣкомъ, такъ какъ большинство его потребностей не въ такой полной степени зависитъ отъ его тѣла. Строго говоря, можно считать опредѣлимымъ количество матеріальной пищи, необходимое для поддержанія физической жизни человѣка, хотя это опредѣленіе будетъ уже менѣе точно, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, и поле болѣе широко открыто для свободной игры желаній, ибо сверхъ неибходимаго минимума, которымъ природа всегда готова довольствоваться, когда она дѣйствуетъ инстинктивно, болѣе живой интеллектъ заставляетъ предусматривать лучшія условія, которыя кажутся жела-

тельными цѣлями и которыя возбуждаютъ къ дѣятельности. Однако-же, можно допустить, что подобнаго рода аппетиты рано или поздно достигаютъ извѣстной границы, перейти которую они не въ состояніи. Но какимъ же образомъ мы можемъ опредѣлить ту степень благополучія, комфорта и роскоши, къ которой можетъ вполнѣ законно стремиться человѣческое существо? Ни въ органическомъ, ни въ психическомъ строеніи человѣка нельзя найти ничего такого, что могло бы служить предѣломъ для такого рода стремленій. Существованіе индивида вовсе не требуетъ, чтобы эти стремленія къ лучшему стояли именно на данномъ, а не на другомъ уровнѣ; доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что съ самаго начала исторіи они непрерывно развивались, что человѣческія потребности все время получали болѣе и болѣе полное удовлетвореніе и, тѣмъ не менѣе, въ среднемъ степень физическаго здоровья не понизилась. Въ особенности трудно было бы опредѣлить, какимъ образомъ данныя стремленія должны варіировать въ зависимости отъ различныхъ условій профессій, службы и т. д. Нѣтъ такого общества, гдѣ бы на разныхъ ступеняхъ соціальной іерархіи подобныя стремленія получали равное удовлетвореніе. И однако, въ существенныхъ чертахъ человѣческая природа почти тождественна у всѣхъ членовъ общества. Значитъ, не отъ нея зависитъ та измѣнчивая граница, которой опредѣляется величина потребностей на каждой данной соціальной ступени. Слѣдовательно, поскольку подобнаго рода потребности зависятъ только отъ индивида, онѣ безграничны. Наша воспріимчивость, если отвлечься отъ всякой регулирующей ее внѣшней силы, представитъ собой бездонную пропасть, которую ничто не можетъ наполнить.

Итакъ, если извнѣ не приходитъ никакого сдерживающаго начала, наша воспріимчивость становится для самой себя источникомъ вѣчныхъ мученій, потому что безграничныя желанія ненасытны по своему существу, а ненасытность небезосновательно считается признакомъ болѣзненнаго со-

стоянія. При отсутствіи внѣшнихъ препонъ, желанія не знаютъ для себя никакихъ границъ и потому далеко переходятъ за предѣлы данныхъ имъ средствъ и, конечно, никогда не находятъ покоя. Неутомимая жажда превращается въ сплошную пытку. Правда, говорятъ, что это уже свойство самой человѣческой дѣятельности развиваться внѣ всякой мѣры и ставитъ себѣ недостижимыя цѣли. Но трудно понять, почему такое состояніе неопредѣленности должно лучше согласоваться съ условіями умственной жизни, нежели съ требованіями физическаго существованія. Какое бы наслажденіе ни давало человѣку сознаніе того, что онъ работаетъ, двигается, борется, но онъ долженъ чувствовать, что усилія его не пропадаютъ даромъ и что онъ подвигается впередъ. Но развѣ человѣкъ можетъ совершенствоваться въ томъ случаѣ, если онъ идетъ безъ всякой цѣли или, что почти то же самое, если эта цѣль по природѣ своей безконечна? Разъ цѣль остается одинаково далекой, какъ бы ни былъ великъ пройденный путь, то стремиться къ ней — все равно, что безсмысленно топтаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Чувство гордости, съ которымъ человѣкъ оборачивается назадъ для того, чтобы взглянуть на уже пройденное пространство, можетъ дать только очень иллюзорное удовлетвореніе, потому что путь отъ этого нисколько не уменьшился. Преслѣдовать какую-нибудь завѣдомо недостижимую цѣль, это значитъ обрекать себя на вѣчное состояніе недовольства. Конечно, часто случается, что человѣкъ надѣется не только безъ всякаго основанія, но и вопреки всякимъ основаніямъ, — и эта надежда даетъ ему радости. На нѣкоторое время она можетъ поддержать человѣка, но она не могла бы пережить неопредѣленное время повторныхъ разочарованій опыта. Что можетъ дать лучшаго будущее въ сравненіи съ прошлымъ, если невозможно достигнуть такого состоянія, на которомъ можно было бы остановиться, если немыслимо даже приблизиться къ желанному идеалу? И, поэтому, чѣмъ большаго достигаетъ человѣкъ, тѣмъ соотвѣтственно большаго онъ

будетъ желать: пріобрѣтенное или достигнутое будетъ только развивать и обострять его потребности, не утоляя ихъ. Быть можетъ, скажутъ, что дѣятельность и трудъ сами по себѣ пріятны? Но для этого надо прежде всего ослѣпить себя, чтобы не видѣть полной безплодности своихъ усилій. Затѣмъ, чтобы почувствовать такое удовольствіе, чтобы оно могло успокоить и замаскировать неизбѣжно сопровождающую его болѣзненную тревогу, безконечное движеніе должно, по крайней мѣрѣ, развиваться вполнѣ свободно, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ препятствій. Но стоитъ ему встрѣтиться съ какой-нибудь преградой, и ничто тогда не умиротворитъ и не смягчитъ сопутствующаго ему страданія. Но было бы истиннымъ чудомъ, если бы человѣкъ на своемъ жизненномъ пути не встрѣтилъ ни одного непреодолимаго препятствія. При этихъ условіяхъ связь съ жизнью держится на очень тонкихъ нитяхъ, каждую минуту могущихъ разорваться.

Измѣнить это положеніе вещей можно лишь при томъ условіи, если человѣческія страсти найдутъ себѣ опредѣленный предѣлъ. Только въ этомъ случаѣ можно говорить о гармоніи между стремленіями и потребностями человѣка, и только тогда послѣднія могутъ быть удовлетворены. Но такъ какъ внутри индивида нѣтъ никакого сдерживающаго начала, то оно можетъ истекать только отъ какой-либо внѣшней силы. Духовныя потребности нуждаются въ какомъ-нибудь регулирующемъ началѣ, играющемъ по отношенію къ нимъ ту же роль, какую организмъ выполняетъ въ сферѣ физическихъ потребностей. Эта регулирующая сила, конечно, должна быть, въ свою очередь, моральнаго характера. Пробужденіе сознанія нарушило то состояніе равновѣсія, въ которомъ дремало животное, и потому только одно сознаніе можетъ дать средство къ возстановленію этого равновѣсія. Матеріальное принужденіе въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакого значенія; сердца людей нельзя измѣнить посредствомъ физико-химическихъ силъ. Поскольку стремленія не задерживаются автоматиче-

ски съ помощью физіологическихъ механизмовъ, постольку они могутъ остановиться только передъ такой границей, которая будетъ ими признана справедливой. Люди никогда не согласились-бы ограничить себя въ своихъ желаніяхъ, если бы они чувствовали себя въ правѣ перейти назначенный для нихъ предѣлъ. Однако, въ виду соображеній, уже указанныхъ нами выше, приходится признать, что люди не могутъ продиктовать сами себѣ этотъ законъ справедливости; онъ долженъ исходить отъ лица, авторитетъ котораго они уважаютъ и передъ которымъ добровольно преклоняются. Одно только общество — либо непосредственно, какъ цѣлое, либо черезъ посредство одного изъ своихъ органовъ — способно играть эту умѣряющую роль; только оно обладаетъ той моральной силой, которая возвышается надъ индивидомъ и превосходство которой послѣдній принужденъ признать. Никому другому, кромѣ общества, не принадлежитъ право намѣчать для человѣческихъ желаній тотъ крайній предѣлъ, дальше котораго они не должны итти. Одно только оно можетъ опредѣлить, какая награда должна быть обѣщана въ будущемъ каждому изъ служащихъ ему въ интересахъ общаго блага.

И дѣйствительно, въ любой моментъ исторіи въ моральномъ сознаніи общества можно найти смутное пониманіе относительной цѣнности различныхъ соціальныхъ функцій и того вознагражденія, котораго достойна каждая изъ нихъ; а, слѣдовательно, общество сознаетъ, какой степени жизненнаго комфорта заслуживаетъ средній работникъ каждой профессіи. *Общественное мнѣніе* какъ бы іерархизуетъ соціальныя функціи, и каждой изъ нихъ принадлежитъ тотъ или иной коэффиціентъ жизненнаго благополучія въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго ею въ соціальной іерархіи. Напримѣръ, согласно идеямъ, установившимся въ обществѣ, существуетъ извѣстный предѣлъ для образа жизни рабочаго, выше котораго не должны простираться его стремленія улучшить свое существованіе, и, съ другой стороны, устанавливается извѣстный жизненный минимумъ, ниже

котораго, кромѣ какихъ-нибудь исключительныхъ отрицательныхъ случаевъ, не могутъ опускаться потребности рабочаго. Уровень матеріальнаго обезпеченія, конечно, разнится для городского и сельскаго работника, для слуги и для поденщика, для приказчика и чиновника. Если богатый человѣкъ ведетъ жизнь бѣдняка, то общественное мнѣніе рѣзко порицаетъ его, но точно также неодобрительно относится оно къ нему, если жизнь его утопаетъ въ изысканной роскоши. Экономисты протестуютъ напрасно; въ глазахъ общества всегда будетъ казаться несправедливымъ и возмутительнымъ тотъ фактъ, что частное лицо можетъ расточительно потреблять громадныя богатства; и, повидимому, эта нетерпимость къ роскоши ослабѣваетъ только въ эпоху моральныхъ переворотовъ [1]). Мы имѣемъ здѣсь настоящую регламентацію, которая всегда носитъ юридическую форму и съ относительною точностью постоянно фиксируетъ тотъ максимумъ благосостоянія, къ достиженію котораго имѣетъ право стремиться каждый классъ. Необходимо отмѣтить впрочемъ, что вся эта соціальная лѣстница отнюдь не есть что-либо неподвижное. По мѣрѣ того, какъ растетъ или падаетъ коллективный доходъ, мѣняется и она вмѣстѣ съ перемѣной моральныхъ идей въ обществѣ. То, что въ одну эпоху считается роскошью, въ другую оцѣнивается иначе. Матеріальное благосостояніе, признававшееся въ теченіе долгаго времени законнымъ удѣломъ одного только класса, поставленнаго въ исключительно счастливыя условія, начинаетъ въ концѣ-концовъ казаться совершенно необходимымъ для всѣхъ людей безъ различія.

Подъ этимъ давленіемъ каждый въ своей сферѣ можетъ отдать себѣ приблизительный отчетъ въ томъ, до какого предѣла могутъ простираться его жизненныя требова-

[1]) Само собой разумѣется, что это порицаніе носитъ чисто моральный характеръ и не имѣетъ никакой юридической санкціи. Мы не думаемъ, чтобы было желательно, или даже просто возможно, возстановленіе законовъ противъ роскоши.

нія. Если субъектъ дисциплинированъ и признаетъ надъ собою коллективный авторитетъ, т. е. обладаетъ здоровой моральной конструкціей, то онъ чувствуетъ самъ, что требованія его не должны подниматься выше опредѣленнаго уровня. Индивидуальныя стремленія заключены, въ этомъ случаѣ, въ опредѣленныя рамки и имѣютъ опредѣленную цѣль, хотя въ подобномъ самоограниченіи нѣтъ ничего обязательнаго или абсолютнаго. Экономическій идеалъ, установленный для каждой категоріи гражданъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ сохраняетъ подвижность и не препятствуетъ свободѣ желаній; но онъ не безграниченъ. Благодаря этому относительному ограниченію и обузданію своихъ желаній, люди могутъ быть довольны своей участью, сохраняя при этомъ стремленіе къ лучшему будущему; это чувство удовлетворенности даетъ начало спокойной, но дѣятельной радости, которая для индивида точно такъ же, какъ и для общества, служитъ показателемъ здоровья. Каждый, по крайней мѣрѣ въ общемъ, примиряется со своимъ положеніемъ и стремится только къ тому, на что онъ можетъ съ полнымъ правомъ надѣяться, какъ на нормальную награду за свою дѣятельность. Человѣкъ вовсе не осужденъ пребывать въ неподвижности; передъ нимъ открыты пути къ улучшенію своего существованія, но даже неудачныя попытки въ этомъ направленіи вовсе не должны влечь за собою полнаго упадка духа. Индивидъ привязанъ къ тому, что онъ имѣетъ, и не можетъ вложить всю свою душу въ добываніе того, чего у него еще нѣтъ; поэтому даже въ томъ случаѣ, если все то новое, къ чему онъ стремится и на что онъ надѣется, обманетъ его, жизнь не утратитъ для него всякой цѣнности. Самое главное и существенное останется при немъ. Благополучіе его находится въ слишкомъ прочномъ равновѣсіи, чтобы какія-нибудь преходящія неудачи могли его ниспровергнуть.

Конечно, было бы совершенно безполезно, если бы каждый индивидъ считалъ справедливой признанную общественнымъ мнѣніемъ іерархію функціи, не признавая, въ то же

самое время, справедливымъ тотъ способъ, какимъ рекрутируются исполнители этихъ функцій. Рабочій не можетъ находиться въ гармоніи со своимъ соціальнымъ положеніемъ, если онъ не убѣжденъ въ томъ, что занимаетъ именно то мѣсто, которое ему слѣдуетъ занимать. Если онъ считаетъ себя способнымъ исполнять другую функцію, то его работа не можетъ удовлетворять его. Поэтому недостаточно того, чтобы общественное мнѣніе только регулировало для каждаго положенія средній уровень потребностей; нужна еще другая, болѣе точная регламентація, которая опредѣлила бы, какимъ образомъ различныя соціальныя функціи должны открываться частнымъ лицамъ. И дѣйствительно, нѣтъ такого общества, гдѣ не существовала бы подобная регламентація; конечно, она измѣняется въ зависимости отъ времени и мѣста. Въ прежнее время почти исключительнымъ принципомъ соціальной классификаціи было происхожденіе; въ настоящее время удержалось неравенство по рожденію лишь постольку, поскольку оно создается различіями въ унаслѣдованныхъ имуществахъ. Но подъ этими различными формами вышеупомянутая регламентація имѣетъ всюду дѣло съ однимъ и тѣмъ же объектомъ. Равнымъ образомъ, повсюду существованіе ея возможно только при томъ условіи, что она предписывается индивиду властью высшаго авторитета, т. е. авторитета коллективнаго. Вѣдь никакая регламентація не можетъ установиться безъ того, чтобы отъ тѣхъ или другихъ — а чаще всего, и отъ тѣхъ и отъ другихъ — членовъ общества не потребовалось извѣстныхъ уступокъ и жертвъ во имя общаго блага.

Нѣкоторые авторы думали, правда, что это моральное давленіе сдѣлается излишнимъ, какъ только исчезнетъ передача по наслѣдству экономическаго благосостоянія. Если, говорили они, институтъ наслѣдства будетъ уничтоженъ, то каждый человѣкъ будетъ вступать въ жизнь съ равными средствами, и если борьба между конкуррентами будетъ начинаться при условіи полнаго равенства, то нельзя будетъ назвать ея результаты несправедливыми. Всѣ должны

будутъ добровольно признать существующій порядокъ вещей за должный.

Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, чѣмъ больше человѣческое общество будетъ приближаться къ этому идеальному равенству, тѣмъ меньше будетъ также и нужды въ соціальномъ принужденіи. Но весь вопросъ заключается здѣсь только въ степени, потому что всегда останется налицо наслѣдственность, или такъ называемое природное дарованіе. Умственныя способности, вкусъ, научный, художественный, литературный или промышленный талантъ, мужество и физическая ловкость даруются намъ судьбой вмѣстѣ съ рожденіемъ точно такъ же, какъ передаваемый по наслѣдству капиталъ, точно такъ же, какъ въ прежнія времена дворянинъ получалъ свой титулъ и должность. Какъ и раньше, нужна будетъ извѣстная моральная дисциплина, для того чтобы люди, обдѣленные природой, въ силу случайности своего рожденія, примирились со своимъ худшимъ положеніемъ. Нельзя итти въ требованіяхъ равенства настолько далеко, чтобы утверждать, что раздѣлъ долженъ производиться поровну между всѣми, безъ всякаго отличія для болѣе полезныхъ и достойныхъ членовъ общества. При такомъ пониманіи справедливости нужна была бы совершенно особая дисциплина, чтобы выдающаяся индивидуальность могла примириться съ тѣмъ, что она стоитъ на одной ступени съ посредственными и даже ничтожными общественными элементами.

Но, само собой разумѣется, что подобная дисциплина такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, только тогда можетъ быть полезной, если подчиненные ей люди признаютъ ее справедливой. Если же она держится только по принужденію и привычкѣ, то миръ и гармонія существуютъ въ обществѣ лишь по видимости, смятеніе и недовольство уже носятся въ общественномъ сознаніи, и близко то время, когда по внѣшности сдержанныя индивидуальныя стремленія найдутъ себѣ выходъ. Такъ случилось съ Римомъ и Грецiей, когда поколебались тѣ вѣрованія, на которыхъ покоилось

съ одной стороны существованіе патриціата, а съ другой плебса; то же повторилось и въ нашихъ современныхъ обществахъ, когда аристократическіе предразсудки начали терять свой престижъ. Но это состояніе потрясенія по характеру своему, конечно, исключительно, и оно наступаетъ только тогда, когда общество переживаетъ какой-нибудь болѣзненный кризисъ. Въ нормальное время большинство обыкновенно признаетъ существующій общественный порядокъ справедливымъ. Когда мы говоримъ, что общество нуждается въ авторитетѣ, противополагающемъ себя стремленіямъ частныхъ лицъ, то меньше всего мы хотимъ, чтобы насъ поняли въ томъ смыслѣ, что насиліе въ нашихъ глазахъ единственный источникъ порядка. Поскольку такого рода регламентація имѣетъ своею цѣлью сдерживать индивидуальныя страсти, постольку источникомъ своимъ она должна имѣть начало, возвышающееся надъ индивидами, и подчиненіе ей должно вытекать изъ уваженія, а не изъ страха.

Итакъ, ошибается тотъ, кто утверждаетъ, что человѣческая дѣятельность можетъ быть освобождена отъ всякой узды. Подобною привилегіею на этомъ свѣтѣ не можетъ пользоваться никто и ничто, потому что всякое существо, какъ часть вселенной, связано съ ея остальною частью; природа каждаго существа и то, какъ она проявляется, зависятъ не только отъ этого существа, но и отъ всѣхъ остальныхъ существъ, которыя и являются такимъ образомъ для него сдерживающей и регулирующей силой. Въ этомъ отношеніи между какимъ-нибудь минераломъ и мыслящимъ существомъ вся разница заключается только въ степени и формѣ. Для человѣка въ данномъ случаѣ характерно то обстоятельство, что сдерживающая его узда по природѣ своей не физическаго, но моральнаго, т. е. соціальнаго свойства. Законъ является для него не въ видѣ грубаго давленія матеріальной среды, но въ образѣ высшаго, и признаваемаго имъ за высшее, коллективнаго сознанія. Большая и лучшая часть жизненныхъ интересовъ человѣка

выходитъ за предѣлы тѣлесныхъ нуждъ, и потому освобождается отъ ярма физической природы, но попадаетъ подъ ярмо общества.

Въ моментъ общественной дезорганизаціи, будетъ ли она происходить въ силу болѣзненнаго кризиса или, наоборотъ, въ періодъ благопріятныхъ, но слишкомъ внезапныхъ соціальныхъ преобразованій, — общество оказывается временно неспособнымъ проявлять нужное воздѣйствіе на человѣка, и въ этомъ мы находимъ объясненіе тѣхъ рѣзкихъ повышеній кривой самоубійствъ, которыя мы установили выше.

И, дѣйствительно, въ моментъ экономическихъ бѣдствій мы можемъ наблюдать, какъ разразившійся кризисъ влечетъ за собой извѣстное смѣшеніе классовъ,—въ силу котораго цѣлый рядъ людей оказывается отброшеннымъ въ разрядъ низшихъ соціальныхъ категорій. Многіе принуждены урѣзать свои требованія, сократить свои привычки и, вообще, пріучиться себя сдерживать. По отношенію къ этимъ людямъ вся работа, всѣ плоды соціальнаго воздѣйствія пропадаютъ такимъ образомъ даромъ, и ихъ моральное воспитаніе должно начать сызнова. Само собой разумѣется, что общество не въ состояніи единымъ взмахомъ пріучить этихъ людей къ новой жизни, къ добавочному самоограниченію. Въ результатѣ, всѣ они не могутъ примириться со своимъ ухудшившимся положеніемъ; и даже одна перспектива ухудшенія становится для нихъ невыносимой; страданія, заставляющія ихъ насильственно прервать измѣнившуюся жизнь, наступаютъ раньше, чѣмъ они успѣли извѣдать эту жизнь на опытѣ.

Но то же самое происходитъ въ томъ случаѣ, если соціальный кризисъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ внезапное увеличеніе общаго благосостоянія и богатства. Здѣсь опять-таки мѣняются условія жизни, и та скала, которою опредѣлялись потребности людей, оказывается устарѣвшей; она передвигается вмѣстѣ съ возрастаніемъ общественнаго богатства, — поскольку она опредѣляетъ въ общемъ и цѣ-

ломъ долю каждой категоріи производителей. Прежняя іерархія нарушена, а новая не можетъ сразу установиться. Для того, чтобы люди и вещи заняли въ общественномъ сознаніи подобающее имъ мѣсто, нуженъ большой промежутокъ времени. Пока соціальныя силы, предоставленныя самимъ себѣ, не придутъ въ состояніе равновѣсія, относительная цѣнность ихъ не поддается учету и, слѣдовательно, на нѣкоторое время всякая регламентація оказывается несостоятельной. Никто не знаетъ въ точности, что возможно и что не возможно, справедливо и что не справедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмѣрными требованіями и надеждами, а потому всѣ считаютъ себя въ правѣ претендовать на все. Какъ бы поверхностно ни было это общественное потрясеніе, все равно, тѣ принципы, на основаніи которыхъ члены общества распредѣляются между различными функціями, оказываются поколебленными. Поскольку измѣняются взаимоотношенія различныхъ частей общества, постольку и выражающія эти отношенія идеи не могутъ остаться непоколебленными. Тотъ соціальный классъ, который особенно много выигралъ отъ кризиса, не расположенъ больше мириться со своимъ прежнимъ уровнемъ жизни, а его новое, исключительно благопріятное положеніе неизбѣжно вызываетъ цѣлый рядъ завистливыхъ желаній въ окружающей его средѣ. Общественное мнѣніе не въ силахъ своимъ авторитетомъ сдержать индивидуальныхъ аппетитовъ; эти послѣдніе не знаютъ болѣе такой границы, передъ которой они вынуждены бы были остановиться. Кромѣ того, умы людей уже потому находятся въ состояніи естественнаго возбужденія, что самый пульсъ жизни въ такіе моменты бьется интенсивнѣе, чѣмъ раньше. Вполнѣ естественно, что, вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія, растутъ и человѣческія желанія; на жизненномъ пиру ихъ ждетъ болѣе богатая добыча, и подъ вліяніемъ этого люди становятся требовательнѣе, нетерпѣливѣе, не мирятся больше съ тѣми рамками, которыя имъ ставилъ нынѣ ослабѣвшій авторитетъ традиціи. Общее состояніе дезорганизаціи, или

аноміи, усугубляется тѣмъ фактомъ, что страсти менѣе всего согласны подчиниться дисциплинѣ именно въ тотъ моментъ, когда это всего нужнѣе.

При такомъ положеніи вещей дѣйствительность не можетъ удовлетворить предъявляемыхъ людьми требованій. Необузданныя претензіи каждаго неизбѣжно будутъ итти дальше всякаго достижимаго результата, ибо ничто не препятствуетъ имъ разростаться безгранично. Это общее возбужденіе будетъ непрерывно поддерживать само себя, не находя себѣ ни въ чемъ успокоенія. А такъ какъ такая погоня за недостижимой цѣлью не можетъ дать другого удовлетворенія, кромѣ ощущенія самой погони, то стоитъ только этому стремленію встрѣтить на своемъ пути какое-либо препятствіе, чтобы человѣкъ почувствовалъ себя совершенно выбитымъ изъ колеи. Одновременно съ этимъ самая борьба становится болѣе ожесточенной и мучительной, какъ потому, что она менѣе урегулирована, такъ и потому, что борцы особенно разгорячены. Всѣ соціальные классы выходятъ изъ привычныхъ рамокъ, такъ что опредѣленнаго классового дѣленія болѣе не существуетъ. Общія усилія въ борьбѣ за существованіе достигаютъ высшей точки напряженія именно въ тотъ моментъ, когда это менѣе всего продуктивно. Какъ же при такихъ условіяхъ можетъ не ослабѣть желаніе жить?

Наше объясненіе подтверждается тѣмъ исключительнымъ иммунитетомъ въ смыслѣ самоубійствъ, которымъ пользуются бѣдныя страны. Бѣдность предохраняетъ отъ самоубійства, потому что сама по себѣ она служитъ уздой. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, но его желанія до извѣстной степени должны сообразоваться съ его средствами; наличное матеріальное положеніе всегда служитъ въ нѣкоторомъ родѣ исходнымъ пунктомъ для опредѣленія того, что желательно было бы имѣть. Слѣдовательно, чѣмъ меньшимъ обладаетъ человѣкъ, тѣмъ меньше у него соблазна безгранично расширять кругъ своихъ потребностей. Безсиліе пріучаетъ насъ къ умѣренности, и, кромѣ того, въ той

средѣ, гдѣ всѣ обладаютъ только среднимъ достаткомъ, ни у кого не является достаточнаго повода завидовать. Напротивъ, богатство даетъ намъ иллюзію, будто мы зависимъ только отъ самихъ себя. Уменьшая сопротивленіе, которое намъ противопоставляютъ обстоятельства, богатство позволяетъ намъ думать, что они могутъ быть безконечно побѣждаемы. Чѣмъ меньше человѣкъ ограниченъ въ своихъ желаніяхъ, тѣмъ тяжелѣе для него всякое ограниченіе. Поэтому, не безъ основанія множество религіозныхъ ученій восхваляло благодѣянія и нравственную цѣнность бѣдности; послѣдняя служитъ лучшей школой къ тому, чтобы человѣкъ пріучился къ самообузданію. Принужденный неустанно дисциплинировать самого себя, индивидъ легче приспособляется къ коллективной дисциплинѣ; наоборотъ, богатство, возбуждая индивидуальныя желанія, всегда несетъ съ собою духъ возмущенія, который есть уже источникъ безнравственности. Конечно, все вышесказанное нельзя истолковать въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ препятствовать человѣку въ его борьбѣ за улучшеніе матеріальнаго положенія; но если противъ той моральной опасности, которую влечетъ за собой ростъ благосостоянія, извѣстны противоядія, то все-таки не слѣдуетъ упускать ее изъ вида.

III.

Если бы аномія проявлялась всегда, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, въ видѣ перемежающихся приступовъ и острыхъ кризисовъ, то, конечно, время отъ времени, она могла бы заставить колебаться соціальный процентъ самоубійствъ, но не была бы его постояннымъ и регулярнымъ факторомъ. Существуетъ, между тѣмъ, опредѣленная сфера соціальной жизни, въ которой аномія является хроническимъ явленіемъ; мы говоримъ о коммерческомъ и промышленномъ мірѣ.

Въ теченіе цѣлаго вѣка экономическій прогрессъ стремился главнымъ образомъ къ тому, чтобы освободить промышленное развитіе отъ всякой регламентаціи. Вплоть до

настоящаго времени цѣлая система моральныхъ силъ имѣла своей задачей дисциплинировать промышленныя отношенія. Сначала вліяніе это оказывала религія, которая въ равной степени обращалась и къ рабочимъ, и къ хозяевамъ, къ бѣднякамъ и къ богатымъ. Она утѣшала первыхъ и учила ихъ довольствоваться своею судьбою, внушая имъ, что соціальнымъ порядкомъ руководитъ Провидѣніе, что доля каждаго класса опредѣлена самимъ Богомъ и что въ будущей загробной жизни ихъ ждетъ справедливая награда за тѣ страданія и униженія, которыя они претерпѣли на землѣ. Къ богатымъ религія обращалась со словомъ увѣщанія, напоминая имъ, что земные интересы не составляютъ всей природы человѣка и не исчерпываютъ ее, что они должны быть подчинены другимъ, болѣе высокимъ цѣлямъ, а потому въ этой жизни слѣдуетъ обуздывать и ограничивать себя. Со своей стороны, свѣтская власть, занимая главенствующее положеніе въ экономической области, подчиняя себѣ до извѣстной степени хозяйственную дѣятельность, регулировала ея проявленія. Наконецъ, внутри самого дѣлового міра ремесленная корпорація, регламентируя заработную плату, цѣны на продукты и даже самое производство, косвеннымъ образомъ фиксировала средній уровень дохода, которымъ, естественно, опредѣляется въ значительной мѣрѣ и самый размѣръ потребностей. Описывая эту организацію, мы, конечно, вовсе не желаемъ выставлять ее, какъ образецъ. Само собой разумѣется, что весь этотъ порядокъ вещей не можетъ быть безъ глубокихъ преобразованій приложенъ къ современному обществу. Мы сейчасъ только констатируемъ тотъ фактъ, что онъ имѣлъ свои положительныя стороны и что въ настоящее время уже нѣтъ ничего подобнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, религія, можно сказать, потеряла громадную долю своей власти. Правительственная власть, вмѣсто того, чтобы быть регуляторомъ экономической жизни, сдѣлалась ея слугою и орудіемъ. Самыя противоположныя школы, ортодоксальные экономисты съ одной стороны и

и крайніе соціалисты съ другой, согласны съ тѣмъ, что правительство должно занять болѣе или менѣе пассивную роль посредника между различными соціальными функціями. Одни хотятъ свести роль государства до простого охранителя индивидуальныхъ договоровъ; другіе склонны возложить на него обязанность вести коллективную отчетность, т. е. регистрацію запросовъ потребителей, передачу ихъ производителямъ, дѣлать опись общей суммы дохода и раскладывать его на основаніи установленной формулы. Но и тѣ, и другіе не признаютъ за правительственной властью никакихъ способностей къ тому, чтобы подчинить себѣ остальные соціальные органы и заставлять ихъ служить какой-либо одной доминирующей цѣли. Съ той и другой стороны заявляютъ, что нація своимъ главнымъ, если не единственнымъ, попеченіемъ должна имѣть промышленное преуспѣяніе страны; это предполагаетъ догма экономическаго матеріализма, но это же лежитъ въ основѣ и другихъ системъ, на первый взглядъ столь ему враждебныхъ. Всѣ эти теоріи только отражаютъ господствующее общественное мнѣніе; фактически промышленность, вмѣсто того, чтобы служить средствомъ къ достиженію высшей цѣли, уже сдѣлалась сама по себѣ центромъ конечныхъ стремленій какъ индивидуумовъ, такъ и общества. Въ силу этого, индивидуальные аппетиты разростаются безпредѣльно и выходятъ изъ-подъ вліянія какого-бы то ни было сдерживающаго ихъ авторитета. Этотъ апоѳеозъ матеріальнаго благополучія ихъ освятилъ и поставилъ, такъ сказать, надъ всякимъ человѣческимъ закономъ. Ставить на этомъ пути какія-либо препятствія считается въ настоящее время оскорбленіемъ святыни, и поэтому даже та, чисто утилитарная регламентація промышленности, которую могъ бы осуществить самъ промышленный міръ при помощи своихъ корпорацій, не въ состояніи пустить корни. Самое развитіе промышленности и безпредѣльное расширеніе рынковъ неизбѣжно благопріятствуетъ въ свою очередь безудержному росту человѣческихъ желаній. Пока производитель могъ

сбывать свои продукты только своимъ непосредственнымъ сосѣдямъ, умѣренность возможной прибыли не могла, конечно, возбудить чрезмѣрныхъ притязаній. Но теперь, когда производитель можетъ считать своимъ кліентомъ почти цѣлый міръ, можно-ли думать, что человѣческія страсти, опьяненныя этой широкой перспективой, удержатся въ прежнихъ границахъ?

Вотъ откуда происходитъ это крайнее возбужденіе, которое отъ одной части общества передалось и всѣмъ остальнымъ. Въ промышленномъ мірѣ кризисъ и состояніе аноміи суть явленія не только постоянныя, но, можно даже сказать, нормальныя. Алчныя вожделѣнія охватываютъ людей всѣхъ слоевъ и не могутъ найти себѣ опредѣленной точки приложенія. Ничто не можетъ успокоить ихъ, потому что цѣль, къ которой они стремятся, безконечно превышаетъ все то, чего они могутъ дѣйствительно достигнуть. Лихорадочная ненасытная погоня за воображаемымъ обезцѣниваетъ наличную дѣйствительность и заставляетъ пренебрегать ею; какъ только удается достигнуть ближайшей цѣли и что-нибудь раньше только желанное и возможное станетъ совершившимся фактомъ, тотчасъ же неудержимая страсть къ новымъ возможностямъ влечетъ человѣка еще и еще дальше. Люди мучатся жаждой новыхъ еще не извѣданныхъ наслажденій, неиспытанныхъ ощущеній; но послѣднія тотчасъ же теряютъ свою соль, какъ только станутъ извѣстны. И достаточно какой-нибудь превратности судьбы для того, чтобы человѣкъ оказался безсильнымъ перенести это испытаніе. Лихорадочное возбужденіе падаетъ, и человѣкъ видитъ, какъ безплодно было все это смятеніе, и какъ все это море безпредѣльныхъ желаній не оставляетъ послѣ себя никакого солиднаго запаса благополучія, который можно было бы использовать въ годы тяжелыхъ испытаній. Разумный человѣкъ умѣетъ найти удовлетвореніе въ томъ, чего ему удалось достигнуть, и не испытываетъ неустанной жажды погони за чѣмъ-либо бо̀льшимъ, и потому въ моментъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ,

онъ не склоняется передъ ударами судьбы и не падаетъ духомъ. Но тотъ, кто всю свою жизнь жилъ только будущимъ, отдавалъ ему всѣ силы души, тотъ не можетъ найти на страницахъ своего прошлаго ничего такого, что бы помогло ему перенести горечь настоящаго, ибо вся прошлая его жизнь была только однимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ будущихъ благъ. Ослѣпленный этимъ ожиданіемъ, онъ искалъ далекаго счастья, все время только ускользавшаго отъ него. Когда какое-либо препятствіе остановитъ такого человѣка, то всѣ планы его окажутся разрушенными, и ни позади себя, ни передъ собою ему не на чемъ будетъ остановить своего взора. Въ концѣ-концовъ, даже одно ощущеніе усталости способно породить безнадежное разочарованіе, ибо трудно не почувствовать въ концѣ-концовъ всей безсмысленности погони за недостижимымъ.

И поэтому съ полнымъ основаніемъ можно спросить себя, не въ силу-ли вышеуказанныхъ причинъ моральнаго порядка экономическіе кризисы были за послѣднее время столь плодовиты самоубійствами? Въ разумно дисциплинированномъ обществѣ отдѣльный индивидъ легче переноситъ всѣ удары судьбы. Будучи заранѣе пріученъ къ воздержанію и умѣренности, человѣкъ съ гораздо меньшимъ напряженіемъ воли можетъ претерпѣть новыя необходимыя лишенія. Но, если человѣку ненавистны всякія границы какъ таковыя, то можетъ ли болѣе тѣсное ограниченіе не показаться невыносимымъ? Лихорадочное нетерпѣніе, въ которомъ человѣкъ жилъ до тѣхъ поръ, менѣе всего предрасполагаетъ къ дальнѣйшему самоотреченію. Какъ больно сознавать, что жизнь жестоко отбросила его назадъ, если единственной его жизненной задачей является стремленіе постоянно превосходить тотъ пунктъ, котораго онъ въ данный моментъ достигъ. Самая дезорганизація, столь характерная для нашего экономическаго строя, широко открываетъ дверь для всякаго рода авантюръ. Фантазія работаетъ неустанно, и такъ какъ надъ ней нѣтъ никакого сдерживающаго начала, то она находится всецѣло во власти

случая. Вмѣстѣ съ рискомъ растетъ и процентъ неудачъ, и больше всего краховъ наблюдается какъ разъ тогда, когда они особенно убійственны.

ТАБЛИЦА XXIV.

Число самоубійствъ на 1.000.000 лицъ каждой профессіи.

	Торговля.	Транспортъ.	Промышленность.	Земледѣліе.	Свободныя профессіи [1].
Франція (1878—1887) [2] .	440	—	340	240	300
Швейцарія (1876) . . .	664	1514	577	304	558
Италія (1866—76) . . .	277	152,6	80,4	26,7	618 [3]
Пруссія (1883—90). . .	754	—	456	315	832
Баварія (1884—91). . .	465	—	369	153	454
Бельгія (1886—90) . . .	421	—	160	160	100
Вюртембергъ (1873—78).	273	—	190	206	—
Саксонія (1878). . . .	341,59			71,71	—

А между тѣмъ эти наклонности настолько укоренились въ обществѣ, что оно уже вполнѣ привыкло къ нимъ

---

[1]) Когда статистика обозначаетъ нѣсколько различныхъ видовъ свободныхъ профессій, мы беремъ за отправной пунктъ ту, гдѣ всего выше процентъ самоубійствъ.

[2]) Отъ 1826—1880 года экономическія функціи повидимому менѣе сильно способствовали росту самоубійствъ (см. отчетъ о 1880 г.), но *является сомнѣніе въ томъ, точны ли эти статистическія данныя.*

[3]) Эта цифра падаетъ исключительно на долю людей, занимающихся литературой.

и считаетъ ихъ совершенно нормальнымъ явленіемъ. Часто утверждаютъ, что чувство постояннаго недовольства заложено въ самой природѣ человѣка, что онъ безъ отдыха и покоя стремится къ неопредѣленной цѣли. Страсть къ безконечному въ настоящее время даже считается признакомъ моральнаго превосходства, тогда какъ она можетъ зародиться лишь въ сознаніяхъ разстроенныхъ, возвышающихъ въ законъ эту безпорядочность, отъ которой они страдаютъ. Символомъ вѣры сдѣлалась доктрина возможно болѣе быстраго прогресса. Но наряду съ такими теоріями, превозносящими благодѣянія неустойчивости, можно наблюдать появленія и другихъ, которыя, обобщая породившее ихъ положеніе вещей, объявляютъ жизнь дурной, болѣе обильной несчастіями, нежели радостями, полной обманчивыхъ соблазновъ. Такъ какъ этотъ разладъ достигаетъ своего апогея въ экономическомъ мірѣ, то и болѣе всего жертвъ приходится именно на этотъ послѣдній.

Промышленныя и коммерческія отрасли занятій, дѣйствительно, насчитываютъ наибольшее число случаевъ самоубійствъ въ своихъ рядахъ (см. табл. 24). Число это почти равняется тому, которое относится къ свободнымъ профессіямъ, а, иногда, даже превосходитъ его; особенно рѣзко чувствуется обиліе самоубійствъ въ этой категоріи по сравненію съ земледѣльческимъ населеніемъ. Это объясняется тѣмъ, что именно въ сельской промышленности сдерживающія и регулирующія силы больше всего сохранили свое вліяніе и здѣсь нѣтъ такой благопріятной почвы для всякаго рода лихорадочныхъ спекуляцій. Въ этой средѣ лучше всего сохранились общія основы прежняго экономическаго порядка. Разница эта была бы еще болѣе значительна, если бы среди самоубійцъ промышленной среды дѣлали точное различіе между хозяиномъ и рабочимъ, потому что вполнѣ вѣроятно, что первые сильнѣе вторыхъ захвачены ослабленіемъ соціальныхъ узъ. Громадный процентъ самоубійствъ среди, такъ называемыхъ, рантье (720 человѣкъ на 1 милл.) достаточно убѣдительно гово-

ритъ намъ о томъ, что къ самоубійству сильнѣе всего наклонны люди, облагодѣтельствованные судьбой. Все, что требуетъ отъ людей извѣстнаго подчиненія, ослабляетъ вліяніе вышеуказаннаго состоянія. Умственный горизонтъ низшихъ классовъ ограниченъ предѣломъ, поставленнымъ имъ классами, стоящими выше, и, отъ этого, желанія ихъ носятъ болѣе опредѣленный характеръ. Но тѣ, кто выше себя чувствуютъ уже одно только пустое пространство, невольно въ немъ теряются при отсутствіи той силы, которая могла бы отодвигать ихъ назадъ.

Поэтому аномія является въ нашихъ современныхъ обществахъ регулярнымъ и специфическимъ факторомъ самоубійствъ; это одно изъ тѣхъ вѣяній, которыми опредѣляется ежегодная сумма самоубійствъ. Слѣдовательно, можно сказать, что мы имѣемъ сейчасъ дѣло съ новымъ отличнымъ отъ всѣхъ другихъ типомъ самоубійства. Разница заключается въ томъ, что данный типъ зависитъ отъ характера связи между индивидами и обществомъ, но не отъ того способа, какимъ эта связь регламентируется. Эгоистическое самоубійство проистекаетъ оттого, что люди не видятъ смысла въ жизни, альтруистическое—вызывается тѣмъ, что индивидъ видитъ смыслъ жизни внѣ ея самой; третій, только что установленный нами видъ опредѣляется безпорядочной, неурегулированной человѣческой дѣятельностью и сопутствующими ей страданіями. Принимая во вниманіе его происхожденіе, мы дадимъ этому послѣднему виду самоубійства названіе аномичнаго.

Нельзя, конечно, отрицать, что между этимъ и эгоистическимъ видомъ самоубійства существуетъ нѣкоторое родство. И тотъ и другой въ своемъ корнѣ опредѣляются отчужденностью, недостаточной близостью общества къ индивиду, но „сфера бездѣйствія", если можно такъ выразиться, въ этихъ двухъ случаяхъ совершенно различна. Въ первомъ, т. е. при эгоистическомъ видѣ самоубійства, дефектъ находится въ собственно коллективной дѣятельности, которая лишается своего смысла и значенія. Наоборотъ, при

аномичномъ самубійствѣ рѣшающую роль играютъ исключительно индивидуальныя страсти, которыя не встрѣчаютъ на своемъ пути никакой сдерживающей силы. Поэтому можно сказать, что эти два типа самоубійства, несмотря на то, что они имѣютъ цѣлый рядъ общихъ точекъ соприкосновенія, остаются назависимыми другъ отъ друга. Можно отдавать на служеніе обществу все, что только есть въ нашемъ существѣ по своей природѣ соціальнаго, и въ то же время не умѣть сдерживать своихъ желаній; можно, вовсе не будучи по натурѣ своей эгоистомъ, пребывать въ аномичномъ состояніи и наоборотъ. Эгоистическое и аномичное самоубійства большую часть своихъ жертвъ вербуютъ въ разнородныхъ слояхъ общества: первое распространено по преимуществу среди интеллигенціи, въ сферѣ умственнаго труда; второе наблюдается главнымъ образомъ въ мірѣ торговли и промышленности.

IV.

Не одна только экономическая аномія оказываетъ свое дѣйствіе на развитіе самоубійствъ. Тѣ случаи, которые имѣютъ мѣсто при наступленіи критическаго періода вдовства, объясняются, какъ мы уже говорили объ этомъ раньше, вліяніемъ домашней аноміи, какъ неизбѣжнаго результата смерти одного изъ супруговъ. Разстройство семейнаго очага тяжело отзывается на томъ, кому приходится пережить своего жизненнаго спутника. Онъ не можетъ приспособиться къ своему новому одинокому положенію и соблазнъ самоубійства легче увлекаетъ его. Но существуетъ еще одна разновидность аномичнаго самоубійства, которая должна обратить на себя наше особое вниманіе какъ потому, что она въ большинствѣ случаевъ имѣетъ право считаться явленіемъ хроническимъ, такъ и потому, что она бросаетъ новый свѣтъ на самую природу и функцію брака.

ТАБЛИЦА XXV.

Сравнительная таблица европейскихъ государствъ съ точки зрѣнія развода и самоубійства.

	Годовое число разводовъ на 1.000 браковъ.	Число самоубійствъ на 1.000.000 жителей.
I. Страны, гдѣ рѣдко встрѣчаются разводы и раздѣльное жительство супруговъ.		
Норвегія	0,54 (1875—80)	73
Россія	1,6 (1871—77)	30
Англія и Валлисъ	1,3 (1871—79)	68
Шотландія	2,1 (1871—81)	—
Италія	3,05 (1871—73)	31
Финляндія	3.9 (1875—79)	30,8
Среднее число	2,07	46,5
II. Страны, гдѣ имѣютъ среднюю частоту разводы и раздѣльное жительство супруговъ.		
Баварія	5,0 (1881)	90,5
Бельгія	5,1 (1871—80)	68,5
Голландія	6,0 (1871—80)	35,5
Швеція	6,4 (1871—80)	81
Баденъ	6,5 (1874—79)	156,6
Франція	7,5 (1871—79)	150
Вюртембергъ	8,4 (1876—78)	162,4
Пруссія	—	133
Среднее число	6,4	109,6
III. Страны, гдѣ часто встрѣчаются разводы и раздѣльное жительство супруговъ.		
Королевство Саксонія	26,9 (1876—80)	299
Данія	38 (1871—80)	258
Швейцарія	47 (1876—80)	216
Среднее число	37,3	257

Въ „Annales de la démographie internationale“ (сентябрь 1882 г.) Г. Бертильонъ напечаталъ замѣчательно интересную работу по вопросу о разводѣ, въ которой онъ выдвинулъ, между прочимъ, слѣдующее положеніе: въ Европѣ количество самоубійствъ измѣняется прямо пропорціонально числу разводовъ и раздѣльныхъ жительствъ супруговъ.

Если сравнить различныя страны съ этой двойной точки зрѣнія, то можно легко установить параллелизмъ этихъ двухъ явленій (см. табл. 25). Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ не только совпаденіе среднихъ чиселъ, но даже и деталей. Исключеніе представляетъ собою только Голландія, гдѣ уровень самоубійствъ не соотвѣтствуетъ числу разводовъ. Мы получимъ еще лучшее подтвержденіе этого закона, если повторимъ сравненіе различныхъ случаевъ по отношенію къ различнымъ провинціямъ одной и той же страны. Напримѣръ, въ Швейцаріи, совпаденіе между двумя разсматриваемыми явленіями поразительно (см. табл. XXVI). Наибольшее число разводовъ падаетъ на протестантскіе кантоны, и въ той же самой средѣ наблюдается всего больше случаевъ самоубійства. Затѣмъ слѣдуютъ кантоны со смѣшаннымъ населеніемъ, съ обѣихъ точекъ зрѣнія, и наконецъ кантоны католическіе. Внутри каждой изъ этихъ группъ нужно отмѣтить такое же совпаденіе. Среди католическихъ кантоновъ Золотурнъ, Аппенцель, Иннерроденъ выдѣляются своимъ количествомъ разводовъ; то же самое приходится замѣтить относительно числа происходящихъ тамъ самоубійствъ.

Во Фрибургѣ, который представляетъ собою французскій и католическій кантонъ, наблюдается умѣренное число разводовъ и, въ свою очередь, умѣренный процентъ самоубійствъ. Среди нѣмецкихъ протестантскихъ кантоновъ всего сильнѣе въ этомъ смыслѣ выдѣляется Шафгаузенъ; онъ же стоитъ и во главѣ самоубійствъ. Среди кантоновъ со смѣшаннымъ населеніемъ, за исключеніемъ Аргау, можно наблюдать тотъ же порядокъ въ обоихъ отношеніяхъ.

ТАБЛИЦА XXVI.

Сравнительная таблица швейцарскихъ кантоновъ съ точки зрѣнія развода и самоубійствъ.

	Число разводовъ на 1000 жителей.	Число самоубійствъ на 1000000 жит.		Число разводовъ на 1000 жителей.	Число самоубійствъ на 1000000 жит.
I. Католическіе кантоны.					
Французскіе и итальянскіе.					
Тичино	7,6	57	Фрибургъ	15,9	119
Валлисъ	4,0	47			
Среднее число.	5,8	50	Среднее число.	15,9	119
Нѣмецкіе.					
Ури	—	60	Золотурнъ	37,7	205
Верхній Унтервальденъ	4,9	20	Аппенцель Иннерроденъ	18,9	158
Нижній Унтервальденъ	5,2	1	Цугъ	14,8	87
Швицъ	5,6	70	Люцернъ	13,0	100
Среднее число.	3,9	37,7	Среднее число.	21,1	137,5
II. Протестантскіе кантоны.					
Французскіе.					
Невшатель	42,4	560	Ваадтъ	43,5	352
Нѣмецкіе.					
Бернъ	47,2	229	Шафгаузенъ	106,0	602
Базель (городъ)	34,5	323	Аппенцель Ауссерроденъ	100,7	213
Базель (область)	33,0	288	Гларусъ	83,1	127
			Цюрихъ	80,6	288
Среднее число.	38,2	280	Среднее число.	92,4	307
III. Кантоны со смѣшаннымъ населеніемъ съ точки зрѣнія религіи.					
Аргау	40,0	195	Женева	70,5	360
Граубюнденъ	30,9	116	С.-Галленъ	57,6	179
Среднее число.	36,9	155	Среднее число.	64,0	269

Аналогичный результатъ получается и въ томъ случаѣ, если сравниваются различные французскіе департаменты. Распредѣливъ ихъ на восемь категорій въ зависимости отъ ихъ смертности—самоубійствъ, мы констатировали, что

	Число самоубійствъ на 1 мил. жит.	Среднее число разводовъ на 1000 браковъ.
1-ая группа (5 департ.)	Ниже 50	2,6
2-ая группа (18 деп.)	Отъ 51 — 75	2,9
3-я группа (15 деп.)	„ 76—100	5,0
4-ая группа (19 деп.)	„ 101—150	5,4
5-ая группа (10 деп.)	„ 151—200	7,5
6-ая группа (9 деп.)	„ 201—250	8,2
7-ая группа (4 деп.)	„ 251- 300	10,0
8-ая группа (5 деп.)	Свыше	12,4

группы эти сохраняютъ тотъ же порядокъ по отношенію къ разводу и раздѣльному жительству супруговъ.

Установивъ это состояніе, постараемся объяснить его.

Исключительно для памяти мы приведемъ сначала то объясненіе, которое даетъ намъ въ общихъ чертахъ М. Бертильонъ. По его убѣжденію, число самоубійствъ и разводовъ варьируетъ параллельно, потому что и то и другое явленіе зависитъ отъ одного фактора: большаго или меньшаго количества плохо уравновѣшенныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, въ странѣ, тѣмъ большее количество разводовъ, чѣмъ больше число невыносимыхъ супруговъ. Эти послѣдніе встрѣчаются чаще всего среди людей неуравновѣшенныхъ, съ дурнымъ, неустановившимся характеромъ, темпераментъ которыхъ въ той же степени предрасполагаетъ ихъ къ самоубійству; поэтому параллелизмъ этихъ двухъ явленій объясняется вовсе не тѣмъ обстоятельствомъ, что разводъ самъ по себѣ имѣетъ вліяніе на наклонность къ самоубійству, но ихъ общимъ происхожденіемъ изъ одного источника, который они только разнымъ образомъ выражаютъ. Совершенно произвольно и бездоказательно, однако, связывать такимъ образомъ разводъ съ извѣстными недостатками психопатическаго характера; нѣтъ

никакого основанія предполагать, чтобы въ Швейцаріи было въ 15 разъ больше людей неуравновѣшенныхъ, чѣмъ въ Италіи, и въ 6 или въ 7 разъ больше, чѣмъ во Франціи, а между тѣмъ, разводъ въ первой изъ этихъ странъ встрѣчается въ 15 разъ чаще, чѣмъ во второй и приблизительно въ 7 разъ чаще, чѣмъ въ третьей. Кромѣ того, мы теперь прекрасно знаемъ, насколько чисто индивидуальныя причины играютъ слабую роль по отношенію къ самоубійству. Въ послѣдующемъ изложеніи читатель найдетъ еще болѣе вѣскія доказательства неудовлетворительности этой теоріи.

Причину этого любопытнаго соотношенія между двумя данными явленіями надо искать не въ органическомъ предрасположеніи субъекта, но во внутренней природѣ самого развода. По этому пункту можетъ быть прежде всего установлено слѣдующее положеніе: во всѣхъ странахъ, относительно которыхъ мы располагаемъ достаточно полными статистическими данными, число самоубійствъ среди разведенныхъ супруговъ значительно выше, нежели среди остальныхъ членовъ общества.

Число самоубійствъ на 1.000.000.

	Не состоящ. въ бракѣ свыше 15 лѣтъ.		Состоящихъ въ бракѣ.		Вдовыхъ.		Разведенныхъ.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Пруссія (1887—1889)	360	120	430	90	1.471	215	1.875	290
Пруссія (1883—1890)	388	129	498	100	1.552	194	1.952	328
Баденъ (1885—1893)	458	93	460	85	1.172	171	1.328	—
Саксонія (1847—1858) . . .	555,18		481	120	1.242	240	3.102	312
Саксонія (1876)			821	146	—	—	3.252	389
Вюртембергъ (1846—1860) . .	—	--	226	52	530	97	1.298	281
Вюртембергъ (1873—1892) . .	251		218		405		796	

Итакъ, разведенные супруги обоего пола лишаютъ себя жизни въ 3—4 раза чаще, чѣмъ люди, состоящіе въ бракѣ, хотя по возрасту своему они являются болѣе моло-

дыми (40 лѣтъ, во Франціи, вмѣсто 46 лѣтъ) и случаи самоубійствъ среди первыхъ значительно чаще, чѣмъ у вдовыхъ, несмотря на то, что послѣдніе, въ силу одного своего возраста, имѣютъ повышенную степень предрасположенія лишать себя жизни. Чѣмъ же это объясняется?

Безъ сомнѣнія, перемѣна матеріальнаго и моральнаго режима, какъ прямое послѣдствіе развода, не можетъ не оказывать въ данномъ случаѣ извѣстной доли вліянія; но одного этого вліянія недостаточно для объясненія интересующаго насъ явленія. Не надо забывать, что вдовство есть не менѣе глубокое потрясеніе личной жизни человѣка; послѣдствія его могутъ оказаться даже еще болѣе прискорбными, поскольку смерть мужа или жены является ударомъ судьбы, тогда какъ разводъ служитъ желаннымъ освобожденіемъ отъ нестерпимаго сожительства, и несмотря на все это, разведенные супруги, которые по своему возрасту должны были бы вдвое рѣже кончать съ собой, нежели вдовые, повсемѣстно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи, и въ нѣкоторыхъ странахъ почти вдвое. Подобная повышенная наклонность, коэффиціентъ увеличенія которой колеблется отъ 2,5 до 4, никоимъ образомъ не зависитъ отъ перемѣны въ положеніи данныхъ индивидовъ.

Для того, чтобы найти истинную причину интересующаго насъ явленія, будетъ всего лучше, если мы возвратимся къ одному изъ вышеустановленныхъ нами положеній. Въ III главѣ этой книги читатель могъ уже видѣть, что въ одномъ и томъ же обществѣ наклонность вдовыхъ къ самоубійству находится въ зависимости отъ соотвѣтствующей наклонности людей состоящихъ въ бракѣ. Если послѣдніе являются по отношенію къ самоубійству людьми хорошо защищенными, то иммунитетъ первыхъ нѣсколько слабѣе, но все же достаточно силенъ; и тотъ полъ, который наиболѣе выигрываетъ отъ брачнаго сожительства, сохраняетъ свое преимущество и въ періодъ вдовства. Однимъ словомъ, когда брачный союзъ разстраивается вслѣдствіе смерти одного изъ супруговъ, вліяніе брака часто еще про-

должаетъ сказываться на оставшемся въ живыхъ супругѣ. А въ такомъ случаѣ, развѣ мы не имѣемъ права предположить, что то же явленіе повторяется и при разрушеніи брака не смертью одного изъ супруговъ, а особымъ юридическимъ актомъ, и что повышенная наклонность къ самоубійству со стороны разведенныхъ супруговъ есть слѣдствіе не развода, а того брака, которому разводъ кладетъ конецъ. Это увеличеніе числа случаевъ самоубійствъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что супруги, хотя и разведенные, продолжаютъ чувствовать на себѣ извѣстное вліяніе условій своего бывшаго брака. Если они обнаруживаютъ теперь такую рѣзкую склонность къ самоубійству, то надо думать, что предрасположеніе къ нему они имѣли уже и раньше, что оно укоренилось въ ихъ психикѣ еще въ то время, когда они жили вмѣстѣ, и именно въ силу ихъ совмѣстной жизни.

Какъ только мы примемъ это положеніе, соотношеніе, существующее между разводомъ и самоубійствомъ, станетъ вполнѣ понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди тѣхъ народовъ, гдѣ разводъ встрѣчается часто, тотъ своеобразный характеръ брака, который сказывается и на разведенныхъ, неизбѣжно долженъ имѣть большее распространеніе, ибо онъ конечно не является спеціальной принадлежностью тѣхъ браковъ, которымъ предназначено судьбой закончиться юридическимъ расторженіемъ. Если среди этихъ послѣднихъ интересующая насъ особенность и достигаетъ своей максимальной интенсивности, то у другихъ, или, по крайней мѣрѣ, у большинства другихъ супружествъ можно также найти ее, но только въ болѣе слабой степени. Подобно тому, какъ въ той средѣ, гдѣ много самоубійствъ, должно быть много попытокъ къ самоубійству, и подобно тому, какъ смертность не можетъ увеличиться безъ того, чтобы одновременно не возросло число заболѣваемости, точно также въ томъ обществѣ, гдѣ много разводовъ, должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, много супружествъ, близкихъ къ разводу.

ТАБЛИЦА XXVII.

Вліяніе развода на иммунитетъ супруговъ по отношенію къ самоубійству.

Страны,	Число самоубійствъ на 1.000.000. Не состоящ. въ бракѣ старше 15 лѣтъ.	Число самоубійствъ на 1.000.000. Состоящіе въ бракѣ.	Коэффиціентъ предохраненія состоящихъ въ бракѣ по сравненію съ несостоящими.
гдѣ не существуетъ развода: Италія (1884—88)	145	88	1,64
гдѣ не существуетъ развода: Франція (1863—68)[1]	273	245,7	1,11
гдѣ разводъ практикуется часто: Баденъ (1885—93)	458	460	0,99
гдѣ разводъ практикуется часто: Пруссія (1883—90)	388	498	0,77
гдѣ разводъ практикуется часто: Пруссія (1887—89)	364	431	0,83
гдѣ разводъ очень часто практикуется[2] Саксонія (1879—80)	На 100 самоубійствъ среди людей всякихъ семейныхъ положеній. Не состоящ. въ бракѣ: 27,5	Состоящ. въ бракѣ: 52,5	0,63
	На 100 жителей мужского пола всякихъ семейныхъ положеній. Холостыхъ: 42,10	Женатыхъ: 52,47	

[1]) Мы беремъ этотъ отдаленный періодъ потому, что разводъ тогда совсѣмъ не существовалъ. Закономъ 1884 года онъ былъ возстановленъ, но, повидимому, онъ до сихъ поръ не оказалъ значительнаго вліянія на число самоубійствъ среди супруговъ; присущій имъ коэффиціентъ предохраненія существенно не измѣнялся за періодъ 1888—92 г.; никакое установленіе въ теченіе такого *короткаго промежутка* времени не въ силахъ проявить своего вліянія.

[2]) Что касается *Саксоніи*, мы имѣемъ только нижеприведенныя относительныя цифры, заимствованныя у Oettingen; для интересующаго насъ вопроса онѣ вполнѣ достаточны. У Legoyt (стр. 171) можно найти другія данныя, которыя доказываютъ также, что въ Саксоніи процентъ самоубійствъ среди супруговъ выше, чѣмъ среди не состоящихъ въ бракѣ. Legoyt самъ съ удивленіемъ констатируетъ этотъ фактъ.

Число разведенныхъ не можетъ увеличиваться безъ того, чтобы въ той же мѣрѣ не развивалось и не становилось общимъ фактомъ то состояніе семьи, которое предрасполагаетъ къ самоубійству, и потому вполнѣ естественно, что оба эти явленія варіируютъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Независимо отъ того, что гипотеза эта подтверждается всѣми аргументами, приведенными нами въ предыдущемъ изложеніи, она можетъ быть еще доказана самымъ непосредственнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мнѣніе наше основательно, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ совершается большое число разводовъ, супруги должны имѣть болѣе слабый иммунитетъ по отношенію къ самоубійству, чѣмъ тамъ, гдѣ браки не расторгаются. Факты подтверждаютъ это мнѣніе, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о супругахъ (см. табл. XXVII). Италія, страна католическая, гдѣ разводъ совершенно неизвѣстенъ, соотвѣтственно съ этимъ имѣетъ наиболѣе высокій коэффиціентъ предохраненія для супруговъ; коэффиціентъ этотъ меньше во Франціи, гдѣ раздѣльное жительство супруговъ всегда было болѣе частымъ явленіемъ; и мы можемъ прослѣдить постепенное пониженіе этого коэффиціента, если обратимся къ тѣмъ странамъ, гдѣ разводъ широко практикуется [1]).

---

[1]) Если мы сравниваемъ съ этой точки зрѣнія только нѣсколько странъ, то дѣлаемъ это потому, что въ остальныхъ государствахъ число самоубійствъ мужей смѣшивается въ статистическихъ таблицахъ съ числомъ самоубійствъ женъ, и ниже будетъ показано, насколько необходимо различать эти два факта.

Но будетъ вполнѣ безошибочно умозаключить на основаніи этой таблицы, что въ Пруссіи, Баденѣ и Саксоніи мужья, дѣйствительно, убиваютъ себя чаще, чѣмъ холостые. Не надо забывать того, что всѣ эти коэффиціенты опредѣлялись внѣ зависимости отъ возраста и его вліянія на наклонность къ самоубійству. Люди въ возрастѣ отъ 25—30 лѣтъ (средній возрастъ для холостыхъ) убиваютъ себя приблизительно въ 2 раза меньше, чѣмъ люди въ возрастѣ 40—45 лѣтъ (средній возрастъ для женатыхъ), а потому послѣдніе, даже тамъ, гдѣ раз-

Мы не могли найти цифры разводовъ для великаго герцогства Ольденбургскаго, но, принимая во вниманіе, что это—протестантская страна, можно думать, что они должны быть тамъ довольно частымъ явленіемъ, хотя не чрезмѣрнымъ, потому что католическое меньшенство тамъ довольно значительно. Ольденбургское герцогство должно стоять въ этомъ отношеніи приблизительно въ одномъ ряду съ Баденомъ и Пруссіей. Одинаковое положеніе занимаетъ оно въ смыслѣ иммунитета супруговъ; 100,000 холостыхъ старше 15 лѣтъ даютъ ежегодно 52 случая самоубійствъ, на 100.000 супруговъ приходится 66 случаевъ. Коэффиціентъ предохраненія для послѣднихъ равняется 0,79; мы имѣемъ здѣсь очень большую разницу по сравненію съ коэффиціентомъ, наблюдаемымъ въ католическихъ странахъ, гдѣ разводъ

водъ очень распространенное явленіе, пользуются извѣстнымъ иммунитетомъ, но только въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Для того, чтобы можно было совершенно отрицать присутствіе даже самаго сомнительнаго иммунитета, нужно, чтобы процентъ самоубійствъ у женатыхъ былъ въ 2 раза выше, чѣмъ у холостыхъ; въ дѣйствительности этого нѣтъ. Этотъ фактъ ничуть не противорѣчитъ тому заключенію, которое мы только что сдѣлали. Средній возрастъ людей, состоящихъ въ бракѣ, мало варьируетъ въ отдѣльныхъ странахъ, разница исчерпывается двумя тремя годами, и съ другой стороны, вліяніе возраста на процентъ самоубійствъ наблюдается вездѣ съ полной закономѣрностью. Слѣдовательно, пренебрегая дѣйствіемъ этого факта, не учитывая его вліянія на число самоубійствъ, мы тѣмъ самымъ вдвое уменьшаемъ абсолютную величину коэффиціента предохраненія; но такъ какъ мы всюду понизили его въ той же пропорціи, то не повредили ничуть его относительной величинѣ, которая и является для насъ единственно интересной. Вѣдь мы не стремимся къ опредѣленной абсолютной величинѣ иммунитета въ каждой странѣ, но хотимъ только классифицировать различныя страны съ точки зрѣнія этого иммунитета. Что же касается мотивовъ такого упрощенія, то мы поступаемъ такъ для того, чтобы не усложнять безъ всякой пользы нашей проблемы; а затѣмъ мы не имѣемъ во всѣхъ случаяхъ необходимыхъ данныхъ для точнаго вычисленія вліянія, оказываемаго возрастомъ.

или очень рѣдко встрѣчается, или совершенно не извѣстенъ.

Франція даетъ намъ возможность сдѣлать наблюденіе, подтверждающее всѣ остальныя и тѣмъ болѣе для насъ цѣнное, что оно еще болѣе точно, чѣмъ всѣ предыдущія. Въ департаментѣ Сены разводъ распространенъ гораздо больше, чѣмъ во всей остальной странѣ. Въ 1885 году число разводовъ равнялось 23,99 на 10.000 ненарушенныхъ браковъ, тогда какъ въ остальной части Франціи среднее число разводовъ достигало только 5,65. Достаточно обратиться къ таблицѣ XXII, для того чтобы констатировать, что коэффиціентъ предохраненія супруговъ значительно ниже въ департаментѣ Сены, чѣмъ въ провинціяхъ. И дѣйствительно, онъ только одинъ разъ, для періода 20—25 лѣтъ, достигаетъ 3; но правильность этой цифры подлежитъ большому сомнѣнію, потому что она вычислена на основаніи слишкомъ небольшого числа случаевъ въ предположеніи, что въ этомъ возрастѣ среди супруговъ случается ежегодно только одно самоубійство. Начиная съ 30 лѣтъ, коэффиціентъ не идетъ выше 2, чаще всего онъ бываетъ ниже, а между 60—70 годами спускается ниже единицы. Въ среднемъ онъ равняется 1,73. Напротивъ, въ прочихъ департаментахъ въ 5 случаяхъ изъ 8 онъ выше 3; въ среднемъ равняется 2,88, т. е. въ 1,66 разъ значительнѣе, чѣмъ въ департаментѣ Сены.

Мы имѣемъ здѣсь новое доказательство того, что высокое число самоубійствъ въ странѣ, гдѣ разводъ имѣетъ широкое распространеніе, не зависитъ отъ какого-либо органическаго предрасположенія, въ особенности отъ числа неуравновѣшенныхъ субъектовъ. Если бы тутъ заключалась настоящая причина, органическое предрасположеніе должно было бы одинаковымъ образомъ отзываться и на женатыхъ, и на холостыхъ. Въ дѣйствительности же всю тяжесть несутъ на себѣ первые; поэтому надо думать, что источникъ зла лежитъ, какъ мы и предполагали, въ какой-нибудь особенности либо семьи, либо брака. Объясняется-

ли меньшій иммунитетъ супруговъ состояніемъ домашней среды или состояніемъ брачнаго союза? Является ли въ данномъ случаѣ недоброкачественнымъ духъ семьи, или супружеская связь стоитъ не на должной высотѣ?

Первое предположеніе отпадаетъ въ силу того факта, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ всего больше встрѣчается разводовъ, количество дѣтей вполнѣ достаточно и въ силу этого сплоченность семьи очень высока. Мы же хорошо знаемъ, что сплоченность семьи несетъ съ собою крѣпкій семейный духъ. Поэтому есть полное основаніе думать, что объясненіе интересующаго насъ явленія надо искать въ природѣ брака.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы уменьшеніе коэффиціента можно было отнести на счетъ положенія семьи, то жены также должны были бы пользоваться меньшею степенью предохраненности отъ самоубійства въ странахъ съ широкой практикой развода, такъ какъ онѣ не меньше мужей страдаютъ отъ дурныхъ домашнихъ условій. Въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное: коэффиціентъ предохраненія замужнихъ женщихъ повышается по мѣрѣ того, какъ понижается коэффиціентъ предохраненія у женатыхъ мужчинъ, т. е. по мѣрѣ того, какъ учащаются разводы, и наоборотъ. Чѣмъ чаще и легче разрываются супружескія связи, тѣмъ въ болѣе благопріятномъ положеніи по отношенію къ своему мужу оказывается жена (см. таб. XXVIII).

Противоположность этихъ двухъ рядовъ коэффиціентовъ прямо поразительна. Въ странахъ, гдѣ разводовъ совсѣмъ нѣтъ, женщина предохранена отъ самоубійства слабѣе, чѣмъ мужчина; это обстоятельство яснѣе выступаетъ въ Италіи, чѣмъ во Франціи, гдѣ бракъ всегда былъ менѣе прочнымъ. Напротивъ, какъ только разводъ получаетъ широкое распространеніе, тотчасъ же мужъ оказывается въ худшемъ положеніи, чѣмъ жена, и преимущество послѣдней растетъ по мѣрѣ развитія практики развода.

ТАБЛИЦА XXVIII.

Вліяніе развода на иммунитетъ супруговъ [1]).

	Число самоубійствъ на 1.000.000.		Коэффиціентъ предохраненія.		На сколько коэффиціентъ мужей превышаетъ коэффиціентъ женъ.	На сколько коэффиціентъ женъ превышаетъ коэффиціентъ мужей.
	Дѣвушекъ моложе 16-ти лѣтъ.	Замужнихъ женщинъ.	Замужнихъ.	Женатыхъ.		
Италія	21	22	0,95	1,64	1,72	—
Франція	59	62,5	0,96	1,11	1,15	—
Баденъ	93	85	1,09	0,99	—	1,10
Пруссія	129	100	1,29	0,77	—	1,67
„ (1887—89) . . .	120	90	1,33	0,83	—	1,60
	На 100 самоубійцъ лицъ всѣхъ семейныхъ положеній.					
	Дѣвушекъ.	Замужнихъ.				
Саксонія	35,3	42,6	—	—	—	—
	На 100 жителей всякихъ семейныхъ положеній.					
	Дѣвушекъ.	Замужнихъ.				
	37,97	49,74	1,19	0,63	—	1,73

Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, великое герцогство Ольденбургское стоитъ на одномъ уровнѣ съ другими странами Германіи, гдѣ разводъ имѣетъ среднюю степень распространенности. 1.000000 дѣвушекъ даетъ 203 случая са-

[1]) Періоды тѣ-же, что и на XXVII таблицѣ.

моубійствъ, 1.000000 замужнихъ—156, слѣдовательно, коэффиціентъ предохраненія у послѣднихъ равняется 1,3 и значительно превышаетъ коэффиціентъ супруговъ—0,79. Первый въ 1,64 раза больше второго, приблизительно такъ же, какъ и въ Пруссіи.

Сравненіе департамента Сены съ остальными провинціями блестящимъ образомъ подтверждаетъ этотъ законъ. Въ провинціи, гдѣ разводъ встрѣчается рѣже, средняя величина коэффиціента замужнихъ женщинъ равняется 1,49 и представляетъ собою только половину средняго мужского коэффиціента—2,88. Въ департаментѣ Сены мы имѣемъ какъ разъ обратное соотношеніе. Иммунитетъ мужчинъ выражается коэффиціентомъ 1,56 и даже 1,44, если оставить въ сторонѣ довольно сомнительныя данныя относительно 20—25 лѣтъ; иммунитетъ женщинъ равняется 1,79. Положеніе жены по отношенію къ мужу здѣсь вдвое благопріятнѣе, чѣмъ въ департаментахъ.

Можно констатировать аналогичное явленіе, если обратиться къ провинціямъ Пруссіи.

Провинціи, гдѣ на 100.000 браковъ приходится:

От 810—415 разводовъ.	Коэффиціентъ предохраненія замужнихъ женщинъ.	От 371—324 разводовъ.	Коэффиціентъ предохраненія замужнихъ женщинъ.	От 229—116 разводовъ.	Коэффиціентъ предохраненія у женщинъ.
Берлинъ	1,72	Силезія . . .	1,18	Ганноверъ . . .	0,90
Бранденбургъ . .	1,75	Западная Пруссія	1	Рейнская провинція	1,25
Восточная Пруссія	1,50	Шлезвигъ . .	1,20	Вестфалія . . .	0,80
Саксонія	2,08	Познань . . .	1		
Померанія . . .	1	Гессенъ . . .	1,44		

Коэффиціенты всей первой группы значительно выше, чѣмъ второй, и наибольшее пониженіе наблюдается въ третьей. Гессенъ представляетъ собою въ этомъ случаѣ единственную аномалію, гдѣ въ силу неизвѣстныхъ причинъ

замужнія женщины одарены довольно значительнымъ иммунитетомъ, хотя разводъ тамъ и рѣдко практикуется [1]).

Не смотря на такую согласованность всѣхъ данныхъ, подвергнемъ правильность нашего закона еще послѣднему испытанію. Вмѣсто того, чтобы сравнивать иммунитетъ мужей съ иммунитетомъ женъ, постараемся опредѣлить, какимъ образомъ, конечно, различнымъ въ отдѣльныхъ странахъ,—видоизмѣняетъ бракъ взаимное положеніе половъ въ отношеніи самоубійствъ? Мы можемъ видѣть это на нижеслѣдующей XXIX таблицѣ.

ТАБЛИЦА XXIX.

Относительная доля самоубійствъ каждаго пола среди различныхъ семейныхъ положеній въ различныхъ странахъ Европы.

	На 100 самоубійствъ среди не состоящихъ въ бракѣ приходится:	На 100 самоубійствъ состоящихъ въ бракѣ приходится:	Среднее превышеніе по странамъ, приходящееся на	
			замужнихъ по отношенію къ дѣвушкамъ.	дѣвушекъ по отношенію къ женщинамъ.
Италія 1871	87 хол. на 13 дѣв.	79 муж. на 21 жену		
„ 1872	82 „ „ 18 „	78 „ „ 22 „	6,2	
„ 1873	86 „ „ 14 „	79 „ „ 21 „		
„ 1884—88 . . .	85 „ „ 15 „	79 „ „ 21 „		
Франція 1863—66 . .	84 „ „ 16 „	78 „ „ 22 „		
„ 1867—71 . .	84 „ „ 16 „	79 „ „ 21 „	3,6	
„ 1888—91 . .	81 „ „ 19 „	81 „ „ 19 „		
Баденъ 1869—73. . .	84 „ „ 16 „	85 „ „ 15 „		1
„ 1885—93. . .	84 „ „ 16 „	85 „ „ 15 „		
Пруссія 1873—75. . .	78 „ „ 22 „	83 „ „ 17 „		5
„ 1887—89. . .	77 „ „ 23 „	83 „ „ 17 „		
Саксонія 1866—70 . .	77 „ „ 23 „	84 „ „ 16 „		7
„ 1879—90 . .	80 „ „ 20 „	86 „ „ 14 „		

[1]) Намъ пришлось расположить провинціи, по числу разводовъ, зарегистрированныхъ переписью, и потому мы не могли установить годового числа разводовъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ разводъ отсутствуетъ совершенно, или есть только практика совсѣмъ недавняго прошлаго, можно видѣть, что женщина въ большей пропорціи участвуетъ въ самоубійствахъ не состоящихъ въ бракѣ, чѣмъ въ самоубійствахъ лицъ, въ бракѣ состоящихъ. Отсюда вытекаетъ выводъ, что въ этихъ странахъ бракъ благопріятствуетъ мужу больше, чѣмъ женѣ, и невыгодное положеніе послѣдней болѣе рѣзко выступаетъ въ Италіи, чѣмъ во Франціи. Средній излишекъ относительной доли замужнихъ женщинъ надъ дѣвушками вдвое больше въ первой странѣ, чѣмъ во второй. Какъ только мы перейдемъ къ народамъ, гдѣ институтъ развода функціонируетъ самымъ широкимъ образомъ, то получимъ обратные результаты. Здѣсь на почвѣ брака выигрываетъ женщина и теряетъ мужчина; преимущество женщины болѣе рѣзко выступаетъ въ Пруссіи, чѣмъ въ Баденѣ, и въ Саксоніи сильнѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Оно достигаетъ своего максимума въ тѣхъ странахъ, гдѣ институтъ развода въ свою очередь пользуется наибольшимъ распространеніемъ.

Такимъ образомъ можно считать неоспоримымъ нижеслѣдующій законъ: бракъ тѣмъ болѣе благопріятствуетъ женщинѣ, въ смыслѣ защиты ея отъ самоубійства, чѣмъ болѣе распространенъ въ данномъ обществѣ институтъ развода и обратно.

Изъ этого закона вытекаютъ два слѣдствія.

Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что одни только мужья способствуютъ тому увеличенію процента самоубійствъ, которое наблюдается въ странахъ съ часто практикующимися разводами, ибо жены убиваютъ себя здѣсь меньше, чѣмъ въ прочихъ странахъ. Если институтъ развода не можетъ развиваться безъ того, чтобы улучшалось моральное положеніе женщины, то совершенно недопустимо связываніе его съ какимъ-либо отрицательнымъ состояніемъ домашней среды, оказывающимъ усиленное вліяніе на наклонность къ самоубійству, потому что это дѣйствіе должно

было бы отразиться на женѣ не меньше, чѣмъ на мужѣ. Упадокъ семейнаго духа не можетъ оказывать противоположнаго вліянія на два различныхъ пола; не можетъ благопріятствовать положенію матери, если онъ тяжело ложится на отца. Слѣдовательно, истинная причина изучаемаго нами явленія заключается въ положеніи брачнаго, а не семейнаго союза. И дѣйствительно, весьма возможно, что бракъ оказываетъ на мужа и жену совершенно обратное вліяніе. Какъ родители, супруги могутъ имѣть общія цѣли, но какъ сожители они могутъ имѣть самые различные и даже противоположные интересы. Вполнѣ возможно, что въ извѣстныхъ обществахъ эта сторона брака благопріятствуетъ одному супругу и, въ то же самое время, вредитъ другому. Изъ предыдущаго изложенія мы видимъ, что именно такъ обстоитъ дѣло при разводѣ.

Во-вторыхъ, на томъ же самомъ основаніи мы должны отвергнуть гипотезу, согласно которой неудовлетворительное состояніе брака, съ его двойнымъ послѣдствіемъ, въ видѣ повышенія числа самоубійствъ и разводовъ—исчерпывается частыми домашними ссорами. Подобная причина точно такъ же, какъ и упадокъ семейныхъ связей, не можетъ имѣть своимъ результатомъ увеличенія иммунитета жены. Если бы процентъ самоубійствъ въ той средѣ, гдѣ разводъ широко практикуется, дѣйствительно опредѣлялся количествомъ домашнихъ раздоровъ, то жена должна была бы страдать отъ этого въ одинаковой степени съ мужемъ. Здѣсь нельзя найти ничего такого, что, по своей природѣ, могло бы предохранять исключительно женщину отъ самоубійства. Подобная гипотеза тѣмъ болѣе неосновательна, что чаще всего разводъ требуется женой (во Франціи 60% разводовъ и 83% раздѣльныхъ жительствъ[1]). Значитъ, вина въ нарушеніи семейнаго мира въ громадномъ большинствѣ

---

[1]) Levasseur, Population française, т. II стр. 92. Бертильонъ. Annales des Dem. Int. 1880 ст. 460. Въ Саксоніи мужчина требуетъ развода столь же часто, какъ и женщина.

случаевъ ложится на мужчину. Но тогда было бы непонятно, какимъ образомъ въ странахъ съ большимъ числомъ разводовъ мужчина убиваетъ себя чаще потому, что заставляетъ больше страдать жену, а жена, напротивъ, убиваетъ себя рѣже потому, что ея мужъ заставляетъ ее страдать больше. Къ тому же, вовсе не доказано, что число супружескихъ раздоровъ увеличивается въ той же мѣрѣ, какъ и число разводовъ [1]).

Покончивъ съ этой гипотезой, мы остаемся лицомъ къ лицу только съ однимъ возможнымъ объясненіемъ. Очевидно, что самъ институтъ развода своимъ вліяніемъ на бракъ склоняетъ человѣка къ самоубійству.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ изъ себя бракъ? Регламентацію отношеній между полами, охватывающую не только сферу физіологическихъ инстинктовъ, но и всевозможныхъ чувствъ, привитыхъ цивилизаціей на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Ибо любовь въ наше время—въ гораздо большей степени духовное, чѣмъ органическое, чувство. Мужчина ищетъ въ женщинѣ не только одного удовлетворенія потребности дѣторожденія. Если это естественное стремленіе и послужило зародышемъ всей половой эволюціи,—то оно прогрессивно усложнялось множествомъ различныхъ эстетическихъ и моральныхъ чувствъ, и въ настоящее время оно является только ничтожнымъ элементомъ того многосложнаго процесса, которому оно когда-то положило начало. Подъ вліяніемъ этихъ интеллектуальныхъ элементовъ, половое чувство какъ бы одухотворилось и отчасти освободилось отъ оковъ тѣла. Оно въ равной мѣрѣ питается какъ моральными исканіями, такъ и физическими побужденіями, и потому въ немъ нѣтъ уже той автоматической регулярной періодичности, которая проявляется у животнаго. Психическое возбужденіе можетъ вызвать это чувство во всякое время, и оно ни чѣмъ не связано съ опредѣленнымъ періодомъ года. Но именно въ

---

[1]) Бертильонъ, Annales и т. д. 1882 г. ст. 275 и слѣд.

силу того, что эти различныя склонности преобразовались подъ вліяніемъ времени и не находятся уже болѣе въ непосредственномъ подчиненіи органической необходимости, для нихъ и нужна соціальная регламентація. Если организмъ внутри себя не находитъ ничего сдерживающаго подобныя чувства, то эту обязанность должно взять на себя общество. Въ этомъ заключается функція брака. Бракъ, особенно въ своей моногамической формѣ, регулируетъ всю эту жизнь страстей. Возлагая на мужчину обязанность вѣчно любить одну и ту же женщину, единобрачіе указываетъ чувству любви совершенно опредѣленный предметъ и тѣмъ самымъ закрываетъ дальнѣйшіе горизонты.

Благодаря этой опредѣленности и устанавливается то моральное равновѣсіе, которымъ пользуется супругъ. Не нарушая своего долга вѣрности, онъ не можетъ искать другихъ удовлетвореній, кромѣ тѣхъ, которыя ему разрѣшены бракомъ, а потому ограничиваетъ себя въ своихъ желаніяхъ. Спасительная дисциплина, которой подвергается супругъ, заставляетъ его искать счастья въ томъ положеніи, которое выпало ему на долю, и тѣмъ самымъ даетъ ему для этого средства. Къ тому же, если чувство одного супруга не склонно къ перемѣнѣ, то объектъ его отвѣчаетъ ему тѣмъ же: вѣдь обязательство вѣрности носитъ взаимный характеръ. Радости его опредѣлены, онѣ обезпечены, и все это дѣйствуетъ самымъ положительнымъ образомъ на направленіе его ума. Совершенно иное представляетъ собою положеніе холостяка. Для него нѣтъ никакихъ ограниченій въ его привязанностяхъ, онъ хватается за все, и ничто его не удовлетворяетъ. Внутреній ядъ безпредѣльныхъ стремленій, который аномія всюду несетъ съ собою, проникаетъ и въ эту область нашего сознанія, какъ и во всякую другую; очень часто при такихъ обстоятельствахъ половое чувство принимаетъ ту форму, которую описалъ Мюссе [1]). Трудно удержать самого себя, если извнѣ

[1]) См. Rolla и портретъ Донъ Жуана въ Namouna.

ничто не сдерживаетъ. Испытавъ одни наслажденія, человѣкъ уже рисуетъ въ своемъ воображеніи новыя удовольствія, и какъ скоро онъ проходитъ весь кругъ возможнаго, то, мучимый постоянною жаждой новизны, онъ будетъ мечтать о несбыточномъ [1]). Какъ же не впасть въ отчаяніе при такой нескончаемой погонѣ за неуловимымъ счастьемъ? Для того, чтобы дойти до такого состоянія, даже вовсе не необходимо пережить такую массу любовныхъ приключеній, какъ Донъ Жуанъ; достаточно средняго образа жизни какого-нибудь самаго вульгарнаго холостяка. Безъ конца родятся и вслѣдъ затѣмъ разбиваются жизнью всевозможныя надежды, и въ душѣ непрерывно растетъ чувство усталости и разочарованія. И какъ можетъ укрѣпиться въ умѣ человѣка то или иное желаніе, если нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что объектъ желанія можетъ быть сохраненъ. Вѣдь аномія двустороння: если человѣкъ не можетъ вполнѣ отдаться, онъ не можетъ и вполнѣ овладѣть. Невѣрность будущаго вмѣстѣ со своею собственною половинчатостью лишаютъ его навсегда покоя. Изъ всего этого вытекаетъ безпокойство, возбужденное состояніе и недовольство, неминуемо несущее съ собою большую степень наклонности къ самоубійству.

Но разводъ предполагаетъ ослабленіе брачной регламентаціи; тамъ, гдѣ онъ практикуется, въ особенности же тамъ, гдѣ право и нравы усиливаютъ его практику, бракъ является только слабымъ намекомъ на то, чѣмъ онъ долженъ быть. Это бракъ второго сорта и поэтому онъ не можетъ имѣть присущихъ ему благопріятныхъ результатовъ. Границы, которыя онъ ставилъ для чувства, теряютъ свою опредѣленность; онѣ лишаются устойчивости и только въ слабой степени могутъ сдерживать страсти, которыя принимаютъ самыя широкіе размѣры. Чувство уже не такъ легко подчиняется тѣмъ условіямъ, которыя ему предписаны. Исчезаетъ спокойствіе, моральная уравновѣшенность,

---

[1]) Монологъ Фауста у Гёте.

составлявшія преимущество человѣка состоящаго въ бракѣ; на ихъ мѣсто появляется извѣстное состояніе безпокойства, мѣшающее человѣку дорожить тѣмъ, что у него есть. Онъ тѣмъ менѣе обращаетъ вниманіе на настоящее, что благосостояніе его кажется ему неустойчивымъ, будущее менѣе опредѣленнымъ. Нельзя прочно держаться за ту позицію, на которой находишься, если она въ любой моментъ можетъ быть разрушена съ той или другой стороны. Въ силу этихъ причинъ, въ странахъ, гдѣ вліяніе брака въ сильной степени умѣряется разводами, неизбѣжно ослабляется иммунитетъ женатаго человѣка. Такъ какъ, вслѣдствіе этого, состояніе его приближается къ состоянію холостяка, онъ не можетъ не потерять части своихъ преимуществъ. Такимъ образомъ увеличивается общее число самоубійствъ [1]).

Но такія послѣдствія развода касаются исключительно мужа и непримѣнимы къ женѣ. Въ самомъ дѣлѣ, половая сторона жизни женщины имѣетъ гораздо менѣе интеллектуальный характеръ, въ силу того, что вообще умственная жизнь ея менѣе сильно развита. Половыя потребности женщины болѣе непосредственно связаны съ требованіями ея организма,—скорѣе, слѣдуютъ за ними, чѣмъ ихъ опережаютъ, и такимъ образомъ находятъ въ нихъ дѣйствительную узду. Въ женщинѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ мужчинѣ, развитъ инстинктъ, и для того чтобы найти для себя покой и миръ, ей достаточно только слѣдовать ему. Та узкая соціальная регламентація, которую несетъ съ собою бракъ, и, въ особенности моногамный бракъ, является

[1]) Но, могутъ возразить намъ тамъ, гдѣ разводъ не уменьшаетъ преимуществъ брака, не оказываютъ ли на него отрицательное вліянія моногамныя обязательства и не вселяютъ ли онѣ даже отвращенія къ нему? Безъ сомнѣнія, это такъ, такой результатъ неизбѣженъ, если перестаетъ ощущаться моральная сторона такого обязательства. Важно не то, чтобы регламентація существовала, а то, чтобы она была принята человѣкомъ; если же она не обладаетъ моральнымъ авторитетомъ и поддерживается только инертной силой, то она не можетъ быть никому полезной, она только стѣсняетъ, вмѣсто того чтобы оказывать извѣстную услугу.

для нея необходимой. Но эта дисциплина даже тамъ, гдѣ она полезна, сопряжена съ рядомъ неудобствъ; опредѣляя навсегда брачныя условія, она тѣмъ самымъ отрѣзываетъ отступленіе, какими бы условіями оно ни было вызвано. Ограничивая горизонтъ человѣка, она запираетъ всѣ возможные выхода, запрещаетъ всякія, даже вполнѣ лойальныя надежды. Мужчина также часто страдаетъ отъ этой неподвижности, но зло, причиняемое ему ею, широко компенсируется тѣми благодѣяніями, которыя онъ съ другой стороны получаетъ отъ нея; къ тому же, сами нравы даннаго общества даютъ ему извѣстныя привилегіи, позволяющія въ извѣстной степени, смягчить всю суровость супружескаго режима. Для женщины, наоборотъ, не существуетъ ни компенсацій, ни смягченій. Для нея моногамія есть строжайшее обязательство, не допускающее никакихъ послабленій; съ другой стороны, бракъ не нуженъ для нея по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ для мужчины, чтобы ограничить ея и безъ того естественнымъ образомъ ограниченныя желанія и чтобы научить ее довольствоваться своимъ жребіемъ; онъ только мѣшаетъ ей измѣнить свою жизнь, когда она станетъ для нея нестерпимой. Такимъ образомъ, супружеская регламентація дѣлается для нея стѣсненіемъ, лишеннымъ большихъ преимуществъ. Слѣдовательно, все, что смягчаетъ эту регламентацію, можетъ только улучшить положеніе замужней женщины,—вотъ почему наличность развода является для нея благопріятнымъ обстоятельствомъ и почему она охотно къ нему прибѣгаетъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что состояніе супружеской аноміи, создаваемое институтомъ развода, объясняетъ параллельный ростъ числа разводовъ и самоубійствъ. Поэтому-то такого рода самоубійства мужей, въ странахъ съ часто встрѣчающимися разводами, увеличиваютъ число добровольныхъ смертей и составляютъ одну изъ разновидностей аномичнаго самоубійства. Они происходятъ не потому, что въ этихъ обществахъ существуетъ большее число дурныхъ супруговъ или супругъ и, вслѣдствіе этого, больше

несчастныхъ браковъ: они являются результатомъ моральнаго состоянія sui generis, которое само по себѣ вытекаетъ изъ ослабленія брачной регламентаціи; это возникшее въ теченіе супружества состояніе, переживающее самый бракъ, одно только и развиваетъ наклонность къ самоубійству, которую обнаруживаютъ разводы. Мы не хотимъ сказать, что это разрушеніе брачнаго регламента цѣликомъ создано законнымъ введеніемъ развода. Юридическій разводъ является всегда на сцену только для того, чтобы освятить нравы общества, сложившіеся до него. Если общественное сознаніе не пришло бы мало по малу къ заключенію, что неразрывность супружескихъ узъ безсмысленна, законъ не могъ бы сдѣлать ихъ болѣе легко расторжимыми. Брачная аномія можетъ, такимъ образомъ, существовать въ умахъ людей даже тогда, когда она не провозглашена закономъ. Но, съ другой стороны, она можетъ проявлять всѣ свои послѣдствія только тогда, когда она облечена въ законную форму. Поскольку брачное право не смягчено, оно хотя матеріальнымъ путемъ можетъ сдерживать человѣческія страсти; оно препятствуетъ тому, чтобы вкусъ къ аноміи не завоевалъ себѣ въ умахъ людей слишкомъ большого мѣста, уже однимъ тѣмъ, что не одобряетъ его. Вотъ почему аномія проявляетъ свои особенно характерныя рѣзко бросающіяся въ глаза черты только тамъ, гдѣ она становится юридическимъ институтомъ.

Помимо того, что это объясненіе бросаетъ свѣтъ на параллелизмъ, наблюдаемый между числомъ разводовъ и самоубійствъ, [1]) и тѣ обратныя отклоненія, которыя наблю-

---

[1]) Такъ какъ тамъ, гдѣ уменьшается иммунитетъ мужей, увеличивается иммунитетъ женъ, естественно, возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ не возникаетъ компенсаціи. Это объясняется тѣмъ, что число самоубійствъ женщинъ сравнительно очень незначительно и поэтому уменьшеніе ихъ числа мало замѣтно въ общемъ итогѣ и не можетъ компенсировать увеличеніе числа самоубійствъ среди мужчинъ. Вотъ почему разводы всегда въ конечномъ счетѣ сопровождаются увеличеніемъ общей цифры самоубійствъ.

даются въ области иммунитета мужей и женъ, оно подтверждается также многими другими фактами:

1) Только при наличности развода мужей можетъ имѣть мѣсто настоящая брачная неустойчивость; только онъ одинъ окончательно разрушаетъ супружескіе узы, тогда какъ раздѣльное жительство только отчасти ограничиваетъ бракъ, не давая супругамъ окончательной свободы. Если эта спеціальная форма аноміи дѣйствительно усиливаетъ наклонность къ самоубійству, разведенные должны обладать ею въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ супруги, жительствующіе раздѣльно. Это именно и вытекаетъ изъ единственнаго документа, который мы по этому поводу имѣемъ. Согласно вычисленіямъ, сдѣланнымъ Legoyt (Op. cit. стр. 171), въ Саксоніи въ теченіе періода отъ 1847—1856 г. на 1.000.000 разведенныхъ приходилось 1.400 самоубійствъ, а на 1.000.000 раздѣльно жительствующихъ только 176. Это послѣднее число меньше даже того, которое выпадаетъ на долю женатыхъ (318).

2) Если столь сильная степень наклонности къ самоубійству, наблюдаемая у холостяковъ, въ извѣстной своей части зависитъ отъ половой аноміи, то именно въ тотъ моментъ, когда половое чувство находится въ состояніи наивысшаго возбужденія, она должна ощущаться всего сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, отъ 20 до 45 лѣтъ процентъ самоубійствъ холостяковъ гораздо быстрѣе возрастаетъ, чѣмъ впослѣдствіи; въ теченіе этого періода онъ учетверяется, тогда какъ, начиная съ 45 лѣтъ вплоть до предѣльнаго 85-ти-лѣтняго возраста, онъ только удваивается. Что же касается женщинъ, то среди нихъ этого ускореннаго темпа не наблюдается; въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ число самоубійствъ среди дѣвушекъ даже не удваивается, а съ 106 поднимается всего до 171 (см. XXI таблицу). Такимъ образомъ, періодъ половой жизни не влечетъ за собой роста женскихъ самоубійствъ. Это обстоятельство только подтверждаетъ вышесказанное нами относительно того, что женщина мало подвержена этой формѣ аноміи.

3) Наконецъ, множество фактовъ, установленныхъ въ главѣ III этой книги, находятъ себѣ объясненіе въ только что предложенной теоріи и этимъ самымъ могутъ служить для нея провѣркой.

Мы видѣли тамъ, что бракъ во Франціи, независимо отъ семейныхъ условій, давалъ человѣку коэффиціентъ предохраненія, равный 1,5; теперь мы знаемъ, чему этотъ коэффиціентъ соотвѣтствуетъ. Онъ представляетъ собою тѣ преимущества, которыя извлекаетъ для себя человѣкъ изъ регулирующаго вліянія, оказываемаго на него бракомъ, изъ его умѣряющаго воздѣйствія на страсти и вытекающаго отсюда благополучія. Но, и въ то же самое время, мы констатировали, что въ этой же странѣ условія жизни замужней женщины ухудшились постольку, поскольку присутствіе дѣтей не исправило дурныхъ для нея послѣдствій брака. Мы только что указали причину этого явленія. Это объясняется не тѣмъ, что мужчина по природѣ своей золъ и эгоистиченъ и играетъ роль мучителя, заставляющаго страдать подругу своей жизни, а только тѣмъ обстоятельствомъ, что во Франціи, гдѣ до настоящаго времени бракъ не былъ ослабленъ разводомъ, онъ ставилъ для женщины ненарушимыя правила жизни, ярмо, которое было для нея слишкомъ тяжело переносимо и совершенно не давало никакихъ выгодъ. Вообще, вотъ та причина, которой обязанъ своимъ существованіемъ этотъ антагонизмъ половъ, не позволяющій мужчинѣ и женщинѣ въ одинаковой степени пользоваться преимуществами брака: у нихъ совершенно различные интересы, — одному необходимо стѣсненіе, другой свобода.

Между тѣмъ, оказывается, что въ извѣстные моменты своей жизни мужчина получаетъ отъ брака то же, что и женщина, но въ силу другихъ причинъ. Если, какъ мы указали выше, молодые мужья чаще лишаютъ себя жизни, чѣмъ холостые того же возраста, то это указываетъ на то, что страсти ихъ въ это время слишкомъ безпорядочны и они слишкомъ полагаются на самихъ себя, для того чтобы

быть въ состояніи подчиниться такимъ суровымъ правиламъ брачной жизни. Бракъ кажется имъ непреодолимымъ препятствіемъ, на которое наталкиваются и о которое разбиваются всѣ ихъ желанія. Вотъ почему возможно, что бракъ оказываетъ все свое благотворное вліяніе только тогда, когда возрастъ немного успокаиваетъ страсти человѣка и даетъ ему чувствовать всю необходимость дисциплины [1]).

Наконецъ, въ той же самой главѣ мы видѣли, что тамъ, гдѣ бракъ благопріятнѣе для жены, чѣмъ для мужа, разница между числомъ самоубійствъ тѣхъ и другихъ всегда меньше, чѣмъ при обратныхъ условіяхъ. Это является доказательствомъ того, что даже въ обществахъ, гдѣ брачное состояніе даетъ преимущества женщинѣ, оно оказываетъ ей услугъ меньше, чѣмъ мужчинѣ; ибо послѣдній все же выигрываетъ отъ него больше, чѣмъ она. Если оно стѣсняетъ ее, она отъ него страдаетъ, но она не можетъ выиграть отъ него ничего даже въ томъ случаѣ, если оно

---

[1]) Возможно даже, что бракъ самъ по себѣ начинаетъ свое профилактическое воздѣйствіе только позднѣе, послѣ 30 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, до этого времени женатые бездѣтные мужчины даютъ ежегодно, въ абсолютныхъ цифрахъ, столько же самоубійствъ, сколько и женатые съ дѣтьми: 6,6 отъ 20—25 лѣтъ даютъ первые и вторые, и 33 первые, 34 вторые—въ возрастѣ отъ 25 — 30 лѣтъ. Между тѣмъ, вполнѣ ясно, что браки съ дѣтьми, даже въ этотъ періодъ, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ безплодные браки. Наклонность къ самоубійству послѣднихъ должна быть въ нѣсколько разъ сильнѣе, чѣмъ наклонность людей, состоящихъ въ бракѣ и имѣющихъ дѣтей; поэтому она по интенсивности своей должна приближаться къ наклонности холостяковъ. Къ несчастію, по этому вопросу мы можемъ ограничиться только гипотезами; такъ какъ, поскольку перепись не даетъ для каждаго возраста даннаго общества числа женатыхъ съ дѣтьми и бездѣтныхъ отдѣльно, постольку намъ невозможно вычислить процентъ тѣхъ и другихъ для каждаго періода жизни.

Мы можемъ ограничиться только абсолютными цифрами, полученными нами изъ Министерства Юстиціи за періодъ 1889—91.

Мы воспроизводимъ ихъ на спеціальной таблицѣ, приведенной въ концѣ этой книги.

Мы можемъ только сожалѣть объ этомъ упущеніи и пробѣлѣ въ переписи.

отвѣчаетъ ея интересамъ; это доказываетъ только то, что она не испытываетъ въ бракѣ никакой необходимости, а это и есть именно то самое, что предполагаетъ вышеизложенная теорія. Результаты, полученные нами раньше и вытекающіе изъ данной главы, совпадаютъ и взаимно подтверждаютъ другъ друга.

Мы пришли такимъ образомъ къ заключенію, крайне далекому отъ того мнѣнія, которое обыкновенно составляютъ о бракѣ и о его роли въ жизни человѣка. Его считаютъ учрежденіемъ, защищающимъ интересы женщины и охраняющимъ ея слабость отъ мужского своеволія. Моногамія въ частности часто изображается въ видѣ жертвы, которую мужчина приноситъ въ ущербъ своимъ полигамическимъ инстинктамъ, для того чтобы возвысить и улучшить путемъ брака условія жизни женщины. На самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были историческія причины, которыя заставили его рѣшиться на подобное самоограниченіе, отъ него выигрываетъ только онъ самъ. Свобода, отъ которой онъ такимъ образомъ отказался, являлась для него только источникомъ мученія. У женщины не было этихъ причинъ, и потому можно смѣло сказать, что, подчиняясь этимъ правиламъ, она приноситъ жертву, а не мужчина [1]).

---

[1]) Изъ предыдущаго видно, что существуетъ типъ самоубійства, обратный тому, который мы называли аномичнымъ, точно такъ же какъ эгоистическое самоубійство — *противоположно* альтруистическому: это тотъ типъ, который является результатомъ избытка регламентаціи; его совершаютъ люди, будущее которыхъ безжалостно замуровано, страсти которыхъ жестоко ограничены дисциплиной. Это самоубійство слишкомъ молодыхъ мужей, самоубійство бездѣтныхъ замужнихъ женщинъ. Чтобы дать вполнѣ исчерпывающее перечисленіе, мы должны установить еще этотъ, четвертый типъ самоубійствъ. Но въ настоящее время онъ такъ мало значителенъ, и внѣ приведенныхъ нами случаевъ такъ трудно подыскать для него примѣры, что намъ кажется безполезнымъ на немъ останавливаться. Тѣмъ не менѣе, онъ можетъ имѣть историческое значеніе. Развѣ не къ этому типу относятся самоубійства рабовъ, которые при извѣстныхъ условіяхъ встрѣчаются довольно часто (Corre, Le Crime en pays

Глава VI.

Индивидуальныя формы различныхъ типовъ самоубійствъ.

Одинъ изъ выводовъ, къ которымъ привело до сихъ поръ наше изслѣдованіе гласитъ: существуетъ не одинъ опредѣленный видъ самоубійства, а нѣсколько его видовъ. Конечно, по существу своему самоубійство всегда есть и будетъ поступкомъ человѣка, который предпочитаетъ смерть жизни, но опредѣляющія его причины не во всѣхъ случаяхъ одинаковы; иногда онѣ, напротивъ, по природѣ своей совершенно противоположны. Вполнѣ понятно, что разныя причины приводятъ и къ различнымъ результатамъ. Поэтому можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что существуетъ нѣсколько типовъ самоубійствъ, качественно различныхъ другъ отъ друга. Но еще не достаточно показать, что это различіе должно существовать; необходимо непосредственно уловить его наблюденіемъ и указать, въ чемъ оно заключается. Необходимо, чтобы частные случаи самоубійствъ были сгруппированы въ опредѣленные классы, соотвѣтствующіе установленнымъ выше типамъ. Такимъ образомъ является возможность прослѣдить весь разнообразный рядъ самоубійствъ, начиная отъ ихъ соціальнаго источника, до ихъ индивидуальныхъ проявленій.

Эта морфологическая классификація, казавшаяся въ началѣ этого труда невозможной, можетъ быть съ успѣхомъ испробована теперь, когда основаніе для нея открывается въ классификаціи этіологической. Въ самомъ дѣлѣ, намъ достаточно для этого взять точкой отправленія три

---

créoles, стр. 48), развѣ не относятся къ нему всѣ случаи самоубійства, вызванные неумѣреннымъ матеріальнымъ и моральнымъ деспотизмомъ? Для того, чтобы отмѣтить неизбѣжность и непреклонность правилъ, противъ которыхъ человѣкъ безсиленъ, и чтобы выдѣлить эту характерную черту разсматриваемаго типа самоубійствъ и противопоставить ее только что употребленному термину „аномія", типъ этотъ можно было бы назвать фаталистическимъ самоубійствомъ.

найденные нами вида факторовъ самоубійства и установить, могутъ ли тѣ отличительныя особенности, которыя обнаруживаютъ самоубійства, реализуясь различными субъектами, вытекать изъ этихъ факторовъ, и какимъ образомъ. Конечно, невозможно вывести такимъ путемъ всѣ существующія особенности самоубійствъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ должны зависѣть отъ личной природы данныхъ индивидовъ. Каждое самоубійство носитъ на себѣ отпечатокъ личности, представляетъ собою проявленіе темперамента того лица, которое его совершаетъ, зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыхъ оно производится, и поэтому не можетъ быть всецѣло объяснено однѣми только общими и соціальными причинами. Но эти послѣднія, въ свою очередь, должны наложить на всѣ самоубійства извѣстный колоритъ sui generis, придать имъ опредѣленную специфическую особенность. Эту-то коллективную печать намъ и предстоитъ выяснить.

Конечно, это изслѣдованіе не можетъ быть произведено съ безусловной точностью; мы не въ состояніи сдѣлать методическаго описанія всѣхъ ежедневно совершаемыхъ самоубійствъ, или всѣхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто на всемъ протяженіи исторіи. Мы можемъ установить только самые общіе значительные типы, не имѣя къ тому же вполнѣ объективнаго критерія, который далъ бы намъ возможность сдѣлать этотъ выборъ. Болѣе того, мы можемъ итти только дедуктивнымъ методомъ въ попыткахъ связать ихъ съ тѣми причинами, отъ которыхъ они, повидимому, происходятъ. Все, что въ нашей власти—это показать ихъ логическую необходимость, не имѣя зачастую возможности подкрѣпить наши разсужденія экспериментальнымъ доказательствомъ. Конечно, мы прекрасно сознаемъ, что такая дедукція, которая не можетъ быть провѣрена опытомъ, всегда подозрительна, но, даже при наличности этихъ оговорокъ, нельзя сомнѣваться въ полезности нашего изысканія. Даже въ томъ случаѣ, если бы оно не дало ничего, кромѣ иллюстрацій примѣрами вышеприведенныхъ выводовъ, оно все же пред-

ставляло бы нѣкоторый плюсъ, сообщая этимъ выводамъ болѣе конкретную форму, связывая ихъ болѣе тѣснымъ образомъ съ данными наблюденія и деталями повседневнаго опыта. Но этого мало—оно дастъ намъ возможность ввести нѣкоторыя разграниченія въ массу такихъ фактовъ, которые обыкновенно смѣшиваются между собой, какъ будто бы вся разница между ними исчерпывалась одними только оттѣнками; тогда какъ въ дѣйствительности между ними существуетъ иногда діаметральное различіе. Это имѣетъ мѣсто по отношенію къ самоубійству и умственному разстройству. Послѣднее, въ глазахъ профановъ, представляетъ собою нѣкоторое опредѣленное состояніе, способное только въ зависимости отъ обстоятельствъ измѣняться внѣшнимъ образомъ. Для психіатра это слово обозначаетъ, наоборотъ, цѣлый рядъ различныхъ типовъ болѣзни. Точно такъ же въ обыденной жизни самоубійцу представляютъ себѣ, обыкновенно, меланхоликомъ, тяготящимся жизнью. Въ дѣйствительности, тѣ акты, посредствомъ которыхъ люди разстаются съ жизнью, группируются въ различные виды, имѣющіе самое различное моральное и соціальное значеніе.

I.

Первый видъ самоубійства, безъ сомнѣнія, извѣстный уже въ античномъ мірѣ, но въ особенности распространенный въ настоящее время, представляетъ въ его идеальномъ типѣ Рафаэль Ламартина. Характерною его чертою является состояніе томительной меланхоліи, парализующей всякую дѣятельность человѣка. Всевозможныя дѣла, общественная служба, полезный трудъ, даже домашнія обязанности внушаютъ ему только чувство безразличія и отчужденія. Ему невыносимо соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ и, наоборотъ, мысль и внутренній міръ выигрываютъ настолько же, насколько теряетъ внѣшняя дѣеспособность. Закрывая глаза на все окружающее, человѣкъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на состояніе своего сознанія; онъ избираетъ его единственнымъ предметомъ

своего анализа и наблюденій. Но въ силу этой исключительной концентраціи, онъ только углубляетъ ту пропасть, которая отдѣляетъ его отъ окружающаго его міра; съ того момента, какъ индивидъ начинаетъ заниматься только самимъ собой, онъ уже не можетъ думать о томъ, что не касается только его, и, углубляя это состояніе, увеличиваетъ свое одиночество. Занимаясь только самимъ собой, нельзя найти повода заинтересоваться чѣмъ-нибудь другимъ. Всякая дѣятельность въ извѣстномъ смыслѣ альтруистична, такъ какъ она центробѣжна и какъ бы раздвигаетъ рамки живого существа за его собственные предѣлы. Размышленіе же, наоборотъ, содержитъ въ себѣ нѣчто личное и эгоистическое; такъ, оно возможно только при условіи, если субъектъ освобождается изъ подъ вліянія объекта, отдаляется отъ него и обращаетъ мысли внутрь самого себя; и чѣмъ совершеннѣе и полнѣе будетъ это сосредоточеніе въ себѣ, тѣмъ интенсивнѣе будетъ размышленіе. Дѣйствіе возможно только при наличности соприкосновенія съ объектомъ; наоборотъ, для того чтобы думать объ объектѣ, надо уйти отъ него, надо созерцать его извнѣ; въ еще большей степени такое отъединеніе необходимо для того, чтобы думать о самомъ себѣ. Тотъ человѣкъ, вся дѣятельность котораго направлена на внутреннюю мысль, становится нечувствительнымъ ко всему, что его окружаетъ. Если онъ любитъ, то не для того, чтобы отдать себя другому существу и соединиться съ нимъ въ плодотворномъ союзѣ; нѣтъ, онъ любитъ для того, чтобы имѣть возможность размышлять о своей любви. Страсти его только кажущіяся, потому что онѣ безплодны; онѣ разсѣиваются въ пустой игрѣ образовъ, не производя ничего существующаго внѣ ихъ самихъ.

Но съ другой стороны, всякая внутренняя жизнь получаетъ свое первоначальное содержаніе изъ внѣшняго міра. Мы можемъ мыслить лишь объекты и тотъ способъ, какимъ мы ихъ мыслимъ. Мы не можемъ размышлять о нашемъ сознаніи, беря его въ состояніи полной неопредѣленности: въ такомъ видѣ оно не представимо. Опредѣлиться

же оно можетъ только съ помощью чего-нибудь другого, находящагося внѣ его самого. Поэтому, если оно, индивидуализируясь, переходитъ за границу извѣстной черты, если оно слишкомъ радикально порываетъ со всѣмъ остальнымъ міромъ, міромъ людей и вещей—оно уже лишаетъ себя возможности черпать изъ тѣхъ источниковъ, которыми оно нормально должно питаться, и не имѣетъ ничего, къ чему оно могло бы быть приложено. Создавая вокругъ себя пустоту, оно создаетъ ее и внутри себя, и предметомъ его размышленія становится лишь его собственная духовная нищета. Тогда человѣкъ можетъ думать только о той пустотѣ, которая образовалась въ его душѣ, и о той тоскѣ, которая является ея послѣдствіемъ. Онъ и ограничивается этимъ самосозерцаніемъ, отдаваясь ему съ какой-то болѣзненной радостью, хорошо извѣстною Ламартину, который прекрасно описалъ это чувство, вложивъ разсказъ о немъ въ уста своего героя: „Все окружающее меня было наполнено тѣмъ же томленіемъ, что и моя душа, и удивительно гармонировало съ нею и увеличивало мою тоску, придавая ей особую прелесть. Я погружался въ бездны этой тоски, но она была живая, полная мыслей, впечатлѣній, сліянія съ безконечностью, разнообразныхъ свѣтотѣней моей души, и поэтому у меня никогда не являлось желанія освободиться отъ нея. Это была болѣзнь, но болѣзнь, вызывавшая, вмѣсто страданія, чувство наслажденія, и слѣдующая за ней смерть рисовалась въ видѣ сладостнаго погруженія въ безконечность. Я рѣшился съ этого времени отдаваться этой тоскѣ всецѣло, запереться отъ могущаго меня развлечь общества, обречь себя на молчаніе, одиночество и холодность по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые могутъ встрѣтиться мнѣ на моемъ жизненномъ пути; я хотѣлъ, чтобы одиночество моей души было для меня какъ бы саваномъ, который, скрывая отъ меня людей, далъ бы возможность созерцать только природу и Бога“ [1]).

[1]) Raphaël, изд. Hachette, стр. 6.

Но нѣльзя оставаться только созерцателемъ пустоты,— она неминуемо должна поглотить человѣка; напрасно ей даютъ названіе безконечности; природа ея отъ этого не измѣняется. Когда сознаніе, что онъ не существуетъ, доставляетъ человѣку столько удовольствія, то всецѣло удовлетворить свою наклонность можно только путемъ совершеннаго отказа отъ существованія. Этотъ выводъ вполнѣ совпадаетъ съ отмѣченнымъ Гартманномъ параллелизмомъ между развитіемъ сознанія и ослабленіемъ любви къ жизни. Дѣйствительно, мысль и движеніе — это двѣ антагонистическія силы, измѣняющіяся въ отношеніи обратной пропорціональности; но движеніе есть въ то же самое время и жизнь. Говорятъ, что мыслить—значитъ удерживать себя отъ дѣйствія; это значитъ въ то же время и въ той же мѣрѣ—удерживать себя отъ жизни; вотъ почему абсолютное царство мысли невозможно,—такъ какъ оно есть смерть. Но это еще не значитъ, какъ говоритъ Гартманнъ, что дѣйствительность сама по себѣ нетерпима и выносима только тогда, когда она замаскирована иллюзіей. Тоска не присуща предметамъ; она не является продуктомъ міра, она есть созданіе нашей мысли. Мы сами создаемъ ее отъ начала до конца, и для этого нужно, чтобы наша мысль функціонировала ненормально. Если сознаніе человѣка дѣлается для него источникомъ несчастья, то это случается только тогда, когда оно достигаетъ болѣзненнаго развитія, когда, возставая противъ своей собственной природы, оно считаетъ себя абсолютомъ и въ себѣ самомъ ищетъ свою цѣль. Это состояніе настолько мало можетъ считаться результатомъ новѣйшей культуры, такъ мало зависитъ отъ завоеваній, сдѣланныхъ наукой, что мы можемъ заимствовать у стоицизма главнѣйшіе элементы его описанія. Стоицизмъ также учитъ, что человѣкъ долженъ отречься отъ всего, что лежитъ внѣ его, чтобы жить своимъ внутреннимъ міромъ и только съ помощью одного себя. Но, такъ какъ въ такомъ случаѣ жизнь лишается всякаго смысла, то эта доктрина ведетъ къ самоубійству.

Тотъ же самый характеръ носитъ и финалъ, являющійся логическимъ послѣдствіемъ этого моральнаго состоянія. Развязка не заключаетъ въ себѣ въ данномъ случаѣ ничего порывистаго и страстнаго. Человѣкъ точно опредѣляетъ часъ своей смерти и задолго напередъ составляетъ планъ ея выполненія; медленный способъ не отталкиваетъ его; послѣдніе моменты его жизни окрашены спокойной меланхоліей, иногда переходящей въ безконечную мягкость. Такой человѣкъ до самаго конца не прекращаетъ самоанализа. Образчикомъ такого случая можетъ служить разсказъ, передаваемый намъ Falret [1]): одинъ негоціантъ удалился въ мало посѣщаемый лѣсъ и обрекъ себя на голодную смерть. Въ продолженіе агоніи, длившейся около трехъ недѣль, онъ аккуратно велъ дневникъ, куда записывалъ всѣ свои впечатлѣнія; впослѣдствіи этотъ дневникъ дошелъ до насъ. Другой умираетъ отъ удушенія, раздувая ртомъ уголья, которые должны привести его къ смерти, и непрерывно записываетъ свои наблюденія: „Я не собираюсь больше показывать ни храбрости, ни трусости, я хочу только употребить оставшіеся у меня моменты для того, чтобы описать тѣ ощущенія, которыя испытываешь, задыхаясь, и продолжительность получаемыхъ отъ этого страданій [2]). Другой, прежде чѣмъ пойти навстрѣчу „плѣнительной перспективѣ покоя", какъ онъ выражается, изобрѣтаетъ сложный инструментъ, который долженъ былъ лишить его жизни такъ, чтобы на полу не осталось слѣдовъ крови [3]).

Не трудно замѣтить, что всѣ эти различныя особенности относятся къ эгоистическому самоубійству. Совершенно несомнѣнно, что онѣ являются слѣдствіемъ и выраженіемъ специфическаго характера именно этого вида самоубійствъ. Эта нелюбовь къ дѣйствію, это меланхоличная оторванность отъ окружающаго міра является результатомъ того преувеличеннаго индивидуализма, которымъ

[1]) Hypochondrie et suicide, стр. 316.
[2]) Brierre de Boismont, Du suicide, стр. 198.
[3]) Ibid., стр. 194.

мы охарактеризовали выше данный типъ самоубійствъ. Если индивидъ уединяется отъ людей, это значитъ, что нити, связывавшія его съ ними, ослабѣли или порвались; это значитъ, что общество въ тѣхъ точкахъ, гдѣ онъ съ нимъ соприкасался, недостаточно сплочено. Эти пустоты, разъединяющія отдѣльныя сознанія и дѣлающія ихъ чуждыми другъ другу, непосредственно происходятъ отъ распаденія соціальной ткани. Наконецъ, интеллектуальный и разсудочный характеръ этого типа самоубійствъ безъ труда объясняется, если вспомнить, что эгоистическое самоубійство необходимо сопровождается сильнымъ развитіемъ науки и рефлексіи. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно въ обществѣ, гдѣ сознаніе обычно вынуждено расширять свое поле дѣйствія, оно также очень часто расположено выходить за тѣ нормальныя границы, преступить которыя оно не можетъ, не уничтожая себя самого. Мысль, которая сомнѣвается во всемъ и въ то же самое время недостаточно сильна для того, чтобы нести всю тяжесть своего невѣдѣнья, рискуетъ начать сомнѣваться сама въ себѣ и утонуть въ сомнѣніи. Если ей не удается открыть смыслъ всѣхъ тѣхъ вещей, которыя ее интересуютъ—а было бы чудомъ, если бы она нашла возможность такъ быстро проникнуть столько тайнъ,—она лишаетъ ихъ всякой реальности,—и уже одинъ тотъ фактъ, что она ставитъ себѣ опредѣленную проблему, свидѣтельствуетъ о томъ, что она склоняется къ отрицательному выводу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она лишаетъ самоё себя всякаго положительнаго содержанія и, не находя передъ собой ничего такого, что бы ей сопротивлялось, она не находитъ другого исхода, какъ потеряться въ пустотѣ своихъ собственныхъ грезъ.

Но эта возвышенная форма эгоистическаго самоубійства не является единственной для него; оно можетъ имѣть и другую, болѣе вульгарную. Субъектъ часто вмѣсто того, чтобы грустно размышлять о своей судьбѣ, относится къ ней весело и легкомысленно. Онъ сознаетъ свой эгоизмъ и логически вытекающія изъ него послѣдствія, но онъ зара-

нѣе принимаетъ ихъ и продолжаетъ жить, какъ дитя или животное, съ тою только разницею, что онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ задается одною задачей—удовлетворять свои личныя потребности, даже упрощая ихъ для того, чтобы навѣрное быть въ состояніи удовлетворить ихъ. Зная, что ни на что другое онъ не можетъ надѣяться, онъ ничего другого и не требуетъ, всегда готовый, въ случаѣ, если онъ не будетъ въ состояніи достигнуть этой единственной цѣли, раздѣлаться со своимъ безсмысленнымъ существованіемъ. Къ этому типу принадлежитъ самоубійство, практиковавшееся у эпикурейцевъ. Эпикуръ не предписывалъ своимъ ученикамъ стремиться къ смерти, онъ совѣтовалъ имъ, наоборотъ, жить до тѣхъ поръ, пока жизнь представляетъ для нихъ какой-нибудь интересъ. Но, такъ какъ онъ чувствовалъ, что если у человѣка нѣтъ никакой другой цѣли, то каждую минуту онъ можетъ потерять и ту, которая у него есть, и что чувственное удовольствіе слишкомъ тонкая нить, чтобы прочно привязать человѣка къ жизни,—то онъ убѣждалъ ихъ быть всегда готовыми разстаться съ нею, по первому зову обстоятельствъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ, что философская мечтательная меланхолія уступаетъ мѣсто скептическому и разсудочному хладнокровію, особенно сильно проявляющемуся въ часъ послѣдней развязки. Здѣсь человѣкъ наноситъ себѣ ударъ безъ ненависти, безъ гнѣва, но и безъ того болѣзненнаго удовлетворенія, съ которымъ интеллектуалистъ смакуетъ свое самоубійство; первый еще безстрастнѣе второго; его не поражаетъ тотъ исходъ, къ которому онъ пришелъ. Это событіе, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, онъ хорошо предвидѣлъ; поэтому онъ не затрудняетъ себя долгими приготовленіями, а только, слѣдуя желаніямъ своего внутренняго „я“, старается уменьшить свои страданія. Такимъ обыкновенно бываетъ самоубійство хорошо пожившихъ людей, которые съ наступленіемъ неизбѣжнаго момента, когда становится невозможно продолжать свое легкое существованіе, убиваютъ себя съ

ироническимъ равнодушіемъ, спокойствіемъ и своеобразной простотой [1]).

Когда мы устанавливали альтруистической типъ самоубійствъ, мы иллюстрировали его достаточнымъ количествомъ примѣровъ, и намъ не передставляется необходимымъ дальнѣйшее описаніе характеризующихъ его психологическихъ формъ. Онѣ діаметрально противоположны тѣмъ, которыя обнаруживаются въ эгоистическомъ самоубійствѣ, подобно тому, какъ и самъ альтруизмъ является прямой антитезой эгоизму. Убивающій себя эгоистъ отличается полнымъ упадкомъ силъ, выражающимся или въ томительной меланхоліи, или въ эпикурейскомъ безразличіи. Альтруистическое самоубійство, наоборотъ, имѣя своимъ происхожденіемъ страстное чувство, происходитъ не безъ нѣкотораго проявленія энергіи. Въ случаяхъ обязательнаго самоубійства, эта энергія вкладывается въ распоряженіе разума или воли; субъектъ убиваетъ себя, потому что такъ велитъ ему его сознаніе, онъ дѣйствуетъ, подчиняясь извѣстному повелѣнію; поэтому его поступокъ характеризуется по преимуществу той ясной твердостью, которую рождаетъ чувство исполняемаго долга; смерть Катона является историческимъ образчикомъ этого типа. Въ другихъ случаяхъ, когда альтруизмъ принимаетъ особенно острыя формы, этотъ его актъ носитъ болѣе страстный и менѣе разсудочный характеръ. Тогда—передъ нами порывъ вѣры и энтузіазма, бросающій человѣка въ объятія смерти. Самъ по себѣ этотъ энтузіазмъ бываетъ радостнаго и мрачнаго характера, согласно тому, является-ли смерть способомъ соединиться съ горячо-любимымъ божествомъ или носитъ характеръ искупительной жертвы, предназначенной для умилостивленія жестокой и враждебной силы. Религіозный экстазъ фанатика, считающаго блаженствомъ быть раздавленнымъ колесницею своего идола, не то же самое, что

---

[1]) Примѣры этого случая можно найти у Brierre de Boismont стр. 494 и 506.

„acedia“ монаха или угрызенія совѣсти преступника, который кончаетъ съ собой для того, чтобы искупить свою вину.

Но подъ этими различными оттѣнками основныя черты явленія остаются неизмѣнными. Это — типъ активнаго самоубійства, являющагося, въ силу этого, контрастомъ того упадочнаго типа, о которомъ рѣчь шла выше.

Такой видъ встрѣчается даже среди болѣе простыхъ типовъ самоубійствъ; напримѣръ, онъ наблюдается у солдата, который убиваетъ себя вслѣдствіе того, что легкая обида запятнала его честь, или просто—съ цѣлью доказать свою храбрость. Но та легкость, съ которой совершаются подобнаго рода самоубійства, не должна быть смѣшиваема съ разсудочнымъ хладнокровіемъ эпикурейцевъ. Готовность человѣка пожертвовать своей жизнью не перестаетъ быть активной наклонностью даже тогда, когда она глубоко вкоренилась въ существо человѣка и оказываетъ на него вліяніе съ легкостью и самопроизвольностью инстинкта. Leroy передаетъ намъ фактъ, который можетъ служить примѣромъ этого. Дѣло касается офицера, который, послѣ того какъ уже разъ безуспѣшно пытался повѣситься, готовится возобновить покушеніе на свою жизнь, но предварительно заботится о томъ, чтобы записать свои послѣднія впечатлѣнія: „Странная судьба выпала мнѣ на долю“, пишетъ онъ. „Я только что пытался повѣситься, уже потерялъ сознаніе, но веревка оборвалась, и я упалъ на лѣвую руку... Окончивъ новыя приготовленія, я хочу снова попыться лишить себя жизни, но хочу выкурить еще одну трубку; я надѣюсь, послѣднюю. Первый разъ совершить самоубійство для меня не представляло никакой трудности; надѣюсь, что и теперь не будетъ никакого затрудненія. Я такъ же спокоенъ, какъ если бы я утромъ собирался выпить рюмку водки; безспорно, это нѣсколько странно, но, между тѣмъ, это дѣйствительно такъ. Все написанное правда. Я умру второй разъ со спокойной совѣстью“. [1]) Подъ этимъ спокойствіемъ не кроется

[1]) Leroy, op. cit., ст. 241.

ни иронiи, ни скептицизма, ни того особаго невольнаго содраганiя, котораго рѣшившiйся на самоубiйство прожигатель жизни никогда не могъ бы скрыть.

Спокойствiе—полное; никакихъ слѣдовъ самопринужденiя, актъ совершается отъ чистаго сердца, потому что всѣ дѣятельныя наклонности человѣка прокладываютъ ему путь.

Наконецъ, существуетъ третiй типъ самоубiйствъ, отличающiйся отъ перваго тѣмъ, что совершенiе его всегда носитъ характеръ страстности, а отъ вторыхъ—тѣмъ, что вдохновляющая его страсть совершенно иного происхожденiя. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ энтузiазмѣ, религiозной вѣрѣ, морали или политикѣ, ни о какой-нибудь военной доблести; здѣсь играетъ роль гнѣвъ и все то, что обыкновенно сопровождаетъ разочарованiе. Brierre de Boismont, разсмотрѣвшiй воспоминанiя 1507 самоубiйцъ, констатировалъ тотъ фактъ, что большинство изъ нихъ было проникнуто отчаяньемъ и раздраженiемъ. Иногда они выражались въ проклятiяхъ, въ горячемъ протестѣ противъ жизни вообще; иногда это были жалобы на опредѣленное лицо, которое самоубiйца считалъ отвѣтственнымъ за всѣ свои несчастiя. Къ этой группѣ, очевидно, относятся самоубiйства, являющiяся какъ бы дополненiемъ предварительно совершеннаго убiйства; человѣкъ лишаетъ себя жизни, убивъ передъ этимъ того, кого онъ считаетъ отравившимъ ему жизнь. Нигдѣ отчаянье самоубiйцы не проявляется такъ сильно, какъ въ этихъ случаяхъ; вѣдь тутъ оно обнаруживается не только въ словахъ, но и въ поступкахъ. Убивающiй себя эгоистъ никогда не допуститъ себя до такихъ дикихъ насилiй; случается, конечно, что и онъ пеняетъ на жизнь, но въ болѣе жалобномъ тонѣ; жизнь угнетаетъ его, но не вызываетъ остраго чувства раздраженiя; онъ скорѣе ощущаетъ ея пустоту, чѣмъ ея печали; она не интересуетъ его, но и не внушаетъ ему положительныхъ страданiй; то состоянiе подавленности, въ которомъ онъ находится, не допускаетъ его даже терять самообладанiя. Что же касается до альтруиста, то онъ находится совсѣмъ въ другомъ со-

стояніи. Онъ приноситъ въ жертву себя, а не своихъ близкихъ.

Такимъ образомъ передъ нами особый, отличный отъ предыдущихъ, психическій феноменъ; онъ характеризуетъ собою природу аномичнаго самоубійства. Въ самомъ дѣлѣ, акты, лишенные планомѣрности и регулярности, не согласующіеся ни между собой, ни съ тѣми условіями, которымъ они должны отвѣчать, не могутъ уберечься отъ болѣзненнаго между собой столкновенія. Аномія, независимо отъ того, прогрессивна она или регрессивна, освобождая желанія отъ всякаго ограниченія, широко открываетъ дверь иллюзіямъ, а, слѣдовательно, и разочарованію. Человѣкъ, внезапно вырванный изъ тѣхъ условій, къ которымъ онъ привыкъ, не можетъ не впасть въ отчаяніе, чувствуя, что изъ-подъ ногъ его ускользаетъ та почва, хозяиномъ которой онъ себя считалъ; и отчаяніе его, конечно, обращается въ сторону той причины, — реальной или воображаемой, — которой онъ приписываетъ свое несчастіе. Если онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за то, что случилось, то гнѣвъ его обращается противъ него самого; если виноватъ не онъ, то—противъ другого. Въ первомъ случаѣ самоубійства не бываетъ, во второмъ оно можетъ слѣдовать за убійствомъ или за какимъ-нибудь другимъ проявленіемъ насилія. Чувство въ обоихъ случаяхъ одно и то же,—измѣняется только его проявленіе. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ всегда лишаетъ себя жизни въ гнѣвномъ состояніи, если даже его самоубійству и не предшествовало никакого убійства. Нарушеніе всѣхъ его привычекъ вызываетъ въ немъ острое раздраженіе, которое ищетъ исхода въ какомъ-нибудь разрушительномъ поступкѣ. Объектъ, на котораго изливается этотъ образовавшійся такимъ образомъ избытокъ страсти, играетъ второстепенную роль. Отъ случая зависитъ, въ какомъ направленіи разрядится накопленный запасъ энергіи.

То же самое наблюдается и тогда, когда человѣкъ отнюдь не опускается, а, наоборотъ, непрерывно стремится, но безъ нормы и мѣры, превзойти самого себя. Иногда онъ

теряетъ ту цѣль, достигнуть которой онъ считаетъ себя способнымъ, но которая на самомъ дѣлѣ превосходила его силы; это — самоубійства непризнанныхъ людей, часто встрѣчающіяся въ эпоху, когда нарушена всякая опредѣленная классификація. Иногда же случается, что послѣ того, какъ человѣку въ теченіе долгаго времени удавалось удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ и желаніямъ, онъ наталкивается на такое препятствіе, которое у него не хватаетъ силы побѣдить, и онъ нетерпѣливо спѣшитъ прекратить существованіе, которое съ этого момента становится для него полнымъ лишеній. Въ такомъ положеніи находился Вертеръ, неугомонное сердце, какъ онъ самъ себя называлъ, человѣкъ, влюбленный въ безконечное, убивающій себя оттого, что любовь его была безотвѣтна. Таковы тѣ артисты, которые долгое время наслаждались блестящимъ успѣхомъ и убиваютъ себя послѣ одного услышаннаго свистка, или прочитавъ о себѣ слишкомъ суровую критику, или потому, что мода на нихъ начинаетъ проходить [1]).

Существуютъ и такіе самоубійцы, которые не могутъ пожаловаться ни на людей, ни на обстоятельства, а сами по себѣ устаютъ въ безконечной погонѣ за недостижимой цѣлью, въ которой желанія ихъ не только не удовлетворяются, но возбуждаются еще сильнѣе; тогда они возмущаются жизнью и обвиняютъ ее въ томъ, что она обманула ихъ. Между тѣмъ, то тщетное возбужденіе, во власти котораго они находились, оставляетъ послѣ себя особаго рода изнеможеніе; мѣшающее ослабѣвшимъ страстямъ проявляться съ тою же силой, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ; онѣ какъ-бы утрачиваютъ свою силу, и поэтому съ меньшей энергіей оказываютъ свое вліяніе на человѣка; индивидъ, такимъ образомъ, впадаетъ въ состояніе меланхоліи и до нѣкоторой степени напоминаетъ собою интеллектуальнаго эгоиста, но не ощущаетъ въ своей меланхоліи

[1]) См. примѣры такихъ случаевъ у Brierre de Boismont стр. 187—189.

присущей этому послѣднему томительной прелести; въ немъ доминируетъ болѣе или менѣе сильное отвращеніе къ жизни. Подобное состояніе у своихъ современниковъ уже наблюдалъ Сенека одновременно съ вытекающими изъ него самоубійствами. „Поражающее насъ зло находится не около насъ, оно—въ насъ самихъ. Мы лишены силъ что-либо перенести, не въ состояніи вытерпѣть страданія, нетерпѣливы, не можемъ наслаждаться радостью. Сколько людей призываютъ смерть потому, что, испробовавъ всѣ возможныя перемѣны, они приходятъ къ заключенію, что имъ знакомы уже всѣ ощущенія и ничего новаго они испытать не могутъ [1]). Въ новѣйшей литературѣ наиболѣе яркимъ представителемъ такого типа является Рене у Шатобріана. Въ то время, какъ Рафаель—мечтатель, погружающійся въ себя,—Рене ненасытенъ: „меня упрекаютъ въ томъ, восклицаетъ онъ съ горечью, что у меня непостоянные вкусы, что одна и та же химера не въ состояніи долго занимать меня, что я вѣчно нахожусь во власти воображенія, которое стремится возможно скорѣе исчерпать дно моихъ желаній, какъ будто ихъ наличность его удручаетъ; меня обвиняютъ въ томъ, что я всегда ставлю себѣ цѣль, которой не могу достигнуть; увы! я только ищу неизвѣстное благо, которое я инстинктивно чувствую. Не моя въ томъ вина, что я повсюду нахожу препятствія и что все уже достигнутое теряетъ для меня всякую цѣнность? [2]) Это описаніе довершаетъ характеристику тѣхъ чертъ сходства и различія между самоубійствомъ эгоистическимъ и аномичнымъ, которыя уже были выше установлены нашимъ соціологическимъ анализомъ. Самоубійцы и того и другого типа страдаютъ тѣмъ, что можно называть „болѣзнью безконечности“, но въ обоихъ случаяхъ эта болѣзнь принимаетъ неодинаковыя формы. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ разсудочнымъ умомъ, который

---

[1]) De tranquillitate animi, II, sub fine. Ср. письмо XXIV.
[2]) René, édition Vialat, 1849, стр. 112.

испытываетъ болѣзненное измѣненіе и чрезмѣрно гипертрофируется, во второмъ случаѣ дѣло идетъ о чрезмѣрной и нерегулярной чувствительности. У одного—мысль, возвращаясь все время къ самой себѣ, теряетъ наконецъ всякій объектъ, у другого—не знающая границъ страсть не видитъ впереди никакой цѣли; первый теряется въ безконечности мечтаній, второй — въ безднѣ желаній.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что психологическая формула самоубійцы не такъ проста, какъ это обыкновенно думаютъ. Сказать, что онъ усталъ, испытываетъ отвращеніе къ жизни, еще не значитъ опредѣлить эту формулу. На самомъ дѣлѣ существуютъ самые различные типы самоубійцъ, и эти различія ощущаются особенно сильно въ томъ способѣ, которымъ совершается самоубійство. Можно такимъ путемъ распредѣлить самоубійства и самоубійцъ на опредѣленное количество видовъ; они должны совпадать въ ихъ существенныхъ чертахъ съ типами, установленными нами выше, согласно природѣ тѣхъ соціальныхъ причинъ, отъ которыхъ они зависятъ; они являются какъ бы продолженіемъ этихъ соціальныхъ фактовъ во внутреннемъ мірѣ индивида.

Необходимо прибавить, что они не всегда наблюдаются въ опытѣ въ чистомъ видѣ; часто случается, что они комбинируются между собою и даютъ начало сложнымъ видамъ; признаки, принадлежащіе нѣсколькимъ изъ нихъ, встрѣчаются одновременно въ одномъ и томъ же самоубійствѣ. Причиной этого явленія служитъ то обстоятельство, что различныя причины самоубійства могутъ одновременно оказывать свое дѣйствіе на одного и того же индивида, и такимъ образомъ результаты ихъ перемѣшиваются. Такъ, мы видимъ часто больного, подверженнаго различнымъ бредовымъ идеямъ, которыя перепутываются между собою, но все же воздѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи и, несмотря на различное происхожденіе, приводятъ къ одному и тому же поступку; они взаимно усиливаютъ другъ друга. Такимъ же образомъ, различныя лихорадки, соеди-

няясь у одного и того же субъекта, способствуютъ каждая поднятію температуры его тѣла.

Существуютъ два фактора самоубійства, обладающіе по отношенію другъ къ другу особымъ сходствомъ, — это эгоизмъ и аномія. Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно, что обыкновенно они представляютъ собою только двѣ различныя стороны одного и того же соціальнаго состоянія, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они могутъ встрѣтиться у одного и того же индивида. Даже почти неизбѣжно бываетъ такъ, что у эгоиста замѣчается наклонность къ безпорядочности: такъ какъ онъ оторванъ отъ общества, послѣднее уже не можетъ регулировать его внутренняго міра. Если же, тѣмъ не менѣе, желанія его разгораются чрезмѣрно, то это происходитъ вслѣдствіе того, что жизнь страстей течетъ у него очень медленно, что взоры его обращены всецѣло на него самого и окружающій міръ не привлекаетъ его. Но можетъ случиться, что человѣкъ не будетъ ни полнымъ эгоистомъ, ни ярко эмоціональнымъ типомъ; въ такомъ случаѣ онъ соединяетъ въ себѣ двѣ соперничающія между собою личности. Для того, чтобы заполнить пустоту, которую онъ ощущаетъ внутри себя, онъ ищетъ новыхъ ощущеній; правда, въ это исканіе онъ вкладываетъ меньше горячности, чѣмъ человѣкъ, дѣйствительно страстный, но зато онъ быстрѣе устаетъ, чѣмъ этотъ послѣдній, и эта усталость снова направляетъ его вниманіе на самого себя и усиливаетъ его первоначальную меланхолію. Наоборотъ, дезорганизаторская тенденція не можетъ не содержать въ себѣ зачатка эгоизма, такъ какъ нельзя возстать противъ всякихъ соціальныхъ узъ, будучи въ сильной степени соціализированнымъ человѣкомъ. Только тамъ, гдѣ первенствующую роль играетъ аномія, зачатокъ этотъ не имѣетъ возможности развиться, потому что аномія, заставляя человѣка выходить изъ границъ, тѣмъ самымъ мѣшаетъ ему уединиться въ самомъ себѣ. Но въ томъ случаѣ, если дѣйствіе аноміи менѣе интенсивно, она позволяетъ въ извѣстной степени эгоизму проявить себя. Напримѣръ, то

препятствіе, на которое наталкивается ненасытное желаніе человѣка, можетъ заставить его обратиться къ своему внутреннему міру и поискать въ немъ отвлекающаго средства противъ своихъ потерпѣвшихъ крушеніе страстей. Но такъ какъ онъ не находитъ тамъ ничего такого, за что онъ могъ бы прочно ухватиться, и такъ какъ тоска, которую въ немъ вызываетъ созерцаніе этого зрѣлища, можетъ только усилить желаніе бѣжать отъ самого себя, то, конечно, вслѣдствіе всего этого, его безпокойство и недовольство только возрастаютъ. Такимъ образомъ возникаетъ типъ смѣшанныхъ самоубійствъ, гдѣ подавленность чередуется съ возбужденіемъ, мечта съ дѣйствительностью, порывы желаній съ меланхолическими размышленіями.

Аномія можетъ точно также сочетаться и съ альтруизмомъ. Одинъ и тотъ же кризисъ можетъ потрясти существованіе индивида, нарушить равновѣсіе между нимъ и его средой, и, въ то-же самое время, обратить его альтруистическія наклонности въ состояніе, возбуждающее въ немъ мысль о самоубійствѣ. Это—тотъ случай, который мы называемъ самоубійствомъ одержимыхъ. Если, напримѣръ, евреи въ большомъ количествѣ лишали себя жизни во время взятія Іерусалима, то дѣлали это потому, что, во-первыхъ, побѣда надъ ними римлянъ, превращая ихъ въ подданныхъ и данниковъ, тѣмъ самымъ мѣняла тотъ образъ жизни, къ которому они уже привыкли, а во-вторыхъ, потому, что они слишкомъ были преданы своему культу и слишкомъ любили свой городъ, для того, чтобы пережить неминуемое разрушеніе того и другого. Точно также часто случается, что разорившійся человѣкъ лишаетъ себя жизни какъ потому, что онъ не хочетъ жить въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ и потому, что онъ хочетъ спасти свое имя и имя своей семьи отъ позора банкротства. Если офицеры и унтеръ-офицеры съ легкостью лишаютъ себя жизни въ тѣхъ случаяхъ, когда они вынуждены подать въ отставку, то это также вызывается какъ мыслью о той перемѣнѣ, которая должна произойти въ ихъ образѣ жизни, такъ и

ихъ общимъ предрасположеніемъ считать жизнь за ничто. Двѣ различныя причины дѣйствуютъ здѣсь въ одномъ и томъ же направленіи. Результатомъ ихъ являются самоубійства, въ которыхъ страстная экзальтація или непоколебимая твердость альтруистическаго самоубійства соединяются съ безумнымъ отчаяньемъ, являющимся продуктомъ аноміи.

Наконецъ, эгоизмъ и альтруизмъ, двѣ полныя противоположности, могутъ скрещиваться въ своемъ воздѣйствіи на человѣка. Въ извѣстное время, когда распавшееся общество не можетъ уже болѣе концентрировать индивидуальную дѣятельность, бываютъ, тѣмъ не менѣе, индивиды или группы индивидовъ, которые, испытывая на себѣ это общее состояніе эгоизма, стремятся къ чему-то другому. Прекрасно чувствуя, что нельзя уйти отъ самого себя, переходя отъ однихъ эгоистическихъ удовольствій къ другимъ, и сознавая, что быстро текущія радости, даже непрестанно обновляемыя, никогда не могутъ усмирить ихъ безпокойства,— они ищутъ болѣе длительнаго объекта для своей привязанности, который могъ бы дать имъ смыслъ въ жизни, но такъ какъ они не дорожатъ ничѣмъ реальнымъ, то получить нѣкоторое удовлетвореніе они могутъ только тогда, когда создадутъ для себя идеальный объектъ. Мысль ихъ создаетъ это воображаемое бытіе, они дѣлаются его слугами и отдаются ему съ тѣмъ большей исключительностью, что они ненавидятъ все остальное, даже самихъ себя. Весь смыслъ жизни вкладываютъ они въ свой идеалъ, и ничто иное не имѣетъ для нихъ цѣны. Они живутъ, такимъ образомъ, двойной, полной противорѣчій жизнью: являются индивидуалистами по отношенію ко всему, что касается реальнаго міра, и безграничными альтруистами по отношенію къ вышеупомянутому идеальному объекту. А мы знаемъ, что оба эти состоянія неизбѣжно ведутъ человѣка къ самоубійству.

Таковы признаки и источники стоическаго самоубійства; мы указали сейчасъ, какимъ образомъ въ немъ про-

являются существенныя черты эгоистическаго самоубійства, но онѣ могутъ проявляться и другимъ образомъ. Если стоикъ учитъ абсолютному безразличію ко всему, что выходитъ за предѣлы его индивидуальнаго „я", если онъ заставляетъ индивида довольствоваться самимъ собою, то онъ въ то же время ставитъ его въ тѣсную зависимость отъ вселенскаго разума и низводитъ его до положенія орудія, съ помощью котораго этотъ разумъ реализуется. Такимъ образомъ, стоикъ сочетаетъ двѣ противоположныя концепціи: моральный индивидуализмъ въ наиболѣе радикальной формѣ и крайній пантеизмъ. Такимъ образомъ, рекомендуемое имъ самоубійство является одновременно безстрастнымъ, какъ у эгоиста, и облеченнымъ въ форму долга, какъ у альтруиста [1]). Въ немъ проявляются меланхолія одного и дѣятельная энергія другого; эгоизмъ въ немъ перемѣшивается съ мистицизмомъ. Между прочимъ, это смѣшеніе отличаетъ мистицизмъ, присущій эпохамъ паденія, отъ того, чрезвычайно отличнаго отъ него, несмотря на одинаковую внѣшность, мистицизма, который наблюдается у молодыхъ народовъ въ періодъ формированія. Первый вытекаетъ изъ коллективнаго порыва, увлекающаго по одному пути самыхъ различныхъ людей, изъ самоотверженія, съ которымъ люди забываютъ себя во имя общаго дѣла; второй является эгоизмомъ, занятымъ только собой, тѣмъ „ничто", которое старается превзойти себя, но достигаетъ этого только по видимости и искусственнымъ образомъ.

II.

A priori можно подумать, между природой самоубійства и видомъ смерти, который выбираетъ для себя самоубійца, существуетъ какое-нибудь соотношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, представляется вполнѣ естественнымъ, что тѣ средства, ко-

---

[1]) Сенека восхваляетъ самоубійство Катона—какъ образчикъ тріумфа человѣческой воли надъ вещами. (См. De Prov., 2, 9 и Ep., 71, 16).

торыя онъ употребляетъ для выполненія своего рѣшенія, находятся въ зависимости отъ вызывающихъ его поступокъ чувствъ и, слѣдовательно, выражаютъ ихъ. Поэтому, можетъ явиться попытка воспользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя на этотъ счетъ даютъ намъ статистики, и дать болѣе обстоятельную характеристику самоубійствъ по внѣшнимъ формамъ ихъ осуществленія. Но всѣ попытки, которыя мы предприняли въ этомъ смыслѣ, дали намъ только отрицательные результаты.

Между тѣмъ, несомнѣнно, что выборъ способа смерти, зависитъ только отъ соціальныхъ причинъ, такъ какъ относительное число различныхъ способовъ самоубійствъ въ теченіе долгаго времени остается неизмѣннымъ въ рамкахъ одного и того же общества, тогда какъ оно чувствительно измѣняется при переходѣ отъ одного общества къ другому. На это намъ указываетъ слѣдующая таблица:

ТАБЛИЦА XXX.

Относительное число различныхъ видовъ смертей на 1.000 самоубійствъ (оба пола вмѣстѣ).

Страны и года.		Удавившіеся и повѣсившіеся	Утопленники	Застрѣлившіеся	Бросившіеся съ высоты	Отравившіеся	Задохнувшіеся.
Франція.....	1872	426	269	103	28	20	69
» »	1873	430	298	106	30	21	67
» »	1874	440	269	122	28	23	72
» »	1875	446	294	107	31	19	63
Пруссія	1872	610	197	102	6,9	25	3
» »	1873	597	217	95	8,4	25	4,6
» »	1874	610	162	126	9,1	28	6,5
» »	1875	615	170	105	9,5	35	7,7
Англія	1872	374	221	38	30	91	—
» »	1873	366	218	44	20	97	—
» »	1874	374	176	58	20	94	—
» »	1875	362	208	45	—	97	—
Италія	1874	174	305	236	106	60	13,7
» »	1875	173	273	251	104	62	31,4
» »	1876	125	246	285	113	69	29
» »	1877	176	299	238	111	55	22

Такимъ образомъ, мы видимъ, что у каждаго народа есть свой излюбленный видъ смерти, и порядокъ его предпочтеній очень рѣдко измѣняется. Онъ даже постояннѣе, чѣмъ общее число самоубійствъ: обстоятельства, которыя иногда слегка измѣняютъ второе, совершенно не затрогиваютъ перваго. Больше того, соціальныя причины имѣютъ настолько преобладающее значеніе, что вліяніе космическихъ факторовъ дѣлается незамѣтнымъ. Такимъ образомъ, число утопленниковъ не измѣняется, вопреки всѣмъ предположеніямъ, въ зависимости отъ времени года, согласно какому-либо спеціальному для этого закону. Вотъ каково было ихъ помѣсячное распредѣленіе во Франціи въ теченіе періода 1872—78 г. въ сравненіи съ распредѣленіемъ числа самоубійствъ вообще:

Доля каждаго мѣсяца въ 1.000 годовыхъ самоубійствъ.

	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Всѣхъ видовъ .	75,8	66,5	84,8	97,3	103,1	109,9	103,5	86,3	74,3	74,1	65,2	59,2
Утопленниковъ.	73,5	67,0	81,9	94,4	106,4	117,3	107,7	91,2	71,0	74,3	61,0	54,2

Мы видимъ, что число утопленниковъ повышается въ теченіе лѣта лишь чуть-чуть сильнѣе, чѣмъ число самоубійцъ вообще; разница очень незначительна. И, однако, лѣто должно было бы благопріятствовать этому виду самоубійствъ. Правда, говорятъ, что утопленниковъ бываетъ больше на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и объясняютъ это обстоятельство вліяніемъ климата [1]). Но въ Копенгагенѣ въ теченіе періода 1845—1856 этотъ способъ самоубійства встрѣчался не менѣе часто, чѣмъ въ Италіи (281 случай вмѣсто 300). Въ С.-Петербургѣ въ 1873—74 гг. способъ этотъ примѣнялся чаще всѣхъ другихъ. Слѣдовательно, темпера-

[1]) Morselli, стр. 445—446.

тура не представляетъ этому роду смерти никакихъ препятствій.

Однако, соціальныя причины, отъ которыхъ зависятъ вообще самоубійства, отличаются отъ тѣхъ, которыя опредѣляютъ способъ ихъ выполненія, такъ какъ нельзя установить никакого соотношенія между различаемыми нами типами самоубійствъ и наиболѣе распространенными способами ихъ выполненія. Италія—страна глубоко католическая; научная культура ея вплоть до настоящаго времени была развита очень слабо; можно было бы предполагать, что альтруистическій видъ самоубійствъ распространенъ въ ней больше, чѣмъ во Франціи и Германіи, ибо между нимъ и уровнемъ интеллектуальнаго развитія наблюдается до извѣстной степени обратная пропорціональность. Въ концѣ этой книги мы приводимъ нѣсколько доказательствъ этой гипотезы. Слѣдовательно, въ силу того, что самоубійство путемъ огнестрѣльнаго оружія тамъ чаще встрѣчается, чѣмъ въ странахъ, расположенныхъ въ центрѣ Европы, можно подумать, что этотъ способъ убивать себя находится въ зависимости отъ альтруизма. Можно даже, въ подтвержденіе этого предположенія, сослаться на то, что этотъ способъ самоубійства — предпочитается солдатами. Оказывается, однако, что во Франціи наиболѣе интеллигентная часть населенія—писатели, артисты, чиновники—лишаетъ себя жизни этимъ способомъ [1]). Точно такъ-же можетъ показаться, что меланхолическое самоубійство всего чаще выражается въ повѣшеніи; между тѣмъ, въ дѣйствительности, оно всего чаще встрѣчается въ деревняхъ, хотя меланхолія болѣе присуща городскимъ жителямъ.

Какъ мы видимъ, тѣ причины, которыя толкаютъ человѣка на самоубійство, и тѣ, которыя заставляютъ его выбрать опредѣленный родъ смерти, неодинаковы; условія, опредѣляющія его выборъ, имѣютъ совсѣмъ иное происхожденіе. Во-первыхъ, совокупность привычекъ и всевоз-

---

[1]) См. Lisle op. cit., стр. 94.

можныхъ обстоятельствъ заставляетъ его выбрать то, а не иное орудіе смерти. Слѣдуя постоянно по пути наименьшаго сопротивленія, до тѣхъ поръ, пока на сцену не появляется новый факторъ, человѣкъ хватается за то орудіе, которое у него находится непосредственно подъ руками и которое ежедневное употребленіе сдѣлало для него наиболѣе привычнымъ. Вотъ почему, напримѣръ, въ большихъ городахъ чаще бросаются съ возвышенныхъ мѣстъ: тамъ дома выше, чѣмъ въ деревняхъ. Точно такъ же по мѣрѣ того, какъ земной шаръ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ, явился новый способъ лишать себя жизни, бросаясь подъ поѣздъ. Такимъ образомъ, таблица различныхъ способовъ самоубійства, въ общей картинѣ добровольныхъ смертей является показателемъ усовершенствованія промышленной техники, наиболѣе распространенной архитектуры, научныхъ знаній и т. д. Когда электричество будетъ болѣе распространено, то участятся самоубійства посредствомъ электрическаго тока.

Но причины здѣсь могутъ быть еще болѣе наглядны; онѣ зависятъ отъ того достоинства, которое имѣютъ различные виды самоубійствъ въ глазахъ каждаго народа или— въ предѣлахъ одного народа — въ глазахъ извѣстныхъ соціальныхъ группъ. Въ самомъ дѣлѣ, различные виды смерти занимаютъ разныя мѣста; нѣкоторые считаются болѣе благородными, другіе болѣе вульгарными и даже унизительными, и способъ ихъ оцѣнки различенъ у разныхъ соціальныхъ группъ. Въ арміи, напримѣръ, обезглавленіе считается позорной смертью; въ другихъ случаяхъ унизительнымъ считается повѣшеніе. Вотъ почему повѣшеніе распространено въ деревняхъ гораздо больше, чѣмъ въ городахъ, и въ маленькихъ городахъ гораздо болѣе, чѣмъ въ большихъ; это объясняется тѣмъ, что этотъ видъ смерти носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то грубаго и дикаго, что оскорбляетъ утонченность городскихъ нравовъ и тотъ культъ, который городскіе классы населенія поддерживаютъ по отношенію къ человѣческой личности. Можетъ быть, отвращеніе къ этому виду смерти, проистекаетъ еще отъ

того позорнаго характера, который приданъ этому способу умерщвленія по причинамъ историческаго порядка и который утонченный городской житель воспринимаетъ съ большею живостью и чувствительностью, чѣмъ деревенскій.

Слѣдовательно, видъ смерти, избранный самоубійцей, есть явленіе, совершенно не зависящее отъ самой природы самоубійства. Какъ ни тѣсно связаны на первый взглядъ эти два элемента одного и того же акта, но, на самомъ дѣлѣ, они не зависятъ другъ отъ друга; во всякомъ случаѣ, они обнаруживаютъ только внѣшнее совпаденіе, такъ какъ, не смотря на то, что оба они зависятъ отъ соціальныхъ причинъ, выражаемыя ими соціальныя состоянія далеко не одинаковы; первое нисколько не объясняетъ намъ второго и требуетъ совершенно самостоятельнаго изученія. Вотъ почему, несмотря на то, что обыкновенно изслѣдователи очень обстоятельно говорятъ о способахъ смерти, мы больше не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ. Это ничего не прибавило бы къ тѣмъ результатамъ, которые дали наши предыдущія изысканія и которые могутъ быть резюмированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Этіологическая и морфологическая классификація соціальныхъ типовъ самоубійства.

Обнаруживаемыя ими индивидуальныя формы.

Основной характеръ.		Второстепенныя варіаціи.	
Элементарные типы.	Эгоистическое самоубійство.	Безстрастіе	Вялая меланхолія, услаждающаяся собою. Разсудоч. равнодушіе скептика.
	Альтруистическое самоуб.	Страстная или волевая энергія.	Со спокойнымъ чувствомъ долга. Съ мистич. энтузіазмомъ. Со спокойной храбростью.
	Аномичное самоубійство.	Раздраженіе, Отвращеніе.	Горячій протестъ противъ жизни вообще. Горячій протестъ противъ опредѣленнаго лица (убійство, сопровождаемое самоубійствомъ).

Основной характеръ.		Второстепенныя варіаціи.
Смѣшанные типы.	Эгоистично-аномичное самоубійство.	Смѣсь возбужденія и безстрастія, дѣйствія и мечтательности.
	Самоуб. аномично-альтруистическое.	Возбужденное отчаяніе.
	Самоуб. эгоистично-альтруистическое.	Меланхолія, умѣряемая извѣстною моральною твердостью.

Таковы главные признаки различныхъ самоубійствъ, т. е. тѣ, которые являются непосредственнымъ результатомъ соціальныхъ причинъ. Индивидуализируясь въ частныхъ случаяхъ, они принимаютъ различные оттѣнки въ зависимости отъ личнаго темперамента самоубійцы и спеціальныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ поставленъ. Но среди образовавшихся, такимъ образомъ, различныхъ комбинацій, все же всегда можно отыскать основныя формы.

КНИГА III.

О самоубійствѣ, какъ соціальномъ явленіи вообще.

Глава I.

Соціальный элементъ въ самоубійствѣ.

Теперь, когда мы познакомились съ факторами, въ зависимости отъ которыхъ измѣняется соціальный процентъ самоубійствъ, мы можемъ съ точностью опредѣлить природу той реальности, которой онъ соотвѣтствуетъ и которую онъ выражаетъ въ числахъ.

I.

Индивидуальныя условія, которымъ a priori можно приписать вліяніе на самоубійство, бываютъ двухъ родовъ.

Во-первыхъ, существуютъ внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ находится самоубійца: иногда люди, лишающіе себя жизни, страдаютъ отъ семейныхъ огорченій, отъ оскорбленнаго самолюбія, иногда они удручены бѣдностью и болѣзнью, иногда же ихъ мучатъ укоры совѣсти и т. д. Но мы уже видѣли, что эти индивидуальныя особенности не въ состояніи объяснить соціальнаго процента самоубійствъ,— потому что онъ довольно существенно измѣняется, въ то время какъ различныя комбинаціи обстоятельствъ, непосредственно предшествующихъ отдѣльнымъ самоубійствамъ, сохраняютъ почти ту же относительную частоту. Это доказываетъ, что онѣ не являются рѣшающими причинами того

акта, которому онѣ предшествуютъ. Та выдающаяся роль, которую онѣ иногда играютъ въ рѣшеніи, не является еще доказательствомъ ихъ силы. Въ самомъ дѣлѣ, не безызвѣстно, что выводы, до которыхъ человѣкъ дошелъ путемъ сознательнаго размышленія, часто бываютъ только формальными и не имѣютъ другого результата, кромѣ укрѣпленія прежняго рѣшенія, принятаго по причинамъ, для сознанія совершенно неизвѣстнымъ.

Кромѣ того, обстоятельства, которыя кажутся причинами самоубійства потому только, что онѣ часто его сопровождаютъ, насчитываются въ неограниченномъ числѣ. Одинъ убиваетъ себя, живя въ богатствѣ, другой въ бѣдности; одинъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, другой при помощи развода разорвалъ брачныя узы, дѣлавшія его несчастнымъ. Здѣсь лишаетъ себя жизни солдатъ, который былъ несправедливо наказанъ за преступленіе, которое онъ не сдѣлалъ, тамъ преступникъ убиваетъ себя потому, что его преступленіе осталось не наказаннымъ. Событія жизни, самыя разнообразныя и иногда противоположныя, могутъ явиться поводомъ къ самоубійству, а это значитъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо его специфической причиной. Быть можетъ, возможно, по крайней мѣрѣ, искать эту причину въ томъ общемъ характерѣ, который свойственъ всѣмъ имъ? Но существуетъ-ли онъ въ дѣйствительности? Самое большое, что можно сказать,—это то, что этотъ общій характеръ заключается въ непріятностяхъ и огорченіяхъ, но совершенно нельзя опредѣлить, какой интенсивности должно достигнуть горе, чтобы привести человѣка къ такой трагической развязкѣ. Не существуетъ ни одного самаго незначительнаго недовольства, о которомъ можно было бы утверждать, что оно не сдѣлается нестерпимымъ, точно также, какъ нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы оно непремѣнно сдѣлалось нестерпимымъ. Мы видимъ иногда, что люди переносятъ ужасныя несчастія въ то время, какъ другіе убиваютъ себя изъ-за незначительной досады. Мы уже имѣли случай указать, что инди-

виды, жизнь которыхъ особенно тяжела, не принадлежатъ къ числу людей, убивающихъ себя наиболѣе часто. Скорѣе, наоборотъ, избытокъ удобствъ жизни вооружаетъ человѣка противъ себя самого. Тѣ классы общества легче разстаются съ жизнью, которымъ свободнѣе и легче живется, и въ тѣ эпохи, когда свободы этой всего больше; если и случается въ дѣйствительности, что личное состояніе самоубійцы является основной причиной принятаго имъ рѣшенія, то это бываетъ чрезвычайно рѣдко и, слѣдовательно, не можетъ служить объясненіемъ соціальнаго процента самоубійствъ.

И даже тѣ изслѣдователи, которые приписываютъ наибольшее вліяніе индивидуальнымъ условіямъ, ищутъ ихъ не столько во внѣшнихъ случайностяхъ, сколько во внутренней природѣ субъекта, т. е. въ біологической его конструкціи и той физической среды, отъ которой она зависитъ. Самоубійство изображаютъ поэтому, какъ продуктъ извѣстнаго темперамента, какъ эпизодъ неврастеніи, подчиненный дѣйствію тѣхъ же факторовъ, какъ и она. Но мы не нашли никакого непосредственнаго и правильнаго соотношенія между неврастеніей и соціальнымъ процентомъ самоубійствъ. Случается, что эти два явленія измѣняются въ обратномъ смыслѣ и что одно достигаетъ минимума тамъ, гдѣ другое находится въ апогеѣ. Мы не нашли также никакихъ опредѣленныхъ соотношеній между движеніемъ самоубійствъ и состояніемъ физической среды, которая, какъ говорятъ, оказываетъ на нервную систему особенно сильное вліяніе, какъ, напримѣръ, раса, климатъ, температура. И если даже признать, что при извѣстныхъ условіяхъ невропатъ проявляетъ нѣкоторое предрасположеніе къ самоубійству, то это еще не значитъ, что ему предназначено судьбой лишать себя жизни; и воздѣйствіе космическихъ факторовъ не въ состояніи сообщить вполнѣ точное и опредѣленное направленіе этимъ чрезвычайно общимъ наклонностямъ его природы.

Совершенно другіе результаты мы получили, когда, оставивъ въ сторонѣ самого индивида, стали искать въ природѣ самихъ обществъ причины того предрасположенія

къ самоубійству, которое наблюдается въ каждомъ изъ нихъ. Насколько отношенія между самоубійствомъ и законами физическаго и біологическаго порядка сомнительны и двусмысленны, настолько непосредственны и постоянны соотношенія между самоубійствомъ и извѣстными состояніями соціальной среды. На этотъ разъ оказались налицо настоящіе законы, позволяющіе намъ испробовать методическую классификацію типовъ самоубійства. Опредѣленныя такимъ образомъ нами соціологическія причины объяснили намъ даже тѣ отдѣльныя совпаденія, которыя часто приписывались вліянію матеріальныхъ причинъ и въ которыхъ хотѣли видѣть доказательство этого вліянія. Если число женщинъ, покончившихъ съ собою, гораздо меньше, чѣмъ число мужчинъ, то это происходитъ отъ того, что первыя гораздо меньше соприкасаются съ коллективною жизнью и поэтому менѣе сильно чувствуютъ ея дурное или хорошее воздѣйствіе. То-же самое наблюдается по отношенію къ старикамъ и дѣтямъ, хотя по нѣсколько другимъ причинамъ. Затѣмъ, если число самоубійствъ увеличивается, начиная съ января и кончая іюнемъ, а затѣмъ начинаетъ уменьшаться—это происходитъ потому, что и соціальная дѣятельность испытываетъ тѣ же сезонныя измѣненія. Вполнѣ естественно, что различные результаты, которые производитъ эта дѣятельность, подчинены тому же самому ритму, какъ и она сама, а слѣдовательно, наиболѣе ощутительны въ теченіе перваго изъ указанныхъ періодовъ; но такъ какъ самоубійство есть тоже продуктъ этой дѣятельности, то и оно подчиняется тѣмъ же законамъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно вывести только то заключеніе, что процентъ самоубійствъ зависитъ только отъ соціологическихъ причинъ и что контингентъ добровольныхъ смертей опредѣляется моральной организаціей общества. У каждаго народа существуетъ извѣстная коллективная сила опредѣленной интенсивности, толкающая человѣка на самоубійство. Тѣ поступки, которые совершаетъ самоубійца и которые на первый взглядъ кажутся проявленіемъ

личнаго темперамента, являются на самомъ дѣлѣ слѣдствіемъ и продолженіемъ нѣкотораго соціальнаго состоянія, которое находитъ себѣ въ нихъ внѣшнее обнаруженіе.

Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ, поставленный нами въ началѣ этой книги. Слѣдовательно, утвержденіе, что каждое человѣческое общество имѣетъ болѣе или менѣе сильно выраженную наклонность къ самоубійству, не является метафорой; выраженіе это имѣетъ свое основаніе въ самой природѣ вещей. Каждая соціальная группа дѣйствительно имѣетъ къ самоубійству опредѣленную, присущую именно ей, коллективную наклонность, которая уже опредѣляетъ собой размѣры индивидуальныхъ наклонностей, а отнюдь не наоборотъ. Наклонность эту образуютъ тѣ теченія эгоизма, альтруизма или аноміи, которыя въ данный моментъ охватываютъ общество, а уже ихъ послѣдствіемъ являются предрасположенія къ томительной меланхоліи, или къ дѣятельному самоотреченію, или къ безнадежной усталости. Эти-то коллективныя наклонности, проникая въ индивидъ, и вызываютъ въ немъ рѣшеніе покончить съ собой. Что касается случайныхъ происшествій, считающихся обыкновенно ближайшими причинами самоубійства, то они оказываютъ на человѣка только то вліяніе, которое возможно при наличности даннаго моральнаго предрасположенія человѣка, являющагося въ свою очередь только отголоскомъ моральнаго состоянія общества. Для того, чтобы объяснить отсутствіе привязанности къ жизни, человѣкъ ссылается на обстоятельства, которыя его непосредственно окружаютъ; онъ находитъ, что жизнь скучна, потому что ему самому скучно. Конечно, съ одной стороны, тоска приходитъ къ нему извнѣ, но не зависитъ отъ той или другой случайности въ его жизни, а отъ той общественной группы, которой онъ составляетъ часть. Вотъ почему нѣтъ ничего, что бы могло служить случайной причиной самоубійства; все зависитъ отъ той интенсивности, съ которой влекущія за собой самоубійства причины оказывали свое воздѣйствіе на индивида.

II.

Это заключеніе можетъ найти себѣ подтвержденіе уже въ одномъ постоянствѣ процента самоубійствъ. Если, слѣдуя нашему методу, мы должны были оставить до настоящаго времени эту проблему не рѣшенной, то фактически очевидно, что она не допускаетъ никакого другого рѣшенія. Когда Quételet обратилъ вниманіе философовъ [1]) на поразительную регулярность, съ которой извѣстныя соціальныя явленія повторяются въ теченіе тождественныхъ періодовъ времени, онъ полагалъ, что объясненіемъ ей можетъ служить его теорія средняго человѣка, теорія, оставшаяся до сихъ поръ единственной систематической попыткой дать объясненіе этой замѣчательной особенности. По его мнѣнію, въ каждомъ обществѣ имѣется опредѣленный типъ, который болѣе или менѣе правильно воспроизводитъ вся масса индивидовъ и среди котораго только меньшинство имѣетъ тенденцію отклоняться отъ средней подъ вліяніемъ причинъ, нарушающихъ обычное теченіе жизни. Напримѣръ, существуетъ совокупность физическихъ и моральныхъ признаковъ, наблюдаемая у большинства французовъ,

---

[1]) См. двѣ работы этого ученаго: „Sur l'homme et le développement de ses facultés ou Essai de physique sociale". 2 тома. Парижъ, 1835 г. и „Du système social et des lois qui le régissent". Парижъ, 1848 г. Если Quételet первый сдѣлалъ попытку объяснить эту регулярность научнымъ путемъ, то не онъ первый сдѣлалъ это открытіе. Настоящимъ основателемъ моральной статистики былъ пасторъ Süssmilch, въ своей работѣ „Die Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechtes, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen". 3 тома. 1742 г.

См. по тому же вопросу: Wagner, „Die Gesetzmässigkeit" и т. д., первая часть; Drobisch, „Die Moralische Statistik und die menschliche Willensfreiheit". Лейпцигъ, 1867 г. (въ особенности стр. 1—58); Мауг „Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. Мюнхенъ, 1877 г.; Oettingen, „Moralstatistik" стр. 90 и сл.

но которой нѣтъ въ томъ же видѣ и размѣрѣ у итальянцевъ и нѣмцевъ, и наоборотъ. Такъ какъ эти признаки являются наиболѣе распространенными, то и вытекающіе отъ нихъ поступки встрѣчаются очень часто,—они образуютъ самую обширную группу. Тѣ же индивиды, которые, наоборотъ, опредѣляются выходящими изъ ряда особенностями, рѣдки, какъ и сами эти особенности. Съ другой стороны, не будучи абсолютно неизмѣннымъ, общій типъ измѣняется гораздо медленнѣе, чѣмъ типъ индивидуальный, такъ какъ гораздо труднѣе измѣниться всему обществу въ цѣломъ, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ. Это постоянство естественно сообщается и поступкамъ, которые вытекаютъ изъ характеристическихъ свойствъ этого типа. Первые не измѣняются ни по качеству, ни по величинѣ, пока не измѣняются вторыя, а такъ какъ въ то же время эти способы дѣйствія являются наиболѣе распространенными, то постоянство неизбѣжно становится общимъ закономъ проявленій человѣческой активности, какъ это и показываетъ статистика. Въ самомъ дѣлѣ, статистикъ подсчитываетъ всѣ однородные факты, совершающіеся въ нѣдрахъ одного и того же общества. А такъ какъ эти послѣдніе остаются неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока сохраняется постояннымъ общій типъ общества, и такъ какъ съ другой стороны измѣненія типа осуществляются лишь съ большими затрудненіями, то результаты статистическихъ обслѣдованій необходимо должны оставаться одинаковыми въ теченіе довольно длиннаго ряда послѣдовательныхъ лѣтъ. Что же касается тѣхъ фактовъ, которые совершаются подъ вліяніемъ исключительныхъ особенностей и индивидуальныхъ случайностей, то они, конечно, не обнаруживаютъ такой правильности. Вотъ почему постоянство никогда не бываетъ абсолютнымъ.

Но это—лишь исключенія; слѣдовательно, неизмѣнность можно считать правиломъ, а измѣнчивость исключеніемъ.

Этому общему типу Quételet далъ названіе средняго типа, такъ какъ онъ точно опредѣляется, если взять среднюю ариѳметическую всѣхъ индивидуальныхъ типовъ. На-

примѣръ, если, опредѣливши всѣ длины роста, сложить эти величины и сумму раздѣлить на число подвергавшихся измѣренію индивидовъ, то полученное частное выразитъ съ достаточнымъ приближеніемъ среднюю длину роста, такъ какъ можно допустить, что уклоненія вверхъ и внизъ, т. е. люди высокаго и низкаго роста, встрѣчаются почти въ одинаковомъ количествѣ. Они компенсируютъ другъ друга и, слѣдовательно, не измѣняютъ частнаго.

Такая теорія кажется очень простой; но, во-первыхъ, она можетъ быть разсматриваема, какъ объясненіе, только въ томъ случаѣ, если она даетъ намъ понять, откуда происходитъ то, что средній типъ осуществляется въ преобладающей массѣ индивидовъ. Для того, чтобы онъ не измѣнялся въ то время, какъ измѣняются эти послѣдніе, нужно, чтобы съ одной стороны онъ былъ независимъ отъ нихъ, а съ другой стороны, чтобы былъ все же какой-нибудь путь, которымъ онъ могъ бы накладывать на нихъ свою печать. Правда, исчезаетъ самая эта проблема, если допустить, что интересующій насъ типъ совпадаетъ съ этническимъ типомъ. Въ самомъ дѣлѣ, элементы, создающіе расу, имѣя свое происхожденіе внѣ индивида, не подчиняются тѣмъ измѣненіямъ, какъ и онъ, хотя въ немъ и только въ немъ одномъ они реализуются. Весьма понятно, что они проникаютъ собою чисто-индивидуальные элементы и даже служатъ для нихъ основаніемъ. Однако, это объясненіе могло бы соотвѣтствовать самоубійству лишь въ томъ случаѣ, если бы наклонность, влекущая къ нему человѣка, зависѣла непосредственно отъ расы; а мы знаемъ, что существующіе факты противорѣчатъ этой гипотезѣ. Могутъ сказать, что общее состояніе соціальной среды, будучи одно и то же для большинства отдѣльныхъ личностей, касается ихъ всѣхъ одинаковымъ образомъ и даетъ имъ въ частности одну духовную физіономію. Но вѣдь по существу своему соціальная среда состоитъ изъ идей, вѣрованій, привычекъ, общихъ стремленій; для того, чтобы послѣднія могли воздѣйствовать такимъ образомъ на индивидовъ, они должны

существовать, до извѣстной степени, независимо; какъ видимъ, этого рода соображенія неизбѣжно приближаютъ насъ къ тому разрѣшенію вопроса, которое мы предложили выше. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь молчаливо допускается, что существуетъ коллективная наклонность къ самоубійству, изъ которой вытекаютъ индивидуальныя наклонности, и вся задача сводится къ тому, чтобы узнать, въ чемъ эта коллективная наклонность состоитъ и какимъ образомъ она дѣйствуетъ.

Но этого мало: какимъ бы способомъ ни объясняли распространенность средняго человѣческаго типа, понятіе о немъ ни въ какомъ случаѣ не объяснитъ той регулярности, съ которой воспроизводится соціальный процентъ самоубійствъ. Въ самомъ дѣлѣ, согласно опредѣленію, этотъ типъ можетъ состоять только изъ тѣхъ характерныхъ чертъ, которыя свойственны большинству населенія; самоубійство же является дѣломъ меньшинства. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно болѣе всего распространено, насчитывается не больше 300 или 400 случаевъ на 1 мил. населенія. Сила, которую инстинктъ самосохраненія сохраняетъ у среднихъ людей, исключаетъ самоубійство кореннымъ образомъ; средній человѣкъ не лишаетъ себя жизни. Но въ такомъ случаѣ, если наклонность къ самоубійству является рѣдкостью и аномаліей, она совершенно чужда среднему типу, и даже глубокое изученіе этого послѣдняго не помогло бы намъ понять, какимъ образомъ число самоубійствъ можетъ быть постояннымъ для одного и того же общества, не помогло бы намъ объяснить, откуда даже является наклонность къ самоубійству. Слѣдовательно, теорія Quételet покоится на неправильномъ допущеніи. Онъ считалъ установленнымъ тотъ фактъ, что постоянство наблюдается только въ наиболѣе общихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности; но мы видимъ, что оно существуетъ въ той же степени въ спорадическихъ проявленіяхъ, наблюдаемыхъ лишь въ изолированныхъ и одинокихъ пунктахъ соціальнаго поля. Онъ думалъ, что отвѣтилъ на всѣ desiderata, указавъ на то,

какимъ образомъ можно объяснить неизмѣняемость того, что не является исключеніемъ; но исключеніе само имѣетъ свою неизмѣняемость, нисколько не меньшую, чѣмъ всякая другая. Всѣ умираютъ, каждый живой организмъ устроенъ такъ, что онъ рано или поздно долженъ разрушиться. Наоборотъ, очень мало имѣется людей, лишающихъ себя жизни; у громаднаго большинства нѣтъ ничего такого, что-бы вызывало въ нихъ склонность къ самоубійству; тѣмъ не менѣе, процентъ самоубійствъ еще болѣе постояненъ, чѣмъ процентъ общей смертности. Это значитъ, что между распространенностью извѣстнаго признака и его строгимъ постоянствомъ нѣтъ той тѣсной связи, которую допускалъ Quételet.

Къ тому же, результаты, къ которымъ приводитъ его собственный методъ, подтверждаютъ наше заключеніе. Въ силу его принципа, для того, чтобы измѣрить интенсивность какого-нибудь признака, присущаго среднему типу, надо было бы раздѣлить сумму фактовъ, которыми онъ заявляетъ себя среди даннаго общества, на число индивидовъ, способныхъ на такое же проявленіе. Такъ, напримѣръ, въ въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ въ теченіе долгаго времени не наблюдалось больше, чѣмъ 150 случаевъ самоубійствъ на 1000000 жителей, средняя интенсивность наклонности къ самоубійству выразилась бы слѣдующимъ отношеніемъ: 150 : 1000000 = 0,00015; въ Англіи, гдѣ мы имѣемъ только 80 случаевъ на то же количество населенія, это отношеніе равнялось бы — 0,00008.

Вотъ, слѣдовательно, тѣ величины, которыми можно бы было измѣрять наклонность средняго индивида къ самоубійству; но практически такія цифры равны нулю. Столь слабая наклонность до такой степени удалена отъ самого выполненія, что можетъ считаться несуществующей; сама по себѣ, она не обладаетъ достаточной силой, для того чтобы вызвать самоубійство. Поэтому, вся общность такой наклонности еще не можетъ объяснить намъ, почему то или иное число самоубійствъ совершается ежегодно въ томъ или иномъ обществѣ.

Кромѣ того, эта оцѣнка очень преувеличена. Quételet пришелъ къ своимъ цифрамъ, приписывая произвольно среднимъ людямъ извѣстную наклонность къ самоубійству, на основаніи проявленій, которыя обыкновенно наблюдаются не у средняго человѣка, а только у небольшого числа исключительныхъ субъектовъ; такимъ образомъ аномальное служитъ у него опредѣленіемъ нормальнаго. Quételet думалъ, правда, избѣгнуть этого возраженія, указывая на то, что аномальные случаи, отклоняясь то въ одну, то въ другую сторону отъ нормы, компенсируются и взаимно уничтожаются. Но такая компенсація имѣетъ мѣсто только по отношенію тѣхъ свойствъ, которыя въ различной степени встрѣчаются у всѣхъ, каковъ, напримѣръ, ростъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, что исключительно большіе люди и исключительно малые находятся на земномъ шарѣ почти въ одномъ и томъ же количествѣ. Слѣдовательно, средняя ариѳметическая для роста всѣхъ этихъ исключительныхъ субъектовъ должна приблизительно равняться росту, наиболѣе обычному среди людей; поэтому именно этотъ послѣдній и получится въ результатѣ статистическаго подсчета. Но результатъ будетъ совершенно противоположенъ, если дѣло идетъ о такомъ исключительномъ по своей природѣ фактѣ, какъ наклонность къ самоубійству; въ этомъ случаѣ способъ Quételet можетъ только искусственнымъ путемъ подвести подъ среднюю такой элементъ, который въ дѣйствительности стоитъ внѣ этой средней. Конечно, какъ мы только что видѣли, этотъ элементъ вводится сюда только въ чрезвычайно разбавленномъ видѣ, и какъ разъ потому, что число индивидовъ, между которыми онъ здѣсь распространяется, значительно выше того ихъ числа, которому онъ свойственъ на самомъ дѣлѣ; но если ошибка практически и маловажна, она, тѣмъ не менѣе, существуетъ.

Въ дѣйствительности, отношеніе, вычисленное Quételet, измѣряетъ собою лишь вѣроятность того, что человѣкъ, принадлежащій къ данной соціальной группѣ, покончитъ

съ собою въ теченіе года. Если, напримѣръ, на населеніе въ 100.000 душъ приходится въ годъ 15 самоубійствъ,— значитъ, имѣется 15 шансовъ на 100.000 въ пользу того, что любой, произвольно выбранный субъектъ даннаго общества покончитъ съ собою въ теченіе того же самаго промежутка времени. Но эта вѣроятность не даетъ намъ никакого понятія о размѣрѣ средней наклонности къ самоубійству и не можетъ служить доказательствомъ того, что эта наклонность дѣйствительно существуетъ. Тотъ фактъ, что столько-то процентовъ лишаютъ себя жизни, не доказываетъ еще того, что остальные въ какомъ бы то ни было размѣрѣ подвержены этой возможности, и не можетъ намъ дать никакихъ указаній относительно природы или интенсивности причинъ, вызывающихъ самоубійства [1]).

Такимъ образомъ теорія о среднемъ человѣкѣ не рѣшаетъ поставленной нами проблемы. Вернемся же къ этой послѣдней и посмотримъ, какъ она ставится. Самоубійцы въ очень ограниченномъ количествѣ разсѣяны по земному

---

[1]) Эти соображенія даютъ лишнее доказательство тому, что раса не можетъ вліять на соціальный процентъ самоубійствъ. Въ самомъ дѣлѣ, этническій типъ является вмѣстѣ съ тѣмъ родовымъ типомъ; онъ содержитъ въ себѣ только общіе признаки извѣстной значительной массы индивидовъ. Самоубійство, наоборотъ, является исключительнымъ фактомъ. Раса, слѣдовательно, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло бы быть достаточной причиной самоубійства, иначе, послѣднія были бы болѣе распространены, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности. Намъ могутъ возразить, что хотя ни одинъ изъ элементовъ, входящихъ въ составъ расы, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ достаточная причина самоубійства, тѣмъ не менѣе раса, какъ таковая, можетъ сдѣлать людей болѣе воспріимчивыми къ воздѣйствію причинъ, дѣйствительно порождающихъ самоубійства. Но даже, если бы факты и оправдывали эту гипотезу, чего нѣтъ въ дѣйствительности, то нужно, во всякомъ случаѣ, признать то обстоятельство, что этническій типъ есть факторъ очень слабой силы, разъ его предполагаемое вліяніе не въ состояніи проявиться въ большинствѣ случаевъ и можетъ сказываться только въ видѣ исключенія. Словомъ, раса не можетъ объяснить, почему изъ 1.000000 субъектовъ, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ, находится всего 100—200 убивающихъ себя ежегодно.

шару, каждый изъ нихъ отдѣльно совершаетъ свой актъ, не зная, что другой поступаетъ такъ же; и тѣмъ не менѣе, пока общество не измѣняется, число самоубійцъ остается неизмѣннымъ. Для этого нужно, чтобы всѣ индивидуальныя проявленія, какими бы независимыми другъ отъ друга они ни казались, на самомъ дѣлѣ были продуктомъ одной и той же причины или одной той же группы причинъ, воздѣйствующихъ на индивидовъ. Иначе, нельзя было бы понять, почему ежегодно всѣ эти различныя воли, взаимно другъ друга не знающія, приводятъ къ тому же количеству одинаковыхъ актовъ. Онѣ не оказываютъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, другъ на друга никакого вліянія, и между ними нѣтъ никакого соглашенія; а между тѣмъ, все происходитъ такъ, какъ-будто онѣ выполняютъ одинъ приказъ. Это значитъ, что въ общей средѣ, окружающей ихъ, существуетъ какая-то сила, которая направляетъ ихъ въ одну и ту же сторону; при чемъ въ зависимости отъ большей или меньшей интенсивности этой силы повышается или понижается число отдѣльныхъ самоубійствъ. Проявленія интересующей насъ силы не измѣняются при перемѣнѣ органической или космической среды, а зависятъ исключительно отъ состоянія соціальной среды, т. е.—сила эта коллективна. Другими словами, каждый народъ обладаетъ по отношенію къ самоубійству извѣстной коллективной наклонностью, которая ему присуща и отъ которой зависитъ величина той дани, которую этотъ народъ платитъ добровольной смерти.

Съ этой точки зрѣнія неизмѣнность процента самоубійствъ не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго; она не болѣе загадочна, чѣмъ присущій каждому изъ нихъ индивидуальный характеръ. Такъ какъ каждое общество обладаетъ своимъ темпераментомъ, который не мѣняется изо дня въ день, и такъ какъ эта наклонность къ самоубійству проистекаетъ изъ моральнаго настроенія общественныхъ группъ, то она неизбѣжно различна въ различныхъ группахъ и въ теченіе долгаго періода остается постоянной.

Она является однимъ изъ существенныхъ элементовъ соціальнаго самочувствія. Но у коллективовъ, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, сомочувствіе представляетъ собою наиболѣе индивидуальную и въ то же время наиболѣе постоянную черту; ибо нѣтъ ничего болѣе глубокаго и основного, чѣмъ оно.

А въ такомъ случаѣ и вытекающія изъ него послѣдствія должны отличаться такимъ же индивидуальнымъ и устойчивымъ характеромъ. Вполнѣ естественно даже, что они обнаруживаютъ большее постоянство, чѣмъ общая смертность, такъ какъ температура, вліяніе климата, геологическія явленія, словомъ, различныя условія, отъ которыхъ зависитъ человѣческое здоровье, подвержены, изъ года въ годъ, гораздо бо̀льшимъ измѣненіямъ, чѣмъ національный характеръ.

Существуетъ, однако, еще одна гипотеза, отличающаяся, повидимому, отъ предыдущей и не лишенная для нѣкоторыхъ умовъ извѣстной притягательной силы. Для того, чтобы разрѣшить затрудненіе, не достаточно ли будетъ предположить, что различныя событія частной жизни, которыя кажутся опредѣляющими причинами самоубійства, по преимуществу регулярно возобновляются каждый годъ въ одной и той же пропорціи? Каждый годъ, говорятъ намъ [1]), совершается одинаковое приблизительно число несчастныхъ браковъ, банкротствъ, крушеній карьеры, разореній и т. д. Поэтому вполнѣ естественно, что, попадая ежегодно въ одно и то же положеніе, въ одномъ и томъ же числѣ, индивиды въ томъ же числѣ принимаютъ рѣшеніе, вытекающее изъ этого положенія. Нѣтъ надобности воображать, что они подчиняются при этомъ давленію тяготѣющей надъ ними силы; достаточно предположить, что, поставленные въ одни и тѣ же условія, они въ общемъ разсуждаютъ одинаково.

---

[1]) Таково въ основѣ своей то мнѣніе, которое вызываетъ Drobisch въ приведенной выше книгѣ.

Но мы знаемъ, что эти индивидуальныя обстоятельства, если и предшествуютъ обыкновенно самоубійствамъ, то не являются ихъ дѣйствительными причинами. Скажемъ еще разъ, что въ жизни человѣка не существуетъ несчастій, влекущихъ его неизбѣжно къ самоубійству, если онъ въ силу чего-либо другого, не склоненъ къ нему самъ. Регулярность, съ которой извѣстныя обстоятельства способны повторяться, не можетъ поэтому объяснить регулярности самоубійствъ. Сверхъ того, какое-бы вліяніе имъ ни приписывали, такое рѣшеніе во всякомъ случаѣ передвинуло бы только проблему на другое мѣсто, не разрѣшая ея. Ибо осталось-бы *не объясненнымъ, почему эти отчаянныя положенія* неизмѣнно повторяются каждый годъ, согласно закону, присущему каждой отдѣльной странѣ. Какимъ образомъ случается то, что въ одномъ и томъ же обществѣ— предполагая, что оно находится въ упроченномъ состояніи— всегда одинаковое число распавшихся семействъ, экономическихъ краховъ и т. д.? Это регулярное повтореніе однихъ и тѣхъ же событій въ одномъ и томъ же количествѣ, для одного и того же народа, но очень различныхъ у разныхъ народовъ, было бы необъяснимымъ, если бы въ каждомъ обществѣ не существовало опредѣленныхъ теченій, увлекающихъ его членовъ съ опредѣленной силой въ коммерческія или промышленныя авантюры, въ область такихъ поступковъ, которые способны нарушить спокойствіе страны и т. д. Допустить это—значило бы, такимъ образомъ, возстановить въ почти неизмѣнной формѣ ту самую гипотезу, которой мы, казалось, сумѣли избѣжать [1]).

---

[1]) Эта аргументація не вѣрна, къ тому же, по отношенію къ самоубійству, хотя именно въ данномъ случаѣ она подкупаетъ сильнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Она можетъ быть примѣнена съ одинаковымъ успѣхомъ къ преступленію, въ его самыхъ различныхъ формахъ. Преступникъ, на самомъ дѣлѣ, *настолько же исключительное* существо, какъ и самоубійца, и поэтому природа средняго типа никоимъ образомъ не можетъ намъ объяснить движенія преступности. То же самое касается и брака, хотя наклонность къ нему сильнѣе распространена, чѣмъ предрасположеніе убивать другихъ или себя

III.

Постараемся же понять смыслъ и значеніе тѣхъ терминовъ, которые мы только что употребили.

Обыкновенно, когда говорятъ о коллективныхъ наклонностяхъ или страстяхъ, то склонны видѣть въ этихъ выраженіяхъ только метафоры или manières de parler, не обозначающія собою ничего реальнаго, кромѣ нѣкоторой средней извѣстнаго числа индивидуальныхъ состояній. На нихъ не смотрятъ, какъ на вещи, какъ на силы sui generis, которыя управляютъ сознаніемъ частныхъ лицъ. Однако, въ дѣйствительности именно такова ихъ природа, что блестяще доказывается статистикой самоубійствъ [1]). Составъ индивидовъ, образующихъ извѣстное общество, изъ года въ годъ мѣняется, а число самоубійствъ, тѣмъ не менѣе, остается то же до тѣхъ поръ, пока не измѣнится само общество. Населеніе Парижа обновляется съ необыкновенной быстротой; тѣмъ не менѣе, доля Парижа въ общемъ числѣ самоубійствъ во Франціи остается неизмѣн-

---

самого. Въ теченіе каждаго періода жизни число людей, вступающихъ въ бракъ, является незначительнымъ меньшинствомъ, по сравненію съ холостымъ населеніемъ того же возраста. Такъ, во Франціи, въ возрастѣ 25—30 лѣтъ, т. е. въ эпоху, когда стремленіе вступать въ бракъ достигаетъ своего максимума, на 1000 холостяковъ каждаго пола приходится ежегодно 176 мужчинъ и 135 женщинъ, вступающихъ въ бракъ (1877 — 81). Если, поэтому, наклонность къ браку, которую не надо смѣшивать со склонностью къ половому общенію, только у небольшого числа субъектовъ достигаетъ той силы, которая можетъ заставить ихъ удовлетворить своему желанію, то состояніе брачности въ данный моментъ не можетъ быть объяснено той энергіей, какой располагаетъ въ этомъ направленіи средній типъ. Въ дѣйствительности и здѣсь, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло касается самоубійства, статистическія цифры выражаютъ не среднюю интенсивность индивидуальныхъ предрасположеній, но интенсивность коллективной силы, толкающей людей къ браку.

1) И не одной только этой статистикой; всѣ данныя моральной статистики, какъ показываетъ предыдущее примѣчаніе, приводятъ къ тому же выводу.

ной. Хотя, для того чтобы наличный составъ войскъ совершенно преобразился, достаточно всего нѣсколькихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе, процентъ самоубійствъ въ арміи измѣняется для одной и той же націи чрезвычайно медленно. Во всѣхъ странахъ коллективная жизнь въ теченіе года движется согласно одному и тому же режиму; онъ повышается, приблизительно, отъ января до іюля, а затѣмъ снова понижается. Поэтому, хотя члены различныхъ европейскихъ обществъ происходятъ отъ самыхъ различныхъ среднихъ типовъ, тѣмъ не менѣе, сезонныя и даже мѣсячныя измѣненія числа самоубійствъ слѣдуютъ повсюду одинаковому закону. Точно также, каково бы ни было различіе индивидуальныхъ характеровъ, соотношеніе между наклонностью къ самоубійству у людей, состоящихъ въ бракѣ, и у вдовъ и вдовцовъ идентично въ самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ группахъ, и это—потому, что моральное состояніе вдовства повсюду находится въ одномъ и томъ же отношеніи къ моральному состоянію, характерному для брачной жизни. Слѣдовательно, причины, опредѣляющія число добровольныхъ смертей для опредѣленнаго общества, или для извѣстной его части, должны оставаться независимыми отъ индивидовъ, такъ какъ онѣ обладаютъ одинаковой интенсивностью, каковы бы ни были тѣ субъекты, на которыхъ онѣ оказываютъ свое воздѣйствіе. Могутъ на это сказать, что данный образъ жизни, вездѣ одинаковый, вездѣ производитъ одни и тѣ же результаты. Конечно, это—такъ; но образъ жизни — это вещь, которой нельзя пренебрегать, и его постоянство нуждается въ объясненіи. Если онъ остается неизмѣннымъ, въ то время, какъ въ рядахъ людей, придерживающихся его, происходятъ безконечныя измѣненія, то совершенно невозможно, чтобы онъ всецѣло опредѣлялся индивидуальными особенностями этихъ людей.

Нѣкоторые считали возможнымъ уклониться отъ этого вывода, замѣтивъ, что сама эта непрерывность есть дѣло индивидовъ и что, слѣдовательно, для того, чтобы объяснить ее, нѣтъ надобности приписывать соціальнымъ явленіямъ

своего рода трансцендентность по отношенію къ индивидуальной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, иногда разсуждаютъ такъ: „всякое соціальное явленіе — какое-нибудь слово даннаго языка, религіозный обрядъ, секретъ ремесла, пріемъ искусства, статья закона, правило морали — передается и переходитъ къ индивиду отъ другого индивида, являющагося его родственникомъ, учителемъ, другомъ, сосѣдомъ, товарищемъ [1]).

Конечно, если бы рѣчь шла только о томъ, какимъ образомъ въ общихъ чертахъ мысль или чувство передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какимъ образомъ память о немъ не теряется при этомъ, то въ этихъ рамкахъ такое объясненіе могло бы быть признано достаточнымъ [2]). Но передача такихъ фактовъ, какъ самоубійство или, говоря общѣе, какъ всѣ тѣ поступки, о которыхъ мы получаемъ свѣдѣнія посредствомъ моральной статистики, представляетъ своеобразную особенность, которую нельзя объяснить себѣ

---

1) Tarde, La sociologie élémentaire, въ Annales de l'Institut international de sociologie, стр. 213.

2) Мы говоримъ „въ этихъ рамкахъ", потому что все, что есть существеннаго въ этой проблемѣ, не могло бы быть рѣшено такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если хотятъ объяснить себѣ вышеуказанную непрерывность, то важно обнаружить не только то, какимъ образомъ обычаи и правила одного періода не забываются съ наступленіемъ слѣдующаго, но также и то, какимъ образомъ они сохраняютъ всю силу своего авторитета и продолжаютъ функціонировать. Изъ того, что новое поколѣніе можетъ узнать отъ стараго, путемъ передачи отъ индивида къ индивиду, что дѣлали ихъ предки, еще не вытекаетъ, чтобы они неизбѣжно должны были слѣдовать ихъ примѣру. Что же ихъ къ этому вынуждаетъ? Уваженіе къ привычкѣ, авторитетъ предковъ? Но тогда причиною непрерывности являются уже не индивиды, служащіе только проводниками идей и привычекъ, а то въ высшей степени коллективное состояніе духа, которое дѣлаетъ предковъ даннаго народа предметомъ особаго уваженія. Это состояніе духа импонируетъ индивидамъ. Совершенно такъ же, какъ и наклонность къ самоубійству, оно имѣетъ для даннаго общества опредѣленную степень интенсивности, въ зависимости отъ того, въ какой степени индивиды подчиняются традиціи.

такъ просто и легко. Эта передача имѣетъ своимъ объектомъ не только извѣстный способъ дѣйствій вообще, но и число тѣхъ случаевъ, въ которыхъ примѣняется этотъ образъ дѣйствія. Мы видимъ, что самоубійства не только совершаются ежегодно, но что, по общему правилу, ихъ ежегодно бываетъ одинаковое количество. Состояніе духа, заставляющее человѣка рѣшиться на самоубійство, не только просто передается, но — что всего замѣчательнѣе — оно передается одинаковому числу индивидовъ, которые всѣ поставлены въ условія, необходимыя для того, чтобы это состояніе перешло въ дѣйствіе. Какъ это случается, если налицо имѣются только индивиды? Само по себѣ, число не можетъ быть объектомъ прямой передачи. Современное человѣчество не могло узнать отъ предыдущаго поколѣнія, каковъ размѣръ той дани, которую оно должно заплатить самоубійству; и тѣмъ не менѣе, если обстоятельства не мѣняются, размѣры этой дани будутъ совершенно равны размѣрамъ предыдущей.

Неужели нужно воображать, что каждый отдѣльный самоубійца имѣетъ своимъ руководителемъ и вдохновителемъ одну изъ жертвъ предыдущаго года, которой онъ является только моральнымъ наслѣдникомъ? Только при этомъ условіи можно допустить, что соціальный процентъ самоубійствъ можетъ увѣковѣчиться путемъ межъ — индивидуальныхъ традицій. Поэтому, если вся цифра не можетъ быть передана оптомъ, нужно, чтобы тѣ единицы, изъ которыхъ она состоитъ, передавались каждая въ отдѣльности; такимъ образомъ каждый самоубійца долженъ былъ бы получить отъ кого-нибудь изъ своихъ предшественниковъ наклонность къ самоубійству и каждое самоубійство должно было бы быть какъ-бы эхомъ предыдущаго. Но нѣтъ налицо ни одного факта, на основаніи котораго можно было-бы допустить существованіе такой индивидуальной связи между каждымъ изъ моральныхъ событій, зарегистрованнымъ статистикой въ настоящемъ году, и какимъ-либо однороднымъ событіемъ въ предыдущемъ. Совер-

шенно исключительное явленіе, какъ мы уже указали выше, представляютъ тѣ случаи, когда одно самоубійство вызывается такимъ образомъ другимъ, одинаковымъ съ нимъ. И почему же эти рикошеты такъ правильно повторяются изъ года въ годъ? Почему факту, порождающему новый, подобный себѣ фактъ, нуженъ цѣлый годъ для того, чтобы воспроизвести этотъ послѣдній? Почему, наконецъ, онъ воспроизводитъ только одну единственную копію? Вѣдь съ точки зрѣнія разсматриваемой гипотезы необходимо, чтобы, въ среднемъ, каждая модель воспроизведена была только одинъ разъ: иначе, цѣлое потеряло бы свое постоянство. Такимъ образомъ, мы можемъ прекратить обсужденіе этой столь-же произвольной, какъ и безполезной, гипотезы. Но, если отвергнуть ее окончательно, если численное равенство годовыхъ итоговъ происходитъ не отъ того, что каждый частный случай зарождаетъ себѣ подобный въ слѣдующемъ за нимъ періодѣ, то это численное равенство можетъ зависѣть только отъ перманентнаго воздѣйствія какой-нибудь неличной причины, стоящей выше всѣхъ этихъ частныхъ случаевъ.

Поэтому надо пользоваться терминами съ величайшей строгостью. Коллективныя наклонности имѣютъ свое особенное бытіе; это—силы настолько же реальныя, насколько реальны силы космическія, хотя онѣ и различной природы; онѣ вліяютъ на индивида также извнѣ, хотя это совершается иными путями. Позволительно утверждать, что реальность первыхъ не ниже реальности вторыхъ; это доказывается тѣмъ же путемъ, а именно ознакомленіемъ съ постоянствомъ ихъ результатовъ.

Когда мы констатируемъ, что число смертей лишь очень мало измѣняется изъ года въ годъ, то мы объясняемъ эту закономѣрность зависимостью отъ климата, температуры, состава почвы, словомъ, извѣстнымъ числомъ матеріальныхъ причинъ, которыя, будучи независимыми отъ индивида, не измѣняются и тогда, когда мѣняются поколѣнія. Слѣдовательно, разъ такіе моральные акты, какъ само-

убійство, воспроизводятся съ единообразіемъ, не только не меньшимъ, но и большимъ, мы должны допустить, что они зависятъ отъ силъ, лежащихъ внѣ индивидовъ; и такъ какъ эти силы могутъ быть только моральными, а внѣ индивида нѣтъ другого моральнаго существа, кромѣ общества, то неизбѣжно приходится признать, что силы эти соціальны. Но какимъ бы именемъ ихъ ни называть, важно только признать за ними реальность и считать ихъ совокупностью энергій, которыя извнѣ направляютъ наши поступки точно такъ же, какъ физико-химическія энергіи, дѣйствію которыхъ мы подвергаемся. Это — не словесныя сущности, а реальности sui generis, которыя можно измѣрять, сравнивать по величинѣ, какъ это дѣлаютъ по отношенію къ интенсивности электрическихъ токовъ, или источниковъ свѣта. Такимъ образомъ, наше основное положеніе, что соціальные факты объективны,—положеніе, которое мы имѣли случай установить въ нашей другой работѣ [1]) и которое мы считаемъ принципомъ соціологическаго метода, — находитъ въ моральной статистикѣ, и въ особенности въ статистикѣ самоубійствъ, новое и особенно демонстративное доказательство. Конечно, оно задѣваетъ здравый смыслъ, но каждый разъ, какъ наука открывала людямъ существованіе незнакомой имъ силы, она встрѣчала недовѣріе съ ихъ стороны. Когда надо измѣнить систему существующихъ понятій, для того чтобы очистить мѣсто новому порядку вещей и создать новыя представленія, то умы людей, объятые лѣнью, неизбѣжно сопротивляются новизнѣ. И тѣмъ не менѣе, необходимо придти къ какому-нибудь соглашенію. Если соціологія дѣйствительно существуетъ, то предметомъ ея изученія можетъ быть только неизвѣданный еще міръ, не похожій на тѣ міры, которые изслѣдуются другими науками; но этотъ новый міръ будетъ ничто, если онъ не будетъ представлять собою цѣлой системы реальностей.

---

[1]) См. Règles de la méthode sociologique, гл. II.

Но именно потому, что это представленіе наталкивается на традиціонные предразсудки, оно подняло рядъ возраженій, на которые намъ необходимо отвѣтить.

Во-первыхъ, оно предполагаетъ, что коллективныя мысли и наклонности другого происхожденія, чѣмъ индивидуальныя, и что у первыхъ существуютъ такія черты, которыхъ нѣтъ у вторыхъ. Но какъ же это возможно, если общество состоитъ только изъ индивидовъ? На это можно отвѣтить, что въ живой природѣ нѣтъ ничего такого, чего-бы не встрѣчалось въ мертвой матеріи, потому что клѣточка состоитъ исключительно изъ атомовъ, которые не живутъ. Точно также совершенно вѣрно, что общество не включаетъ въ себѣ никакой другой дѣйствующей силы, кромѣ силы индивидовъ; и однако эти индивиды, соединяясь, образуютъ психическое существо новаго типа, которое, такимъ образомъ, обладаетъ своимъ собственнымъ способомъ думать и чувствовать. Конечно, элементарныя свойства, изъ которыхъ складывается соціальный фактъ, въ зародышевомъ состояніи заключаются въ частныхъ умахъ. Но соціальный фактъ получается изъ нихъ только тогда, когда они преобразованы путемъ сочетанія, ибо онъ проявляется исключительно при этомъ условіи. Сочетаніе само является активнымъ факторомъ, производящимъ специфическіе результаты; и слѣдовательно, оно, какъ таковое, есть уже нѣчто новое. Когда сознанія, вмѣсто того, чтобы оставаться изолированными одно отъ другого, группируются и комбинируются, то это знаменуетъ собой нѣкоторую перемѣну въ мірѣ. И вполнѣ естественно, что это измѣненіе въ свою очередь производитъ другія измѣненія, что этотъ новый фактъ порождаетъ другіе новые факты, что возникаютъ, наконецъ, явленія, характерныя черты которыхъ отсутствуютъ въ элементахъ, ихъ составляющихъ.

Только однимъ способомъ можно оспаривать это положеніе: это—допустить, что цѣлое качественно-тождественно съ совокупностью своихъ частей, что результатъ качественно-сводимъ къ совокупности породившихъ его причинъ; а это

привело бы къ тому, что пришлось-бы отрицать всякое измѣненіе, или признать его необъяснимымъ. Между тѣмъ, нѣкоторые ученые не остановились передъ защитой этого крайняго тезиса; но для его обоснованія нашлись только два, поистинѣ необычайные аргумента. Говорили, во-первыхъ, что, „въ силу странной привилегіи, мы располагаемъ въ соціологіи интимнымъ познаніемъ, какъ единичнаго элемента, который есть наше индивидуальное сознаніе, такъ и того сложнаго образованія, которымъ является совокупность отдѣльныхъ сознаній"; во-вторыхъ, утверждали, будто, въ силу этой двойной интуиціи, мы можемъ ясно констатировать, что по удаленіи всѣхъ индивидуумовъ общество обращается въ ничто" [1]).

Первое утвержденіе является смѣлымъ отрицаніемъ всей современной психологіи. Въ настоящее время всѣ ученые согласны съ тѣмъ, что психическая жизнь не можетъ быть познана съ перваго взгляда, что она, наоборотъ, имѣетъ глубокую подпочву, куда не можетъ проникнуть интимное самонаблюденіе и которую мы постигаемъ только мало-по-малу, путемъ обходныхъ и сложныхъ пріемовъ, аналогичныхъ съ тѣми, которые употребляетъ наука по отношенію къ внѣшнему міру. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что природа сознанія не представляетъ уже болѣе для насъ никакихъ тайнъ. Что же касается второго положенія, то оно совершенно произвольно. Авторъ можетъ увѣрять, что, согласно его личному впечатлѣнію, въ обществѣ нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ того, что происходитъ отъ индивида, но для поддержки этого утвержденія нельзя выдвинуть никакихъ доказательствъ, и, слѣдовательно, всякій споръ на эту тему невозможенъ. И какъ легко, въ противовѣсъ этому чувству, было-бы выставить другое противоположное чувство большого числа людей, которые представляютъ себѣ общество не какъ форму, ко-

[1]) Tarde, op. cit., въ „Annales de l'Institut de sociol.", стр. 222.

торую самопроизвольно принимаетъ природа индивида, выходя за свои собственные предѣлы, но какъ противодѣйствующую ей силу, которая ограничиваетъ индивидовъ и противъ которой они направляютъ свои силы! И, наконецъ, что можно сказать объ этой интуиціи, посредствомъ которой, мы яко-бы прямо и непосредственно знакомимся не только съ элементомъ, т. е. съ индивидомъ, но и съ ихъ соединеніемъ, т. е. съ обществомъ? Если, дѣйствительно, достаточно только открыть глаза и быть внимательнымъ, чтобы тотчасъ же замѣтить законы соціальнаго міра, то соціологія оказалась-бы лишней или, по крайней мѣрѣ, очень простой. Къ несчастію, факты слишкомъ ясно доказываютъ, какъ не компетентно сознаніе по отношенію въ этомъ дѣлѣ. Никогда оно само по себѣ, безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, не могло бы даже заподозрить той желѣзной закономѣрности, которая ежегодно и въ одномъ и томъ же количествѣ воспроизводитъ опредѣленное число демографическихъ явленій. И уже само собою разумѣется, сознаніе, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, не въ состояніи открыть причины этой закономѣрности.

Но отдѣляя, такимъ образомъ, соціальную жизнь отъ индивидуальной, мы отнюдь не хотимъ сказать, что въ ней нѣтъ психологическаго элемента. Наоборотъ, совершенно очевидно, что она по существу своему состоитъ изъ представленій; но только коллективныя представленія обладаютъ совершенно иной природой, чѣмъ представленія индивидуальныя. Мы не видимъ никакой несообразности въ томъ мнѣніи, что соціологія есть психологія, если только при этомъ добавить, что соціальная психологія имѣетъ свои собственные законы, отличающіеся отъ законовъ психологіи индивидуальной. Мы подтвердимъ нашу мысль примѣромъ, который сдѣлаетъ ее болѣе понятной. Обыкновенно, происхожденіе религіи приписываютъ чувству страха или уваженія, которое внушаютъ сознательнымъ существамъ таинственныя и страшныя явленія. Съ этой точки зрѣнія, религія представляется простымъ проявленіемъ индивидуальныхъ

переживаній и чувствъ. Но это упрощенное объясненіе не имѣетъ ничего общаго съ фактами. Достаточно отмѣтить, что въ животномъ царствѣ, гдѣ соціальная жизнь всегда рудиментарна, религія совершенно не извѣстна, что она наблюдается только тамъ, гдѣ существуетъ коллективная организація, что она мѣняется въ зависимости отъ природы общества, — чтобы признать, что только объединенные въ группу люди мыслятъ религіозно. Никогда индивидъ, который зналъ бы только самого себя и физическую вселенную, не могъ бы подняться до мысли о силахъ, безконечно превосходящихъ его и все, что его окружаетъ. Даже тѣ великія естественныя силы, съ которыми онъ соприкасается, не могли бы зародить въ его душѣ такого понятія, такъ какъ первоначально онъ отнюдь не зналъ съ такою точностью, какъ въ настоящее время, въ какой степени эти силы превосходятъ его,—онъ думалъ, наоборотъ, что онъ въ состояніи располагать ими по своему усмотрѣнію [1]). Только наука показала ему, насколько онъ ниже этихъ силъ. Та сила, которая такъ могла заставить его проникнуться чувствомъ уваженія и сдѣлалась предметомъ его поклоненія, есть общество; и лишь гипостазированной формой послѣдняго являются боги. Религія — это, въ концѣ-концовъ, система символовъ, посредствомъ которыхъ общество сознаетъ самого себя; это образъ мышленія, присущій только коллективному существу. Такимъ образомъ, открывается обширная совокупность умственныхъ состояній, которыя не возникли-бы, если-бы частныя сознанія не соединились въ одну группу, которыя вытекаютъ изъ этого союза и присоединяются къ состояніямъ сознанія, порождаемымъ природой индивида. Можно самымъ кропотливымъ образомъ анализировать эти послѣднія, но никогда не удастся открыть въ нихъ ничего такого, что могло-бы объяснить, какимъ образомъ возникли и развились своеобразныя вѣрованія и обряды религій, какимъ образомъ зародился фетишизмъ, какимъ

[1]) См. Frazer „Golden Bough“ стр. 9 и слѣд.

образомъ выросло изъ него обожествленіе силъ природы, и какимъ образомъ это послѣднее, въ свою очередь, преобразовалось здѣсь — въ отвлеченную религію Іеговы, тамъ — въ политеизмъ грековъ и римлянъ и т. д. Но утверждая разнородность соціальнаго и индивидуальнаго, мы хотимъ сказать, что предыдущія соображенія примѣнимы не только къ религіи, но и къ праву, къ морали, модѣ, политическимъ учрежденіямъ, педагогической практикѣ и т. д., словомъ, ко всѣмъ формамъ коллективной жизни [1]).

Но намъ сдѣлано было еще одно возраженіе, которое можетъ показаться на первый взглядъ болѣе важнымъ. Мы признали, что соціальныя состоянія не только качественно отличаются отъ индивидуальныхъ, но что они, въ нѣкоторомъ смыслѣ, находятся внѣ самихъ индивидовъ. Мы не убоялись даже сопоставить этотъ внѣшній характеръ съ тѣмъ, который присущъ силамъ физическимъ. Но, возражали намъ, если общество состоитъ только изъ индивидовъ, то какъ-же можетъ быть что-нибудь лежащее внѣ ихъ?

Если бы это возраженіе было основательно, то мы пришли бы къ неразрѣшимому противорѣчію. Въ самомъ дѣлѣ, не надо терять изъ виду того, что было установлено выше. Такъ какъ та горсть людей, которая ежегодно кончаетъ съ собой, не образуетъ естественной группы и такъ какъ люди эти совершенно не соприкасаются между

---

[1]) Необходимо прибавить, во избѣжаніе всякихъ неточныхъ толкованій, что этимъ мы отнюдь не говоримъ, что существуетъ точная граница, гдѣ кончается индивидуальное и начинается соціальное царство. Соединеніе элементовъ не создается однимъ взмахомъ и не сразу производитъ свои результаты; для его образованія необходимо время, и, слѣдовательно, существуютъ моменты, когда его реальность сомнительна. Такимъ образомъ, отъ одной категоріи къ другой переходъ совершается безъ всякаго скачка; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ не надо различать. Въ противномъ случаѣ, въ мірѣ ничего нельзя было бы различать, если вспомнить, что съ одной стороны не существуетъ совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга родовъ, что, съ другой стороны, эволюція совершается непрерывно.

собою, то постоянство числа самоубійствъ можетъ зависѣть только отъ нѣкоторой общей причины, которая господствуетъ надъ людьми и ихъ переживаетъ. Сила, которая собираетъ въ одно цѣлое множество единичныхъ случаевъ, разсѣянныхъ по поверхности земного шара, должна, конечно, находиться внѣ каждаго изъ нихъ. Если бы дѣйствительно оказалось для нея невозможнымъ занять по отношеніи къ нимъ внѣшнее положеніе, то проблема была-бы неразрѣшимой; но эта невозможность—только кажущаяся.

Во-первыхъ, это не совсѣмъ вѣрно, что общество состоитъ только изъ индивидовъ; въ него входятъ также и матеріальные элементы, играющіе существенную роль въ общественной жизни. Часто соціальный фактъ матеріализируется до такой степени, что становится элементомъ внѣшняго міра. Напримѣръ, опредѣленный архитектурный типъ будетъ явленіемъ соціальнымъ; онъ частью воплощается въ домахъ, въ различныхъ зданіяхъ, которыя, разъ уже они выстроены, становятся самостоятельными реальностями, независимыми отъ индивидовъ. То же самое относится къ путямъ сообщенія и транспорта, къ инструментамъ и машинамъ, употребляемымъ въ промышленномъ мірѣ или въ частной жизни и выражающимъ состояніе техники въ каждый историческій моментъ, къ письменности и т. д. Соціальная жизнь, которая такимъ образомъ какъ бы кристаллизуется и отвердѣваетъ на матеріальныхъ подпорахъ, тѣмъ самымъ внѣдряетъ въ міръ окружающихъ насъ вещей и начинаетъ воздѣйствовать на насъ извнѣ. Пути сообщенія, которыя построены были раньше насъ, придаютъ ходу нашихъ дѣлъ опредѣленное направленіе, позволяя намъ сообщаться съ той или иной страной. Вкусъ ребенка формируется, приходя въ соприкосновеніе съ памятниками національнаго вкуса, завѣтами предыдущихъ поколѣній. Иногда даже мы видимъ, что такіе памятники въ теченіе долгихъ вѣковъ подвергаются забвенію. Затѣмъ въ то время, какъ воздвигшія ихъ націи уже давно погасли, они снова показываются на свѣтъ Божій и снова начинаютъ свое суще-

ствованіе въ средѣ новаго общества. Это и является характерной чертой того очень рѣдкаго явленія, которое носитъ названіе Возрожденія. Возрожденіе означаетъ, что соціальная жизнь послѣ того, какъ она долгое время была какъ-бы упакована и пребывала въ скрытомъ состояніи, вдругъ пробуждается, мѣняетъ интеллектуальныя и моральныя точки зрѣнія народовъ, которые сами не содѣйствовали ея выработкѣ. Конечно, соціальная жизнь не могла-бы оживиться, если-бы живыя сознанія не были готовы воспринять ея воздѣйствіе, но, съ другой стороны, эти сознанія чувствовали бы и думали совсѣмъ иначе, если-бы это воздѣйствіе не совершилось.

То-же самое можетъ быть примѣнено и къ тѣмъ опредѣленнымъ формуламъ, въ которыхъ заключаются догматы вѣры, или положенія права, когда онѣ фиксируются вовнѣ, въ какой-нибудь священной формѣ. Конечно, какъ-бы онѣ ни были хорошо составлены, но онѣ остались бы мертвою буквою, если-бы не нашлось никого, кто-бы могъ проникнуться ими и ввести ихъ въ употребленіе. Но если онѣ не являются самодовлѣющими силами, то это не мѣшаетъ имъ быть факторами sui generis соціальной жизни, такъ какъ онѣ обладаютъ способомъ воздѣйствія, свойственнымъ только имъ однимъ.

Юридическія отношенія совсѣмъ не одинаковы въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется писанное право, и въ тѣхъ случаяхъ, когда его нѣтъ. Тамъ, гдѣ существуетъ выработанный кодексъ, юриспруденція болѣе урегулирована, но менѣе гибка, законодательство болѣе стройно, но и болѣе неподвижно. Оно менѣе способно приноравливаться къ различнымъ частнымъ случаямъ и оказываетъ больше сопротивленія новаторскимъ попыткамъ. Матеріальныя формы, въ которыя оно облекается, нельзя, поэтому, считать чисто словесными сочетаніями, не имѣющими никакого значенія; это—дѣйствующія реальности, что доказывается тѣми результатами, которые бы отсутствовали, если бы этихъ реальностей не существовало. Такимъ образомъ, очевидно, что онѣ не

только должны лежать внѣ индивидуальнаго сознанія, но что именно это-то внѣшнее положеніе и сообщаетъ имъ ихъ специфическія черты. Для нихъ существенно то, что онѣ мало доступны для индивидовъ и что эти послѣдніе лишь съ трудомъ могутъ приспособлять ихъ къ обстоятельствамъ; въ этомъ же заключается причина того, что они упорно сопротивляются всякимъ измѣненіямъ.

Однако, несомнѣнно, что все соціальное сознаніе не можетъ сдѣлаться въ такой степени внѣшнимъ и матеріальнымъ. Вся національная эстетика не исчерпывается тѣми произведеніями искусства, которыя ею вдохновлены; вся мораль не можетъ быть сведена къ опредѣленнымъ заповѣдямъ,—большая ея часть остается неуловимой. Существуетъ еще обширная область коллективной жизни, остающаяся на свободѣ; существуетъ цѣлая масса соціальныхъ потоковъ, которые направляются то въ одну, то въ другую сторону, то расходятся, то сталкиваются между собой, перекрещиваются и смѣшиваются тысячью различныхъ способовъ, и именно потому, что они находятся въ непрерывномъ движеніи, они не могутъ принять никакой объективной формы. Сегодня потокъ тоски и отчаянія заливаетъ общество; завтра, наоборотъ, всѣ сердца уноситъ съ собой вѣяніе радостной довѣрчивости. Въ теченіе одного періода все общество увлекается индивидуализмомъ, но наступаетъ другой періодъ—и преобладающимъ вліяніемъ начинаютъ пользоваться уже соціальныя и филантропическія настроенія; вчера общество увлекалось космополитизмомъ, сегодня всѣ умы захватываетъ патріотическое настроеніе. И весь этотъ водоворотъ, эти приливы и отливы приходятъ и уходятъ, ничуть не измѣняя основныхъ постановленій права и правилъ морали, застывшихъ въ своихъ священныхъ формахъ. Вѣдь и сами эти предписанія лишь выражаютъ подчиненную имъ жизнь, частью которой они являются; они вытекаютъ изъ нея, но не подавляютъ ея. Въ основаніи всѣхъ соціальныхъ нормъ заложены дѣятельныя и живыя чувства, которыя эти формулы резюмируютъ, но которыхъ онѣ являются

только внѣшней оболочкой. Онѣ не вызвали-бы никакого отклика, если-бы не соотвѣтствовали конкретнымъ чувствамъ и эмоціямъ, распространеннымъ въ обществѣ. Поэтому, если мы приписываемъ имъ реальное бытіе, мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что внѣ ихъ мораль лишена всякой реальности. Это значило-бы принимать знакъ за обозначаемую вещь. Безъ сомнѣнія, знакъ имѣетъ самостоятельное значеніе, его нельзя считать бездѣйственнымъ эпифеноменомъ; въ настоящее время роль, которую онъ играетъ въ интеллектуальномъ развитіи, хорошо извѣстна. Не все-же, это—только знакъ и ничего больше [1]).

Но, хотя непосредственная жизнь слишкомъ подвижна для того, чтобы принять неизмѣнную форму, она, тѣмъ не менѣе, носитъ тотъ-же характеръ, что и ея фиксированныя формулами правила, о которыхъ мы только что говорили. Она занимаетъ внѣшнее положеніе по отношенію къ каждому среднему индивиду, взятому отдѣльно. Вотъ, напримѣръ, серьезная общественная опасность вызываетъ сильный подъемъ патріотическаго чувства; изъ этого вытекаетъ коллективный порывъ, въ силу котораго общество, въ своей совокупности, принимаетъ какъ-бы за аксіому, что всѣ частные интересы, даже такіе, которые въ обыкновенное время заслуживали бы уваженія, должны совершенно стушеваться передъ интересомъ общественнымъ; и принципъ этотъ высказывается не только въ видѣ desideratum, но примѣняется на дѣлѣ. Обратите вниманіе въ такую минуту на большинство индивидовъ. У очень многихъ изъ нихъ вы найдете это моральное на-

---

1) Мы надѣемся, что послѣ этого разъясненія насъ не будутъ больше упрекать въ желаніи ставить въ соціологіи внѣшнее вмѣсто внутренняго. Мы исходили изъ внѣшняго потому, что только оно непосредственно дано намъ, но дѣлаемъ это для того, чтобы перейти къ внутреннему. Это, конечно, очень сложный пріемъ, но у насъ нѣтъ другого, разъ мы хотимъ руководиться въ своемъ изысканіи порядкомъ фактовъ, которые собираемся изучать, а не личнымъ чувствомъ, которое они въ насъ вызываютъ.

строеніе, но въ безконечно ослабленной степени. Даже во время войны очень рѣдко встрѣчаются примѣры такихъ людей, которые добровольно готовы проявить полное самоотреченіе. Поэтому изъ всѣхъ частныхъ сознаній, составляющихъ націю, нѣтъ ни одного, по отношенію къ которому данное коллективное теченіе не являлось бы почти всецѣло внѣшнимъ; ибо каждое изъ нихъ содержитъ только частицу его.

То же наблюденіе можно сдѣлать по отношенію къ наиболѣе основнымъ и стойкимъ моральнымъ чувствамъ. Напримѣръ, каждое общество относится съ уваженіемъ къ жизни человѣка вообще; степень этого уваженія имѣетъ опредѣленную величину и можетъ быть измѣрена относительной строгостью наказаній, налагаемыхъ за убійство [1]). Съ другой стороны, средній человѣкъ все-же имѣетъ въ себѣ извѣстную степень этого чувства, но въ гораздо меньшей степени и въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ оно существуетъ въ обществѣ. Для того, чтобы понять эту разницу, достаточно сравнить то чувство, которое намъ лично внушаетъ убійца или самый видъ убійства и которое охватываетъ при тѣхъ же обстоятельствахъ цѣлую толпу. Намъ извѣстно, до какой степени возбужденія можетъ дойти толпа, если ничто ее не сдерживаетъ; а это зависитъ отъ того, что гнѣвъ носитъ коллективный характеръ. То же самое различіе наблюдается ежеминутно между тѣмъ спо-

1) Для того, чтобы узнать, насколько это уваженіе сильнѣе въ одномъ обществѣ въ сравненіи съ другимъ, надо обращать вниманіе не только на абсолютную строгость репрессіи, но и на мѣсто, занимаемое ею въ общемъ уложеніи о наказаніяхъ. Убійство наказывается смертью теперь, какъ и въ предыдущіе вѣка; но въ настоящее время простое лишеніе жизни является относительно болѣе суровой карой, потому что оно представляетъ собой въ себѣ высшую степень наказанія; тогда какъ въ прежнее время оно могло быть еще усилено. Но такъ какъ это усиленіе не примѣнялось тогда по отношенію къ убійству обыкновенному, то изъ этого можно вывести заключеніе, что это послѣднее вызывало тогда меньшее осужденіе.

собомъ, какимъ общество реагируетъ на эти преступленія, и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое они производятъ на индивидовъ, т. е. между индивидуальной и соціальной формой того чувства, которое эти преступленія оскорбляютъ. Соціальное возмущеніе обладаетъ такой энергіей, что оно рѣдко довольствуется другимъ наказаніемъ, кромѣ смертной казни. Иначе чувствуетъ каждый изъ насъ, если жертвой преступленія является человѣкъ, намъ незнакомый или безразличный, и если убійца не живетъ близко отъ насъ и, слѣдовательно, не является для насъ личной опасностью; мы, соглашаясь съ тѣмъ, что поступокъ справедливо требуетъ наказанія, не чувствуемъ себя достаточно потрясенными, не ощущаемъ непреодолимой потребности въ отмщеніи. Мы сами не сдѣлаемъ шага для того, чтобы обнаружить виновнаго и даже откажемся выдать его. Дѣло принимаетъ другой оборотъ только въ томъ случаѣ, если, какъ говорится, общественное мнѣніе взволновано даннымъ событіемъ. Тогда мы становимся болѣе требовательными и дѣятельными. Но тогда именно это общественное мнѣніе говоритъ нашими устами, мы дѣйствуемъ скорѣе подъ давленіемъ коллектива, нежели въ качествѣ индивидовъ, какъ таковыхъ.

Чаще всего разстояніе между соціальнымъ состояніемъ и его индивидуальными отголосками даже еще болѣе значительно. Въ предыдущихъ случаяхъ коллективное чувство, индивидуализируясь, по крайней мѣрѣ, сохраняло у большинства субъектовъ достаточную силу, для того чтобы возставать противъ тѣхъ поступковъ, которые его оскорбляютъ; ужасъ, внушаемый пролитіемъ человѣческой крови, довольно глубоко вкоренился въ наши дни въ большинствѣ человѣческихъ сознаній, чтобы воспрепятствовать терпимому отношенію къ идеѣ человѣкоубійства. Но простая кража, или молчаливый обманъ, или мошенничество безъ насилія — еще далеки отъ того, чтобы внушить намъ то же чувство отвращенія. Очень мало людей, которымъ бы права ихъ ближнихъ внушали чувство уваженія и у которыхъ не

было-бы въ зародышѣ желанія обогатиться не вполнѣ честнымъ образомъ. Это не значитъ, что воспитаніе не развиваетъ извѣстнаго отвращенія ко всякому нарушенію справедливости. Но какое еще далекое разстояніе между этимъ непосредственнымъ и неустойчивымъ чувствомъ, всегда готовымъ итти на компромиссъ, и тѣмъ безусловнымъ клеймомъ позора, безъ изъятія и смягченія, которое общество накладываетъ всегда на виновника кражи во всѣхъ ея видахъ. Что же сказать о сознаніи другихъ обязанностей, которое еще слабѣе вкоренилось въ душу обыкновеннаго человѣка, какъ, напримѣръ, то чувство, которое предписываетъ намъ правильно уплачивать свою часть общественныхъ издержекъ, не обманывать казну, не уклоняться отъ отбыванія воинской повинности, честно выполнять договоры и т. д. Если-бы во всѣхъ этихъ пунктахъ выполненіе предписаній морали гарантировалось только колеблющимися чувствами среднихъ индивидовъ, то предписанія эти покоились бы на крайне ненадежной почвѣ.

Слѣдовательно, является основной ошибкой смѣшивать, какъ это часто случается, коллективный типъ даннаго общества со среднимъ типомъ индивидовъ, которые составляютъ это общество. Средній человѣкъ обладаетъ въ очень умѣренной степени нравственностью. Только наиболѣе существенныя правила этики отпечатываются въ его душѣ съ извѣстной силой, но и они далеки отъ той опредѣленности и того авторитета, которыми они облечены въ коллективномъ типѣ, т. е. въ обществѣ, взятомъ въ его цѣломъ. Это смѣшеніе, которое опредѣленно допустилъ Quételet, превращаетъ моральный генезисъ въ неразрѣшимую проблему. Въ самомъ дѣлѣ, разъ индивидуальный уровень морали въ общемъ такъ низокъ, то какимъ же образомъ могла бы возникнуть общественная мораль, превосходящая его, если она выражаетъ собой только среднюю величину индивидуальныхъ нравственныхъ задатковъ? Большее не можетъ безъ чуда образовываться изъ меньшаго. Если общественное сознаніе есть не что иное, какъ наиболѣе распространенное

сознаніе, то оно не можетъ стать выше обыденнаго уровня. Но откуда же являются тогда всѣ эти повышенныя и категорически повелительныя предписанія, которыя общество стремится привить своимъ дѣтямъ и уваженіе къ которымъ оно внушаетъ своимъ членамъ? Различныя религіи, а по ихъ примѣру и многочисленные философы не безъ основанія полагаютъ, что мораль можетъ быть осуществлена во всей своей полнотѣ только въ Богѣ. Слабый и неполный набросокъ ея, открываемый въ индивидуальномъ сознаніи, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ оригиналъ. Онъ производитъ скорѣе впечатлѣніе грубой и невѣрной репродукціи и наводитъ на мысль, что оригиналъ долженъ находиться такъ или иначе внѣ индивидовъ. Вотъ почему народная фантазія, съ присущей ей простотой, реализуетъ его въ Богѣ. Конечно, наука не можетъ остановиться на этой концепціи, которая для нея просто-напросто не существуетъ [1]). Но если отбросить эту концепцію, то не останется другой альтернативы, какъ оставить вопросъ о морали необъяснимымъ и висящимъ въ воздухѣ, или видѣть въ морали систему коллективныхъ состояній. Или начало ея лежитъ внѣ опытнаго міра, или она порождается обществомъ. Она можетъ существовать только въ сознаніи; и если она не существуетъ въ сознаніи индивида, значитъ, ее можетъ включить въ себя только сознаніе группы. Но тогда необходимо признать, что групповое сознаніе, отнюдь не будучи смѣшеніемъ сознаній среднихъ индивидовъ, должно превосходить его во всѣхъ отношеніяхъ.

Наблюденія только подтверждаютъ эту гипотезу. Съ одной стороны, правильность статистическихъ данныхъ указываетъ на то, что существуютъ коллективныя наклонности

---

[1]) Точно такъ же, какъ физика не можетъ разсматривать вѣрованія въ Бога, какъ творца міра физическаго, наука морали не можетъ разсматривать доктрины, утверждающей, что Богъ есть творецъ морали. Вопросъ этотъ выходитъ изъ границъ научной задачи, и мы не можемъ высказаться ни за какое его рѣшеніе. Мы можемъ говорить только о вторичныхъ причинахъ.

внѣ сознанія индивидовъ, съ другой стороны, на большомъ количествѣ выдающихся фактовъ мы можемъ непосредственно констатировать этотъ внѣшній характеръ коллектива. Къ тому же, послѣдній не представляетъ ничего удивительнаго для того, кто убѣдился въ разнородности индивидуальныхъ и соціальныхъ состояній. Въ самомъ дѣлѣ, вторые могутъ явиться къ намъ только извнѣ, такъ какъ они не вытекаютъ изъ нашихъ личныхъ предрасположеній; происходя отъ чуждыхъ намъ элементовъ, они выражаютъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ мы сами. Конечно, поскольку мы сливаемся съ группой и живемъ ея жизью, мы не можемъ избѣгнуть ея вліянія; но съ другой стороны, поскольку мы обладаемъ индивидуальностью, отличающею насъ отъ нея, мы оказываемъ ей сопротивленіе и стремимся уклониться отъ ея вліянія. А такъ какъ нѣтъ ни одного человѣка, который не жилъ-бы одновременно этою двойною жизнью, то каждый изъ насъ въ одно и то же время проникнутъ тѣмъ и другимъ стремленіемъ. Насъ увлекаетъ соціальное чувство, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы отдаемся настроенію, отвѣчающему нашей личной природѣ. Остальные члены общества давятъ на насъ, чтобы сдержать наши центробѣжныя стремленія, а мы въ свою очередь стараемся давить на другихъ, чтобы нейтрализировать ихъ индивидуальныя стремленія. Такимъ образомъ, мы испытываемъ на себѣ то же самое давленіе, которое мы стараемся оказать на другихъ. Возникаютъ двѣ противодѣйствующія другъ другу силы. Одна изъ нихъ вытекаетъ изъ коллективности и стремится завладѣть индивидомъ, другая проистекаетъ отъ индивида и враждебна предыдущей. Конечно, первая во многомъ превосходитъ вторую потому что она является сочетаніемъ всѣхъ единичныхъ силъ, но такъ какъ она встрѣчаетъ на своемъ пути столько же отпоровъ, сколько существуетъ отдѣльныхъ субъектовъ, она отчасти растрачивается въ этой усиленной борьбѣ и проникаетъ въ насъ только въ ослабленной и обезображенной формѣ. Когда она очень интенсивна, когда приводящія ее въ дѣйствіе обстоятельства повторяются часто,

она можетъ еще достаточно сильно отпечатываться въ индивидуальной психикѣ; она возбуждаетъ въ ней довольно интенсивныя состоянія, которыя, разъ зародившись, функціонируютъ съ самопроизвольностью инстинкта; такъ обстоитъ дѣло съ наиболѣе существенными моральными идеями. Но большинство соціальныхъ теченій или слишкомъ слабо, или соприкасается съ нами слишкомъ отдаленно, для того чтобы пустить въ нашемъ сознаніи глубокіе корни; поэтому, воздѣйствіе ихъ очень поверхностно. Слѣдовательно, они почти цѣликомъ остаются внѣ насъ. Такимъ образомъ, для того чтобы вычислить какой-либо элементъ коллективнаго типа, отнюдь не достаточно опредѣлить размѣры, занимаемые имъ въ индивидуальныхъ сознаніяхъ, и взять среднюю.

Правильнѣе было-бы взять ихъ сумму, но и такое измѣреніе будетъ во многомъ уступать дѣйствительности, такъ какъ такимъ путемъ можно получить соціальное чувство лишь ослабленнымъ настолько, сколько оно потеряло, индивидуализируясь.

Только при очень легкомъ отношеніи къ дѣлу можно обвинять нашу концепцію въ схоластичности и упрекать ее въ томъ, что она кладетъ въ основаніе соціальныхъ явленій какой-то жизненный принципъ новаго порядка. Если мы отказываемся допустить, что соціальныя явленія имѣютъ субстратомъ сознаніе индивида, мы тѣмъ самымъ приписываемъ имъ нѣкоторый другой субстратъ. Послѣдній образуется путемъ комбинированія и сочетанія всѣхъ индивидуальныхъ сочетаній. Онъ не имѣетъ въ себѣ ничего субстанціальнаго и онтологическаго, потому что представляетъ собою только цѣлое, состоящее изъ частей, но онъ столь же реаленъ, какъ и входящіе въ составъ его элементы, такъ они не построены совершенно такимъ же образомъ, какъ и онъ самъ; они также сложны. Въ самомъ дѣлѣ, теперь уже извѣстно, что „я“ — каждое изъ этихъ элементарныхъ сознаній — есть лишь равнодѣйствующая множества безличныхъ сознаній, точно такъ же, какъ эти элементарныя

сознанія, въ свою очередь, возникаютъ изъ сочетанія безсознательныхъ жизненныхъ единицъ, а каждая жизненная единица изъ безжизненныхъ частицъ. Если психологи и біологи справедливо полагаютъ, что реальность изучаемыхъ ими явленій достаточно обоснована, разъ они сведены къ комбинаціямъ элементовъ непосредственно низшаго порядка, то почему не можетъ быть того-же въ соціологіи? Лишь тѣ могли-бы признать недостаточнымъ такое основаніе, которые не отказались отъ гипотезы жизненной силы и субстанціальной души. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего страннаго въ нашемъ положеніи, которое нѣкоторымъ кажется прямо скандализирующимъ [1]): соціальные вѣрованіе или акты способны существовать независимо отъ ихъ индивидуальныхъ выраженій. Этимъ, очевидно, мы не хотѣли сказать, что общество возможно безъ индивидовъ, — заподазриваніе въ провозглашеніи столь явной нелѣпости насъ могло бы и пощадить. Мы разумѣемъ: 1) что группа, образованная изъ ассоціированныхъ индивидовъ, есть реальность совершенно иного рода, чѣмъ каждый индивидъ, взятый отдѣльно, 2) что коллективныя состоянія существуютъ въ группѣ, природѣ которой они обязаны своимъ происхожденіемъ раньше, чѣмъ коснуться индивида, какъ такового, и сложатся въ немъ въ новую форму чисто внутренняго психическаго состоянія.

Этотъ способъ пониманія отношеній между индивидомъ и обществомъ приближается, между прочимъ, къ тому представленію, которое вырабатывается современными зоологами относительно связей, соединяющихъ индивидовъ съ ихъ видомъ и родомъ. Эта—очень простая теорія, согласно которой видъ есть индивидъ, увѣковѣченный во времени, обобщенный въ пространствѣ и мало-по-малу упрочившійся. Правда, эта теорія наталкивается на тотъ фактъ, что измѣненія, наблюдаемыя у изолированныхъ субъектовъ, дѣлаются видовыми только въ очень рѣдкихъ и при томъ сомни-

[1]) Tarde, op. cit., стр. 212.

тельныхъ случаяхъ [1]). Отличительныя черты расы измѣняются у отдѣльнаго индивида только тогда, когда онѣ измѣняются у всей расы вообще. Значитъ, эта послѣдняя должна обладать нѣкоторой самостоятельной реальностью, которой опредѣляются различныя формы, принимаемыя ею у отдѣльныхъ субъектовъ, такъ что ее никакъ нельзя разсматривать, какъ обобщеніе этихъ послѣднихъ. Конечно, мы не можемъ считать эту теорію окончательно доказанной. Но для насъ достаточно показать, что наша соціологическая концепція, не будучи заимствованіемъ изъ области изслѣдованій другого порядка, все же находитъ себѣ аналогію въ самыхъ позитивныхъ наукахъ.

IV.

Примѣнимъ эту идею къ вопросу о самоубійствѣ; то рѣшеніе, которое мы дали ему въ началѣ нашей книги, только выиграетъ отъ этого въ своей опредѣленности.

Не существуетъ моральнаго идеала, который не являлся-бы сочетаніемъ, — въ пропорціяхъ, мѣняющихся въ зависимости отъ общества, — эгоизма, альтруизма и нѣкоторой аноміи. Ибо соціальная жизнь предполагаетъ, что индивидъ обладаетъ въ извѣстной степени только ему свойственными качествами, что, въ то же время, по требованію общества онъ готовъ отъ своей индивидуальности отказаться и, наконецъ, что душа его до нѣкоторой степени открыта для идей прогресса. Вотъ почему нѣтъ народа, гдѣ-бы одновременно не существовало этихъ трехъ различныхъ теченій, которыя увлекаютъ человѣка по тремъ разнымъ и даже противоположнымъ направленіямъ. Тамъ, гдѣ они взаимно умѣряютъ другъ друга, моральная жизнь находится въ состояніи равновѣсія, которое защищаетъ индивида отъ всякой мысли о самоубійствѣ. Но какъ только одинъ изъ нихъ переступитъ извѣстную степень интенсивности въ

[1]) Смотр. Delage Structure du protoplasme, passim; Weissmann, L'hérédité и всѣ другія приближающіяся къ Вейсману теоріи.

ущербъ другимъ, онъ, индивидуализируясь, становится по изложеннымъ выше причинамъ моментомъ, предрасполагающимъ къ самоубійству. Чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ, конечно, больше субъектовъ, которыхъ онъ заражаетъ достаточно глубоко, чтобы побудить ихъ къ самоубійству — и наоборотъ. Но самая эта его интенсивность можетъ зависѣть только отъ трехъ слѣдующихъ причинъ: 1) природы индивидовъ, составляющихъ общество, 2) способа, посредствомъ котораго они ассоціируются, т. е. природы соціальныхъ организацій, и 3) случайныхъ обстоятельствъ, которыя нарушаютъ теченіе коллективной жизни, не касаясь ея анатомическаго строенія, какъ-то національные и экономическіе кризисы и т. д. Что касается индивидуальныхъ свойствъ, то они, сами по себѣ, могутъ лишь играть роль, одинаковую для всѣхъ индивидовъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди, которые являются только личностями или которые принадлежатъ только къ ничтожному меньшинству, совершенно тонутъ въ массѣ остальныхъ. Но этого мало: такъ какъ они различаются между собой, то они нейтрализуютъ другъ друга и взаимно уничтожаются въ той переработкѣ, результатомъ которой являлся феноменъ коллективный. Только нѣкоторыя самыя общія человѣческія черты могутъ имѣть здѣсь нѣкоторое значеніе; въ общемъ, онѣ почти неизмѣнны; по крайней мѣрѣ, для того чтобы онѣ могли измѣниться, недостаточно тѣхъ нѣсколькихъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ существуетъ нація. Слѣдовательно, соціальныя условія, вліяющія на число самоубійствъ, являются единственными, въ силу которыхъ оно можетъ измѣняться, ибо это—единственныя измѣняющіяся причины. Вотъ почему число это остается неизмѣннымъ, поскольку не измѣняется само общество. Это постоянство не зависитъ отъ того, что состояніе духа, порождающее самоубійство, неизвѣстно въ силу какой .случайности, сконцентрировано въ опредѣленномъ числѣ частныхъ лицъ и передается, тоже не извѣстно почему, такому же числу подражателей. Но безличныя причины, дающія ему начало и поддерживающія его, остаются

неизмѣнными; это значитъ, что ничто не измѣнилось, — ни способы группировки соціальныхъ единицъ, ни характеръ ихъ взаимнаго согласованія. Дѣйствія и противодѣйствія, которыми онѣ обмѣниваются, остаются тождественными, слѣдовательно, не измѣняются и вытекающія изъ нихъ мысли и чувства.

Такимъ образомъ лишь чрезвычайно рѣдко случается, если только вообще случается, что одно изъ подобныхъ теченій получаетъ преобладаніе во всѣхъ пунктахъ общества. Обыкновенно, оно достигаетъ болѣе сильной степени лишь въ тѣсныхъ общественныхъ слояхъ, въ которыхъ оно находитъ для своего развитія особенно благопріятныя условія; таковыми являются обыкновенно опредѣленныя соціальныя положенія, профессіи или религіозныя вѣрованія. Такимъ образомъ объясняется двойственный характеръ самоубійства. Когда этотъ характеръ наблюдаютъ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, то обыкновенно усматриваютъ здѣсь только группу событій, независимыхъ другъ отъ друга; ибо онъ обнаруживается въ отдѣльныхъ пунктахъ, не стоящихъ между собой ни въ какой видимой связи. И тѣмъ не менѣе, сумма, образовавшаяся изъ совокупности отдѣльныхъ случаевъ, представляетъ извѣстную индивидуальность и единство, такъ какъ соціальный процентъ самоубійства является отличительной чертой каждой коллективной личности. Это обозначаетъ, что, если частныя группы, гдѣ процентъ этотъ особенно высокъ, различны другъ отъ друга и разбросаны самымъ разнообразнымъ образомъ на всемъ протяженіи территоріи, то, несмотря на это, онѣ тѣсно связаны между собою, какъ части одного цѣлаго и какъ органы одного и того же организма. Состояніе, въ которомъ находится каждая изъ этихъ группъ, зависитъ отъ общаго состоянія общества. Существуетъ интимная связь между размѣрами вліянія, осуществляемаго той или другой изъ этихъ тенденцій, и тѣмъ мѣстомъ, какое она занимаетъ въ соціальномъ цѣломъ. Альтруизмъ слабѣе или сильнѣе въ арміи, смотря по тому, насколько сильно про-

является онъ среди гражданскаго населенія. Интеллектуальный индивидуализмъ тѣмъ болѣе развитъ и тѣмъ чаще приводитъ къ самоубійству въ средѣ протестантовъ, чѣмъ интенсивнѣе онъ выраженъ въ остальной націи; вообще, все зависитъ одно отъ другого.

Но, если за исключеніемъ сумасшествія, не существуетъ такого индивидуальнаго состоянія, которое можно было-бы разсматривать, какъ факторъ, производящій самоубійство, то, съ другой стороны, и коллективное чувство, при абсолютномъ сопротивленіи индивида, не можетъ проникнуть въ него. Предыдущее объясненіе можетъ показаться неполнымъ, пока не указано, какимъ образомъ въ опредѣленной средѣ, въ моментъ развитія производящихъ вызывающихъ самоубійства теченій, эти послѣднія находятъ себѣ достаточное количество доступныхъ ихъ вліянію субъектовъ.

Но предполагая даже, что это стеченіе обстоятельствъ дѣйствительно необходимо и что коллективная тенденція не можетъ навязать себя частнымъ лицамъ, независимо отъ всякаго предрасположенія къ ней, все-таки приходится признать, что искомая гармонія осуществляется сама собой,— ибо причины, порождающія соціальное теченіе, оказываютъ свое воздѣйствіе вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣхъ индивидовъ и ставятъ ихъ въ условія, благопріятствующія воспріятію коллективнаго чувства. Между этими двумя рядами факторовъ существуетъ естественное сродство, по одному уже тому, что они зависятъ отъ одной и той же причины, накладывающей на нихъ свою печать; вотъ почему они соединяются вмѣстѣ и приспособляются другъ къ другу. Утонченная цивилизація, дающая начало аномической и эгоистической наклонностямъ къ самоубійству, имѣетъ своимъ результатомъ также утонченность нервной системы, дѣлая ее чрезмѣрно чувствительной. Благодаря этому, люди становятся менѣе способными привязываться къ опредѣленному объекту, болѣе нетерпѣливыми къ ограниченіямъ какой-бы то ни было дисциплины, болѣе подверженными бурнымъ раздраженіямъ, а также и преувеличенному упадку духа,

Наоборотъ, грубая и суровая культура, связанная съ альтруизмомъ примитивныхъ людей, развиваетъ въ индивидахъ чувственность, облегчающую самоотреченіе. Словомъ, такъ какъ въ большей своей части индивидъ является созданіемъ общества, послѣднее формируетъ его по своему образу и подобію. У общества не можетъ оказаться недостатка въ матеріалѣ, такъ какъ оно само, такъ сказать, приготовляетъ этотъ матеріалъ своими собственными руками

Теперь можно яснѣе представить себѣ, какую роль играютъ въ генезисѣ самоубійства индивидуальные факторы. Если въ одной и той же моральной средѣ, т. е. въ одномъ и томъ-же религіозномъ обществѣ, въ одномъ и томъ-же корпусѣ войскъ, или въ одной и той-же профессіи, захвачены наклонностью къ самоубійству именно данные индивиды, то это безъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, происходитъ потому, что умственная организація ихъ по своей природѣ или въ силу обстоятельствъ оказываетъ менѣе сопротивленія соціальной тенденціи къ самоубійству. Но если условія могутъ содѣйствовать частнымъ лицамъ въ томъ, чтобы эта тенденція въ нихъ воплотилась, то все же не отъ нихъ зависятъ ни отличительный характеръ ея, ни ея интенсивность. Число ежегодныхъ самоубійствъ въ данной соціальной группѣ не зависитъ отъ числа находящихся въ ней невропатовъ. Невропатія является только причиною того, что одни легче подпадаютъ подъ вліяніе этой наклонности, чѣмъ другіе. Вотъ откуда проистекаетъ та огромная разница, которая наблюдается во взглядахъ на этотъ вопросъ у клинициста и соціолога. Первый наблюдаетъ только частные случаи, оторванные другъ отъ друга; онъ часто, поэтому, констатируетъ, что самоубійца былъ или неврастеникъ, или алкоголикъ, и объясняетъ совершенный имъ поступокъ однимъ изъ этихъ психопатическихъ состояній. Съ одной стороны онъ правъ, такъ какъ, если данный индивидъ имѣетъ больше шансовъ лишить себя жизни, чѣмъ его сосѣди, то часто это происходитъ именно въ силу указанныхъ причинъ. Но не по этимъ причинамъ

имѣются вообще люди, которые убиваютъ себя, а также не потому въ теченіе опредѣленнаго періода времени въ каждомъ обществѣ насчитывается опредѣленное число самоубійствъ. Причина, производящая это явленіе, неизбѣжно ускользаетъ отъ вниманія тѣхъ, которые наблюдаютъ только индивидовъ, потому что она лежитъ внѣ ихъ. Чтобы открыть ее, надо подняться выше отдѣльныхъ самоубійствъ и подмѣтить то, что соединяетъ ихъ воедино. Намъ могутъ возразить, что если-бы не существовало достаточнаго количества неврастениковъ, то соціальныя причины не могли бы произвести всѣхъ своихъ результатовъ. Но фактически нѣтъ такого общества, гдѣ-бы различныя формы нервной дегенераціи не предоставляли въ жертву самоубійству большее число кандидатовъ, чѣмъ нужно. Лишь для нѣкоторыхъ изъ нихъ открывается, если можно такъ выразиться, вакансія, — а именно для тѣхъ, которые въ силу личныхъ обстоятельствъ стоятъ ближе къ пессимистическимъ теченіямъ и, вслѣдствіе этого, способны сильнѣе пережить на себѣ ихъ вліяніе.

Но остается разрѣшить еще одинъ вопросъ. Такъ какъ ежегодно насчитывается одинаковое число самоубійствъ, то, очевидно, соціальная тенденція къ самоубійству не захватываетъ одновременно всѣхъ тѣхъ, кого она можетъ и должна захватить. Тѣ индивиды, которые обречены стать ея жертвой на слѣдующій годъ, въ настоящее время уже существуютъ; большинство изъ нихъ принимаетъ участіе въ коллективной жизни и, слѣдовательно, подчиняется ея вліянію. Чѣмъ же объясняется то обстоятельство, что вліяніе это ихъ временно щадитъ? Легко понятно, конечно, что одинъ годъ необходимъ для того, чтобы это вліяніе могло цѣликомъ проявить свое воздѣйствіе на индивида. Такъ какъ условія соціальной жизни не одни и тѣ же въ разныя времена года, ихъ воздѣйствіе также мѣняетъ свою интенсивность и свое направленіе въ зависимости отъ временъ года. Только тогда, когда годъ свершитъ свой кругъ, можно сказать, что уже осуществились всѣ тѣ комбинаціи

и условія, въ зависимости отъ которыхъ измѣняется вліяніе соціальной среды. Но такъ какъ, согласно нашему допущенію, слѣдующій годъ является только повтореніемъ предыдущаго и приводитъ все къ тѣмъ же комбинаціямъ, то почему-же одного предыдущаго года не было достаточно? Почему, выражаясь ходячимъ терминомъ, общество платитъ свою дань только въ послѣдовательные сроки?

Объясненіемъ этого земедленія можетъ, по нашему мнѣнію, служить тотъ способъ, которымъ время оказываетъ вліяніе на наклонность къ самоубійству. Это вспомогательный, но очень важный факторъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что наклонность эта непрерывно растетъ, начиная отъ молодыхъ лѣтъ вплоть до зрѣлаго возраста [1]), и что она часто становится въ концѣ жизни въ 10 разъ сильнѣе, чѣмъ была въ ея началѣ. Это значитъ, что коллективная сила, толкающая человѣка на самоубійство, только постепенно, только мало-по-малу проникаетъ въ его существо. При прочихъ равныхъ условіяхъ человѣкъ становится тѣмъ воспріимчивѣе къ ней, чѣмъ старше его возрастъ; и это, конечно, потому, что надо пережить повторныя испытанія, чтобы почувствовать всю пустоту эгоистическаго существованія, или всю суету тщеславія и безразличныхъ претензій. Вотъ почему самоубійцы выполняютъ свое предназначеніе не иначе, какъ послѣдовательными рядами [2]) поколѣній.

---

[1]) Укажемъ, между прочимъ, что эта прогрессія установлена только для европейскихъ народовъ, гдѣ альтруистическій видъ самоубійства встрѣчается сравнительно рѣдко. Можетъ-быть, она не вѣрна относительно этого послѣдняго. Возможно, что этотъ видъ достигаетъ своего апогея скорѣе въ зрѣломъ возрастѣ, въ тотъ моментъ, когда человѣкъ всего живѣе принимаетъ участіе въ соціальной жизни. То отношеніе, которое существуетъ между этимъ видомъ самоубійства и убійствомъ и о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, подтверждаетъ эту гипотезу.

[2]) Не желая вовсе поднимать метафизическаго вопроса, трактовать который мы совершенно не собираемся, мы должны замѣтить, что эта статистическая теорія не лишаетъ человѣка извѣстнаго рода свободы. Наоборотъ, она оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ въ

Глава II.

Самоубійство въ ряду другихъ соціальныхъ явленій.

Такъ какъ самоубійство, по самому своему существу, носитъ соціальный характеръ, то слѣдуетъ разсмотрѣть, какое мѣсто занимаетъ оно среди другихъ соціальныхъ явленій.

Первымъ и наиболѣе важнымъ вопросомъ, который при этомъ возникаетъ, является вопросъ, нужно ли отнести

гораздо большей степени, чѣмъ теорія, дѣлающая индивида источникомъ соціальныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были причины, отъ которыхъ зависитъ правильность коллективныхъ проявленій, онѣ не могутъ не приводить къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онѣ фактически приводятъ. Ибо иначе эти результаты могли-бы произвольно мѣняться, въ то время какъ причины остаются неизмѣнными. Поэтому, если онѣ присущи индивидамъ, онѣ не могутъ не приводить къ вполнѣ опредѣленнымъ поступкамъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ онѣ пребываютъ; слѣдовательно, принявъ эту гипотезу, невозможно избѣгнуть самаго суроваго детерминизма. Но дѣло обстоитъ совершенно иначе, если это постоянство демографическихъ явленій порождается силой, лежащей внѣ индивидовъ; ибо эта сила не оказываетъ на однихъ субъектовъ преимущественнаго дѣйствія передъ другими. Она требуетъ извѣстнаго количества актовъ, и ей все равно, исходятъ-ли эти акты отъ этого индивида, или отъ другого. Можно допустить, что число тѣхъ, которые успѣшно сопротивляются ей, компенсируются числомъ тѣхъ, которые ей покоряются. Въ общемъ, наша концепція стремится только къ тому, чтобы доказать, что, помимо физическихъ, химическихъ, біологическихъ и психологическихъ силъ, существуютъ еще силы соціальныя, которыя оказываютъ свое вліяніе на индивидовъ извнѣ, такъ же, какъ и силы выше упомянутыя. Поэтому, если первыя не исключаютъ человѣческой свободы, то нѣтъ основанія думать, что дѣло обстоитъ иначе со вторыми. Вопросъ одинаково поставленъ какъ по отношенію къ первымъ, такъ и по отношенію ко вторымъ. Когда обнаруживается очагъ эпидеміи, то интенсивность послѣдней предрѣшаетъ вытекающій изъ нея процентъ смертности, но это вовсе не значитъ, что уже заранѣе намѣчены тѣ, которыхъ эта эпидемія захватитъ. Совершенно въ такомъ же положеніи находятся самоубійцы по отношенію къ тенденціямъ, ведущимъ къ самоубійству.

самоубійство къ дѣяніямъ, дозволеннымъ моралью, или къ актамъ, ею запрещеннымъ. Слѣдуетъ ли видѣть въ самоубійствѣ своего рода преступленіе? Извѣстно, сколько споровъ во всѣ времена вызывалъ этотъ вопросъ. Обыкновенно, пытаясь разрѣшить его, сначала давали формулировку даннаго представленія о моральномъ идеалѣ, а затѣмъ уже спрашивали, противорѣчитъ или не противорѣчитъ логически самоубійство этому идеалу. По основаніямъ, изложеннымъ въ другомъ мѣстѣ [1]), мы не можемъ прибѣгнуть къ этому методу. Дедукція, не подвергающаяся провѣркѣ, всегда внушаетъ подозрѣніе, и тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, гдѣ ея отправнымъ пунктомъ является чисто индивидуальное настроеніе, ибо каждый представляетъ себѣ по своему тотъ моральный идеалъ, который принимается за аксіому.

Вмѣсто того, чтобы поступать такимъ образомъ, мы разсмотримъ сначала исторически, какую моральную оцѣнку въ дѣйствительности давали самоубійству различные народы, а затѣмъ попытаемся опредѣлить, на чемъ была основана эта оцѣнка. Послѣ этого намъ останется только посмотрѣть, имѣютъ ли, а если имѣютъ, то въ какой мѣрѣ, основаніе подобныя оцѣнки въ условіяхъ современнаго общества [2]).

I.

Самоубійство было формально запрещено въ христіанскомъ обществѣ съ самаго его основанія. Еще въ 452 году

---

[1]) См. Division du travail social. Введеніе.

[2]) Библіографія вопроса: Appiano Buonafede, Histoire critique et philosophique du suicide, 1762, trad. fr., Paris, 1843. — Bourquelot, Recherches sur les opinions de la législation en matière de morts volontaires въ Bibliothèque de l'École des Chartes, 1842 et 1843. — Guernesey, Suicide, history of the penal laws, New-Iork, 1883.—Garrison, Le suicide en droit romain et en droit français. Toulouse, 1883.—Wynn Wescott, Suicide, Londres, 1885, p. 43—58.—Geiger, Der Selbstmord im klassischen Altertum, Augsbourg, 1888.

Арлскій соборъ заявилъ, что самоубійство—преступленіе и что оно есть не что иное, какъ результатъ дьявольской злобы. Но только въ слѣдующемъ вѣкѣ, въ 563 году на Пражскомъ соборѣ это запрещеніе получило карательную санкцію. Тамъ было постановлено, что самоубійцамъ не будетъ оказываться „честь поминовенія во время святой службы и что пѣніе псалмовъ не должно сопровождать ихъ тѣло до могилы". Гражданское законодательство, подъ вліяніемъ каноническаго права, присоединило къ религіознымъ карамъ и земныя наказанія. Одна глава изъ постановленій Людовика Св. посвящена спеціально этому вопросу; трупъ самоубійцы судился формальнымъ порядкомъ тѣми властями, вѣдѣнію которыхъ подлежали дѣла объ убійствахъ; имущество покойнаго не переходило къ обычнымъ наслѣдникамъ, а отдавалось барону. Во многихъ случаяхъ обычное право не удовлетворялось конфискаціей, но предписывало, кромѣ этого, различныя наказанія. „Въ Бордо трупъ вѣшали за ноги; въ Аббевилѣ его тащили въ плетенкѣ по улицамъ; въ Лиллѣ трупъ мужчины, протащивъ на вилахъ, вѣшали, а трупъ женщины сжигали" [1]). Даже сумасшествіе не всегда считалось смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Уголовное уложеніе, обнародованное Людовикомъ XIV въ 1670 году, кодифицировало эти обычаи безъ особыхъ смягченій. Произносился формальный приговоръ по закону ad perpetuam rei memoriam; трупъ тащили на плетенкѣ лицомъ къ землѣ по улицамъ и переулкамъ, а затѣмъ вѣшали или бросали на живодерню. Имущество конфисковалось. Дворяне лишались званія, ихъ лѣса вырубались, замки разрушались, гербы ломались. Имѣется указъ парижскаго парламента отъ 31 января 1749 года, изданный въ силу такого закона.

Въ противоположность этому, революція 1789 года уничтожила всѣ эти репрессивныя мѣры и вычеркнула самоубійства изъ списка преступленій противъ закона. Но всѣ религіозныя ученія, къ которымъ принадлежатъ французы,

---

[1]) Garrison, op. cit. стр. 77.

продолжаютъ запрещать самоубійство и налагать за него наказанія,—общее моральное сознаніе также относится къ нему отрицательно. Оно все еще внушаетъ народному сознанію какое-то отвращеніе, распространяющееся и на то мѣсто, гдѣ самоубійца привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе, и на тѣхъ лицъ, которыя касались его трупа. Оно составляетъ моральный порокъ, хотя общественное мнѣніе, повидимому, имѣетъ тенденцію сдѣлаться въ этомъ отношеніи болѣе снисходительнымъ, чѣмъ раньше. Къ тому же, самоубійство сохранило отъ старыхъ временъ въ умахъ общества кое-какой налетъ преступности. Большей частью законодательство разсматриваетъ сообщника самоубійцы, какъ убійцу. Это не могло бы имѣть мѣста, если бы на самоубійство смотрѣли, какъ на дѣяніе, безразличное въ нравственномъ отношеніи.

Подобное же законодательство встрѣчается у всѣхъ христіанскихъ народовъ и оно почти повсюду осталось болѣе строгимъ, чѣмъ во Франціи. Въ Англіи еще въ X вѣкѣ король Эдуардъ въ одномъ изъ изданныхъ имъ „Каноновъ“ приравнивалъ самоубійцу къ ворамъ, разбойникамъ и преступникамъ всякаго рода. До 1823 г. существовалъ обычай тащить трупъ самоубійцы по улицамъ, проткнувъ его коломъ, и хоронить его при большой дорогѣ безъ всякой религіозной церемоніи. Да и теперь ихъ хоронятъ отдѣльно отъ прочихъ. Самоубійца объявлялся отступникомъ (felo de se), а его имущество отбиралось государствомъ. И только въ 1870 году былъ отмѣненъ этотъ законъ, одновременно со всѣми другими видами конфискацій за отступничество. Правда, слишкомъ преувеличенное наказаніе уже давно сдѣлало законъ неприложимымъ; судъ присяжныхъ обходилъ его, заявляя по большей части, что самоубійца дѣйствовалъ въ моментъ сумасшествія и, слѣдовательно, является невмѣняемымъ. Но самый актъ, все-таки, квалифицируется, какъ преступленіе; каждый разъ, какъ онъ совершается, онъ бываетъ предметомъ формальнаго судебнаго слѣдствія и суда, и въ принципѣ покушеніе на него наказуемо. По сло-

вамъ Ферри [1]) въ одной только Англіи въ 1889 году было, яко-бы, еще 106 процессовъ по дѣламъ о самоубійствѣ и 84 осужденія. Еще въ большей степени это относится къ соучастію.

Въ Цюрихѣ, разсказываетъ Мишлэ, трупъ нѣкогда подвергался ужасному обращенію. Если человѣкъ покончилъ съ собой кинжаломъ, то около его головы вбивали кусокъ дерева, въ который вонзали ножъ; утопленника погребали въ пяти шагахъ отъ воды, въ пескѣ [2]). Въ Пруссіи до уголовнаго уложенія 1871 года погребеніе должно было происходить безъ всякой торжественности и безъ религіозныхъ церемоній. Новое германское уголовное уложеніе еще наказываетъ соучастіе тремя годами тюремнаго заключенія (ст. 216). Въ Австріи старыя каноническія правила остались почти неприкосновенными.

Русское право болѣе строго. Если окажется, что самоубійца дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ хроническаго или временнаго умопомраченія, его завѣщаніе разсматривается, какъ не имѣющее никакого значенія, точно такъ же, какъ и всѣ распоряженія, сдѣланныя имъ на случай смерти. Самоубійцѣ отказываютъ въ христіанскомъ погребеніи. Покушеніе на самоубійство наказывается церковнымъ покаяніемъ, налагаемымъ духовными властями. Наконецъ, тотъ, кто подстрекаетъ другого къ самоубійству или помогаетъ какимъ-нибудь образомъ исполненію его рѣшенія, снабжая, напримѣръ, его необходимыми орудіями,—разсматривается, какъ соучастникъ въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ [3]). Испанское уложеніе, кромѣ религіозныхъ и моральныхъ каръ, предписываетъ конфискацію имущества и наказываетъ всякое пособничество [4]).

Наконецъ, уголовное уложеніе Нью-Іоркскаго штата, хотя и изданное очень недавно (1881) г.), квалифицируетъ

---

[1]) Omicidio-suicidio, стр. 61—62.
[2]) Origines du droit français, стр. 371.
[3]) Ферри, op. cit. стр. 62.
[4]) Гаррисонъ, op. cit., стр. 144, 145.

самоубійство, какъ преступленіе. Правда, несмотря на подобную квалификацію, законъ отказывается наказывать самоубійцу по практическимъ соображеніямъ, ибо наказаніе не можетъ настигнуть истиннаго виновника. Но покушеніе можетъ повлечь за собой присужденіе или къ тюремному наказанію, могущему продолжаться до 2-хъ лѣтъ, или къ штрафу до 200 долларовъ, или къ тому и другому заразъ. Простой совѣтъ прибѣгнуть къ самоубійству или помощь въ его выполненіи приравнивается къ пособничеству въ убійствѣ [1]).

Магометане не менѣе энергично запрещаютъ самоубійство. „Человѣкъ, говоритъ Магометъ, умираетъ лишь по волѣ Бога, согласно книгѣ, въ которой отмѣченъ срокъ его жизни [2]). Когда придетъ конецъ, онъ не сумѣетъ ни замедлить и ни ускорить его ни на одно мгновеніе“ [3]). „Мы постановили, чтобы смерть поражала васъ другъ за другомъ, и никто не можетъ предупредить назначенный срокъ“ [4]).

„Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ больше противорѣчить общему духу магометанской цивилизаціи, чѣмъ самоубійство; ибо наивысшей добродѣтелью является здѣсь полное подчиненіе волѣ Бога, безропотная покорность, позволяющая переносить все съ терпѣніемъ“ [5]).

Самоубійство, актъ неподчиненія и бунта, могло разсматриваться, лишь какъ тяжкій грѣхъ противъ основного долга.

Если отъ современнаго общества мы перейдемъ къ его историческимъ предшественникамъ, т. е. къ греколатинскимъ общинамъ, то тамъ мы найдемъ также законодательство, касающееся самоубійства; но оно исходило совсѣмъ изъ другого принципа. Самоубійство разсматривалось, какъ

---

[1]) Ферри, op. cit., стр. 63, 64.
[2]) Coran, III, см. 139.
[3]) Ibid., XVI, см. 63.
[4]) Ibid., LVI, см. 60.
[5]) Ibid., XXXIII, см. 33.

незаконное, лишь въ томъ случаѣ, когда оно не было разрѣшено государствомъ. Такъ, въ Аѳинахъ человѣкъ, покончившій съ собой, подвергается „ἀτιμία", ибо онъ совершалъ поступокъ противъ общины [1]); ему отказывали въ почестяхъ обычнаго погребенія; кромѣ того, у трупа отрѣзали руку и погребали ее отдѣльно [2]). То же самое съ незначительными измѣненіями продѣлывалось въ Ѳивахъ и на Кипрѣ [3]). Въ Спартѣ законъ примѣнялся настолько строго, что наказанію подвергли Аристодема за то, что онъ стремился найти и нашелъ смерть въ Платейской битвѣ. Но эти наказанія примѣнялись лишь въ томъ случаѣ, когда индивидуумъ, убивая себя, не спрашивалъ предварительно разрѣшенія у соотвѣтствующей власти. Въ Аѳинахъ, если передъ самоубійствомъ испрашивалось у сената разрѣшеніе со ссылкой на причины, сдѣлавшія для самоубійцы жизнь нестерпимой, и если просьба встрѣчала удовлетвореніе,—самоубійство разсматривалось, какъ законный актъ. Либаній [4]) передаетъ намъ нѣкоторыя правила, примѣнявшіяся въ этомъ случаѣ; онъ не сообщаетъ, къ какой эпохѣ они относятся, но они дѣйствительно имѣли силу въ Аѳинахъ, онъ отзывается объ этихъ законахъ съ очень большой похвалой и утверждаетъ, что они приводили къ хорошимъ результатамъ. Законы эти формулировались такъ: „Пусть тотъ, кто не хочетъ больше жить, изложитъ свои основанія Сенату и, получивши разрѣшеніе, покидаетъ жизнь. Если жизнь тебѣ претитъ—умирай; если ты обиженъ судьбой—пей цикуту. Если ты сломленъ горемъ—оставляй жизнь. Пусть несчастный разскажетъ про свои горести, пусть власти дадутъ ему лѣкарство, и его бѣдѣ наступитъ конецъ.". Подобный же законъ мы находимъ на Хіосѣ [5]). Онъ былъ

---

[1]) Aristoteles, Eth. Nic., V, 11, 3.

[2]) Eschine, C. Ctésiphon., стр. 244.—Платонъ, Законы, IX 12, стр. 873.

[3]) Dion Chrysostome, Or., 4, 14 (éd. Teubner, V, 2, стр. 207).

[4]) Melet. Ed. Reiske, Altenburg, 1797, стр. 198 и сл.

[5]) Валерій-Максимъ, 2, 6, 8.

перенесенъ въ Марсель греческими колонистами, основавшими этотъ городъ. У властей былъ запасъ яда, изъ котораго онѣ снабжали необходимыми количествами всѣхъ тѣхъ, которые послѣ предъявленія Совѣту Шестисотъ причинъ, толкающихъ ихъ на самоубійство, получали его разрѣшеніе [1]).

У насъ гораздо меньше свѣдѣній относительно постановленій древняго римскаго права: отрывки законовъ Двѣнадцати Таблицъ, дошедшихъ до насъ, не упоминаютъ о самоубійствѣ. Но такъ какъ эти законы были подъ сильнымъ вліяніемъ греческаго законодательства, то весьма возможно, что и въ нихъ содержались аналогичныя постановленія. Во всякомъ случаѣ, Сервій, въ своемъ комментаріи къ Энеидѣ [2]), сообщаетъ намъ, что, согласно жреческимъ книгамъ, покончившій жизнь повѣшеніемъ лишается погребенія. Статуты одного религіознаго братства въ Ланувіѣ требовали такого же наказанія [3]). По словамъ лѣтописца Кассія Гермина, цитированнымъ Сервіемъ, Тарквиній Гордый яко-бы приказалъ, для борьбы съ эпидеміей самоубійствъ, распинать трупы самоубійцъ и оставлять ихъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и птицамъ [4]). Обычая не хоронить самоубійцъ, повидимому, держались крѣпко, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, ибо въ Дигестахъ читаемъ: Non solent autem lugeri suspendiosi nec qui manus sibi intulerunt, non taedio vitae, sed mala conscientia [5]).

Но, по свидѣтельству одного текста изъ Квинтиліана [6]), и въ Римѣ до довольно поздней эпохи существовали устано-

---

[1]) Валерій-Максимъ, 2, 6, 7.

[2]) XII, 603.

[3]) V. Lasaulx, Ueber die Bücher des Koenigs Numa, въ своихъ Etudes d'antiquité classique. Мы цитируемъ по Гайгеру, стр. 63.

[4]) Servius, loc. cit. — Pline, Hist. nat. XXXVI, 24.

[5]) III, tit. II, кн. II, § 3 (не слѣдуетъ также погребать повѣсившихся и наложившихъ на себя руки не вслѣдствіе невыносимости жизни, но вслѣдствіе злой воли).

[6]) Inst. orat., VII, 4, 39. — Declam. 337.

вленія, аналогичныя тѣмъ, которыя мы только что видѣли въ Греціи, и предназначенныя для смягченія строгости предшествовавшихъ имъ узаконеній. Гражданинъ, рѣшившій прибѣгнуть къ самоубійству, долженъ былъ представить доводы о необходимости этого шага Сенату, постановлявшему, заслуживаютъ ли эти доводы вниманія, и опредѣлявшему даже способъ самоубійства. Что подобнаго рода практика дѣйствительно существовала въ Римѣ — на это указываютъ нѣкоторые пережитки, уцѣлѣвшіе до императорской эпохи въ арміи. Солдатъ, покушавшійся на самоубійство, съ цѣлью такимъ образомъ избавиться отъ службы, предавался смертной казни; но, если онъ могъ доказать, что дѣйствовалъ подъ вліяніемъ какой-либо уважительной причины, его просто исключали изъ арміи [1]). Если, наконецъ, его поступокъ былъ обставленъ упреками совѣсти по поводу какого-нибудь дисциплинарнаго прегрѣшенія, его завѣщаніе признавалось не имѣющимъ никакого значенія, а имущество отбиралось въ казну [2]). Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Римѣ въ моральной и юридической оцѣнкѣ самоубійства все время преобладающую роль играло разсмотрѣніе мотивовъ, повлекшихъ за собой этотъ актъ. Отсюда возникло и правило: Et merito, si sine causa sibi manus intulit, puniendus est: qui enim sibi non pepercit, multo minus aliis parcet [3]). Общественное сознаніе, въ цѣломъ и общемъ, относясь отрицательно къ самоубійству, сохраняло за собой право разрѣшать его въ извѣстныхъ случаяхъ. Подобный принципъ очень родственъ основной мысли установленій, о которыхъ говоритъ Квинтиліанъ; и онъ настолько былъ тѣсно связанъ со всей римской регламентаціей самоубійства, что удержался вплоть до импера-

---

[1]) Дигесты, кн. XLIX, гл. XVI, законъ 6, § 7.

[2]) Ibid., кн. XXVIII, гл. III, законъ 6, § 7.

[3]) Ibid., кн. XLVIII, гл. XXI, законъ 3, § 6. (И если безъ уважительной причины наложилъ на себя руку, долженъ понести заслуженное наказаніе: ибо кто не пощадилъ себя, еще менѣе будетъ щадить другихъ).

торской эпохи. Только съ теченіемъ времени увеличился списокъ поводовъ, дающихъ право на прощеніе. И въ концѣ концовъ осталась лишь одна только causa injusta: желаніе ускользнуть отъ послѣдствій судебнаго приговора. Но и тутъ былъ такой періодъ, когда, повидимому, законъ, исключавшій возможность прощенія въ этомъ случаѣ, оставался безъ примѣненія [1]).

Если отъ античной общины спуститься къ первобытнымъ народамъ, среди которыхъ процвѣтаетъ самоубійство, вытекающее изъ альтруистическихъ побужденій, то тамъ будетъ очень трудно найти что-нибудь опредѣленное въ области обычнаго законодательства, относящагося къ этому предмету. Однако, снисходительность, съ которой тамъ встрѣчается самоубійство, позволяетъ думать, что оно не запрещено закономъ. Возможно, впрочемъ, что оно пользуется терпимостью не во всѣхъ случаяхъ. Но какъ бы тамъ ни было, остается несомнѣннымъ, что изъ всѣхъ обществъ, перешагнувшихъ черезъ эту первичную стадію развитія, мы не знаемъ ни одного, въ которомъ бы личности предоставлялось безъ всякихъ оговорокъ право кончать съ собой. Правда, въ Греціи, какъ и въ Италіи, былъ періодъ, когда древнія узаконенія, относящіяся къ самоубійству, вышли почти совершенно изъ употребленія. Но это имѣло мѣсто только въ эпоху упадка самихъ античныхъ общинъ. Поэтому нельзя ссылаться на подобную запоздалую терпимость, какъ на примѣръ, достойный подражанія: она, очевидно, тѣсно связана съ тяжелыми потрясеніями, переживавшимися обществомъ въ ту эпоху. Это было симптомомъ агоніи.

Подобная всеобщность отрицательнаго отношенія къ самоубійству, если не обращать вниманія на случаи регресса, уже сама по себѣ является поучительнымъ фактомъ, способнымъ внушить сомнѣніе слишкомъ снисходительнымъ моралистамъ. Автору, который осмѣлился бы въ этомъ

---

[1]) Въ періодъ конца республики и начала имперіи. См. Geiger, стр. 69.

вопросѣ во имя какой-нибудь системы возстать противъ моральнаго сознанія всего человѣчества, нужно было-бы обладать особымъ довѣріемъ къ могуществу своей логики; или, если онъ, считая это отрицательное отношеніе обоснованнымъ для прошлаго, требуетъ его отмѣны лишь для настоящаго времени, онъ долженъ былъ-бы раньше всего доказать, что въ новѣйшія времена произошло какое-то глубокое измѣненіе въ основныхъ условіяхъ коллективной жизни.

Но изъ изложеннаго выше вытекаетъ еще одинъ болѣе знаменательный выводъ, исключающій мысль о возможности подобнаго доказательства. Если оставить въ сторонѣ различіе въ деталяхъ репрессивныхъ мѣръ, принимавшихся разными народами, то можно увидѣть, что регламентація самоубійства прошла черезъ двѣ главныя фазы. Въ первой— личности запрещено кончать съ собой самовольно, но государство можетъ выдать на это свое разрѣшеніе. Дѣяніе становится безнравственнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда его совершаютъ отдѣльныя лица на свой страхъ безъ участія органовъ коллективной жизни. При извѣстныхъ обстоятельствахъ общество какъ бы уступаетъ и соглашается разрѣшить то, что принципіально оно осуждаетъ. Во второмъ періодѣ—осужденіе носитъ абсолютный характеръ и не допускаетъ никакихъ исключеній. Возможность распоряженія человѣческой жизнью, за исключеніемъ смерти, какъ возмездія за преступленіе [1]), отнимается уже не только у заинтересованнаго субъекта, но даже и у общества. Этого права отнынѣ лишены и коллективная, и индивидуальная воля. Самоубійство разсматривается, какъ безнравственное дѣяніе по самой своей сущности, само по себѣ, внѣ зависимости отъ того, кто является его участникомъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ развитія прогресса, отрицательное отношеніе не только не исчезаетъ, но дѣлается все болѣе радикальнымъ. Если же въ настоящее время общественное сознаніе, пови-

[1]) Но даже и это право начинаетъ встрѣчать несочувствіе въ обществѣ.

димому, снисходительно относится къ самоубійству, то это колебаніе должно вытекать изъ временныхъ случайныхъ причинъ; ибо совершенно невѣроятно, чтобы моральная эволюція, шедшая въ теченіе вѣковъ въ одномъ и томъ же направленіи, могла пойти въ этомъ вопросѣ назадъ.

И въ самомъ дѣлѣ, идеи, изъ которыхъ вытекла эта эволюція, никогда не теряютъ своей силы. Нѣкоторые утверждаютъ, что самоубійство заслуживаетъ наказанія потому, что человѣкъ, кончая съ собой, уклоняется отъ исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ обществу. Но если исходить только изъ этого соображенія, то слѣдовало бы, подобно грекамъ, предоставить обществу организовать, по его усмотрѣнію, самозащиту, дѣйствующую исключительно въ его интересахъ. Но мы отказывали ему въ правѣ на это именно потому, что мы не смотримъ на самоубійцу просто, какъ на несостоятельнаго должника, кредиторомъ котораго является общество. Вѣдь кредиторъ можетъ всегда простить долгъ, на полученіе котораго онъ имѣетъ право. Къ тому же, если бы осужденіе, встрѣчающее самоубійство, не имѣло другихъ источниковъ, оно должно было бы быть тѣмъ строже, чѣмъ сильнѣе личность подчинена государству; слѣдовательно, оно достигало бы своего апогея въ извѣстномъ обществѣ. Однако, совершенно наоборотъ, оно развивается все больше по мѣрѣ того, какъ растутъ права личности по отношенію къ государству. И если оно приняло такой строгій и всеобщій характеръ въ христіанскомъ обществѣ, то причину этого измѣненія слѣдуетъ искать не въ представленіи этихъ народовъ о значеніи государства, а въ новомъ понятіи о человѣческой личностн. Она стала въ ихъ глазахъ святыней и даже святыней по преимуществу, на которую никто не смѣетъ посягать.

Безъ сомнѣнія, уже въ античной общинѣ личность не настолько принижена, какъ у первобытныхъ народовъ. За ней уже признается соціальная цѣнность, но эта цѣнность разсматривается исключительно, какъ достояніе государства. Община, поэтому, могла свободно распоряжаться лич-

ностью, лишая въ то же время личность права распоряженія самой собой. Но теперь личности придаютъ такое достоинство, которое ставитъ ее выше самой себя и выше общества. Пока она не пала и не потеряла, благодаря своему поведенію, права называться человѣкомъ, она для насъ является, такъ сказать, частицей той высшей природы sui generis, которой всѣ религіи надѣляютъ своихъ боговъ и которая ставитъ ихъ внѣ посягательствъ со стороны смертныхъ. Личность получила религіозный оттѣнокъ; человѣкъ сталъ богомъ для людей. И поэтому всякое покушеніе на личность кажется намъ оскорбленіемъ святыни. Чья бы рука ни наносила ударъ, онъ производитъ на насъ отталкивающее впечатлѣніе только потому, что онъ посягаетъ на то священное, что заключается въ насъ и что мы должны уважать и въ себѣ въ другихъ людяхъ.

Итакъ, самоубійство осуждается потому, что оно противорѣчитъ культу человѣческой личности, на которомъ покоится вся наша мораль. Это соображеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы совершенно иначе смотримъ на самоубійство, чѣмъ народы древности. Нѣкогда въ немъ видѣли только гражданскій проступокъ по отношенію къ государству; религія же относилась по нему болѣе или менѣе индифферентно[1]). Напротивъ, для насъ оно стало по самому своему существу религіознымъ актомъ. Его осудили церковные соборы, а свѣтская власть, прибѣгая къ мѣрамъ наказанія, только слѣдовала и подражала церковной. Такъ какъ въ насъ есть безсмертная душа, частица божества, то мы должны быть священны для самихъ себя. Такъ какъ мы носимъ въ себѣ божеское начало, то мы и не можемъ быть въ полной власти смертныхъ существъ.

Но если таково основаніе, по которому самоубійство причисляли къ недозволеннымъ дѣяніямъ, то, быть можетъ, теперь это осужденіе потеряло свою цѣнность? Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, научная критика не придаетъ ни малѣйшаго

---

[1]) См. Geiger, op. cit., стр. 58—59.

значенія подобнымъ мистическимъ представленіямъ и не допускаетъ никакихъ сверхчеловѣческихъ началъ въ человѣкѣ. И разсуждая такимъ именно образомъ, Ферри въ его Omicidio-Suicidio пришелъ къ заключенію, что всякое осужденіе самоубійства является пережиткомъ прошлаго, которому суждено исчезнуть. Считая абсурдомъ съ раціоналистической точки зрѣнія положеніе о томъ, что человѣкъ можетъ имѣть какую-нибудь цѣль внѣ самого себя, онъ умозаключаетъ отсюда, что мы всегда обладаемъ свободой отказаться отъ выгодъ совмѣстной жизни, отказываясь отъ существованія. Право на жизнь, по его мнѣнію, логически приводитъ насъ къ праву на смерть.

Но подобная аргументація слишкомъ быстро умозаключаетъ отъ формы къ существу вопроса, отъ словеснаго выраженія нашего чувства къ самому чувству. Безъ сомнѣнія, взятые сами по себѣ и въ ихъ абстрактномъ видѣ, религіозные символы, посредствомъ которыхъ мы выражаемъ уваженіе, внушаемое намъ человѣческой личностью, не соотвѣтствуютъ ничему реальному. И это очень легко доказать. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что самое-то уваженіе ровно ни на чемъ не основано. То обстоятельство, что это уваженіе играетъ главную роль въ нашемъ правѣ и въ нашей морали, должно, напротивъ, предостеречь насъ отъ подобнаго толкованія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы буквально понимать это выраженіе, мы изслѣдуемъ его въ его сущности, посмотримъ, какъ оно возникало, и увидимъ, что если вульгарная формулировка его топорна, то это не мѣшаетъ ему имѣть объективную цѣнность.

Въ самомъ дѣлѣ, своего рода трансцендентность, приписываемая нами человѣческой личности, не представляетъ изъ себя ничего специфически ей присущаго. Ее встрѣчаемъ мы и въ другихъ случаяхъ. Она — лишь отпечатокъ, который оставляютъ на предметахъ коллективныя чувства, достигшія извѣстной силы. И именно потому, что эти чувства исходятъ изъ коллективности, и тѣ цѣли, къ которымъ благодаря имъ направляется наша дѣятельность, могутъ но-

сить лишь коллективный характеръ. А общество имѣетъ свои потребности, не разлагаемыя на наши индивидуальныя потребности. Дѣйствія, внушаемыя намъ коллективными чувствами, не слѣдуютъ, поэтому, нашимъ личнымъ наклонностямъ: они ставятъ цѣлью не нашъ собственный интересъ, а состоятъ, по большей части, изъ лишеній и жертвъ. Когда я пощусь, я умерщвляю свою плоть, желая сдѣлать пріятное Богу; когда изъ уваженія къ какой-нибудь традиціи, смыслъ и значеніе которой я по большей части не знаю, я налагаю на себя какое-нибудь стѣсненіе, когда я плачу налоги, когда я отдаю мой трудъ и жизнь государству, — я отрекаюсь отъ части самого себя; и по тому сопротивленію, которое оказываетъ нашъ эгоизмъ подобнымъ актамъ самоотреченія, мы легко замѣчаемъ, что они требуются отъ насъ какой-то высшей властью, которой мы подчинены. И даже когда мы съ радостью идемъ навстрѣчу ея приказаніямъ, у насъ бываетъ сознаніе, что наше поведеніе опредѣляется чувствомъ подчиненія чему-то болѣе великому, чѣмъ мы сами. И какъ бы по внѣшности ни добровольно подчинялись мы голосу, диктующему намъ это самоотреченіе, мы прекрасно сознаемъ, что этотъ голосъ говоритъ намъ въ повелительномъ тонѣ, отличающемся отъ голоса инстинкта. Поэтому, хотя онъ и раздается внутри нашего сознанія, мы не можемъ, не противорѣча самимъ себѣ, смотрѣть на него, какъ на наше собственное побужденіе. Но мы его отчуждаемъ отъ себя такъ же, какъ дѣлаемъ это съ нашими ощущеніями, мы проецируемъ его вовнѣ, переносимъ его на какое-то существо, находящееся, по нашему представленію, внѣ насъ и выше насъ, такъ какъ оно отдаетъ намъ приказанія, а мы повинуемся его повелѣніямъ. Естественно, что все, что какъ намъ кажется, имѣетъ то же происхожденіе, носитъ такой же характеръ. И поэтому мы были принуждены вообразить какой-то міръ, выше земного міра, и населить его существами иного рода.

Таково происхожденіе всѣхъ идей о трансцендентномъ, легшихъ въ основу религіозныхъ и моральныхъ

ученій, ибо инымъ способомъ нельзя объяснить моральныхъ обязательствъ. Конечно, конкретная формулировка, въ какую мы облекаемъ обыкновенно эти идеи, не имѣетъ никакой научной цѣнности. Постулируемъ-ли мы въ видѣ основы какое-нибудь особое личное существо или какую-нибудь абстрактную силу, которую мы въ смутной формѣ олицетворяемъ подъ именемъ моральнаго идеала, — во всякомъ случаѣ все это—метафоры, не отражающія вполнѣ точно реальныхъ фактовъ. Но процессъ, который отражаютъ эти идеи, все-таки остается реальнымъ. Остается несомнѣннымъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ причиной, обусловливающей наши дѣйствія, является сила, стоящая выше насъ, а именно общество, и что внушенныя ею намъ цѣли пользуются настоящей моральной гегемоніей. А если это такъ, то всѣ возраженія, которыя можно привести противъ обычныхъ представленій, которыми люди выражаютъ чувствуемое ими подчиненіе высшей силѣ, не могутъ уменьшить реальности этого факта. Подобная критика носитъ поверхностный характеръ и не касается сути вопроса. Поэтому, если можно утверждать, что возведеніе на пьедесталъ человѣческой личности составляетъ одну изъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ и должно преслѣдовать современное общество, то этимъ самымъ оправдываются и всѣ вытекающія изъ этого принципа моральныя нормы, какова бы ни была цѣнность тѣхъ пріемовъ, какими ихъ оправдываютъ обыкновенно. Если доводы, которыми довольствуется толпа, не выдерживаютъ критики, достаточно изложить ихъ другимъ языкомъ для того, чтобы придать имъ все ихъ значеніе.

Дѣйствительно, эта цѣль не только стоитъ въ ряду тѣхъ, которыя ставятъ себѣ современныя общества; но законъ исторіи состоитъ въ томъ, что послѣднія стремятся мало-по-малу избавиться отъ всякой другой цѣли. Въ началѣ общество было всѣмъ, личность — ничѣмъ. Вслѣдствіе этого, наиболѣе интенсивными соціальными чувствами были тѣ, которыя привязывали личность къ коллективности: послѣдняя

являлась самодовлѣющею цѣлью для самой себя. Человѣкъ считался простымъ орудіемъ въ ея рукахъ; отъ нея, казалось, получалъ онъ всѣ свои права, и по отношенію къ ней не имѣлъ никакихъ правъ, потому что онъ былъ ничто внѣ ея. Но, мало-по-малу, отношенія измѣнились. По мѣрѣ того, какъ общества становились все болѣе многолюдными и сплоченными, они дѣлались все сложнѣе, возникало раздѣленіе труда, умножались индивидуальныя различія [1]), и уже приближалось время, когда между членами одной и той же группы не остается ничего общаго, кромѣ того, что всѣ они — люди. При этихъ условіяхъ, общественное чувство неизбѣжно направляется со всей своей силою на тотъ единственный предметъ, который еще остается въ его распоряженіи и которому оно сообщаетъ поэтому несравненную цѣнность. Такъ какъ человѣческая личность является единственнымъ предметомъ, который можетъ одушевить всѣ сердца, такъ какъ возвеличеніе личности является единственною цѣлью, которую можно преслѣдовать коллективно, то она не можетъ не пріобрѣсти въ глазахъ всѣхъ исключительной важности. Она поднимается такимъ образомъ выше всѣхъ человѣческихъ цѣлей и получаетъ религіозный характеръ.

Этотъ культъ человѣка представляетъ собою нѣчто совершенно иное, чѣмъ тотъ эгоистическій индивидуализмъ, о которомъ мы говорили выше и который ведетъ къ самоубійству. Не отрывая личностей отъ общества и отъ сверхиндивидуальныхъ цѣлей, этотъ культъ объединяетъ ихъ на одной мысли и дѣлаетъ изъ нихъ служителей одного и того же дѣла. Ибо тотъ человѣкъ, который ставится, такимъ образомъ, предметомъ общественной любви и почитанія, не есть та конкретная, эмпирическая личность, каковой является каждый изъ насъ; это — человѣкъ вообще, идеальное человѣчество, какъ его понимаетъ каждый народъ въ каждый моментъ своей исторіи. Никто изъ насъ не воплощаетъ его

[1]) См. наше Division du travail social, кн. II.

полностью, хотя никто изъ насъ и не чуждъ ему совершенно. Дѣло идетъ вѣдь не о томъ, чтобы сосредоточить каждую отдѣльную личность на самой себѣ и на ея личныхъ интересахъ, но о томъ, чтобы подчинить ее всеобщимъ интересамъ человѣческаго рода. Такая цѣль выводитъ ее за ея предѣлы; безличная и безпристрастная, она паритъ надъ всѣми частными личностями; какъ и всякій идеалъ, она можетъ быть понимаема только, какъ нѣчто высшее и господствующее надъ реальнымъ. Она господствуетъ даже надъ обществами, потому что она есть та цѣль, на которую направлена всякая соціальная дѣятельность. Вотъ почему общество уже не имѣетъ права распоряжаться ею. Общества, признавая за собою свое право на существованіе, становятся отъ личности въ зависимость и теряютъ право на ея уничтоженіе; и еще съ большимъ основаніемъ теряютъ они право разрѣшать людямъ уничтожать самихъ себя. Наше достоинство, какъ моральныхъ существъ, перестаетъ быть собственностью общины; но въ силу этого оно не становится еще нашею собственностью,—мы нисколько не пріобрѣтаемъ права дѣлать съ нимъ, что намъ угодно. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, могли бы мы получить это право, когда общество — это существо, высшее, чѣмъ мы — само его не имѣетъ?

При этихъ условіяхъ, самоубійство необходимо причисляется къ поступкамъ безнравственнымъ; ибо оно, по своему основному принципу, отрицаетъ эту религію человѣчества. Убивая себя, человѣкъ наноситъ, говорятъ намъ, вредъ только самому себѣ, и обществу не зачѣмъ вмѣшиваться сюда, согласно древней аксіомѣ: volenti non fit injuria. Это — заблужденіе. Общество оскорблено, потому что оскорблено чувство, на которомъ основываются въ настоящее время его наиболѣе почитаемыя моральныя аксіомы и которое служитъ почти единственною связью между его членами; это чувство было бы подорвано, если бы такое оскорбленіе могло совершиться безпрепятственно. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могло бы оно сохранить

малѣйшій авторитетъ, если бы, при его оскорбленіи, моральное сознаніе не протестовало? Съ того момента, какъ человѣческая личность признается и должна быть признана святыней, которой не можетъ произвольно распоряжаться ни индивидъ, ни группа, всякое покушеніе на нее должно быть запрещено. Не важно, что преступникъ и жертва соединяются при этомъ въ одномъ лицѣ: соціальное зло, слѣдующее изъ акта, не исчезаетъ только потому, что преступникъ причинилъ страданіе только себѣ. Если фактъ насильственнаго прекращенія человѣческой жизни самъ по себѣ всегда возмущаетъ насъ, какъ оскорбленіе святыни, то мы не можемъ терпѣть его ни въ какомъ случаѣ. Уступивъ здѣсь, общественное чувство скоро потеряло бы свою силу.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что слѣдуетъ вернуться къ тѣмъ дикимъ мѣрамъ, которые примѣнялись въ предыдущіе вѣка къ самоубійцамъ. Онѣ были установлены въ эпоху, когда, подъ вліяніемъ преходящихъ условій, всякая карательная система проводилась съ преувеличенной жестокостью. Но слѣдуетъ соблюсти принципъ, что самоубійство, какъ таковое, должно быть осуждено. Остается изслѣдовать, какими внѣшними признаками можетъ выражаться это осужденіе. Достаточно ли однѣхъ моральныхъ санкцій или нужны еще и юридическія, и какія именно? Этотъ практическій вопросъ и разсматривается въ слѣдующей главѣ.

II.

Чтобы точнѣе опредѣлить степень безнравственности самоубійства, мы разсмотримъ предварительно, въ какихъ отношеніяхъ оно стоитъ къ другимъ безнравственнымъ дѣйствіямъ, именно къ преступленіямъ и проступкамъ.

По Lacassagne, существуетъ обратное отношеніе между статистикой самоубійствъ и статистикой преступленій противъ собственности (квалифицированныя кражи, поджоги,

злостныя банкротства и т. п.). Это положеніе поддерживается отъ его имени однимъ изъ его учениковъ, докторомъ Chaussinand въ его Contribution à l'étude de la statistique criminelle [1]). Но доказательства этого положенія совершенно отсутствуютъ. По нашему автору, достаточно сравнить двѣ соотвѣтственныя кривыя, чтобы установить ихъ измѣненія въ обратномъ направленіи другъ къ другу. Въ дѣйствительности же нѣтъ никакой возможности замѣтить между ними никакого отношенія, ни прямого, ни обратнаго. Безъ сомнѣнія, начиная въ 1854 г., преступленія противъ собственности уменьшаются въ количествѣ, а число самоубійствъ возрастаетъ. Но это пониженіе отчасти фиктивно; оно происходитъ просто отъ того, что, начиная съ этого времени, суды ввели обыкновеніе измѣнять квалификацію извѣстныхъ преступленій, чтобы изымать ихъ изъ вѣдѣнія судебныхъ палатъ (cours d'assises), которымъ они были раньше подсудны, и передавать ихъ въ исправительные суды (tribunaux correctionnels). Вслѣдствіе этого, извѣстное число дѣлъ исчезло изъ рубрики преступленій, но только затѣмъ, чтобы перейти въ рубрику проступковъ; это истолкованіе распространилось, главнымъ образомъ, на преступленія противъ собственности и теперь получило силу закона. И если въ настоящее время статистика показываетъ ихъ уменьшеніе, то можно думать, что оно обязано этимъ исключительно способу подсчета.

Но если бы это пониженіе и было реально, все-таки изъ него нельзя было бы дѣлать никакихъ заключеній; потому что, если, начиная съ 1854 г., обѣ кривыя измѣняются въ обратномъ направленіи, то съ 1826 по 1854 г. кривая преступленій противъ собственности или подымается одновременно съ кривой самоубійствъ, хотя и не такъ быстро, или же остается на одной высотѣ. Съ 1831 по 1835 г. ежегодно насчитывалось въ среднемъ 5.095 осужденныхъ; это

[1]) Lyon, 1881. На криминологическомъ конгрессѣ въ Римѣ въ 1887 г., г. Лакасань, впрочемъ, отказался отъ авторства этой теоріи.

число увеличивается въ слѣдующемъ періодѣ до 5.732, оно достигаетъ еще 4.918 въ 1841—45 г.г., 4.992 въ 1846—50 г г., понижаясь лишь на 2% противъ 1830 г. Кромѣ того, общій видъ обѣихъ кривыхъ исключаетъ всякую идею объ ихъ сближеніи. Кривая преступленій противъ собственности чрезвычайно неправильна; она дѣлаетъ рѣзкіе скачки отъ одного года къ другому; ея движеніе, причудливое на видъ, очевидно, зависитъ отъ множества случайныхъ условій. Наоборотъ, кривая самоубійствъ поднимается правильно и равномѣрно; за рѣдкими исключеніями въ ней не замѣчается ни рѣзкихъ подъемовъ, ни внезапныхъ паденій. Подъемъ постояненъ и прогрессивенъ. Между двумя явленіями, развитіе которыхъ такъ мало поддается сравненію, нельзя предположить существованія какой бы то ни было связи.

Г. Lacassagne, кажется, остался одинокимъ въ своемъ мнѣніи. Иначе обстоитъ дѣло съ другой теоріей, по которой самоубійство стоитъ въ связи съ другимъ рядомъ преступленій, именно съ преступленіями противъ личности и особенно съ убійствами. Эта теорія насчитываетъ многочисленныхъ приверженцевъ и заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія [1]).

Начиная съ 1883 года, Герри отмѣчаетъ, что преступленія противъ личности вдвое многочисленнѣе въ департаментахъ Юга, чѣмъ въ департаментахъ Сѣвера, между тѣмъ

---

1) Библіографія.—Guerry, Essai sur la statistique morale de la France.—Cazauvieilh. Du suicide, de l'aliénation mentale et des crimes contre les personnes, comparés dans leurs rapports réciproques, 2 т. 1840.—Despine, Psychologie natur., стр. 111.—Maury, Du mouvement moral des sociétés, въ Revue des Deux-Mondes, 1860.—Morselli, Il suicidio, стр. 243 и сл.—Actes du premier congrès international d'Anthropologie criminelle, Туринъ 1886—1887, стр. 202 и сл.—Tarde, Criminalité comparée, стр. 152 и сл.—Ferri, Omicidio-suicidio, 4-е изд. Туринъ 1895, стр. 253 и слѣд.

какъ по отношенію къ самоубійствамъ замѣчается обратное. Позднѣе Despine вычислилъ, что въ 14 департаментахъ, гдѣ кровавыя преступленія случаются чаще всего, на милліонъ жителей приходится всего 30 самоубійствъ, тогда какъ это число возрастаетъ до 82 въ 14 другихъ департаментахъ, гдѣ тѣ же преступленія гораздо рѣже. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что въ департаментѣ Сены на 100 приговоровъ насчитывается только 17 преступленій противъ личности, а средняя самоубійствъ достигаетъ 427 на милліонъ, тогда какъ на Корсикѣ процентъ первыхъ достигаетъ 83, а вторыхъ — случается всего лишь 18 на милліонъ жителей.

Тѣмъ не менѣе, эти заключенія оставались одиночными, пока ими не воспользовалась итальянская криминологическая школа. Ферри и Морселли, въ особенности, положили ихъ въ основу цѣлой теоріи.

По нимъ, антагонизмъ между самоубійствомъ и убійствомъ является абсолютно всеобщимъ закономъ. Идетъ ли рѣчь объ ихъ географическомъ распространеніи, или объ ихъ эволюціи во времени, повсюду замѣчается, что они находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Допуская наличность этого антагонизма, его можно объяснять двоякимъ образомъ. Или же убійство и самоубійство являются двумя теченіями, настолько противоположными другъ къ другу, что одно завоевываетъ себѣ почву лишь за счетъ другого; или же они представляютъ собою два разныхъ русла одного и того же потока, питаемыхъ однимъ и тѣмъ же источникомъ, такъ что ни одно русло не можетъ наполниться, не истощая настолько же другого. Изъ этихъ двухъ возможныхъ объясненій, итальянскіе криминологи приняли второе. Они видятъ въ самоубійствѣ и убійствѣ проявленія одного и того же состоянія, слѣдствія одной и той же причины, которая выражается то въ одной, то въ другой, не будучи въ состояніи одновременно осуществиться и въ той, и въ другой.

Къ принятію подобнаго толкованія ихъ побудило то, что, по ихъ мнѣнію, обратная зависимость, наблюдающаяся

между обоими явленіями, совсѣмъ не исключаетъ параллелизма между ними. Если существуютъ условія, подъ вліяніемъ которыхъ они измѣняются въ обратномъ направленіи, то есть и другія, которыя дѣйствуютъ на нихъ одинаково. Такъ, Морселли говоритъ, что температура оказываетъ на нихъ одно и то же дѣйствіе; они достигаютъ максимума въ то время, когда приближается жаркая погода; оба явленія чаще у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ; оба, наконецъ, по Ферри, умножаются съ возрастомъ. Поэтому, будучи противоположны въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ другихъ они обнаруживаютъ одинаковую природу. Но факторы, вліяніе которыхъ сказывается на нихъ одинаково, всѣ — индивидуальны; они или прямо относятся къ извѣстнымъ состояніямъ организма (возрастъ, полъ), или же идутъ изъ космической среды, которая можетъ дѣйствовать на моральную личность только черезъ посредство личности физической. Такимъ образомъ, убійство и самоубійство сближаются при извѣстныхъ индивидуальныхъ условіяхъ. Психологическая организація, предрасполагающая къ тому и другому, одна и та же: двѣ эти склонности въ сущности составляютъ разновидности одного и того же темперамента. Ферри и Морселли, слѣдуя за Ломброзо, сдѣлали даже попытку опредѣлить этотъ темпераментъ. Онъ характеризуется ослабленіемъ организма, ставящимъ человѣка въ неблагопріятныя для борьбы условія. Убійца и самоубійца — оба являются типами вырожденія и безсилія; одинаково неспособные играть полезную роль въ обществѣ, они, въ силу этого, обречены на пораженіе.

И это одинаковое предрасположеніе, которое само по себѣ не склоняется ни въ ту, ни въ другую сторону, принимаетъ, соотвѣтственно характеру соціальной среды, форму то убійства, то самоубійства; такимъ образомъ и создается тотъ контрастъ, который, несмотря на всю его реальность, не можетъ, однако, замаскировать основного тождества. Отсюда, тамъ, гдѣ нравы вообще кротки и мирны, гдѣ существуетъ страхъ передъ пролитіемъ человѣческой крови, по-

бѣжденный подчиняется, признаетъ свое безсиліе и, предупреждая дѣйствіе естественнаго отбора, отступаетъ отъ борьбы, лишая себя жизни. Тамъ же, гдѣ, наоборотъ, средняя мораль носитъ болѣе жестокій характеръ, гдѣ жизнь человѣческая чтится менѣе, онъ возмущается, объявляетъ обществу войну и убиваетъ другихъ, вмѣсто того, чтобы убивать себя. Словомъ, самоубійство и убійство, оба суть акты насилія. Но насиліе, лежащее въ ихъ корнѣ, въ одномъ случаѣ, не встрѣчая противодѣйствія въ соціальной средѣ, становится убійствомъ; въ другомъ же, сдерживаемое общественнымъ сознаніемъ, оно обращается къ своему источнику, и жертвою его становится субъектъ, которому оно обязано своимъ происхожденіемъ.

Самоубійство, такимъ образомъ, признается преобразованнымъ и смягченнымъ убійствомъ. При такой характеристикѣ оно представляется почти что благодѣтельнымъ; ибо если само по себѣ оно и не благо, то, по крайней мѣрѣ, меньшее зло, избавляющее насъ отъ худшаго. Пожалуй, даже не слѣдуетъ пытаться сдерживать его развитіе запретительными мѣрами; вѣдь это могло бы разнуздать влеченіе къ убійству. Самоубійство, въ такомъ объясненіи, является предохранительнымъ клапаномъ, который не слѣдуетъ запирать. И, наконецъ, самоубійство представляетъ огромное преимущество, избавляя насъ безъ общественнаго вмѣшательства, наивозможно простымъ и экономнымъ способомъ, отъ извѣстнаго количества безполезныхъ или вредныхъ субъектовъ. Не предпочтительнѣе ли было бы предоставить имъ мирно уничтожить самихъ себя, нежели вынуждать общество извергать ихъ насильственно изъ своего лона.

Но обосновано ли это остроумное положеніе? Вопросъ распадается на двѣ половины, и каждую надлежитъ изслѣдовать отдѣльно. Тождественны ли психологическія условія преступленія и самоубійства? Существуетъ ли антагонизмъ между соціальными условіями, отъ которыхъ они зависятъ?

III.

Чтобы установить психологическое единство обоихъ явленій, приводятся факты троякаго рода.

Прежде всего, полъ оказываетъ одинаковое вліяніе какъ на самоубійство, такъ и на убійство. Выражаясь точнѣе, вліяніе пола гораздо въ большей степени является слѣдствіемъ причинъ соціальныхъ, чѣмъ органическихъ. Женщины убиваютъ себя и другихъ рѣже, чѣмъ мужчины, не потому, что онѣ разнятся отъ нихъ физіологически, но потому что онѣ не одинаково участвуютъ въ общественной жизни. Мало того, женщина фактически не обнаруживаетъ одинаковаго отвращенія къ обоимъ этимъ видамъ имморальности. Забываютъ, что существуютъ виды убійства, спеціально совершаемыя женщинами; это — дѣтоубійства, выкидыши и отравленія. Всѣ тѣ виды убійствъ, которые доступны женщинѣ при современныхъ условіяхъ ея жизни, она совершитъ такъ же часто, или даже чаще, чѣмъ мужчина. По Oettingen'у[1]), половину семейныхъ убійствъ приходится отнести на ея счетъ. Ничто не даетъ, поэтому, права предполагать, что она, въ силу своей прирожденной организаціи, отличается большимъ уваженіемъ къ чужой жизни; ей недостаетъ только случая, ибо она менѣе замѣшана въ борьбу за жизнь. Причины, которыя толкаютъ человѣка на кровавыя преступленія, дѣйствуютъ на женщину менѣе, чѣмъ на мужчину, потому что она имѣетъ преимущество находиться внѣ круга ихъ вліянія. Тѣмъ же объясняется и то явленіе, что женщина менѣе подвержена смерти отъ несчастныхъ случаевъ; на 100 такихъ смертей только 20 падаетъ на женщинъ.

Къ тому же, если даже соединить въ одну рубрику всѣ виды предумышленнаго убійства, отцеубійства, дѣто-

---

[1]) Oettingen, Moralstatistik, стр. 526.

убійства, отравленія, все-же процентъ, падающій на женщинъ, въ общемъ останется еще очень высокимъ. Во Франціи, изъ 100 подобныхъ преступленій, отъ 38 до 39 совершается женщинами; это число поднимается даже до 42, если причислить сюда выкидыши. Въ Германіи это отношеніе доходитъ до 51%, въ Австріи до 52%. Правда, при этомъ оставляются въ сторонѣ убійства неумышленныя; но вѣдь убійство только тогда и является настоящимъ убійствомъ, когда оно совершается предумышленно. Съ другой стороны, убійства, специфическія для женщинъ—дѣтоубійство, выкидышъ,—убійства въ семьѣ, по самой сущности своей, труднѣе раскрываются. Поэтому значительное ихъ количество ускользаетъ отъ суда, а слѣдовательно, и отъ статистики. Допуская, съ очень большей вѣроятностью, что женщина пользуется той же снисходительностью при слѣдствіи, какая ей несомнѣнно оказывается на судѣ, гдѣ она оправдывается гораздо чаще, чѣмъ мужчина, можно думать, что, въ концѣ-концовъ, склонность къ убійству не должна сильно разниться у обоихъ половъ. Наоборотъ, извѣстно, насколько великъ иммунитетъ женщины по отношенію къ самоубійству.

Вліяніе возраста на то и другое явленіе не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ различій. По Ферри, убійства, какъ и самоубійства, учащаются съ возрастомъ. Морселли высказываетъ противоположное мнѣніе [1]). Истина заключается въ томъ, что здѣсь нѣтъ ни прямого, ни обратнаго отношенія. Въ то время, какъ число самоубійствъ возрастаетъ правильно до самой старости, количество обоихъ видовъ предумышленнаго убійства достигаетъ своего апогея въ зрѣломъ возрастѣ, около 30—35 лѣтъ, и затѣмъ сокращается. Это видно изъ таблицы XXXI. Изъ нея невозможно извлечь ни малѣйшаго доказательства ни въ пользу тождественности природы самоубійства и убійства, ни въ пользу антагонизма между ними.

[1]) Op. cit., p. 333.—Въ Actes du congrès de Rome стр. 205, тотъ же авторъ, однако, высказываетъ сомнѣнія относительно существованія подобнаго антагонизма.

ТАБЛИЦА XXXI.

Сравнительная эволюція умышленныхъ [1]), предумышленныхъ убійствъ и самоубійствъ въ различныхъ возрастахъ во Франціи (1887).

	На 100.000 жителей каждаго возраста приходится		На 100.000 жителей обоего пола въ каждомъ возрастѣ приходится самоубійствъ	
	Умышленныхъ убійствъ.	Предумышленныхъ убійствъ	Мужчинъ.	Женщинъ.
Отъ 16 до 21 [2]) . . .	6,2	8	14	9
„ 21 „ 25 . . .	9,7	14,9	23	9
„ 25 „ 30 . . .	15,4	15,4	30	9
„ 30 „ 40 . . .	11	15,9	33	9
„ 40 „ 50 . . .	6,9	11	50	12
„ 50 „ 60 . . .	2	6,5	69	17
Свыше	2,3	2,5	91	20

Остается вліяніе температуры. Соединяя всѣ преступленія противъ личности, мы получаемъ кривую, повидимому, подтверждающую теорію итальянской школы. Она подымается до іюня и правильно спускается до декабря такъ же, какъ и кривая самоубійства. Но этотъ результатъ полу-

---

[1]) Убійство называется умышленнымъ (meurtre), если умыселъ возникаетъ въ нормальномъ и хладнокровномъ состояніи духа, но выполняется немедленно по его возникновеніи, такъ что виновный не имѣлъ времени обсудить свою преступную рѣшимость и вдуматься въ послѣдствія ея. Убійство называется предумышленнымъ (assassinat), если умыселъ не только складывается въ нормальномъ состояніи духа, но и приводится въ исполненіе послѣ болѣе или менѣе тщательной оцѣнки преступнаго желанія. См. ст. „*Убійство*“, Слов. Брокг. и Ефр.

[2]) Цифры, относящіяся къ убійствамъ въ первыхъ двухъ періодахъ не отличаются строгой точностью; уголовная статистика опредѣляетъ первый періодъ отъ 16 лѣтъ до 21, переписи даютъ общую цифру населенія отъ 15 до 20 лѣтъ. Но эта незначительная погрѣшность не мѣняетъ ничего въ конечныхъ результатахъ, вытекающихъ изъ таблицы. Для дѣтоубійства максимумъ достигается, скорѣе, къ 25 годамъ, и падаетъ затѣмъ гораздо быстрѣе. Легко понять—почему

чается просто потому, что подъ эту общую рубрику „преступленія противъ личности“ заносятъ также изнасилованія и покушенія противъ общественной нравственности. Такъ какъ эти преступленія достигаютъ своего максимума въ іюнѣ и такъ какъ они гораздо многочисленнѣе, чѣмъ покушенія на жизнь, то они и придаютъ кривой свою форму. Но они не обладаютъ никакимъ родствомъ съ убійствомъ; поэтому, чтобы узнать зависимость послѣдняго отъ времени года, слѣдуетъ ихъ выдѣлить особо. Производя эту операцію и, кромѣ того, отдѣляя другъ отъ друга различные виды убійства, мы не найдемъ и слѣда указаннаго параллелизма.

ТАБЛИЦА XXXII.

Измѣненія по мѣсяцамъ различныхъ видовъ убійства [1])
(1827—1870).

	Умышленныхъ убійствъ.	Предумышлен. убійствъ.	Дѣтоубійствъ.	Смертельныхъ пораненій.
Январь	560	829	647	830
Февраль	**664**	**926**	750	937
Мартъ	600	766	**783**	840
Апрѣль	574	712	662	867
Май	587	809	666	983
Іюнь	644	853	552	938
Іюль	614	776	491	919
Августъ.	**716**	849	501	**997**
Сентябрь	665	839	495	**993**
Октябрь	653	815	478	892
Ноябрь	650	**942**	497	960
Декабрь	591	866	542	886

Въ самомъ дѣлѣ, наростаніе цифры самоубійствъ идетъ правильно и непрерывно, приблизительно отъ января до

[1]) По Chossinand.

іюня такъ же, какъ и ея уменьшеніе въ слѣдующую половину года; различные виды убійства, наоборотъ, колеблются изъ мѣсяца въ мѣсяцъ самымъ причудливымъ образомъ. Не только общій ходъ представляется совершенно инымъ, но даже ихъ максимумы и минимумы не совпадаютъ. Умышленныя убійства имѣютъ два максимума, одинъ въ февралѣ, другой — въ августѣ; предумышленныя убійства—также два, но нѣсколько иные: одинъ — въ февралѣ, другой — въ ноябрѣ. Дѣтоубійства достигаютъ его въ маѣ; для смертельныхъ ранъ максимумъ—въ августѣ и октябрѣ; если высчитывать измѣненія не по мѣсяцамъ, но по временамъ года, различія будутъ не менѣе замѣтны. Осенью насчитывается почти столько же умышленныхъ убійствъ, сколько и лѣтомъ (1.968 вмѣсто 1.974), зимою ихъ больше, чѣмъ весною. Предумышленныя совершаются чаще всего зимою (2.621), затѣмъ слѣдуетъ осень (2.596), лѣто (2,478) и, наконецъ, весна (2.287). Дѣтоубійства особенно часты весною (2.111), затѣмъ слѣдуетъ зима (1.939). Пораненія лѣтомъ и осенью держатся на одинаковомъ уровнѣ (2 854 и 2.845); затѣмъ слѣдуетъ весна (2.690), ей немногимъ уступаетъ зима (2.653). Совершенно иначе, какъ мы видѣли, распредѣляются самоубійства.

Кромѣ того, если бы склонность къ самоубійству была бы только сдержаннымъ влеченіемъ къ убійству, то слѣдовало бы ожидать, что убійцы, поставленные въ невозможность удовлетворить свои смертоносные инстинкты на другихъ, станутъ своими собственными жертвами. Влеченіе къ убійству должно было бы, подъ вліяніемъ тюремнаго заключенія, преобразовываться во влеченіе къ самоубійству. Но, по свидѣтельству большинства наблюдателей, замѣчается обратное явленіе: крупные преступники рѣдко прибѣгаютъ къ самоубійству. Cazauvieilh собралъ черезъ врачей французскихъ каторжныхъ тюремъ свѣдѣнія о численности самоубійствъ среди каторжанъ [1]).

---

[1]) Op. cit. стр. 310 и слѣд.

Въ Рошфорѣ, за 30 лѣтъ, наблюдался всего одинъ случай; въ Тулонѣ, гдѣ число заключенныхъ достигаетъ до 3000 и 4.000 человѣкъ (1814 — 1834) — ни одного. Въ Брестѣ факты нѣсколько другіе: за 17 лѣтъ, при 3000 (въ среднемъ) заключенныхъ, случилось 13 самоубійствъ, что составляетъ въ годъ 21 случай на 100.000; эта цифра, болѣе высокая, чѣмъ предыдущія, не должна насъ удивлять, такъ какъ относится къ составу главнымъ образомъ мужскому и взрослому. По доктору Лилю, на 9.320 смертей, случившихся на каторгѣ съ 1816 по 1837 годъ включительно, приходится всего лишь 6 самоубійствъ" [1]).

Изъ анкеты, произведенной докторомъ Ferrus'омъ, слѣдуетъ, что за 7 лѣтъ въ различныхъ центральныхъ тюрьмахъ съ населеніемъ (въ среднемъ) въ 15.111 заключенныхъ случилось только 30 самоубійствъ. Въ каторгѣ замѣчено еще болѣе слабое соотношеніе, именно 5 самоубійствъ съ 1838 по 1845 г. на среднее населеніе въ 7.041 человѣкъ [2]). Brierre de Boismont подтверждаетъ послѣдній фактъ и добавляетъ: „Профессіональные убійцы, крупные преступники прибѣгаютъ къ этому средству, чтобы избавиться отъ отбыванія наказанія, гораздо рѣже, чѣмъ арестанты, не столь глубоко развращенные [3])". Докторъ Леруа также замѣчаетъ, что „профессіональные негодяи (coquins de profession), завсегдатаи каторги" рѣдко покушаются на свою жизнь [4]).

Два статистика, цитируемые одинъ у Морселли [5]), а другой у Ломброзо [6]), правда, пытаются установить, что заключенные, въ общемъ, отличаются исключительной склонностью къ самоубійству. Но такъ какъ въ ихъ данныхъ

---

[1]) Lisle, Op. cit., p. 67.

[2]) Des prisonniers, de l'imprisonnement et des prisons, Paris, 1850, p. 133.

[3]) Op. cit. p. 95.

[4]) Leroy, Le suicide dans le département de Seine-et-Marne.

[5]) Op. cit., p. 377.

[6]) L'homme criminel, trad. fr., p. 338.

убійцы не выдѣляются изъ ряда другихъ преступниковъ, то отсюда невозможно сдѣлать никакихъ заключеній по интересующему насъ вопросу. Эти данныя подтверждаютъ наши предыдущіе выводы. Въ самомъ дѣлѣ, они доказываютъ, что само по себѣ заключеніе развиваетъ очень сильную склонность къ самоубійству. Если даже не считать тѣхъ, кто убиваетъ себя тотчасъ послѣ ареста и до осужденія, все же остается значительное число самоубійствъ, которыя можно приписать только вліянію, оказываемому тюремною жизнью [1]). Но въ такомъ случаѣ, заключенный убійца долженъ былъ бы испытывать влеченіе необычайной силы къ добровольной смерти; вѣдь вліяніе тюрьмы должно было бы еще болѣе усиливать то прирожденное предрасположеніе, какое ему приписывается. Но на дѣлѣ оказывается, что въ этомъ отношеніи убійцы стоятъ, скорѣе, ниже средней, чѣмъ выше; такимъ образомъ, фактъ этотъ ничуть не подтверждаетъ гипотезы, по которой убійца долженъ былъ бы, въ силу одного только своего темперамента, имѣть естественную склонность къ самоубійству, всегда готовую обнаружиться, какъ только этому благопріятствуютъ обстоятельства. Впрочемъ, мы не утверждаемъ и того, что убійцы обладаютъ настоящимъ иммунитетомъ; имѣющіяся у насъ данныя недостаточны для рѣшенія вопроса. Возможно, что, при извѣстныхъ условіяхъ, важные преступники, не задумываясь, сводятъ свои счеты съ жизнью и разстаются съ ней довольно легко. Но здѣсь, во всякомъ случаѣ, нельзя

---

[1]) Въ чемъ состоитъ это вліяніе? Извѣстную долю слѣдуетъ, какъ кажется, приписать одиночному режиму. Но мы нисколько бы не удивились, если бы совмѣстная жизнь въ тюрьмѣ приводила къ тѣмъ же слѣдствіямъ. Извѣстно, что общество преступниковъ и заключенныхъ очень тѣсно спаяно внутри; индивидъ тамъ совершенно обезличенъ; въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и тюремная дисциплина. Поэтому здѣсь могло бы происходить нѣчто подобное тому, что мы наблюдаемъ въ арміи. Эта гипотеза подтверждается тѣмъ фактомъ, что эпидеміи самоубійствъ столь же часты въ тюрьмахъ, какъ и въ казармахъ.

говорить объ общности и необходимости явленія, которыхъ логически требуетъ доктрина итальянской школы. Только это мы и хотѣли доказать [1]).

IV.

Остается разсмотрѣть второе положеніе итальянской школы. Установивъ, что убійство и самоубійство не происходятъ изъ одного источника, надо изслѣдовать, имѣется-ли реальный антагонизмъ между соціальными условіями, отъ которыхъ они зависятъ.

Вопросъ этотъ болѣе сложенъ, чѣмъ это думали наши итальянскіе авторы и многіе изъ ихъ противниковъ. Несомнѣнно, что въ извѣстномъ числѣ случаевъ законъ обратнаго отношенія не подтверждается. Довольно часто оба явленія, вмѣсто того, чтобы расходиться или исключать другъ друга, развиваются параллельно. Такъ, во Франціи, тотчасъ же послѣ войны 1870 г., число умышленныхъ убійствъ обнаружило нѣкоторую тенденцію къ увеличенію. Въ среднемъ, на годъ приходилось—105, въ періодъ 1861—65 г.г.; это число выросло до 163 въ 1871—1876; число же предумышленныхъ убійствъ за то же время повысилось съ 175 до 201. Но, въ продолженіе этого же времени, число самоубійствъ также возрасло въ значительной пропорціи. То же явленіе замѣчалось въ періодъ съ 1840 по 1850. Въ Пруссіи число самоубійствъ съ 1865 по 1870 г. не превышало 3.658, въ 1876 г. оно достигло 4.459, въ 1878 г.—5.042, увеличившись на 36%. Оба вида убійства слѣдовали тѣмъ же ходомъ; съ 151 въ 1869 году число ихъ послѣдовательно

---

[1]) Статистика, приводимая у Ферри (Omicidio, p. 373), не болѣе доказательна. Съ 1866 по 1876 г. на итальнской каторгѣ случилось 17 самоубійствъ у каторжанъ, осужденныхъ за преступленія противъ личности, и только 5 у преступниковъ противъ собственности. Но на каторгѣ первыхъ гораздо больше, чѣмъ послѣднихъ. Поэтому цифры эти ничего не доказываютъ. Мы не знаемъ, кромѣ того, откуда авторъ почерпнулъ данныя для своего подсчета.

росло до 166 въ 1874 г., до 221 въ 1875 г., до 253 въ 1878, увеличившись на 67% [1]). То же явленіе замѣчено и для Саксоніи. До 1870 г. число самоубійствъ колебалось между 600 и 700; только въ 1868 г. оно достигло 800. Начиная съ 1876 г. оно достигаетъ 981, затѣмъ 1.114 и 1.126, наконецъ въ 1880 г.—1.171 [2]). Параллельно съ нимъ, число покушеній на чужую жизнь увеличилось съ 637 въ 1873 г. до 2.232 въ 1878 г. [3]). Въ Ирландіи, съ 1865 г. по 1880 г. число самоубійствъ возросло на 29%; число убійствъ возросло также и почти въ той же пропорціи (23%) [4]). Въ Бельгіи, съ 1841 по 1885 г. число убійствъ возросло съ 47 до 139, а самоубійствъ съ 240 до 670, что составляетъ увеличеніе на 195% для первыхъ и на 178% для вторыхъ. Эти цифры такъ мало соотвѣтствуютъ закону, что Ферри пытался даже подвергнуть сомнѣнію точность бельгійской статистики. Но, даже принимая во вниманіе только послѣдніе годы, данныя о которыхъ менѣе всего сомнительны, мы приходимъ къ тѣмъ же результатамъ. Съ 1874 по 1885 г. увеличеніе числа убійствъ составляетъ 51% (139 случаевъ вмѣсто 92) и числа самоубійствъ 79% (670 случаевъ вмѣсто 374).

Географическое распредѣленіе обоихъ явленій даетъ мѣсто подобнымъ же заключеніямъ. Во Франціи наибольшее количество самоубійствъ насчитывается въ департаментахъ: Сены, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы, Марны. Не имѣя того же первенства по отношенію къ числу убійствъ, они, тѣмъ не менѣе, и здѣсь стоятъ далеко не на послѣднемъ мѣстѣ: такъ, Сена занимаетъ 26-ое для умышленныхъ и 17-ое для предумышленныхъ убійствъ, Сена-и-Марна—33-ье и 14-ое, Сена-и-Уаза—15-ое и 24-ое, Марна—27-ое и 21-ое. Варъ, занимая 10-ое мѣсто по отношенію къ самоубійствамъ, стоитъ на 5-омъ для предумышленныхъ и на 6-омъ для умышленныхъ убійствъ. Въ деп. Устья-Роны, гдѣ много

1) По Oettingen'y, Moralstatistik, приложеніе, таблица 61.
2) Ibid., таблица 109.
3) Ibid., таблица 65.
4) По таблицамъ, составленнымъ Ферри.

самоубійствъ, не меньше и убійствъ [1]). На картѣ самоубійствъ, равно какъ и на картѣ убійствъ, Иль-де-Франсъ окрашенъ въ темную краску такъ же, какъ и полоса, образуемая департаментами у Средиземнаго моря, съ тою только разницей, что первая область окрашена не такъ густо на картѣ убійствъ, какъ на картѣ самоубійствъ, вторая же представляетъ обратную картину. То же и въ Италіи: Римъ по отношенію къ самоубійствамъ занимаетъ третье мѣсто въ ряду прочихъ судебныхъ округовъ и четвертое въ отношеніи квалифицированныхъ убійствъ. Наконецъ, мы видѣли, что на низшей ступени человѣческихъ обществъ, гдѣ жизнь мало уважается, самоубійства часто бываютъ крайне многочисленны.

Но какъ бы ни были безспорны эти факты и какое бы значеніе имъ ни слѣдовало придавать, существуютъ факты противоположнаго характера, которые отличаются не меньшимъ постоянствомъ и еще гораздо большей многочисленностью. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ оба явленія уживаются другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, то въ другихъ они находятся въ явномъ антагонизмѣ.

1°. Если въ извѣстные періоды столѣтія обѣ кривыя и двигались въ одномъ направленіи, то, взятыя въ цѣломъ или по крайней мѣрѣ на протяженіи достаточнаго времени, онѣ расходятся между собою достаточно ясно. Во Франціи, съ 1826 по 1880 г., число самоубійствъ, какъ мы видѣли, правильно увеличивается, число же убійствъ, наоборотъ, клонится къ уменьшенію, хотя и съ меньшей скоростью. За 1826–30 г.г. ежегодно судилось за умышленное убійство въ среднемъ 279 человѣкъ въ годъ; за 1876—80 г.г. ихъ было не больше 160, и въ промежуткѣ между этими періодами число судившихся падало даже до 121 чел. за 1861—1865 г.г. и до 119 за 1856—60 г.г. Въ два періода, около 1845 г. и сейчасъ же послѣ войны, замѣчалась тен-

[1]) Эта классификація по департаментамъ заимствована у Bournet, De la criminalité en France et en Italie, Paris, 1884, стр. 41 и 51.

денція къ увеличенію; но если отвлечься отъ второстепенныхъ колебаній, то общее движеніе въ сторону уменьшенія остается совершенно очевиднымъ. Уменьшеніе выражается 43%, и оно тѣмъ болѣе ощутительно, что населеніе за то же время увеличилось на 16%.

Уменьшеніе не такъ замѣтно по отношенію къ числу предумышленныхъ убійствъ. Въ 1826—30 г.г. было осуждено 258 чел.; въ 1876—80 г.г.—все еще 239. Уменьшеніе становится замѣтнымъ, только принявъ въ расчетъ увеличеніе населенія. Эта разница въ эволюціи предумышленнаго убійства нисколько не должна насъ удивлять. Въ самомъ дѣлѣ, оно является преступленіемъ смѣшаннаго характера, имѣющимъ нѣкоторыя общія черты съ убійствомъ умышленнымъ, но также и рознящимся отъ него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; оно зависитъ, отчасти, и отъ другихъ причинъ. Иногда, это просто то же умышленное убійство, но только болѣе обдуманное и преднамѣренное, иногда же оно является простымъ спутникомъ преступленій противъ собственности. Въ послѣднемъ случаѣ, оно находится въ зависимости отъ другихъ факторовъ, чѣмъ вообще убійство. Оно опредѣляется не той суммой побужденій всякаго рода, которыя толкаютъ на пролитіе крови, но зависитъ отъ вліянія многоразличныхъ мотивовъ, побуждающихъ къ воровству.

Двойственность этихъ обоихъ видовъ преступленія замѣтна уже на таблицѣ ихъ измѣненій по мѣсяцамъ и временамъ года. Предумышленное убійство достигаетъ своей кульминаціонной точки зимою и особенно въ ноябрѣ, совсѣмъ какъ и преступленія противъ собственности. Такимъ образомъ эволюція убійства, въ его чистомъ видѣ, лучше прослѣживается по кривой умышленнаго убійства, а не по кривой предумышленнаго.

То же явленіе наблюдается и въ Пруссіи. Въ 1834 г. было начато 368 слѣдствій по дѣламъ объ убійствахъ и нанесеніи смертельныхъ ранъ, т. е. одно на 29.000 жителей. Въ 1851 г. ихъ было уже только 257, или одно на 53.000

жителей. Затѣмъ уменьшеніе продолжалось въ томъ же направленіи, хотя и болѣе медленно. Въ 1852 г. одно слѣдствіе производилось еще на 76.000 жит.; въ 1873 г. одно уже только на 109.000 жит. [1]). Въ Италіи, съ 1875 по 1890 г., уменьшеніе числа убійствъ простыхъ и квалифицированныхъ выражалось 18% (2.660 вмѣсто 3.280), тогда какъ число самоубійствъ увеличилось на 80% [2]). Тамъ, гдѣ число убійствъ не уменьшается, оно остается по крайней мѣрѣ безъ движенія. Въ Англіи, съ 1860 по 1865 г., насчитывалось ежегодно 359 случаевъ убійства, въ 1881—85 г.г. ихъ было всего 329; въ Австріи ихъ было 528 за 1866—70 г.г и только 510 за 1881—85 г.г. [3]), и весьма вѣроятно, что если въ этихъ различныхъ странахъ отдѣлить убійство отъ предумышленнаго убійства, то регрессія стала бы еще болѣе замѣтной. За то же время во всѣхъ этихъ государствахъ количество самоубійствъ увеличилось.

Г. Тардъ, однако, пытался показать, что уменьшеніе числа убійствъ во Франціи было только кажущимся [4]). Оно объясняется будто бы тѣмъ, что къ дѣламъ, прошедшимъ черезъ судъ присяжныхъ, не присоединяли дѣлъ, оставленныхъ прокурорскимъ надзоромъ безъ движенія или прекращенныхъ за отсутствіемъ состава преступленія. Согласно этому автору, число умышленныхъ убійствъ, оставленныхъ такимъ образомъ безъ судебнаго преслѣдованія и поэтому не вошедшихъ въ итоги судебной статистики, не перестаетъ увеличиваться; присоединивъ ихъ къ однороднымъ преступленіямъ, бывшимъ предметомъ судебнаго разбирательства мы получаемъ непрерывную прогрессію вмѣсто указанной регрессіи. Къ несчастью, доказательство, приводимое имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, основано на слишкомъ остроумномъ сопоставленіи цифръ. Онъ довольствуется

---

[1]) Starke, Verbrechen und Verbrecher in Preussen Berlin, 1884, s. 144 u. ff.

[2]) По таблицамъ Ферри.

[3]) V. Bosco, Gli Omicidii in alcuni Stati d'Europa. Roma, 1889.

[4]) Philosophie pénale, p. 347—348.

сравненіемъ числа убійствъ обоихъ видовъ, не дошедшихъ до судебнаго разбирательства, за періодъ 1861—65 г.г. съ періодами за 1876—80 и 1880—85 г.г. и показываетъ, что второй и особенно третій стоятъ по численности выше перваго. Но именно періодъ 1861—65 г.г. является совершенно исключительнымъ изо всего столѣтія по минимальному количеству дѣлъ, прекращенныхъ до суда; по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, число ихъ исключительно низко. Такимъ образомъ, періодъ этотъ совершенно не годится, какъ исходная точка сравненія. Да и вообще, нельзя строить законъ на сравненіи двухъ-трехъ цифръ. Если бы, вмѣсто того, чтобы брать такую отправную точку, г. Тардъ наблюдалъ бы въ теченіе болѣе долгаго времени измѣненія, которымъ подвергалось число этихъ дѣлъ, то онъ пришелъ бы къ совершенно другому заключенію. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, результаты подобной работы.

Количество прекращенныхъ дѣлъ [1]).

	1835—38	1839—40	1846—50	1861—65	1876—80	1880—85
Умышленныхъ убійствъ. . .	442	503	408	223	322	322
Предумышленныхъ убійствъ.	313	320	333	217	231	252

Цифры измѣняются не совсѣмъ правильно; но съ 1835 по 1885 годъ онѣ замѣтно уменьшаются, несмотря на увеличеніе, происшедшее около 1876 года. Уменьшеніе представляетъ для умышленныхъ убійствъ 37% и для предумышленныхъ 24%. Здѣсь, стало быть, нѣтъ ничего, что по-

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ были прекращены, потому что они не составляютъ ни преступленія, ни проступка. Ихъ слѣдовало бы, поэтому, просто скинуть со счета. Тѣмъ не менѣе, мы этого не сдѣлали, желая слѣдовать за нашимъ авторомъ; впрочемъ, этотъ вычетъ, мы увѣрены въ томъ, не измѣнилъ бы ничего въ выводахъ, вытекающихъ изъ приводимыхъ цифръ.

зволяло бы заключить о возрастаніи соотвѣтствующей преступности [1]).

2°. Въ странахъ, гдѣ замѣчается усиленіе убійствъ и самоубійствъ, числа ихъ измѣняются не въ одинаковыхъ пропорціяхъ; никогда оба явленія не достигаютъ максимума въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Наоборотъ, по общему правилу, тамъ, гдѣ убійство сильно распространено, ему соотвѣтствуетъ своего рода иммунитетъ по отношенію къ самоубійству.

Испанія, Ирландія и Италія суть три страны Европы, гдѣ меньше всего самоубійствъ; въ первой на милліонъ жителей ихъ приходится 17; во второй—21 и въ третьей—37. Наоборотъ, нѣтъ такихъ странъ, гдѣ бы убивали больше. Это единственныя страны, гдѣ число умышленныхъ

---

[1]) Соображеніе второстепеннаго характера, приводимое тѣмъ же авторомъ въ подтвержденіе своей тезы, не болѣе доказательно. Онъ полагаетъ, что слѣдовало бы также учесть убійства, зачисленныя по ошибкѣ въ разрядъ добровольныхъ или случайныхъ смертей. Но такъ какъ число тѣхъ и другихъ увеличилось съ начала вѣка, то онъ заключаетъ изъ этого, что число убійствъ, занесенныхъ подъ эту рубрику, также должно было увеличиться. Итакъ, вотъ еще, говоритъ онъ, серьезное увеличеніе, которое необходимо учитывать, для точнаго опредѣленія измѣненій числа убійствъ. — Но это разсужденіе основано на недоразумѣніи. Изъ того, что цифра случайныхъ и добровольныхъ смертей увеличилась, нисколько не слѣдуетъ того же относительно мнимыхъ самоубійствъ и мнимыхъ несчастій. Для придания подобной гипотезѣ вѣроятности, слѣдовало бы признать, что административныя и судебныя разслѣдованія производятся въ сомнительныхъ случаяхъ менѣе тщательно, чѣмъ въ другихъ,—предположеніе, за которымъ мы не можемъ признать ни малѣйшаго основанія. Г. Тардъ, правда, удивляется, что въ настоящее время случается больше, чѣмъ прежде, смертей отъ утопленія, и склоненъ видѣть въ этомъ фактѣ скрытое увеличеніе самоубійствъ. Но число убитыхъ молніей возросло еще больше; оно удвоилось. Преступная злонамѣренность здѣсь, однако, не при чемъ. Истина заключается въ томъ, что, съ одной стороны, статистическія данныя собираются теперь все тщательнѣе, а съ другой, развитіе морскихъ купаній, судоходства и портовой дѣятельности даютъ мѣсто болѣе многочисленнымъ несчастнымъ случаямъ на морѣ и рѣкахъ.

убійствъ превышаетъ число самоубійствъ. Въ Испаніи убійствъ происходитъ втрое больше, чѣмъ самоубійствъ (1.484 убійства на годъ за періодъ 1885—89 гг. и только 514 самоубійствъ); въ Ирландіи первыхъ вдвое больше, чѣмъ вторыхъ (225 противъ 116), въ Италіи въ полтора раза больше (2.322 противъ 1.437). Наоборотъ, Франція и Пруссія отличаются распространенностью самоубійства (160 и 260 на милліонъ); убійствъ же здѣсь въ десять разъ меньше: Франція насчитываетъ ихъ только 734 случая и Пруссія 459 ежегодно въ среднемъ за періодъ 1882—88 гг.

Тѣ же отношенія наблюдаются и внутри каждой страны. На картѣ самоубійствъ Италіи сѣверъ сплошь окрашенъ въ темную краску, весь же югъ совершенно чистъ; какъ разъ обратное замѣчается относительно убійствъ. Если, далѣе, распредѣлить итальянскія провинціи на два класса по проценту самоубійствъ и посмотрѣть, каковъ въ нихъ же процентъ убійствъ, то антагонизмъ обнаружится еще рѣзче:

1-ый классъ. Отъ 4,1 самоуб. до 30 на 1 мил. 271,9 уб. на 1 милліонъ.
2-ой „ „ 30 „ 80 „ 95,2 „ „

Въ Калабріи убиваютъ больше, чѣмъ гдѣ-либо: здѣсь на милліонъ бываетъ 69 убійствъ; нѣтъ зато провинціи, гдѣ бы самоубійство случалось рѣже.

Во Франціи департаменты, гдѣ совершается больше всего умышленныхъ убійствъ, это — Корсика, Восточные Пиренеи, Лозера и Ардэмъ. Но по отношенію къ самоубійствамъ Корсика спускается съ перваго мѣста на 85-ое; Восточные Пиренеи на 63-ье, Лозера на 83-ье и наконецъ Ардэмъ на 68-ое [1]).

Въ Австріи самоубійства достигаютъ своего максимума въ нижней Австріи, Богеміи и Моравіи, между тѣмъ какъ

---

[1]) Относительно предумышленнаго убійства антагонизмъ выраженъ менѣе ясно; это согласуется съ тѣмъ, что сказано выше о смѣшанномъ характерѣ этого преступленія.

они слабо развиты въ Крайнѣ и Далмаціи. Наоборотъ, Далмація насчитываетъ 79 убійствъ на 1.000.000 жителей и Крайна—57,4, тогда какъ Нижняя Австрія только—14, Богемія — 11, и Моравія — 15.

3°. Мы установили, что войны оказываютъ на увеличеніе самоубійствъ задерживающее вліяніе. Онѣ производятъ то же дѣйствіе на воровство, вымогательство, злоупотребленіе довѣріемъ и т. п. Но одно преступленіе составляетъ исключеніе. Это — убійство. Во Франціи въ 1870 г. число умышленныхъ убійствъ, достигавшее въ среднемъ 119 за 1866 — 69 гг., вдругъ поднялось до 133 и затѣмъ до 224 въ 1871 г., увеличившись такимъ образомъ на 88% [1]), чтобы упасть до 162 въ 1872 году. Это увеличеніе окажется еще болѣе значительнымъ, если вспомнить, что возрастъ, на который приходится наибольшее количество убійствъ, опредѣляется 30 годами и что вся молодежь въ то время была подъ знаменами. Слѣдовательно, преступленія, которыя она совершила бы въ мирное время, не вошли въ статистическія данныя. Болѣе того, несомнѣнно, разстройство судебной администраціи должно было помѣшать раскрытію многихъ преступленій, и не одно слѣдствіе оканчивалось ничѣмъ. Если, несмотря на такія двѣ причины къ уменьшенію число зарегистрированныхъ убійствъ увеличилось, то можно представить себѣ, насколько больше было дѣйствительное увеличеніе.

Также и въ Пруссіи, когда вспыхнула война съ Даніей въ 1864 г., число убійствъ поднялось съ 137 до 169, — уровень, котораго оно не достигало съ 1854 г.; въ 1865 г. оно падаетъ до 153, но поднимается въ 1866 г. (159), несмотря на мобилизацію прусской арміи. Въ 1870 г. отмѣчено сравнительно съ 1869 г. легкое пониженіе (151 случай вмѣсто 185);

---

[1]) Число предумышленныхъ убійствъ, наоборотъ, достигавшее 200 въ 1869 г., 215 въ 1868 г., падаетъ въ 1870 г. до 162. Изъ этого видно, насколько надо отличать другъ отъ друга эти два вида преступленія.

но насколько же оно слабѣе, чѣмъ по отношенію къ другимъ преступленіямъ! Въ это же время квалифицированное воровство понижается на половину: 4.599 въ 1870 г. вмѣсто 8.676 въ 1869 г. Въ этихъ цифрахъ смѣшаны вдобавокъ умышленныя и предумышленныя убійства; но эти преступленія не имѣютъ одинакового значенія, и мы знаемъ, что во Франціи только число первыхъ увеличилось во время войны. Если, такимъ образомъ, общее увеличеніе убійствъ всѣхъ разрядовъ не очень значительно, то можно думать, что умышленныя убійства, отдѣленныя отъ предумышленныхъ, обнаружили бы болѣе рѣзкое увеличеніе. Кромѣ того, если бы можно было возстановить всѣ случаи, которые несомнѣнно упущены въ вышеуказанныхъ двухъ случаяхъ, то это кажущееся пониженіе было бы сведено на нѣтъ. Наконецъ, крайне знаменательно, что число неумышленныхъ убійствъ замѣтно подымается за это время,—съ 268 въ 1869 г. до 303 въ 1870 г. и до 310 въ 1871 г. [1]). Не доказываетъ ли это, что во время войны менѣе считаются съ человѣческой жизнью, чѣмъ въ мирное время.

Политическіе кризисы оказываютъ то же дѣйствіе. Въ то время, какъ во Франціи съ 1840 по 1846 г. кривая умышленныхъ убійствъ остается на одной высотѣ, въ 1848 г. она круто подымается, достигая своего максимума (240) въ 1849 г. [2]). То же явленіе имѣло мѣсто и ранѣе, въ первые годы царствованія Луи-Филиппа. Борьба между политическими партіями достигала въ то время крайняго ожесточенія. И именно тогда число умышленныхъ убійствъ достигло максимума за все столѣтіе. Съ 204 въ 1830 г. оно поднялось до 264 въ 1831 г.,—цифры, потомъ ни разу не превзойденной; въ 1832 г. оно еще достигаетъ 253 и 257 въ 1833 г. Въ 1834 г. замѣчается рѣзкое паденіе, которое затѣмъ все ускоряется; къ 1838 г. остается всего 145 случаевъ, т. е.

[1]) По Штарке, op. cit., стр. 133.

[2]) Число предумышленныхъ убійствъ оставалось почти безъ измѣненій.

уменьшеніе достигаетъ 44%. За это время число самоубійствъ эволюціонировало въ обратномъ направленіи. Въ 1833 г. оно держится на томъ же уровнѣ, что и въ 1829 г. (1973 въ первомъ случаѣ, 1.904 — во второмъ); затѣмъ въ 1834 г. начинается очень быстрое повышеніе, и въ 1838 г. оно достигаетъ 30%.

4°. Самоубійство свойственно болѣе городу, чѣмъ деревнѣ. Противоположное замѣчается относительно убійства. Складывая цифры умышленныхъ убійствъ, дѣто- и отцеубійствъ, получимъ, что въ деревнѣ въ 1887 г. совершено 11,1 преступленій этого рода и только 8,6 въ городѣ. Въ 1880 г. цифры почти тѣ же (11,0 и 9,3).

5°. Мы видѣли, что католичество ослабляетъ стремленіе къ самоубійству, тогда какъ протестантство его усиливаетъ. И обратно: убійства происходятъ чаще въ католическихъ странахъ, чѣмъ въ протестантскихъ:

Католическія страны.	Простыя убійства на 1 милліонъ жителей.	Предумышленныя убійства на 1 милліонъ жителей.	Протестантскія страны.	Простыя убійства на 1 милліонъ жителей.	Предумышленныя убійства на 1 милліонъ жителей.
Италія	70	23,1	Германія	3,4	3,3
Испанія.	64,9	8,2	Англія	3,9	1,7
Венгрія.	56,2	11,9	Данія.	4,6	3,7
Австрія.	10,2	8,7	Голландія	3,1	2,5
Ирландія	8,1	2,3	Шотландія . . .	4,4	0,70
Бельгія	8,5	4,2			
Франція	6,4	5,6			
Средняя . .	32,1	9,1	Средняя . .	3,8	2,3

Въ особенности поразительна противоположность этихъ двухъ общественныхъ группъ въ отношеніи къ простому убійству.

Тотъ же контрастъ наблюдается и внутри Германіи. Округа, дающіе цифры выше средней, всѣ — католическіе

это — Познань (18,2 умышленныхъ и предумышленныхъ убійствъ на 1.000.000 жителей), Дунай (16,7), Бромбергъ (14,8), Верхняя и Нижняя Баварія (13,0). Даже внутри Баваріи, въ провинціи тѣмъ болѣе убійствъ, чѣмъ менѣе въ нихъ протестантовъ.

Провинціи.

Съ меньшинствомъ католиковъ.	Простыя и предумышленныя убійства на 1 мил. жит.	Съ большинствомъ католиковъ.	Простыя и предумышленныя убійства на 1 мил. жит.	Тамъ, гдѣ больше 90% католиковъ.	Простыя и предумышленныя убійства на 1 мил. жит.
Рейнскій Пфальцъ. . . .	2,8	Нижняя Франконія	9	Верхній Пфальцъ. . . .	4,3
Центральная Франконія . .	6,9	Швабія	9,2	Верхняя Баварія	13,0
Верхняя Франконія	6,9			Нижняя Баварія	13,0
Средняя . .	5,5	Средняя. .	9,1	Средняя . .	10,1

Только Верхній Пфальцъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Стоитъ сравнить предшествующую таблицу съ верхней таблицей на стр. 180, чтобы обратное отношеніе между числами убійствъ и самоубійствъ обнаруживалось со всей очевидностью.

6⁰. Наконецъ, въ то время какъ семейная жизнь оказываетъ на самоубійство умѣряющее дѣйствіе, она скорѣе стимулируетъ убійство. За періодъ 1884—87 гг. на милліонъ супружествъ приходилось въ среднемъ за годъ 5,07 убійствъ; на милліонъ холостяковъ старше 15 лѣтъ — 12,7. Первые, повидимому, пользуются по отношенію ко вторымъ коэффиціентомъ предохраненія, равнымъ приблизительно 2,3. Однако, слѣдуетъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что эти двѣ категоріи не относятся къ одному и тому же возрасту и что напряженность влеченія къ убійству измѣняется въ

различные моменты жизни. Средняя для холостяковъ приходится на періодъ отъ 25 до 30 лѣтъ, для женатыхъ— около 45 лѣтъ. Но именно между 25 и 30 годами стремленіе къ убійству достигаетъ своего максимума; милліонъ индивидуумовъ въ этомъ возрастѣ даетъ ежегодно 15,4 убійствъ, тогда какъ къ 45 годамъ эта пропорція падаетъ до 6,9. Отношеніе между первымъ и вторымъ числомъ равно 2,2. Такимъ образомъ, уже благодаря только своему старшему возрасту, женатые люди должны были бы совершать вдвое меньше убійствъ, чѣмъ холостяки. Ихъ положеніе, привилегированное на первый взглядъ, зависитъ не отъ того, что они женаты, но отъ того, что они старше. Семейная жизнь не даетъ имъ никакого иммунитета.

Семья не только не предохраняетъ отъ убійства, но можно подумать, что она даже предрасполагаетъ къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что женатые должны обладать, въ принципѣ, высшей моральностью, чѣмъ холостые. Они обязаны своимъ превосходствомъ въ этомъ отношеніи не столько, думаемъ мы, брачному отбору, дѣйствіемъ котораго, однако, не слѣдуетъ пренебрегать, сколько тому вліянію, какое оказываетъ семья на каждаго изъ своихъ членовъ. Почти несомнѣнно, что человѣкъ гораздо менѣе проникается моралью, когда онъ одинокъ и покинутъ, чѣмъ, когда онъ на каждомъ шагу подвергается благодѣтельной дисциплинѣ семейной среды. Если же, въ отношеніи къ убійству, женатые люди не находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ холостяки, то это можно объяснить только тѣмъ, что морализующее вліяніе, которымъ они пользуются и которое должно было бы предохранять ихъ отъ всякаго рода преступленій, частично нейтрализуется зловреднымъ вліяніемъ, побуждающимъ ихъ къ убійству и коренящимся, очевидно, въ условіяхъ семейной жизни [1]).

[1]) Эти замѣчанія, впрочемъ, скорѣе имѣютъ цѣлью поставить вопросъ, нежели его разрѣшить. Онъ можетъ быть разрѣшенъ только при условіи изолированнаго изученія вліянія возраста и семейнаго положенія, какъ мы сдѣлали это для самоубійствъ.

Въ итогѣ мы приходимъ къ тому заключенію, что самоубійство то сосуществуетъ съ убійствомъ, то они взаимно исключаютъ другъ друга; то они проявляются одинаково подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій, то реагируютъ на нихъ въ противоположномъ направленіи; но случаи антагонизма между ними болѣе многочисленны. Чѣмъ же объясняются эти, на первый взглядъ, противорѣчивые факты?

Примирить ихъ между собой можно, только допустивъ, что существуютъ различные виды самоубійствъ, изъ которыхъ одни имѣютъ нѣкоторое сродство съ убійствомъ, другіе же противорѣчатъ послѣднему. Нельзя же допустить, чтобы одно и то же явленіе обнаруживало такія различія при наличности одинаковыхъ условій. Самоубійство, варіирующее параллельно убійству, и самоубійство, варіирующее въ обратномъ направленіи, не могутъ быть одной природы.

И дѣйствительно, мы показали, что существуютъ различные типы самоубійствъ, характерныя свойства которыхъ не одинаковы. Этимъ подтверждаются выводы предыдущей книги, и въ то же время объясняются только что изложенные факты. Ихъ однихъ было бы уже достаточно, чтобы заключить о внутренней разнородности самоубійствъ, но гипотеза перестаетъ быть только гипотезой, если, будучи сопоставлена съ добытыми ранѣе результатами, она выигрываетъ отъ этого сопоставленія въ своей достовѣрности. Такъ и въ данномъ случаѣ, зная, что существуютъ различные виды самоубійства, и зная, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга, мы легко можемъ замѣтить, какія изъ нихъ несовмѣстимы съ убійствомъ, какія, напротивъ, зависятъ отчасти отъ однѣхъ съ нимъ причинъ и чѣмъ объясняется, что несовмѣстимость является болѣе частымъ фактомъ.

Наиболѣе распространеннымъ въ настоящее время и болѣе всего повышающимъ цифру добровольныхъ смертей типомъ самоубійства является самоубійство эгоистическое. Для него характерно состояніе угнетенности и апатіи, обусловленное преувеличенной индивидуализаціей. Индивидуумъ

не дорожитъ больше своею жизнью, потому что онъ перестаетъ достаточно цѣнить единственнаго посредника, соединяющаго его съ реальностью, какимъ является общество. Имѣя о себѣ и своей собственной цѣнности слишкомъ преувеличенное представленіе, онъ хочетъ быть своею собственною цѣлью, и такъ какъ подобная цѣль не въ состояніи его удовлетворить, онъ начинаетъ тосковать и тяготиться жизнью, которая кажется ему лишенною смысла. Убійство опредѣляется условіями противоположнаго характера. Она является актомъ насилія, который не можетъ произойти безстрастно. Но если въ обществѣ индивидуализація частей еще слабо выражена, интенсивность коллективныхъ состояній повышаетъ общій уровень жизни страстей; болѣе того, нигдѣ нѣтъ такой благопріятной почвы для развитія въ особенности страсти къ убійству. Тамъ, гдѣ родовой духъ сохранилъ свою древнюю силу, обиды, нанесенныя семьѣ, считаются оскорбленіемъ святыни, подлежащимъ самому жестокому отмщенію; и это отмщеніе не можетъ быть предоставлено кому-то третьему. Здѣсь-то коренится практика вендетты, все еще обогряющей кровью нашу Корсику и нѣкоторыя южныя страны. Тамъ, гдѣ жива еще религіозная вѣра, она часто является вдохновительницей убійствъ такъ же, какъ и вѣра политическая.

По общему правилу, потокъ убійствъ тѣмъ болѣе стремителенъ, чѣмъ менѣе сдерживается онъ общественнымъ сознаніемъ, то есть, чѣмъ болѣе извинительными считаются покушенія на жизнь; и такъ какъ имъ придается тѣмъ менѣе значенія, чѣмъ меньше общепризнанная мораль цѣнитъ личность и то, что ее интересуетъ, то слабая индивидуализація или, пользуясь нашимъ терминомъ, альтруистическое настроеніе поощряетъ убійства. Вотъ почему въ низшихъ обществахъ они и многочисленны, и слабо преслѣдуются. Ихъ частота и относительная къ нимъ терпимость происходятъ отъ одной и той же причины. Меньшее уваженіе, которымъ пользуется личность, открываетъ ее для насилія, и самое насиліе считается менѣе преступнымъ.

Эгоистическое самоубійство и убійство обусловливаются, такимъ образомъ, антагонистичными причинами, и поэтому невозможно, чтобы одно развивалось свободно тамъ, гдѣ процвѣтаетъ другое. Тамъ, гдѣ общественныя страсти отличаются жизненностью, человѣкъ гораздо менѣе склоненъ какъ къ безплоднымъ мечтаніямъ, такъ и къ холоднымъ расчетамъ эпикурейца. Привыкнувъ лишь въ слабой степени считаться съ судьбою личностей, онъ не слишкомъ тревожится о своей участи. Мало заботясь о человѣческихъ страданіяхъ, онъ легче сноситъ и бремя своихъ личныхъ горестей.

Напротивъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, альтруистическое самоубійство и убійство могутъ свободно итти ровнымъ шагомъ, они оба зависятъ отъ аналогичныхъ условій, разнящихся лишь по степени. Привыкнувъ презирать свою собственную жизнь, нельзя уважать и чужую. Въ силу этой причины, убійства и добровольныя смерти присущи нѣкоторымъ первобытнымъ народамъ. Однако, было бы неправдоподобно объяснять той же причиной случаи параллелизма, наблюдаемые нами у цивилизованныхъ народовъ. Состояніе чрезмѣрнаго альтруизма не могло бы породить тѣ наблюдаемые нами случаи самоубійства, которые въ самой культурной средѣ сосуществуютъ въ большомъ числѣ съ умышленными убійствами. Чтобы толкать на самоубійство, альтруизмъ долженъ обладать исключительною интенсивностью,—даже большею, чѣмъ это нужно для того, чтобы побуждать къ убійству. Въ самомъ дѣлѣ, какую бы слабую цѣнность я ни придавалъ существованію личности вообще, моя собственная личность всегда будетъ значить въ моихъ глазахъ больше, чѣмъ личность другого. При прочихъ равныхъ условіяхъ, средній человѣкъ болѣе склоненъ уважать человѣческую личность въ самомъ себѣ, чѣмъ у подобныхъ себѣ; вслѣдствіе этого, требуется болѣе энергичный стимулъ, чтобы преодолѣть это чувство уваженія въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ. Но, въ настоящее время, внѣ нѣкоторыхъ и немногочисленныхъ спеціальныхъ

средъ, въ родѣ арміи, чувство безличности и самоотреченія слишкомъ слабо выражено, а противоположныя чувства слишкомъ распространены и слишкомъ сильны, чтобы до такой степени облегчить самоуничтоженіе. Поэтому должна существовать другая, болѣе современная форма самоубійства, способнаго комбинироваться съ убійствомъ.

Таково именно самоубійство аномичное. Въ самомъ дѣлѣ, аномія порождаетъ состояніе отчаянія и раздражительной усталости, которая можетъ, смотря по обстоятельствамъ, обратиться противъ самого субъекта или противъ другихъ; въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ самоубійство, во второмъ—убійство. Что касается причинъ, опредѣляющихъ направленіе, въ которомъ разряжаются перевозбужденныя такимъ образомъ силы, то онѣ коренятся, вѣроятно, въ моральной организаціи дѣйствующаго лица. Смотря по степени оказываемаго имъ сопротивленія, онъ склоняется въ ту или другую сторону. Человѣкъ средней нравственности скорѣе убьетъ, нежели покончитъ съ собою. Мы даже видѣли, что иногда эти два проявленія происходятъ одно вслѣдъ за другимъ и представляютъ изъ себя просто двѣ стороны одного и того же акта, что и доказываетъ ихъ тѣсное родство между собою. Состояніе, въ которомъ находится тогда личность, настолько невыносимо, что для ея облегченія требуется двѣ жертвы.

Вотъ почему въ настоящее время нѣкоторый параллелизмъ между развитіемъ убійства и развитіемъ самоубійства встрѣчается преимущественно въ крупныхъ центрахъ и въ странахъ, отличающихся высокимъ уровнемъ развитія цивилизаціи. Именно тамъ аномія принимаетъ острый характеръ. Та же причина мѣшаетъ уменьшиться числу убійствъ съ той же быстротой, съ какой наростаетъ число самоубійствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если прогрессъ индивидуализма подрываетъ одну изъ причинъ убійства, то аномія, сопровождающая хозяйственное развитіе, порождаетъ новую причину. Именно, можно думать, что если во Франціи, а еще болѣе въ Пруссіи число самоубійствъ и убійствъ воз-

расло одновременно съ войной, то это обусловливалось моральной неустойчивостью, которая, по различнымъ причинамъ, увеличилась въ обѣихъ странахъ. Наконецъ, такимъ же образомъ можно объяснить, почему, несмотря на подобныя частичныя совпаденія, антагонизмъ все-таки является болѣе общимъ фактомъ. Аномичное самоубійство носитъ массовой характеръ только въ опредѣленныхъ мѣстахъ—тамъ, гдѣ замѣчается огромный подъемъ въ промышленной и торговой дѣятельности. Эгоистическое самоубійство, вѣроятно, является наиболѣе распространеннымъ; поэтому оно и вытѣсняетъ кровавыя преступленія.

Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Если развитіе самоубійства и убійства часто бываетъ обратно пропорціонально, то это зависитъ не отъ того, что они являются двумя различными сторонами одного и того же явленія, а отъ того, что, съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, они представляютъ собою два противоположныхъ соціальныхъ теченія. Они тогда исключаютъ взаимно другъ друга, какъ день исключаетъ ночь, какъ болѣзни, обусловленныя крайней сыростью, исключаютъ болѣзни отъ крайней сухости. И если, несмотря на общее противорѣчіе, не исключается все-таки и возможность гармоніи, то это можно объяснить тѣмъ, что извѣстные виды самоубійства не только не зависятъ отъ причинъ, противоположныхъ причинамъ, вызывающимъ убійства, но выражаютъ собою то же самое соціальное состояніе и развиваются въ той же самой соціальной средѣ, что и убійства. Можно, кромѣ того, предвидѣть, что убійства, сосуществующія съ аномичнымъ самоубійствомъ, и убійства, уживающіяся съ самоубійствомъ альтруистическимъ, не должны быть однородны; что, вслѣдствіе этого, убійство такъ же, какъ и самоубійство, не представляетъ собой съ точки зрѣнія криминалиста нѣкоторой единой и нераздѣльной сущности, но должно разсматриваться, какъ множественность видовъ, весьма отличныхъ другъ отъ друга. Но здѣсь не мѣсто настаивать на этомъ важномъ для криминологіи тезисѣ.

Слѣдовательно, не совсѣмъ точно то положеніе, согласно которому самоубійство является счастливымъ противовѣсомъ, уменьшающимъ безнравственность, и по которому выгодно не препятствовать его развитію. Оно не является функціонально-связаннымъ съ убійствомъ. Несомнѣнно, моральная организація, отъ которой зависитъ эгоистическое самоубійство, совпадаетъ съ той, которая обусловливаетъ регрессъ убійства у цивилизованныхъ народовъ. Но самоубійца этого вида отнюдь не есть неудавшійся убійца, не имѣетъ никакихъ свойствъ послѣдняго,—это человѣкъ, подавленный и охваченный тоскою. Поэтому его актъ можно осуждать, не превращая въ убійцъ тѣхъ, кто находится на томъ же пути. Быть можетъ, намъ скажутъ, что, порицая самоубійство, мы одновременно порицаемъ, а значитъ, и ослабляемъ производящее его состояніе, то есть эту своеобразную гиперэстезію ко всему, касающемуся индивидуума,—что такимъ образомъ мы рискуемъ усилить тотъ духъ неуваженія къ личности, слѣдствіемъ котораго является распространенность убійствъ?

Но для того, чтобы индивидуализмъ былъ въ состояніи сдерживать наклонность къ убійствамъ, вовсе не нужна та крайняя степень его развитія, которая дѣлаетъ изъ него источникъ волны самоубійствъ. Для того, чтобы личность получила отвращеніе къ мысли пролить кровь себѣ подобныхъ, совершенно не нужно, чтобы индивидуумъ замыкался въ самомъ себѣ. Достаточно, если онъ любитъ и уважаетъ человѣческую личность вообще. Индивидуалистическая тенденція можетъ быть, такимъ образомъ, сдержана въ должныхъ предѣлахъ, при чемъ это вовсе не должно повлечь за собой усиленіе тенденціи къ убійству.

Такъ какъ аномія вызываетъ въ одинаковой степени и убійство и самоубійство, то все, что можетъ уменьшить ея развитіе, уменьшаетъ и развитіе ея послѣдствій. Не слѣдуетъ опасаться, что если ей помѣшаютъ проявиться подъ формой самоубійства, то она выразится въ большемъ количествѣ убійствъ; ибо человѣкъ, оказавшійся настолько чув-

ствительнымъ къ моральной дисциплинѣ, чтобы изъ уваженія къ общественному сознанію и его запретамъ отказаться отъ мысли покончить съ собой,—еще съ большимъ трудомъ рѣшился бы на убійство, подвергающееся болѣе суровому осужденію и влекущему за собой болѣе суровое возмездіе. Къ тому же, какъ мы видѣли, въ подобномъ случаѣ прибѣгаютъ къ самоубійству лучшіе, и поэтому нѣтъ никакого основанія покровительствовать подбору, идущему въ сторону регресса.

Эта глава можетъ послужить для освѣщенія одной часто возбуждавшей разногласія проблемы.

Извѣстно, сколько споровъ было вокругъ вопроса о томъ, являются-ли чувства, испытываемыя нами по отношенію къ намъ подобнымъ, простымъ видоизмѣненіемъ эгоизма, или, наоборотъ, они возникаютъ независимо отъ послѣдняго. Мы только что видѣли, что ни та, ни другая гипотеза не имѣютъ подъ собой основанія. Конечно, жалость къ другому и жалость къ самому себѣ не чужды одна другой, ибо ихъ развитіе или упадокъ идутъ параллельно, но ни одно изъ этихъ чувствъ не вытекаетъ изъ другого. Если между ними наблюдается родственная связь, то это потому, что оба они вытекаютъ изъ одного и того же состоянія коллективнаго сознанія, различныя стороны котораго они изъ себя представляютъ. Они выражаютъ только тотъ способъ, посредствомъ котораго общественное мнѣніе опредѣляетъ моральную цѣнность личности вообще. Если цѣнность личности стоитъ высоко въ общественномъ мнѣніи, мы прилагаемъ эту соціальную мѣрку къ другимъ въ той же степени, какъ и къ самимъ себѣ; ихъ личность, какъ и наша, пріобрѣтаетъ большую цѣнность въ нашихъ глазахъ, и мы становимся болѣе чувствительными какъ къ тому, что индивидуально задѣваетъ каждаго изъ нихъ, такъ и къ тому, что задѣваетъ насъ самихъ. Ихъ горести, какъ и наши горести, болѣе сильно дѣйствуютъ на насъ. Поэтому чувство симпатіи, обнаруживаемой нами по отношенію къ

нимъ, не является простымъ продолженіемъ подобнаго же чувства, испытываемаго нами по отношенію къ самимъ себѣ. Но и то и другое—слѣдствія одной и той же причины; они создаются, благодаря одному и тому же моральному состоянію. Безъ сомнѣнія, это моральное состояніе видоизмѣняется сообразно тому, направлено-ли чувство на насъ самихъ или на кого-нибудь другого: въ первомъ случаѣ нашъ инстинктивный эгоизмъ усиливаетъ его, а во второмъ—ослабляетъ. Но и въ томъ, и другомъ присутствуетъ и дѣйствуетъ это моральное состояніе. Это до такой степени вѣрно, что даже тѣ чувства, которыя, казалось бы, составляютъ личныя особенности индивидуума, зависятъ отъ причинъ, стоящихъ выше личности. Даже нашъ эгоизмъ—и тотъ, по большой части, является продуктомъ общества.

Таблица VI [1]).

Самоубійства по возрасту женатыхъ и вдовыхъ, въ связи съ тѣмъ, имѣютъ они или не имѣютъ дѣтей. (*Франція, за исключеніемъ департамента Сены*).

Абсолютныя цифры (1889—91 г.г.).

Возрастъ.	Мужчины. Женатые безъ дѣтей.	Женатые съ дѣтьми.	Вдовцы безъ дѣтей.	Вдовцы съ дѣтьми.
Отъ 0 до 15	1,3	0,3	0,3	—
15 „ 20	0,3	0,6	—	—
20 „ 25	6,6	6,6	0,6	—
25 „ 30	33	34	2,6	3
30 „ 40	109	246	11,6	20,6
40 „ 50	137	367	28	48
50 „ 60	190	457	48	108
60 „ 70	164	385	90	173
70 „ 80	74	187	86	212
80 и выше	9	36	25	71

[1]) Эта таблица составлена по неизданнымъ документамъ министерства юстиціи. Мы не могли пользоваться ими въ особенно широкихъ размѣрахъ, такъ какъ въ переписи населенія не указано для

Возрастъ.	Женщины. Замужнія безъ дѣтей.	Замужнія съ дѣтьми.	Вдовы безъ дѣтей.	Вдовы съ дѣтьми.
Отъ 0 до 15	—	—	—	—
15 „ 20	2,3	0,3	0,3	—
20 „ 25	15	15	0,6	0,3
25 „ 30	23	31	2,6	2,3
30 „ 40	46	84	9	12,6
40 „ 50	55	98	17	19
50 „ 60	57	106	26	40
60 „ 70	35	67	47	65
70 „ 80	15	32	30	68
80 и выше	1,3	2,6	12	19

Глава III.

Практическіе выводы.

Теперь, когда мы знаемъ, что такое самоубійство, его разновидности и главные законы, управляющіе этимъ явленіемъ, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какую линію поведенія должно выбрать современное общество по отношенію къ нему.

Но этотъ вопросъ обусловливаетъ собою еще и другой. Слѣдуетъ ли разсматривать самоубійство у цивилизованныхъ народовъ какъ явленіе нормальное или, наоборотъ, какъ аномальное?

Въ самомъ дѣлѣ, въ зависимости отъ принятаго рѣшенія, или же придется признать, что необходимы и возможны реформы для сокращенія размѣровъ этого явленія, или же, наоборотъ, слѣдуетъ, сохраняя къ нему вполнѣ отрицательное отношеніе, примириться съ нимъ, какъ съ фактомъ.

каждаго возраста число женатыхъ и вдовыхъ, не имѣющихъ дѣтей. Но мы все-таки опубликовываемъ результатъ нашей работы въ надеждѣ, что она будетъ использована позднѣе, когда будетъ заполненъ этотъ недостатокъ въ переписи.

I.

Быть можетъ, нѣкоторые будутъ удивляться тому, что самый этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли смотрѣть на все неморальное, какъ на естественное. Однако, если, какъ мы установили, самоубійство оскорбляетъ нравственное сознаніе, то, повидимому, невозможно не видѣть въ немъ явленіе соціальной патологіи. Но въ другомъ мѣстѣ мы показали [1]), что даже такое очевидное проявленіе имморальности, какъ преступленіе, не должно быть обязательно отнесено къ категоріи болѣзненныхъ явленій. Правда, что это утвержденіе можетъ смутить нѣкоторыхъ и, при поверхностномъ взглядѣ, можетъ показаться, что оно колеблетъ самыя основы морали. Это утвержденіе, тѣмъ не менѣе, не заключаетъ въ себѣ ничего разрушительнаго. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ той аргументаціи, на которой основывается это утвержденіе и которую можно резюмировать слѣдующимъ образомъ.

Или слово б о л ѣ з н ь ровно ничего не означаетъ, или же оно означаетъ что-то такое, чего можно избѣжать. Безъ сомнѣнія, не все то, чего можно избѣжать—болѣзненно, но все то, что болѣзненно, можетъ быть избѣгнуто, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Если не отказываться отъ различія въ понятіяхъ и терминахъ, то невозможно характеризовать этимъ словомъ такое состояніе или свойство существъ извѣстнаго вида, котораго они не могутъ не имѣть, которое неизбѣжно присуще ихъ организаціи. Съ другой стороны, у насъ имѣется лишь одинъ объективный признакъ, могущій быть эмпирически установленъ и доступный постороннему контролю, путемъ котораго мы могли-бы констатировать наличность этой необходимости,—это ея всеобщность. Если всегда и повсюду, безъ

[1]) См. R è g l e s d e l a M é t h o d e s o c i o l o g i q u e, гл.. III.

единаго исключенія, два явленія встрѣчаются совмѣстно, то будетъ методологически нелѣпо предположить, что они могутъ существовать раздѣльно. Но это еще не значитъ, что одно является причиной другого. Связь можетъ и не быть непосредственной [1]), но тѣмъ не менѣе она есть, и она необходима.

Мы не знаемъ такого общества, въ которомъ бы, въ различныхъ формахъ, не наблюдалось болѣе или менѣе развитой преступности. Нѣтъ такого народа, чья мораль не нарушалась бы каждодневно. Значитъ, мы должны сказать, что преступленіе необходимо, что оно не можетъ не быть, что основныя условія общежитія, такія, какими мы ихъ знаемъ, его логически обусловливаютъ. Слѣдовательно, оно нормально. Намъ нѣтъ надобности ссылаться здѣсь на неизбѣжное несовершенство человѣческой природы и доказывать, что зло, хотя и не можетъ быть предупреждено, все-таки не перестаетъ быть зломъ; это слова проповѣдника— не ученаго. Необходимое несовершенство—не есть еще болѣзнь; иначе, слѣдовало бы всюду видѣть болѣзнь, потому что несовершенство—всюду. Нѣтъ такой функціи организма, нѣтъ такой анатомической формы, относительно которыхъ нельзя было бы пожелать нѣкотораго улучшенія. Говорятъ иногда, что оптикъ покраснѣлъ бы, сдѣлавъ зрительный аппаратъ такого грубаго устройства, каковъ человѣческій глазъ. Но отсюда никто не заключилъ, да и нельзя заключить о ненормальности строенія этого органа. Болѣе того,— невозможно, чтобы то, что необходимо, не заключало бы въ себѣ извѣстнаго совершенства, говоря нѣсколько теологическимъ языкомъ нашихъ противниковъ. То, что составляетъ необходимое условіе жизни, не можетъ не быть полезно, если только сама жизнь

[1]) Да и всякая логическая связь не является ли посредственной? Какъ бы ни были близки между собой два термина, соединяемые ею, они все же отличны другъ отъ друга, а, слѣдовательно, между ними всегда имѣется нѣкоторое разстояніе, нѣкоторый логическій интервалъ.

полезна. Не будемъ выходить изъ этихъ предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы показали, какимъ образомъ преступленіе можемъ быть полезно. Однако, оно можетъ быть для чего-нибудь полезно только въ томъ случаѣ, если оно осуждается и подавляется. Совершенно несправедливо мнѣніе, по которому простое зачисленіе преступленія въ разрядъ явленій нормальной соціологіи уже означаетъ его оправданіе. Если преступленіе есть нормальное явленіе, то нормально также, чтобы оно было наказываемо. Наказаніе и преступленіе составляютъ одну нераздѣльную пару. Одно въ такой же степени необходимо, какъ и другое. Всякое аномальное ослабленіе карательной системы вызываетъ усиленіе преступности и доводитъ ее до аномальной степени интенсивности.

Примѣнимъ эти положенія къ самоубійству.

Правда, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, чтобы утверждать, что нѣтъ такого общества, гдѣ не наблюдалось бы самоубійства. Статистика даетъ намъ данныя по этому вопросу только относительно небольшого числа народовъ. У другихъ же наличность хроническихъ самоубійствъ можетъ быть констатирована лишь по слѣду, оставляемому ими въ законодательствѣ. Однако, мы не знаемъ навѣрное, было ли самоубійство повсюду объектомъ юридической регламентаціи. Но можно утверждать, что это наиболѣе общій случай. То оно запрещается, то осуждается; то запрещеніе, которому оно подвергается, строго и безусловно, то оно допускаетъ послабленія и исключенія. Но всѣ аналогіи позволяютъ думать, что ни право, ни морали никогда не относились безразлично къ самоубійству; оно всегда имѣло достаточно серьезное значеніе, чтобы привлекать къ себѣ вниманіе общественнаго сознанія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что наклонность къ самоубійству, болѣе или менѣе сильная, всегда существовала у европейскихъ народовъ; о послѣднемъ столѣтіи намъ свидѣтельствуетъ статистика, а о предыдущихъ эпохахъ юридическіе памятники. Такимъ образомъ, самоубійство входитъ составнымъ эле-

ментомъ въ нормальный строй какъ европейскаго, такъ, вѣроятно, и всякаго другого общества.

Не трудно показать, откуда проистекаетъ эта постоянная связь.

Съ особенной очевидностью она обнаруживается въ альтруистическомъ самоубійствѣ первобытныхъ обществъ. Именно потому, что подчиненность индивидуума группѣ есть ихъ основной принципъ, альтруистическое самоубійство является здѣсь, такъ сказать, необходимымъ актомъ коллективной дисциплины. Если бы въ тѣ времена человѣкъ не относился легко къ своей жизни, онъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть; а разъ онъ мало дорожитъ своей жизнью, то все, что угодно, могло служить для него поводомъ къ самоубійству. Слѣдовательно, существуетъ тѣсная связь между практикой самоубійства и нравственнымъ укладомъ общества. То же наблюдается въ настоящее время въ той исключительной средѣ, гдѣ особенно сильны самоотреченіе и обезличеніе. Еще и до сихъ поръ военный духъ можетъ сохранять свою силу лишь при томъ условіи, чтобы личность отреклась отъ самой себя, а такое самоотреченіе неизбѣжно открываетъ дорогу самоубійству.

По противоположнымъ причинамъ, въ обществахъ и средахъ, гдѣ достоинство личности является верховною цѣлью поведенія, гдѣ человѣкъ является богомъ для человѣка, личность довольно легко склоняется къ тому, чтобы признать божествомъ человѣка, находящагося внутри ея самой, и возводить самое себя въ предметъ своего собственнаго культа. Когда мораль стремится прежде всего дать личности очень высокую идею о ней самой,—достаточно извѣстной комбинаціи обстоятельства, чтобы эта личность сдѣлалась неспособной признавать что-либо выше себя. Индивидуализмъ, несомнѣнно, не есть непремѣнно эгоизмъ, но онъ приближается къ нему; нельзя поощрять одно, не содѣйствуя росту другого. Такимъ образомъ возникаетъ эгоистическое самоубійство. Наконецъ, у народовъ, гдѣ прогрессъ бываетъ и

долженъ быть быстрымъ, правила, которыя сдерживаютъ личность, должны быть достаточно гибкими и растяжимыми; если они сохраняются со строгою неизмѣнностью, какъ это имѣетъ мѣсто въ первобытныхъ обществахъ, скованная въ своемъ теченіи эволюція не можетъ совершаться съ достаточной быстротой. Но страсти и самолюбія, при малѣйшемъ ослабленіи сдержки, неизбѣжно прорвутся въ извѣстныхъ пунктахъ.

Съ того момента, какъ людямъ внушили, что прогрессъ является ихъ обязанностью, сдѣлалось гораздо труднѣе держать ихъ въ покорности; вслѣдствіе этого, число недовольныхъ и безпокойныхъ не перестаетъ увеличиваться. Всякая мораль прогресса и совершенствованія неотдѣлима, поэтому, отъ извѣстной степени аноміи. Такимъ образомъ, каждому типу самоубійства соотвѣтствуетъ своя согласующаяся съ нимъ моральная организація. Одно не можетъ быть безъ другого; ибо самоубійство есть просто форма, которую неизбѣжно принимаетъ каждая изъ нихъ въ извѣстныхъ частныхъ условіяхъ и которая не можетъ не проявляться.

Но, скажутъ намъ, эти различныя теченія могутъ обусловливать самоубійства только въ томъ случаѣ, если они доведены до крайности; но развѣ невозможно сдѣлать такъ, чтобы они повсюду пріобрѣли одну и ту же умѣренную интенсивность? — Стремиться къ этому значило бы желать, чтобы условія жизни стали повсюду одинаковыми: это и невозможно, и не желательно. Во всякомъ обществѣ встрѣчаются отдѣльныя группы, куда коллективныя переживанія проникаютъ, только видоизмѣнившись. Для того, чтобы какое-либо теченіе имѣло по всей странѣ извѣстную интенсивность, необходимо, чтобы въ однихъ мѣстахъ оно превышало, въ другихъ же не достигало средняго уровня.

Но эти отклоненія въ ту или иную сторону не только неизбѣжны: они, въ извѣстной мѣрѣ, и полезны. Въ самомъ дѣлѣ, если наиболѣе распространенное состояніе вмѣстѣ съ тѣмъ является и такимъ, которое лучше всего соотвѣт-

ствуетъ наиболѣе обычнымъ условіямъ соціальной жизни, оно не можетъ согласоваться съ иными условіями; а общество, тѣмъ не менѣе, должно имѣть возможность приспособляться какъ къ первымъ, такъ и ко вторымъ. Человѣкъ, у котораго жажда дѣятельности никогда не можетъ превзойти средняго уровня, не можетъ устоять въ положеніяхъ, требующихъ исключительныхъ усилій. Точно такъ-же, общество, гдѣ интеллектуальный индивидуализмъ не могъ бы достигнуть своихъ крайностей, не было бы способно стряхнуть съ себя иго традицій и обновить свои вѣрованія, даже когда это становится необходимымъ. И обратно, тамъ, гдѣ такое же состояніе умовъ не могло бы, въ извѣстныхъ случаяхъ, достаточно ослабнуть и дать дорогу противоположному теченію, что сталось бы тамъ въ военное время, когда пассивное повиновеніе является первымъ долгомъ? Но для того, чтобы эти формы дѣятельности могли проявиться, когда онѣ необходимы, надо, чтобы общество не обезцѣнило ихъ окончательно. Поэтому неизбѣжно, чтобы онѣ имѣли свое мѣсто въ общественномъ существованіи; чтобы были какъ сферы, гдѣ культивируется духъ непримиримой критики и свободнаго изслѣдованія, такъ и другія — напримѣръ, армія, гдѣ сохраняется почти въ полной неприкосновенности древняя религія авторитета. Безъ сомнѣнія, въ обычное время, дѣйствіе этихъ очаговъ не должно распространяться за извѣстные предѣлы; такъ какъ чувства, вырабатывающіяся въ нихъ, соотвѣтствуютъ особымъ условіямъ, то является существеннымъ, чтобы они не обобщались. Но если важно, чтобы они оставались локализированными, не менѣе важно, чтобы они существовали. Эта необходимость окажется еще болѣе очевидной, если принять во вниманіе, что общества не только должны справляться съ различными положеніями въ теченіе одного и того же періода, но, кромѣ того, не могутъ вообще сохраняться, не преобразуясь. Нормальныя пропорціи индивидуализма и альтруизма, соотвѣтствующія современнымъ націямъ, не остаются неизмѣнными на протяженіи даже одного столѣтія. Будущее не было бы возможнымъ, если бы его зародыши

не были даны въ настоящемъ. Для того, чтобы какая-либо коллективная тенденція могла ослабѣть или усилиться въ своемъ развитіи, она не должна быть зафиксирована разъ навсегда въ единственной формѣ, не поддающейся измѣненію; она не была бы въ состояніи варіировать во времени, если бы она не представляла никакихъ варіацій въ пространствѣ [1]).

Разновидности коллективной печали, производныя отъ установленныхъ нами трехъ моральныхъ состояній, не лишены своего права на существованіе, если только онѣ не чрезмѣрны. Ошибочно думать, чтобы безпримѣсная радость была нормальнымъ состояніемъ человѣческаго самочувствія. Человѣкъ не могъ бы жить, если бы печаль не имѣла надъ нимъ никакой власти. Существуетъ много страданій, приспособиться къ которымъ можно лишь, полюбивъ ихъ, и удовольствіе, получаемое при этомъ отъ этихъ страданій, конечно, носитъ оттѣнокъ меланхоліи. Меланхолія поэтому бываетъ болѣзненнымъ состояніемъ лишь въ томъ случаѣ, когда она занимаетъ слишкомъ много мѣста въ жизни; но не меньшую ненормальность представляетъ и случай ея полнаго отсутствія. Нужно, чтобы стремленіе къ веселому раздолью умѣрялось противоположнымъ стремленіемъ, и только при этомъ условіи, радость не перейдетъ границъ и будетъ въ гармоніи съ реальной дѣйствительностью. Это имѣетъ силу не только по отношенію къ индивидуумамъ, но и по отношенію къ общественному цѣлому. Слишкомъ ве-

---

1) Затемнѣнію этого вопроса содѣйствовало недостаточное вниманіе, удѣлявшееся относительности здоровья и болѣзни. То, что нормально сегодня, перестаетъ быть таковымъ завтра, и—обратно. Объемистый кишечникъ первобытнаго человѣка нормаленъ по отношенію къ его средѣ, но ненормаленъ теперь. То, что убійственно для личностей, можетъ быть нормальнымъ для общества. Неврастенія есть болѣзнь съ точки зрѣнія индивидуальной физіологіи, но что сталось бы съ обществомъ безъ неврастениковъ? Въ настоящее время у нихъ имѣется своя роль. Когда говорятъ, что какое-нибудь состояніе нормально или анормально, слѣдуетъ добавить, по отношенію къ чему оно такъ квалифицируется; безъ этого невозможно понять другъ друга.

селая мораль — бываетъ моралью разложенія; она пригодна лишь для народовъ, вступившихъ на путь упадка, и только у нихъ однихъ можно ее встрѣтить. Жизнь часто тяжела, часто обманчива или пуста. Необходимо, чтобы коллективное чувство отразило и эту сторону существованія. Поэтому наряду съ оптимистической струей, заставляющей людей смотрѣть на міръ съ довѣріемъ, необходимо и противоположное теченіе, безъ сомнѣнія, менѣе сильное и менѣе распространенное, чѣмъ первое, но могущее, однако, отчасти парализовать оптимизмъ; ибо ни одна тенденція не въ состояніи сама положить себѣ границъ, но можетъ быть ограничена лишь благодаря существованію другой тенденціи. Нѣкоторыя данныя показываютъ даже, что, повидимому, наклонность къ извѣстной меланхоліи скорѣе увеличивается по мѣрѣ того, какъ общество поднимается выше по лѣстницѣ соціальныхъ типовъ. Какъ мы уже говорили въ другой нашей работѣ [1]), существуетъ одинъ фактъ, заслуживающій, по меньшей мѣрѣ, вниманія: великія религіи наиболѣе цивилизованныхъ народовъ болѣе глубоко проникнуты грустью, чѣмъ болѣе простыя вѣрованія предшествующихъ обществъ. Конечно, это не значитъ, что пессимистическое теченіе должно въ концѣ-концовъ поглотить оптимизмъ, но это служитъ доказательствомъ того, что оно не теряетъ почвы подъ ногами и, повидимому, ему не суждено исчезнуть. А для того, чтобы оно могло существовать и бороться за свое существованіе, необходима наличность въ обществѣ спеціальнаго органа, служащаго ему субстратомъ. Необходимо, чтобы были группы индивидуумовъ, представляющихъ спеціально это общественное настроеніе. И конечно часть населенія, играющая подобную роль, будетъ именно той частью, среди которой легко зарождается мысль о самоубійствѣ.

Но изъ того, что теченіе, нарождающее съ извѣстной интенсивностью самоубійства, должно быть разсматриваемо,

1) Division du travail social, стр. 266.

какъ явленіе нормальной соціологіи, — еще не слѣдуетъ, что всякое теченіе этого рода неизбѣжно будетъ носить тотъ же самый характеръ. Если духъ самоотреченія, любовь къ прогрессу, стремленіе къ индивидуализаціи имѣютъ мѣсто во всѣхъ видахъ общества и если ихъ существованіе неизбѣжно связано, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, съ зарожденіемъ мысли о самоубійствѣ — то этимъ свойствомъ они все-таки обладаютъ лишь въ извѣстной мѣрѣ, особой для каждаго народа. Свойство это имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда эти чувства не переходятъ границъ. Точно такъ-же и коллективная наклонность къ печали представляетъ изъ себя здоровое явленіе лишь при томъ условіи, если она не является преобладающимъ теченіемъ. Слѣдовательно, и вопросъ о томъ, нормаленъ или ненормаленъ современный уровень самоубійства у цивилизованныхъ народовъ, не разрѣшается тѣмъ, что было сказано выше. Нужно еще изслѣдовать, нѣтъ-ли патологическаго характера въ огромномъ увеличеніи числа самоубійствъ, происшедшемъ за послѣднее столѣтіе.

Говорятъ, что это составляетъ какъ бы плату за цивилизацію. Извѣстно, что это увеличеніе имѣетъ мѣсто во всей Европѣ и тѣмъ болѣе сильно выражено, чѣмъ выше данный народъ въ культурномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, оно составляетъ 411% для Пруссіи за время съ 1826 по 1890 годъ, 385% для Франціи съ 1826 по 1888 г., 318% для нѣмецкой Австріи съ 1841—45 по 1877 годъ, 238% для Саксоніи съ 1841 по 1875 г., 212% для Бельгіи съ 1841 по 1889 г., всего 72% для Швеціи съ 1841 по 1871 — 75 г., 35% для Даніи въ теченіе того же періода. Въ Италіи съ 1870 года, т. е. съ момента, когда она стала однимъ изъ участниковъ европейской цивилизаціи, число самоубійствъ возросло съ 788 случаевъ до 1653, что даетъ увеличеніе на 109% въ двадцать лѣтъ. Кромѣ того, повсюду самоубійства наиболѣе часто наблюдаются въ самыхъ культурныхъ районахъ. Можно было-бы даже подумать, что существуетъ связь между прогрессомъ просвѣщенія и ростомъ числа самоубійствъ,

что одно не можетъ развиваться безъ другого [1]). Это утвержденіе аналогично положенію того итальянскаго криминалиста, который думаетъ, что увеличеніе преступленій имѣетъ своей причиной параллельное увеличеніе количества экономическихъ сношеній, являющихся въ то же время вознагражденіемъ за ростъ преступности [2]). Принимая это положеніе, пришлось бы придти къ выводу, что строеніе, свойственное высшимъ видамъ общества, заключаетъ въ себѣ исключительный стимулъ къ возникновенію настроеній, вызывающихъ самоубійство; слѣдовательно, пришлось бы признать необходимымъ и нормальнымъ ихъ современную страшную силу развитія, и тогда нельзя было бы принимать противъ нихъ никакихъ особыхъ мѣръ, не борясь въ то же время и противъ цивилизаціи [3]).

Но имѣется немало фактовъ, заставляющихъ насъ относиться съ большой осторожностью къ этому разсужденію. Въ Римѣ, когда имперія достигла своего апогея, отже была настоящая гекатомба добровольныхъ смертей. Поэтому можно было бы тогда утверждать, какъ и теперь, что это было цѣной за достигнутое интеллектуальное развитіе и что для культурныхъ народовъ закономѣрно большое количество жертвъ, приносимыхъ самоубійству. Но послѣдующая исторія показала, насколько надобная индукція была

1) Oettingen, Ueber acuten und chronischen Selbstmord, стр. 28—32 и Moralstatistik, стр. 761.

2) Г. Полетти. Впрочемъ, мы знакомы съ его теоріей лишь по ея изложенію, данному Тардомъ въ его Criminalité comparé, стр. 72.

3) Говорятъ, правда (Oettingen), желая ускользнуть отъ такого вывода, что самоубійство есть лишь одна изъ дурныхъ сторонъ цивилизаціи (Schattenseite) и что возможно, не достигнувъ окончательной побѣды надъ нимъ, все-таки уменьшить его размѣры. Но это—игра словами. Если оно вытекаетъ изъ тѣхъ же самыхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ и ростъ культуры, то нельзя уменьшать первыя, не вредя развитію второго, ибо единственное вѣрное средство борьбы съ даннымъ явленіемъ заключается въ воздѣйствіи на его причины.

бы малоосновательна; ибо эта эпидемія самоубійствъ длилась лишь извѣстный періодъ, тогда какъ римская культура была долговѣчнѣе. Христіанское общество не только подобрало себѣ лучшіе плоды, но съ XVI столѣтія, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, послѣ эпохи Возрожденія и Реформаціи, это общество на много превзошло самый высокій уровень, какой только былъ достигнутъ античнымъ міромъ. И однако, до 18-го столѣтія замѣчалось лишь слабое развитіе самоубійствъ. Слѣдовательно, вовсе не было необходимости въ томъ, чтобы во имя прогресса проливалось столько крови, ибо плоды этого прогресса могли быть сохранены и даже превзойдены, не производя столь человѣкоубійственнаго вліянія. Но въ такомъ случаѣ, вѣдь возможно, что и теперь совершается то же самое, что шествіе впередъ нашей цивилизаціи и развитіе самоубійства не связаны логически между собой и что, слѣдовательно, можно задержать послѣднее, не останавливая въ то же время перваго. Къ тому же, мы видѣли, что самоубійство встрѣчается, начиная съ первыхъ этаповъ эволюціи, и что даже иногда оно обладаетъ тамъ крайней заразительностью. А если самоубійства существуютъ среди самыхъ дикихъ народовъ, нѣтъ никакого основанія думать, что оно связано необходимымъ соотношеніемъ съ крайней утонченностью нравовъ.

Безъ сомнѣнія, типы самоубійства, наблюдавшіеся въ эти отдаленныя эпохи, частью исчезли; но это исчезновеніе должно было бы облегчить немного нашу ежегодную дань, и тѣмъ болѣе удивительно, что эта дань дѣлается все болѣе и болѣе тяжелой.

Поэтому, можно думать, что увеличеніе вытекаетъ не изъ существа прогресса, а изъ особыхъ условій, въ которыхъ осуществляется прогрессъ въ наше время, и ничто не доказываетъ намъ, что эти условія нормальны. Ибо не нужно ослѣпляться блестящимъ развитіемъ наукъ, искусствъ и промышленности, свидѣтелями котораго мы являемся. Нельзя отрицать, что оно совершается среди болѣзненнаго возбужденія, печальныя послѣдствія котораго ощущаетъ ка-

ждый изъ насъ. Поэтому очень возможно и даже вѣроятно, что прогрессивное увеличеніе числа самоубійствъ происходитъ отъ патологическаго состоянія, сопровождающаго теперь ходъ цивилизаціи, но не являющагося его необходимымъ условіемъ.

Быстрота, съ которой возрастало число самоубійствъ, не допускаетъ даже другой гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, оно утроилось, учетверилось, даже упятерилось, смотря по странѣ.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что самоубійства вытекаютъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ въ строеніи общества, такъ какъ они выражаютъ собою темпераментъ, а темпераментъ народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, отражаетъ самое основное въ состояніе организма.

Наша соціальная организація должна была глубоко измѣниться въ теченіе этого столѣтія для того, чтобы быть въ состояніи вызвать подобное увеличеніе процента самоубійствами. И невозможно, чтобы столь важное и столь быстрое измѣненіе не было болѣзненнымъ явленіемъ; ибо общество не въ состояніи съ такой внезапностью измѣнить свою структуру. Только вслѣдствіе медленныхъ и почти нечувствительныхъ перемѣнъ можетъ оно пріобрѣсти иной характеръ. Да и возможныя измѣненія ограничены въ своихъ размѣрахъ. Разъ соціальный типъ получилъ окончательную форму, онъ не обладаетъ безграничной пластичностью; быстро достигается извѣстный предѣлъ, котораго нельзя перейти. Поэтому не могутъ быть нормальными и тѣ измѣненія, наличность которыхъ предполагаетъ статистика современныхъ самоубійствъ. Не зная даже точно, въ чемъ они состоятъ, можно заранѣе утверждать, что они вытекаютъ не изъ нормальной эволюціи, а изъ болѣзненнаго потрясенія, сумѣвшаго подорвать корни прежнихъ установленій, но оказавшагося не въ силахъ замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь новымъ; и не въ короткій промежутокъ времени можно возстановить работу вѣковъ. Растущій приливъ добровольныхъ смертей зависитъ, слѣдовательно, не

отъ увеличенія блеска нашей цивилизаціи, а отъ состоянія кризиса и ломки, которыя, продолжаясь, не могутъ не внушать опасеній.

Къ этимъ разнаго рода доводамъ можно прибавить и еще одинъ доводъ. Если истинно положеніе, что при нормальныхъ условіяхъ коллективная печать имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ жизни общества, то обыкновенно она не носитъ настолько интенсивнаго и всеобщаго характера, чтобы быть въ состояніи проникать до высшихъ центровъ соціальнаго тѣла. Она остается на положеніи подсознательнаго настроенія, которое смутно ощущается коллективнымъ субъектомъ, дѣйствію котораго этотъ субъектъ, слѣдовательно, подчиняется, но въ которомъ онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета. По крайней мѣрѣ, этому неопредѣленному настроенію удается овладѣвать общественнымъ сознаніемъ лишь въ формѣ частичныхъ и прерывистыхъ вспышекъ. И выражается это настроеніе, главнымъ образомъ, въ видѣ отрывочныхъ сужденій, изолированныхъ положеній, не связанныхъ другъ съ другомъ, могущихъ, вопреки ихъ абсолютной формѣ, отразить лишь одну какую-нибудь сторону дѣйствительности, воспринимая въ себя поправки и дополненія изъ сферы постулатовъ противоположнаго характера. Изъ этого источника и проистекаютъ всѣ тѣ меланхолическіе афоризмы, всѣ тѣ пословицы, направленныя на осужденіе жизни, въ которыхъ иногда проявляется народная мудрость. Но они встрѣчаются не въ большемъ количествѣ, чѣмъ противоположныя имъ по духу поговорки. Они выражаютъ, очевидно, мимолетныя впечатлѣнія, лишь проходящія черезъ поле сознанія, но не занимающія его цѣликомъ. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобныя чувства пріобрѣтаютъ исключительную силу, они начинаютъ занимать общественное вниманіе въ такой мѣрѣ, что ихъ можно разглядѣть въ ихъ цѣломъ, въ полномъ и систематическомъ согласованіи другъ съ другомъ,—и тогда они дѣлаются основой для всей философіи жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ Римѣ и въ Греціи проникнутыя отчаяніемъ теоріи Эпикура и Зе-

нона появились лишь тогда, когда общество почувствовало себя серьезно больнымъ. Образованіе этихъ великихъ системъ было, слѣдовательно, признакомъ того, что пессимистическое настроеніе достигло ненормально большихъ размѣровъ, вслѣдствіе какихъ-то пертурбацій въ соціальномъ организмѣ. А, вѣдь, сколько такихъ теорій имѣется въ наше время! Для вѣрнаго представленія объ ихъ численности и значеніи, не достаточно принимать во вниманіе лишь философскія системы, носящія оффиціально пессимистическій характеръ, въ родѣ ученій Шопенгауера, Гартмана и т. д. Нужно считаться и со всѣми теоріями, которыя, подъ различными именами, являлись предшественницами этого направленія. Анархистъ, эстетъ, мистикъ, соціалистъ-революціонеръ, если они безъ отчаянія смотрятъ на будущее, все-таки подаютъ руку пессимисту въ одномъ и томъ же чувствѣ ненависти или презрѣнія ко всему существующему, въ одной и той же потребности разрушенія дѣйствительности или удаленія отъ нея. Если бы общественное сознаніе не приняло болѣзненнаго направленія, мы бы не имѣли такого подъема коллективной меланхоліи; и слѣдовательно, развитіе самоубійствъ, вытекающее изъ этого же состоянія общественнаго сознанія, имѣетъ также болѣзненный характеръ [1]).

Итакъ, всѣ доводы въ полномъ согласіи между собой говорятъ намъ, что непомѣрное возростаніе добровольныхъ смертей, имѣющее мѣсто за послѣднее столѣтіе, нужно раз-

[1]) Этотъ аргументъ вызываетъ возраженіе. Буддизмъ и джаинизмъ—ученія, послѣдовательно проводящія пессимистическій взглядъ на жизнь; является-ли это указаніемъ на болѣзненное состояніе народовъ, исповѣдующихъ эти ученія? Мы знаемъ ихъ слишкомъ мало для того, чтобы рискнуть на безповоротное рѣшеніе этого вопроса. Пусть разсматриваютъ наше разсужденіе, какъ приложимое лишь къ европейскимъ народамъ и даже къ обществамъ городского типа. Въ этихъ предѣлахъ, мы думаемъ, его было бы трудно оспаривать. Впрочемъ, возможно, что духъ самоотреченія, свойственный нѣкоторымъ другимъ обществамъ, можетъ, не вызывая аномаліи, создать строгую систему.

сматривать, какъ патологическое явленіе, становящееся съ каждымъ днемъ все опаснѣе. Къ какимъ же средствамъ нужно прибѣгнуть для борьбы съ нимъ?

II.

Нѣкоторые авторы рекомендуютъ возстановить угрозу наказаній, которыя нѣкогда были въ ходу [1]).

Мы охотно допускаемъ, что наша современная снисходительность по отношенію къ самоубійству заходитъ слишкомъ далеко. Такъ какъ оно оскорбляетъ нравственное чувство, то его слѣдовало бы отвергать съ большей энергіей и съ большей опредѣленностью, и это порицаніе должно было бы выражаться во внѣшнихъ и точныхъ формахъ, т. е. въ формѣ наказаній. Ослабленіе нашей репрессивной системы въ этомъ пунктѣ есть явленіе аномальное. Но съ другой стороны, наказанія, сколько-нибудь суровыя, невозможны: общественное сознаніе ихъ не допуститъ. Ибо самоубійство, какъ мы видѣли, родственно настоящимъ добродѣтелямъ и является только ихъ преувеличенной формой. Общественное мнѣніе, поэтому, далеко не единогласно въ своемъ судѣ надъ нимъ. Такъ какъ самоубійство до извѣстной степени связано съ чувствами, которыя общество уважаетъ, то оно не можетъ порицать его безъ оговорокъ и безъ колебаній. Этимъ объясняется вѣчное возобновленіе спора между теоретиками по вопросу о томъ, противно ли самоубійство морали или нѣтъ. Такъ какъ самоубійство непрерывнымъ рядомъ промежуточныхъ степеней связано съ актами, которые мораль одобряетъ или терпитъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что ему иногда приписывали одинаковый съ этими актами характеръ и что предлагали относиться къ нему съ тою же терпимостью. Подобное колебаніе лишь чрезвычайно рѣдко проявляется по отношенію къ убійству или къ кражѣ, потому что здѣсь демаркаціон-

---

[1]) Напр. Lisle, op. cit., стр. 437 и слѣд.

ная линія проведена болѣе рѣзко [1]). Кромѣ того, одинъ тотъ фактъ, что жертва пресѣкла свою жизнь, внушаетъ, не смотря ни на что, слишкомъ большую жалость, чтобы порицаніе могло быть безпощаднымъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, установить можно было бы лишь чисто моральныя наказанія. Единственное, что возможно, это—лишить самоубійцу почестей правильнаго погребенія, лишить покушавшагося на самоубійство нѣкоторыхъ гражданскихъ, политическихъ или семейныхъ правъ, напр. нѣкоторыхъ родительскихъ правъ или права быть избраннымъ на общественныя должности. Общественное мнѣніе, намъ кажется, легко согласится на то, чтобъ человѣкъ, пытавшійся уйти отъ главныхъ своихъ обязанностей, пострадалъ въ соотвѣтственныхъ правахъ. Но какъ бы ни были законны эти мѣры, онѣ никогда не будутъ имѣть рѣшающаго вліянія. Было бы ребячествомъ думать, что онѣ въ силахъ остановить такое сильное теченіе.

Къ тому-же, сами по себѣ эти мѣры не коснулись бы корней зла. Въ самомъ дѣлѣ, если мы отказались запретить закономъ самоубійство, это значитъ, что мы слишкомъ слабо чувствуемъ его безнравственность. Мы даемъ ему развиваться на свободѣ, потому что оно не возмущаетъ насъ въ такой степени, какъ это было когда-то. Но никакими законодательными мѣрами не удастся, конечно, пробудить нашу моральную чувствительность. Не отъ законодателя зависитъ, что тотъ или иной фактъ кажется намъ морально возмутительнымъ или нѣтъ. Когда законъ вос-

[1]) Не то, чтобъ въ этихъ случаяхъ раздѣленіе поступковъ на нравственные и безнравственные носило абсолютный характеръ. Противоположеніе добра и зла вовсе не носитъ того радикальнаго характера, какой приписывается ему обыденнымъ сознаніемъ. Незамѣтнымъ стушеваніемъ признаковъ можно всегда перейти отъ одного къ другому; пограничная черта бываетъ часто очень неопредѣленной. И только когда рѣчь идетъ о несомнѣнныхъ преступленіяхъ, разстояніе велико, и связь между крайними точками менѣе замѣтна, чѣмъ при самоубійствѣ.

прещаетъ акты, которые общественное мнѣніе находитъ невинными, то насъ возмущаетъ законъ, а не наказуемое дѣяніе. Наше чрезмѣрная терпимость по отношенію къ самоубійству объясняется тѣмъ, что порождающее его душевное настроеніе стало общимъ и мы не можемъ его осуждать, не осуждая самихъ себя. Мы слишкомъ имъ пропитаны, чтобъ хоть отчасти не прощать его. Но въ такомъ случаѣ, единственное для насъ средство стать болѣе суровыми это—воздѣйствовать непосредственно на пессимистическій потокъ, ввести его въ нормальные берега и не давать ему изъ нихъ выходить, вырвать общественную совѣсть изъ-подъ его вліянія и укрѣпить ее. Когда она вновь обрѣтетъ свою моральную точку опоры, она подобающимъ образомъ будетъ реагировать на все, что ее оскорбляетъ. Не нужно будетъ изобрѣтать системы распрессивныхъ мѣръ,— эта система установится сама собой подъ давленіемъ потребностей. А до тѣхъ поръ она будетъ искусственной и, слѣдовательно, безполезной.

Не является ли, однако, воспитаніе самымъ вѣрнымъ средствомъ достигнуть этого результата? Такъ какъ оно даетъ возможность воздѣйствовать на характеры то не можетъ ли оно сдѣлать ихъ болѣе мужественными и, слѣдовательно, менѣе снисходительными къ людямъ, теряющимъ мужество? Такъ думалъ Морселли. По его мнѣнію, все профилактическое леченіе самоубійства выражается слѣдующей формулой [1]): „развивать у человѣка способность координировать свои идеи и свои чувства, чтобъ онъ былъ въ состояніи преслѣдовать опредѣленную цѣль въ жизни; словомъ, дать моральному характеру силу и энергію". Къ тому же заключенію приходитъ мыслитель совсѣмъ другой школы: „Какъ подрѣзать самоубійство въ корнѣ", спрашиваетъ Франкъ. „Совершенствуя великое дѣло воспитанія, развивая не только умы, но и характеры, не только идеи, но и убѣжденія [2])", отвѣчаетъ онъ.

[1]) Op. cit., стр. 499.

[2]) Статья Suicide въ Diction. Philos.

Но это значитъ—приписывать воспитанію власть, какой оно не имѣетъ. Оно не больше, какъ образъ и подобіе общества. Оно подражаетъ ему, его воспроизводитъ, но не создаетъ его. Воспитаніе бываетъ здоровымъ, когда сами народы въ здоровомъ состояніи. Но оно портится вмѣстѣ съ ними и не можетъ измѣниться собственной силой. Если моральная среда испорчена, то и сами воспитатели, живущіе въ этой средѣ, не могутъ не быть пропитаны той же порчей. Какъ же они могутъ дать тѣмъ характерамъ, которые они формируютъ, иное направленіе, отличное отъ того, какое сами получили? Каждое новое поколѣніе воспитывается предшествующимъ поколѣніемъ; слѣдовательно, данному поколѣнію надо самому исправиться, чтобъ исправить слѣдующее поколѣніе. Это заколдованный кругъ. Возможно, конечно, что отъ времени до времени появляется человѣкъ, который по своимъ идеямъ и стремленіямъ опережаетъ современниковъ, но не при помощи отдѣльныхъ личностей пересоздается моральный строй народовъ. Намъ, конечно, хотѣлось бы вѣрить, что одного краснорѣчиваго голоса можетъ быть достаточно, чтобы перетворить какъ бы чудомъ соціальную матерію, но здѣсь, какъ и повсюду, ничто не выходитъ изъ ничего. Самая великая энергія не можетъ извлечь изъ небытія силы, которыхъ нѣтъ, и неудачи опыта всякій разъ разсѣиваютъ эти дѣтскія иллюзіи. Впрочемъ, если бы даже, путемъ немыслимаго чуда, и удалось создать какую-нибудь педагогическую систему, которая расходилась бы съ соціальной системой, то она была бы безплодна, и именно, по причинѣ этого расхожденія. Если коллективная организація, создающая моральную атмосферу, которую хотятъ разсѣять, продолжаетъ существовать попрежнему, что ребенокъ не можетъ не подпасть ея вліянію съ той минуты, когда онъ придетъ съ ней въ соприкосновеніе. Искусственная школьная среда не можетъ предохранить его надолго. По мѣрѣ того, какъ реальная жизнь охватитъ его все больше и больше, она разрушитъ работу воспитателя. Итакъ, воспитаніе можетъ реформиро-

ваться лишь тогда, когда реформируется само общество. А для этого необходимо уничтожить самыя причины того зла, которымъ оно страдаетъ.

Мы знаемъ эти причины. Мы опредѣлили ихъ, когда указали, какимъ источниками питаются теченія, несущія съ собой самоубійства. Среди этихъ теченій есть, однако, одно, которое, несомнѣнно, ничѣмъ не повинно въ современномъ усиленіи числа самоубійствъ: это—теченіе альтруистическое. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время оно, скорѣе, теряетъ силу, чѣмъ выигрываетъ, и наблюдать его можно главнымъ образомъ въ низшихъ обществахъ. Если оно еще удерживается въ арміи, то и тамъ его интенсивность не представляетъ ничего аномальнаго. До извѣстной степени оно необходимо для поддержанія военнаго духа, но даже и тамъ оно все больше и больше идетъ на убыль. Остается только эгоистическое самоубійство и самоубійство аномичное, развитіе которыхъ можно считать ненормальнымъ, и только на этихъ двухъ формахъ намъ необходимо сосредоточить свое вниманіе.

Эгоистическое самоубійство является результатомъ того, что общество не сохранило достаточной цѣльности во всѣхъ своихъ частяхъ, чтобъ удержать всѣхъ членовъ подъ своею властью. Если этотъ разрядъ самоубійствъ слишкомъ усилился, это значитъ, что и то состояніе общества, которымъ онъ вызывается, черезчуръ усилилось, что слишкомъ много членовъ слишкомъ полно ускользаютъ изъ-подъ власти разстроеннаго и ослабѣвшаго общества. А потому единственное средство помочь злу, это — сдѣлать соціальныя группы снова достаточно сплоченными, чтобъ онѣ крѣпче держали индивида и чтобъ индивидъ крѣпче держался за нихъ. Нужно, чтобъ онъ сильнѣе чувствовалъ свою солидарность съ коллективнымъ существомъ, которое предшествуетъ ему по времени, которое переживетъ его, которое окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. При этомъ условіи онъ перестанетъ искать въ себѣ самомъ единственную цѣль своей дѣятельности и, понявъ, что онъ орудіе

для достиженія цѣли, которая лежитъ выше его, онъ пойметъ также, что онъ имѣетъ извѣстное значеніе. Жизнь снова пріобрѣтетъ смыслъ въ его глазахъ, потому что она вновь найдетъ свою естественную цѣль и свое естественное направленіе. Но какія группы всего болѣе способны непрерывно толкать человѣка къ этому спасительному чувству солидарности?

Не политическое общество. Особенно въ настоящее время, въ нашихъ огромныхъ новѣйшихъ государствахъ оно слишкомъ далеко стоитъ отъ личности, чтобъ съ достаточной послѣдовательностью серьезно вліять на нее. Какова бы ни была связь между нашей повседневной работой и совокупностью общественной жизни, она слишкомъ косвеннаго свойства, чтобъ ощущаться нами непрерывно и отчетливо. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты крупные интересы, мы живо чувствуемъ свою зависимость отъ политическаго коллектива. Конечно, у тѣхъ, которые составляютъ моральный цвѣтъ населенія, рѣдко бываетъ, чтобъ совершенно отсутствовала идея отечества, но въ обычное время она остается въ полумракѣ, въ состояніи смутнаго представленія, а бываетъ, что она и совсѣмъ затмевается. Нужны исключительныя обстоятельства, какой-нибудь крупный политическій или соціальный кризисъ, чтобъ она выступила на первый планъ, овладѣла умами и стала направляющимъ двигателемъ поведенія. Но не такое, рѣдко проявляющееся воздѣйствіе можетъ сыграть роль постояннаго тормаза для склонности къ самоубійству. Необходимо, чтобъ не изрѣдка только, но въ каждый моментъ своей жизни индивидъ сознавалъ, что его дѣятельность имѣетъ цѣль. Чтобъ его существованіе не казалось ему пустымъ, онъ постоянно долженъ видѣть, что жизнь его служитъ цѣли, которая непосредственно его касается. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда болѣе простая и менѣе обширная соціальная среда тѣснѣе окружаетъ его и предлагаетъ болѣе близкую цѣль его дѣятельности.

Религіозное общество также непригодно для этой

функціи. Мы не хотимъ, конечно, сказать, чтобъ оно въ извѣстныхъ условіяхъ не могло оказывать благодѣтельнаго вліянія; но дѣло въ томъ, что условій, необходимыхъ для этого вліянія, нѣтъ теперь въ наличности. Въ самомъ дѣлѣ, оно предохраняетъ отъ самоубійства лишь въ томъ случаѣ, когда оно, это религіозное общество, обладаетъ могучей организаціей, плотно охватывающей индивида. Такъ какъ католическая религія налагаетъ на вѣрующихъ обширную систему догматовъ и обрядовъ и проникаетъ такимъ образомъ во всѣ подробности ихъ существованія, даже ихъ мірской жизни, она сильнѣе привязываетъ ихъ къ жизни, чѣмъ протестантизмъ. Католикъ меньше подвергается возможности забыть о своей связи съ вѣроисповѣдной группой, потому что эта группа ежеминутно ему напоминаетъ о себѣ въ формѣ императивныхъ предписаній, которыя касаются самыхъ различныхъ сторонъ жизни. Ему не приходится съ тоской спрашивать себя, куда ведутъ его поступки; онъ всѣ ихъ относитъ къ Богу, потому что они большей частью регулируются Богомъ, т. е. Его воплощеніемъ—церковью. И такъ какъ считается, что эти предписанія исходятъ отъ власти сверхчеловѣческой, человѣческій разумъ не имѣетъ права ихъ касаться. Было бы грубымъ противорѣчіемъ приписывать имъ подобное происхожденіе и въ то же время разрѣшить свободную критику. Итакъ религія ослабляетъ склонность къ самоубійству лишь въ той мѣрѣ, въ какой она мѣшаетъ человѣку свободно мыслить. Но подобное ограниченіе индивидуальнаго разума въ настоящее время дѣло трудное и съ каждымъ днемъ становится труднѣе. Оно оскорбляетъ наши самыя дорогія чувства. Мы все больше и больше отказываемся допускать, чтобъ можно было указать границы разуму и сказать ему: дальше ты не пойдешь. И движеніе это началось не со вчерашняго дня: исторія человѣческаго духа есть въ то же время исторія развитія свободной мысли. Было бы ребячествомъ пытаться остановить движеніе, явно неудержимое. Если только современныя обширныя общества не разло-

жатся безвозвратно и мы не возвратимся къ маленькимъ соціальнымъ группамъ былыхъ временъ [1]), т. е. если только человѣчество не возвратится къ своему отправному пункту, религіи больше не въ силахъ будутъ оказывать очень обширнаго или очень глубокаго вліянія на умы. Это не значитъ, что не будутъ основывать новыхъ религій. Но единственно жизненными будутъ тѣ, которыя отведутъ свободному изслѣдованію и индивидуальной иниціативѣ еще больше мѣста, чѣмъ даже самыя либеральныя протестантскія секты. И именно поэтому онѣ не будутъ оказывать на своихъ членовъ того сильнаго давленія, какое необходимо, чтобъ поставить преграду самоубійству.

Если многіе писатели видѣли въ возстановленіи религіи единственное лекарство противъ зла, то это объясняется тѣмъ, что они ошибались на счетъ источниковъ ея власти. Они сводятъ почти всю религію къ извѣстному числу высокихъ мыслей и благородныхъ правилъ, съ которыми, въ концѣ-концовъ, могъ бы примириться и раціонализмъ, и думаютъ, что достаточно было бы укрѣпить ихъ въ сердцѣ и умѣ людей, чтобъ предупредить ихъ моральное паденіе. Но они ошибаются какъ относительно того, что составляетъ сущность религіи, такъ—и въ особенности—относительно причинъ иммунитета, который религія иногда давала противъ самоубійства. Она достигала этого не тѣмъ, что поддерживала въ человѣкѣ какое-то смутное чувство чего-то таинственнаго и непостижимаго, но тѣмъ, что подвергала его поведеніе и мысль суровой дисциплинѣ во всѣхъ мелочахъ. Когда же она является

---

[1]) Мы бы хотѣли, чтобъ насъ вѣрно поняли. Конечно, наступитъ день, когда современныя общества вымрутъ, когда они, слѣдовательно, распадутся на болѣе мелкія группы. Но если судить о будущемъ по прошлому, это состояніе будетъ лишь временнымъ, эти частичныя группы явятся матеріаломъ для новыхъ обществъ, гораздо болѣе обширныхъ, чѣмъ нынѣшнія. Можно также предвидѣть, что эти частичныя группы будутъ гораздо обширнѣе тѣхъ, изъ объединенія которыхъ составились нынѣшнія общества.

только символическимъ идеализмомъ, только философіей, переданной по традиціи, но которую можно оспаривать и которая болѣе или менѣе чужда нашимъ повседневнымъ занятіямъ, ей трудно имѣть на насъ большое вліяніе. Божество, которое своимъ величіемъ поставлено внѣ міра и всего мірского, не можетъ служить цѣлью нашей мірской дѣятельности, и она оказывается безъ цѣли. Слишкомъ много вещей стоятъ въ этомъ случаѣ внѣ связи съ Божествомъ, для того чтобъ оно могло дать смыслъ жизни. Предоставивъ намъ міръ, какъ не достойный его, оно тѣмъ самымъ предоставило насъ самимъ себѣ во всемъ, что касается жизни міра. Не при помощи размышленій объ окружающихъ насъ тайнахъ и даже не при помощи вѣры въ существо, всемогущее, но безконечно отъ насъ далекое и требующее отъ насъ отчета лишь въ неопредѣленномъ будущемъ, можно помѣшать людямъ кончать съ жизнью. Словомъ, мы предохранены отъ самоубійства лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы соціализованы. Религіи могутъ насъ соціализовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ лишаютъ насъ права свободнаго изслѣдованія. Но онѣ больше не имѣютъ и, по всей вѣроятности, никогда больше не будутъ имѣть въ нашихъ глазахъ достаточно авторитета, чтобъ добиться отъ насъ подобной жертвы. Не на нихъ, слѣдовательно, надо разсчитывать въ борьбѣ съ самоубійствомъ. Впрочемъ, если бы тѣ, которые видятъ въ возстановленіи религіи единственное средство излѣчить насъ, были послѣдовательны, они должны были бы требовать возстановленія самыхъ архаическихъ религій. Вѣдь юдаизмъ лучше предохраняетъ отъ самоубійства, чѣмъ католичество, и католичество—лучше, чѣмъ протестантизмъ. И однако, протестантская религія наиболѣе свободна отъ матеріальныхъ обрядовъ, слѣдовательно—наиболѣе идеалистична. Наоборотъ, юдаизмъ, не смотря на свою великую историческую роль, многими сторонами связанъ съ наиболѣе первобытными религіозными формами. Уже изъ этого видно, что моральное и интеллектуальное превосходство догмы не имѣетъ

никакого отношенія къ тому вліянію, которое она въ состояніи оказать на самоубійство.

Остается семья, профилактическая роль которой не подлежитъ сомнѣнію. Но было бы иллюзіей думать, что достаточно уменьшить число холостяковъ, чтобы остановить развитіе самоубійствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если женатые имѣютъ меньшую тенденцію убивать себя, то сама эта тенденція усиливается съ той же правильностью и въ той же пропорціи, что и у холостыхъ. Съ 1880 до 1887 г. число самоубійствъ среди женатыхъ возросло на 35% (съ 2735 на 3706); среди холостыхъ—только на 13% (съ 2554 на 2894). По вычисленіямъ Бертильона, въ 1863—68 г. относительное число первыхъ было 154 на милліонъ; въ 1887 г. оно было 242, т. е. возросло на 57%. Въ теченіе того же промежутка времени пропорція самоубійцъ холостяковъ возрасла не на много больше: съ 173 на 289, т. е. на 67%. Увеличеніе числа самоубійцъ въ теченіе вѣка не зависитъ отъ ихъ семейнаго положенія.

Надо замѣтить, что въ семейномъ строѣ совершились измѣненія, которыя мѣшаютъ семьѣ оказывать прежнее предохранительное вліяніе. Тогда какъ въ прежнее время она удерживала въ своей орбитѣ большую часть своихъ членовъ отъ рожденія до смерти и представляла компактную, недѣлимую массу, одаренную своего рода вѣчностью, въ настоящее время ея существованіе очень эфемерно. Едва образовавшись, семья уже разсыпается. Лишь только дѣти подросли, они чаще всего продолжаютъ свое воспитаніе внѣ дома; какъ только они стали взрослыми, они устраиваются вдали отъ родителей, и семейный очагъ пустуетъ. Это почти общее правило. Можно сказать, что въ настоящее время семья, въ теченіе большей части своего существованія, состоитъ только изъ мужа и жены, а мы знаемъ, какъ это мало противодѣйствуетъ самоубійству. Занимая такимъ образомъ малое мѣсто въ жизни, семья не можетъ больше служить ей достаточной цѣлью. Не то, чтобы мы меньше любили своихъ дѣтей, но они не такъ тѣсно, не

такъ неразрывно связаны съ нашимъ существованіемъ, и наша жизнь, поэтому, должна найти для себя другой смыслъ. Такъ какъ наши дѣти меньше живутъ съ нами, то намъ необходимо связать свои мысли и поступки съ другими объектами.

И прежде всего это періодическое разсѣяніе сводитъ на нѣтъ семью, какъ коллективъ. Нѣкогда семейное общество представляло не простое собраніе лицъ, объединенныхъ узами взаимной привязанности, — это было въ то же время группа въ ея абстрактномъ и безличномъ единствѣ. Это было наслѣдственное имя, связанное съ цѣлымъ рядомъ воспоминаній, съ фамильнымъ домомъ, съ землею предковъ, съ изстари установившимся положеніемъ и репутаціей. Все это исчезаетъ понемногу. Общество, которое каждую минуту распадается, чтобъ вновь образоваться въ другомъ мѣстѣ, въ совершенно новыхъ условіяхъ и изъ совершенно иныхъ элементовъ, не имѣетъ достаточно преемственности, чтобъ пріобрѣсти собственную физіономію, чтобъ создать собственную исторію, къ которой его члены могли бы быть привязаны. Если люди не замѣнятъ чѣмъ-нибудь эту старую цѣль своей дѣятельности, по мѣрѣ того какъ она отъ нихъ уходитъ, то необходимо образуется большая пустота въ ихъ жизни.

Эта причина усиливаетъ самоубійство не только женатыхъ, но и холостяковъ, такъ какъ подобное состояніе семьи заставляетъ молодыхъ людей покидать родную семью раньше, чѣмъ они въ состояніи основать собственную. Отчасти по этой причинѣ, все больше растетъ число одинокихъ людей, и мы видѣли, что подобное одиночество усиливаетъ наклонность къ самоубійству. И однако, ничто не можетъ остановить этого движенія. Въ старое время, когда каждая мѣстная среда была болѣе или менѣе замкнута для другихъ, благодаря обычаямъ, традиціямъ, отсутствію путей сообщенія, — каждое поколѣніе поневолѣ оставалось на родныхъ мѣстахъ или, въ крайнемъ случаѣ, не далеко отъ нихъ уходило. Но по мѣрѣ того, какъ эти барьеры

падаютъ, какъ отдѣльныя среды нивеллируются и перемѣшиваются, индивиды неизбѣжно разсыпаются на огромныя открытыя имъ пространства, преслѣдуя свои личныя цѣли или, вѣрнѣе, интересы. Никакими искусственными мѣрами нельзя помѣшать этому необходимому распыленію и возвратить семьѣ ту цѣльность, которая составляла ея силу.

III.

Итакъ, это зло неизлѣчимое? Такъ можно было бы подумать на первый взглядъ, такъ изъ всѣхъ обществъ, которыя, какъ мы выше показали, оказываютъ благодѣтельное вліяніе, нѣтъ ни одного, которое могло бы теперь принести дѣйствительное исцѣленіе. Мы показали въ то же время, что, если религія, семья, отечество предохраняютъ отъ эгоистическаго самоубійства, то причину тому надо искать не въ особенномъ характерѣ чувствъ, которыя каждая изъ нихъ развиваетъ. Наоборотъ, онѣ обязаны этимъ своимъ свойствомъ тому общему факту, что онѣ являются обществами, и обладаютъ имъ въ той мѣрѣ, въ какой онѣ являются обществами, правильно сплоченными, т. е. безъ излишествъ въ одну или другую сторону. Поэтому всякая другая группа можетъ оказывать подобное же вліяніе, если только она отличается подобною же сплоченностью. Кромѣ общества религіознаго, семейнаго, политическаго, существуетъ еще одно, о которомъ до сихъ поръ у насъ еще не было рѣчи: это — общество, которое образуютъ, соединившись между собою, всѣ работники одного порядка, всѣ сотрудники въ одной функціи, это—профессіональная группа или корпорація.

Что она можетъ играть подобную роль, это вытекаетъ уже изъ самого ея опредѣленія. Такъ какъ она состоитъ изъ индивидовъ, которые занимаются одинаковымъ трудомъ и которыхъ интересы солидарны и даже сливаются, то она представляетъ самую благодатную почву для развитія соціальныхъ идей и чувствъ. Одинаковость происхожденія,

культуры и занятій приводятъ къ тому, что профессіональная дѣятельность представляетъ самый богатый матеріалъ для совмѣстной жизни. Впрочемъ, корпорація уже показала въ прошломъ, что она можетъ являться коллективной личностью, ревниво, даже черезчуръ ревниво оберегающей свою автономію и власть надъ своими членами, — поэтому нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ являться для нихъ моральной средой. Нѣтъ основанія, чтобъ корпоративный интересъ не пріобрѣлъ въ глазахъ работниковъ того высшаго характера, какимъ всегда обладаетъ интересъ соціальный сравнительно съ частными интересами во всякомъ хорошо организованномъ обществѣ. Съ другой стороны, профессіональная группа имѣетъ надъ всѣми другими тройное преимущество: ея власть проявляетъ себя ежеминутно, повсемѣстно и охватываетъ почти всю жизнь. Эта группа вліяетъ на индивидовъ не съ перерывами, какъ политическое общество, — она никогда съ ними не разстается, уже въ силу того, что никогда не прекращается функція, органомъ которой она является и въ отправленіи которой они участвуютъ. Она слѣдуетъ за работниками всюду, куда бы они ни перемѣстились, чего не можетъ дѣлать семья. Гдѣ бы они ни были, они находятъ ее, она окружаетъ ихъ, напоминаетъ имъ объ ихъ обязанностяхъ, поддерживаетъ ихъ, когда надо. Наконецъ, такъ какъ профессіональная жизнь есть почти вся жизнь, то вліяніе корпораціи даетъ себя чувствовать въ каждой мелочи нашихъ занятій, которыя, такимъ образомъ, направляются въ сторону коллективной цѣли. Корпорація обладаетъ, такимъ образомъ, всѣмъ, что нужно, чтобъ охватить индивида и вырвать его изъ состоянія моральнаго одиночества, а въ виду нынѣшней слабости другихъ группъ, только она одна можетъ исполнять эту необходимую службу.

Но для того, чтобы она имѣла подобное вліяніе, необходимо организовать ее на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ настоящее время. Прежде всего, существенно важно, чтобы она перестала быть частной группой, которую законъ

разрѣшаетъ, но государство игнорируетъ, и чтобы она стала опредѣленнымъ и признаннымъ органомъ нашей общественной жизни. Нѣтъ необходимости сдѣлать ее обязательной, но важно — организовать ее такъ, чтобы она могла играть соціальную роль, а не просто выражать различныя комбинаціи частныхъ интересовъ. Это не все. Чтобъ группа не была пустой формой, надо заронить въ нее сѣмена жизни, которыя могутъ въ ней развиваться. Чтобы она не была простой этикеткой, нужно возложить на нее опредѣленныя функціи, и есть такія функціи, которыя она можетъ выполнять лучше всякой другой группы.

Въ настоящее время европейскія общества стоятъ передъ альтернативой: оставить профессіональную жизнь безъ регламентаціи или же регламентировать ее при помощи государства, такъ какъ нѣтъ другой правильной власти, которая могла бы играть роль регулятора. Но государство стоитъ слишкомъ далеко отъ этихъ сложныхъ явленій, чтобы оно умѣло найти для каждаго изъ нихъ соотвѣтственную спеціальную форму. Это тяжелая машина, которая годится только для общихъ и простыхъ работъ. Ея всегда однообразная дѣятельность не можетъ приспособляться къ безконечному разнообразію частныхъ обстоятельствъ. Она поневолѣ все придавливаетъ и нивеллируетъ. Но съ другой стороны, мы живо чувствуемъ, что нельзя оставлять въ неорганизованномъ видѣ всю ту жизнь, которая проложила себѣ путь въ профессіональныхъ союзахъ. Вотъ почему путемъ безконечныхъ колебаній мы по очереди переходимъ отъ авторитарной регламентаціи, которая безсильна вслѣдствіе своей чрезвычайной прямолинейности, къ систематическому невмѣшательству, которое не можетъ долго продолжаться въ виду порождаемой имъ анархіи. Идетъ ли рѣчь о длинѣ рабочаго дня, о гигіенѣ, о заработной платѣ, о сберегательныхъ, страховыхъ или филантропическихъ учрежденіяхъ, повсюду добрая воля наталкивается на то же затрудненіе. Какъ только пытаются установить какія-нибудь правила, они оказываются непримѣнимыми на

практикѣ, вслѣдствіе отсутствія гибкости, или же ихъ можно примѣнить, лишь совершая насиліе надъ дѣломъ, которому они должны служить.

Единственный способъ выйти изъ этой альтернативы, это — организовать внѣ государства, хотя и подъ его вѣдомствомъ, пучокъ коллективныхъ силъ, регулирующее вліяніе которыхъ могло бы проявляться съ большимъ разнообразіемъ. Возродившіяся корпораціи вполнѣ отвѣчаютъ этому условію, и мы не видимъ даже, какія другія группы могли бы ему соотвѣтствовать. Корпораціи стоятъ достаточно близко къ фактамъ, достаточно непосредственно и достаточно постоянно приходятъ въ соприкосновеніе съ ними, чтобы чувствовать всѣ ихъ оттѣнки, и онѣ должны быть достаточно автономны, чтобы не подавлять этого разнообразія. Онѣ должны были бы завѣдывать кассами страхованія, помощи, пенсій, потребность въ которыхъ чувствуется многими свѣтлыми умами, но которыя они не рѣшаются, и вполнѣ основательно, отдать въ руки государства, и безъ того столь могущественныя и столь неловкія. Корпораціи же должны были бы разрѣшать конфликты, которые такъ часто возникаютъ между различными отраслями одной и той же профессіи, устанавливать для различныхъ разрядовъ предпріятій соотвѣтственныя различныя условія, которымъ должны удовлетворять договоры, чтобы имѣть законную силу, — во имя общихъ интересовъ мѣшать сильнымъ эксплоатировать слабыхъ и т. д. По мѣрѣ того, какъ развивается раздѣленіе труда, право и мораль, продолжая повсюду опираться на тѣ же общіе принципы, принимаютъ въ каждой отдѣльной функціи различную форму. Кромѣ правъ и обязанностей, общихъ всѣмъ людямъ, есть такія, которыя зависятъ отъ спеціальнаго характера каждой профессіи, и число ихъ и ихъ важность усиливается по мѣрѣ того, какъ развивается и разнообразится профессіональная дѣятельность. Чтобы примѣнять и поддерживать каждую спеціальную дисциплину, нуженъ спеціальный органъ. Изъ кого же его составить, какъ не изъ работниковъ, сотрудничающихъ въ той же функціи?

Вотъ чѣмъ, въ крупныхъ чертахъ, должны быть корпораціи, чтобъ онѣ могли оказывать услуги, которыхъ мы въ правѣ ждать отъ нихъ. Конечно, когда видишь ихъ современное состояніе, трудно себѣ представить, чтобъ онѣ могли подняться когда-нибудь на высоту моральныхъ властей. Дѣйствительно, онѣ состоятъ теперь изъ индивидовъ, которыхъ ничто не привязываетъ другъ къ другу, между которыми отношенія чисто поверхностныя и непостоянныя, которые склонны скорѣе видѣть въ другихъ членахъ корпораціи соперниковъ и враговъ, а не сотрудниковъ. Но съ того дня, когда у нихъ будетъ столько общихъ дѣлъ, когда отношенія между ними и ихъ группой станутъ такъ тѣсны и постоянны, у нихъ родятся чувства солидарности, которыя еще почти неизвѣстны, и поднимется моральная температура этой профессіональной среды, въ настоящее время столь холодная и столь внѣшняя для ея членовъ. И эти перемѣны не произойдутъ, какъ можно было бы думать по вышеприведеннымъ примѣрамъ, только у активныхъ участниковъ экономической жизни. Нѣтъ такой профессіи въ обществѣ, которая бы не требовала этой организаціи и не была бы способна ее принять. И тогда соціальная ткань, петли которой такъ страшно распустились, стянется и укрѣпится на всемъ своемъ протяженіи.

Возстановленіе корпораціи, потребность въ которой ощущается всѣми, къ несчастію, имѣетъ противъ себя скверную репутацію, которую корпораціи стараго режима оставили въ исторіи. Однако, тотъ фактъ, что онѣ существовали не только начиная съ среднихъ вѣковъ, но съ греко-римской эпохи [1]), доказываетъ ихъ необходимость съ гораздо большей убѣдительностью, чѣмъ фактъ ихъ недавняго уничтоженія доказываетъ ихъ безполезность.

Если, за исключеніемъ одного столѣтія, повсюду, гдѣ профессіональная дѣятельность достигла нѣкотораго раз-

1) Первые союзы ремесленниковъ существовали въ Римѣ въ періодъ царей. V. Marquardt, Privat-Leben der Roemer, II, стр. 4.

витія, она организовывалась корпоративно, то не является ли въ высшей степени вѣроятнымъ, что эта организація необходима, и что если сто лѣтъ тому назадъ она не оказалась на высотѣ своей роли, то надо было ее исправить и усовершенствовать, а не радикально уничтожить? Не подлежитъ сомнѣнію, что она передъ концомъ своимъ стала препятствіемъ для самыхъ необходимыхъ реформъ. Старая корпорація, узко локальная, замкнутая для всякаго внѣшняго вліянія, стала невозможностью въ морально и политически объединенной націи. Чрезмѣрная автономія, которою она пользовалась и которая дѣлала ее государствомъ въ государствѣ, не могла удержаться въ такое время, когда правительственный органъ, протягивая во всѣ стороны свои развѣтвленія, все больше и больше подчинялъ себѣ всѣ вторичные органы общества. Надо было расширить базу, на которой покоился этотъ институтъ, и связать его со всей національной жизнью. Если бы, уничтоживъ замкнутость отдѣльныхъ мѣстныхъ корпорацій, соединить ихъ между собою въ крупные и стройные союзы, а всѣ эти союзы подчинить общей власти государства и побудить ихъ такимъ образомъ постоянно ощущать свою солидарность, то деспотизмъ рутины и профессіональный эгоизмъ были бы введены въ свои законныя рамки. Традиціи гораздо труднѣе удержаться въ неизмѣнномъ видѣ въ обширной ассоціаціи, раскинутой на огромномъ пространствѣ, чѣмъ въ маленькой котеріи, не выходящей за предѣлы одного города [1]). Въ то же время каждая частная группа менѣе склонна видѣть и преслѣдовать одни свои собственные интересы, когда она находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ направляющимъ центромъ общественной жизни. Только при этомъ условіи можно поддерживать въ умахъ людей идею общей цѣли съ достаточной ясностью и постоянствомъ. Такъ какъ сношенія между каждымъ отдѣльнымъ органомъ

[1]) О причинахъ тому см. нашу работу: Division du travail social, стр. 335 слѣд.

и властью, представляющей общіе интересы, будутъ тогда непрерывны, то общество будетъ напоминать о себѣ индивидамъ не изрѣдка только и не въ смутной формѣ,—мы будемъ чувствовать его присутствіе на всемъ протяженіи обыденной жизни. Уничтоживъ то, что было, и не поставивъ на мѣсто разрушеннаго ничего новаго, замѣнили только корпоративный эгоизмъ эгоизмомъ индивидуальнымъ, который имѣетъ еще болѣе разлагающее вліяніе. Вотъ почему изъ всего того, что было разрушено въ ту эпоху, надо жалѣть только объ этомъ одномъ. Разрушивъ единственныя группы, которыя могли прочно связывать между собою индивидуальныя воли, мы собственными руками разбили лучшее орудіе нашего моральнаго возрожденія.

Указанный путь ведетъ къ побѣдѣ не надъ однимъ только эгоистическимъ самоубійствомъ. Близко-родственное съ нимъ аномичное самоубійство поддается тому же леченію. Аномія является результатомъ такого положенія, когда въ извѣстныхъ пунктахъ общества нѣтъ коллективныхъ силъ, т. е. организованныхъ группъ, которыя бы направляли общественную жизнь. Она, слѣдовательно, отчасти вытекаетъ изъ того же состоянія распада, въ которомъ беретъ начало и эгоистическое теченіе. Но эта же самая причина производитъ различныя слѣдствія въ зависимости отъ точки ея приложенія, т. е. въ зависимости отъ того, дѣйствуетъ ли она на активныя и практическія функціи или же на работу представленій. Она распаляетъ, обостряетъ первыя, она приводитъ вторую къ замѣшательству, къ растерянности. Поэтому въ обоихъ случаяхъ нужно одно и то же леченіе. Мы видѣли, что главная роль корпораціи въ будущемъ, какъ и въ прошломъ, сводится къ тому, чтобы регулировать соціальныя функціи, главнымъ образомъ экономическія функціи, т. е.—къ тому, чтобы вывести ихъ изъ неорганизованнаго состоянія, въ которомъ онѣ теперь находятся. Всякій разъ, когда жадность отдѣльныхъ лицъ начнетъ переходить извѣстныя границы, корпораціи надлежитъ установить, сколько приходится по справедливости на долю

каждаго разряда соучастниковъ въ дѣлѣ. Занимая по отношенію къ своимъ членамъ высшее положеніе, она имѣетъ весь нужный авторитетъ, чтобъ требовать отъ нихъ необходимыхъ жертвъ и уступокъ и подчиненія извѣстнымъ правиламъ. Препятствуя сильнымъ пользоваться своей силой дальше извѣстныхъ предѣловъ, мѣшая слабымъ выставлять чрезмѣрныя требованія, напоминая тѣмъ и другимъ объ ихъ взаимныхъ обязанностяхъ и объ общемъ интересѣ, регулируя въ извѣстныхъ случаяхъ производство, чтобъ не дать ему выродиться въ болѣзненную, лихорадочную форму активности, она будетъ умѣрять однѣ страсти другими и, вводя ихъ въ границы, дастъ возможность установить миръ. Такимъ образомъ водворится моральная дисциплина новаго типа, безъ которой всѣ открытія науки и весь прогрессъ благосостоянія могутъ порождать только недовольныхъ.

Мы не видимъ, въ какой другой средѣ могъ бы выработаться и какимъ другимъ органомъ могъ бы примѣняться этотъ законъ справедливости, столь насущно необходимый. Религія, которая нѣкогда отчасти исполняла эту роль, не могла бы теперь съ нею справиться. Если-бы ей пришлось регламентировать экономическую жизнь, она могла бы руководствоваться лишь однимъ принципомъ—презрѣніемъ къ богатству. Когда она увѣщеваетъ вѣрующихъ довольствоваться своей судьбой, то дѣлаетъ это въ силу убѣжденія, что условія нашего земного существованія не имѣютъ вліянія на наше спасеніе. Когда она учитъ, что нашъ долгъ—покорно подчиняться судьбѣ, какую намъ создали обстоятельства, то дѣлаетъ это затѣмъ, чтобы привязать насъ всѣмъ существомъ къ цѣлямъ, болѣе достойнымъ нашихъ усилій, и по той же причинѣ она вообще проповѣдуетъ умѣренность въ желаніяхъ. Но эта пассивная покорность несовмѣстима съ тѣмъ мѣстомъ, какое мірскіе интересы заняли нынѣ въ коллективной жизни. Дисциплина, въ которой они нуждаются, должна имѣть цѣлью не отодвигать ихъ на задній планъ и сокращать елико возможно, а дать имъ организацію, которая бы соотвѣтствовала ихъ

важности. Задача усложнилась, и если разнузданіемъ аппетитовъ нельзя помочь злу, то и простымъ подавленіемъ нельзя сдержать аппетитовъ. Если послѣдніе защитники старыхъ экономическихъ теорій неправы, отрицая необходимость регламентаціи въ настоящее время, какъ и въ прошлое, то ошибаются и апологеты религіозной организаціи, полагая, что старыя правила могутъ имѣть силу въ настоящее время. Именно ихъ нынѣшнее безсиліе и есть источникъ зла.

Эти легкія рѣшенія вопроса совершенно не соотвѣтствуютъ серьезности положенія. Конечно, только моральная власть импонируетъ людямъ, но она должна довольно близко стоять къ дѣламъ міра сего, чтобъ знать ихъ дѣйствительную цѣну. Профессіональная группа отвѣчаетъ обоимъ требованіямъ. Будучи группой, она тѣмъ самымъ достаточно возвышается надъ индивидами, чтобъ налагать узду на ихъ аппетиты; и въ то же время она слишкомъ живетъ ихъ жизнью, чтобъ не сочувствовать ихъ нуждамъ. Но и государство тоже должно исполнять при этомъ довольно важныя функціи. Только оно одно можетъ противопоставить партикуляризму каждой корпораціи сознаніе своей общеполезности и необходимости для органическаго равновѣсія. Но мы знаемъ, что его дѣятельность можетъ быть полезна лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ цѣлая система вторичныхъ органовъ, которые ее разнообразно примѣняютъ. Ихъ-то и надо прежде всего создать.

Существуетъ, однако, одинъ разрядъ самоубійствъ, который не можетъ быть остановленъ предложенными выше мѣрами,—мы говоримъ о самоубійствѣ, которое является результатомъ брачной аноміи. Здѣсь мы, повидимому, находимся передъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ.

Его причиной является, какъ мы уже говорили, институтъ развода съ той совокупностью идей и нравовъ, которая его породила и которую онъ только санкціонируетъ. Слѣдуетъ-ли отсюда, что его надо уничтожить тамъ, гдѣ онъ существуетъ? Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, чтобъ

мы его здѣсь разсматривали; его съ пользой можно трактовать лишь въ концѣ спеціальнаго изслѣдованія о бракѣ и его эволюціи. Въ настоящую минуту намъ нужно только заняться отношеніемъ развода къ самоубійству. И съ этой точки зрѣнія мы скажемъ: единственное средство уменьшить число самоубійствъ, вызываемыхъ брачной аноміей, это— сдѣлать бракъ болѣе нерасторжимымъ.

Есть обстоятельство, которое дѣлаетъ этотъ вопросъ чрезвычайно тревожнымъ и придаетъ ему почти драматическій интересъ. Оно состоитъ въ томъ, что нельзя уменьшить этимъ путемъ числа самоубійствъ мужей, не увеличивая его среди женъ. Неужели необходимо пожертвовать однимъ изъ половъ и вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы выбрать меньшее изъ двухъ золъ? Мы не видимъ другого возможнаго рѣшенія, до тѣхъ поръ, пока интересы супруговъ въ бракѣ останутся столь противоположными. Пока однимъ прежде всего нужна будетъ свобода, а другимъ дисциплина, брачный институтъ не можетъ одинаково удовлетворять тѣхъ и другихъ. Но антагонизмъ, дѣлающій теперь невозможнымъ разрѣшеніе вопроса, не вѣченъ, и можно надѣяться, что онъ исчезнетъ.

Этотъ антагонизмъ порождается тѣмъ, что оба пола неодинаково участвуютъ въ общественной жизни. Въ то время какъ мужъ активно въ ней замѣшанъ, жена лишь присутствуетъ при ней на почтительномъ разстояніи. Поэтому онъ соціализованъ въ гораздо большей степени, чѣмъ она. Его вкусы, стремленія, настроенія имѣютъ большей частью коллективное происхожденіе, тогда какъ у жены они находятся въ гораздо болѣе непосредственной зависимости отъ организма. У него такимъ образомъ совершенно другія потребности, чѣмъ у нея, а потому невозможно, чтобъ институтъ, который долженъ регулировать ихъ общую жизнь, могъ быть справедливымъ и удовлетворять одновременно столь противоположныя требованія. Онъ не можетъ удовлетворять одновременно два существа, изъ которыхъ одно почти все цѣликомъ продуктъ общества, а другое

осталось въ гораздо большей степени тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа. Но совершенно не доказано, чтобъ эта противоположность должна была сохраниться навѣки. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ, она въ первобытное время была менѣе замѣтна, чѣмъ теперь, но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна безъ конца развиваться. Вѣдь соціальныя состоянія, самыя примитивныя, часто вновь возникаютъ на самыхъ высшихъ стадіяхъ эволюціи, но подъ другими формами, почти противоположными тѣмъ, какія они имѣли вначалѣ. Нѣтъ, правда, основанія предполагать, чтобъ женщина была когда-нибудь въ состояніи исполнять въ обществѣ тѣ же функціи, что мужчина,—но она можетъ играть въ немъ роль, которая, будучи чисто женской, была бы однако болѣе активной, чѣмъ ея нынѣшняя роль. Женщины никогда не станутъ подобными мужчинамъ; напротивъ,— можно думать, что онѣ будутъ все больше отъ него отличаться. Но эти различія будутъ больше утилизированы соціально, чѣмъ это было въ прошломъ. Почему, напримѣръ, по мѣрѣ того какъ мужчина, все больше и больше поглощаемый утилитарной дѣятельностью, принужденъ отказываться отъ эстетическихъ функцій, эти послѣднія не могутъ переходить къ женщинѣ? Оба пола такимъ образомъ сблизятся, дифференцируясь. Они будутъ соціализироваться въ равной степени, но въ различныхъ направленіяхъ [1]). И, повидимому, въ этомъ именно смыслѣ и совершается эволюція. Въ городахъ женщина больше отличается отъ мущины, чѣмъ въ деревняхъ, и, однако, въ городахъ ея умственное и нравственное существо больше пропитано соціальной жизнью.

[1]) Эта дифференціація не будетъ, вѣроятно, носить нынѣшняго строго регулированнаго характера. Женщина не будетъ исключена закономъ изъ однѣхъ функцій и направлена къ другимъ. Она будетъ свободно выбирать, но ея выборъ, опредѣляемый ея способностями, будетъ въ общемъ направляться на опредѣленный родъ занятій. Онъ будетъ почти однороднымъ, не будучи обязательнымъ.

Во всякомъ случаѣ, это единственное средство смягчить прискорбный моральный конфликтъ, существующій между обоими полами, а что онъ существуетъ, это доподлинно доказано статистикой самоубійствъ. Лишь когда разстояніе между обоими супругами станетъ меньше, бракъ не будетъ обязательно благопріятствовать одной сторонѣ во вредъ другой. Что касается тѣхъ, которые требуютъ, чтобъ женщинѣ сейчасъ же дали равныя права съ мужчиной, то они забываютъ, что дѣло вѣковъ нельзя уничтожить въ одинъ мигъ и что, къ тому же, это юридическое равенство не можетъ быть законнымъ, пока психологическое неравенство такъ велико. Намъ надо употреблять всѣ усилія, чтобъ уменьшить это послѣднее. Чтобъ одно и то же учрежденіе было въ одинаковой степени благопріятно для мужчины и женщины, нужно прежде всего, чтобъ они были существами одной природы. Только тогда нельзя будетъ больше обвинять нерасторжимость брачнаго союза въ томъ, что она служитъ интересамъ одной только стороны.

IV.

Мы знаемъ теперь, что причина самоубійствъ лежитъ вовсе не въ затрудненіяхъ жизни и что средство остановить ростъ числа добровольныхъ смертей состоитъ вовсе не въ томъ, чтобъ сдѣлать борьбу менѣе суровой, а жизнь болѣе легкой. Если люди убиваютъ себя теперь чаще, чѣмъ раньше, *то не потому, что намъ приходится дѣлать болѣе* тяжелыя усилія для поддержанія своего существованія, и не потому, что наши законныя потребности меньше удовлетворяются, а потому, что мы не знаемъ теперь ни того, гдѣ останавливаются наши законныя потребности, ни того, какую цѣль имѣетъ наша дѣятельность. Правда, конкурренція съ каждыхъ днемъ усиливается, потому что съ каждымъ днемъ, благодаря большей легкости сообщенія, растетъ число конкуррентовъ. Но, съ другой стороны, болѣе усовершенствованное раздѣленіе труда и связанное съ нимъ болѣе сложное

сотрудничество увеличиваютъ и безконечно разнообразятъ число занятій, въ которыхъ человѣкъ можетъ быть полезенъ людямъ, и тѣмъ умножаютъ средства существованія, дѣлая ихъ доступными большему разнообразію людей. Даже самыя низшія способности могутъ найти себѣ мѣсто. Это усовершенствованное сотрудничество дѣлаетъ производство болѣе интенсивнымъ, увеличиваетъ капиталъ рессурсовъ, которыми обладаетъ человѣчество, обезпечиваетъ каждому работнику болѣе высокое вознагражденіе и поддерживаетъ такимъ образомъ равновѣсіе между повышеннымъ изнашиваніемъ жизненныхъ силъ и ихъ возстановленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что среднее благосостояніе поднялось на всѣхъ ступеняхъ соціальной іерархіи, хотя, быть можетъ, этотъ подъемъ не всегда совершался въ очень справедливой пропорціи. Тяжелое состояніе, которое мы переживаемъ, вызывается не тѣмъ, что усилились въ числѣ или въ интенсивности объективныя причины страданій; оно свидѣтельствуетъ не о бо̀льшей экономической нуждѣ, а о тревожной нуждѣ моральной.

Слѣдуетъ только уяснить себѣ дѣйствительный смыслъ этого слова. Когда о какомъ-нибудь индивидуальномъ или соціальномъ недугѣ говорятъ, что онъ чисто моральнаго характера, то подъ этимъ обыкновенно разумѣютъ, что онъ не поддается никакому дѣйствительному леченію, но что онъ можетъ быть исправленъ только частыми увѣщаніями, систематическими проповѣдями, однимъ словомъ, словеснымъ воздѣйствіемъ. Разсуждаютъ такъ, какъ будто система идей не связана съ остальнымъ міромъ, какъ будто ее можно уничтожить или создать, произнесши извѣстнымъ образомъ извѣстныя формулы. Не замѣчая того, примѣняютъ къ явленіямъ духа вѣрованія и методы, которыя первобытный человѣкъ примѣняетъ къ явленіямъ физическаго міра. Какъ онъ вѣрилъ въ существованіе магическихъ словъ, которыя имѣютъ власть превращать одно существо въ другое, такъ и мы молчаливо допускаемъ, не замѣчая грубости этой концепціи, что при помощи соотвѣтствен-

ныхъ словъ можно измѣнить умы и характеры. Какъ дикарь, энергично выражая свою волю, чтобъ совершилось такое-то космическое явленіе, воображаетъ, что онъ дѣйствительно вызываетъ его осуществленіе силой симпатической магіи, такъ и мы думаемъ, что если съ жаромъ выскажемъ свое желаніе, чтобъ совершилась такая-то перемѣна, она произойдетъ сама собой. На самомъ же дѣлѣ, духовная система народа есть система опредѣленныхъ силъ, которую нельзя ни разстроить, ни перестроить путемъ простого внушенія. Она связана съ тѣмъ порядкомъ, въ какомъ сгруппированы и организованы соціальные элементы. Данъ народъ, состоящій изъ извѣстнаго числа индивидовъ, расположенныхъ такимъ-то образомъ,—этимъ самымъ порождается опредѣленная совокупность коллективныхъ идей и обычаевъ, которые не мѣняются, пока сами условія, отъ которыхъ они зависятъ, остаются прежними. Въ зависимости отъ того, состоитъ ли народъ изъ большаго или меньшаго количества частей, координированы ли эти части по тому или другому плану, характеръ коллективнаго существа будетъ другой, другіе будутъ его пріемы мышленія и дѣйствія, и нельзя измѣнить этихъ послѣднихъ, не измѣнивъ его самого; а измѣнить его—значитъ измѣнить его анатомическую структуру. Назвавъ моральнымъ тотъ недугъ, симптомомъ котораго является аномальное увеличеніе числа самоубійствъ, мы не хотимъ свести его на степень какого-то поверхностнаго недомоганія, которое можно усыпить хорошими словами. Наоборотъ, удостовѣренное этимъ путемъ искаженіе моральнаго темперамента свидѣтельствуетъ о глубокой испорченности нашего соціальнаго строя. Чтобъ излѣчить первое, необходимо реформировать второй.

Мы сказали, въ чемъ, по нашему мнѣнію, должна состоять эта реформа. Настоятельная потребность въ ней окончательно доказывается не только современнымъ состояніемъ самоубійства, но и всей совокупностью нашего историческаго развитія.

Характерной чертой послѣдняго является то, что оно

мало-по-малу стерло всѣ старыя соціальныя рамки. Онѣ исчезали одна за другой, благодаря медленному снашиванію или крупнымъ сотрясеніямъ, но имъ на смѣну не являлось ничего. Сначала общество было организовано на основѣ семьи; оно являлось соединеніемъ болѣе мелкихъ обществъ—клановъ, члены которыхъ были или считали себя родственниками. Повидимому, эта организація не долго сохранялась въ чистомъ видѣ. Довольно рано семья перестаетъ быть политическимъ дѣленіемъ и становится центромъ частной жизни. Мѣсто старой семейной группировки заняла группировка территоріальная. Индивиды, занимающіе одну и ту же территорію, пріобрѣтаютъ съ теченіемъ времени, независимо отъ всякой родственной связи, общіе нравы и идеи, отличающіеся отъ нравовъ и идей ихъ болѣе далекихъ сосѣдей. Образуются такимъ образомъ маленькіе аггрегаты, единственной матеріальной базой которыхъ служитъ сосѣдство и сосѣдскія отношенія, но изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую физіономію; это—село или, лучше, городская община съ ея владѣніями. Большей частью они не замыкались въ дикомъ одиночествѣ, а вступали между собой въ союзы, комбинировались въ различныхъ формахъ и составляли болѣе сложныя общества, но они сохраняли при этомъ свою личность. Они остаются элементарнымъ сегментомъ, а все общество является только ихъ увеличенной копіей. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ эти союзы становятся болѣе тѣсными, территоріальные округа сливаются между собою и теряютъ свою старую моральную индивидуальность. Различіе между одной общиной и другой, между однимъ округомъ и другимъ стирается все больше и больше [1]). Огромная реформа, совершенная французской революціей, въ томъ и состояла, что она довела эту нивелировку до небывалой еще степени. Она не изобрѣла ея,

[1]) Мы, разумѣется, указываемъ лишь главные этапы этой эволюціи. Мы не хотимъ сказать, что современныя общества были прямыми преемниками городской общины; мы оставляемъ въ сторонѣ промежуточные этапы.

потому что эта невеллировка долго подготовлялась постепенной централизаціей, совершавшейся при старомъ режимѣ. Но законодательное уничтоженіе старыхъ провинцій, созданіе новыхъ территоріальныхъ единицъ, чисто искусственныхъ и номинальныхъ, окончательно ее санкціонировало. Съ тѣхъ поръ развитіе путей сообщенія, перемѣшавъ населеніе, стерло послѣдніе слѣды стараго порядка вещей. И такъ какъ въ то же время насильственно уничтожено было все, что сохранилось отъ профессіональной организаціи, то исчезли всѣ вторичные органы соціальной жизни.

Пережила бурю только одна коллективная сила — государственная власть. По необходимости, она стремилась поглотить въ себѣ всѣ формы дѣятельности, носившія соціальный характеръ, и внѣ ея осталась лишь пыль людская. Но тогда ей пришлось взять на себя огромное число функцій, для которыхъ она не годилась и которыя плохо исполняла. Много разъ уже было замѣчено, что ея страсть все захватывать равна только ея безсилію. Только болѣзненно перенапрягая свои силы, сумѣла она распространиться на всѣ тѣ явленія, которыя отъ нея ускользаютъ и которыми она можетъ овладѣть, лишь насилуя ихъ. Отсюда расточеніе силъ, въ которомъ ее упрекаютъ и которое дѣйствительно не соотвѣтствуетъ полученнымъ результатамъ. Съ другой стороны, частныя лица не подчинены болѣе никакому другому коллективу, кромѣ нея, такъ какъ она единственная организованная коллективность. Только черезъ посредство государства они чувствуютъ общество и свою зависимость отъ него. Но государство далеко стоитъ отъ нихъ и не можетъ оказывать на нихъ близкаго и непрерывнаго вліянія. Въ ихъ общественномъ чувствѣ нѣтъ поэтому ни послѣдовательности, ни достаточной энергіи. Въ теченіе большей части ихъ жизни вокругъ нихъ нѣтъ ничего, что оторвало бы ихъ отъ нихъ самихъ и наложило бы на нихъ узду. При такихъ условіяхъ они неизбѣжно погружаются въ эгоизмъ или въ анархію. Человѣкъ не можетъ привязаться къ высшимъ цѣлямъ и подчинить себя дисциплинѣ, когда онъ не

видитъ надъ собою ничего, съ чѣмъ онъ былъ бы связанъ. Освободить его отъ всякаго соціальнаго давленія—значитъ предоставить его самому себѣ и деморализовать его. Таковы двѣ основныя черты нашего моральнаго состоянія. Въ то время, какъ государство бухнетъ и гипертрофируется, чтобы прочно охватить индивидовъ, и не достигаетъ этого, индивиды, ничѣмъ между собою не связанные, катятся другъ черезъ друга, какъ молекулы жидкости, не встрѣчая никакого центра силъ, который бы ихъ удержалъ, прикрѣпилъ, организовалъ.

Отъ времени до времени, чтобы помочь злу, предлагаютъ возвратить локальнымъ группамъ нѣкоторую долю ихъ былой автономіи,—это называютъ децентрализировать. Но единственной истинно-полезной децентрализаціей будетъ лишь такая, которая произведетъ въ то же время наибольшую концентрацію соціальныхъ силъ. Не ослабляя узъ, которыя привязываютъ каждую часть общества къ государству, надо создать моральныя власти, которыя оказывали бы на толпу индивидовъ вліяніе, какого государство не имѣетъ. Но въ настоящее время ни коммуна, ни департаментъ не имѣютъ въ нашихъ глазахъ достаточно авторитета, чтобъ оказывать подобное вліяніе; мы видимъ въ нихъ только условныя этикетки, лишенныя всякаго значенія. Вообще говоря, мы предпочитаемъ, конечно, жить тамъ, гдѣ родились и выросли. Но мѣстныхъ отечествъ больше нѣтъ и быть не можетъ. Общая жизнь страны, окончательно объединенная, не допускаетъ подобнаго разсѣянія. Можно жалѣть о томъ, чего нѣтъ, но эти сожалѣнія тщетны. Нельзя искусственно воскресить духъ партикуляризма, который не имѣетъ больше почвы. Можно еще при помощи какихъ-нибудь остроумныхъ комбинацій улучшить функціонированіе правительственной машины, но этимъ путемъ немыслимо измѣнить моральную основу общества. Можетъ быть, удастся нѣсколько облегчить министерства, слишкомъ заваленныя работой, доставить нѣсколько больше матеріала для дѣятельности мѣстныхъ

властей, но каждая область не станетъ, благодаря этому, активной моральной средой. Административныхъ мѣръ недостаточно, чтобъ достигнуть подобнаго результата, да и результатъ этотъ самъ по себѣ и невозможенъ, и нежелателенъ.

Единственная децентрализація, которая не разбивала бы національнаго единства и въ то же время позволила бы увеличить число центровъ общей жизни, это та, которую можно было бы назвать профессіональной децентрализаціей. Такъ какъ каждый изъ этихъ центровъ былъ бы очагомъ лишь одной спеціальной и ограниченной сферы дѣятельности, то они были бы неотдѣлимы одинъ отъ другого, и индивидъ могъ бы поэтому привязаться къ одному изъ нихъ, не порывая своей солидарности съ цѣлымъ. Соціальная жизнь только тогда можетъ дѣлиться, сохраняя единство, когда каждое изъ этихъ подраздѣленій представляетъ особую функцію. Это поняли тѣ писатели и государственные люди—и число ихъ все увеличивается [1])—которые хотѣли бы сдѣлать профессіональную группу базой нашей политической организаціи, т. е. раздѣлить избирательную коллегію не по территоріальнымъ округамъ, а по корпораціямъ. Но только для этого надо прежде всего организовать корпорацію. Надо, чтобъ она была чѣмъ-то бо̀льшимъ, чѣмъ простое собраніе индивидовъ, которые встрѣчаются въ день выборовъ, не имѣя между собою ничего общаго. Она только тогда будетъ въ состояніи исполнять предназначаемую ей роль, когда перестанетъ быть условнымъ, временнымъ соединеніемъ и сдѣлается опредѣленнымъ институтомъ, коллективной личностью, имѣющей свои нравы и свои обязанности, свое единство. Великая трудность задачи не въ томъ состоитъ, чтобы постановить декретомъ, что представители будутъ избираться по профессіямъ и что ихъ приходится столько-то на долю каждой

[1]) См. объ этомъ Benoist, L'organisation du suffrage universel, въ Revue des Deux-Mondes, 1886.

изъ нихъ, а въ томъ, какъ сдѣлать, чтобы каждая корпорація стала моральной индивидуальностью. Иначе, мы только прибавимъ искусственную и внѣшнюю рамку къ тѣмъ, которыя существуютъ и которыя мы хотимъ замѣнить.

Такимъ образомъ монографія о самоубійствѣ захватываетъ область, которая лежитъ за предѣлами того частнаго разряда фактовъ, который она спеціально изучаетъ. Подымаемые ею вопросы совпадаютъ съ самыми важными практическими проблемами современности. Ненормальный ростъ самоубійствъ и общее тяжелое состояніе современныхъ обществъ имѣютъ общія причины. Это небывало огромное число самоубійствъ доказываетъ, что цивилизованныя общества находятся въ состояніи глубокаго преобразованія, и свидѣтельствуетъ о серьезности недуга,—можно даже сказать, что она измѣряется этимъ числомъ. Когда теоретикъ говоритъ объ этихъ страданіяхъ, то можно думать, что онъ преувеличиваетъ или невѣрно объясняетъ ихъ. Но здѣсь, въ статистикѣ самоубійствъ, они какъ бы зарегистровываются сами собой, не оставляя мѣста личной оцѣнкѣ. Нельзя остановить дальнѣйшій упадокъ коллективнаго духа, не ослабивъ коллективную болѣзнь, которой онъ является признакомъ и равнодѣйствующей. Мы показали, что для достиженія этой цѣли нѣтъ надобности ни искусственно возрождать устарѣлыя соціальныя формы, которымъ можно сообщить лишь видимость жизни, ни изобрѣтать совершенно новыя формы, не имѣющія себѣ аналогичныхъ въ исторіи. Но надо разыскать въ прошломъ зародыши новой жизни и ускорить ихъ развитіе.

Мы не могли пытаться въ настоящемъ трудѣ опредѣлить съ большей точностью, въ какой формѣ эти зародыши разовьются въ будущемъ, т. е. какова будетъ въ деталяхъ профессіональная организація, которая намъ нужна. Лишь послѣ спеціальнаго изслѣдованія о корпоративномъ режимѣ и законахъ его эволюціи можно было бы точнѣе формулировать вышеприведенныя заключенія. И не надо преувеличивать интереса, какой представляютъ тѣ слишкомъ по-

дробныя программы, которыя обыкновенно любили составлять политическіе философы. Это фантазіи, слишкомъ удаленныя отъ сложности фактовъ, чтобъ годиться для чего-нибудь на практикѣ. Соціальная дѣйствительность слишкомъ сложна и слишкомъ мало извѣстна, чтобъ можно было предвидѣть подробности. Только прямое соприкосновеніе съ вещами сообщаетъ даннымъ науки недостающую имъ опредѣленность. Разъ установлено, что зло существуетъ, разъ мы знаемъ, въ чемъ оно состоитъ и отъ чего оно зависитъ, знаемъ, слѣдовательно, общій характеръ лекарства и способъ его примѣненія, то надо не планы составлять, которые заранѣе все предвидятъ, а рѣшительно взяться за дѣло.

ПУАНКАРЕ, А. Членъ Французской Академіи Наукъ. **НАУКА и МЕТОДЪ.** Авторизованный переводъ Бориса Кореня, подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. 1910 г. 238 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Введеніе. Ч. I. Ученый и наука: 1) Выборъ фактовъ, 2) Будущее математики, 3) Математическое творчество, 4) Случай. Ч. II. Математическое разсужденіе: 1) Относительность пространства, 2) Математическое опредѣленіе и преподаваніе, 3) Математика и логика, 4) Новыя логики, 5) Послѣднія усилія логистовъ. Ч. III. Новая механика: 1) Механика и радій, 2) Механика и оптика, 3) Новая механика и астрономія. Ч IV. Астрономія: 1) Млечный Путь и теорія газовъ, 2) Французская геодезія. Общее заключеніе.

Изъ рецензій:

„Авторъ—выдающійся аналитикъ, избравшій своей задачей подвергнуть тщательному критическому просмотру наши самыя основныя понятія въ т. наз. „точной" наукѣ. Этой темѣ Пуанкаре посвятилъ уже ранѣе одну свою работу („Наука и Гипотеза"), которая чрезвычайно сочувственно встрѣчена была въ кругахъ нынѣшнихъ ученыхъ-позитивистовъ школы Маха и др. Настоящая книга развиваетъ далѣе воззрѣнія Пуанкаре и обставляетъ ихъ еще новымъ богатствомъ аргументаціи.

„Размышлять о томъ, какимъ образомъ лучше всего внѣдрить новыя понятія въ дѣвственный умъ ребенка, значитъ въ то же время размышлять о томъ, какимъ образомъ эти понятія были пріобрѣтены нашими предками, значитъ, слѣдов., размышлять объ ихъ истинномъ происхожденіи, а это по существу значитъ размышлять объ ихъ истинной природѣ". Изъ этихъ словъ можно видѣть, что характеръ изысканій Пуанкаре можетъ быть опредѣленъ, какъ своего рода введеніе въ научное мышленіе, какъ попытка дать тому, что мы называемъ наукой, точнымъ знаніемъ, истинное освѣщеніе, выяснить его дѣйствительное для насъ значеніе. Педагогика научнаго мышленія явится, такъ сказать, прикладной частью этого анализа". ***„Русскія Вѣдомости".***

„Чрезвычайно интересно выслушать мнѣніе такого крупнаго авторитета, какъ Пуанкаре, по новымъ вопросамъ, задѣвающимъ самыя основы математики и естествовѣдѣнія, по вопросамъ, съ которыми еще очень немногіе успѣли не только освоиться, но и просто познакомиться. Первая половина его книги отведена чистой математикѣ — какъ должно мыслить безконечность: какъ становящуюся или какъ существующую (канторизмъ), взгляды интуистовъ и логистовъ на основныя проблемы математики, пасиграфія (символическій языкъ, созданный Пэано) и т. д. Боюсь, что многое изъ этого отдѣла будетъ не подъ силу среднему читателю; но во всякомъ случаѣ онъ узнаетъ о новѣйшихъ теченіяхъ въ математикѣ и о постановкѣ различныхъ вопросовъ.

Болѣе доступна вторая половина книги, гдѣ идетъ рѣчь о механикѣ, физикѣ, астрономіи, геодезіи. Какъ часто приходится слышать, будто уже произошелъ полный переворотъ въ механикѣ, прежнія положенія опровергнуты, матерія упразднена и замѣнена электронами. Иного мнѣнія держится Пуанкаре. Если бы даже были сдѣланы новыя открытія въ пользу электронной теоріи, говоритъ Пуанкаре, и она дѣйствительно восторжествовала, то все-таки механику слѣдовало бы излагать въ той же системѣ, какъ и теперь, ибо мы имѣемъ дѣло, какъ въ житейской практикѣ, такъ и въ астрономіи, лишь со скоростями до нѣсколькихъ сотъ километровъ въ секунду, а въ этихъ предѣлахъ положенія теперешней механики и электронной сходятся, и разница получается лишь для громадныхъ скоростей въ десятки тысячъ километровъ въ секунду. Но пока еще далеко до упраздненія матеріи, „эти теоріи, говоритъ Пуанкаре, еще не доказаны; для серьезнаго обоснованія ихъ еще многаго недостаетъ; онѣ опираются лишь на довольно важную по своему значенію совокупность вѣроятностей, вслѣдствіе чего къ нимъ и не слѣдуетъ относиться пренебрежительно" (стр. 207). Конечно, новыя теоріи достойны живѣйшаго вниманія, но слѣдуетъ точно знать, что онѣ даютъ и чего не въ состояніи пока сдѣлать.

Книга Пуанкаре не только интересна, она возбуждаетъ мысль. Авторъ ведетъ съ собою читателя на огромныя высоты, откуда открываются необозримые горизонты... ***„Современникъ".*** Апрѣль, 1911 г.

Авторъ этой книги—знаменитый французскій ученый, членъ парижской академіи наукъ.

Пуанкаре въ своемъ сочиненіи разсматриваетъ различные вопросы математики, физики, механики и астрономіи съ точки зрѣнія научной методологіи. Книга богата оригинальными мыслями. Изложеніе чрезвычайно простое, несмотря на трудность и сложность разсматриваемыхъ вопросовъ.

Благодаря интересу затронутыхъ темъ и художественности языка, „Наука и методъ" Пуанкаре читается съ захватывающимъ вниманіемъ.

„Утро Россіи". 1911. 296.

Новѣйшія философскія изданія Н. П. КАРБАСНИКОВА.

АБЕЛЬ РЕЙ. Современная Философія.

Переводъ съ франц. **Д. Л. Вайса**, подъ ред. **В. Базарова.**

1911 г. 256 стр. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Содержаніе: Гл. I. Центральный пунктъ философскихъ разногласій нашего времени. Гл. II. Проблема числа и пространства. Количественныя свойства матеріи. Гл. III. Проблема матеріи. Гл. IV. Проблема жизни. Гл. V. Проблема духа. Гл. VI. Моральная проблема. Гл. VII. Проблема познанія и истины. Гл. VIII. Общее заключеніе: философія опыта.

Изъ рецензій:

Въ этой интересной книгѣ съ нѣсколько громкимъ названіемъ А. Рей разсматриваетъ не всю современную философію въ ея цѣломъ, и даже не всѣ крупнѣйшія философскія теченія современности, а сопоставляетъ между собой позитивную—или, какъ онъ предпочелъ бы выражаться, „сціентискую"—точку зрѣнія съ прагматической. Рей указываетъ на огромное значеніе происходящей теперь философской дискуссіи. Если правъ прагматизмъ, то это обозначаетъ банкротство науки, какъ реальной формы знанія, а, слѣдовательно, и закономѣрность другихъ формъ познанія, въ родѣ мистическаго чувства и т. п. Въ этомъ случаѣ религіозный догматъ и научный принципъ оказываются равноцѣннымъ каждый въ своей области. И даже болѣе того, наука низводится въ низшую плоскость.

Прагматизмъ, утверждаетъ Рей, представляетъ собой реабилитацію религіи, онъ означаетъ метафизическій и моральный догматизмъ, являясь по существу соціальнымъ авторитаризмомъ.

Для „сціентизма" если и нѣтъ неподвижной истины (прагматизмъ, какъ извѣстно, направляетъ свои главные удары противъ теоріи абсолютной, неизмѣнной истины), то есть приближеніе къ ней, и только съ помощью его методовъ и можетъ быть удовлетворенъ умъ. Основной философскій антагонизмъ вообще—это антагонизмъ между духомъ авторитета и духомъ свободнаго изслѣдованія, это борьба партіи традиціи и партіи эмансипаціи. То же самое можно сказать и о теперешней философской дискуссіи.

Такова общая точка зрѣнія, которой руководится Рей при анализѣ пяти основныхъ проблемъ: 1) проблемы числа и протяженія (математика); 2) проблемы матеріи (физика); 3) проблемы жизни (біологія); 4) проблемы духа (психологія) и 5) моральной проблемы.

... Мысль очной ставки между позитивизмомъ и повсюду проникающимъ теперь прагматизмомъ очень удачна. Написанная просто и понятно книга о „Современной философіи" безусловно заслуживаетъ вниманія читателя. Переводъ—хорошій. (П. Юшкевичъ *„Запросы Жизни"*, 1911 г.—6).

... Главная идея автора: идеаломъ знанія и научности является математическое мышленіе; роль философіи сводится къ объединенію данныхъ всѣхъ наукъ и къ построенію новыхъ гипотезъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ, трактующихъ „проблему познанія и истины" и „философію опыта", эта идея получаетъ свою гносеологическую формулировку. Познаніе есть стремленіе, отправляясь отъ воспріятія и всегда себя имъ контролируя, уразумѣть данное, факты. Истина, постепенная цѣпь всякаго познанія, не обрѣтена, а обрѣтается, вырабатывается. Процессъ научнаго познанія, процессъ математизированія, есть постепенный и безконечный переходъ отъ субъективности къ объективности, доступной мышленію человѣка. Абсолютной истины нѣтъ; единственно возможной истиной является истина человѣческая, опытно-данная, экспериментально-эмпирически верифицированная. *„Русскія Вѣдомости"*, 1911 г.

Новѣйшія философскія изданія Н. П. КАРБАСНИКОВА.

ФЕЛИКСЪ ЛЕ-ДАНТЕКЪ.

Познаніе и Сознаніе.

Философія XX вѣка. Переводъ съ французскаго **В. Базарова.**

1911 г. 234 стр. Цѣна **1** руб. **50** коп.

Содержаніе: Книга I. Гл. I. Традиція и методъ измѣреній. Кн. II. Физіологія и психологія. Гл. II. Сознаніе связей. Гл. III. Непрерывность протоплазмы въ пространствѣ и времени. Гл. IV. Представленіе: образы. Гл. V. Образы и подражаніе. Гл. VI. Языкъ измѣренія и языкъ метафизики. Кн. III. Наука и мораль. Гл. VII. Истина научная и истина соціологическая. Гл. VIII. Искусство.

Изъ рецензій:

...Традиція, методъ измѣреній, физіологія, психологія, Айседора Дунканъ, наука, мораль, искусство...

...Книга Ле-Дантека есть показатель времени, показатель того броженія, какое происходитъ въ настоящее время въ области біологіи. Ле-Дантекъ одинъ изъ ищущихъ новыхъ путей... Въ его книгѣ содержится очень важная мысль, на которой слѣдуетъ остановить вниманіе читателя. Это попытка объяснить одну изъ основныхъ проблемъ біологіи — ассимиляцію. Аналогія между резонансомъ и ассимиляціей цѣнная мысль, и было бы жаль, если бы она оказалась погребенной.

„Современникъ“. Апрѣль 1912 г.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Юшкевичъ, П. Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія (очерки и характеристики).

Кутюра, Л. Принципы математики. Переводъ съ франц. Б. Кореня.

Руффини, Ф. Религіозная свобода. Переводъ съ итальянскаго А. Н. Ильинскаго, подъ редакціей проф. В. Н. Сперанскаго.

Лай, В. Методика естествознанія. Перев. съ нѣм. М. А. Косминскаго, подъ ред. М. М. Соловьева.

Цѣна **3** р. **50** к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Т-ВА „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,	МОСКВА,	ВАРШАВА,
Гостиный Дв., № 19.	Моховая, № 24.	Новый Свѣтъ, 69.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Юшкевичъ, П. Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія (очерки и характеристики).

Кутюра, Л. Принципы математики. Переводъ съ франц. Б. Кореня.

Руффини, Ф. Религіозная свобода. Перев. съ итальянскаго А. Н. Ильинскаго, подъ редакціей проф. В. Н. Сперанскаго.

Лай, В. Методика естествознанія. Переводъ съ нѣмецк. М. А. Косминскаго, подъ ред. М. М. Соловьева.